ОРГАНИЗАТОРЫ:

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА (МОСКВА)

ПОДДЕРЖКА И УЧАСТИЕ:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

ПОДДЕРЖКА И УЧАСТИЕ:

ВСЕМИРНЫЙ КЛУБ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

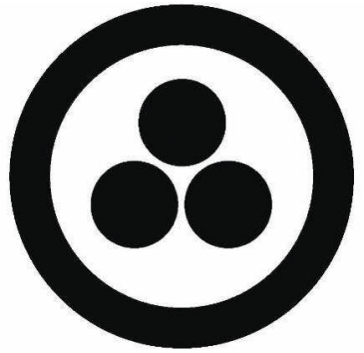
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД СОХРАНЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
«ДЕЛЬФИС» (МОСКВА)

Юрий Николаевич Рерих
Алтай

К 90-летию северного маршрута Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха в Китай, Россию, Казахстан и Монголию, к 110-летию с момента назначения Н. К. Рериха директором Рисовальной школы Императорского общества поощрения художеств

Е. И. Рерих, М. М. Лихтман и Ю. Н. Рерих в селе Верхний Уймон
Август 1926 г. Фото из архива МНР

ШЕСТНАДЦАТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»



90-летие северного маршрута Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха

Санкт-Петербург
2017

ББК 7 д(2)6 Рерихи.431
М43

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов

Редакционная коллегия:
Е. В. Бакалдина, А. А. Бондаренко (председатель), И. А. Бондаренко,
Ю. Ю. Будникова, Д. В. Делюкин, Е. А. Кантор, Т. В. Коренева,
П. И. Крылов (научный редактор), Г. Н. Лукьяненко,
А. К. Мазаева-Каненга (ответственный секретарь), В. Л. Мельников, В. А. Шуршина

Главный редактор
А. А. Бондаренко

Ответственный редактор
В. Л. Мельников

Редакционная коллегия благодарит Даниила Энтина,
Гвидо Трепшу и Дмитрия Попова (Нью-Йорк)
за помощь в подготовке издания и неизменную поддержку

М43 **Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Т. XVI:** 90-летие северного маршрута Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2017. – 480 с.: ил.
ISBN 978-5-288-05790-8

Адрес редакции:
199034, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 18-я линия, д. 1
Тел.: +78123270830; тел./факс: +78123230885; http://www.roerich.spb.ru;
http://www.roerich-heritage.org;
e-mail: ab@roerich.spb.ru; vm@roerich.spb.ru; scs@roerich.spb.ru

© Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Музей-институт семьи Рерихов», 2017
© Международный благотворительный фонд «Рериховское наследие», 2017

ISBN 978-5-288-05790-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

XVI Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие» проходила 7–9 октября 2016 г. в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербургском государственном университете и Государственном музее-институте семьи Рерихов. Конференция была приурочена к 90-летию северного маршрута Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха в Китай, Россию, Казахстан и Монголию, 110-летию с момента назначения Н. К. Рериха директором Рисовальной школы Императорского общества поощрения художеств.

Открывая конференцию, директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов **Алексей Анатольевич Бондаренко** отметил следующее:

«В этом году конференция проводится в расширенном формате, потому что среди традиционных её организаторов – Эрмитажа, Санкт-Петербургского государственного университета, Музея-института семьи Рерихов, Комитета по культуре Петербурга – в организации работы принял участие Государственный музей Востока. Мы очень рады, что в год 90-летия северного маршрута Центральноазиатской экспедиции нам удалось под эгидой Министерства культуры осуществить значительный проект, состоящий из ряда мероприятий. Они прошли не только в Петербурге, но и в Москве, где Рерихи побывали в 1926 г., и этот период почти не исследован. Мы провели ещё два этапа: алтайский и бурятско-монгольский. Эти события станут ключевыми для обсуждения на конференции».

А. А. Бондаренко

В 2016 г. под эгидой Министерства культуры Российской Федерации Санкт-Петербургским государственным музеем-институтом семьи Рерихов совместно с организациями-партнёрами из Москвы, Алтайского края, Республики Алтай, Республики Бурятия и Монголии осуществлялся проект **«Николай Рерих. 1926 год. К 90-летию северного маршрута Центральноазиатской экспедиции»**. Ряд мероприятий конференции «Рериховское наследие» был запланирован и проведён в рамках этого проекта, в том числе круглый стол **«Рерих и Центральная Азия. Предыстория вопроса»**, состоявшийся 15 апреля в Санкт-Петербурге в рамках XVI конференции «Рериховское наследие», и юбилейная секция **«90-летие Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха»**, прошедшая 16–17 августа в рамках XI Международного конгресса монголоведов в Улан-Баторе.

В дни работы конференции в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов действовали юбилейные выставки.

На круглом столе **«Рерих и Центральная Азия. Предыстория вопроса»** обсуждались следующие темы: «Российские миротворческие инициативы конца XIX – начала XX в. и петербургские истоки Пакта Рериха», «Исторический, научный и культурный мост между Востоком и Западом», «Петербургские истоки Центральноазиатской экспедиции Николая Рериха в контексте дружеских отношений России, Казахстана, Китая, Индии и Монголии», «Музейная кооперация и сохранение культурных ценностей в Центральной Азии и России», «Защита и уважение культурных ценностей: вызовы и угрозы», «Стратегия и технологии поиска, возвращения и восполнения утраченных культурных ценностей», «Цели и механизмы актуализации культурных ценностей».

Основные темы конференции в 2016 г.: «90-летие северного маршрута Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха», «Реставрация наследия Рерихов: принципы и проблемы», «Философское наследие Рерихов», «Педагогика и просветительство в контексте наследия семьи Рерихов», «Рериховское наследие и рериховское движение: взаимодействие государства и общества». В ходе обсуждения были затронуты следующие вопросы: «Исторический, научный и культурный мост между Востоком и Западом», «Наследие Центральноазиатской экспедиции Николая Рериха в контексте дружеских отношений России, Казахстана и Монголии», «Педагогическое наследие Рерихов и проблемы современного художественного образования», «Философское наследие семьи Рерихов», «Проблемы и принципы реставрации художественного наследия семьи Рерихов», «Проблемы и перспективы сотрудничества государства и общества в сохранении рериховского наследия», «Актуальность рериховского наследия, формы и опыт его использования в работе государственных и общественных организаций».

Организаторами конференции стали Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов, Государственный Эрмитаж и Государственный музей искусства народов Востока. Конференция проводилась при поддержке и участии Министерства культуры Российской Федерации. Комитета по культуре Санкт-Петербурга, Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие», Всемирного клуба петербуржцев, Благотворительного фонда сохранения и развития культурных ценностей «Дельфис» (Москва).

На конференции выступили 82 человека – представители семи стран, сделавшие 91 доклад, сообщение и приветствие. В конференции приняли участие учёные и общественные деятели Республики Беларусь, Израиля, Литвы, Монголии, Российской Федерации, Соединённых Штатов Америки, Эстонии. Выступили докладчики из Барнаула, Бийска, Боровичей, Вильнюса, Далласа, Миасса, Могилёва, Москвы, Нарвы, Нетании, Новокузнецка (Кемеровской обл.), Новосибирска, Нью-Йорка, с. Обуховка Белгородской области, Санкт-Петербурга, Тарту, Улан-Батора, Улан-Удэ, Энгельса. В целом в работе XVI конференции «Рериховское наследие» приняло участие более 210 человек из разных регионов России и мира.

* * *

Пятнадцатого апреля в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов состоялся круглый стол «Рерихи и Центральная Азия. Предыстория вопроса», посвящённый 81-й годовщине Пакта Рериха, который вели кандидат физико-математических наук **А. А. Бондаренко** и кандидат культурологии **В. Л. Мельников.**

На заседании в числе остальных докладов прозвучали приветствие и сообщение «Культура – ткань сердца» (Skype-трансляция) **Нины Анатольевны Зальцман,** руководителя Израильского общества Живой Этики (Нетания); сообщение **Аниты Хоакиновны Карильо-Аркас,** председателя Организационного комитета Международного движения за учреждение Всемирного Дня культуры (Москва) – «Всемирный День культуры. Развитие государственной культурной политики» (Skype-трансляция); приветствие **Тиграна Константиновича Мкртычева**, доктора искусствоведения, заместителя директора Государственного музея Востока по научной работе (Москва). С приветствием выступил настоятель буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй» (Санкт-Петербург) **Буда Бальжиевич Бадмаев.**

В адрес круглого стола поступило приветствие-поздравление от **Ауксе Нарвилене**, координатора в Литве Международного комитета Знамени Мира при ООН и **Ирены Залецкене**, почётного председателя Литовского общества Рериха:

«Глубокоуважаемые организаторы и участники круглого стола!

Дорогие друзья!

Примите сердечное поздравление из Литвы – Республики Мира!

Значительно, что вы проводите круглый стол 15 апреля, когда во многих странах общественные организации празднуют Всемирный День культуры под Знаменем Мира. В Литве этот день узаконен, и мы его отмечаем на государственном уровне, по всей стране водружая Знамёна Мира, особенно торжественно у Сейма Литвы, организуя множество культурных мероприятий, среди них международные конференции.

В рамках празднования десятого Дня культуры в Сейме 15 апреля проводится Международная конференция "Становится ли культура государственным приоритетом?" – в надежде, что в будущем это исполнится. 16 апреля в помещениях Литовского общества Рериха пройдёт Международный форум этики "Мир через культуру".

Желаем вам и всем нам успеха, сердечного единения в труде, посвящённом Новой Эпохе Мира! Да будет Любовь, Красота и Радость в круге Света!

С уважением».

Седьмого октября 2016 г. в Государственном Эрмитаже, в Зале Совета, состоялось торжественное заседание **«90-летие северного маршрута Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха»**. Заседание вёл кандидат физико-математических наук, директор Музея-института семьи Рерихов, президент Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие» **Алексей Анатольевич Бондаренко**.

В начале заседания для участников конференции прозвучало музыкальное приветствие от коллектива монгольского национального искусства «Нүүдэлчин» («Кочевники»).

Открыл заседание **А. А. Бондаренко**:

«Михаил Борисович Пиотровский находится в срочной командировке, и так получилось, что в этом году он не сможет открыть наше заседание, но просил передать всем участникам нашей конференции от себя как председателя её оргкомитета привет и пожелать успешной работы.

Пребывание Рерихов в 1926 г. в Москве совершенно особенное, и изучение этого небольшого, но крайне интересного и важного периода ещё ждёт исследователей. В этом году Алтайский этап мы начинали в Барнауле, в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтайского края. Я очень рад, что здесь присутствует Игорь Алексеевич Коротков, директор этого музея. Мы работали и в Горном Алтае. И второй этап – это Забайкалье, Бурятия и Монголия. И я хочу передать слово Янжме Бирагийн, директору Дома-музея Рериха в Улан-Баторе – музея совершенно замечательного, созданного нашим дорогим Шагдарыном Бирой».

Директор Музея Рерихов в Улан-Баторе **Янжмаа Бирагийн** поприветствовала участников конференции:

«Здравствуйте, дорогие друзья! Большая честь приветствовать вас в одном из самых красивых городов мира – Петербурге, родине Рерихов. Музей этой семьи, который создан здесь, – наш большой друг.

Столица Монголии, город Улан-Батор, также удостоилась чести принимать в 1926–1927 гг. Центральноазиатскую экспедицию Николая Константиновича Рериха. В 2000 г. мой отец, академик Бира, ученик Юрия Николаевича Рериха, нашёл дом, в котором когда-то была штаб-квартира экспедиции. Наш музей активно развивается, и в 2015 г. вместе с Санкт-Петербургским государственным музеем-институтом семьи Рерихов в Улан-Баторе в нашем музее мы отметили 80-летие Пакта. В апреле этого года мы вместе отмечаем 90-летие Центральноазиатской экспедиции. В рамках Дней Санкт-Петербурга в Улан-Баторе открыли улицу Рериха. В рамках XI Международного монголоведческого конгресса вместе провели 16–17 августа юбилейную секцию, посвящённую 90-летию пребывания Рерихов в Монголии, подписали соглашение о сотрудничестве. Следующий год, 2017-й, тоже очень знаменательный, как вы знаете. Это 115-летие Юрия Николаевича Рериха, 90-летие академика Бира, основателя нашего музея, ну и продолжение 90-летия Центральноазиатской экспедиции. У нас большие совместные планы, которые мы сейчас обговариваем, – создать в Юм-бейсе ступу, выпустить труды отца, провести научную конференцию. Мы очень тесно сотрудничаем с международными и российскими рериховскими обществами – всем им спасибо за сотрудничество, и особую благодарность мы выражаем Санкт-Петербургскому государственному музею-институту, нашему большому другу, и Алексею Бондаренко. В конце я хочу ещё раз, дорогие друзья, поздравить вас с открытием конференции и пожелать плодотворной работы и духовного единения наших двух стран».

Во время выступления Янжмыы Бирагийн было продемонстрировано видеоприветствие от академика **Шагдарына Биры** (Улан-Батор):

«Дорогие коллеги, друзья!

Я очень рад поздравить вас с 90-летием Азиатской экспедиции, которую организовал Николай Рерих с участием своей большой семьи, а также с участием моего учителя Юрия Николаевича Рериха. С тех пор прошло 90 лет. Трудно представить, что в этом маленьком домике в те далёкие годы жил и творил, рисовал и встречался со своими коллегами-монголами руководитель Центральноазиатской экспедиции Николай Рерих. Этот дом довольно старый, трудно сказать, когда основан, – он один из немногих, совсем немногих, построенных в те годы. Но этот дом, хоть и маленький, сыграл большую историческую роль, сохранив память об экспедиции Рерихов. Должен сказать, что мне удалось с помощью моих родных, особенно моей младшей дочери и её семьи, не только сохранить этот домик, но и отреставрировать и привести в порядок то, что сегодня можно назвать музеем семьи Рерихов – отца, сыновей, супруги. Я думаю, что этот музей будет развиваться и дальше, привлекая местных и иностранных посетителей. Да здравствует музей Рерихов в Улан-Баторе!

Позвольте мне поздравить всех, кто участвует в этой конференции, и пожелать дальнейших успехов, гораздо больших успехов, чем сейчас и в прошлом. Я надеюсь, что семья Рерихов будет жить в памяти монголов и русских и других поклонников на веки веков. Спасибо большое!»

Также гостей приветствовала журналист, публицист, общественный деятель, член Союза журналистов России, главный редактор культурно-просветительского журнала «Дельфис», лауреат Международной премии имени Николая Рериха **Наталья Александровна Тоотс** (Москва):

«Мы сейчас все переживаем очень непростое время – время перемен. И я думаю, что результат будет в конце концов прекрасный. Но для этого мы должны идти вместе, объединившись идеей, по тому пути, который мы выбрали. Сегодня Музей-институт семьи Рерихов стал ведущим культурным центром страны в области рериховедения, и это безусловная заслуга музея. Им удалось то, что не удавалось гораздо большим организациям. Произошло ещё одно важное событие – объединение деятельности нескольких музеев. Это, безусловно, Музей Востока, Нью-Йоркский музей Рериха, Монгольский музей, можно включить и другие. И образовалось такое прекрасное музейное содружество, которое гарантирует в дальнейшем очень интересные работы, интересные выставки

Н. А. Тоотс

и вообще потрясающую культурную деятельность, которая принесёт пользу всем странам, участвующим в ней.

И наконец, третье – то, что в связи с этими переменами должны выработаться и прекрасные отношения между общественными организациями и музеями. Именно так, я надеюсь, и будет. В такой гармонии, внимании друг к другу мы достигнем прекрасных результатов. Перед конференцией, на которую мы все собрались, – столько людей, столько прекрасных лиц, – я думала сегодня, что мы уже закладываем основы новых отношений и сотрудничества на новом уровне, которое принесёт всем нам и, естественно, всему человечеству хорошие результаты. Спасибо большое!»

С приветствием выступила председатель Израильского общества Живой Этики **Нина Анатольевна Зальцман** (Нетания):

Н. А. Зальцман

«Здравствуйте, друзья! Огромная честь и благодарность за ваше участие в этой конференции, потому что она собирает друзей по сердцу со всего мира, и, конечно же, мы привезли вам тепло наших сердец, – сердец нашего достаточно многочисленного общества, существующего в Израиле с 1989 г., и, слава Богу, мы живём в дружбе и в радости. И вот эту радость и состояние единения мы хотим передавать и дальше, чтобы это было во всём мире. Вы сами понимаете, насколько горячая у нас точка. Но тот мир, который завещан нам, он должен быть нами сохранён и улучшен. И прекрасно, что сегодня здесь собрались действительно с разных континентов люди, которые думают об этом. В прошлом году мне посчастливилось участвовать в экспедиции, посвящённой 80-летию Пакта Рериха, и побывать в Монголии. И это огромная радость – побывать в том музее, который вы только что видели, познакомиться с академиком Бира, с Янжмой, с их небольшим коллективом. Это и есть магниты, заложенные Рерихами в Центральноазиатской экспедиции, 90-летие которой мы сегодня отмечаем и в которой участвовали многие народы. И этот пример, сегодня возрождённый, должен нам указать дорогу к миру и к единению. В своё время я прочитала, что достаточно семи согласованных сердец на Земле, чтобы мир наступил, и это меня вдохновило.

Всего доброго, спасибо! И хорошей работы нашей конференции».

Далее участников приветствовал заместитель директора по научной работе Государственного музея искусства народов Востока **Тигран Константинович Мкртычев** (Москва):

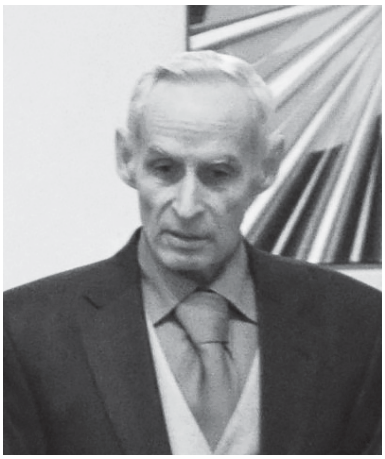
«Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Очень приятно присутствовать на таком представительном собрании рериховской общественности. Я бы хотел присоединиться к словам Натальи Тоотс, что эта конференция приобретает практический смысл, так как во второй половине нашего заседания у нас пройдёт круглый стол, посвящённый реставрации рериховского наследия. Мы объединёнными силами нескольких институций ставим эту проблему как одну из существенных. Мы готовы переходить от разговоров к теоретическим подходам и затем к реставрации – практически подходить к вопросу реставрации художественного наследия Николая Константиновича, Святослава Николаевича и той большой коллекции, которую собрала семья Рерихов. Это научная и практическая цель данной конференции. Очень важно, чтобы государственные организации, которые я представляю, вышли на конструктивный диалог с рериховским сообществом. Это очень важная задача, потому что у нас общее наследие, один предмет для изучения, сохранения и популяризации. И государство со своими ресурсами, и общественность со своей пассионарностью должны объединиться и выйти на новый уровень, когда наследие станет мостом, объединяющим народы.

Большое спасибо. Я думаю, что конференция будет успешной».

Приветствие произнёс главный хранитель Музея Николая Рериха (Нью-Йорк) **Дмитрий Николаевич Попов**:

«Сейчас действительно самое актуальное, за что мы взялись и что нам предстоит развивать – это сотрудничество рериховских музеев, т. е. тех институций, которые хранят, изучают и популяризируют наследие Рерихов. В этом году в Нью-Йорке состоялась первая конференция-встреча представителей рериховского движения. Это был больше форум русскоязычного рериховского движения в Америке, причём представители и организаторы этой конференции у нас присутствуют и сегодня, что удивительно и приятно. И она послужила катализатором для того, чтобы перевести личную дружбу между представителями наших музеев, складывавшуюся много лет, в нечто большее, в нечто оформленное и программное, с определёнными задачами, которые мы на себя взяли. Это в первую очередь большой проект, требующий исследования, – проект сохранения, реставрации, консервации рериховского художественного наследия, в первую очередь Николая Рериха и, конечно, его сына Святослава. Мы поделимся опытом и наметим шаги в ходе этой конференции, на круглом столе. Первый такой круглый стол состоялся уже в Москве полторы недели назад с Тиграном Константиновичем и представителями реставрационных организаций, которые работали с произведениями Николая Рериха в Москве (и об этом нам ещё предстоит поговорить). Любое единение начинается с гармонизации сердец, но обретает плоть и кровь, когда строится на конкретных делах, которые люди начинают совершать, выстраивать. И между нашими музеями наметилось плодотворное движение, когда мы дополняем друг друга, когда каждый уже за прошедшие годы проявил свою сильную сторону в том или ином. Хотелось бы, чтобы это продолжалось и дальше. Спасибо большое вам за внимание!»



О. Н. Чеглаков

Прозвучало слово председателя правления МКПО «Зов к Культуре» (Санкт-Петербург) **Олега Николаевича Чеглакова**:

«Дорогие друзья!

Прямо ощущается, что мы переходим на какой-то другой этап. Сегодня прозвучала такая великолепная идея о единении Востока и Запада. Она звучит такими мощными энергиями с Востока, что вы, наверное, почувствовали это в исполнении монгольских музыкантов. Мы сегодня просто сделали какое-то выдающееся открытие. Я вас всех поздравляю. Ну и себя тоже, конечно. Ну и, конечно, мы должны с вами помнить, что все народы, которые здесь представлены, – выходцы из Центральной Азии. Многие даже не догадываются об этом. Мне приходится сейчас этот вопрос тщательно изучать, и хочу сказать, что все мы наполнены этими энергиями. И может быть, это всё объединяющее начало, исходящее с Востока, дошло до нас в такой степени, что мы действительно ощущаем единство. И не случайно сегодня возникла мысль о единстве – единстве музеев, единстве общественных организаций, единстве в сохранении наследия. Я думаю, что все это почувствуют, и это утвердится на третий день. Мы, наверное, выйдем на какой-то новый уровень. Я даже не знаю, что будет формулироваться, но внутри себя, в своём сознании, я чувствую это. Эти мысли являются богатыми не столько внешне – произнесёнными словами, – сколько своим внутренним наполнением».

Ещё накануне от общества «Зов к Культуре» было прислано приветствие в адрес конференции:

«Дорогие друзья, сотрудники, соратники и все участники конференции! Примите самый горячий и искренний привет в этот прекрасный день!

Конференция проходит в памятные дни, посвящённые Николаю Константиновичу Рериху, а потому и должна быть наполнена особым содержанием. Уверен, что большинство из собравшихся знает и помнит, что памятные дни значительны и знаменательны именно тем, что в такие дни многократно возрастают возможности соединиться с теми великими подвижниками, во имя которых люди и собираются. И эти собравшиеся люди, если не забывают о своей главной цели встречи, то они преумножают в единении свои энергии, ведущие ко всему Высшему. Также хочется напомнить присутствующим, что сам Н. К. Рерих всегда приветствовал конференции, съезды, собрания и встречи. Но он твёрдо знал и утверждал, что они должны стать кульминацией активных действий – подведением итогов и принятием каких-либо важнейших решений, направленных на дальнейшее духовное развитие человечества. Конечно, не

будем отрицать, что конференция – это и радость встречи искренних единомышленников, друзей, идущих по единому пути. Но все такие встречи хороши и замечательны, если они помогают решать главные задачи конференции:

– сохранять огонь любви и преданности тому, во имя кого собрались в этот памятный день;

– находить и принимать самые смелые и дерзновенные пути решения задач, поставленных и заповеданных тем, кому и посвящена конференция;

– навсегда устранить из сознания даже попытки идти на компромисс, осуждённый всеми учителями человечества, а также удобную и комфортную привычку встраиваться под крыло временно существующей системы власти, относительных ценностей и общественного мнения сторонников уходящего мира;

– помнить также, что Н. К. Рерих призывал к объединению именно сторонников Света, а не всех тех, кто пришел ради любопытства или с разрушительными целями и задачами.

В добрый путь, строители новой и светлой жизни, Нового Мира, Мира Культуры и Красоты!

Руководитель общества "Зов к Культуре" О. Н. Чеглаков».

Затем прозвучало приветствие директора КГБУ «Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая» (Барнаул) **Игоря Алексеевича Короткова**:

«Прежде всего, рад приветствовать всех участников конференции, особенно Алексея Анатольевича Бондаренко, который приглашал меня – я бы даже сказал, настойчиво приглашал – на эту конференцию. И всё у нас получилось. Вы знаете, что исторически Барнаул гораздо больше связан с Петербургом, чем с Москвой. Всё-таки Петербург – это столица Российской империи, и алтайский Барнаул в своё время подчинялся ей напрямую, поэтому ваша центральная часть города (я сейчас шёл по Невскому) – это просто наша центральная часть города. Барнаул – это такой просто маленький Васильевский остров с чёткой геометрической линией, поэтому я здесь чувствую себя очень комфортно и гармонично, и очень рад, что кроме исторических и культурных связей ещё есть такая линия, как творчество, жизнь и творчество Николая Константиновича Рериха. Сегодня Алексей Анатольевич уже сказал, что будут дальше сообщения о Центральноазиатской экспедиции, но мне предстоит ещё выступление на третий день, и я более подробно расскажу о нашей деятельности. А сейчас хочу сказать, что убедился, что рериховским наследием занимается очень большая семья, очень разные уважаемые люди. В этом симбиозе действительно плодотворное сотрудничество в рамках взаимодействия как государственных, так и общественных организаций. Это и есть самое плодотворное, что может только быть.

Поэтому рад передать привет с Алтая и надеюсь на плодотворную работу. Всех поздравляю с этим».

* * *

В зале Совета Государственного Эрмитажа состоялась церемония награждения лауреатов Международной премии имени Николая Рериха за 2016 г.

Октябрь традиционно знаменателен для памяти семьи Рерихов. Девятого октября 1874 г. родился Николай Константинович, 23 октября 1904 г. – второй сын Н. К. и Е. И. Рерихов Святослав Николаевич, 5 октября 1955 г. ушла из жизни Елена Ивановна. Стало доброй традицией проводить в октябре торжественную церемонию награждения лауреатов **Международной премии имени Николая Рериха**, учреждённой в канун юбилея нашего города Санкт-Петербургским государственным университетом, Всемирным клубом петербуржцев, Музеем-институтом семьи Рерихов, Санкт-Петербургским художественным училищем им. Н. К. Рериха, Международным благотворительным фондом «Рериховское наследие».

Премия имени Николая Рериха присуждается по номинациям «Художественное творчество», «Педагогика и просветительство», «Сохранение культурных ценностей и миротворчество», «Сохранение рериховского наследия», «Формирование культурного образа России в мире». Среди лауреатов прошлых лет – Валентина Матвиенко, Валерий Гергиев, Энна Романовская, Людмила Вербицкая, Михаил Пиотровский, Владимир Троян, Мстислав Ростропович, Людмила Митусова, Никита Благово, Шагдарын Бира, Х. К. Шри Кеджривал, Урсула Айнштадт, князь Дмитрий Романов, Петр Анофриков, Татьяна Елизаренкова, Юрий Родичев, Елена Петренко, Лариса Фижбин, Татьяна Елизаренкова, Владимир Топоров, Тамара Чижова, Борис Соколов, Даниил Энтин, Роллан Сергиенко, Этти Кагаров, Наталия Тоотс, Евгений Маточкин, Ольга Румянцева, Борис Мессерер, Шалва Амонашвили, Леонид Рошаль, Мансур Мусаев, Александр Кадакин, Эдуард Кочергин, Анатолий Дёма, Пань Икуй, Гунта Рудзите, В. Р. Рыбаков, Ирина Карабулатова, Владимир Аксельрод, Ксения Почтенная, Борис Коваленко, Елена Яковлева, Валерий Брунцев, Николай Харлампиев, Аарон Котляр, Алисия Родригес, Ренита Григорьева, Ирина Бируля и др.

Согласно Положению о Международной премии имени Николая Рериха, она присуждается видным представителям отечественной и мировой культуры и творчески ярким, необязательно знакомым широкой публике художникам, педагогам, научным и творческим работникам, общественным деятелям, вносящим особый вклад в сохранение и развитие творческих традиций, культурных и нравственных основ. Премия присуждается решением Оргкомитета на основании представлений от организаций вне зависимости от национальной, религиозной или социальной принадлежности кандидатов. Стать лауреатом премии можно не более одного раза. Лауреаты премии награждаются памятным дипломом, медалью «Лауреат премии имени Николая Рериха», памятным знаком и денежным призом, сформированным Международным благотворительным фондом «Рериховское наследие» в рамках специальной благотворительной программы на основе пожертвований меценатов и спонсоров.

В 2016 г. церемонию награждения лауреатов вела помощник директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов **Марина Григорьевна Михайлова**. Лауреаты принимали премию из рук первого заместителя пред-

седателя Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга **Александра Николаевича Воронко**, директора Санкт-Петербургского художественного училища им. Н. К. Рериха **Станислава Дмитриевича Иванова,** директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов **Алексея Анатольевича Бондаренко** в присутствии многочисленных гостей и представителей СМИ.

Предваряя фильм-ретроспективу Международной премии имени Николая Рериха, с приветственным словом выступил **Александр Николаевич Воронко**, первый заместитель председателя Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга:

«Добрый день, уважаемые дамы и господа! Разрешите от имени Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга приветствовать вас в этом прекрасном здании на столь значимой для нашего города и, пожалуй, для всей России конференции. Думаю, не мне вам говорить об этой значимости, потому что уже не первый год она проходит и то, какие вопросы на ней обсуждаются, то, какие вопросы, цели и задачи решаются в ходе подготовки к этой конференции и по её итогам, – всё это говорит само за себя. Могу сказать только одно: мы, Комитет по культуре, горды тем, что именно в нашем городе работает такое уникальное, не побоюсь этого слова, учреждение культуры, как Музей-институт семьи Рерихов, в котором, конечно, каждый из вас бывал неоднократно, и та большая научная работа, которую проводит коллектив этого учреждения во главе с Алексеем Анатольевичем Бондаренко, – это, конечно, очень важно для нашего города и для всей России. Поэтому могу абсолютно заверить, что Комитет по культуре будет и в дальнейшем поддерживать этот музей, помогать организовывать, насколько возможно, насколько в наших силах, всю ту работу, которую музей ведёт. Насколько это важно, я убедился на собственном опыте, не так давно побывав в составе делегации, посетившей Монголию, увидев, насколько имя Рериха важно не только в России, но и за её пределами. Потому что одно дело слышать какие-то слухи и отзывы, другое дело видеть своими глазами то, что происходит, принимать непосредственное участие, например, в открытии улицы им. Рериха в Улан-Баторе, – наверное, что-то в душе меняется, по-другому начинаешь относиться и к культурно-историческому наследию России, и к значимости фигуры Николая Константиновича Рериха. Дорогие друзья, я всех поздравляю с первым днём конференции, поздравляю лауреатов этой действительно престижной премии, желаю всем вам удачи, новых научных и творческих успехов. И ещё раз в присутствии Алексея Анатольевича говорю, что Комитет по культуре Санкт-Петербурга всецело будет поддерживать ваши начинания. Спасибо!»

Лауреатом Международной премии имени Николая Рериха 2016 г. в номинации «Художественное творчество» стал **Иосиф Хаймович Капелян** (Израиль, Нетания). Иосиф Капелян – один из основателей и председатель Объединения профессиональных художников Израиля. Родился в 1936 г. в Белоруссии. Окончил Ленинградское художественно-графическое педагогическое училище, Витебский педагогический институт (художественное отделение), Минский театрально-художественный институт (факультет графики). С 1962 г. Иосиф Капелян – член Союза художников СССР.

Работал в станковой и книжной графике в технике линогравюры, офорта и литографии (оформил более 130 книг), а также в жанрах плаката и акварели. С 1980 г. живёт и работает в Израиле. С 1981 г. четверть века жизни художника связаны с работой графиком в Институте археологии Тель-Авивского университета. С 1987 по 2005 г. Иосиф Капелян – в числе основателей и активных участников легендарной деревни художников Са-Нур (дословно «Неси свет») в Самарии. Он автор 36 персональных выставок в СССР, Израиле, России, Украине и других странах. Работы И. Капеляна отмечены многочисленными дипломами, находятся в музейных собраниях и частных коллекциях многих стран мира.

Слово предоставили лауреату Международной премии имени Николая Рериха 2016 г. **И. Х. Капеляну**:

«Дорогие друзья, сотоварищи! Прежде всего, разрешите выразить благодарность комитету по премии имени Рериха за такую высокую награду, отмечающую мой труд. Так как я являюсь членом Израильского общества Живой Этики, созданного более 20 лет назад Евгенией Семеновной Бендерской, ныне нашей ведущей, то я принимаю эту награду также как награду нашей общины, работающей на практическое утверждение дела Владыки. Все моё творчество связано с эзотерикой, теософией, а последние 20 лет – непосредственно с учением Живой Этики. Жизнь мне преподносит подарки. Вот один из них. В далёком 1952 г. из провинциального белорусского городка

И. Х. Капелян

в Ленинград приехал еврейский мальчик учиться искусству. В этом здании Эрмитажа он прослушал цикл лекций по итальянскому Возрождению, а также, как студент художественного училища, получил разрешение и скопировал в залах Эрмитажа маленький пейзаж. Сегодня, 64 года спустя, я, уже художник с опытом, получаю в Эрмитаже высокую награду имени великого и гениального художника Рериха. Нет более высокой цели в жизни, чем трудиться ради утверждения в жизнь учения Рерихов. Ради утверждения высоких идеалов справедливости, добра и красоты. Хочется работать ещё радостнее и с ещё большей отдачей, чтобы иметь право заслуженно называться рериховцем. Свет и цвет победит тьму!»

Л. Я. Боркин

Лауреатом Международной премии имени Николая Рериха 2016 г. в номинации «Педагогика и просветительство» стал **Лев Яковлевич Боркин** (Россия, Санкт-Петербург), кандидат биологических наук, зоолог, эксперт в области эволюционной генетики животных, председатель правления Санкт-Петербургского союза учёных.

Родился 31 августа 1949 г. в Ленинграде.

В 1971 г. окончил биолого-почвенный факультет Ленинградского государственного университета. Был аспирантом Биолого-почвенного института Дальневосточного научного центра АН СССР.

С 1975 г. работает в Зоологическом институте АН СССР (РАН).

Автор 140 научных работ.

В 1989 г. стал инициатором создания, затем сопредседателем Санкт-Петербургского союза учёных. Вице-президент Союза научных обществ России.

В течение многих лет занимается общественной и просветительской деятельностью.

После получения награды слово предоставили лауреату Международной премии имени Николая Рериха 2016 г. **Л. Я. Боркину**:

«Я действительно много лет увлекаюсь даже не интересуюсь – увлекаюсь, жизнью и творчеством семьи Рерихов, её большим многообразным наследием и первый раз публично выступил лет 40 назад на передаче Ленинградского телевидения вместе с писателем Даниилом Граниным. У него есть замечательный военный рассказ «Прекрасная Ута». А у Николая Константиновича есть знаменитая картина «Держательница Мира». И женская фигура – это его жена, как известно, которая стоит на фоне Гималаев, она почти полностью скопирована со скульптуры Наумбургского собора, с той прекрасной Уты, о которой писал Гранин. Так что интересы очень-очень давние у меня. Последние годы среди учёных мы создали Центр гималайских научных

исследований и во многом взяли на вооружение идеологию института «Урусвати». Это замечательное изобретение семьи Рерихов – комплексный исследовательский институт с такими… с базами в приграничных долинах Гималаев. И за последний год провели четыре экспедиции и работали во многих местах, где работали сотрудники этого института, ну и сам Николай Константинович и другие члены его семьи. Поэтому мы имеем такое непосредственно полевое представление. И это очень сильный стимул для изучения… Я сам биолог по образованию, изучаю природу Западных Гималаев и западной части Тибетского нагорья. И в этом институте проводились исследования в области ботаники и зоологии, о чём не так много известно. Все больше указывают, конечно, на гуманитарную деятельность. Всё это очень замечательно, но, на мой взгляд, сейчас ещё большее значение имеет тот страстный призыв к охране культуры, памятников культурного наследия человечества, с которым Николай Константинович выступил ещё в период Второй мировой войны. Мы с вами живём в безумное время, когда каждый день уничтожаются великолепные древности на Ближнем Востоке, и в такой ситуации призыв к охране культуры, Pax Cultura, как здесь написано, имеет первостепенное значение. Примерно лет семь – восемь назад я выступал в Москве на международной конференции и предложил дополнить эти замечательные идеи, которые потом юридически были положены на бумагу известной конвенции ЮНЕСКО. Создание международного трибунала, который бы наказывал тех преступников, которые разрушают великие памятники человечества. Дело в том, что в документах ЮНЕСКО нет наказующей части, там есть только призыв соблюдать некие правила, но нет ответственности за преступления. Как учит тибетский буддизм, всякое явление имеет причину, и каждый поступок тоже имеет своё воздействие. Спасибо!»

Лауреатом Международной премии имени Николая Рериха 2016 г. в номинации «Сохранение культурных ценностей и миротворчество» стал **Ростислав Борисович Рыбаков** (Россия, Москва). Родился 28 марта 1938 г. в Москве. Крупнейший российский индолог, специалист по проблемам истории культуры, межкультурным взаимодействиям, директор Института востоковедения РАН в 1994–2009 гг. Доктор исторических наук. Окончил Институт восточных языков Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1966). Главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, президент Восточного университета, член научного совета при Министре иностранных дел Российской Федерации и член бюро Отделения историко-филологических наук РАН, председатель Научного совета по проблемам востоковедения РАН, председатель Совета координаторов Общества востоковедов РАН, сопредседатель Российско-индийской комиссии по сотрудничеству

Р. Б. Рыбаков

в области общественных наук, почётный председатель международного движения «Диалог Евразии», президент международной ассоциации «Мир через культуру», президент Общества монголоведов Российской Федерации, вице-президент Международного совета по азиатским и североафриканским исследованиям, вице-президент Международной ассоциации монголоведов, специалист в области духовного наследия Индии, автор 200 научных статей и книг, удостоен орденов и медалей Российской Федерации, Абхазии, Индии, Монголии, Таджикистана, лауреат премии Мангалама Бирлы (Индия).

После получения награды с речью выступил лауреат Международной премии имени Николая Рериха 2016 г. **Р. Б. Рыбаков**:

«Я хочу начать со слов благодарности: комитету, всем присутствующим, всем, кто называет, считает себя и действительно является последователем семьи Рерихов. Я хочу выйти за пределы этого зала и сказать большое спасибо городу Петербургу, городу, в котором так красиво уживаются классический Эрмитаж и Музей-институт семьи Рерихов. А Петербургу ещё большое спасибо – многие поймут меня в этом зале, – потому что именно благодаря Петербургу москвичи встречаются друг с другом. В Москве у нас это не получается.

Трудно представить, но на заре моей жизни почти никто не знал имени Рериха. Я попал за границу, бросился в книжные магазины, стал смотреть справочники и только в одной книжке, в воспоминаниях И. Стравинского, я нашёл довольно мерзкое высказывание автора о Николае Константиновиче Рерихе. Прошли десятилетия, и творчество Рериха, идеи Рериха, его предвидение стали известны всему миру, и в первую очередь, конечно, России, Монголии, Индии, но порадуемся, что и Соединённым Штатам, и Израилю, даже Японии. И очень многим странам. Я уже говорил об этом, но повторюсь. На Земле всё время присутствуют или почти всегда присутствуют люди из будущего. Мы их не понимаем, мы просто считаем их обычно странными, чудаками, иногда – ещё хуже. Я не буду касаться Рерихов, но примером такого человека является Махатма Ганди. Махатма Ганди, который сам подметил это и сказал, что сначала вас вообще не замечают, потом над вами смеются, потом с вами борются, а потом вы побеждаете. Эти люди из будущего говорят на том языке, на котором будут говорить наши внуки и правнуки. Они видят мир, который хотят для них. И если нам удаётся услышать этих людей из будущего в наше время, при жизни, это даёт надежду на то, что наши дети, внуки, правнуки будут жить в соответствии с этими идеями: идеями добра, этики и т. д. Я закончу очень, может быть, неподходящей фразой. Нет, сначала подходящая. Мне было безумно приятно посмотреть на фотографии предыдущих лауреатов. Ну, во-первых, это почти как записная книжка своих телефонов, потому что очень много знакомых, в том числе людей, сидящих в этом зале. А потом удивительная подборка, в общем, действительно приятно войти в эту когорту, это достойные люди. Но у нас на дворе 2016-й. Сто лет назад полузабытый сейчас поэт Владимир Владимирович (я имею в виду Маяковского, конечно) сказал страшноватые слова: «В терновом венце революции грядёт шестнадцатый год». Я хочу сказать, что в наше переломное время вот эта награда,

конечно, она – аванс, это понятно, но это почти боевая награда, ибо культура в ещё большей опасности, чем во время жизни людей из будущего 30–40-х годов предыдущего столетия. Спасибо большое ещё раз!»

Премия в номинациях «Сохранение рериховского наследия» и «Формирование культурного образа страны в мире» в 2016 г. не была присуждена.

В завершение церемонии ещё раз всех поздравил **А. А. Бондаренко** и пригласил послушать музыкальный номер. Прозвучало выступление коллектива монгольского национального искусства «Нүүдэлчин» («Кочевники»).

После церемонии лауреаты премии Николая Рериха разных лет и участники конференции «Рериховское наследие» были приглашены на торжественный приём в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов.

* * *

Восьмого октября 2016 г. в Санкт-Петербургском государственном университете состоялось пленарное заседание **«Философское и педагогическое наследие семьи Рерихов»**. Утреннюю часть заседания вели кандидат физико-математических наук, директор Музея-института семьи Рерихов, президент Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие» **Алексей Анатольевич Бондаренко** и доктор исторических наук, профессор, директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета **Абдулла Хамидович Даудов**.

Открыл заседание **Абдулла Хамидович Даудов**, сопредседатель Оргкомитета конференции:

А. Х. Даудов

«Уважаемые коллеги, уважаемые друзья!

Мне очень приятно сегодня быть здесь с вами на таком замечательном мероприятии, на мой взгляд имеющем не просто значение для нас с вами – для специалистов, профессионалов, а огромное общественное значение, я бы сказал общегосударственное даже. Почему? Таланты, на мой взгляд, могут рождаться в любой стране, при любом строе, но чтобы они обрели общечеловеческую ценность – это не так часто. Семья Рерихов – как раз тот случай. Где бы они ни были: в Гималаях, Индии, Соединённых Штатах, в нашем любимом отечестве – они были понятны. Они всегда представляли самый высокий уровень творчества. Я очень удивляюсь, что один человек смог создать 7000 картин, и каждая из них оригинальна. Отличительная особенность творчества

Рериха, на мой взгляд, в том, что ни одна картина не остаётся завершённой. Он всегда оставляет своему зрителю возможность домыслить, додумать в силу своего интеллекта и своих возможностей. Пусть это будут какие-то замечательные сюжеты. Ну, к примеру. «Война облаков» («Небесный бой». – примеч. В. Л.), или «Праотцы человечества», или иные картины, ведь человек по своей сути философ. Картины эти имеют именно такое… Пожалуй, в этом суть, что работы очень понятны. Что удивительно, это целая семья. За что ни брались, так талант. Я был очень удивлён, что сын Юрий родился в Окуловке, в Новгородской области. Как мне пояснили, это было в период экспедиции. Выездной. Где бы они ни были, это действительно был неизгладимый глубокий творческий след, поэтому я в определённой мере завидую тем, кто занимается творчеством этих замечательных людей. Всем вам желаю больших творческих успехов. Спасибо, что пришли. Спасибо, что сотрудничаете с нашим университетом. Спасибо!»

В. В. Монастырский

Во время работы пленарного заседания с приветственной речью выступил вице-президент Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие» **Владислав Валерьевич Монастырский**:

«Дорогие друзья!

Вы все, наверное, хорошо меня знаете. Представлять так подробно не стоило… Можно было и пропустить. Я хотел рассказать в качестве приветствия… Передать поклон вам с Алтайской земли, с Уймонской долины, откуда я буквально неделю назад прибыл. И рассказать о наших делах, потому что год 90-летия экспедиции, посещения Алтая действительно знаковый. В этот год в Уймонской долине открылось очень много новых и интересных культурных мест. Так, 14 апреля открылся центр в нашем селе Чендек. Это организация «Звезды гор» воплотила двадцатипятилетнюю мечту, над которой они работали целую четверть века и воплотили её в реальную жизнь, построив здание и открыв первый в России Музей Знамени Мира. Великолепный и насыщенный год для них, прекрасные экспозиции. И собственно говоря, наше уже 14-летнее строительство перешло в завершающую стадию. Мы, создавая научно-исследовательский институт, который бы руководствовался деятельностью Института «Урусвати» в Гималаях, завершаем строительство первого корпуса. Сейчас внутри отделочные работы, и, думаю, что к концу года всё будет завершено, с начала следующего будет во всеуслышание объявлено о начале работ, а в мае "welcome" всем желающим потрудиться на этой научной ниве. Будут организованы рабочие кабинеты и предоставлены вполне сносные цивилизованные условия для того, чтобы кто-то из рериховцев

мог приехать и в этих благословенных и вдохновенных местах написать научную статью, поработать над научной темой и, что называется, сложить всё в копилку. Так что дела идут, движутся, множатся, и всех присутствующих приглашаем в них участвовать. Спасибо!»

После перерыва вторую часть пленарного заседания вели лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области культуры, искусства и архитектуры, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов **Ю. Ю. Будникова** и научный сотрудник этого музея **Д. В. Делюкин**.

* * *

Утром девятого октября 2016 г. в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов состоялось продолжение пленарного заседания **«Философское и педагогическое наследие семьи Рерихов»**. Заседание вели **А. А. Бондаренко** и кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва) **Алла Михайловна Шустова**.

А. А. Бондаренко зачитал приветствие от кандидата культурологии, заместителя директора Музея-института семьи Рерихов по научной работе, председателя правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие» **Владимира Леонидовича Мельникова**:

В. Л. Мельников

«Дорогие, любимые друзья семьи Рерихов!

Впервые с 1996 г. меня нет с вами среди помощников, сотрудников когда-то малого, а ныне крепкого, могучего рериховского дела в Санкт-Петербурге.

Прошедшие пятнадцать конференций "Рериховское наследие" и ряд других встреч и форумов показали – мы только начинаем понимать, как важно прикасаться к бесценному Источнику Красоты, Мудрости и Вдохновения, который оставила нам великая семья Рерихов.

Своему другу, который возглавляет наше собрание, я посвятил недавно строки, которые могут быть адресованы и всем нам:

Нет нам смысла падать низко –
Красота так высока,
Достижение так близко,
Как седины у виска.

Наше счастье – наше дело,
Будем этим дорожить.
Нужно в песенку сложить,
Что уйти не захотело.

Что осталось, что прощалось,
Что терпело и рвалось –
Всё теперь отозвалось.
И его спасает малость:

Бесконечно близкий Свет
Бесконечно лечит душу,
Если можем его слушать.
Нет нам смысла жечь ответ.

Если можем мы дышать
И молить Владыку Света
Никого вокруг ответа
Дай нам, Боже, не лишать.

Как хотим мы быть собой.
Как летим мы за Тобой.
Как поём мы благодать.
Как зовём себя отдать!»

Было зачитано ещё одно приветствие, поступившее от первого заместителя Министра культуры Российской Федерации **Владимира Владимировича Аристархова:**

«Поздравляю с началом XVI Международной научно-практической конференции "Рериховское наследие", которая традиционно проводится в начале октября. Вот уже много лет её организаторами успешно выступают Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов при участии Всемирного клуба петербуржцев и Международного благотворительного фонада "Рериховское наследие". Конференция приурочена к 90-летию первой Центральноазиатской экспедиции и 110-летию назначения Николая Константиновича Рериха директором Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств. В 2016 г. под эгидой Министерства культуры Музей-институт семьи Рерихов совместно с Государственным музеем Востока реализовал проект к 90-летию северного маршрута Центральноазиатской экспедиции Рерихов. Несомненно, его результаты станут предметом живого и заинтересованного обсуждения. Желаю успехов в проведении конференции, научных подвигов и свершений в деле изучения и популяризации творчества наших великих соотечественников – Рерихов!»

* * *

Днём 9 октября 2016 г. в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов состоялось заседание Общественной секции **«Рериховское наследие и рериховское движение: взаимодействие общества и государства»** с участием представителей музеев и общественных организаций, занимающихся сохранением, изучением и популяризацией наследия семьи Рерихов.

* * *

Культурная программа XVI конференции «Рериховское наследие» продолжалась все дни её работы.

Седьмого октября 2016 г. в начале заседания прозвучал музыкальный номер-приветствие от коллектива монгольского национального искусства «Нүүдэлчин» («Кочевники»). После торжественной церемонии награждения лауреатов Международной премии имени Николая Рериха за 2016 г. в Зале Совета Государственного Эрмитажа гости отправились в Музей-институт семьи Рерихов, где посетили открытие выставки «Человек исследующий. Юрий Рерих» в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов.

Восьмого октября в рамках программы «Вечер у камина в Музее-институте семьи Рерихов» состоялся творческий вечер **Ростислава Борисовича Рыбакова** – российского индолога, доктора исторических наук, директора Института востоковедения РАН в 1994–2009 гг.

Девятого октября проходили экскурсии по новым экспозициям Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

Во время проведения Международной научно-практической конференции «Рериховское наследие» в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов работали выставки: «Человек исследующий. Юрий Рерих»; «Цветы сада Мории», выставка картин Иосифа Капеляна; временная экспозиция, посвящённая Пакту Рериха и культуроохранной деятельности семьи Рерихов. Работали залы постоянной экспозиции.

Вечером 9 октября вниманию публики была представлена презентация Дома-музея Н. К. Рериха в Улан-Баторе (“Roerich Shambhala museum”).

Состоялся концерт «Шамбала идёт» музыкального коллектива из Улан-Батора (Монголия) «Нүүдэлчин» («Кочевники»), исполнителей традиционной монгольской музыки и танца, обладателей Гран-при IV Международного конкурса исполнителей горлового пения. В репертуаре коллектива более 20 сольных и камерных музыкальных номеров, восемь номеров горлового пения, шесть видов монгольского народного танца «бий биелгээ», который считается самым древним народным танцем монголов.

* * *

На заключительном заседании Оргкомитета конференции были утверждены темы следующей, XVII конференции «Рериховское наследие», которая приурочена к 90-летию посещения Монголии, Китая и Тибета Центральноазиатской экспедицией Н. К. Рериха, к 100-летию двух русских революций 1917 г., 75-летию со дня смерти членов семьи Митусовых в блокадном Ленинграде, 75-летию со дня смерти А. И. Клизовского, 125-летию начала археологической деятельности Н. К. Рериха, проведению Года экологии в России.

В настоящем издании воспроизведены избранные доклады и выступления, прозвучавшие на XVI конференции «Рериховское наследие». Отдельные тексты публикуются в редакции 2017 г.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Сопредседатели:

М. Б. Пиотровский, доктор исторических наук, профессор, декан восточного факультета, заведующий кафедрой музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета, директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, действительный член Российской академии художеств, президент Союза музеев России, председатель Оргкомитета Международной премии имени Николая Рериха;

А. Х. Даудов, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Члены Оргкомитета:

Ш. Бира, профессор, академик Монгольской академии наук, историк, культуролог, монголовед, президент Монгольского Рериховского общества, генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения;

Б. В. Базаров, доктор исторических наук, профессор, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии, председатель президиума Бурятского научного центра СО РАН, академик РАН. Член Объединённого учёного совета по гуманитарным наукам СО РАН, президент Общества востоковедов Российской академии наук;

Н. В. Благово, заведующий Музеем истории школы К. И. Мая в Санкт-Петербурге;

А. А. Бондаренко (заместитель председателя Оргкомитета), кандидат физико-математических наук, директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, президент Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

Ю. Ю. Будникова, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по экспозиционно-выставочной и экскурсионно-методической работе;

Л. В. Гармаева, директор Национальной библиотеки Республики Бурятия;

Р. М. Еркинова, директор Национального музея им. А. В. Анохина Республики Алтай;

Н. А. Зальцман, председатель Израильского общества Живой Этики, лауреат Международной премии имени Николая Рериха;

С. Д. Иванов, директор Санкт-Петербургского художественного училища им. Н. К. Рериха;

С. Н. Иконникова, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры;

А. А. Ковалев, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга;

В. Л. Мельников (заместитель председателя Оргкомитета), кандидат культурологии, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по научной работе, председатель правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

Т. К. Мкртычев, доктор искусствоведения, заместитель директора по научной работе Государственного музея искусств народов Востока;

В. Т. Орлова, председатель правления Всемирного клуба петербуржцев;

А. В. Седов, генеральный директор Государственного музея Востока;

И. Л. Тихонов, доктор исторических наук, директор Музея истории Санкт-Петербургского государственного университета;

Н. А. Тоотс, главный редактор культурно-просветительского журнала «Дельфис», лауреат Международной премии имени Николая Рериха;

В. Н. Троян, профессор, доктор физико-математических наук, заместитель председателя Оргкомитета Международной премии имени Николая Рериха;

Н. А. Шодоева, заведующая Краеведческим музеем им. И. В. Шодоева в с. Усть-Кан;

Е. П. Яковлева, доктор искусствоведения, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена;

Б. Янжмаа, директор Дома-музея Рерихов в Улан-Баторе.

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

В. Н. Троян, профессор, заведующий кафедрой геофизики Санкт-Петербургского государственного университета.

Члены Программного комитета:

И. Ю. Александров, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского государственного института культуры;

Н. В. Благово, заведующий Музеем истории школы К. И. Мая в Санкт-Петербурге;

А. А. Бондаренко, кандидат физико-математических наук, директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, президент Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

Ю. Ю. Будникова, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по экспозиционно-выставочной и экскурсионно-методической работе;

Р. М. Еркинова, директор Национального музея им. А. В. Анохина Республики Алтай;

П. И. Крылов, внештатный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов;

Е. П. Медведева, пресс-секретарь Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов;

В. Л. Мельников, кандидат культурологии, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по научной работе, председатель правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

Т. К. Мкртычев, доктор искусствоведения, заместитель директора по научной работе Государственного музея искусств народов Востока;

А. М. Шустова, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН;

Р. К. Щербакова, заместитель директора Национальной библиотеки Республики Бурятия;

Е. П. Яковлева, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея.

I. РЕРИХИ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. ПРЕДЫСТОРИЯ ВОПРОСА

В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург)

Н. К. РЕРИХ О СВОИХ ПЕРВЫХ АЗИАТСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

К сердцу Азии потянуло уже давно,
можно сказать от самых ранних лет
Н. К. Рерих

Вчитаемся в огромный корпус литературного наследия известного петербургского художника, просветителя и общественного деятеля **Николая Константиновича Рериха** (1874–1947). В письмах, статьях, книгах, дневниках, «записных листах художника» на протяжении десятков лет он оставлял упоминания о первых азиатских впечатлениях, о погружении в мир Востока.

В гимназические годы (1883–1892) усилился интерес Николая Рериха к истории и искусству. Зародились и новые увлечения. Юноша принимает участие в любительских спектаклях, создаёт эскизы программ для постановок. На уроках географии чертит и раскрашивает азиатские карты.

Об этих уроках Н. К. Рерих впоследствии вспоминал: «*В гимназии К. И. Мая чертили карты Азии. Жёлтой краской отмечали пески и Гоби. Боком мягкого карандаша наносили хребты Алтая, Тарбагатая, Алтын-Тага, Кунь-Луня… Белили ледники гималайские. <…> К тому же увлекательному миру приводили и уроки географии К. И. Мая. Не только чертились богато расцвеченные карты, но и лепились цветными пластилинами рельефные изображения со всеми так милыми нам горами. Поощрялись большие размеры и новые комбинации запоминаемых раскрасок. По правде говоря, такая внушительность изображения была очень увлекательна. На праздниках устраивались географические шествия, сопровождаемые самодельными стихами. Помню, как А. Бенуа изображал жёлтый Хуан-Хэ, а блондин Калин – голубой Янь-цзы-цзян. Мне досталась Волга*»[1]. Директор Музея истории школы К. И. Мая Н. В. Благово свидетельствует, что это театрализованное выступление оставило неизгладимый след в памяти многих его участников. Немало строк в своих мемуарах посвятили ему А. Н. Бенуа, И. В. Петрашень, Д. П. Семёнов.

Опытный педагог **Карл Иванович Май** (1820–1895), рассказывая на уроках географии о дальних землях и отважных землепроходцах, пробуждал интерес к путешествиям, а частые гости в доме Рерихов – востоковеды К. Ф. Голстунский и А. М. Позднеев – приковывали внимание мальчика к странам Востока.

Сохранились рукописи первых литературных опытов юного Рериха на темы Востока. В его «Сборник стихотворений 1887–1888 гг.» вошли поэтические описания

битв западных и русских войск с сарацинскими и ордынскими ратниками, очевидно, почерпнутые юношей из «Песни о Роланде» и «Слова о полку Игореве»[2]. К концу 1880-х – началу 1890-х годов относятся его записки о казаках, в которых он справедливо обратил внимание на то, что «*казаки и татары имели много общих черт характера, и в их войнах главною задачею было не истребление друг друга, а только обоюдный грабёж*»[3], а также текст о чеченцах, демонстрирующий уже свободные от учительской опеки размышления о нравах этого кавказского племени: «*Гость для чеченца священен, будь он хотя* [*бы*] *из враждебного племени, но раз он пришёл к его очагу и попросил себе смиренно приюта, чеченец умывает гостю ноги, сажает его на почётное место и, угостив самыми лучшими винами и кушаньями, оставляет его ночевать, уступая ему обыкновенно свою собственную постель, и на утро провожает его с благословеньями в дорогу; но когда гость ушёл из-под его кровли, чеченец не отвечает за себя, что он на следующий же день при встрече с этим же гостем в горах не снесёт ему головы ударом своей шашки*»[4].

Прошло ещё несколько лет, и самыми обычными каналами – через самообразование и из университетских и академических занятий – подходило к Николаю Константиновичу все пробуждающее его высокую духовность, и самым «естественным», а не «сверхъестественным» путём пришли первые сведения, первые мысли о Востоке: «*Мне весьма любопытно, было ли на русское искусство два влияния: византийское и западное или ещё было и непосредственно восточное. Кое-где нахожу смутные указания на это*». Эта запись сделана в его дневнике 21 февраля 1895 г.[5]

К Востоку устремляли его мысли и старшие товарищи, о которых он вспоминал спустя годы с благодарностью. О **Владимире Сергеевиче Соловьеве** (1853–1900) у него остались «*душевные воспоминания*» (о чём он писал И. Э. Грабарю 28 апреля 1947 г.). Знаменитому русскому философу, богослову, поэту, публицисту и литературному критику очень понравилась одна из первых, увы, не сохранившихся картин Н. К. Рериха **«Световитовы кони»** (или **«Кони Световита»**). Н. К. Рерих заметил: «*О Кукуноре он, пожалуй, первый говорил. Чуял связь Руси с Востоком. Мы – азиаты!*»[6]

В другом тексте это воспоминание Николай Константинович дополнил упоминанием о ещё одном наставнике, известном музыкальном и художественном критике **Владимире Васильевиче Стасове** (1824–1906): «*Слушая о моих картинных планах, Владимир Соловьев теребил свою длинную бороду и повторял: "А ведь это Восток, великий Восток". А Стасов усмехался в свою еще более длинную седую бороду и приговаривал: "Как же не Восток, если и язык-то так близок к санскриту"*»[7].

Как справедливо замечает в своём последнем исследовании искусствовед Л. В. Короткина[8], знакомство с В. В. Стасовым, произошедшее в 1895 г., имело большое значение для формирования творческого лица Н. К. Рериха. В это время художник погрузился в мир славянского язычества и одновременно заинтересовался культурой Древней Индии. В. В. Стасов укрепил его тяготение к культуре Индии, занявшей в будущем большое место в творческой и жизненной судьбе Н. К. Рериха.

В. В. Стасов более известен в наше время как идеолог передвижничества, художественный и музыкальный критик. Однако необходимо помнить, что он прежде всего был крупным специалистом в области древней литературы стран Востока. Ещё

Н. К. Рерих. Гонец. «Восста род на род». 1897. Копию рамы выполнил В. А. Козар (Киев). Воспроизводится по изд.: Петербургский Рериховский сборник / Акад. гимназия С.-Петерб. ун-та; Мемориальное собрание С. С. Митусова в С.-Петербурге. СПб., 1998.

в 1868 г. В. В. Стасов поместил в нескольких выпусках «Вестника Европы» глубокое исследование «Происхождение русских былин», где рассматривал сказания народов Индии и Древней Руси, выявляя у них общие черты.

Идеи В. В. Стасова получили художественное воплощение в ряде масштабных полотен Н. К. Рериха раннего периода, таких как **«Гонец. “Восста род на род”»** (1897), **«Сходятся старцы»** (1898) и **«Поход»** (1899). В них молодой художник стремился передать историческое настроение, для чего даже решил изготовить рамы для этих крупных картин особым образом, украсив их подлинными археологическими предметами или древними орнаментами. Подробные советы относительно рамы, вероятно, к «Гонцу» Владимир Васильевич послал Н. К. Рериху в личном письме 31 июля 1897 г.: «Известные русские орнаменты (по рукописям) не идут раньше XI века; а Вам надо бы раньше. Значит, либо Вам надо брать (для дерева), либо конские двойные, либо одиночные головы… – на коньках изб деревенских (это есть изображения солнца, света – пожалуй, вообще “божества”, доброжелательства, отвращение зла), либо есть резьба на дереве, которую мы встречаем на скалках (которыми бьют белье при мытье), розетки на мачтах судов… (тоже – “солнце” и “отвращение зла”), хоть, наконец, “плетешки ременные”, которыми наполнены рисунки всех древнейших наших рукописей (здесь тайный смысл – колдовство, заговоры). Наконец, вышивки красной ниткой на полотенцах. Лучше и достовернее Вы ничего не найдёте. Укажите, что Вы

из всего этого пожелаете выбрать, я срисую или дам кому-нибудь срисовать, и тотчас пошлю Вам. Но несколько лет тому назад Ропет нарисовал Репину для "древнеславянской рамы" длинные полосы пожирающих друг друга драконов, чудовищ, зверей, и это было придумано очень хорошо и верно! Не сделаете ли и Вы то же самое? Будет верно! Или послать Вам образец такого рисунка, ещё чисто азиатского, из седой древности? Из рисунков полотенец прекрасно было бы сделать жертвоприносящих баб, в самой древней форме, с веточками в руках, например платье клетчатое, как у малоазиатов ещё архаического времени или у наших малороссийских плахт»[9]. Таким образом, благодаря В. В. Стасову, художественная стилистика Востока проникала в творческий мир Н. К. Рериха уже в самый ранний период.

Навеянная сюжетом из летописной «Повести временных лет» картина **«Гонец. "Восста род на род"»** (1897) стала дипломной работой на звание художника в Петербургской Академии художеств. Произведение заслужило благожелательный отзыв Л. Н. Толстого. В «Каталоге выставки конкурентов при Императорской Академии художеств»[10] оригинальное полотно (куплено с выставки П. М. Третьяковым и с тех пор украшает экспозицию ГТГ) представлено так: «39. Славяне и варяги (Новгородские мотивы времени начала Руси: I. Городище. Гонец: восстал род на род)».

Ещё одним «восточным» источником вдохновения для раннего Рериха, несомненно, была «Выставка предметов, привезенных Великим князем Государем Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем из путешествия Его Императорского Высочества на Восток в 1890–1891 гг.», устроенная в петербургском Зимнем дворце в 1893 г. В указанные годы наследник российского престола, будущий император Николай II совершил путешествие по странам Востока на яхте «Память Азова». Путь шёл из Греции и Египта в Индию. Посетив ряд индийских городов, в том числе Мадрас, Калькутту, Бенарес, и остров Цейлон, путешественники направились в Сингапур, Бангкок и Японию. Наследника сопровождал востоковед, дипломат, коллекционер **князь Эспер Эсперович Ухтомский** (1861–1921). Во время путешествия им была собрана большая коллекция произведений искусства, отражающего религиозные верования народов Индии и других стран Востока. В 1893 г. в залах Зимнего дворца он представил собранные артефакты, среди которых была и «Драгоценность Чиндамани». Вот её описание из третьего тома монографии Э. Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича: 1890–1891», изданного в Лейпциге в 1897 г.: «В месте, где бывает драгоценность Чиндамани, не бывает болезни и безвременной смерти: она исполняет всякое пожелание и своим видом служит к развлечению Всемирного Царя; "Морин-Ирдыни" – драгоценная лошадь, на спине которой водружена драгоценность Чиндамани. Она обладает способностью избавить всякого едущего на ней от всевозможных страхов, быстра как ветер и скоро пробегает громадные пространства. Происхождение этих предметов восходит к глубокой древности» (с. XXVIII–XXIX). В книге также помещены среди фотографий статуэток различных божеств фигуры Авалокитешвары, «хранителя от Зла», и Майдари, о котором говорится: «Так называют монголы древнеиндийского Майтрейю, своего рода Мессию, который придёт обновить мир, погрязший во грехе» (с. XIII, XIX, XXIV). Всё это сюжеты будущих картин Н. К. Рериха 1920–1930-х годов,

ставших всемирно известными благодаря головокружительным продажам на недавних аукционах “Christie’s” и “Sotheby’s”.

Трудно себе представить, что Н. К. Рерих, интересовавшийся с юных лет культурой Востока, не посетил выставку в Зимнем дворце и не ознакомился с каталогом и сопровождавшими выставку изданиями, включая книгу немецкого индолога **Альберта Грюнведеля** (1856–1935) о мифологии буддизма (1900).

Э. Э. Ухтомский рассказывал на страницах своего «Путешествия», с каким радушием и почтением была принимаема высочайшая делегация. Любопытен и тот факт, что участники экспедиции обладали отнюдь не поверхностными знаниями о посещаемых ими странах. Они старались глубже изучить особенности национальной культуры. Так, в программу пребывания царской делегации вошло не только посещение древнебуддийских памятников и многочисленных святынь, но и осмотр богатейших коллекций из музейных собраний.

Э. Э. Ухтомский был сторонником развития российской восточной политики. Будучи близким к императорской семье, он старался убедить цесаревича Николая Александровича, что будущее России связано с Азией. Именно ему принадлежит высказывание в печати: «Между Западной Европой и азиатскими народами лежит огромная пропасть, а между русскими и азиатами такой пропасти не существует»[11]. Также он писал: «Там за Алтаем и Памиром та же неоглядная, не исследованная никакими исследователями ещё допетровская Русь с её непочатой шириной предания и неиссякаемой любовью к чудесному, с её смиреной покорностью посылаемым за греховность стихийным и прочим бедствиям, с отпечатком строгого величия на всём духовном облике». Э. Э. Ухтомский замечал, что «для Всероссийской державы нет другого исхода: или стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно пойти на пути падения, потому что Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробуждённые азиатские народы будут ещё опаснее, чем западные иноплеменники». Воистину пророческая мысль! И эти идеи нашли в лице Н. К. Рериха своего последовательного проводника. Соотносимая с упомянутым выше «сокровищем-камнем», помещённом художником на полотне «Сокровище Ангелов» (1905), «драгоценность Чиндамани» обращает нас к древнейшим обменам Запада и Востока, уже в ранний период волновавшим художественное воображение Н. К. Рериха.

Среди студенческих документов и материалов художника также хранятся страницы, озаглавленные им так: «*Выписка для моей книги “О персах и их религии” из труда Е. П. Блаватской “Из пещер и дебрей Индии”*»[12]. Отдельными изданиями книга Е. П. Блаватской выходила в 1879 и 1883 гг. в Москве и 1893 г. в Петербурге. Очевидно, именно последнее издание вскоре после выхода попало в руки Николая Константиновича.

«От самого детства наметилась связь с Индией, – вспоминал художник в 1937 г. – *Наше имение “Извара” было признано Тагором как слово санскритское. По соседству от нас во времена екатерининские жил какой-то индусский раджа и до последнего времени оставались следы могольского парка. Была у нас старая картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая моё внимание. Только впоследствии из книги Брайана Ходсона я узнал, что это была знаменитая*

Канченденга. Дядя Елены Ивановны [Рерих] в середине прошлого столетия отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутанском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нём не слыхали. Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии. "Девассари", "Лакшми" (в "Весах"), "Индийский путь" (по поводу поездки Голубева), "Граница царства", "Кришна", "Сны Индии" – всё это было написано ещё до поездки в Индию, так же как "Гайатри" и "Города пустынные"»[13].

Следующее высказывание художника взято из его «листа дневника» «Азия». В этом тексте Николай Константинович вспоминает о первых «зовах» в Монголию: «*Имена Пржевальского и Потанина уже давно стали несказанными магнитами. Весь эпос монгольский, уже не говоря о сокровищах Индии, всегда привлекал. Русь в древнейшие времена уже внимательно слушала сказания мудрых восточных гостей. Сношения с Востоком были гораздо глубже, нежели западники старались это представить. Уже говоря о восточной сущности Византии и обо всех сокровищах восточнорусских, даже в изобразительных искусствах Европы с давних времён можно находить прямые влияния азиатские. Сердце Азии является как бы и сердцем мира, ибо откуда же шли все учения и вся мыслительная мудрость? Поищем внимательно и найдём ко многому истоки всё-таки в Азии. Даже североамериканские индейцы разве не являются азийскими аборигенами?*»[14]

В семье Рерихов сама судьба складывала особые сношения с Азией. Как указывает Н. К. Рерих, «*постоянно появлялись друзья, которые или служили в Азии, или вообще изучали её*». И далее: «*Профессора Восточного факультета бывали у нас. Из Сибири приезжали томские профессора и все толковали об азийских глубинах и усиленно звали не терять времени и так или иначе приобщаться к азийским просторам. Каждая памятка из Азии была чем-то особенно душевным от ранних лет и на всю жизнь*»[15].

В «листе дневника» «Университет»Н. К. Рерих упомянул своего дядю, известного врача-терапевта Александра Павловича Коркунова (1856–1913), многие годы отдавшего медицинскому факультету Томского университета: «*Дома у нас бывали Менделеев, Советов, восточники Голстунский и Позднеев. Закладывался интерес к Востоку. А с другой стороны, через дядю Коркунова, шли вести из медицинского мира. Звал меня в Сибирь, на Алтай. Слышались зовы к далям и вершинам – Белуха, Хан-Тенгри!*»[16]

В 1898 г. произошло важное событие в жизни художника – знакомство с ещё одним доктором, **Константином Николаевичем Рябининым** (1877–1953), изучавшим тибетскую медицину. В 1928 г. К. Н. Рябинин вспоминал: «Впервые с Н. К. Рерихом мы встретились в 1898 году. В то время Николай Константинович, уже известный художник, учёный-археолог и администратор, жил в том же столичном городе мирового значения, где и я. Общность интересов по изучению трудных и малодоступных для понимания широкими массами областей человеческого духа сблизили нас <…> Помню, в то время мы много беседовали о великих достижениях духа в Индии, об Учителях Востока, глубина мыслей и учения которых свидетельствовали о величайших познаниях духа, собранных и хранящихся в тайниках отдельных центров посвящения, главным образом в Гималайском братстве, существующем, по преданию, с давних времён. Последний центр был для нас всегда источником непреложного познания

и истины. Пути туда мы полагали тогда проложить через Индию». Впоследствии, в 1926–1928 гг., доктор К. Н. Рябинин участвовал в Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха, вёл подробный дневник этого беспримерного путешествия, ставшего суровым испытанием для его участников. 15 ноября 1927 г. он записал замечательное изречение из восточного сказания: «Чернила учёного так же священны, как кровь мученика». И добавил: «Так смотрят на Востоке на ценность знания!»

Кроме трудов Е. П. Блаватской, К. Ф. Голстунского, В. В. Голубева, И. П. Минаева, С. Ф. Ольденбурга, Э. Ю. Петри, А. М. Позднеева, Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского, Э. Э. Ухтомского и Ф. И. Щербатского, огромное значение на формирование восточных устремлений молодого Рериха имело знакомство с памятниками древней и современной восточной литературы. Он вспоминал: «*Переводы Жуковского "Наль и Дамаянти", "Бог и баядера", Бальмонта – "Асвагоша", "Сакунтала", Балтрушайтиса – "Бхагават Гита" и "Гитанджали" Тагора, "Садхана" и другие произведения поэта широко читались в русских просторах. <…> По Руси восторженно читалось "Провозвестие Рамакришны" и пламенные книги Вивекананды*»[17]. Также Н. К. Рерих читал книгу известного немецко-английского филолога, индолога и мифолога **Фридриха Макса Мюллера** (1823–1900) «Шесть систем индийской философии», опубликованную в русском переводе в 1901 г. Уже в России он осознал глубокое сходство между санскритом и русским, литовским, латышским языками, родство корней народов России и Востока, и в этом ему помогло творчество великого индийца **Рабиндраната Тагора** (1861–1941), с которым в 1920 г. он лично встретился в Лондоне и в дальнейшем много лет переписывался. Радостным событием стал выход в свет в 1914 г. сборника стихов поэта «Гитанджали» («Жертвенные песни»). «*Как радуга засияла от этих напевов <…> "Гитанджали" явилось целым откровением*», – признавался художник. И далее: «*Исконная любовь к мудрости Востока нашла своё претворение и трогательное звучание в убеждающих словах поэта*»[18].

Таким образом, именно в России из книг, рукописей и личного общения с видными востоковедами и путешественниками Н. К. Рерих впервые узнал о тех легендарных героях, которые в дальнейшем стали персонажами его картин. Как верно заметила Л. В. Короткина, «духовные устремления Рериха развивались таким образом, что постепенно мечта о странах Азии стала неотъемлемой частью его внутреннего мира»[19].

Не случайно уже в «русский» период жизни художника поэт и художественный критик **Андрей Белый** (1880–1934) называл Николая Рериха «специалистом по Востоку»[20]. Также вполне закономерным было приглашение Н. К. Рериха в авторитетный, академический по своему составу комитет по строительству Буддийского храма в Петербурге (1909–1915, архитектор Г. В. Барановский).

Какие же представления о восточных началах русского искусства выражал Н. К. Рерих в расцвете своей деятельности в России? Почему ещё до 1917 г. современники почитали его экспертом по Востоку и проводником всего азиатского в российской культуре?

Прямые ответы на эти вопросы дают, во-первых, художественные произведения мастера, во-вторых, научная и собирательская деятельность Н. К. Рериха, включающая его занятия археологией и этнографией, путешествия в 1892–1917 гг. по Рус-

скому Северу, Центральной России, Поволжью и Кавказу и, в-третьих, его рукописи и выступления в печати тех лет.

С конца XIX в. Николай Константинович ратовал за признание художественного значения исконно русской старины. Совершив со своей женой, **Еленой Ивановной Рерих** (1879–1955), в 1903–1904 гг. историко-художественные поездки «за стариной» он писал: «*За последнее время к нам попадает много японского искусства, – этого давнего достояния западных художников, и многим начинают нравиться гениальные творения японцев с их живейшим рисунком и движениями, с их несравненными бархатными тонами. Может быть, через посредство искусства Востока взглянем мы иначе на многое наше, посмотрим не взглядом археолога, а тёплым взглядом любви и восторга. Почти для всего у нас фатальная дорога «через заграницу», может быть, и здесь не миновать общей судьбы*»[21].

Выступая 2 ноября 1905 г. в Императорском Санкт-Петербургском обществе архитекторов с лекцией «Из прошлой и настоящей жизни русского искусства», Н. К. Рерих говорил о плачевном положении многих отечественных памятников: «*Слишком мало можно указать отрадного. Можно, конечно, говорить и об ужасах, если бы это к чему-нибудь вело, если бы кто-нибудь в силу таких соображений возревновал о памятниках, и не казённым постановлением, а могучим призывом к общественному мнению, которое одно только и может охранить наши святыни. Но ничего подобного не слышно. По-прежнему стыдно подумать и о Западе, и о Востоке. Старина в Германии и в других странах – в чём сравнится она с нашим сплошным несчастьем!*»

В статье «Марес и Бёклин» художник впервые подчеркнул тождественность («инвариантность») наивысших художественных достижений Запада и Востока: «*Сколько признанного, сколько излюблённого придётся отодвинуть, чтобы строить Пантеон красоты многих веков и народов. <…> Велики примеры Востока; трогательны прозрения примитивов; поразительны светлые дерзновения импрессионистов. Длинная нить – далёкая от фальшивого, близорукого "реализма", чуждая всякой пошлой мысли. Этими путями идём вперёд; обновляемся к чутью краски-тона; очищаем наше понимание слова "живопись"*»[22].

Вспоминая петербургские встречи с поэтом **Александром Александровичем Блоком** (1880–1921) и художником **Михаилом Васильевичем Врубелем** (1956–1910), Николай Константинович объединил их в своей памяти близким отношением к Востоку: «*Предвидение, выраженное в образах, свойственных лишь Блоку, своеобразно сказывалось во всех его речах. Он знал, что мы азиаты, и мудро претворял это утверждение. К Азии, или, лучше сказать, к Востоку, тянулся и Врубель. Он понимал и Византию, но именно ту Византию, в которой отобразился истинный Восток. Даже и в последних своих вещах, например в "Раковине", Врубель был знатоком Востока, ведь этим путём могли мыслить иранские, индийские и китайские мастера*»[23].

Совершив с супругой в 1907 г. путешествие по Финляндии, Н. К. Рерих записал: «*"Скандинавский вопрос" <…> – один из самых красивых среди задач историко-художественных. По глубине сравниться с ним может только вопрос о восточных движениях. Таинственны люди, бесконечною силой своей пронизавшие самые древние страны, напитавшие их сильною культурою своею. <…> Прежде всего, нужно условиться в од-*

ном: в очень раннем движении скандинавов на Восток, гораздо более значительном, нежели обратное движение новгородцев»[24].

Квинтэссенцией взглядов Н. К. Рериха на восточные начала русского искусства является его программная статья «Радость искусству». Приведём фрагменты, посвящённые Востоку:

«Прекрасные заветы великих итальянцев в чисто декоративной перифразе слышатся в работе русских артелей; татарщина внесла в русскую кисть капризность Востока. Горестно, когда многие следы старого творчества поновляются не по драгоценным преданиям. <…>

Из татарщины, как из эпохи ненавистной, время истребило целые страницы прекрасных и тонких украшений Востока, которые внесли на Русь монголы.

О татарщине остались воспоминания только как о каких-то мрачных погромах. Забывается, что таинственная колыбель Азии вскормила этих диковинных людей и повила их богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. В блеске татарских мечей Русь вновь слушала сказку о чудесах, которые когда-то знали хитрые арабские гости Великого пути в греки.

Монгольские летописи, повести иностранных посольств толкуют о непостижимом смешении суровости и утончённости у великих кочевников. Повести знают, как ханы собирали к ставке своей лучших художников и мастеров.

Кроме установленной всеми учебниками, может быть иная точка зрения на сущность татар. Вспоминая их презрение к побеждённому, к не сумевшему отстоять себя, не покажутся ли символическими многие поступки кочевников? Пир на телах русских князей, высокомерие к вестникам и устрашающие казни взятых в плен? Разве князья своею разъединённостью, взаимными обидами и наговорами или позорным смирением не давали татарам лучших поводов к высокомерию? Если татары наконец научили князей упорству, стойкости и объединённости, то они же оставили им татарские признаки власти – шапки и пояса, и внесли в обиход Руси сокровища ковров, вышивок и всяких украшений. Не замечая, взяли татары древнейшие культуры Азии и так же невольно, полные презрения ко всему побеждённому, разнесли их по русской равнине.

Не забудем, что кроме песни о татарском полоне может быть ещё совсем иная песнь: “Мы, татары, идём”.

Из времен смутных одиноко стоят остатки Суздаля, Владимира и сказочный храм Юрьева-Польского. Не русские руки трудились над этими храмами. Может быть, аланы Андрея Боголюбского?

Если мы боимся вспоминать о татарском огне, то ещё хуже вспоминать, что усобицы князей ещё раньше нарушили обаяния великих созданий Ярослава и Владимира. Русские тараны также били по белым вежам и стенам, которые прежде светились, по словам летописи, “как сыр”. И раньше татар начали пустеть триста церквей Киева. <…>

От жизни осталась одна пыль, от целой грозной кольчуги остался комок железа – из него трудно развернуть всю прежнюю её величину, и незнающему трудно поверить, что найден не скучный археологический хлам, а частица бывшей, подлинной

прелести. Всему народу пора начать понимать, что искусство не только там было, где оно ясно всем: пора верить, что гораздо большее искусство сейчас скрыто от нас временем. И многое – будто скучное – озарится тогда радостью проникновений, и зритель сделается творцом. В этом – прелесть прошлого и будущего. И человеку, не умеющему понимать прошлое, нельзя мыслить о будущем. <…>

Чужда ли искусству животнообразная финская фантасмагория? Чужды ли для художественных толкований формы, зачарованные Востоком? Отвратительны ли в первых руках скифов переделки античного мира? Полно, только ли грубые золотые украшения у полуизвестных сибирских кочевников?

Эти находки не только близки искусству, но мы завидуем ясности мысли обобщения исчезнувших народов. Твёрдо и искусно укладывались великие для них символы в бесчисленные варианты вещей. Даже безжалостный спутник металла – штамп – не мог погубить врожденных исканий искусства. В таинственной паутине веков бронзы и меди опасливо разбираемся мы. Каждый день приносит новые выводы, каждое приближение к этой груде даёт новую букву жизни. Целый ряд блестящих шествий! Перед глазами ещё сверкает Византия золотом и изумрудом тканей, эмалей, но внимание уже отвлечено.

Мимо нас проходят пёстрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественные арийцы. Оставляют потухшие очаги неведомые прохожие… Сколько их! Из их даров складывается синтез действительного неонационализма искусства. К нему теперь обратится многое молодое. В этих проникновениях – залог здорового, сильного потомства. Если вместо притупленного национального течения суждено сложиться обаятельному "неонационализму", то краеугольным его сокровищем будет великая древность, – вернее: правда и красота великой древности»[25].

Таким образом, результатом «ориентализма» Н. К. Рериха в его «русский» период жизни явилось понимание России как культурного пространства («моста») между Западом и Востоком, заполненного лучшими образцами прошлых эпох. При этом будущее России и её особую миссию в истории человечества он видел в расширении этого культурного пространства до всемирного при помощи синтетического неонационализма искусства.

Это же понимание вынес из прочтения текстов Н. К. Рериха критик А. И. Гидони: «…в его статьях надлежит отметить… ясное ощущение Великого Пути, пролегающего по России, – между великими культурами Запада и Востока. <…> Если верить художнику, Русь вбирает в себя всю красоту мира, сказки всех народов»[26].

Наконец, в поисках общего источника человеческой культуры и, как следствие, истоков искусства в своих размышлениях художник «проходит» тему Востока и устремляется в то легендарное время, когда мир был един и не разделялся на Восток, Запад, Юг и Север. Для Н. К. Рериха – это доистория, прежде всего неолит и палеолит: «*…штампование жизни кончается. Национальность кончается. Условности политической экономии кончаются. Кончается толпа. Не кончается искусство. Выступает какой-то новый человек. Значит, мы подошли к векам камня*»[27].

Применительно к России эта идея была высказана им впервые в начале XX в. в черновиках лекции об искусстве каменного века: «*Каждому представляется, что в теме о началах русского искусства прежде всего придётся услышать о глубоком Востоке, Индии, Монголии, Китае. Но на этот раз прошу простить, если должен увлечь слушателей на иной путь, к древнейшему иероглифу жизни*»[28].

Художник искал и находил в древних артефактах стимул не только для собственного творчества или научного собирательства, но и для общественной деятельности по сохранению памятников культуры. В результате его многолетней работы на этом поприще появился и поныне действующий международный договор под названием «Пакт Рериха» (Вашингтон, 15 апреля 1935 г.).

В конце «русского» периода жизни (1915–1917) он написал цикл «орнаментальных» стихотворений, в котором внутренний призыв отправиться на Восток звучал с неумолимой силой:

Разве не видишь ты
путь к тому, что
мы завтра отыщем.
Звездные руны проснулись.
Бери свое достоянье.
Оружье с собою не нужно.
Обувь покрепче надень.
Подпояшься потуже.
Путь будет наш каменист.
Светлеет восток. Нам
пора.

Пора. 1916

Список сокращений

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея, Москва
МР – Музей Рериха, Нью-Йорк (с 17 ноября 1923 г. до осени 1935 г., когда перестал существовать; то же, что и *RM*)
НГХМ – Нижегородский государственный художественный музей, Нижний Новгород
ОР – Отдел рукописей
РГБ – Российская государственная библиотека
РДФ – Рукописно-документальный фонд
СПбГМИСР – Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беликов П. Ф.* Семейство Рерихов (опыт духовной биографии) // РДФ СПбГМИСР. Рерих (опыт духовной биографии). [1978–1982]. Две рукописи – варианты одного незавершенного сочинения.
2. *Беликов П. Ф., Князева В. П.* Николай Константинович Рерих. 3-е изд., доп. Самара, 1996.
3. *Благово Н. В.* Семья Рерихов в гимназии К. И. Мая / отв. ред. чл.-корр. РАН Р. М. Юсупов. СПб., 2006. (Серия «Щедрый дар». Вып. II).

4. *Будникова Ю. Ю.* Индийская философия и поэзия Николая Рериха // Петербургский Рериховский сборник. № 1. СПб., 1998. С. 223–257.
5. *Булгаков В. Ф.* Встречи с художниками. Л., 1969.
6. *Гидони А. И.* Творческий путь Рериха // Аполлон. 1915. Апрель-май. № 4–5. С. 1–34.
7. *Голенищева-Кутузова В. Е.* Русская интеллигенция и Восток // Дельфис. 2002. № 1. С. 95–98.
8. *Иванов А. П.* Списки живописных и литературных работ Н. К. Рериха. Автограф // Сектор рукописей ГРМ. Ф. 143. № 10. 32 л.
9. Каталог выставки конкурентов при Императорской Академии художеств. СПб., 1897.
10. *Короткина Л. В.* Творческий путь Николая Рериха. Новые материалы. СПб., 2001.
11. *Короткина Л. В.* Человек необыкновенной судьбы // Рериховский век: каталог выставки. Живопись и графика. СПб., 2009. С. 15–24.
12. *Маточкин Е. П.* К 100-летию «Гонца» // Петербургский Рериховский сборник. № 1. СПб., 1998. С. 191–204.
13. *Мюллер М.* Шесть систем индийской философии / пер. с англ. П. Николаева. М., 1901.
14. *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. Ростов н/Д., 1998.
15. Рерих / худ. ред. В. Н. Левитского; текст Ю. К. Балтрушайтис, А. Н. Бенуа, А. И. Гидони, А. М. Ремизов, Н. К. Рерих, С. П. Яремич. Пг., 1916.
16. *Рерих Н. К.* Древнейшие финские храмы // Старые годы. СПб., 1908. Февр. № 2. С. 75–86.
17. *Рерих Н. К.* Зажигайте сердца. М., 1990.
18. *Рерих Н. К. Из* прошлой и настоящей жизни русского искусства // Искусство. СПб., 1905. № 4–8. С. 48–54, 143–151.
19. *Рерих Н. К.* Листы дневника: в 3 т. М., 1995–1996.
20. *Рерих Н. К.* Письма к В. В. Стасову. Письма В. В. Стасова Н. К. Рериху. СПб., 1993.
21. *Рерих Н. К.* Собрание сочинений. М., 1914. Кн. 1.
22. Рериховский век. Каталог выставки. Живопись и графика / отв. ред. А. А. Бондаренко, В. Л. Мельников. СПб., 2009.
23. *Рябинин К. Н.* Развенчанный Тибет. Подлинные дневники экспедиции Н. К. Рериха. 1928. Самара; Магнитогорск, 1996.
24. *Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича: 1890–1891: в 3 т. СПб.; Лейпциг, 1897. Т. 3.
25. *Grünwedel A.* Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei. Führer durch die lamaistische Sammlung des Fürsten E. Uchtomskij. Mit einem einleitenden Vorwort des Fürsten E. Uchtomskij und 188 Abbildungen. Neudruck der Ausgabe. Leipzig, 1900.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Н. К.* Листы дневника: в 3 т. М., 1995–1996. Т. 1. Полвека. С. 147–150.
[2] ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 41. Л. 1–19.
[3] Там же. Д. 87. Л. 36.
[4] Там же. Д. 15. Л. 8; Д. 26. Л. 22.
[5] Там же. Д. 9. Л. 1.
[6] Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 10155. Л. 1–4.
[7] *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. 2. Литва. С. 36–39.
[8] *Короткина Л. В.* Человек необыкновенной судьбы // Рериховский век: каталог выставки. Живопись и графика. СПб., 2009. С. 15.
[9] ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 1320.

[10] Каталог выставки конкурентов при Императорской Академии художеств. СПб., 1897. С. 7.
[11] Цит. по: *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. Ростов н/Д., 1998. С. 102.
[12] ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 34. Л. 1.
[13] *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. 2. Индия. С. 115–116.
[14] Там же. Азия. С. 114.
[15] Там же.
[16] Там же. Т. 2. Университет. С. 163–164.
[17] Там же. Т. 3. Индия. С. 367–368.
[18] Там же. Т. 2. Толстой и Тагор. С. 88–95.
[19] *Короткина Л. В.* Творческий путь Николая Рериха. Новые материалы. СПб., 2001. С. 80.
[20] РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 34.
[21] ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 22. Л. 17.
[22] *Рерих Н. К.* Марес и Бёклин // Собр. соч. Книга первая. М., 1914. С. 225–226.
[23] *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. 2. Блок и Врубель. С. 121–122.
[24] *Рерих Н. К.* Древнейшие финские храмы // Старые годы. 1908. Февр. № 2. С. 75–76.
[25] *Рерих Н. К.* Радость искусству // Собр. соч. Книга первая. М., 1914. С. 116–132.
[26] *Гидони А. И.* Творческий путь Рериха // Аполлон. 1915. Апрель-май. № 4–5. С. 22.
[27] *Рерих Н. К.* Радость искусству. С. 124.
[28] ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 46. Л. 2.

И. И. САВОСИНА
(Белорусский союз журналистов, газета «Толока», Могилев)

АФАНАСИЙ НИКИТИН. ПУТЕШЕСТВИЕ С ЗАПАДА НА ВОСТОК И ОБРАТНО. К ВОПРОСУ О МОГИЛЕ РУССКОГО КУПЦА

Русский купец Афанасий Никитин ровно 550 лет назад отправился из Твери в путешествие на Восток. Он стал первым европейцем, достигшим Индии в XV в., т. е. более чем за 25 лет до путешествия португальского мореплавателя Васко да Гамы. Кроме Индии, Никитин побывал в Персии, Сомали, Турции (1466–1472). Его путевые заметки «Хожение за три моря» – ценный литературно-исторический памятник, который отмечен многосторонностью наблюдений, а также веротерпимостью в сочетании с преданностью христианской вере и родной земле[1]. Николай Рерих отмечал: «Афанасий Тверитянин был в Индии и ценно запечатлел своё странствие. Но ведь таких путников, наверно, было много, но следы их завалены грозными обвалами»[2].

Интерес к путешествиям, открытиям и описаниям новых земель всегда был свойствен русским людям. Русские былины «не только рассказывали о древних торговых морских путях, но и воспевали с великой любовью простор “батюшки синя-моря”, красоту и великолепие морского царства подводного»[3]. В былинах запечатлелись образы многих путешественников. Таких, например, как богатый купец Садко, который построил на свою казну тридцать кораблей и побывал на воде и под водой[4].

В древнерусской литературе выделился отдельный жанр произведений – «хождений». Первым таким литературным памятником считается «Хождение Даниила», побывавшего в самом начале XII в. в Палестине. А в XIII–XV вв. русские путешественники подробно описали Константинополь, Ближний Восток, Западную Европу[5]. Авторы «хождений» «неоднократно выполняли как дипломатические поручения русских властей, так и литературные по описанию тех стран, которые они посещали»[6]. Купец Афанасий мог использовать богатый опыт своих предшественников и опираться на литературные традиции[7]. Кстати, Никитин более всего сожалел о пропавших книгах, когда в устье Волги на караван напали татары и обчистили догола: «Со мной нет ничего, никакой книги; а книги мы взяли с собой из Руси»[8].

На Руси интерес к Индии не был случайным. Большой популярностью в древнерусской письменности пользовалось «Сказание об Индейском царстве». А к примеру, былинный герой Илья Муромец подружился с молодым богатырём Дюком Степановичем, приехавшим в Киев из загадочной Индии[9].

Из Руси наиболее важные торговые пути во второй половине XV в. шли на юг и юго-восток. Южная дорога имела три направления: по степи, по Дону и по Днепру. Наиболее безопасным считалось движение по Днепру, но и здесь русские купцы подвергались притеснениям со стороны литовских властей. На юго-восток торговые караваны отправлялись по Волге и Каспийскому морю, а далее – в Шемаху, Персию и Среднюю Азию[10]. Николай Рерих отмечал в статье «Русь – Индия»: «В Астрахани и Поволжье жили индусы. Даже от них пошли некоторые обрусевшие роды»[11].

Надо подчеркнуть, что купечество в Русском государстве играло заметную роль. Никитин был выбран «головою» каравана, отправившегося в Шемаху под охраной ответного посольства московского[12]. В наши дни на берегу Волги в Твери «стоит изваянная из бронзы фигура Афанасия Никитина. Высокий, мужественный, с волевым умным лицом, он решительно и твёрдо смотрит вперёд, думая о том великом и трудном пути, который ему предстояло пройти»[13] (ил. 1).

Ил. 1. Памятник Афанасию Никитину в Твери

«Пошёл я от святого Спаса златоверхого, с его милостию, от великого князя Михаила Борисовича и от владыки Геннадия тверских на низ, Волгою, – писал Никитин. – Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря святой живоначальной Троицы и святых мучеников Бориса и Глеба Макария с братиею, пошёл на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру»[14].

Почти через 450 лет по этим древним русским местам прошёл Николай Рерих: «В статье “По старине” и во многих писаниях о храмах и стенах кремлёвских говорилось о том, что незабываема Земля Русская. В 1904-м – Верхняя Волга, Углич, Калязин, Тверь»[15]. «Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут бесконечными далями. Белеют путевыми знаками-храмами», – отмечал Николай Рерих в статье «Чаша неотпитая». И далее: «Жальники – к Новгороду. Дивинцы – к Твери, эти места называются. Дивинец – диво – город, с восхищением»[16].

Наверное, и Афанасий Никитин с любовью смотрел на свой родной дивный город Тверь с церковными куполами, когда отправлялся в далёкий неизведанный путь. Никитин – патриот земли русской, православный христианин. В далёкой земле он обращался к единому Богу, уповая на его защиту и испытывая радость за землю русскую. «А молился я богу вседержителю, кто сотворил небо и землю, и иного никоторого

имени не призывал: бог милосердный, боже, ты бог всевышний»[17]. В Никитине-путешественнике ярко пробудилось национальное самосознание. Чувство родины, сопровождавшее на всём пути, определяло отношение Никитина ко всему иноземному. В его записках видна ясно осознанная идея объединения Руси. Везде он говорит о родине – не о Твери, а именно о земле русской[18]. «На этом свете нет страны подобной ей», – утверждал Никитин[19].

Во время путешествия, попав в Баку, Никитин упоминал о том, что там «огонь горит неугасимый»[20]. Николай Рерих подчёркивал: «Конечно, в Баку с древних времён был храм вечного огня, при котором всегда жили индийские садху. Это был храм большого огня, а такой же – малого огня – был и доселе существует здесь, в Кангре. Значит, с давних пор были какие-то связи»[21].

Никитин провёл на Индостанском полуострове в Джуннаре два месяца. Там он лишился своего жеребца. Асад-хан, наместник Джуннара, приказал отобрать превосходного коня. И заодно обратить иноверца русина в магометанство. Тверитянин встретил старого знакомца Мухаммеда и через него попал к хану. Бил челом и умолял не обращать его в другую веру. Хан показал, что мог быть милостив: и в веру свою не стал понуждать, и жеребца вернул[22].

Внимательно наблюдая за происходящим, Никитин замечал особенности религиозных верований индийцев: «А молитва у них на восток, по-русски, подымают высоко обе руки и кладут их на темя… А бутханы их без дверей и поставлены на восток; также на восток стоят и Буты»[23].

Через четыре с половиною века Рерих, путешествуя по Индии, отмечал: «В здешних далёких горах – в Гималаях – помнят, как и в Индии прошли русские, и Афанасий Тверитянин давно, в пятнадцатом веке, и Долгорукий при Акбаре оставили легенды, а теперь эти предания оживлены новыми преуспеяниями русскими»[24].

«Много где можно найти следы всеславянства, – подчёркивал Николай Рерих. – Далеко ходили славяне. Афанасий Тверитянин в Индии… И нет таких дальних гор и островов, где бы не нашлось памятки славянской. Даже в нашей долине в Кулуте первый насельник был русский… Моя "Земля Всеславянская" широко обошла Индию»[25]. Яркий представитель славянства Никитин писал в своём «Хожении»: «Уже прошли четыре Великих дня в бусурманской земле, а христианства я не оставил; а далее бог знает, что будет. Господи, боже мой, спаси меня, на тебя уповаю, господи, боже мой!». И далее: «В бусурманской же Индии, в великом Бидаре, смотрел я на великую ночь: на Великий день плеяды и Орион вошли в зорю, а Большая Медведица головою стояла на восток»[26]. Находясь в Индии, Николай Рерих также зорко подмечал: «А восходы и закаты утешают. Звёзды-то, звёзды!»[27]

«В пятый же Великий день надумал я пойти на Русь», – с тоскою сообщал Никитин в своих путевых заметках[28]. Но обратный путь начался с неблагоприятных условий: корабль попал в шторм, его отнесло к берегам Африки, только через 12 дней от Эфиопии корабль добрался до Гурмыза. Но в Иране в любую минуту могли начаться военные действия. Никитин добрался до Узун-Гасана в «орде» и понял, что оттуда пути никуда нет. К Каспийскому морю не попасть. Тогда решил он идти к Чёрному морю. И в сентябре 1472 г. прибыл в Трапезунд, оттуда – на Крымский полуостров в Кафу

(ныне Феодосия)[29]. «Божиею милостью, приплыл я в Кафу, за 9 дней до Филиппова заговенья. Боже, творец! Прошёл я, милостию божией, три моря. Остальное бог знает, бог покровитель ведает», – писал Никитин[30]. И хоть город находился тогда в руках генуэзцев, но там всегда было много русских купцов. Вполне вероятно, что там Афанасий Никитин мог закончить работу над книгой. Из Крыма он отправился на родину обычным путём – вверх по Днепру[31].

Никитин тогда впервые попал в Литовскую Русь. Караван вышел к Днепру. Когда ударили морозы и Днепр покрылся льдом, то караван «переправился через реку и пошёл на север вдоль правого берега»[32]. В Киеве пришлось переждать лютую стужу. Слегка потеплело, и караван двинулся через Гомель на реке Сож и далее на Смоленск. «Прошли Гомель. Близилась распутица. Купцы торопились, чтобы дойти до родины по санному пути»[33]. Надо подчеркнуть, что Сож был важнейшей водной артерией. По нему в XII столетии активно велась торговля между северными и южными княжествами Древней Руси. С увеличением торговых связей водных путей стало не хватать. Начали налаживаться сухопутные дороги вдоль рек. В XV веке появился торговый путь из Могилева в Чернигов, проходивший через Пропойск на реке Сож[34]. Купцы из Киева ездили в Смоленск и Новгород через Пропойск. Торговый путь из Москвы в Крым тоже шел по Сожу через Пропойск в XV веке. Правда, разбои литовцев на Соже заставляли московское купечество искать более безопасные пути[35].

Когда караван прибыл в маленький городок Пропойск, Афанасий Никитин решил отстать от своих попутчиков. Он остановился в захудалом монастыре. «Монахи, видя, что купец привёз из дальних стран немало добра, поместили его в отдельной келье»[36]. До родной Твери Никитин так и не доехал. «Где-то около Смоленска он умер»[37].

В XX в. о Никитине написал книгу петербуржец **Константин Ильич Кунин** (1909–1941) – русский советский писатель, востоковед, экономист, а также автор книг по истории географических открытий.

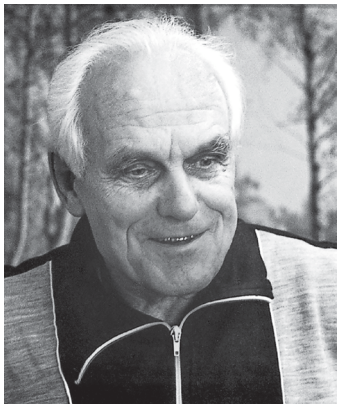
С четырёх лет Костя знакомился с иностранными языками, в пять лет научился читать. В детстве придумал игру в «клад»: «Чтобы найти клад, надо было объехать девять городов в разных странах. В каждом городе с играющими случались приключения, подобно действительно пережитым знаменитыми путешественниками»[38]. Окончив школу, Константин поехал с друзьями в Крым, где окончательно сформировались его интересы. При всей разносторонности знаний более всего юношу привлекали история и языки разных народов. В 16 лет в вузы не принимали, но после долгих хлопот Кунин всё-таки был допущен к экзаменам, причём в два вуза сразу. Константин блестяще сдал экзамены, поступил в Ленинградский институт живых восточных языков, решив стать китаистом[39]. Написал ряд биографий великих путешественников: Васко да Гамы, Кортеса, Магеллана, Афанасия Никитина, исследователей Северной Америки. Редактировал книгу **Виктора Борисовича Шкловского** (1893–1984) «Марко Поло». Переработал и дополнил книгу Леонарда Аусвейта «Как открывали Земной шар». Был членом Всесоюзного географического общества и Союза писателей СССР[40]. После начала Великой Отечественной войны добровольно вступил в отряд народного ополчения, сформированный при Союзе писателей СССР. Погиб 23 ноября 1941 г. под Москвой во время атаки у деревни Иваньево[41].

Именно Кунин отметил в своей книге, что последние дни жизни Никитина связаны с древним городом Пропойск на реке Сож – левом притоке Днепра (ил. 2). Было ли это художественным вымыслом Кунина или какие-то реальные сведения натолкнули на мысль о монастыре в городе Пропойске? Ведь Константин Ильич много читал, обладал великолепной памятью и, даже находясь в ополчении под Москвой, читал лекции бойцам по истории городов и местечек[42].

Ил. 2. Карта пути Афанасия Никитина от Трапезунда до Пропойска (воспроизведено по: *Кунин К.* За три моря: путешествие Афанасия Никитина: историческая повесть. С. 198)

По легенде, поселение на месте впадения Прони в реку Сож получило название «Пропойск» от слов «пропивать» и «пропускать»[43]. Когда-то купцы с богатым товаром отправились в неизведанные для них места. Василий, о котором купцы говорили, что он голова, непременно приносил удачу, а торговля под его руководством всегда шла успешно. На своих кораблях остановились те купцы на ночёвку в незнакомом месте. Голова каравана Василий со своими торговцами не послушал предупреждений проводника о том, что ночью будет буря. Разметала, разбила стихия все судна, погибли люди. Остался в живых только Василий, к которому с укором подошёл проводник. Но что делать? Достали из воды единственно уцелевшую бочку с вином. А на берегу построили хатку. Купцы с проходивших кораблей стали останавливаться в той хатке на отдых и пить вино, широко гуляя и оставляя большие деньги. Местный князь же, узнав, в каком выгодном месте устроился Василий, приказал: «Будзешь тут за адным махам і судны прапускаць, і мыта з іх ў маю скарбонку браць»[44]. К тому же существует версия, что Проня, впадающая в Сож, называлась Прупой или Пропой, что, в свою очередь, означало «быстрое течение». Со средних веков и до XX в. местные жители называли Проню «Пропасть»[45].

В 1990-х годах мне не раз приходилось бывать в Славгороде, бывшем Пропойске, видеть весеннее широчайшее половодье на слиянии Сожа и Прони. Моя коллега, корреспондент «Могилевской правды» Нелли Зигуля познакомила тогда со своим земляком, славгородским краеведом Владимиром Кирилловичем Тищенко (1930–2001) (ил. 3). Он белорусский фольклорист, литературовед, кандидат филологических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Беларуси. Именно Тищенко когда-то рассказал Нелли о связях славгородской земли с именем известного путешественника Афанасия Никитина. Владимир Кириллович, ссылаясь на архивные документы, подчёркивал, что в XV в. русские купцы, возвращаясь из Крыма, сокращали путь и шли не по Днепру, а по реке Сож, т. е. через Пропойск, ныне Славгород. И что, возможно, Никитин был похоронен в Пропойске[46].



Ил. 3. Владимир Кириллович Тищенко. 1997

Первое упоминание об этом древнем городе относится к 1136 г. в Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича (ок. 1108–1167) из Рюриковичей. Более ранние названия Пропойска – Прупой, Пропошеск – в составе Смоленского княжества[47]. В XIV в. Пропойск относился к Киеву, и польский король Ягелло (ок. 1362–1434) отдал Пропойск своему брату Скиргайло (ок. 1354–1397), князю Полоцкому и Троцкому[48]. Великий князь литовский Витовт (ок. 1350–1430) присоединил смоленские земли к Литве в 1404 г., Пропошеск тоже вошёл в состав Великого княжества Литовского[49]. «В 1430 г. актом возведения Свидригелла (около 1370–1452) на литовский престол Пропойск причислен к его владениям. С конца XV века он, как город близкий к владениям князей московских, весьма часто подвергался нападениям

и терпел от русских разорения. Хотя в договорах и делалось условие, чтобы в мирное время Пропойска "ничем не зацепляти"». После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. Пропойск был подарен Екатериной Великой (1729–1796) вице-канцлеру, вице-президенту Коллегии иностранных дел князю Александру Михайловичу Голицыну (1723–1807), который построил здесь в 1791–1793 гг. каменную церковь Рождества Пресвятой Богородицы[50], сохранившуюся до наших дней (ил. 4). Проект церкви принадлежал одному из ярчайших представителей русского Просвещения архитектору, графику, поэту, переводчику **Николаю Александровичу Львову** (1753–1804). Фрески в стиле классицизма были выполнены под руководством русского художника **Владимира Лукича Боровиковского** (1757–1825)[51].

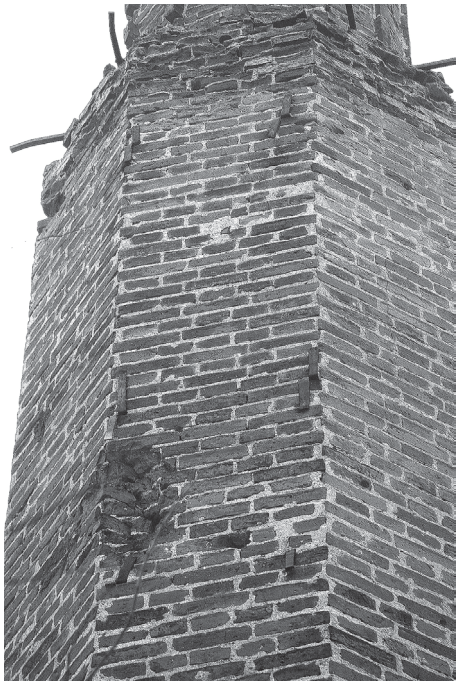
Ил. 4. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Славгороде. Постройка 1793 г. по проекту архитектора Н. А. Львова. 1997

С 1458 г. православная церковь в Великом княжестве Литовском имела свою самостоятельную метрополию[52]. Личные и имущественные права православных и католиков были уравнены привилеем 1434 г.[53] Исторических сведений о монастырях на территории Пропойска не сохранилось. Монастырь, о котором упоминал Кунин в своей книге, возможно, был на том месте, где в XX в. стояла баня со странной башенкой (ил. 5, 6). Её кирпичная кладка указывала на почтенный возраст строения (ил. 7). Краевед Тищенко, между прочим, говорил, что на башенке когда-то была табличка с надписью о захоронении на этом месте Афанасия Никитина (ил. 8). Кстати, Тищенко мечтал, чтобы улицу Краснофлотскую в Славгороде переименовали в улицу Афанасия Никитина[54].

Многие исследователи считают, что «Хожение» было написано Никитиным по окончании путешествия[55] и что записки были единым литературным замыслом,

Ил. 5. Здание бывшей бани в Славгороде. 2007

Ил. 6. Башенка в комплексе зданий на территории бывшей бани в Славгороде. 1997



Ил. 7. Кирпичная кладка башенки в Славгороде. 2007

Ил. 8. Архитектурная деталь на башенке в Славгороде. 1997

осуществлённым после возвращения по памяти и на основании отрывочных записей. Вероятно, где-то по пути на Смоленск[56] Никитин успел не только закончить описание путешествия в далёкую Индию, но и литературно обработать его. Ведь перечисляя в начале своего текста все три моря – Каспийское, Индийское и Чёрное, которые он преодолел, Никитин тем самым показал, что книга окончательно написана после возвращения из путешествия[57]. Он почти не использовал цитат, что было характерно для древнерусской литературы. Как писатель Никитин создал собственную литературную манеру, смело обращаясь к живой образности русского разговорного языка. При этом в его тексте встречаются греческие, тюркские, арабские и персидские слова, многие из которых он тут же и пояснял[58]. О взаимопроникновении языков писал Николай Рерих в статье «Индия»: «Веды – ведать. Дом – дама. Дым – дхума. Дэва – див. Лель – чудный пастух. Лал – красный, прекрасный. Открыто прекрасное сокровище народов»[59]. И отмечал в другой статье: «В песнях русских сектантов оказывались целые санскритские песнопения, хотя и в очень искажённом виде. Откуда? <…> В языке русском столько санскритских корней! <…> Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские. <…> Дело не в политике, а в живых душевных человеческих отношениях. <…> Красота заложена в индо-русском магните»[60]. Афанасий Никитин, чьё имя дошло до наших дней, был одним из первых русских путешественников, проложивших дорогу в Индию с дружественной целью (1469–1472)[61].

Никитин, видимо, действительно был известным на Руси человеком, он с патриотической страстью восклицает: «А Русскую землю Бог да сохранит»[62]. Ведь и после его кончины рукопись не исчезла. Возможно, сам умирающий Никитин просил передать записки в Москву. Рукопись была доставлена в полной сохранности дьяку вели-

кого князя Ивана III (1440–1505) Василию Мамыреву, ведавшему посольскими делами. Вероятно, была и договорённость об этих записках заранее, и, наверное, их очень ждали в Москве. К тому же «Хожение Афанасия Никитина» было внесено в такой официальный государственный документ, каким в XV в. являлась русская летопись, под 1475 годом[63].

Русский историк **Николай Михайлович Карамзин** (1766–1826) нашёл старый рукописный сборник, составленный в начале XVI в. в библиотеке Троице-Сергиевой лавры. В летописи, получившей название Троицкой, внимание исследователя привлекло необычное по стилю описание путешествия купца Афанасия Никитина. Так вновь вернулось к русскому читателю «Хожение за три моря»: Карамзин поместил несколько отрывков из этого произведения в своей «Истории государства Российского». С тех пор было найдено ещё шесть списков путешествия Никитина[64].

Благодарные земляки поставили в Твери памятник своему знаменитому соотечественнику: «В левой руке Афанасий Никитин держит бумажный свиток, может быть первую страницу его будущих бессмертных "Записок"»[65]. Если предположить, как и петербургский писатель Кунин и славгородский краевед Тищенко, что последние дни земной жизни русского купца Афанасия Никитина прошли в Пропойске на слиянии двух рек – Сожа и Прони, то и литературный памятник «Хожение за три моря» также связан с этой древнеславянской землёй, Землёй радимичей, входящей ныне в состав Могилевской области Республики Беларусь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Муромов И. А.* Сто великих путешественников. М.: Вече, 2011. С. 95.
2 *Рерих Н. К.* Индия // Рерих Н. К. Листы дневника. 2-е изд. М.: МЦР, 2002. Т. 3. С. 320.
3 *Водовозов Н. В.* Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. М.: Знание, 1955. С. 8.
4 Там же.
5 Там же.
6 Там же. С. 11.
7 Там же. С. 8.
8 Хожение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472 / под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. С. 63.
9 *Водовозов Н. В.* Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. М.: Знание, 1955. С. 7.
10 Там же. С. 9.
11 *Рерих Н. К.* Русь – Индия // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. С. 193.
12 *Водовозов Н. В.* Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. М.: Знание, 1955. С. 10.
13 Там же. С. 5.
14 Хожение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472. С. 53.
15 *Рерих Н. К.* Русскому сердцу // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. С. 181.
16 *Рерих Н. К.* Чаша неотпитая // Рерих Н. К. Листы дневника. 2-е изд-е. М.: МЦР, 2000. Т. 2. С. 93.
17 Хожение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472. С. 63.
18 *Греков Б. Д., Адрианова-Перетц В. П.* Послесловие // Хожение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472. С. 77.
19 Хожение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472. С. 68.
20 Там же. С. 55.
21 *Рерих Н. К.* Русь – Индия // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. С. 192–193.

[22] *Муромов И. А.* Сто великих путешественников. С. 97.
[23] Хожение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472. С. 62.
[24] *Рерих Н. К.* Друзьям-художникам // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 2. С. 239.
[25] *Рерих Н. К.* «Славяне» // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. С. 210.
[26] Хожение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472. С. 67.
[27] *Рерих Н. К.* Живем / Листы дневника. Т. 3. С. 189.
[28] Хожение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472. С. 71.
[29] *Водовозов Н. В.* Указ. соч. С. 30–31.
[30] Хожение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472. С. 73.
[31] *Водовозов Н. В.* Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. С. 31–32.
[32] *Кунин К.* За три моря: путешествие Афанасия Никитина: Историческая повесть / вступ. ст. Д. Арманда. М.: Детская литература, 2014. С. 199.
[33] Там же. С. 200–201.
[34] *Клок Л.* Шляхі зносін // Калгасны шлях. 1960. № 53. 2 ліпеня. С. 4.
[35] *Цічшанка У.* Мы – родам з радзімічаў // Ленінскае слова. 1986. № 146. 6 снежня. С. 4.
[36] *Кунин К.* За три моря: путешествие Афанасия Никитина: историческая повесть. С. 200–201.
[37] *Водовозов Н. В.* Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. С. 32.
[38] *Арманд Д.* Воспоминание о К. И. Кунине // Кунин К. За три моря: путешествие Афанасия Никитина: историческая повесть. С. 5–6.
[39] Там же. С. 7–8.
[40] Там же. С. 11–12.
[41] Там же С. 16.
[42] Там же. С. 12, 14.
[43] Магілеўшчына: Назвы насел. пунктаў паводле легендаў і паданняў / склад., запіс, апрац. А. М. Ненадаўца. Мінск: Беларусь, 2002. С. 319. (Мой родны кут).
[44] Там же. С. 314–319.
[45] Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Слаўгарадскага р-на. Мінск: Белта, 1999. С. 31–32.
[46] *Зигуля Нелли.* След Афанасия Никитина // Могилевская правда. 2008. № 6–8. 25 января. С. 21.
[47] Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Слаўгарадскага р-на. С. 31.
[48] Опыт описания Могилевской губернии: в 3 кн. / под ред. А. Дембовецкого. Кн. 2. Репр. изд. Могилев: АмелияПринт, 2008. С. 56.
[49] Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Слаўгарадскага р-на. С. 34.
[50] Опыт описания Могилевской губернии. С. 56–57.
[51] Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах / рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2002. Т. 14. С. 508–509.
[52] Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Слаўгарадскага р-на. С. 36.
[53] Там же. С. 34.
[54] *Зигуля Нелли.* След Афанасия Никитина. С. 21.
[55] *Водовозов Н. В.* Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. С. 12.
[56] *Осипов А. М., Александров В. А., Гольдберг Н. М.* Афанасий Никитин и его время. М.: Учпедгиз, 1951. С. 11.
[57] *Водовозов Н. В.* Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. С. 11–12.
[58] Там же. С. 12–13.
[59] *Рерих Н. К.* Индия // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. С. 320.
[60] *Рерих Н. К.* Русь – Индия // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. С. 192–193.
[61] *Водовозов Н. В.* Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. С. 5.
[62] Хожение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472. С. 68.
[63] *Кунин К.* За три моря: путешествие Афанасия Никитина: историческая повесть. С. 203.
[64] *Осипов А. М., Александров В. А., Гольдберг Н. М.* Афанасий Никитин и его время. С. 5–6.
[65] *Водовозов Н. В.* Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. С. 5.

М. Н. ЧЕСНОКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕСТЁР ВАРВАРЫ И АЛЕКСАНДРЫ ШНЕЙДЕР

Сёстры Варвара и Александра Шнейдер – художницы, чьи имена в настоящее время оказались почти забыты. А между тем в начале XX в., в предреволюционные годы, их работы пользовались большой популярностью, а общественная деятельность сестёр приносила прекрасные плоды.

Старшая из сестёр, Варвара, родилась в 1860 г., младшая, Александра, – в 1863 г. Их отец, Пётр Александрович, сделал военную карьеру, мать, Елизавета Павловна (в девичестве Минаева), тамбовская дворянка, приходилась родной сестрой крупнейшему русскому индологу того времени Ивану Павловичу Минаеву. По семейной легенде, прадед Варвары и Александры по отцу Яков Иванович Шнейдер был приглашён Екатериной II из южной Германии для перестройки Зимнего дворца.

Первые годы детства сёстры провели в родительской усадьбе Красивка Кирсановского уезда Тамбовской губернии. После смерти матери в 1868 г. семья переехала в Тамбов, затем последовали новый брак отца и его скорая смерть. Сёстры жили в Москве, затем в Петербурге. В 1878 г. Варвара и Александра переехали к брату покойной матери, знаменитому востоковеду Ивану Павловичу Минаеву. На время поездок И. П. Минаева в Индию и на Цейлон заботу о сёстрах брал на себя его друг, филолог академик Леонид Николаевич Майков. Благодаря ему состоялись встречи сестёр с И. С. Тургеневым, И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, В. В. Стасовым, сыгравшие важную роль в формировании духовного мира юных Варвары и Александры (ил. 1).

Среди хранящихся в рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома) документов сестёр Шнейдер есть и биографические сведения об Иване Павловиче Минаеве. Александра Петровна Шнейдер писала в биографической справке: «Иван Павлович Минаев. Санскритолог и профессор СПбГУ. Безвременно скончался в 1890 году на пятидесятом году жизни, оставив многие работы свои неоконченными, в расцвете умственных сил <…> Оставшиеся после него научные рукописи были переданы старшему из учеников его С. Ф. Ольденбургу; а весь архив (по сие время не разобранный) – в Азиатский музей, куда поступили также коллекции различных предметов буддийского культа, привезённых им из трёх путешествий в Индию. Переписка же его, письма коллег – Из. Срезневского, Коссовича, Веселовского, Ламанского и других, а также его письма из Индии <…> и племянницам – были переданы в одно из рукописных отделений Академии наук»[1]. В рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома) хранятся также письмо Варвары Петровны Шнейдер А. Н. Веселовскому и черновик ходатайства С. Ф. Ольденбурга о предоставлении помещения в Доме учёных. Эти документы свидетельствуют о связях сестёр Шнейдер с коллегами и учениками И. П. Минаева, которые не разрушились после его смерти в 1890 г., а продолжались долгие годы.

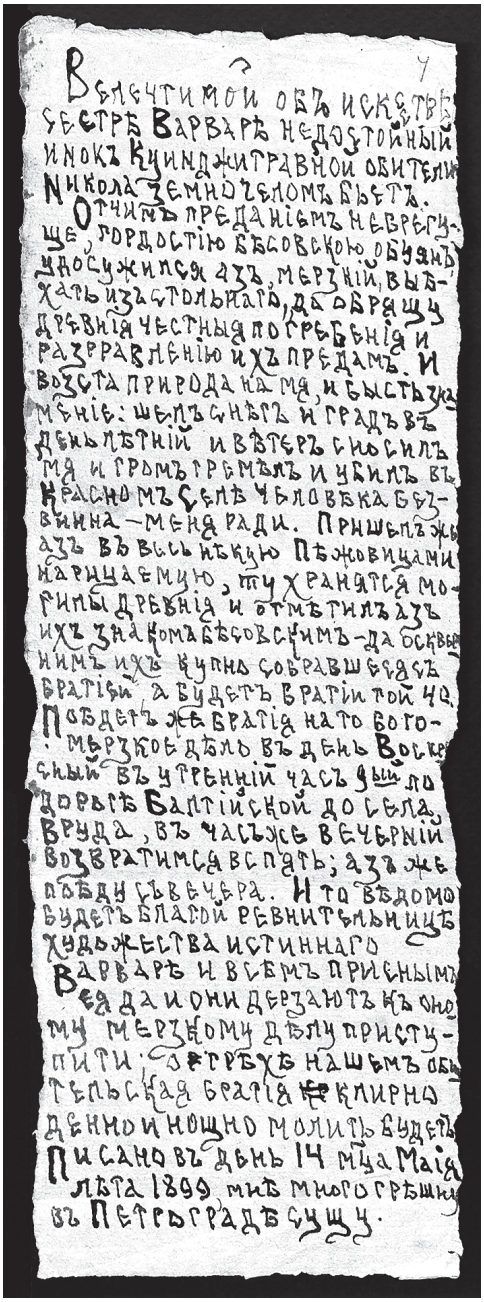
После обучения в гимназии Варвара Шнейдер окончила Педагогические курсы по естественному и математическому отделениям. Александра училась на филологиче-

Ил. 1. Сёстры Варвара и Александра Шнейдер. Середина 1880-х.
Из семейного архива Семёновых-Тян-Шанских

ском отделении Бестужевских курсов. С детства обе сестры увлекались рисованием, брали уроки, и это увлечение привело их в Рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств, куда сёстры поступили и где занимались под руководством лучших мастеров.

Через сокурсницу Варвары Петровны Наталью Яковлевну Грот сёстры Шнейдер познакомились с дочерью географа, государственного и общественного деятеля Петра Петровича Семёнова (с 1906 г. – Семёнов-Тян-Шанский) Ольгой. Этой дружбе было суждено перерасти в поистине родственные отношения. Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский называл сестёр Шнейдер своими «дочерьми по выбору»[2].

Дружба сестёр с Н. К. Рерихом началась с того, что В. В. Стасов рекомендовал молодому художнику обратиться к Варваре Петровне Шнейдер, чтобы получить «советы по народному орнаменту»[3]. Н. К. Рерих интересовался творчеством сестёр, путешествовал вместе с ними за границей (ил. 2). Он помог Александре Петровне устроить её персональную выставку в залах Императорского общества поощрения художеств в 1909 г. А. П. Шнейдер совместно с А. А. Боголюбовым написала отзыв о выставке архитектурных этюдов Н. К. Рериха в залах Императорского общества поощрения художеств. Этот отзыв был опубликован в газете «Русь».



Ил. 2. Письмо Н. К. Рериха В. П. Шнейдер 14.05.1899.
Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург

Ф. Д. Батюшков познакомил сестёр Шнейдер с основателем издательства Общины Святой Евгении Иваном Михайловичем Степановым. Варвара Петровна возглавила группу художников, близких издательству, и определяла художественную политику издательства. Первый опыт сотрудничества с издательством Общины Святой Евгении для Александры Петровны Шнейдер был и первым опытом создания открытки: она работала над открыткой, выпущенной к столетию со дня рождения А. С. Пушкина, которая иллюстрировала стихотворение «Первая пчёлка». Варвара Петровна Шнейдер создала рисунки оборотной стороны и конверта юбилейных открыток. Интересен тот факт, что Мария Александровна Пушкина, дочь Александра Сергеевича, была замужем за Леонидом Гартунгом, братом Ольги Николаевны Гартунг, первой жены Петра Александровича Шнейдера.

В 1905 г. Община Святой Евгении издала серию открыток «Цветы», исполненную А. П. Шнейдер. Это было программное издание: предполагалось выпускать открытки, которые могли бы служить наглядным пособием для школ и гимназий.

Варвара Петровна Шнейдер с 1902 г. сотрудничала с этнографическим отделом Русского музея Императора Александра III. Собранные ею коллекции, в том числе отражающие культуру финно-угорских и тюркских народов Поволжья, вошли в фонды музея. Высоко оценивала проводимую Варварой Петровной Шнейдер работу княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, меценат, художник, общественный деятель и основательница художественно-промышленных мастерских в собственном имении Талашкино. В. П. Шнейдер участвовала в организации выставок в России и за рубежом. В 1903 г. В. П. Шнейдер выполнила проект «триумфальной арки» для проезда царствующих особ на торжества, посвящённые церковному прославлению святого преподобного Серафима Саровского.

Важным событием для сестёр Шнейдер явилось участие Варвары Петровны в строительстве буддийского храма в Санкт-Петербурге. Она стала членом комитета по постройке буддийского храма, причём в тот непростой момент, когда уже начатая постройка оказалась под угрозой. Агван Доржиев был обвинён в распространении японского влияния и идей панмонголизма среди бурят и калмыков, строительство было остановлено, требовалось утверждение комитета по постройке храма, а также повторное утверждение проекта постройки. Как указывает А. И. Андреев в книге «Храм Будды в Северной столице», «…Щербатской посчитал необходимым в сложившейся ситуации расширить состав комитета по постройке храма путём введения в него ряда авторитетных консультантов – знатоков буддизма, дабы придать больший общественный вес затее Доржиева. Так, в комитет были включены два ординарных академика императорской Академии наук – В. В. Радлов (директор Музея антропологии и этнографии) и С. Ф. Ольденбург, камер-юнкер Высочайшего Двора князь Э. Э. Ухтомский, наиболее высокопоставленный из покровителей Доржиева <…>, а также представители архитектурно-художественных кругов – <…> гражданский инженер Г. В. Барановский и художники Н. К. Рерих (директор Рисовальной школы Императорского общества поощрения художеств) и В. П. Шнейдер (племянница крупнейшего русского индолога И. М. Минаева). Заседания расширенного комитета проходили чаще всего на квартире В. П. Шнейдер и её сестры А. П. Шнейдер, тоже ху-

дожницы (Мастерская ул., 3)»[4]. Происходили эти события в 1909 г., а Агвану Доржиеву ещё в свой первый приезд в Петербург в 1898 г. удалось установить дружеские отношения с рядом крупнейших русских учёных, среди которых были С. Ф. Ольденбург и П. П. Семёнов (Тян-Шанский). Сестёр же Шнейдер, как известно, с Сергеем Фёдоровичем Ольденбургом и Фёдором Ипполитовичем Щербатским (вошедшим в первоначальный состав комитета по постройке буддийского храма вместе с Владиславом Людвиговичем Котвичем и Андреем Дмитриевичем Рудневым) связывала крепкая дружба, не говоря уже о Петре Петровиче Семёнове-Тян-Шанском, который был для них одним из наиболее близких людей.

Ещё одним видом деятельности Варвары Петровны Шнейдер стало преподавание в гимназии Таганцевой с 1901 по 1913 г. Кроме того, в марте 1911 г. она получила предложение возглавить Школу народного искусства под покровительством императрицы Александры Фёдоровны. При открытии Школы был основан музей, в основу которого легла коллекция народного искусства, собранная непосредственно Варварой Петровной.

Ил. 3. А. П. Шнейдер. Молитва беженцев-галичан. 1915. Открытое письмо издания Комитета Е. И. В. великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Бумага, трёхцветная автотипия. Собр. Н. А. Мозохиной, Санкт-Петербург

Первая мировая война с самого своего начала повлияла на жизнь и творчество сестёр Шнейдер. Война вновь заставила Александру Петровну Шнейдер обратиться к искусству открытки. По заказу Комитета Её Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий ею была создана серия благотворительных открыток «Помогите беженцам!» (ил. 3).

Война преобразила жизнь «Светёлки», лужского отделения Школы народного искусства под покровительством императрицы Александры Фёдоровны. Варвара Петровна Шнейдер была попечительницей Школы и одним из организаторов её отделения в Луге, которое разместилось в усадьбе, принадлежавшей царской семье.

Ил. 4. А. П. Шнейдер. Прапорщик Петя Лузин. 71 Белёвский полк Пермской губернии. Призван в 1917 г., на фронте был несколько часов. 1915–1916. Холст, масло. Частное собрание, Санкт-Петербург

Ил. 5. А. П. Шнейдер. Доброволец Ангуров. Женщина-казак. 1915–1916. Холст, масло. Частное собрание, Санкт-Петербург

С началом войны в «Светёлке» был оборудован лазарет. Императрица пожаловала средства на содержание четырёх коек в течение года, остальные койки были именными. Среди лиц, на чьи средства содержались койки для раненых, были друзья Школы В. Н. Ханенко и Л. И. Жевержеев. Ученицы Школы, отказавшись от рождественской ёлки, подарков и лакомств, передали в лазарет деньги на содержание больного в течение месяца. Заведование лазаретом было поручено секретарю Школы народного искусства К. М. Тупиковой. 30 сентября лазарет принял первую партию раненых. В 1914 г. 23 ученицы старшего курса были направлены в Крестовоздвиженскую общину сестёр милосердия, где прошли необходимую подготовку и стали работать в Общине и Николаевском и Морском госпиталях. Ученицы Школы народного искусства поочерёдно командировались в лазарет «Светёлки» для ухода за ранеными.

Александра Петровна Шнейдер создала в лазарете «Светёлки» серию портретов раненых, в каждом из которых остро переданы характер человека и его чувства. На портретах художница указывала имя раненого и обстоятельства ранения. Например: «С. Перевощиков. 36 Стрелковый Сибирский полк Томской губернии. Ранен под Остроленкой. 7.07.1915»; «Мороз. Пограничная стража, гулял по Мемелю. Ранен под Ковно. Июль 1915»; «Агалаков. 5 Сибирский полк»; «Прапорщик Петя Лузин. 71 Белевский полк Пермской губернии. Призван в 1917 г., на фронте был несколько часов»; «Доброволец Ангуров. Женщина-казак»; «Сапёр Байбаков. 3 Кавказской генерала Ирманова дивизии»; «Люкшев. Тарутинский полк. 17 дивизия» (ил. 4, 5).

Императрица Александра Фёдоровна планировала перенести в Лугу деревянный храм в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» с Царскосельского Братского кладбища и возвести рядом со «Светёлкой». Революция помешала этим планам. В сентябре 1917 г. здание Школы народного искусства было реквизировано Временным

правительством. В 1917–1918 гг. сёстры Шнейдер переехали вместе со Школой народного искусства, преобразованной в техникум кустарной промышленности, в город Белёв Тульской губернии, а затем вернулись в «Светёлку». А. П. Шнейдер работала в лужской изостудии и очаге дошкольного воспитания, преподавала рисование и историю искусства в различных культурных учреждениях Луги, создала проект памятника и решётки для могил жертв революции в городском саду. В 1929 г. сёстры вернулись в Ленинград.

В апреле 1935 г. сёстры Шнейдер были высланы в Саратов. Варвара Петровна Шнейдер скончалась 19 февраля 1941 г. Годом смерти Александры Петровны Шнейдер также считается 1941 год.

Судьбе художниц посвящён ряд публикаций, освещающих их многоплановую деятельность, но тем не менее как творчество Варвары и Александры Шнейдер, так и их общественная деятельность открывают перспективу для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев А. И.* Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг, 2004. 224 с.
2. *Лончинская Т. Е.* Искусствоведческая и педагогическая деятельность В. П. Шнейдер (по материалам архивных документов) // Электронный научный журнал «Декоративно-прикладное искусство и образование». 2014. №1. URL: http://dpio.ru/stat/2014_1/Lonchinskaya.doc (дата обращения: 29.01.2016).
3. *Мозохина Н. А.* Александра Шнейдер: судьба забытой петербургской художницы // История Петербурга. 2008. № 6(46).
4. «Письма – больше, чем воспоминания…» Из переписки семьи Семёновых-Тян-Шанских и сестёр А. П. и В. П. Шнейдер / сост. М. А. Семёнов-Тян-Шанский, А. Ю. Заднепровская. М.: Новый Хронограф, 2012. 680 с.
5. *Цыганков В.* Лужская «Светёлка» императрицы // Православная Луга. 2002. № 5. С. 3–4.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы А. П. и В. П. Шнейдер // РО ИРЛИ. Ф. 340. Оп. 1.

[2] «Письма – больше, чем воспоминания…» Из переписки семьи Семёновых-Тян-Шанских и сестёр А. П. и В. П. Шнейдер / сост. М. А. Семёнов-Тян-Шанский, А. Ю. Заднепровская. М.: Новый Хронограф, 2012. С. 11.

[3] Материалы А. П. и В. П. Шнейдер // РО ИРЛИ. Ф. 340. Оп. 1. Л. 1.

[4] *Андреев А. И.* Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг, 2004. С. 52.

Л. П. РУДАКОВА
*(Военно-исторический музей артиллерии,
инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург)*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ДОКУМЕНТАХ АРХИВА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ (ВИМАИВИВС)

Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи был учреждён в ноябре 1872 г. по инициативе капитана Николая Ефимовича Бранденбурга, назначенного в этом же году заведующим Артиллерийским музеем и возглавлявшего музей более 30 лет (1872–1903)[1].

Основу исторического хранилища составил так называемый «архив старых дел» 1700–1807 гг., переданный из архива Главного артиллерийского управления (ГАУ), – ценнейший источник по истории артиллерийского управления и подведомственных ему учреждений, раскрывающий подготовку артиллерийских кадров, их служебное, правовое и материальное положение, а также производство и боевое применение артиллерии[2].

На протяжении многих десятилетий музейное архивохранилище продолжало пополняться не только документами, передаваемыми из архива ГАУ, но и историческим материалом, приобретённым путём закупок или дарения частных лиц. Кажется, что нет ни одного вопроса в военной истории России, который бы не отразился в документах архива. Ещё Н. Е. Бранденбург отмечал, что богатство и содержание архивных источников не ограничивается сведениями только «одной артиллерийской специальности», а Дмитрий Петрович Струков, сменивший Бранденбурга на посту заведующего музеем, добавил, что отличительною чертою архива музея является его универсальность.

В настоящее время архивохранилище содержит около 218 тысяч единиц хранения. Архивный материал охватывает достаточно большой временной период – с 1627 по 2014 г., разнообразен по содержанию и видам документов. Помимо военной тематики, архив обладает ценнейшей информацией о градостроительстве и медицинском обслуживании, географических открытиях и политических движениях, истории театра и секретной дипломатии на русском и иностранных языках. Архивные источники включают письма, дневники и автографы российских императоров, известных государственных деятелей, видных военачальников, конструкторов оружия и архитекторов. Среди архивных документов имеется немало и графического материала: планы различных строений Санкт-Петербурга и других городов России, чертежи и рисунки материальной части артиллерии, холодного и огнестрельного оружия.

В архиве бережно хранятся и материалы о русских землепроходцах и путешественниках (например, о снаряжении и вооружении экспедиций Витуса Беринга на Камчатку в 1734 г. или Николая Николаевича Миклухо-Маклая в Новую Гвинею в 1870 г.).

Имеются интересные материалы, связанные с изучением восточных окраин Российской империи в начале XX в. (например, о снаряжении в 1908 г. новой научной экспедиции Русского географического общества на Камчатку, отправленной на средства известного русского мецената Ф. П. Рябушинского). Привлекает внимание письмо П. П. Семёнова Тян-Шанского в ГАУ с ходатайством о безвозмездной выдаче оружия с целью защиты членов экспедиции, отправляемой на Камчатку (ил. 1, 2)[3]. Кроме того, в архиве хранятся документальные свидетельства о вооружении экспедиции Бориса Михайловича Житкова, отправленной на Ямал в 1908 г.

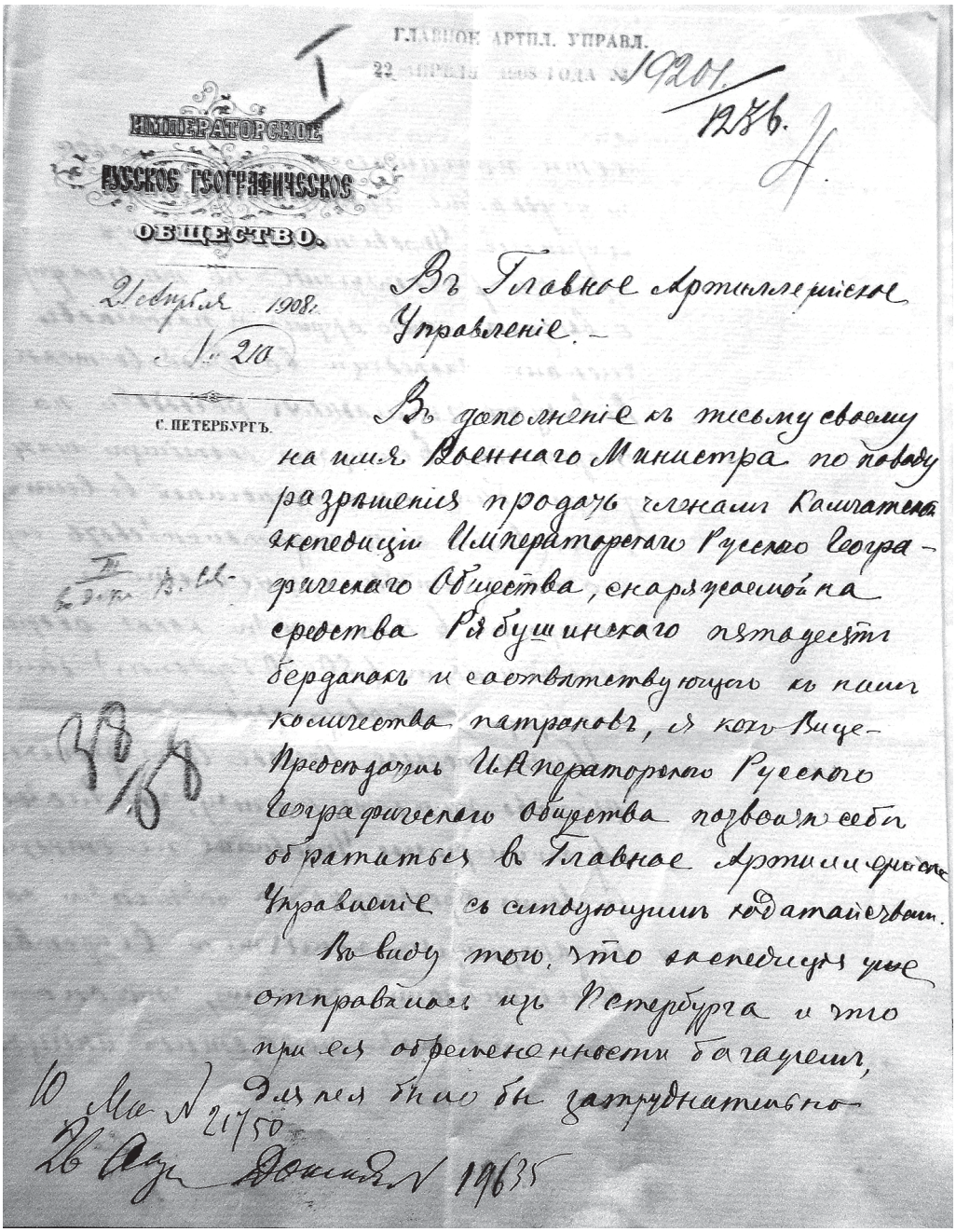
Относительно формирования экспедиций в Центральную Азию в Архиве ВИМАИВиВС есть документы, рассказывающие о снаряжении оружием и боеприпасами пятой экспедиции генерал-майора Генерального штаба Николая Михайловича Пржевальского, основной целью которой должна была стать столица Тибета Лхаса. В архивном деле имеется записка известного исследователя Центральной Азии генерал-майора Н. М. Пржевальского в ГАУ от 15 мая 1888 г. о получении для нужд экспедиции винтовок, пистолетов и патронов к ним (ил. 3)[4]. Но этой экспедиции не суждено было состояться. В начале октября 1888 г. за несколько дней до начала экспедиции Пржевальский во время охоты напился болотной воды и заболел тифом. 20 октября 1888 г. его не стало.

Среди документальных источников архива содержится секретная переписка военного ведомства об одной экспедиции, отправленной в Тибет в 1904 г. под началом 1-го Донского казачьего полка подъесаула Уланова. К началу XX в. отношения России с Тибетом были плохо налажены и сдерживались не только ввиду отдалённости, но и главным образом ввиду отсутствия хорошо обследованных путей доступа в эту страну. С этой целью военное ведомство решило отправить в Лхасу специальную разведывательную группу, под видом буддийских монахов, которую возглавил калмык по национальности Уланов, хорошо владевший тибетским языком и знавший буддийские обычаи и обряды.

Направление разведывательной группы в Тибет было вызвано весьма важными государственными причинами: Англия в это время начала проводить агрессивную политику по отношению к Тибету, а в 1904 г., воспользовавшись войной России с Японией, начала открытую вооружённую интервенцию. Тибетская армия хотя и оказывала упорное сопротивление, но силы были неравны и англичане вскоре заняли Лхасу. Далай-лама вынужден был бежать в Монголию и, находясь там, поддерживал связь с правительствами России и Китая.

Русская дипломатия прилагала большие усилия, чтобы воспрепятствовать установлению полного контроля англичан над Тибетом. Позиция России состояла в том, чтобы Тибет, находясь под протекторатом Китая, сохранял известную самостоятельность. В сентябре 1904 г. Англия подписала договор с чиновниками Тибета, по которому Китай полностью утрачивал своё влияние в Тибете. В этой обстановке русское правительство приняло решение ускорить отправку разведывательной группы подъесаула Уланова в Тибет.

Экспедиция Уланова перешла границу близ Джаркентского таможенного участка, которому было дано распоряжение о беспрепятственном пропуске вооружён-



ГЛАВНОЕ АРТИЛ. УПРАВЛ.
22 АПРЕЛЯ 1908 ГОДА № 19201.
1236.

ИМПЕРАТОРСКОЕ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО.

21 Апрѣля 1908 г.
№ 210

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

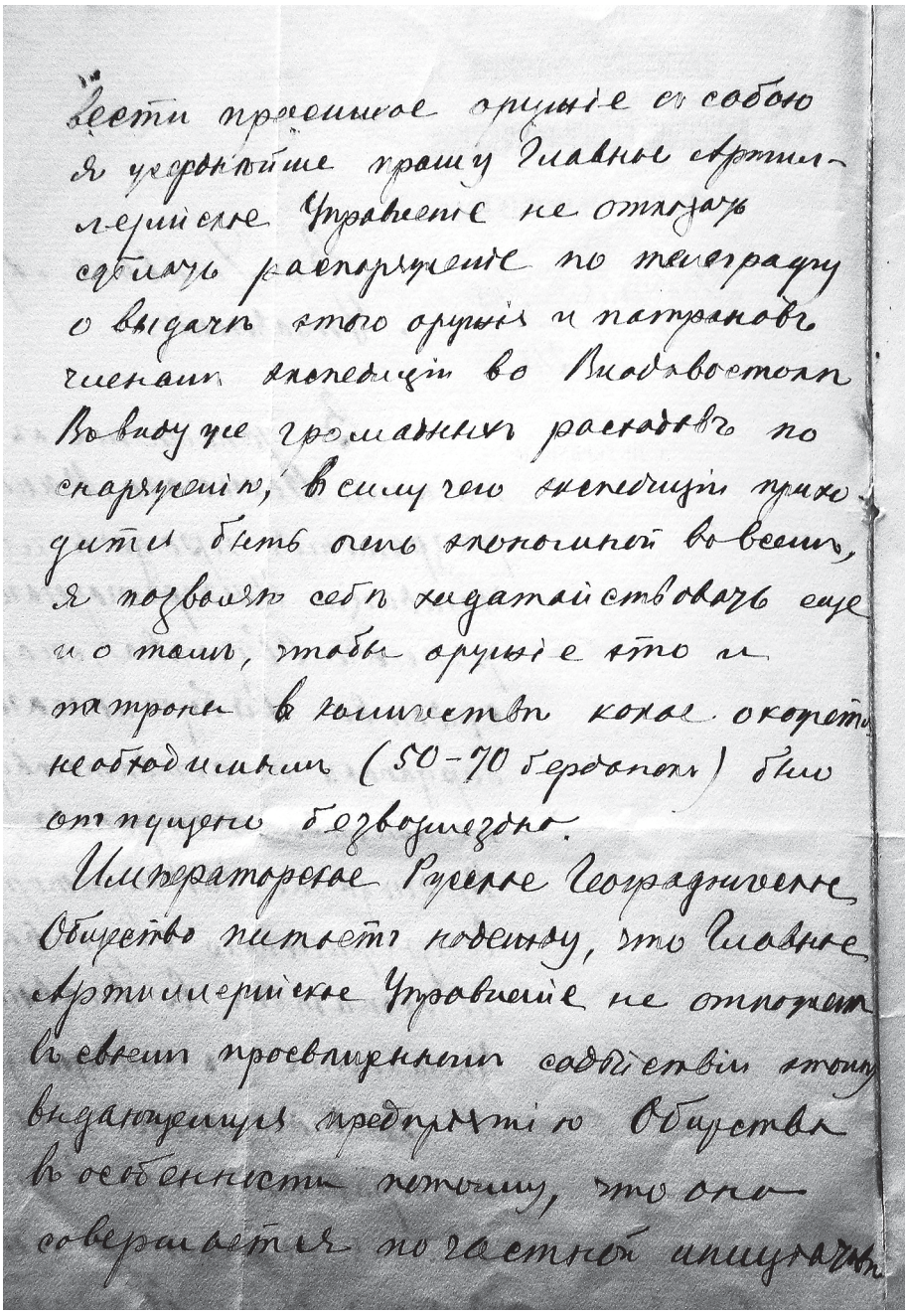
Въ Главное Артиллерійское Управленіе.—

Въ дополненіе къ письму своему на имя Военнаго Министра по поводу разрѣшенія продать членамъ Камчатской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, снаряжаемой на средства Рябушинскаго пятьдесятъ берданокъ и соотвѣтствующаго къ нимъ количества патроновъ, я какъ Вице-Предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества позволяю себѣ обратиться въ Главное Артиллерійское Управленіе съ слѣдующимъ ходатайствомъ.

Въ виду того, что экспедиція уже отправилась изъ Петербурга и что при ея обремененности багажемъ, для нея было бы затруднительно

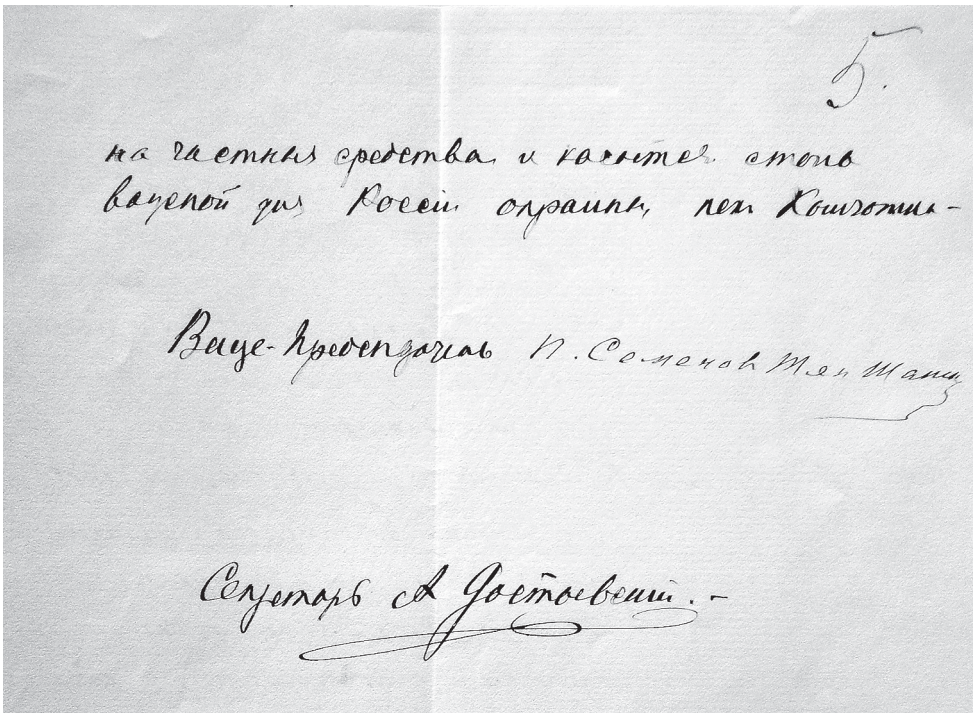
Ю Ма № 21750
26 Апр. Дошкин № 19635

Ил. 1. Письмо вице-председателя Императорского Русского Археологического общества снаряжаемой Ф. П. Рябушинским



вести просимое оружіе съ собою
я усерднѣйше прошу Главное Артил-
лерійское Управленіе не отказать
сдѣлать распоряженіе по телеграфу
о выдачѣ этого оружія и патроновъ
членамъ экспедиціи во Владивостокѣ
Въ виду же громадныхъ расходовъ по
снаряженію, въ силу чего экспедиціи прихо-
дится быть очень экономной во всемъ,
я позволяю себѣ ходатайствовать еще
и о томъ, чтобы оружіе это и
патроны въ количествѣ какое окажется
необходимымъ (50–70 бердонокъ) было
отпущено безвозмездно.
Императорское Русское Географическое
Общество питаетъ надежду, что Главное
Артиллерійское Управленіе не отложитъ
въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствіи этому
выдающемуся предпріятію Общества
въ особенности потому, что оно
совершается по частной иниціативѣ

П.П. Семёнова Тян-Шанского в ГАУ с ходатайством о продаже оружия членам экспедиции, на Камчатку в 1908 г.



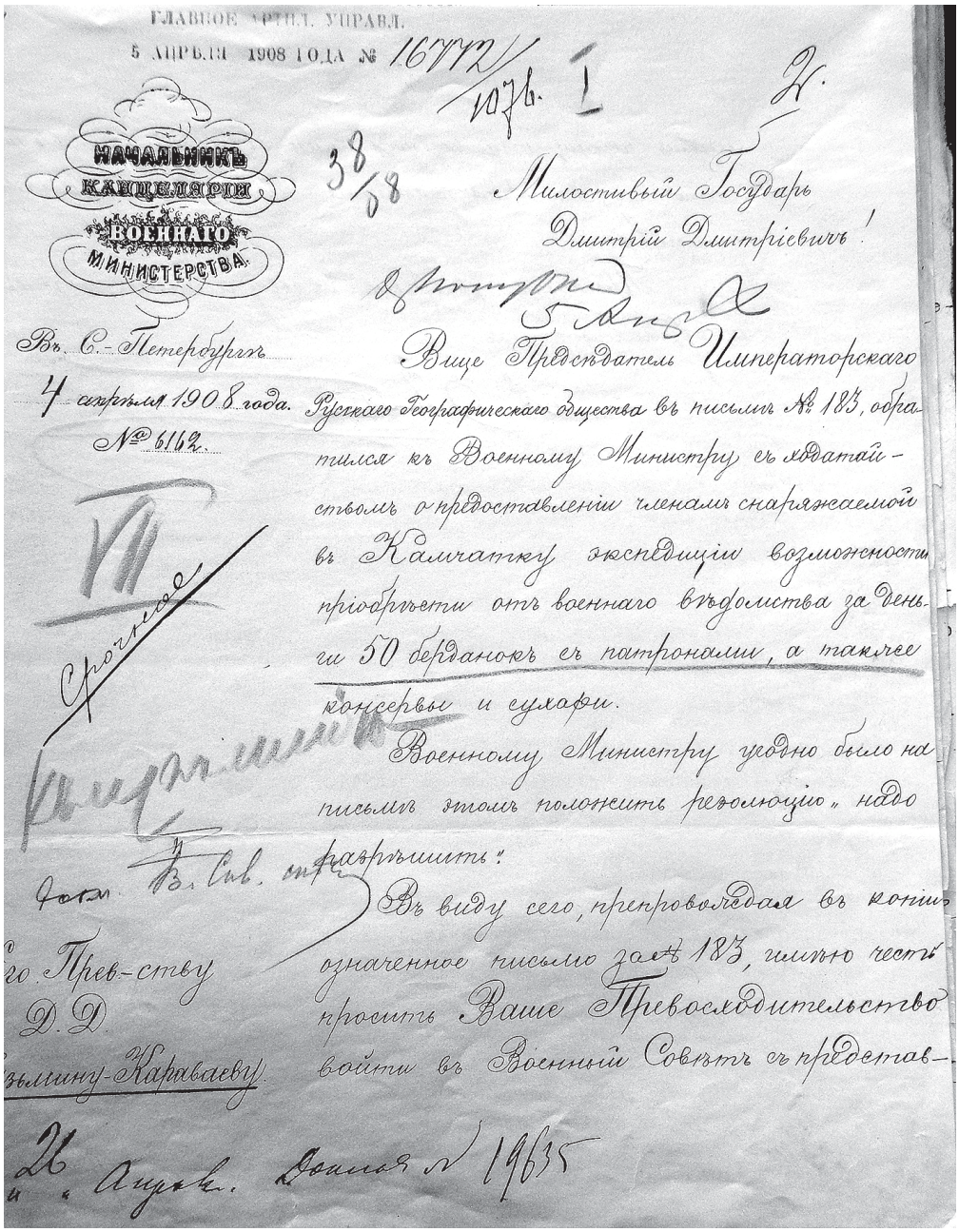
Ил. 1. Окончание

Источник: Исторический архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 8/2. Д. 225. Л. 4–5.

ной группы[5]. Разведывательная группа, направленная в Тибет, вернулась в Россию в 1906 г. Документы архива свидетельствуют, что в связи со смертью подъесаула Уланова в Тибете состоявший при нём заместителем урядник 1-го Донского казачьего полка Шарапов, вернувшись в Россию, сдал все оставшиеся ружья, пистолеты и патроны к ним на артиллерийский склад[6].

Россия прилагала большие усилия для нормализации обстановки в Тибете, ведя переговоры с Китаем и Англией, добиваясь скорейшего восстановления в стране власти далай-ламы. Представляет интерес переписка представителя далай-ламы Хамбо Доржиева с Военным ведомством России о назначении конвоя численностью до 30 человек в период следования далай-ламы из Монголии в Лхасу, о вооружении и снабжении конвоя продовольствием за счёт русского правительства. В письме в ГАУ Хамбо Доржиев ходатайствует о выдаче 100 трёхлинейных винтовок и 20 тысяч патронов к ним[7].

Хорошо скоординированные дипломатические шаги русского правительства позволили в 1907 г. заключить англо-российское соглашение, по которому Англия признала Тибет частью Китая и обязалась поддерживать с ним отношения только через



ГЛАВНОЕ АРТИЛ. УПРАВЛ.
5 АПРѢЛЯ 1908 ГОДА № 16772/1076. I

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА

38/08

Милостивый Государь
Дмитрій Дмитріевичъ!

Въ С.-Петербургѣ
4 апрѣля 1908 года.
№ 6162.

Вице Предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго общества въ письмѣ № 183, обратился къ Военному Министру съ ходатайствомъ о предоставленіи членамъ снаряжаемой въ Камчатку экспедиціи возможности пріобрѣсти отъ военнаго вѣдомства за деньги 50 берданокъ съ патронами, а также консервы и сухари.

Военному Министру угодно было на письмѣ этомъ положить резолюцію „надо разрѣшить".

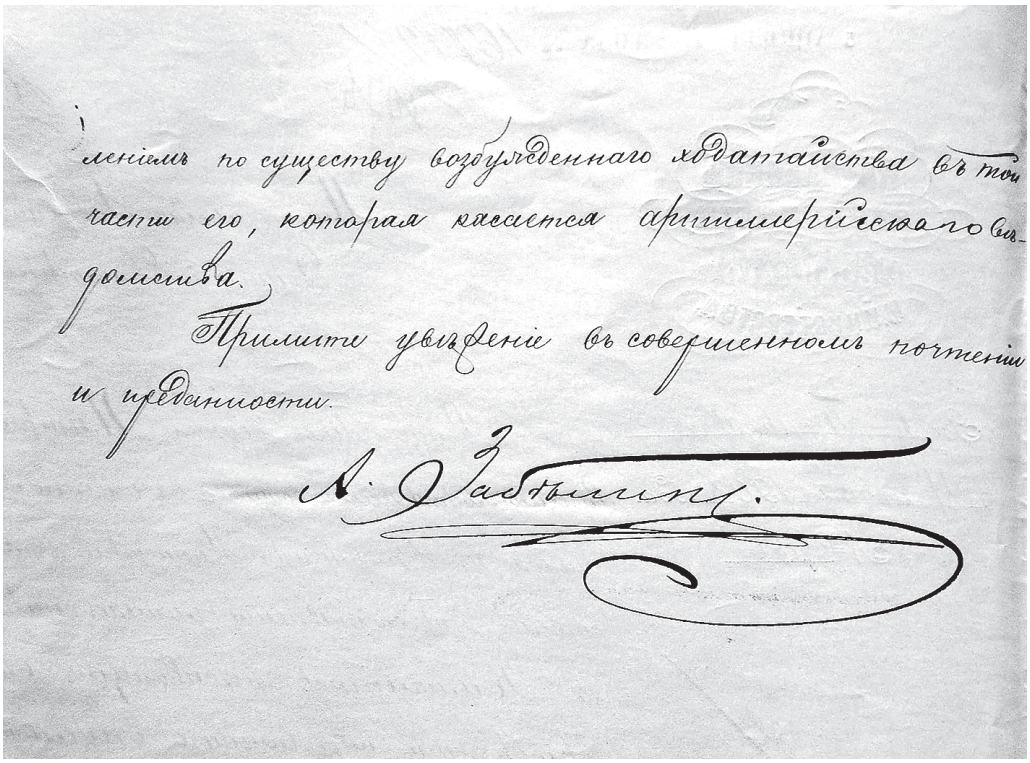
Въ виду сего, препровождая въ копіи означенное письмо за № 183, имѣю честь просить Ваше Превосходительство войти въ Военный Совѣтъ съ представ-

Срочное

Его Прев-ству
Д. Д.
Кузьмину-Караваеву

26 Апрѣля Данная № 19635

Ил. 2. Письмо начальника канцелярии Военного министерства А. Забелина начальнику ГАУ Д. Д. Кузьмину-Караваеву о необходимости снабжения оружием экспедиции на Камчатку


леніемъ по существу возбужденнаго ходатайства въ той
части его, которая касается артиллерійскаго вѣ-
домства.
Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи
и преданности.
А. Забѣлинъ.

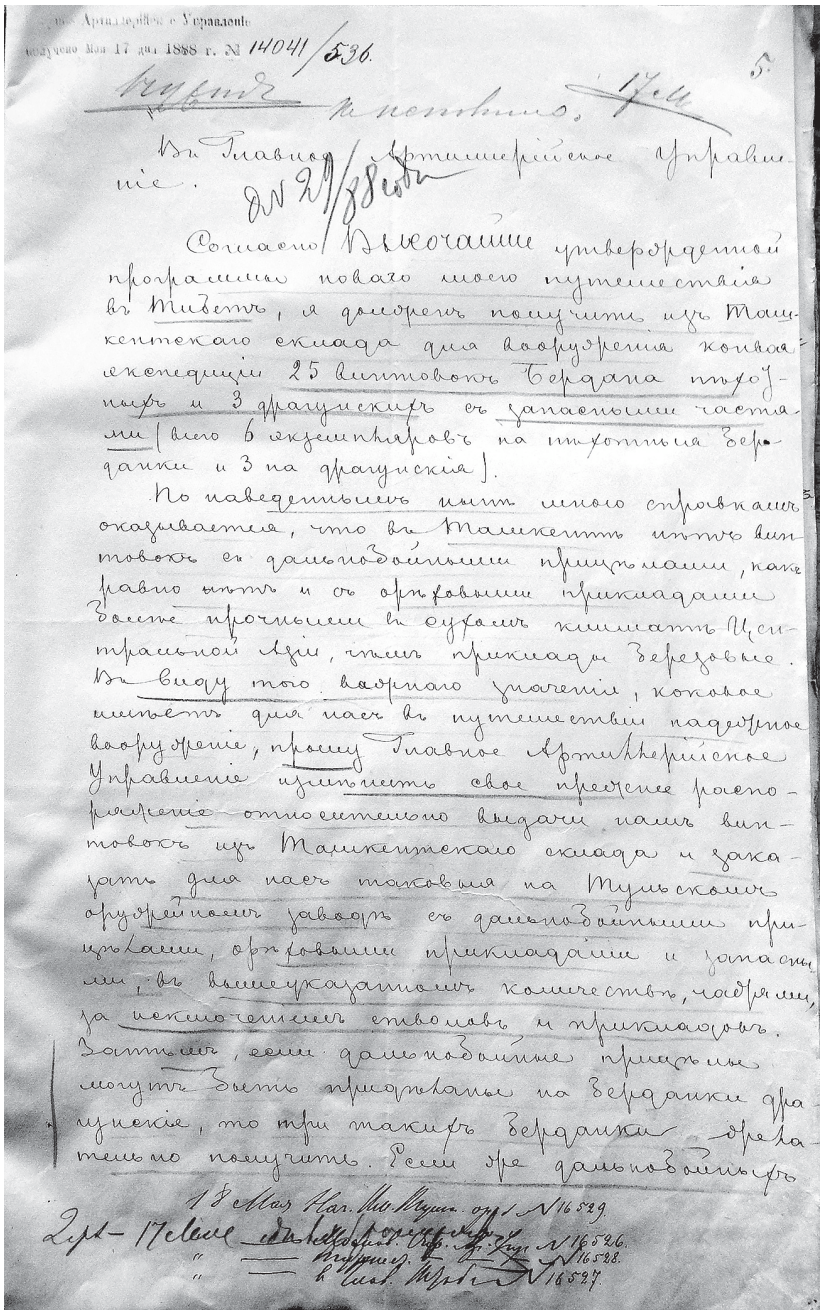
Ил. 2. Окончание

Источник: Исторический архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 8/2. Д. 225. Л. 2–2 об.

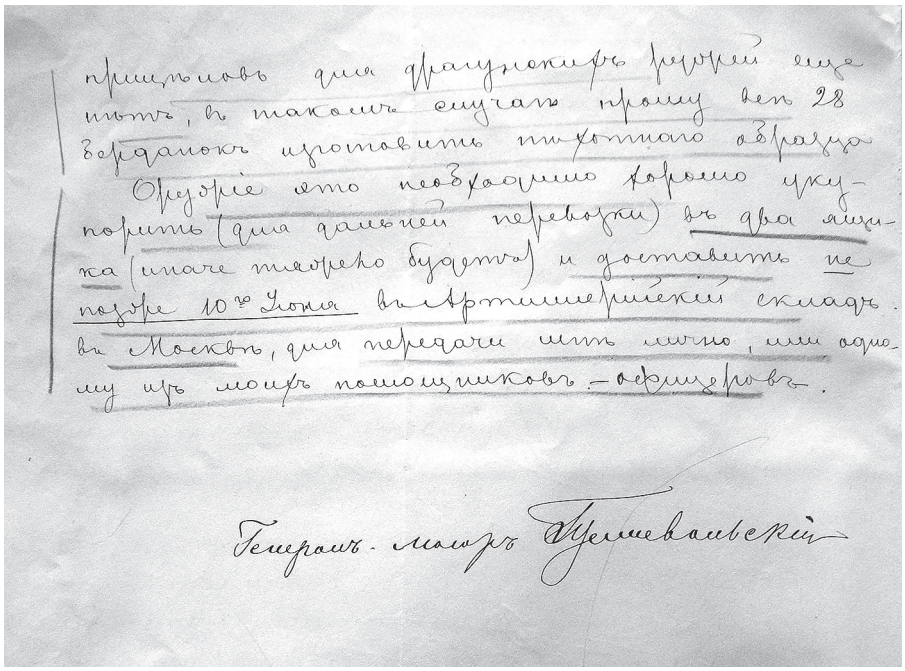
Китай. Важную роль в этом деле сыграла информация, доставленная секретной экспедицией Уланова, позволившая правильно разработать политику России по тибетскому вопросу.

В архиве имеются и некоторые сведения об отпуске оружия и патронов для экспедиции подполковника 1-го лейб-гренадёрского Екатеринославского полка Петра Кузьмича Козлова в 1907 г. (ил. 4). Императорское Русское географическое общество направило экспедицию в Южную Монголию и прилегающие части Западного Китая – в провинции Гань-Су и Сычуань. Целью экспедиции, продолжавшейся два года, было выяснение некоторых географических вопросов, не разрешённых предыдущими исследователями, а также разведка местности и составление топографических карт частей Ордоса и Алашаня, где не ступала ещё нога европейца.

Помощниками подполковника Козлова были геолог А. А. Чернов, состоящий при Московском университете, штабс-капитан корпуса военных топографов Напалков, а также десять нижних чинов, многие из которых ранее участвовали в подобных путешествиях. Экспедиция в основном финансировалась военным ведомством[8].



Ил. 3. Письмо генерал-майора Н. М. Пржевальского в ГАУ о снабжении и вооружении пятой экспедиции в Тибет. 1888



Ил. 3. Окончание

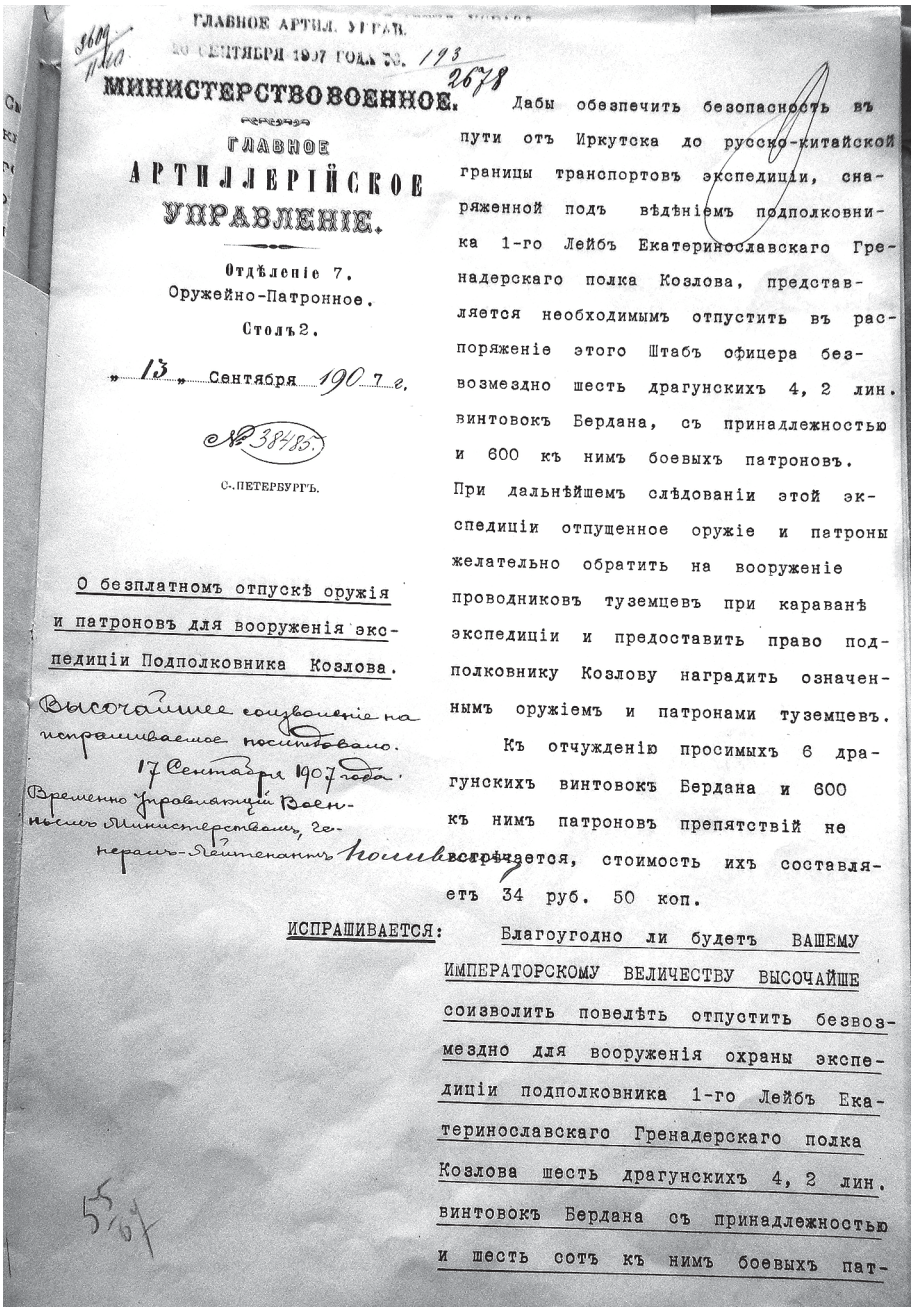
Источник: Исторический архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 5/3. Д. 259. Л. 5–5 об.

В результате этой экспедиции Козловым был открыт мёртвый город Хара-Хото – «столица» тунгутского государства Си Ся. Особенно большое значение имело обнаружение тунгутской библиотеки, состоящей из двух тысяч книг.

Весь выявленный документальный материал о географических открытиях, хранящийся в Архиве ВИМАИВиВС, может стать новым дополнением к уже известным фактам о тесном сотрудничестве Военного ведомства с Русским географическим обществом на протяжении длительного периода времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исторический архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/1. Д. 566. Л. 257.
[2] Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 30. Л. 106.
[3] Там же. Ф. 6 Оп. 8/2. Д. 225. Л. 4–5.
[4] Там же. Оп. 5/3. Д. 259. Л. 5–5 об.
[5] Там же. Оп. 8/2. Д. 149. Л. 13 об.
[6] Там же. Л. 31.
[7] Там же. Л. 34.
[8] Там же. Д. 312.



ГЛАВНОЕ АРТИЛ. УПРАВЛ.
20 СЕНТЯБРЯ 1907 ГОДА № 193

2678

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ.

ГЛАВНОЕ
АРТИЛЛЕРІЙСКОЕ
УПРАВЛЕНІЕ.

Отдѣленіе 7.
Оружейно-Патронное.
Столъ 2.

„13" Сентября 1907 г.

№ 38485.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

О безплатномъ отпускѣ оружія и патроновъ для вооруженія экспедиціи Подполковника Козлова.

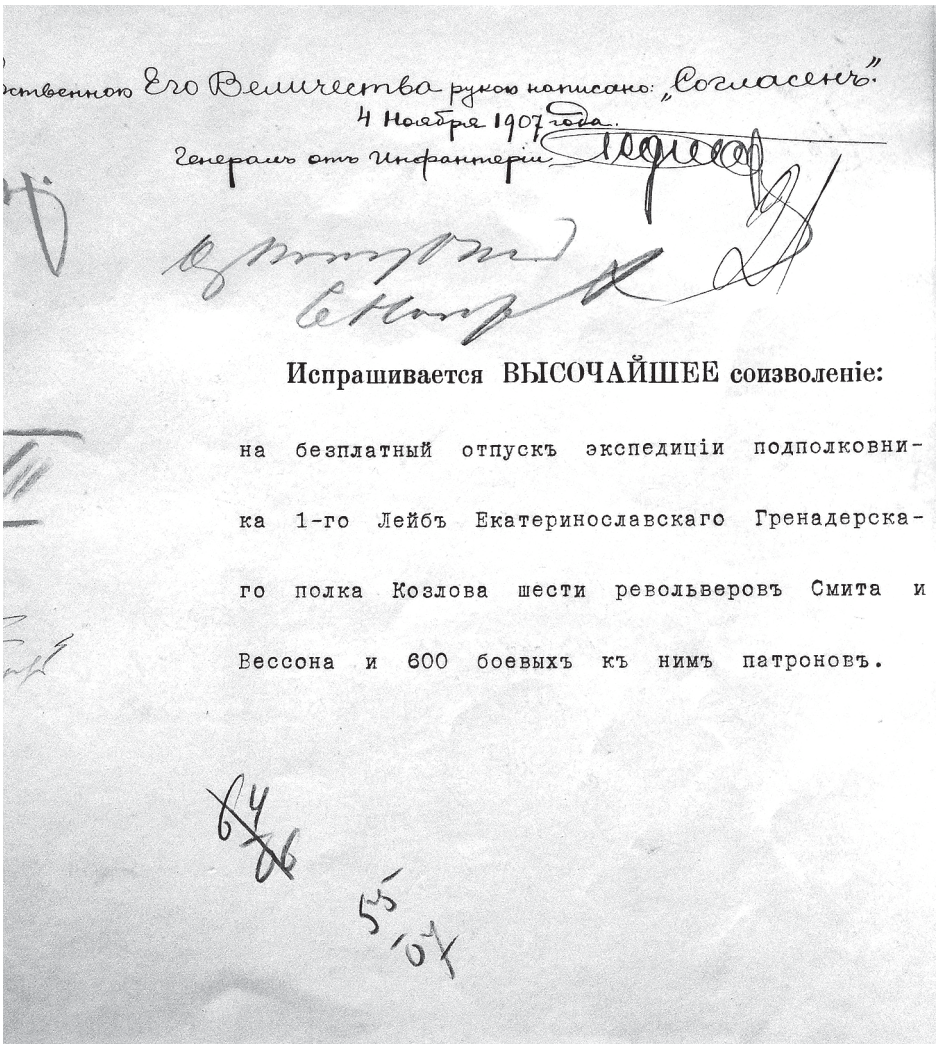
Высочайшее соизволеніе на испрашиваемое последовало.
17 Сентября 1907 года.
Временно Управляющій Военно-Министерствомъ, Генералъ-Лейтенантъ Поливанов

Дабы обезпечить безопасность въ пути отъ Иркутска до русско-китайской границы транспортовъ экспедиціи, снаряженной подъ вѣдѣніемъ подполковника 1-го Лейбъ Екатеринославскаго Гренадерскаго полка Козлова, представляется необходимымъ отпустить въ распоряженіе этого Штабъ офицера безвозмездно шесть драгунскихъ 4, 2 лин. винтовокъ Бердана, съ принадлежностью и 600 къ нимъ боевыхъ патроновъ. При дальнѣйшемъ слѣдованіи этой экспедиціи отпущенное оружіе и патроны желательно обратить на вооруженіе проводниковъ туземцевъ при караванѣ экспедиціи и предоставить право подполковнику Козлову наградить означеннымъ оружіемъ и патронами туземцевъ.

Къ отчужденію просимыхъ 6 драгунскихъ винтовокъ Бердана и 600 къ нимъ патроновъ препятствій не встрѣчается, стоимость ихъ составляетъ 34 руб. 50 коп.

ИСПРАШИВАЕТСЯ: Благоугодно ли будетъ ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВЫСОЧАЙШЕ соизволить повелѣть отпустить безвозмездно для вооруженія охраны экспедиціи подполковника 1-го Лейбъ Екатеринославскаго Гренадерскаго полка Козлова шесть драгунскихъ 4, 2 лин. винтовокъ Бердана съ принадлежностью и шесть сотъ къ нимъ боевыхъ пат-

Ил. 4. О бесплатном отпуске оружия экспедиции подполковника П. К. Козлова в Южную Монголию и западные провинции Китая в 1907 г.


ственною Его Величества рукою написано: „Согласенъ".
4 Ноября 1907 года.
Генералъ отъ Инфантеріи

Испрашивается ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволеніе:

на безплатный отпускъ экспедиціи подполковника 1-го Лейбъ Екатеринославскаго Гренадерскаго полка Козлова шести револьверовъ Смита и Вессона и 600 боевыхъ къ нимъ патроновъ.

Ил. 4. Окончание

Источник: Исторический архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 8/2. Д. 312.

М. Ю. МИРОНОВА
(Музей Николая Рериха, Нью-Йорк)

ВОСТОК В ТВОРЧЕСТВЕ Н. РЕРИХА ДО 1924 ГОДА. КАКИМ ЕГО ВИДЕЛ И ИЗОБРАЖАЛ ХУДОЖНИК ДО ОТЪЕЗДА В ИНДИЮ

Из художественного наследия Н. Рериха, которое нам известно, следует, что одно из первых однозначных обращений к теме Востока произошло у художника после знакомства с выдающимися произведениями живописи древнего Востока, в частности с живописью индийской Аджанты, изданной в репродукциях. Так, отвечая на реплику в свой адрес в журнале «Перевал» в 1905 г., Николай Константинович пишет, что фреска, изображающая склонённую в глубоком поклоне девушку, «выражением безгневного покоя дала мне фигуру и сказку о Девассари»[1]. Шедевры живописи Аджанты вдохновили художника на создание сказки о последовательнице Будды, жившей в одном из индийских царств. В своих картинах Рерих повторяет позу и внешний облик героинь стенописи Аджанты, однако создаёт Девассари более самоуглублённой, чем прототип, – с полузакрытыми глазами, её фигура слегка «уплотнена» по сравнению с оригиналом из Аджанты, возможно, художник использовал для её разработки и индийскую скульптуру[2] (ил. 1).

Древняя колонна, на которую опирается героиня, более проработана по сравнению с первоисточником и своими орнаментами напоминает деревянные колонны в «Идолах». Несмотря на изображение райских птиц и цветущих деревьев, пейзаж по колориту напоминает родные художнику ладожские и новгородские просторы. Также и в другой картине – «Девассари Абунту» (1906) – художник помещает героиню в пейзаж, где покоятся «сокровища ангелов» – камни, подобные камням с одноименной картины, намекающие на сущность самой Девассари («Сокровище ангелов», 1905).

Ил. 1. Н. Рерих. Девассари Абунту с птицами. 1905. Бумага на картоне, темпера, гр. карандаш, чернила, бронза. 48 × 38,9 см. Частное собрание

После 1915 г. художник вновь обращается к восточной теме в живописных произведениях, в основном это иллюстрации к сказкам, например «Граница царства» (ил. 2). В этой картине к одноимённой сказке мы видим персонажей в Гималаях, и этот пейзаж существенно отличается от тех величественных вершин, которые изображены на картинах после 1924 г.

В этих картинах пока ещё нет той убедительности в изображении Азии, которая присуща произведениям азиатского периода. Да

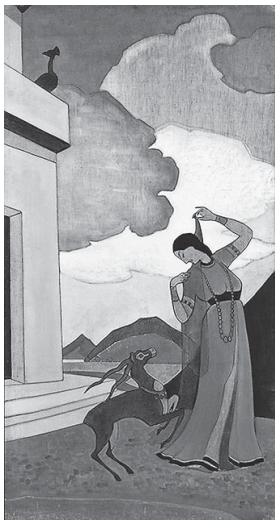
Ил. 2. Н. Рерих. Граница царства. 1916

и сам художник впоследствии писал в эссе «Сердце Азии»: «Убедительность, это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создаётся лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но, тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать»[3].

В начале 1920-х годов Рерихи строят серьёзные планы по поводу посещения Индии. К этому времени художник обращается в своей живописи к восточной миниатюре и дальневосточным художникам. Николай Рерих знакомится с восточным искусством в музеях Европы и Америки, а также использует для разработки своих произведений репродукции картин в живописных альбомах, берёт во внимание отчёты азиатских археологических экспедиций, в которых представлено творчество местных мастеров, уже в то время доступное в прорисовках и репродукциях. Так, сюжет произведения «Песнь утра» (ил. 3) – на основе тодди-рагини «тоска по Возлюбленному», который в Индии олицетворяет тоску души по Высшему началу; образ героини взят из индийской миниатюры[4] (ил. 4), но пейзаж во многом напоминает по колориту и очертаниям ладожские просторы.

Герой произведения «Неведомый певец»(1923) своим обликом подобен персонажам с буддийских тханок, а персонаж картины «Атлант»(1923) написан по мотивам миниатюры, изображающей Кришну.

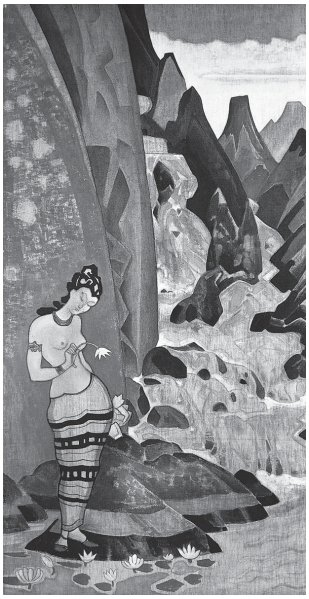
Заслуживает внимания обстоятельство, ранее отмеченное Е. П. Маточкиным[5], что в живописи Н. К. Рериха к 1920 г. ярко прослеживается влияние китайской живо-



Ил. 3. Н. Рерих. Песнь утра. Сюита «Сны мудрости». 1920. Холст, темпера. 235,2 × 122 см. МНР

Ил. 4. Наика и олень. 1750–1775. Пенджаб. Непрозрачная бумага, акварель. 16,4 × 11,3 см. Ворчестерский музей

писной школы. Скажем, в ряде произведений, таких как «Сокровище» (1919), «Неведомый певец», «Песнь Потока» (ил. 5), «Святой Николай» (1920), «Атлант», в качестве пейзажа, который у Николая Рериха всегда раскрывает характер героев, используется глубоко символичная дальневосточная живопись. Например, в «Сокровище» мы видим стилизацию под дальневосточную живопись с целью показать высший духовный мир, где человек складывает сокровища своей души. «Неведомый певец» плывёт в ладье по морю из тумана и облаков, что также использовалось Рерихом и в более поздних работах для изображения Высших миров – «Прогулка Куан-ин» (1926), «Превыше гор» (1924), «Агни-Йога» (1928).



Ил. 5. Н. Рерих. Песнь потока. Сюита «Сны мудрости». 1920. Холст, темпера. 235,2 × 122 см. МНР

Ил. 6. Спутница Падмапани. Аджанта. Пещера 1. V в.

Ил. 7. Jifei Hanging. Белохитонная Гуань-инь смотрит на водопад. Свиток на шелке. Музей истории и культуры Нагасаки

В «Песне потока» (ил. 5) мы видим героиню, подобную спутнице Падмапани с фрески Аджанты (ил. 6) на фоне дальневосточного пейзажа, в частности похожего на пейзаж свитка «Белохитонная Гуань-инь смотрит на водопад» (ил. 7). Водопад в живописи Дао как высший источник жизни, как место встречи Неба и земли, обычное явление около горы Поталака, где обитает Гуань-инь, поясняет образ самой героини – Великой Природы-Матери, покровительницы всего живого. Очевидно, что художник, обращаясь к живописи Востока, просто не мог найти более убедительного средства для раскрытия и пояснения сути своих героев. Впоследствии при непосредственном знакомстве с восточной культурой Рерих писал: «Почтительно-холоднова-

то или писарски-научно рассматриваем тибетские и непальские знамена-картины в Британском музее, или в Музее Гимэ в Париже, или в Фильдс Музее в Чикаго. Совсем иначе подходите вы к тем же картинам на месте. И они говорят вам совсем иное. Каждое движение руки Будды полно живого значения для здешнего мира. Добрые и злые сущности с их бесчисленными символами из орнамента преображаются в живущий эпос»[6].

Погружение Н. К. Рериха в изучение Востока и осмысление его культуры через творчество восточных мастеров стало толчком к зарождению того непревзойдённого индивидуального стиля художника, проявившегося в работах позднего периода и давшего ему имя «Мастера гор». Это произошло не сразу после знакомства с Индией и Азией, а спустя годы, когда Рерих отождествился с этой культурой, что позволило ему выработать свой неповторимый стиль, который так восхищает многих поклонников творчества художника.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Николай Рерих в русской периодике, (1891–1918). Вып. II: 1902–1906 / сост. О. И. Ешалова, А. П. Соболев, В. Н. Тихонова; отв. ред. А. П. Соболев. СПб.: Фирма Коста, 2005.

[2] Возможно, подобную скульптуре «Женщина под струей водопада» из Матхуры. См.: *Тюляев С. И.* Искусство Индии III тыс. до н. э. – VII в. н. э. М.: Искусство, 1988.

[3] *Рерих Н. К.* Сердце Азии. Новосибирск: Издательский центр «РОССАЗИЯ», 2008.

[4] *Крылов П. И.* Индийский путь: статьи и очерки разных лет. СПб., 2015. С. 30.

[5] *Маточкин Е. П.* Древний Китай в творчестве Н. К. Рериха // Сборник материалов научной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения Н. К. Рериха. Нижний Новгород: НГХМ, 1994.

[6] *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. М.: Рипол Классик, 2001.

Н. И. КУЛАКОВА
(Общественный центр «Мир Востока»
при Институте востоковедения РАН, Москва)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Хочу рассказать об одной фотографии, увиденной в провинциальном музее. На ней группа молодых людей проводит время за настольной игрой. Действие происходит в домашней обстановке, и скорее всего в комнате художника – на стене висят холщовые сумки, в каких художники носят свои картоны. На обороте фотографии надпись: «Г. В. Чичерин с друзьями – студентами Петербургской Академии художеств И. Э. Грабарём, Н. К. Рерихом, Щербиновским. 1893 г.» (ил. 1).

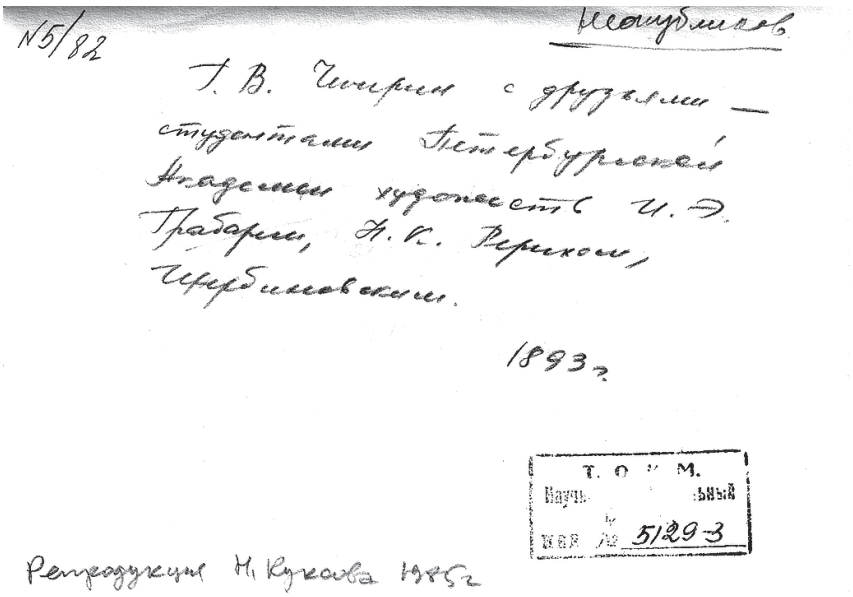
Об этом времени читаем в «Листах дневника» Н. К. Рериха: «Вспоминаю 1893 год – экзамен для поступления в Академию. <…> На радостях пошли посидеть в Академический сад – там хорошо бывало в осеннее время, среди золота лип и клёна»[1]. Похоже, что фотография была сделана в то же время года – «игроки» сидят возле открытого окна и освещены солнцем.

В Академии художеств перед Рерихом встал выбор, у кого учиться мастерству – у Репина или у Куинджи. Судьба не случайно подвела его к Куинджи. А вот два других художника с нашей фотографии учились у Репина, о чём мы также читаем в «Листах дневника»: «У Репина были Кустодиев, Грабарь, Щербиновский…»[2] Имя художника Щербиновского ещё раз встретится в дневниковых записях Рериха: «В скромной квартире сестёр Шнейдер (племянниц Минаева) в составе комитета буддийского храма мы обсуждали, как привести в исполнение мысль Щербатского. Много русских прошло по Индии – Сталь, Голубев, Авинов, Ростовцев, и только в забытых журналах имеются их заметки. И теперь бывали Вавилов, Щербиновский, Ульянишев, Перов – многие, но и эти путники прошли почти без следа»[3].

Дмитрий Анфимович Щербиновский (1867–1926) – художник, будущий педагог, а на нашей фотографии студент, жил неподалёку на Васильевском острове, точнее, на 6-й линии, д. 1, кв. 33 (ил. 2). Вероятнее всего, фотография была сделана у него дома. Может быть, это была комната, о которой, пишет Грабарь в своей «Автомонографии»: «…мы с ним [Щербиновским] жили в дружбе, снимая около года вместе одну комнату»[4].

Нам удалось найти работу Щербиновского, относящуюся к 1894 году. Картина называется «Трио» и находится в Омском художественном музее им. Врубеля (ил. 3). Как сказано в пояснении: «Работа написана в период обучения в Академии художеств, на ней изображены участники одного из музыкальных вечеров, проводившихся в 1893–1894 годах на квартире художника на Васильевском острове»[5]. В статье-исследовании И. А. Золотинкиной и И. Л. Тихонова «Дух свободы ("Мир искусства" и Санкт-Петербургский университет)» находим подтверждение этому: «В то время массовым увлечением молодёжи была и музыка»[6].

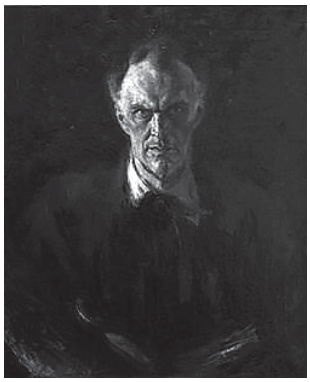
Об этом пишет и Грабарь: «Он [Щербиновский] был очень музыкален. Недурно играл на виолончели, и у нас в комнате часто устраивались квартеты, в которых



Т. О. У. М.
Научный
№ 5/293

Ил. 1. Г. В. Чичерин с друзьями – студентами Академии художеств И. Э. Грабарём, Н. К. Рерихом и Д. А. Щербиновским. 1893. Лицевая и оборотная стороны фотографии. Дом-музей Г. В. Чичерина (филиал Тамбовского областного краеведческого музея), № 5/28. 51293. Репродукция Н. Куксова. 1985. Публикуется впервые

иногда первую скрипку играл Г. В. Чичерин – студент университета, впоследствии народный комиссар иностранных дел»[7]. На картине Щербиновского среди участников трио мы видим молодого человека, играющего на скрипке, это **Георгий Васильевич Чичерин** (1872–1936) – ещё один персонаж на нашей фотографии. Чичерин не был художником, он любил музыку. В 1891–1896 годах он учился в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. На картине мы видим и самого художника – он играет на виолончели. Щербиновский был из «старичков» – учеников старой Академии, унаследованных новой. В старую Академию он поступил ещё в 1891 году, после того как отучился на юридическом факультете Московского университета. Во время учёбы в Академии художник выделялся блестящим талантом, работал в духе французских импрессионистов, но картины его были написаны в каких-то скучных, мыльных тонах, и в дальнейшем он ничем особенно себя не проявил.



Ил. 2. Д. А. Щербиновский. Автопортрет (1917–1926). Калужский областной художественный музей

В то время в университете учились многие художники, в частности многие мирискусники. По словам Бенуа, учёба в университете была для них чем-то само собой разумеющимся[8]. В статье «Дух свободы» хорошо показано благотворное влияние двух, казалось бы, разных дисциплин. Университетское образование, этот «…незаметный, и в то же время необходимый фундамент, при всей своей случайности для каждого из мирискусников в отдельности, в целом оказалось закономерностью. Это образование во многом формировало, определяло тип художника Серебряного века – интеллектуала и эстета, “энциклопедиста” как в плане художественных специализаций, так и в общекультурном смысле. Именно в начале XX века, и прежде всего благодаря “Миру искусства”, произошёл переворот в общественном сознании, когда творец из достаточно однобокой, часто легковесной или маргинальной фигуры превратился во властителя дум, став интеллектуальным камертоном общества»[9]. С. П. Дягилев, вспоминая свою молодость, своё студенчество, говорил, что это было самое счастливое время всей его жизни.

Ил. 3. Д. А. Щербиновский. Трио. 1894. Бумага, гуашь. 27 × 17,5 см. Из коллекции А. В. Касьянова. В настоящее время в Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля

Итак, все, кого мы видим на фотографии, были студентами университета. А. Бенуа вспоминал: «До юриспруденции нам было мало дела, но четыре универ-

Ил. 4. Н. Рерих. 1892 год

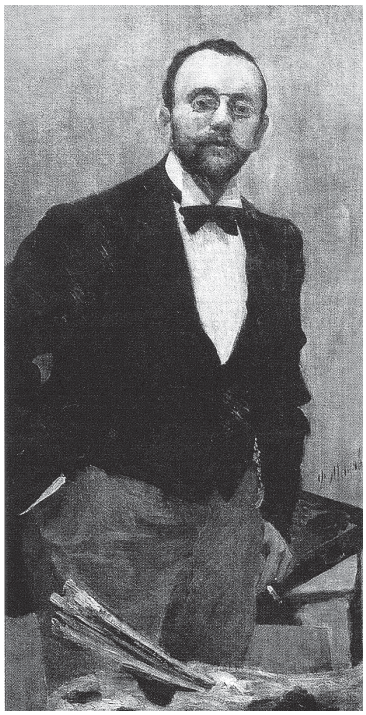
ситетских года прошли недаром, они дали возможность, оглядевшись, досыта начитаться и, главное, дали нам необходимую передышку между гимназией и жизнью»[10].

Аналогично было и с Рерихом. На юридический факультет университета он поступил одновременно с поступлением в Академию художеств, хотя его более привлекал историко-филологический факультет. Как он писал позже, «на юридическом факультете сдавались экзамены, а на историческом слушались лекции»[11]. Но «Университету, сравнительно с Академией художеств, уделялось всё же меньше времени». Для Рериха «Университет остался полезным эпизодом»[12]. Академия же была и осталась на всю жизнь альма-матер. «Как таинственно-зовуще было само здание Академии, предшествуемое на Неве сфинксами и окружённое по всей набережной Васильевского острова такими историческими зданиями, как Горный институт – с одной стороны, Меншиковские палаты, университет, Биржа – с другой стороны»[13] (ил. 4, 5).

Похоже складывалась студенческая судьба ещё одного человека, которого мы видим на фотоснимке, – **Игоря Эммануиловича Грабаря** (1871–1960) (ил. 6).

Ил. 5. Академия художеств. Современная фотография

Как рассказывал Рерих, И, Э. Грабарю было нелегко – будущий художник всего добивался сам, много читал, изучал языки, пробовал себя в литературе. Осенью 1889 года он поступил в Петербургский университет и учился одновременно на двух факультетах – юридическом и историко-филологическом. С 1892 года начал заниматься рисунком у П. П. Чистякова, мастера, через чьи руки прошли многие художники, в частности Рерих. В Академию художеств Грабарь поступил в 1894 году. И уже в первые годы XX века стал одной из видных фигур культурной России. Вот что писал о нём Рерих: «… всюду, где он появлялся, зарождалось какое-нибудь новое, полезное дело!»[14]



Ил. 6. Ф. А. Малявин. Портрет И. Э. Грабаря. 1895. Государственный Русский музей

На картине Б. М. Кустодиева, где мы видим групповой портрет художников «Мира искусства» (ил. 7), Рерих и Грабарь сидят рядом. Это не случайно, они были не только современниками и участниками одного дела, немало общего было в их творческих биографиях, у обоих главным стимулом жизни было русское искусство.

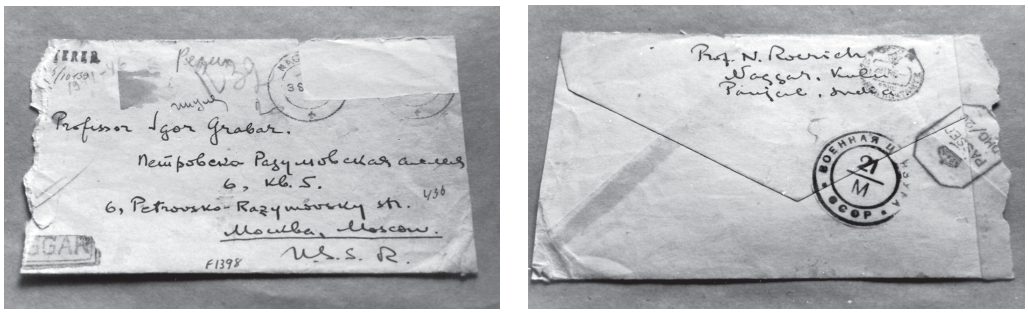
Своё издание «Истории русского искусства» Грабарь начал осуществлять после поездки по русскому северу. Он был инициатором, автором и редактором многих разделов «Истории». В это издание вошли фотографии, сделанные Еленой Ивановной Рерих во время их совместного с Николаем Константиновичем путешествия по русским городам[15]. Первый том «Истории» появился в 1908 году, и до 1914 года вышло пять томов. Дальнейшая судьба издания была печальна – в 1915 году во время немецких погромов в Москве все клише и негативы были уничтожены. Грабарь долго не мог прийти в себя. В письмах Грабаря и Рериха той поры много внимания уделено восстановлению утраченных материалов. Их переписка, начавшаяся в первые годы нового века, продолжалась с некоторыми перерывами всю жизнь. Их письма непременно начинались дружеским обращением: «Дорогой Игорь», «Дорогой Николай»[16] (ил. 8).

Предпоследнее письмо Рериха к Грабарю написано 26 июня 1947 года: «Всем Твоим от нас всех душевный привет. Радоваться Тебе»[17].

В 1926 году, когда Рерих приезжал в Москву, он встречался с Грабарём, это была их последняя встреча, из Москвы Рерихи уезжали «в Абиссинию».

И. Э. Грабарь был оригинальным и самобытным художником (ил. 9, 10). Кроме того, он всегда находил себе место в различных общественных образованиях, выставочной работе, реставрационных мастерских, в преподавательской деятельности. В тяжёлые для интеллигенции годы художник многим помогал, например Ю. А. Олсуфьеву.

Ил. 7. Б. М. Кустодиев. Групповой портрет художников общества «Мир искусства». Эскиз. 1920. Государственный Русский музей



Ил. 8. Лицевая и оборотная стороны конверта письма Н. К. Рериха И. Э. Грабарю. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи

Отношения, зародившиеся в студенческие годы, сохранялись у Рериха со многими людьми. Николай Константинович, где бы он ни находился, тепло вспоминал своих товарищей. Не забывали о нём и друзья. Так, ещё один из персонажей, изображённых на нашей фотографии, Георгий Васильевич Чичерин (ил. 11, 12), знавший Рериха с университетских лет, после революции, будучи наркомом иностранных дел, не оставлял без внимания обращения к нему Рериха.

Ил. 9. И. Грабарь. Мартовский снег. 1904. Государственная Третьяковская галерея

Ил. 10. И. Грабарь. Хризантемы. 1905. Государственная Третьяковская галерея

В «Автомонографии» И. Э. Грабарь рассказывал, как зимой 1925/26 года у него состоялся разговор с Чичериным по телефону. Чичерин спрашивал: «Какого-то художника Рериха с женой и сыном задержали недавно в Монголии, может быть, это тот самый? – «Несомненно, это он». – «А как вы думаете, желательно его возвращение к нам?» – «Возвращение Рериха, художника столь значительного и столь известного, можно только приветствовать»[18]. Разговор несколько странный, поскольку Чичерин спрашивает о Рерихе так, словно он о нём ничего не знает. Но тут надо сделать скидку

Ил. 11. Г. В. Чичерин

Ил. 12. Дом-музей Г. В. Чичерина в Тамбове. Современная фотография

на некоторые особенности характера Грабаря. В своём пересказе он мог и немного исказить происходившие события, да и время было непростое.

Рерих, путешествуя по Азии, имел далекоидущие планы, о которых он информировал наркома. Чичерин не случайно называл Рериха «полубуддистом-полукоммунистом»[19].

В июне 1926 года, когда Рерих с сотрудниками приехал в Москву, первым делом он встретился с Чичериным. Главным для Рериха было передать послание Махатм, непременно «естественным» порядком. Это задание Рерих выполнил, он передал Чичерину ларец со священной гималайской землёй, послание Махатм к советскому народу и письмо самому Чичерину.

Мы знаем, как спешно Рерихи покидали Москву, где они оказались на волосок от гибели. Опасность сопровождала и Чичерина. Вот запись от 19 февраля 1926 года: «С трудом спас Ч[ичерина] от покушения. Трудно представить, какие силы были собраны против него. Одновременно были направлены три способа уничтожения. <…> С разных сторон были приготовлены ему отравление, покушение и пуля. Пучина должна была залить нужные сближения с Ф[уямой]. Чутко уловил пулю и крушение, но отравление почти осуществилось. Но всё-таки стакан был вовремя разбит. Сам он никогда не поверит, сколько опасностей было кругом»[20].

С того времени, как четыре молодых студента были сфотографированы осенью 1893 года, до событий 1926 года прошла треть века. За эти годы многое изменилось в мире, изменились и наши студенты. Но то, что их объединяло когда-то, было с ними всегда, давая силы трудиться на благо Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Рерих Н. К.* Листы дневника: в 3 т. Т. 2. М.: МЦР, Мастер-Банк, 2000. С. 161.
2 Там же. С. 159.
3 Там же. Т. 3. С. 319–320.
4 *Грабарь И.* Моя жизнь. Автомонография. Этюды о художниках. М.: Республика. 2001. С. 98.
5 Сокровища Омского музея изобразительных искусств: русское и западноевропейское искусство. Живопись. Графика: альбом. Книга первая. Омск: АО «Сибирский торговый дом SibWest», 1994. С. 6.
6 *Золотинкина И. А., Тихонов И. Л.* Дух свободы («Мир Искусства» и Санкт-Петербургский университет) // Рериховское наследие: тр. Междунар. науч.-практ. конф. Т. VI. СПб., 2008. С. 102.
7 *Грабарь И.* Моя жизнь. С. 98.
8 *Золотинкина И. А., Тихонов И. Л.* Дух свободы… С. 85.
9 Там же. С. 86.
10 Там же. С. 107.
11 *Рерих Н. К.* Университет (1937) // Рерих в России. М.: МЦР, 1993. С. 20.
12 Там же.
13 *Рерих Н. К.* Академия художеств // Рерих в России. М.: МЦР, 1993. С. 22.
14 *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. 2. С. 129-130.
15 Там же. С. 36.
16 *Рерих Н. К.* Письма к И. Э. Грабарю // ОР ГТГ. Ф. 44/32, 10141.
17 Там же.
18 *Грабарь И.* Моя жизнь. С. 280.

[19] В записях Е. И. Рерих за 1925–1926 годы имя Чичерина встречается не единожды. Так, в записи от 28 декабря 1925 года читаем: «Считаю, что Ч[ичерин] может понять, что Учение Наше являет силу явления Нового Мира», а в записи от 15 января 1926 года: «…Утруждаю Ч[ичерина]. Рука Моя часто описывает спираль к нему» (*Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики. Т. 6. М.: Прологъ, 2009. С. 315, 335).

[20] *Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики. Т. 7. С. 13.

В. В. ВИХРОВ
(Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ПОЕЗДКЕ СЕМЬИ РЕРИХОВ В СОРТАВАЛУ В ДЕКАБРЕ 1916 ГОДА

В декабре 2016 г. исполняется 100 лет со времени первой поездки семьи Рерихов в Сердоболь – Сортавалу[1].

Рерихи неоднократно бывали в Финляндии, посещали Выборг, Иматру, Пункахарью, Нейшлот (Савонлинну). Вот и в декабре 1916 г. решили поехать в Финляндию на рождественские каникулы, тем более что лёгочная болезнь Н. К. обострилась и ему был полезен карельский сухой и морозный воздух.

Когда же Рерихи выехали в Сортавалу?

> «Подошло Рождество, прошли школьные экзамены, Е. И. решила на праздники ехать в Финляндию. Все гостиницы оказались заняты, хорошо, что Ауэр[2] надоумил ехать в незнакомый нам Сердоболь (Сортавала) на севере Ладоги. Решили, поехали. Конечно, бабушки и тётушки считали такую морозную поездку сумасшествием. Было 25° мороза по Реомюру. Вагон оказался нетопленным: испортились трубы. Всё же доехали отлично. “Сейрахуоне”, гостиница в Сортавале, оказалась совсем пустой. Ладога с бесчисленными скалистыми островами очаровательна»[3].

В другом месте Н. К. уточняет дату отъезда: «Шестнадцатого декабря[4] 1916 года мы выехали в Финляндию. Карелия была хороша для моих нескончаемых бронхитов и пневмоний»[5].

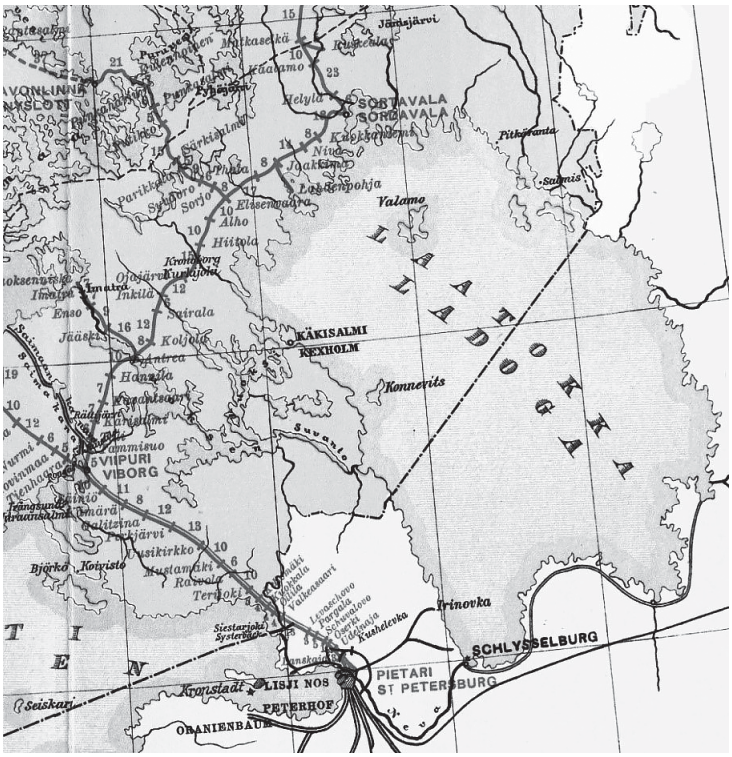
Эта дата отъезда (16 декабря) стала «канонической» в исследовательских статьях, посвящённых карельскому периоду жизни Н. К. Рериха.

Но у Н. К. Рериха есть ещё одно упоминание об отъезде из Сортавалы:

> «**Поздно ночью 17 декабря 1916 года отошёл поезд.** Его не отапливали. Родственники думали, что наша поездка – безумие. Святослав помнит точно, как мы завернулись во все наши одеяла при 25° ниже нуля. Мечта действия! И покрытые снегом скалы Финляндии возникли перед нами, как первые вестники будущих Гималайских высот. Е. И. так не терпелось поехать; она хорошо знала трудности пути, но ничто не могло остановить её»[6].

В 1916 г. железная дорога на Сердоболь проходила через г. Выборг (ил. 1). Пассажиры, следующие в Финляндию, должны были пройти таможенный досмотр ручной клади, переводили часы на двадцать минут назад – на финское время. В Финляндии была и своя денежная единица – финская марка (обмен русских денег осуществлялся на вокзале). Кроме того, в Финляндии действовал григорианский календарь, в то время как в России – юлианский. Чтобы попасть в Сердоболь, в Выборге нужно было пересаживаться на поезд, следующий до Йоенсуу.

Железная дорога через Приозерск ещё строилась, к строительным работам приступили летом 1913 г. С началом в 1914 г. Первой мировой войны строительство же-



Ил. 1. Карта финских железных дорог. 1911 г. (фрагмент)

лезной дороги замедлилось и было закончено только в январе 1917 г., в июле пустили первые пассажирские поезда.

Что значит «поздно ночью отошёл поезд»? Расписание отправления поездов в сторону г. Выборга нашлось в газете «Новое время»[7]. Поезда отправлялись с Финляндского вокзала в 7:00; 7:40 (до Торное); 9:30 (до Хельсинки); 13:15; 15:50 (до Хельсинки); 16:20; 20:00 (до Хельсинки); 00:00 (до Хельсинки); 1:05 (до Хельсинки).

Полного расписания поездов на зиму 1916/1917 г. найти не удалось. Но нашлось летнее расписание движения поездов на 1916 г., из которого видно, что время отправления поездов в сторону г. Выборга летом точно такое же, как и зимой (ил. 2).

Есть надежда, что и время отправления поезда Выборг – Йоенсуу в зимнее время осталось прежним – 8:43 утра. Надо сказать, что до начала Первой мировой войны до г. Йоенсуу ходило два поезда в день – утром и после обеда. В 1916 г. остался только один поезд. Единственным «согласованным» с поездом до г. Сердоболь был поезд, отправляющийся из Петрограда в 1:05 ночи. Можно было выехать в Выборг и в 12 ночи, но это был курьерский поезд, который шёл до Выборга всего три часа, и пересадку пришлось бы ждать ночью более пяти часов. Вероятнее всего, Рерихи выбрали поезд, отправлявшийся в 1:05 – ждать пересадки нужно было всего два часа.

251. Петроградъ - Гельсингфорсъ

Безъ пересадки: Петроградъ - Рихимяки - Торнео I-III кл. въ п. 11. || Kyonio - Гельсингфорсъ I-II кл. въ п. 5 (по понедѣл. от

Финляндскія желѣз. дор.		Клм	№ 27 I–III	Кр. 1° I–III	Вч. 3 I–III	№ 15 I–III	№ 25 I–III	№ 5 I–III	Вч. 7 I–III	Кр. 1° I–II	№ 9* I–III
Петроградъ Y	Отъ.	—	7. 0	7·40	9.30	1.15	4.20	5 50	8 0	12 0	1 5
Ланская		5	7. 9	—	—	1.24	—	—	—	—	1 15
Удѣльная		8	7.15	Прибл.	—	1.30	—	—	—	Прибл.	1 24
Озерки		10	7.20	—	—	1.35	—	СВ	СВ	СВ	1 31
Шувалово	См. стр. 277 прямое сообщ. Петроградъ-Стокгольмъ.	11	7.23	—	—	1.38	—	—	—	—	1 35
Парголово		16	7.29	—	—	1.45	—	—	—	—	1 44
Левашево		19	7.35	—	—	1.51	—	—	—	—	1 50
Бѣлоостровъ Y	Пр. Отъ.	32	7.54	8.31	10. 8	2.12	4.59	6 34	8 39	12 46	2 18
			8. 4	9.41	10.38	2.32	5.19	6 54	9 9	12 57	2 28
Оллила		36	8.11	—	10.45	2.39	•5.26	7 1	—	—	2 37
Куоккала		40	8.18	—	10.52	2.46	•5.33	7 8	—	—	2 45
Келломяки		44	8.29	—	11. 0	2.57	•5.44	7 18	—	—	2 56
Теріоки Y	Пр. Отъ.	49	8.37	10. 2	11. 8	3. 4	5.51	7 25	9 35	1 18	3 4
			8.45	10. 8	11.15	3.14	5.55	7 32	9 46	1 27	3 11
Райвола		59	9. 1	—	11.32	3.30	6 11	7 48	10 2	—	3 34
Мустамяки		65	9.11	—	11.43	3.41	6 22	8 0	10 18	—	3 48
Усикирко Y		75	9.31	—	12. 0	3.57	6 38	8 18	10 31	1 58	4 7
Перкъярви		88	9.57	—	12.23	4.22	7 3	8 42	10 55	—	4 45
Голицыно		100	10.13	ВР	12.39	4.38	7 19	8 59	11 10	СВ	5 8
Кямяря		108	10.24	—	12.50	4.49	7 30	9 11	11 22	—	5 22
Сяйвіе		119	10.44	—	1. 8	5. 7	7 47	9 30	11 38	—	5 46
Выборгъ Y	Пр.	129	10.57	11.33	1.21	5.20	8 0	9 44	11 52	3 —	6. 2
Выборгъ	263 Отъ.	—		12. 0	—	—	7 56	—	—	—	8.15
Иматра	257a Пр.	72		2.10	—	—	10 7	—	—	—	10.29
Выборгъ	Отъ.	—	—	—	—	—	№ 21a	—	—	—	8.43
Сердоболь	263	178	—	—	—	—	IHП	—	—	—	2·50
Іоэнсу	Пр.	311	—	—	—	IHП		—	—	—	6.53

Ил. 2. Расписание поездов Петроград – Гельсингфорс (Хельсинки) на лето 1916 г.

Таким образом, Рерихи выехали из Петрограда в Выборг **17 декабря** (по старому стилю) **в 1:05 ночи.** Категория поезда, на котором Рерихи выехали в Выборг, была невысокой – это товаро-пассажирский поезд. Неудивительно, что отопление в вагоне не работало. Именно благодаря тому, что ночью было очень холодно, а вагон не отапливался, мы знаем точный день, когда Рерихи отправились в Сердоболь. Н. К. дважды в своих заметках упоминает, что в поезде они все очень мёрзли. 25° мороза по Реомюру[8] – это 31,25° мороза по Цельсию. Действительно ли были тогда такие холода в Петрограде и какая была погода в те дни? Удалось найти несколько сведений о погоде в тот день. По стечению обстоятельств в то же время, когда Рерихи на поезде отъезжали в г. Выборг, в Петрограде случилось судьбоносное для России событие: в **ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. был убит Григорий Распутин.**

Один из непосредственных участников этого события – член Государственной Думы Владимир Митрофанович Пуришкевич потом выпустит дневник-воспоминания о тех днях. Вот как он описывает погоду в Петрограде вечером 16 декабря: «Дальнейшее пребывание в Думе было, однако, неудобным, и я, одевшись, когда часы на думской каланче пробили четверть двенадцатого [23:15], вышел на панель, опустил письма в почтовый ящик и стал гулять по думскому переулку.

Погода была мягкая, **мороз не превышал 2–3 градуса**, и порошил редкий мокроватый снег»[9].

Из переписки императора Николая II с супругой Александрой Фёдоровной: «Царское Село. 16 декабря 1916 года (Александра Федоровна – Николаю Романову)

Утром 10 мороза и маленькие розовые тучки! Всё покрыто снегом»[10].

Газета «Новое время» публиковала обзор погоды за неделю:

«Последняя неделя (с 15 по 21 декабря 1916 года) прошла с довольно значительными морозами, постепенно усиливавшимися с 6 град. (утром 15-го) до 17 град. (вечером 20-го). Солнечные дни 18, 19, 20-го»[11].

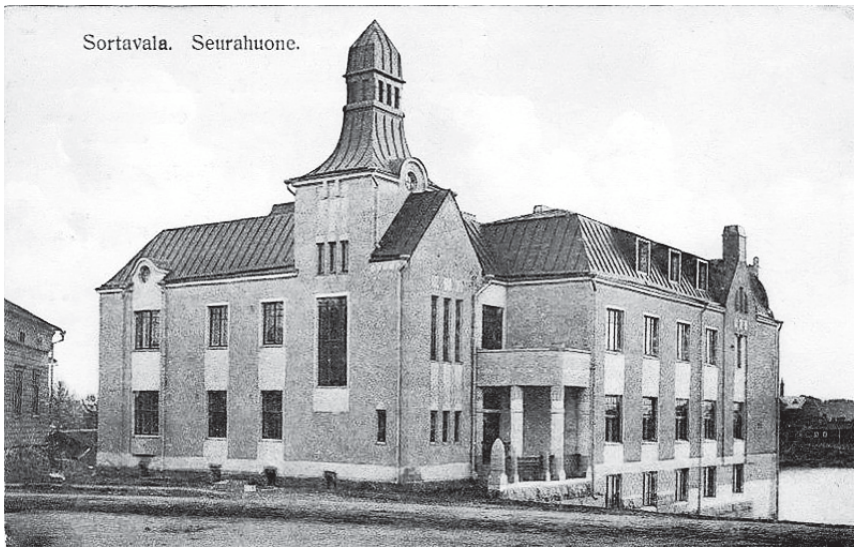
Видно, что утром 16 декабря было от 6 до 10 градусов мороза (по Реомюру), к вечеру, возможно, похолодало, но вряд ли до –25°. В. Пуришкевичу вообще показалось, что вечером было всего 2–3° мороза. Есть один вариант разрешить противоречие. Вопрос: где Рерихи увидели на градуснике –25°? Они могли зафиксировать температуру либо на Финляндском вокзале (и тогда это по Реомюру), а могли в поезде или в Выборге, а тогда это была температура по Цельсию. (–25 °C = –20° по Реомюру, что ночью в районе Выборга вполне могло быть). Финляндии от Швеции, в состав которой она раньше входила, наряду с Григорианским календарём досталась и температурная шкала Цельсия.

В Выборг поезд прибыл в 6:02 утра 30 декабря (напомним, что в Финляндии действовал Григорианский календарь). Здесь в паспорта Рерихов поставили штемпель г. Выборга[12], они смогли согреться и позавтракать. В 8:43 на поезде до Йоенсуу они отправились в Сердоболь, куда и прибыли в 14:50 того же дня (ил. 3).

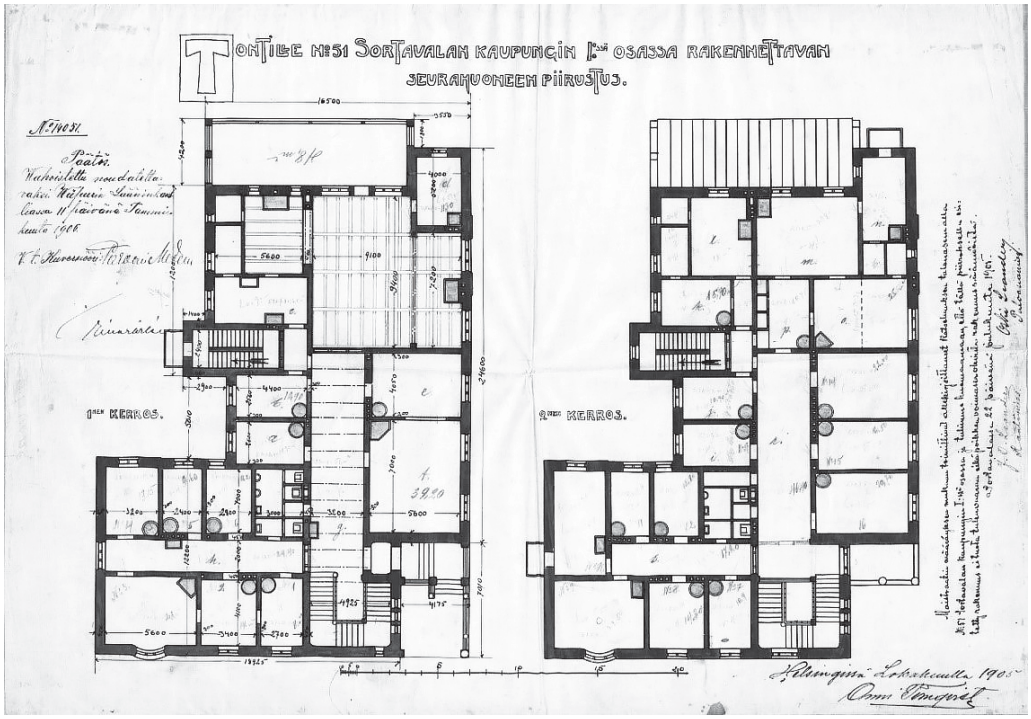
Ил. 3. Сердоболь. Здание вокзала

В Сердоболе Рерихи поселились в гостинице «Сеурахуоне» (ил. 4), которая, по воспоминаниям Н. К., оказалась пустой, что вполне могло быть следствием того, что, выехав из Петрограда за несколько дней до рождественских каникул, Рерихи приехали в Сердоболь, когда там Рождество уже прошло.

Комнаты в гостинице были в основном небольшие. В каждой комнате – либо круглая печь, либо камин. Туалеты и умывальники общие на этаже. Скорее всего, Рерихи



Ил. 4. Гостиница «Сеурахуоне». Арх. Они Тарьянне. 1908–1909



Ил. 5. Гостиница «Сеурахуоне». Планы первого (слева) и второго (справа) этажей

могли занимать две самые большие смежные комнаты на первом этаже – 39 м^2 и 23 м^2 (ил. 5). Ресторана в гостинице не было, что послужило одной из причин полной перестройки гостиницы в 1938–1939 гг. Новое здание уже дополнили концертным залом и рестораном.

Сколько дней Рерихи провели в Сердоболе, точно неизвестно. Первый рабочий день в (Юлианском) календаре за 1917 г. был 2 января. Уже 4 января Н. К. Рерих принимает участие в работе хозяйственной комиссии Общества поощрения художеств.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В русских документах город именовался Сердоболь, в финских – Sortavala, в шведских – Sordavala. В 1783 г. указом императрицы Екатерины II Сердоболь становится уездным городом Выборгской губернии и в 1811 г. вместе со всей губернией входит в состав Великого княжества Финляндского (в составе России).

[2] В книге Н. К. Рериха «Листы дневника» (*Рерих Н. К.* Листы днивника: в 3 т. М.: МЦР, 2002) фамилия Ауэр упоминается два раза: один раз (с. 51) как музыканта, а второй раз (очерк «Финляндия», с. 574) просто фамилия. В указателе имён в конце тома в обоих случаях подразумевается, что это один человек – Ауэр Леопольд Семёнович – скрипач, педагог, дирижёр и композитор. Но в многочисленных жизнеописаниях Леопольда Семёновича Ауэра нигде не упоминается, что он когда-то бывал в Карелии, в Сортавале. Дача у него была на рижском взморье, там он проводил каждое лето. Из зарубежных стран любил посещать Норвегию, где и остался после свершившейся революции в России. А вот художник Григор Ауэр (Ауер) родился в Карелии (г. Питкяранта), учился в Академии художеств, был знаком с Н. К. Рерихом. В 1917 г. он находился в Питкяранте. Так же как и Рерихи, остался в Финляндии после революции. Статью о нём см. в: Сердоболь: городской альманах / изд. В. Рыстов. Сортавала: В. Рыстов, 2011. № 11–12.

[3] *Рерих Н. К.* Финляндия // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. С. 574.

[4] Дата указываются по Юлианскому календарю – «старому стилю», принятому в России. Григорианский календарь («новый стиль») был введён в России в январе 1918 г. (за 31 января следовало сразу 14 февраля).

[5] *Рерих Н. К.* Памятки // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 2. С. 345.

[6] *Рерих Н. К.* Письмо // Рерих Н. К. Шамбала. М.: МЦР, 1994. С. 112.

[7] Новое время. 1916, 16 дек. С. 8.

[8] В России до революции использовалась температурная шкала Реомюра, которая отличалась от шкалы Цельсия тем, что за температуру кипения воды принималось 80°, а не 100°. Соответственно, все уличные градусники в России были градусниками по Реомюру. На шкалу Цельсия в России фактически перешли только в тридцатые годы.

[9] Дневник члена Государственной Думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Рига, 1924. С. 62.

[10] Переписка Николая Романова с Александрой Фёдоровной // Красный архив. 1923. № 4. С. 193.

[11] Новое время. 1916, 24 дек. С. 22.

[12] «Когда в декабре тысяча девятьсот шестнадцатого года мы, по моей болезни, выехали в Финляндию, странно вспомнить теперь, как легко и естественно тогда на паспорте оказался штемпель Выборга» (*Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. 2. С. 259).

Е. С. СОБОЛЕВА
(Музей антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург)

МОНГОЛЬСКИЙ ЭТАП ЭКСПЕДИЦИЙ БЕРНГАРДА ЭДУАРДОВИЧА ПЕТРИ

В 1910-е годы петербургские этнографы и археологи вели активную работу по изучению азиатской России. Василий Васильевич Радлов (1837–1918), избранный в 1894 г. на должность директора академического Музея антропологии и этнографии (далее – МАЭ), сумел собрать мотивированный и высококвалифицированный персонал. Благодаря труду сотрудников музей пополнился ценными коллекциями. Академик Радлов воспитал много целеустремлённых учёных, под его влиянием сформировался и характер Бернгарда Эдуардовича Петри, этнографа и археолога.

Б. Э. Петри родился 17 сентября 1884 г. в Берне (Швейцария). Его мать Евгения Львовна Гринберг (22 апреля 1858 – 1 марта 1923) окончила Симферопольскую гимназию, два года училась на Женских врачебных курсах в Петербурге, затем – на медицинском факультете Бернского университета. Там, в Швейцарии, она вышла замуж за своего сокурсника Эдуарда Юльевича Петри (Eduard Gottlieb Petri, 1 июля 1854 – 28 сентября 1899 ст. ст.), впоследствии приват-доцента при Бернском университете. Вернувшись в Петербург, статский советник Э. Ю. Петри возглавил кафедру географии Санкт-Петербургского университета (1888), провёл раскопки в Екатеринославской, Таврической, Уфимской и Оренбургской губерниях[1], стал товарищем председателя Антропологического общества (1898). Однако в 1891 г. супруги разошлись[2]. В 1895 г. Евгения Львовна Петри была приглашена в МАЭ на службу в качестве вольнонаёмного сотрудника, а в 1912 г. – на государственную службу, проработала в Академии наук более 30 лет; вся её семья, близкие и дальние родственники внесли немалый вклад в развитие музея[3]. Е. Л. Петри занималась музейной работой (ею зарегистрированы более 11 тысяч экспонатов – более 260 коллекций), вела музейную переписку, организовывала обмен коллекциями с другими музеями, выезжала в Германию для отбора экспонатов по обмену, занималась финансовыми и хозяйственными делами МАЭ. Она участвовала в этнографических экспедициях в Вологодскую, Орловскую, Калужскую губернии (1900 г.) для сбора коллекций (МАЭ № 543, 560, 830, 2074), в Карелию, Литву (1906 г.) (МАЭ №981, 1106), привезла в МАЭ около 80 этнографических предметов, относящихся к культуре народов России.

Таким образом, Бернгард и его младший брат Георгий росли в академической среде, были лично знакомы с ведущими учёными. Они оба учились в реальном училище Карла Мая (в эти же годы там учился будущий архитектор Б. К. Рерих), затем продолжили образование в Санкт-Петербургском университете, Бернгард – на естественном отделении физико-математического факультета[4]. (Напомним, Н. К. Рерих учился в Санкт-Петербургском университете на юридическом и историческом факультетах в 1893–1898 гг. и в доме его отца часто бывали университетские профессора[5].)

Свои навыки Б. Э. Петри имел возможность закрепить на практике. Мать научила его фотографировать: «*Гарди снимает очень недурно, а инструкции относительно*

снимания в профиль и фас я ему дала»[6]. Негативы Петри затем передал в МАЭ, в 1909–1910 гг. (МАЭ № 1393, 1394, 2077). Кроме того, в июле 1908 г., во время экспедиции в Рязанскую губернию, он приобрёл для МАЭ женский костюм (МАЭ № 1349), в 1911 г. передал в дар МАЭ свадебную ёлочку оттуда же (МАЭ № 1829) и в 1914 г. – прибор для плетения поясков из Тульской губернии (МАЭ № 2273). С сентября 1910 г. Б. Э. Петри начал работать в МАЭ безвозмездно.

На физико-математическом факультете университета Б. Э. Петри изучал естественные науки – физику, введение в биологию, цитологию, зоологию беспозвоночных, анатомию, зоологию позвоночных, а также общий курс химии, кристаллографию, ботанику, аналитическую химию и минералогию, но специализировался по географии и антропологии. В 1910–1911 гг. он успешно выдержал экзамены, о чём получил свидетельство физико-математической испытательной комиссии при Санкт-Петербургском университете от 13 февраля 1911 г. за № 54. Академик В. В. Радлов дважды – вначале 7 сентября 1911 г.[7], а затем 28 сентября 1911 г. – просил историко-филологическое отделение ИАН «*причислить к Министерству Народного Просвещения* (далее – МНП) *с откомандированием его для занятий в МАЭ окончившего Санкт-Петербургский Университет Бернгарда Эдуардовича Петри*». Он подчёркивал в ходатайстве, что Б. Э. Петри «*обнаружил усердное отношение к делу и серьёзный интерес к этнографии*»[8]. 19 ноября 1911 г. В. В. Радлов, заручившись поддержкой конференции ИАН, специально писал об этом министру народного просвещения[9], но 26 ноября 1911 г. получил отказ[10].

Окончив Санкт-Петербургский университет, Б. Э. Петри 17 декабря 1911 г. получил диплом первой степени № 33464. «*На испытаниях, производившихся в комиссии, Бернгард Эдуардович Петри оказал следующие успехи: по астрономии, метеорологии, землеведению, географии животных и анатомической антропологии – весьма удовлетворительные, по геологии – удовлетворительные. Посему, на основании ст. 81 общего устава Императорских Российских университетов 23 августа 1884 г., Бернгард Петри, в заседании физико-математической испытательной комиссии 13-го Февраля 1911 года, удостоен диплома первой степени со всеми правами и преимуществами, поименованными в ст. 92 устава и в V п. Высочайше утверждённого в 23 день августа 1884 года мнения Государственного Совета*»[11].

Таким образом, с 1910 до 1914 г. Бернгард Эдуардович работал в МАЭ безвозмездно, а в 1914 г. он был принят в музей на государственную службу как внештатный младший этнограф. Им зарегистрировано 190 археологических и этнографических коллекций (более 13 300 предметов), написан путеводитель по экспозиции археологии в МАЭ[12]. Также он был секретарём Комиссии по орнаменту народов России при отделении этнографии Императорского Русского географического общества, подготовил к печати «Программу для собирания орнаментов» и «Обзор трудов финских учёных по орнаменту финских народностей» (1917). Б. Э. Петри всегда был в курсе планируемых экспедиций.

В начале XX в. МАЭ активно пополнялся профильными коллекциями. В частности, Открытый лист для собирания этнографических коллекций среди бурят и орочонов,

мало тогда представленных в МАЭ, получил Цырен Жамцаранович Жамцаранов, отправленный в Иркутскую губернию на 12 месяцев с 25 апреля 1906 г.[13]

В мае 1912 г. Б. Э. Петри был командирован Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии в Иркутскую губернию вместе с Василием Андреевичем Михайловым, который ввёл его в среду кудинских бурят. Базой экспедиции стали ст. Жердовка Иркутской губернии, с. Усть-Орда, улус Хандайский в окрестностях Иркутска. Подробности этой поездки известны благодаря подробным письмам в МАЭ и серии публикаций. Таких искренних и восторженных писем, как из этой первой поездки, Б. Э. Петри из других поездок не писал.

Первое письмо В. В. Радлову датировано 24 июня 1912 г.: «*Меня прекрасно устроили и окружили заботою и вниманием. С бурятами я очень подружился, и они меня полюбили. Среди них у меня много друзей, я к ним часто хожу в гости, и мы очень весело болтаем; я же попутно узнаю очень много из их жизни. Они тоже в свободные минуты заходят в домик, где я живу, навестить меня, поболтать, послушать фонограф и посмотреть фотографии. Слава о нашем фонографе облетела уже окрестности, и его послушать приходят издалека. Таким образом, у меня всегда толчётся народ, и я беру с него контрибуцию, т. е. расспрашиваю и измеряю. Кроме того, у меня открыто фотографическое ателье, и я сделал уже довольно много снимков, в благодарность за которые мои добрые гости получают портреты. Измерения пошли хорошо и не возбуждают особых страхов. Измерять я начал лишь несколько дней тому назад, предварительно заручившись симпатиями публики*»[14]. Позже делать антропометрические измерения стало сложнее, «*главным образом благодаря бурятской подозрительности и слухам о введении воинской повинности*»[15], но Б. Э. Петри измерил более 110 человек. Он сделал около 250 снимков (на фотопластинках): «*собрано всё систематически, снято всё сериями, дающими представление о всём событии*»[16]. Петри записывал хоровые, шаманские и другие песни бурят, родовые предания, изучал формы их семьи и рода.

Труднее были найти типы старинного орнамента: «*Название и значение орнаментов забыто, а это самое главное. Однако я нашёл, хотя и немного, но зато очень старинные орнаменты, которые зарисовываю. Хотя они и не имеют самостоятельного значения, но возможно, что представят большой интерес с орнаментами прочих бурят или таковым орнаментом монголов*»[17]. Он подробно изучал материальную культуру бурят (их искусство орошения, удобрение утугов[18], значение кочёвок, устройство и постройку юрты, одежду, отдельные домашние работы – сучение ниток из сухожилий, плетение верёвок из лошадиных волос, приготовление тарачука[19]) и т. д. «*Только теперь, сидя на одном месте, я вполне понял, что продуктивно можно работать не беспрестанно переезжая с места на место, а именно так, как делаю я, сживаясь с теми же людьми, постоянно с ними беседуя и заслуживая их дружбу и доверие*»[20].

Он даже сумел купить кое-какие вещи. «*С одной стороны, у нас в Музее почти нет ничего о бурятах, а с другой перспектива продажи сделала бы моих друзей более памятливыми, и они вспомнят о том, что у них припрятано*»[21]. Из МАЭ были переведены 150 руб., но приобретение коллекций оказалось непростым делом. «*Достать что-нибудь старинное чрезвычайно трудно. Всё старинное по бурятскому мировоз-*

зрению приобретает духа (хозяин), и продать нельзя, так как этот хозяин может рассердиться, что его исключили из рода, и отомстит. Собственно даже сообщать чужому разные поверья "грех", так как можно навлечь этим гнев божества и не только на себя, но и на весь род. <…> Необычайно трудно поэтому что-либо купить, даже ложку, кот[орая] провела в юрте несколько лет – грех продать»[22].

О первом опыте работы 11 июля 1912 г. Б. Э. Петри писал Л. Я. Штернбергу: «*Я беру ласковым и вежливым обращением, уважением к их обычаям и степенным разговорам и лаской, лестью их национальному самолюбию. Я себя окружаю стариками, причём самым большим другом делаю человека, говорящего свободно по-русски. Когда лёд пробит, и из моих расспросов им ясно, я устраиваю небольшое заседание и начинаю задавать вопросы. Старики мои отвечают мне или вдруг начинают неистово спорить по-бурятски, а затем, когда дело выяснят, выносят мне на русском языке резолюцию. Конечно, если бы я говорил по-бурятски, было бы лучше, но я и так не чувствую большого недостатка или неудобства от этого пробела, так как почти все говорят более или менее свободно по-русски, а некоторые даже отлично*»[23]. Он самостоятельно уезжал за 15–25 верст на день-два, присутствовал на шаманских камланиях, на свадьбах.

Эти приёмы этнографической работы Б. Э. Петри успешно использовал в следующих полевых сезонах. Письма свидетельствуют, насколько сильно полевая этнографическая работа увлекла Б. Э. Петри. Он даже просил Л. Я. Штернберга «*черкнуть мне, к какому числу мне следует вернуться в Музей (приняв во внимание как количество текущей работы, так и моё положение в музее), и на сколько времени я смогу (в случае надобности для моей работы здесь) затянуть свой приезд в музей, без особого ущерба для того и другого*»[24].

Тогда же Б. Э. Петри совершил путешествие в верховья р. Мурина (приток р. Куда) в Курумчинский род, а в конце августа – сентябре – на о-в Ольхон, но мечтал поехать к тункинским бурятам и также в Монголию. Эти планы осуществились в следующем десятилетии.

Сильное впечатление на Б. Э. Петри произвело знакомство с монголами (см. фото МАЭ № 2220–34, 136, 138, 140). 7 августа 1912 г. он сообщал Л. Я. Штернбергу: «*К нам сюда приезжали три ламы, кот[орые] прожили со мной в одном доме (т. е. в том отдельном доме, где я живу) три дня. Я с ними очень сдружился и мы разговаривали на том русско-бурятском языке, который имелся у нас в распоряжении. Я их фотографировал и дал им их портреты, чем они были в высшей степени довольны. Один из них из Лхасы, другой (служка первого) монгол, а третий агинский бурят, говорящий свободно по-русски и служивший нам переводчиком в наиболее трудных местах, где лексика нашего языка была бессильна. Они все трое будут в Питере. Лама-бурят очень дельный молодой человек и имеет большую склонность к научным работам. Я ему много говорил об Академии. Он с восторгом примется за работу, если его будут направлять и (думаю!) будет очень и очень полезен. Мы с ним даже помечтали о том, как поедем вместе по Монголии и Тибету. Он оказался любителем путешествовать*»[25].

Опять же Л. Я. Штернбергу 15 августа 1912 г. Петри рапортует: «*…мне удалось заинтересовать одного очень богатого бурята коммерсанта, торгующего с Монголией,*

в устройстве той выставки, о кот[орой] мы думали весной. Он ухватился за эту идею обеими руками, так как она для него очень заманчива. Он в хороших отношениях с многими монгольскими князьями и уверен, что и они примут участие в выставке, предоставив совершенно бесплатно свои вещи. Он говорит, что эта выставка для Урги будет иметь громадное политическое значение, а сам хутухта примет в ней участие. Он скоро выезжает туда по своим торговым делам и тогда переговорит с кем надо. Человек он очень положительный, начав с писаря в инородческой управе (грамоте выучился самоучкой), он теперь владеет очень большим состоянием, отличный делец, большой идеалист, борец за бурятские интересы, горячо любящий свой народ. Вообще он "светлая личность" во всех отношениях»[26].

Но самые важные достижения Б. Э. Петри связаны с археологической разведкой. Например, он сообщал, что совершая поездки по улусам, обнаружил кузницу железного века, правда неизвестно кому принадлежащую: «*Я нашёл остатки горна, воздуходувные глиняные трубы, много черепков глиняной посуды (орнаментированные и неорнаментированные), массу костей и зубов животных (преимущественно лошадей). Кости все лишь длинные, принадлежат молодым животным и все расколоты вдоль. Много нашёл слитков железа, сохранивших форму, в кот[орую] были вылиты, брусок для трения, формы (разбитые), в которые выливался металл, шлак, куски руды и, похоже, неподалёку нашёл шахту. Раскопки произвёл, конечно, лишь поверхностные, шахту не трогал совсем, однако набрал достаточное количество всего для определения стоянки*»[27].

Телеграммой из Жердовки он рапортовал в МАЭ: «*После ряда препятствий закончили Ольхонскую поездку открыли богатейшую политическую*[28] *стоянку вторую железного века просим дополнительно сто рублей по получении выезжаем немедленно. Петри Михайлов*»[29]. Так Петри исследовал неолитическую стоянку рыболовов Улан-Хада на оз. Байкал, которая до сих пор является опорным памятником для периодизации древней истории Прибайкалья.

Из этой первой поездки в Прибайкалье учёный привез в дар МАЭ археологическую (МАЭ № 2037) и этнографическую коллекции (орудия охоты, предметы быта и культа кудинских бурят – МАЭ № 2098). Об этом В. В. Радлов доложил на заседания ИФО ИАН №8 8 мая 1913 г. Стоимость коллекции составила 230 руб.[30] 18/31 июля 1912 г. Л. Я. Штернберг выслал почтой 150 руб. в Жердовку Василию Михайлову на имя Петри[31]. Позже счёт Б. Э. Петри за покупку коллекции и почтовые расходы по отправке ящиков 18 сентября 1913 г.[32] на 300 руб. был покрыт Ассигновкой №1270 19 октября 1913 г. из сумм, ассигнованных на МАЭ[33].

Между тем 12 сентября 1912 г. в ИФО ИАН были введены новые штаты[34]. В. В. Радлов добился согласия ИФО назначить Б. Э. Петри заведующим Русским отделом МАЭ с окладом 60 руб. в месяц (с 1 сентября 1912 г.), все расходы оплачивать «*за счёт сумм личного состава*»[35]. С согласия ИФО ИАН 25 сентября 1913 г. вознаграждение Б. Э. Петри было увеличено до 100 руб. в месяц с 1 октября 1913 г. «*в видах поощрения его за усердную работу*»[36].

В обязанности Б. Э. Петри также входила переписка с корреспондентами МАЭ на русском и немецком языках. В 1912–1913 гг. он получил много писем из Сибири.

В 1913 г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии выдал Б. Э. Петри, заведующему Археологическим отделом в МАЭ при АН, Открытый лист № 715 на раскопки в пределах Иркутской губ. (см. Отчёт в «Известиях» Русского комитета за 1913 г., д. 278). В 1914 г. им была передана в МАЭ кость мамонта из дер. Кунта Верхоленского уезда (МАЭ № 2391).

В течение предыдущих трёх лет Б. Э. Петри работал в МАЭ по вольному найму, таким образом лишаясь преимуществ государственной службы. В. В. Радлов вновь «*от своего имени обратился к г-ну Министру Народного Просвещения с просьбой о причислении г. Петри к Министерству*» и добился успеха. Б. Э. Петри был откомандирован Министерством народного просвещения для занятий в МАЭ с 4 марта 1914 г.[37], и с этого же числа был утверждён как сверхштатный младший этнограф в чине X класса (коллежский секретарь) и отчислен от МНП[38]. Диплом от 17 декабря 1911 г. за № 33464, изготовленный на имя Бернгарда Эдуардовича Петри, 29 апреля 1914 г. из Канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа препроводили в Канцелярию Императорской академии наук[39]. 18 июня 1914 г. ему было выдано удостоверение в том, «*что занимаемой им должности присвоено было по ранее действовавшим штатам упомянутого Музея наименование учёного хранителя и что под этим наименованием должности этнографов того же Музея указаны в Приложении к ст. 25/Б, отд. VIII, §2, п.2 /Уст. Воин. Повин. Т. IV Св. Зак. по прод. 1912 г. в числе должностей, исполнение которых освобождает от призыва из запаса в армию и в действующие команды флота и от службы в государственном ополчении*»[40].

Итак, 28 апреля 1914 г. были учреждены две сверхштатные должности младших этнографов при МАЭ, на которые 10 сентября 1914 г. ИФО ИАН избраны сверх штата Бернгард Эдуардович Петри и Герман Христианович Мерварт, но без оставления их причисленными к Министерству народного просвещения[41], включены в списки служащих в Академии наук лиц и утверждены в должностях[42].

Б. Э. Петри 13 апреля 1916 г. просил Правление ИАН выдать ему «*разрешение на вступление в законный брак с девицей Любовию Илларионовной Кохановичь, дочерью потомственного почётного гражданина Иллариона Илларионовича Кохановича*». Справка: «*Ввиду экстренности случая означенное свидетельство выдано было г-ну Петри 15-го с. Апреля*»[43]. Л. И. Кохановичь (26 августа 1891 – 30 июля 1936) была дочерью потомственного почётного иркутского гражданина. Она окончила Высшие женские естественнонаучные курсы, преподавала в Путиловском коммерческом училище Петрограда; с 1918 г. работала в лаборатории по разработке противочумной вакцины Иркутского медицинского института[44]. С Иркутском связана вторая половина жизни Б. Э. Петри.

18 мая 1916 г. ИФО ИАН № 9 по предложению В. В. Радлова Б. Э. Петри был прикомандирован на летние месяцы к специальной экспедиции, снаряжённой Байкальской комиссией при ИАН. Предполагалось обследовать оз. Байкал, и в археологическом отношении тоже. На поездку Б. Э. Петри было выдано 200 руб. из сумм МАЭ[45].

Согласно отчёту, с 1 июня предполагалось плыть на моторном катере вдоль берегов Байкала и каждые 10–15 вёрст делать остановки, проводить наблюдения. Отплытие из с. Лиственичное задержалось, так как катер не был готов. Это время Б. Э. Петри

использовал, чтобы изучить коллекции музея Восточно-Сибирского отдела РГО, описал, сфотографировал, изучил собрание бурятской старины М. П. Трубачёвой (прежде всего орнаменты кудинских бурят), провёл пробные раскопки трёх стоянок на левом берегу Ангары выше Иркутска (у пади Межовка, у руч. Кузьмиха, в дачной местности «Царь-Девица»). Он также съездил к кудинским бурятам и проверил некоторые материалы двух первых поездок, провёл раскопки одной стоянки в Курумчинском ведомстве на правом берегу р. Мурина и другой, открытой им ещё в 1912 г. Экспедиция отплыла на катере по оз. Байкал, делая остановки в пади Кадильная, с. Голоустное, бухте Песчаная, в пади Шутуй, в устье р. Анги. Оттуда Б. Э. Петри самостоятельно отправился на Ольхонский тракт, в Кутул (произвёл раскопки двух пещер, открытых в 1913 г.), на г. Орсо. В Ольхонских воротах он вновь встретился с Байкальской экспедиций и почтовым пароходом на буксире вернулся в с. Лиственичное[46].

В 1916 г. Б. Э. Петри передал в МАЭ 7 предметов быта и культуры бурят Иркутской обл. (МАЭ №2583) и крупные археологические коллекции (МАЭ №2596, 2612, 2613, 2622, 2623, 2624, 2625, 2626). Всего он зарегистрировал в МАЭ 190 коллекций (более 13 тыс. предметов).

Три долговременные экспедиции (1912, 1913 и 1916 гг.) к иркутским и верхоленским бурятам финансировались Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии и носили комплексный характер. Б. Э. Петри проводил антропологические измерения, собирал этнографические материалы (в том числе записывал легенды, предания, родословные) методами непосредственного наблюдения, опроса и интервью, закупал для музея этнографические экспонаты, и нередко на первый план выступали археологическая разведка и раскопки.

12 октября 1916 г. ИФО ИАН увеличило содержание Б. Э. Петри до 125 руб. в месяц[47]. Но молодая семья нуждалась в средствах. В поисках заработка 19 декабря 1917 г. Б. Э. Петри намеревался поступить во 2-ю Кадетскую Императора Петра Великого гимназию военного ведомства (Петроград, Ждановская ул., 11) на должность преподавателя, оставаясь одновременно на службе в Академии наук[48]. Он к тому времени подготовил статью для «Сборника МАЭ» с 6 рисунками[49], изготовление которых 29(16) мая 1918 г. стоило МАЭ 135 руб.[50]

27 апреля 1918 г. Б. Э. Петри был вновь командирован в Иркутскую губернию[51]. У родителей жены оставался их маленький сын Олег. Вернуться обратно из Иркутска семья Петри уже не смогла из-за Гражданской войны и разрухи.

Проблема осложнялась тем, что на заседании общего собрания конференции Академии наук 5 октября 1916 г. было «*постановлено поручить Правлению сообщить всем отсутствующим из Петрограда академикам и др. служащим в Академии лицам, что срок всех командированных не может быть продлён долее 1 января 1919 г., к каковому сроку им надлежит вернуться в Петроград, и что, в случае их невозвращения к сроку в Петроград, будет прекращена высылка их содержания*»[52]. Срок возвращение Б. Э. Петри был неизвестен[53]. На два года сообщение с европейской частью России было прервано. Ни по почте, ни с оказиями полтора десятка его писем из Сибири в Петроград не попали.

Л. Я. Штернберг получил первое письмо Б. Э. Петри из Иркутска 25 мая 1920 г.; первое письмо матери, Е. Л. Петри, сыну от 23 апреля 1920 г. пробыло в пути 2½ ме-

сяца[54]. В следующем письме от 5 июля 1920 г. Б. Э. Петри спешил сообщить «*дорогим сослуживцам и друзьям старшим и младшим по Этнографическому музею*», что с ним произошло за истекшие два года. «*После чешского выступления я болтался два месяца в пути с женою, пока не достигли Иркутска, где застали сына в добром здоровье. <…> Вначале была надежда вернуться в Петроград, но к осени выяснилось, что надо зимовать в Иркутске. Мои очень скромные деньги были на исходе. Я стал метаться в поисках заработка. Мои друзья отнеслись очень сочувственно, за исключением М. А. Кроля*[55]*, который, занимая тогда довольно важный пост, предлагал мне заведомо непрочные или несбыточные места, что оттолкнуло меня от него. Вскоре я получил предложение работать по устройству сибирских туземных племён и выехал в Томск. Одновременно с этим я встретил Н. Д. Миронова*[56] *(знакомый по Азиатскому Музею), который предложил мне чтение курса истории первобытной культуры в открывавшемся тогда Иркутском Университете. В Томске я скоро убедился в невозможности продуктивно работать (не те условия жизни и не те люди) и решил расхрабриться на университет. Мне казалось, что я не достаточно подготовлен для чтения учебных курсов и что даже звание приват-доцента хотя бы и Иркутского Университета слишком для меня высоко. Н. Д. Миронов и основатель Университета М. М. Рубинштейн*[57] *успокаивали меня, указывая на преимущества мои – знания археологии и этнографии края. Впоследствии, когда собралась вся коллекция профессоров, то оказалось, что они были правы. Приглашённые из Москвы и Петрограда не приехали, а сюда сбежалась молодежь из Казани, бежавшая вместе с чешским отступлением. В большинстве случаев это были магистранты только что испечённые с такими списками "учёных работ", что даже мой скромный список имел импозантный вид. Так, профессор М. М. Агарков*[58] *мог поместить только две газетные статьи и т. д. в этом роде. Так как приват-доцентура меня не обеспечивала материально, то меня перевели в штатные доценты. Два года работы принесли мне большую пользу, так как, не давая углубляться в детали, они заставили меня работать по общим вопросам археологии и этнографии. Университетская работа тоже шла хорошо. У меня всегда была большая аудитория, деятельно работал руководимый мной студенческий научный кружок «Народоведения», насчитывавший более 40 членов, и вокруг меня сгруппировались 9 моих ближайших учеников, занятых специально вопросами археологии и этнографии Сибири*»[59].

Высоко оценил Б. Э. Петри богатые фонды библиотеки Географического общества и отдел Sibirica Городской библиотеки Иркутска. Он начал публиковать многочисленные статьи небольшого объёма на разные темы. Оттиски статей из местных изданий выходили также отдельными книжечками, и Б. Э. Петри по возможности посылал их в МАЭ.

Много сил он потратил на музейное дело, используя приобретённый в МАЭ опыт: «*…я работаю здесь по заветам, унесённым мною из Этнографического Музея Академии*»[60]. Он основал Университетский музей, в который была передана «*большая коллекция вроде моей с Улан Хада*» (в 1920 г., правда, новый музей состоял из пяти шкафов). «*С установлением Советской власти добился весьма крупных сумм на организацию Областного Музея Народоведения. В большом по типу Wertheim'а построен-*

ном магазине Мерецкого устроили картинную галерею (очень приличную) и туда же перевели всю зоологию и ботанику из Музея Географического Общества. Таким образом я получил большое здание, много шкафов и богатые коллекции местного Отдела Географического Общества. Состою заведующим Музеем, у меня персонал из шести человек + 1 сторож – мои ученики студенты, с которыми мы устраиваем наш музей по образцу академического. Отделы такие: I Сибирских инородцев, II Старожилого населения, III Археологии, IV специально для Льва Яковлевича [Штернберга. –*Е. С.*] – *Шаманство. Музей выходит хороший. Коллекции Музея ведь очень богатые. В Отделе Шаманства выстроен целый взвод шаманов*»[61].

Л. И. Петри преподавала в народном университете и на разных инструкторских курсах («*спасибо ещё раз дорогому свату Эд[уарду] Карловичу* [Пекарскому]»). Семья жила скромно, но в достатке, и другим помогала, хотя иногда, по словам Петри, бывало голодно, что тоже затрудняло работу[62]: «*Работать в Иркутской действительности в прифронтовой полосе, где ни на минуту не прекращаются военные действия, очень трудно. Особенно семейным. Но всё же добываю деньги для работы и работаю*»[63].

Сибирские коллеги признают, что «*одна из главных заслуг Б. Э. Петри – создание школы археологов с собственной методологией исследования, методикой раскопок, с организацией полевых работ и системой подготовки научных кадров. Его школу кроме Г. П. Сосновского прошли такие известные в будущем учёные, как М. М. Герасимов, А. П. Окладников, Г. Ф. Дебец, П. П. Хороших и др.*»[64] Показательно, что один из первых вопросов, который Б. Э. Петри задал в письме в МАЭ, это разобрана ли коллекция Савенкова (посмертная), поскольку его иркутский ученик Георгий Петрович Сосновский[65] «*достиг прекрасных результатов в Красноярске, идя по следам Савенкова*»[66].

Работа на кафедре истории первобытной культуры историко-филологического факультета Иркутского университете принесла Б. Э. Петри много пользы, как он говорил, «*заставив много поработать в смысле обобщения моих знаний*». Летом 1919 г. учёный произвёл раскопки неолитической колонии в бухте Песчаной на оз. Байкал; продолжал собирать материал о роли зверей в шаманстве бурят. «*Далее я открыл и раскопал столь давно жданный палеолит. Стоянка Мадленской эпохи находится в 8 верстах от Иркутска. В прошлом году я копал её с тремя рабочими 31 день. Ныне за невозможностью нанять людей (1000 руб. в денежном эквиваленте) я копаю при помощи добровольцев. В прошлом году было вырыто 1730 предметов. Решил копать во что бы то ни стало и этот год, а за обработку примусь зимою*»[67] Большую палеолитическую стоянки около Иркутска на Верхоленской Горе он раскапывал своим излюбленным способом, «*как копал Улан-Хаду. Особенно ценна громадная коллекция – мадленская эпоха – с палеолитической стоянки*»[68].

Его волновало, каким образом ему и членам других экспедиций, командированных МАЭ (Г. Х. (А. М.) Мерварт, С. М. Широкогоров), возвратиться с семьями в Петроград: «*Напишите, примете ли меня в свою среду: мечтаю вновь вернуться в дорогой Музей и опять сесть за свой стол за привычную работу*»[69]; «*сохранены ли наши должности за нами и к какому сроку мы должны прибыть к месту службы, конечно, по установлению сообщения Сибирь – Петроград*»[70]. Его волновало, сносные ли в Петрограде «*условия для научной работы и условия для жизни ребёнка*»[71].

Летом 1920 г. Б. Э. Петри совершил поездку к бурятам: «*…виделся с теми шаманами, которые мне были нужны, и узнал много данных. Теперь моя работа о роли зверей в шаманстве бурят может быть закончена*»[72]. А летом 1921 г. учёному удалось организовать для этнографического и археологического исследования Иркутской губернии довольно большую экспедицию, о которой он сообщал следующее: *«Каждому участнику было дано поручение сообразно его опытности и умению работать. Среди нас есть работающие у меня три года, два года и только первый год. Последним пришлось дать очень скромные задания. Все участники были снабжены экспедиционным пайком на всё время пребывания на исследованиях производственной одеждой, деньгами и нужными пособиями и документами. Все ездили независимо один от другого и разное количество времени*»[73]. И с удовлетворением суммировал итоги экспедиций:

«I. Я – оз. Байкал – окончание раскопок неолитической стоянки в бухте Песчаная. Главные находки: установление наличности тканей в верхнем неолите и датировка нескольких типов керамики; окончание раскопок палеолитической стоянки в окрестностях Иркутска "Верхоленская гора".

II. Г. С. Виноградов. Исследование старожилого населения Нижнеудинского уезда. Сбор материала по "Демонологии".

III. А. М. Попова. Балаганский уезд, старожилое население. Сбор материалов по 1) "Деревянный огонь», 2) "Народная медицина", 3) "Культ животных".

IV. Г. П. Сосновский. Археологические изыскания в Балаганском уезде. Исчерпывающее исследование Байкальских песков и открытие ряда новых стоянок.

V. О. А. Зеленакина. Ангарские буряты: 1) Описание тайлага местным божествам, 2) "Представления о душе, смерти и загробном мире".

VI. О. М. Толстихина. Исследование стоянки железного периода в окрестностях Кабанска (Селенга).

VII. К. М. Курбатова. Якутский уезд. Сбор материалов по народной медицине.

VIII. С. Ф. Демоленко. Балаганский уезд. Сбор материала по народной медицине.

IX. Е. М. Титов. Верхняя Ангара (крайний север Байкала). 1) Раскопки неолитической стоянки у с. Душкаган, 2) "Культ соболя и культ медведя у северобайкальских тунгусов".

X. Т. А. Земляницкий. Боханские буряты. "Описание жизни бурятских онгонов и заянов".

XI. П. П. Хороших (не вернулся ещё). Командирован на о. Ольхон для археологических изысканий и для описания бурятских духов преследователей. (В поездке уже 3 мес.)

XII. Г. В. Ксенофонтов. Якутская губерния. Сбор материалов по истории якутов (в поездке 4,5 мес.).

XIII. К. П. Попов. Устье Лены.

XIV. М. В. Николаев. Реки Алдан и Мая.

Последние два – студенты Иркутского Университета, ещё очень молодые, не получили самостоятельных поручений и прикомандированы мною к экспедиции Руочвода. Им поручены общие наблюдения жизни тунгусов»[74].

Поскольку в Иркутске «*с печатью дело очень плохо стоит*» – «*Университетские известия выходят со скоростью 1 лист в месяц*»[75], – Б. Э. Петри надеялся на содействие Академии наук в опубликовании десятка своих подготовленных работ. К 1921 г. ему удалось издать в Иркутске только работу «Областной музей и его организация на демократических началах» объёмом 15 стр.[76]

Между тем в Петрограде велась подготовка к расширению МАЭ – музею было передано историческое здание Кунсткамеры, в котором предстояло развернуть новые экспозиции к 200-летнему юбилею Академии наук. Музею остро требовались специалисты, рабочие руки, и дирекция предпринимала усилия по привлечению опытных экспозиционеров, в том числе застрявших в экспедициях Б. Э. Петри и А. М. Мерварта.

Узнав, что Б. Э. Петри занимает место преподавателя в Иркутске, ИФО РАН в заседании № 9 18 мая 1921 г. отчислило его со службы в МАЭ[77]. Но директор МАЭ 26 апреля 1922 г. добился того, что ввиду долголетней и успешной работы Б. Э. Петри в МАЭ, необходимости в его дальнейшей работе в незамещённой до сих пор его должности, а также ценности собранных им коллекций, ходатайство Б. Э. Петри «*о его записи в состав фактических работников Музея в качестве заведующего отделом Океании удовлетворено Отделением Исторических наук и Филологии РАН*» с 1 мая 1922 г. Срок явки на службу в МАЭ в связи с необходимостью окончания раскопок на берегах Байкала и других работ был отсрочен до 1 августа[78]. Чтобы Б. Э. Петри мог привезти в Петроград собранные им коллекции, Совет Музея неоднократно просил Отделение возбудить ходатайство о предоставлении Петри и его семье вагона для перевозки собранных им коллекций в количестве 15 пудов[79].

Заметим, что эта система спасения специалистов работала: семья Мерварт вернулась в Ленинград из Харбина летом 1924 г. Но Б. Э. Петри этой возможностью не воспользовался, Сибирь его не отпустила.

В письме от 25 июня 1922 г. он жаловался, что с сентября 1921 г. не получал никаких сведений из Петрограда, и готовился к очередной экспедиции к бурятам: «*В степях появились так называемые "белые", которые ничего существенного не делают, по своей малочисленности сделать не могут, но благодаря своей партизанской организации трудно уловимы и делают много беспорядку. Словом, соваться в драку туда не безопасно. Ожидается скоро успокоение, и тогда я выеду*»[80]. НЭП затруднял публикацию научных изданий, но в целом «*в Иркутске стало тихо. Житейское благополучие заметно увеличилось, но все деятельно заняты его добыванием: все служат, работают, продают, копают огороды и т. д. Даже студентов не поднять ни на какие раскопки. Я сижу исключительно дома и усиленно готовлю курсы и практические занятия к предстоящей зиме, чтобы осенью не торопиться возвращаться от бурят. Кроме того, занят оборудованием кабинета археологии и этнографии при Иркутском университете. Я получил очень красивое помещение для него, где красиво разместились шкапы и витрины с моими коллекциями. За четыре года удалось собрать и довольно большое количество книг по специальности. Ещё одна новинка: мой стипендиат Г. С.* Виноградов[81] *(знаете его по Живой Старине) проделал все необходимые промоции и теперь состоит преподавателем этнографии при кафедре истории первобытной культуры. Таким образом, я имею заместителя на случай отъезда в Петроград*»[82].

Но осенью 1922 г. Б. Э. Петри собраться не сумел – как по экономическим причинам, так и по своей научной добросовестности – и просил продлить отпуск, обещая закончить все работы к весне 1923 г. Командировка была продлена до 20 мая 1923 г.[83] 1 декабря 1922 г. он уверяет: «*…закончил вполне намеченные мною исследования доисторического прошлого края: мною открыт и разработан палеолит, закончено исследование неолита, выяснен тёмный вопрос о бронзовом периоде в крае и разобран довольно запутанный вопрос о железном периоде Прибайкалья*». В январе он совершил ещё одну поездку к аларским бурятам[84], для сбора дополнительных сведений по шаманству: «*предпринятая мною анкета даёт удовлетворительные результаты. Мною организован кружок (2 р.) бурятской молодёжи, который ставит себе целью изучение шаманства; от этой организации я тоже жду многого*»[85].

Кроме того, в мае 1922 г. Петри образовал этнологическую (с 1925 г. – палеоэтнологическая) секцию Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, объединившую археологов, этнографов, антропологов, геологов, географов, зоологов, ботаников, экономистов[86]. На заседаниях секции его ученики выступали с самостоятельными докладами, обсуждали планы работ на лето, разрабатывали для краеведов анкеты и программы для изучения памятников археологии, истории и культуры, инструкции об их охране, составляли археологическую карту Восточной Сибири, словарь археологов Сибири, заслушивали информацию о новых российских и зарубежных исследованиях[87]. Конечно, бросить затеянные в Иркутске масштабные проекты Б. Э. Петри не смог.

Но и в МАЭ не могли сохранять ставку бесконечно, тем более что в условиях безработицы поступить на работу в АН можно было только с разрешения Биржи труда. В разные годы Б. Э. Петри числился в МАЭ заведующим Русским отделом (1912), отделом дублетов (1915), отделом Океании (1921) – очевидно, речь шла о вакансиях. В марте 1923 г. скончалась Е. Л. Петри, и на ставшую вакантной ставку был избран приват-доцент Казанского университета Б. Н. Вишневский[88]. В июне 1923 г. выдача содержания Б. Э. Петри была прекращена[89]. Но вопрос об увольнении с должности оставался открытым, из МАЭ запрашивали: «*…намерены ли Вы возвратиться в Петроград, и когда именно, и когда поступят собранные Вами во время Ваших командировок от Музея коллекции*»[90]. Академик-секретарь ещё раз 4 сентября 1923 г. выслал Б. Э. Петри предложение к ноябрю 1923 г. вывезти коллекции в Петроград[91].

Май и первую половину июня 1923 г. Б. Э. Петри посвятил археологическому обследованию р. Ангары от устья вниз на протяжение 140 верст, раскопал 5 неолитических стоянок. Вторую половину июня и июль провёл на Верхней Лене, произвёл археологические разведки, собрал материал по «большой семьи» у старожилого населения Сибири. Затем до начала октября планировал во главе маленькой экспедиции (5 чел.) работать в Монголии на оз. Хубсугул, на берега которого впервые ступила нога археолога: «*Будут детально обследованы его берега в смысле поисков следов доисторического человека; для этого на лодке обойдем Косогол*[92] *кругом. Экспедиция обставлена материально хорошо: на полтора месяца для 5 человек получено 100 руб. крупным серебром – единственная ходкая в Монголии монета. Как видите – немного энергии, и можно работать*»[93]. Экспедиция нашла там остатки неолитической куль-

туры, открыла ряд памятников железного века. Также были собраны материалы по материальной культуре монголов, сведения об экологическом состоянии края[94].

Своим увлечением экспедиционными поездками Б. Э. Петри был «*обязан тому, что каждому этнографу дорого прежде всего исследовательское дело*», он считал: «*… видя мои работы в этом направлении мои прежние сотоварищи по академии одобряют мою деятельность*»[95]. По возвращении из Монголии Петри обещал приступить к пересылке коллекций и к приготовлению к переезду в Петроград.

В сентябре 1923 г. Л. И. Петри посетила Петроград и на месте смогла оценить ситуацию в городе, в МАЭ и в Академии наук. Взвесив и трезво рассмотрев ситуацию, 13 декабря 1923 г. Б. Э. Петри официально отказался от предложения МАЭ, приведя веские аргументы: необеспеченность существования семьи в Петрограде и отсутствие подъёмных (жалование, которое выписывалось по Академии, вследствие инфляции обесценилось); невозможность продолжать в Петрограде исследовательскую деятельность, которая удачно развивалась в Иркутске благодаря пребыванию в центре исследований и связи с местными жителями. «*Академия не может обеспечить мне ни переезда, ни прожиточного минимума. Ясно, что мне придётся подобно всем остальным научным работникам много мотаться в поисках заработка, мало отдавать времени усидчивой кабинетной работе, отказаться от исследовательской деятельности и печатания*»[96].

Б. Э. Петри исполнилось 40 лет. Он считал, что для его полевой работы ему осталось «*всего каких-нибудь 10 лет, после чего мы делаемся мало склонными к самостоятельным сборам и предпочитаем обрабатывать старые сборы или чужие материалы. Уехать в Петербург и быть лишённым возможности с наступлением весны выехать в Монголию или ещё куда-либо для меня более чем губительно, и это несомненно так будет, ибо правительство не может давать нам возможности производить исследования бездоходного характера в неограниченном количестве*»[97].

На лето 1924 г. Б. Э. Петри планировал экспедицию для исследования Монголии в этнографическом, археологическом, историческом, зоологическом и ботаническом отношениях. Персонал экспедиции (пять учёных и шесть технических сотрудников) был уже набран, средства и снаряжение обеспечены[98].

Как видим, Б. Э. Петри должен был принять непростое решение о своём будущем и о будущем своей семьи. Он мечтал вернуться в Петроград и погрузиться в привычную научную среду, но к тому времени и его мать Е. Л. Петри, и благоволивший к нему директор МАЭ академик В. В. Радлов ушли и жини. Брат Г. Э. Петри, окончивший историко-филологический факультет университета, в эти годы работал преподавателем истории 21-й Трудовой школы (Фонтанка, 32), затем научным сотрудником I разряда Государственного института научной педагогики (Фонтанка, 10); развивал методику экскурсионного дела[99]. Деятельность МАЭ восстанавливалась после трудных лет разрухи. Условия жизни в Петрограде были тяжёлые, зарплаты в АН невелики, в музее предстояла нелёгкая экспозиционно-выставочная работа. Б. Э. Петри предпочёл остаться в Иркутске с родственниками жены (Иркутск, Харлампиевская, угол Амурской, д. 11/26, к. 3). Он чувствовал свою ответственность за студентов и начатые в Иркутске образовательно-просветительские проекты. Его будоражили перспективы изучения Сибири. Сделанные им археологические открытия требовали

продолжения работы, собранные этнографические материалы – выверки и дополнения перед публикацией. Кроме того, Б. Э. Петри не мог позволить себе лишиться перспективных экспедиционных исследований.

Совет МАЭ РАН не отказывал Б. Э. Петри в праве на возвращение и в 1924 г. неоднократно ходатайствовал о сохранении за ним звания научного сотрудника (этнографа) 1-го разряда сверх штата, с оставлением на службе в Иркутске, но при этом настаивал на полном отчёте о собранных им для МАЭ в годы командировки коллекциях[100]. Но 13 февраля 1924 г. ИФО в этом статусе отказало, поскольку по общему положению РАН не полагалось иметь сверхштатных сотрудников[101].

В письме от 2 февраля 1924 г. Б. Э. Петри ставил свои условия относительно продолжения сотрудничества с МАЭ, учитывая территориальную отдалённость и нестабильность почтового сообщения. Он был готов выполнять поручения МАЭ и согласовывать свою работу с исследовательской программой МАЭ. Но коллекции, собранные в 1918–1923 гг., он предполагал оставить в Иркутске: «*…они мне, как и мои рукописи, необходимы для дальнейших работ; кроме того, и обработка их далеко не закончена. Коллекции эти собраны частично на мои средства, частью на местные. Принадлежащую мне часть я предполагал и ныне предполагаю передать в распоряжение МАЭ тогда, когда я сам перееду на постоянное жительство в Ленинград, что может состояться не раньше того времени, когда откроется возможность регулярно продолжать мои исследования в Сибири*»[102]. В частности, летом 1924 г. предполагалось провести исследования в Монголии[103].

В августе 1923 и в 1924 гг. Б. Э. Петри и Г. Ф. Дебец совершили первую зарубежную советскую археологическую экспедицию – в Монголию на оз. Косогол (Хубсугул)[104].

Б. Э. Петри подробно описал крупный оленный комплекс с херексурами[105] на р. Каттык в районе оз. Хубсугул, отметив при этом, что херексуры «*имеют вид колеса*» и «*ждут ещё своих исследователей, которые вскроют их внутреннее содержание*»[106]. Однако оленные камни Монголии не сразу стали объектом научного исследования.

В 1923 г. при Иркутском университете был создан Биолого-географический научно-исследовательский институт с этнологической подсекцией, где велись исследования по археологии и этнографии региона. Сам Б. Э. Петри в 1923 г. провёл длительные четырехмесячные полевые исследования. Годом раньше возродилась деятельность Восточно-Сибирского отдела РГО, и профессор Б. Э. Петри руководил этнологической секцией. Через год в ней насчитывалось 225 человек, в том числе Г. П. Сосновский, М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец. В 1924 г. секцию преобразовали в палеоэтнологическую, были продолжены комплексные исследования по археологии, антропологии и этнографии, а при Президиуме ВЦИК был образован Комитет содействия народностям северных окраин Сибири (Комитет Севера). Работа этнографов приобрела более практический характер. Теперь поездки были связаны с оказанием помощи народам, получившим статус «малых», с организацией культбаз, охотничьих хозяйств и др. Это потребовало разработки новых программ, включавших также медицинско-санитарное обследование населения, изучение экономического состояния хозяйств и методики полевых этнографических исследований[107].

3 октября 1924 г. Б. Э. Петри, считая себя по-прежнему связанным с МАЭ, по окончании летнего исследовательского периода отправил в учреждение, в котором он

работал в течение ряда лет, краткий отчёт о произведённых работах. В весенний период он осуществил раскопки неолитической стоянки «Царь-Девица»[108], расположенной на возвышенном мысу по берегу реки Ангары. Слой имел все признаки нарушенности, так как здесь было расположено увеселительное загородное заведение с крепкими напитками (местная Вилла Родé). Для учёного же «*более интересен нижний слой, содержащий чистую культуру раннего неолита, т. е. докерамический неолит* (*отсутствие шлифованных орудий, стрел и керамики)*, — писал в отчёте Петри. – *Если Вы припомните мою классификацию Сибирского неолита, то это будет соответствовать XI слою Улан-Хады*[109]*, что я приравниваю к стадии Маглемозе*[110] *в Западной Европе*…)»[111]. Показательно, что для описания находок Б. Э. Петри использует международную, французскую терминологию – lame («пластина»), nucleus («нуклеус»), éclat («отщеп»). «*Всего было раскопано 99 кубов (куб = 1 куб. метр). Стоянка раскопана только на ½ или даже на* $^1/_3$ *и обещает и в будущем дать ещё много. В настоящее время весь выкопанный материал находится ещё в пакетах, но уже подыскиваются возможности его регистрации*»[112].

К этому времени были получены деньги для поездки в Монголию и разрешение Наркомпроса из Москвы на выезд «за границу». «*В моём распоряжении оказалось 350 червоных рублей + 250 банковских (николаевское крупное серебро), лошади верховые или тележные, смотря по надобности, по всей Северо-Западной Монголии и право пользоваться попутными автомобилями Центросоюза. Средств оказалось даже больше, чем надо, и у меня осталась порядочная сумма на будущий год. Жизнь в Монголии очень дешева, и приходится жалеть, что Петербургские учёные слабо пользуют возможность работать в Монголии. К сожалению, Москва прислала разрешение очень поздно (она думала "пускать или не пускать" 2 ½ мес. И в моём распоряжении оказалось всего 2 месяца 10 дней работы в Монголии.*

Целью моей поездки было собирание материалов для составления описания материальной культуры монголов. Следующие два года предназначены для изучения семьи и рода. Мне удалось сделать по Монголии восьмёрку длиной около 2.300 верст частью на автомобиле, частью верхом и осмотреть Северо-Западную Монголию от Орхона до оз. Убса (Улан-Коль[113]*). Автомобилем я пользовался для заездов на дальние расстояния: авто меня забрасывал куда мне было надо, а затем я возвращался верхом.*

Мне удалось знакомиться с бытом скотоводов и земледельцев (монголов), кочевниками и полуоседлыми, пожить и в юртах, и в монастырях, побывать среди халхасцев[114]*, баитов*[115]*, дербетов*[116]*, урянхоя*[117]*, дархатцев*[118]*. Удалось сделать первые шаги в монгольском языке (одолел простейший разговор).*

Конечно, для стационарной работы быстрая переброска из конца в конец страны нежелательна. Но своеобразные условия монгольской действительности, обширные безлюдные пространства и этнографическое разнообразие Монголии вынудили меня, прежде чем приступить к стационарной работе, ознакомиться со значительной частью страны.

На будущий год я поселюсь среди баитов и дербетов, как наиболее сохранивших родовой быт (*у них даже осталось деление на кости*[119])*; я подыскал прекрасного переводчика* (*русского, родившегося в Монголии*), *за зиму думаю подогнать монгольский*

разговорный язык и с весны выехать в район монастыря Дженджелин»[120]. Схему своего маршрута по Монголии Б. Э. Петри приложил к письму в МАЭ[121].

Впрочем, отечественные экспедиции в Центральной Азии уже начинали свою работу. Как свидетельствуют письма из архива РГО, Б. Э. Петри вёл переписку с П. К. Козловым. Тот побывал в Иркутске в декабре-феврале 1920–1921 гг., в командировке от Наркомпроса и РГО с целью наладить связи с местными отделами и подотделами Географического общества, а в августе 1923 г. приехал в Сибирь в качестве начальника Монголо-Тибетской экспедиции. В письме от 10 мая 1924 г. Б. Э. Петри не исключал встречу с Козловым в Урге (Улан-Баторе)[122].

При этом Б. Э. Петри продолжал преподавать в университете, готовил к печати статьи, посвященные семье и роду у бурят, вёл музейную работу. «*Что касается музейной работы, то она процветает. После того как бывший заведующий Устьянцев был изобличён в хищениях и убран (похищал только деньги, а не вещи), в заведывание Музеем вступил мой ассистент Я. И. Ходукин, и Музей значительно преобразился. Получено обширное здание, где располагаются картинная галерея, исторический отдел, зоологический и геологический. Светло, просторно и надежно, т. к. дом закреплён окончательно за Музеем и приспособлен к нему путём капитального ремонта. В здании географического общества остался только отдел этнографии и археологии. Этим завершилось то строительство Музея на новых началах, основания которому я положил в 1918 г. Благодаря персональным связям личного состава Музея с кафедрой удаётся проводить заветы, изложенные в моей брошюре "Областной музей" и вынесенные из МАЭ*»[123].

Отношения Б. Э. Петри с МАЭ развивались. 4 марта 1924 г. академик Ольденбург лично способствовал отправке в Иркутск для Б. Э. Петри книг по этнографии и археологии, предназначенных для Кабинета археологии и этнографии Педфака[124]. В январе 1925 г. в список учреждений, в который предполагалось посылать обязательный экземпляр «Сборников МАЭ», были включены Восточно-Сибирский и Забайкальский отделы РГО, Иркутский Государственный университет и проф. Б. Э. Петри[125]. Ему был выслан комплект «Известий Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии». Б. Э. Петри просил прислать ему том И. Т. Савенкова[126] «Памятники изобразительного искусства доисторического человека на Енисее»: «*Это толстый том in 4° со многими иллюстрациями. Около 20 экз. его было передано дочерью покойного автора после его смерти, в мою бытность хранилось в обменном фонде библиотеки. Ввиду того, что этой книги вообще нет в Иркутске и что иркутская группа археологов сейчас занята вопросом о писаницах, я обращаюсь в МАЭ с просьбой выслать том И. М. Савенкова – в порядке обмена, ручаясь со своей стороны, что Иркутск в долгу не останется. В свою очередь оттиски его работ отправлялись в Ленинград*»[127]. 19 января 1926 г. Б. Э. Петри просил выслать ему работу А. В. Анохина[128] по шаманству алтайцев: «*Я полагаю, что я как принимавший деятельное участие в выпуске в свет труда А. В. Анохина, когда его 1 часть печаталась в 1917, 1918 гг., имею некоторые основания надеяться на его присылку. Мною же была зарегистрирована и его коллекция*[129]*, послужившая материалом для иллюстраций С. М. Дудина*»[130].

В свою очередь Б. Э. Петри в 1926 г. отправил в МАЭ с инженером Костелем небольшую бурятскую коллекцию (МАЭ №3247). В МАЭ были посланы издания Кабинета

археологии и этнографии Иркутского государственного университета – книга ассистента при кафедре Истории первобытной культуры Я. Н. Ходукина[131], труды ассистента ИрГУ П. П. Хороших[132], по 7 экз. публикаций Б. Э. Петри «Древности Косогола» и «Сибирский неолит» (в том числе именные экземпляры)[133].

Статьи и заметки, написанные на основе полевых материалов, публиковались в изданиях, выходивших в Иркутске, Чите, Новосибирске, Томске. Исследовательская работа шла под лозунгом: «Не опубликовано – не сделано!»[134]. Всего Б. Э. Петри удалось опубликовать более 50 печатных трудов – краткие статьи, брошюры, которые издавались зачастую отдельными оттисками. Некоторые труднодоступные издания, являющиеся библиографической редкостью, хранятся в библиотеке МАЭ.

С 1912 г. Б. Э. Петри организовал и осуществил 15 успешных экспедиций. Он провёл этнографические исследования, серию археологических разведок и раскопок в районе оз. Байкал, в результате которых был открыт байкальский палеолит. Приняв должность профессора Иркутского университета, Б. Э. Петри продолжал в 1924 г. числиться сверхштатным сотрудником МАЭ[135]. Он создал при Иркутском Государственном университете музей по образцу МАЭ, воспитал плеяду сибирских археологов, антропологов и этнографов[136]. В Иркутском областном краеведческом музее хранится 49 коллекций, собранных Б. Э. Петри в Прибайкалье, Средней Азии, Монголии, центральной части России[137]. В том числе результаты его работ на оз. Байкал и оз. Хубсугул (1923 г.), а также в Тунке (1927 г.)[138].

9 марта 1925 г. Б. Э. Петри потребовал от МАЭ практического содействия: «*В январе 1924 г. я передал вахтёру МАЭ 4 совка для археологических раскопок с просьбой их мне переслать почтой. Несмотря на напоминания я их до сих пор не получил и сезон 1924 г. проработал без них, как без рук. А. В. Шмидт*[139] *сообщил мне, что Субоч*[140] *сомневается "в юридической природе совков". История их такова: в 1913 г. они были приобретены мною из сумм, ассигнованных мне Русским Комитетом для раскопок стоянки Улан-Хода в числе прочего инвентаря. Лопаты, кайла, грохоты и пр. были мною отправлены в Сибирь и отправлены А. В. Адрианову для его раскопок. Совки же я сохранил за собой и перевёз их в Петербург. Теперь они мне очень нужны. Прошу МАЭ их мне переслать для продолжения начатых мною изысканий. Что касается их "юридической природы", то я отнюдь не настаиваю на праве их включения в свой раскопочный инвентарь и если МАЭ найдёт нужным их включить в свой, то я прошу о высылке их во временное пользование. Очень прошу их выслать возможно скорее, т. к. с 1 мая я предполагаю приступить к раскопкам, средства на которые уже получил. В Иркутске же таких совков нет*»[141]. Посылку он просил адресовать на дом (Иркутск, Харлампиевская, угол Амурской, д. 11/26, к. 3), так как в университетской канцелярии с письмами «не благополучно».

Но монгольским планам не суждено было сбыться. Внимания потребовали сопредельные российские территории. В апреле 1925 г. Б. Э. Петри стал председателем Комитета содействия народностям северных окраин при Иркутском губисполкоме и «*с головой окунулся в социалистическое переустройство малых народов Сибири*»[142], попытался изменить жизнь малочисленных народов и отношение государства к условиям их существования, обосновал необходимость восстановления Саянского заповедника[143]. В 1925 г. Б. Э. Петри провёл экспедицию к тофаларам, в 1926 г. – к сойотам

(малому народу, родственному тувинцам-тодженцам; с середины XX в. это название закрепляется за населением Окинского и Тункинского района[144]). Эти продолжительные экспедиционные этнографические исследования осуществились на территории так называемого Саянского перекрёстка и касались тофов (называемых в то время карагасами), сойотов (окинских сойотов) и частично тоджинцев (урянхайских сойотов)[145]. Статьи, написанные Б. Э. Петри, переиздаются и в наши дни[146].

В 1926 г. факультет общественных наук Иркутского государственного университета был закрыт, Б. Э. Петри не получил Открытый лист на 1927 г.[147] Он сделал попытку получить разрешение летом 1928 г. производить раскопки в Прибайкалье от имени МАЭ с последующей передачей туда добытых предметов[148]. Предложенная им смета на 825 руб. включала раскопки: 1) неолитической стоянки на о-ве Кочерга у дер. Пашки, 23 версты от г. Иркутска по р. Ангара – 250 руб.; 2) неолитической стоянки у Иннокентьевского завода около г. Тулуна – 120 руб.; 3) могильника в Тунхе (Бурятская республика) железной культуры – 150 руб.; 4) неолитической стоянки «Коты» на Байкале – 175 руб.; 5) неолитической стоянки «Царь-девица» – 130 руб.[149] Тогда же он предложил МАЭ завершить описание собственных негативов, сделанных во время экспедиций 1912, 1913 и 1916 гг. в Прибайкалье. Летом 1913 г. в раскопках принимали участие бывшие политкаторжане[150], и в идентификации этих лиц особую заинтересованность выразил Музей каторги и ссылки, Центральный совет Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев[151]. МАЭ был готов изготовить для Б. Э. Петри и отправить ему для работы отпечатки с негативов[152], но этот проект так и не был завершён.

В 1928 и 1929 гг. Б. Э. Петри работал у тутуро-очеульских эвенков в верховьях Лены и её притоков, в 1930 г. – у витимо-олекминских эвенков[153]. В 1930 г. был закрыт Иркутский государственный университет. Фокус внимания Б. Э. Петри перенёс на обследование бассейна реки Ангары. Летом 1934 г. Б. Э. Петри руководил Верхне-Ангарским отрядом Ангарской экспедиции ИИМК.

Жизнь Бернгарда Эдуардовича Петри трагически оборвалась 25 ноября 1937 г.[154] Последние годы его жизни в Иркутске скупо освещены источниками[155]. Но труды Б. Э. Петри возвращаются в базу науки. В Иркутске переизданы его статьи по бурятскому шаманизму[156] и др.

В 1920–1930-е гг. Б. Э. Петри осуществил огромный объём работ по организации изучения Восточной Сибири и Центральной Азии в этнографическом и археологическом плане. Заложенные им принципы полевой работы продолжает иркутская школа археологии и этнографии. Широкий территориальный охват позволил Б. Э. Петри и его ученикам выявить памятники истории Байкальского региона. Он обследовал территорию Бурятии и добрался до «младшего брата Байкала» – монгольского озера Хубсугул. По пути в Монголию он посетил отдалённые и труднодоступные Тункинскую и Окинскую котловины, изучил культуру и быт населения, уделил много внимания малым народам – потомкам древнего населения Восточного Саяна[157]. Труды Б. Э. Петри немало способствовали тому, что сойоты включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утверждённый постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернгард Эдуардович Петри // Школа Карла Мая: [сайт]. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=2429 (дата обращения: 14.09.2017).
2. *Бондаренко А. А., Мельников В. Л.* Н. К. Рерих и Санкт-Петербургский университет // Санкт-Петербургский университет. № 11–12 (3478–3479), май 6, 1998. С. 47–51.
3. *Васильков Я. В., Сорокина М. Ю.* Петри Бернгард Эдуардович // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
4. Вселенная сибирского шамана: история, легенды, обряды. Репринтное издание работ Б. Э. Петри по этнографии из собрания Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск: Репроцентр А1, 2014. 328 с.
5. Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: материалы всероссийского семинара, посвящённого 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск: Амтера, 2009. 390 с. URL: http://artifact.isu.ru/Files/petri_sbornik.pdf (дата обращения: 05.09.2017).
6. *Длужневская Г. В.* Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с. URL: http://www.archeo.ru/izdaniya-1/vagnejshije-izdanija/pdf/Dluzhnevskaja_2011.pdf (дата обращения: 15.09.2017).
7. *Иванов Г. Л.* Бернгард Петри как учёный-музеевед и организатор музейного дела (по материалам Иркутского областного краеведческого музея) // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. История. 2012. № 2 (3), ч. 2. С. 63–66. URL: http://isu.ru/izvestia (дата обращения: 03.09.2017).
8. *Иванов А. А., Калихман А. Д., Калихман Т. П.* Б. Э. Петри в истории Саянского перекрестка. Иркутск, 2008.
9. Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Приложение. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2009.
10. *Китова Л. Ю.* Георгий Петрович Сосновский // Российская Археология. 2010. № 3. С. 146–153.
11. *Павлинская Л. Р.* Кочевники Голубых гор. Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. СПб.: Европейский дом, 2002.
12. *Павлинская Л. Р.* Бернгард Эдуардович Петри. Экспедиция в Восточные Саяны// Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. Всероссийский семинар, посвященный 125-летию со дня рождения Б. Э. Петри. Иркутск, 2009. С. 83–89.
13. *Петри Б. Э.* Среди кудинских бурят. Отчёт о командировке Б. Э. Петри и В. А. Михайлова // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. II. № 2. СПб., 1913. С. 102.
14. *Петри Б. Э*. Библиография за 1911 г. по этнографии, религии, языкознанию и фольклору // Живая старина. Год XXII. Петроград. 1913. С. 441–468.
15. *Петри Б. Э., Михайлов В. А.* Вторая поездка в Предбайкалье // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. II. № 3. Пг., 1914. С. 89–106.
16. *Петри Б. Э.* Путеводитель по Музею антропологии и этнографии им. императора Петра Великого: Этаж III. Зал 5. Археология / Б. Э. Петри; Имп. акад. наук. Пг.: тип. Имп. акад. наук, 1916. [2], 52 с.
17. *Петри Б. Э.* Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада // Сб. МАЭ. Т. 3. Пг., 1916. С. 113–132.
18. *Петри Б. Э.* Отчёт о командировке на Байкал в 1916 г. для археологической разведки // Отчёт о деятельности Академии наук по отделению физико-математических наук, истории и филологии. Пг., 1916. С. 142–143.
19. *Петри Б. Э.* Бурятская игра «Бэхэр» (кушаки) // Живая старина, год XXV, вып. 2–3.

20. *Петри Б. Э.* Орнамент кудинских бурят // Сб. МАЭ. Т. 5, вып. 2. Пг., 1918. С. 215–252.
21. *Петри Б. Э.* Областной музей и его организация на демократических началах. Иркутск, 1921. 15 с.
22. *Петри Б. Э.* Неолитическая колония в бухте «Песчаная» на Байкале // Сб. трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского уни-та. Иркутск, 1921. Вып. 2.
23. *Петри Б. Э.* Далёкое прошлое бурятского края. Иркутск: Изд-во газ. «Красный бурят-монгол», 1922. 43 с.
24. *Петри Б. Э.* Первые следы доисторического человека в Сибири // Вестник Просвещения. № 2. Чита, 1922. С. 1–13.
25. *Петри Б. Э.* М. П. Овчинников, как археолог // Сибирские огни. № 4. Ново-Николаевск, 1922.
26. *Петри Б. Э.* К вопросу об изучении шаманства (по поводу приезда шамана Степанова в Иркутск) // Власть труда. 1922. № 299.
27. *Петри Б. Э.* Программа исследования стоянок под открытым небом. Иркутск, 1923. 15 с. (Этнологическая секция Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества).
28. *Петри Б. Э.* Школа шаманства у северных бурят // Сб. трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского ун-ета. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 404–423. 22 с.
29. *Петри Б. Э.* Народное искусство в Сибири. Вопросы собирания и изучения. Сибгосиздат, Иркутское отделение, 1923. 30 с.
30. *Петри Б. Э.* Доисторические кузнецы в Прибайкалье: К вопросу о доисторическом прошлом якутов // Наука и Школа. № 1. Чита, 1923. С. 21–39.
31. *Петри Б. Э.* Задачи этнологической секции Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Иркутск, 1923. 11 с.
32. *Петри Б. Э.* Программа исследования стоянок под открытым небом. Иркутск, 1923. 15 с.
33. *Петри Б. Э.* Сибирский палеолит // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Т. 5. Иркутск, 1923. С. 209–253. 47 с.
34. *Петри Б. Э.* Элементы родовой связи у северных бурят // Сибирская живая старина. Вып. II. Иркутск, 1924. 29 с. (Издание Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества).
35. *Петри Б. Э.* Территориальное родство у северных бурят // Известия Биолого-Географического института при Иркутском Государственном Университете. Т. 1, вып. 2. Иркутск, 1924.
36. *Петри Б. Э.* Брачные нормы у северных бурят // Сб. трудов Государственного Иркутского ун-та. Т. 8, 1924. 32 с
37. *Петри Б. Э.* Опыт преподавания основ географии на краеведческом материале // Краеведение в Иркутской губернии. Записка Краеведческой Секции Иркутского Губернского Дома работников Просвещения, № 2. Иркутск: Иркут. Губерн. Дом Работн. Просвещения, 1925. 16 с.
38. *Петри Б. Э.* Краеведение, как метод изучения и метод преподавания (применительно к условиям Прибайкалья) // Сибирский Педагогический Журнал, № 3.
39. *Петри Б. Э.* Программа для собирания преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами // Бурятиеведение. № 1. Верхнеудинск, 1925.
40. *Петри Б. Э.* Прикосогольский скотогонный узел // Жизнь Сибири. 1926, № 4.
41. *Петри Б. Э.* Древности оз. Косогола (Монголия) // Бюллетень Всесоюзной научной ассоциации востоковедов. Иркутский филиал. 1926, № 1. Иркутск, 1926. С. 92–100. 31 с.
42. *Петри Б. Э.* Внутриродовые отношения у северных бурят // Известия Биолого-Географического Научно-исследовательского института при Иркутском гос. ун-те. Иркутск, 1926. Т. 2, вып. 3. 72 с.
43. *Петри Б. Э.* Сибирский неолит // Изв. Биолого-Географического ин-та при Иркутском гос. ун-те. 1926. Т. 3, вып. 6. С. 39–75. (39 с.)
44. *Петри Б. Э.* Программа для составления подворных описей и бюджетов применительно к малым народностям тайги. Иркутск, 1926. 11 с.
45. *Петри Б. Э.* Степени посвящения монголо-бурятских шаманов // Известия Биолого-Географического института при Иркутском гос. ун-те. Иркутск, 1926. Т. 2, вып. 4. С. 39–75. 16 с.

46. *Петри Б. Э.* Сибирский палеолит. 2-е изд. Иркутск, 1926. 40 с.
47. *Петри Б. Э.* Сойотская экспедиция, организованная Иркутским Местным Комитетом Севера // Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные). Иркутск, 1927. С. 12–20.
48. *Петри Б. Э.* Этнография и современность. Иркутск, 1927. 16 с.
49. *Петри Б. Э.* Очерки жизни и быта карагас. Иркутск, 1926. Вып. 1. 88 с.
50. *Петри Б. Э.* Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927. 32 с.
51. *Петри Б. Э.* Оленеводство у карагас // Изв. Биолого-Географического института при Иркутском гос. ун-те. Иркутск, 1926. Т. 3, вып. 2. Иркутск, 1927. 46 с.
52. *Петри Б. Э.* Карагасский суглан // Материалы Иркутского Местного Комитета Севера. Иркутск, 1927. Вып. 1. 40 с.
53. *Петри Б. Э.* Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные) // Сб. Тр. Иркутского Государственного Ун-та. Иркутск, 1927. Вып. XII. С. 217–235.
54. *Петри Б. Э.* Сибирский палеолит: Атлас. Рис. М. М. Герасимова. Иркутск, 1927. Вып. 1. 5 с., XX табл. (Студенческий Научный кружок краеведения при Иркутском Государственном университете, секция «Человек»).
55. *Петри Б. Э.* Старая вера бурятского народа: Научно-популярный очерк. Посвящается памяти М. Н. Хангалова. Иркутск, 1928. 78 с. (Студенческий Научный кружок краеведения при Иркутском Государственном университете, секция «Человек»).
56. *Петри Б. Э.* Задачи дальнейшего исследования туземцев Сибири и метод обследования целых народностей. Томск, 1928. 5 с. (Тр. Первого сибирского краеведческого научно-исследовательского съезда. Т. V. 1928).
57. *Петри Б. Э.* Далекое прошлое Прибайкалья. Научно-популярный очерк. Иркутск, 1928. 73 с.
58. *Петри Б. Э.* Бюджет карагасского хозяйства. Иркутск, 1928. 72 с.
59. *Петри Б. Э.* Промыслы карагас. Иркутск, 1928. 54 с.
60. *Петри Б. Э.* Проект культбазы у малых народов Сибири. Томск, 1928. 10 с.
61. *Петри Б. Э.* Задачи дальнейшего исследования туземцев Сибири и метод обследования целых народностей // Труды I Сибирского краеведческого научно-исследовательского съезда. 1928. Т. 5.
62. *Петри Б. Э.* Гончарный промысел. Музейно-краеведческая тема. Иркутск, I929. 36 с.
63. *Петри Б. Э.* Охота и оленеводство у тутурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. Иркутск, 1930. 103 с.
64. Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2009 г. / сост. Л. А. Казанцева; ред. С. А. Рудых. Иркутск: изд. Иркут. обл. гос. унив. науч. б-ки им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2008. 192 с.
65. «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы / сост., авт. вступ. ст. и биобиблиогр. словаря Сирина А. А. М. Иркутск: ИЭА, 2013. 433 с.
66. *Сирина А. А.* Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри // Д. Д. Тумаркин (сост.) Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Восточная литература, 2002. С. 57–80.
67. *Соболева Е. С.* О судьбе семьи Петри в истории Петербургского музея антропологии и этнографии в начале XX века // Пол. Политика. Политкультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем. Материалы Седьмой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань. Т. 2. М., 2014. С. 494–498.
68. *Терновая И. И.* Малоизвестные страницы жизни и смерти профессора Б. Э. Петри // История и историки. Иркутск, 2008. С. 158–160.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Приложение. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2009. С. 26, 30, 33, 37, 53.
[2] СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 4. Ед. хр. 206. Л. 6.
[3] *Соболева Е. С.* О судьбе семьи Петри в истории Петербургского музея антропологии и этнографии в начале XX века // Пол. Политика. Политкультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем. Материалы Седьмой междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань. Т. 2. М., 2014. С. 494–498.
[4] Бернгард Эдуардович Петри // Школа Карла Мая: [сайт]. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=2429 (дата обращения: 14.09.2017).
[5] *Бондаренко А. А., Мельников В. Л.* Н. К. Рерих и Санкт-Петербургский университет // Санкт-Петербургский университет. № 11–12 (3478–3479), май 6, 1998. С. 47–51.
[6] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 58. Л. 294–295.
[7] Там же. Ф. 1. Оп. 1а – 1911. Ед. хр. 158. Л. 383.
[8] Там же. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 445. Л. 1.
[9] Там же. Л. 10.
[10] Там же. Л. 11.
[11] Там же. Л. 73.
[12] *Петри Б. Э.* Путеводитель по Музею антропологии и этнографии им. императора Петра Великого: Этаж III. Зал 5. Археология / Б. Э. Петри; Имп. акад. наук. Петроград: тип. Имп. акад. наук, 1916. [2], 52 с.
[13] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 59. Л. 62.
[14] Там же. Ед. хр. 64. Л. 110–111.
[15] Там же. Ед. хр. 64. Л. 282.
[16] Там же. Л. 287об.
[17] Там же. Л. 111об.
[18] Утуг (бурят. «удобрение») – приусадебный покос у бурят и крестьян Восточной Сибири.
[19] Тавранчук (таратук, таганчук) – блюдо из баранины, распространённое в XV–XVII вв. Приготовляется в тагане, т. е. в керамической, глиняной сковороде-миске, в тигле.
[20] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 64. Л. 113–113об.
[21] Там же. Л. 112.
[22] Там же. Л. 285об.–286.
[23] Там же. Л. 288–292.
[24] Там же. Л. 293об.
[25] Там же. Л. 283–283об.
[26] Там же. Л. 284об.–285.
[27] Там же. Л. 283–284об.
[28] Sic! Правильно – палеолитическую
[29] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 64. Л. 183.
[30] Там же. Ф. 1. Оп. 1а-1913. Ед. хр. 160. Л. 382об.
[31] Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 63. Л. 246.
[32] Там же. Ф. 4. Оп. 2 (1913). Ед. хр. 26. Л. 209.
[33] Там же. Ф. 1. Оп. 1а – 1913. Ед. хр. 160. Л. 243.
[34] Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 63. Л. 262.
[35] Там же. Ф. 1. Оп. 1а – 1912. Ед. хр. 159. Л. 400об.
[36] Там же. Оп. 1а – 1913. Ед. хр. 160. Л. 407.
[37] Там же. Оп. 1а – 1914. Ед. хр. 161. Л. 408об.
[38] Там же. Ф. 4. Оп. 2 (1915). Ед. хр. 63. Л. 13об.

[39] Там же. Оп. 4. Ед. хр. 445. Л. 22.
[40] Там же. Л. 27.
[41] Там же. Л. 30.
[42] Там же. Л. 34.
[43] Там же. Л. 74–75об.
[44] Бернгард Эдуардович Петри // Школа Карла Мая.
[45] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а – 1916. Ед. хр. 163. Л. 419об.
[46] *Петри Б. Э.* Отчет о командировке на Байкал в 1916 г. для археологической разведки // Отчет о деятельности Академии наук по отделению физико-математических наук, истории и филологии. Пг., 1916. С. 142–143.
[47] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 69. Л. 404.
[48] Там же. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 445. Л. 77.
[49] *Петри Б. Э.* Орнамент кудинских бурят // Сб. МАЭ. Т. 5, вып. 2. Пг., 1918. С. 215–252.
[50] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1918 г.). Ед. хр. 165. Л. 400об.
[51] Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 73. Л. 99.
[52] Там же. Ф. 4. Оп. 2 (1918). Ед. хр. 32. Л. 5–6.
[53] Там же. Л. 8об.
[54] Там же. Ф. 142. Оп. 1 (1920). Ед. хр. 2. Л. 46.
[55] *Моисей Ааронович Кроль* (1862–1942) – исследователь статистики Сибири, этнограф, юрист. С 1919 г. жил в Харбине.
[56] *Николай Дмитриевич Миронов* (1880–1936) – профессор, составитель каталогов индийских рукописей из фондов Азиатского музея и Российской публичной библиотеки. С октября 1918 г. преподавал на кафедре сравнительного языковедения и санскритологии только что открывшегося Иркутского университета в должности экстраординарного профессора, а с 1920 г. руководил кабинетом востоковедения. Эмигрировал в Китай.
[57] *Моисей Матвеевич Рубинштейн* (1878–1953) – психолог, педагог, философ. Организатор и первый ректор (1918–1919) Восточно-Сибирского университета, открытого Временным Сибирским правительством в Иркутске. Организовал Восточно-Сибирский педагогический институт народного просвещения (1920).
[58] *Михаил Михайлович Агарков* (1890–1947) – юрист, профессор. В 1918 г. эвакуирован в Томск вместе с преподавательским составом Казанского университета. Один из первых профессоров Иркутского университета (1918), читал курсы гражданского и торгового права, а также общей теории права.
[59] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1920). Ед. хр. 2. Л. 46–48.
[60] Там же. Оп. 1 (1923). Ед. хр. 2. Л. 15.
[61] Там же. Оп. 1 (1920). Ед. хр. 2. Л. 48–49об.
[62] Там же. Л. 45об.
[63] Там же. Л. 43об.
[64] *Китова Л. Ю.* Георгий Петрович Сосновский // Российская археология. 2010. № 3. С. 146–153.
[65] *Георгий Петрович Сосновский* (1899–1941) – исследователь1920–1930-х годов, изучавший широкий спектр археологических проблем Северной и Центральной Азии, один из первооткрывателей сибирского палеолита. Добровольный сотрудник (с 1917 г.) в археологическом отделе Музея антропологии и этнографии под руководством Б. Э. Петри, студент (с 1920 г.) Иркутского университета.
[66] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1920). Ед. хр. 2. Л. 43об.
[67] Там же. Л. 48–48об.
[68] Там же. Л. 42, 45об.
[69] Там же. Л. 49.
[70] Там же. Л. 40
[71] Там же. Л. 50об.
[72] Там же. Л. 51.

[73] Там же. Оп. 1 (1921). Ед. хр. 3. Л. 108.
[74] Там же. Л. 107, 108об.
[75] Там же. Оп. 1 (1920). Ед. хр. 2. Л. 51.
[76] *Петри Б. Э.* Областной музей и его организация на демократических началах. Иркутск, 1921. 15 с.
[77] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а – 1921. Ед. хр. 169. Л. 232об.
[78] Там же.. Оп. 1 (1922). Ед. хр. 5. Л. 41.
[79] Там же. Ед. хр. 4. Л. 171.
[80] Там же. Л. 120об.
[81] *Георгий Семенович Виноградов* (1886–1945) – этнограф, фольклорист, краевед, доктор филологических наук, профессор Иркутского государственного, редактор сборника «Сибирская живая сторона».
[82] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1922). Ед. хр. 4. Л. 120–121об.
[83] Там же. Оп. 1 (1923). Ед. хр. 3. Л. 4.
[84] Аларские буряты – этнотерриториальная группа в составе бурятского этноса. Проживают в Иркутской области на территории Аларского и сопредельных районов.
[85] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Ед. хр. 4. Л. 23.
[86] *Сирина А. А.* Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри // Д. Д. Тумаркин (сост.) Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Восточная литература, 2002. С. 57–80.
[87] *Китова Л. Ю.* Георгий Петрович Сосновский. С.146–153.
[88] *Борис Николаевич Вишневский* (1891–1965) – антрополог, археолог, географ, этнограф. Избран на должность ученого хранителя МАЭ 28 марта 1923 г. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Ед. хр. 4. Л. 51).
[89] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923). Ед. хр. 3. Л. 54.
[90] Там же. Л. 57.
[91] Там же. Ф. 1. Оп. 1а – 1923. Ед. хр. 172. Л. 219.
[92] Хубсугул (Хувсгел-Нуур, ранее Косогол) – крупное пресноводное озеро на севере Монголии, рядом с границей России. Второе по площади и самое глубокое озеро в Монголии. По своему происхождению (озеро является частью Байкальского рифта), гидрологическому режиму и минеральному составу воды очень похоже на Байкал, иногда это озеро называют младшим братом Байкала.
[93] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Ед. хр. 4. Л. 149.
[94] Там же. Оп. 1 (1923). Ед. хр. 2. Л. 14.
[95] Там же. Оп. 1 (1924). Ед. хр. 4. Л. 149.
[96] Там же. Оп. 1 (1923). Ед. хр. 2. Л. 11–12.
[97] Там же. Л. 12об.–13.
[98] Там же. Л. 14об.
[99] Там же. Ф. 221. Оп. 4. Ед. хр. 206. Л. 2об.
[100] Там же. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Ед. хр. 5. Л. 5.
[101] Там же. Оп. 1 (1923). Ед. хр. 2. Л. 47.
[102] Там же. Л. 39.
[103] Там же. Л. 101.
[104] *Петри Б. Э.* Древности оз. Косогола (Монголия) // Бюллетень Всесоюзной научной ассоциации востоковедов. Иркутский филиал. 1926. № 1. С. 92–100. 31 с.
[105] Керексуры (херексуры, монг. *хэрэгсүүр*) – погребальные сооружения в виде грунтово-каменных насыпей высотой от одного до двух-трёх метров, находящиеся на территории Монголии и южносибирских регионов России (Алтай, Тува, Забайкалье).
[106] *Петри Б. Э.* Древности оз. Косогола (Монголия). С. 25–27, 30–31.
[107] *Длужневская Г. В.* Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с. URL: http://www.archeo.ru/izdaniya-1/vagnejshije-izdanija/pdf/Dluzhnevskaja_2011.pdf (дата обращения: 08.09.2017).
[108] Археологическую стоянку в 1892 г. обнаружил М. П. Овчинников. Первые раскопки произвели

весной 1916 г. Б. Э. Петри, И. И. Серебренников, М. П. Овчинников. Выявлены три культурных горизонта, относящихся к мезолиту, неолиту и эпохе бронзы.

«Царь-девица» – дачная местность с пароходной пристанью в Иркутске, на левом берегу р. Ангары у дер. Титово, где в июне 1890 г. открылся загородный сад и ресторан «Царь-Девица». В 1892 г. здесь впервые были собраны многочисленные археологические находки: нуклеусы, скребки, наконечники стрел, топоры, фрагменты керамики. Учёные выделяют пять крупных временных памятников в этом месте: эпохи бронзы, железа, неолита, раннего металла, мезолита.

[109] Поселение в бухте Улан-Хада на оз. Байкал – первый (и многие годы единственный) многослойный памятник эпохи голоцена, обнаруженный на территории Сибири (*Петри Б. Э.* Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада // Сб. МАЭ. Т. 3. Пг., 1916. С. 113–132). Результаты междисциплинарных исследований, проводившихся на объекте, позволяют считать памятник опорным для создания периодизации и хронологии голоценовых культур Прибайкалья, для реконструкции природных и климатических изменений в регионе.

[110] Маглемо́зе (дат. *Maglemosekultur*) – мезолитическая культура VII–V тыс. до н. э., остатки которой первоначально были обнаружены на территории Дании.

[111] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923). Ед. хр. 2. Л. 337–338, 345.

[112] Там же. Л. 346.

[113] У́бсу-Нур, ранее Убса (Увс-Нуур) – озеро в Монголии и России (Республика Тува), самое большое по площади на территории Монголии и самое известное из котловины Больших озер. Составная часть объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО (2003).

[114] Халха-монголы – наиболее многочисленный из народов Монголии.

[115] Баяты (баиты, байты, баяды) – четвёртая по величине этническая группа Монголии, относящаяся к ойратам, проживающая на северо-западе страны.

[116] Дербеты – группа ойратов, проживающая на западе Монголии. В первой четверти XVII в. часть дербетов откочевала в Россию и вошла в состав калмыков.

[117] Урянхайцы – название некоторых этнических групп; хубсугульские урянхайцы – близкие родственники сойотов, которые отделились от них около 350–400 лет назад.

[118] Дархаты (от монг. *дархан* – «священный, неприкосновенный, свободный от налогов») – один из народов Северной Монголии.

[119] Монгольские родо-племенные группы и патронимии, ведущие происхождение от общего отца, принадлежат к одной и той же «кости» (ясун). Подразделение на кости существовали у многих тюрко-монгольских народов Центральной Азии, различались знатные и простые «кости».

[120] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923). Ед. хр. 2. Л. 339, 343–346об.

[121] Там же. Л. 341.

[122] Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: материалы всероссийского семинара, посвящённого 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск: Амтера, 2009. 390 с. URL: http://artifact.isu.ru/Files/petri_sbornik.pdf (дата обращения: 05.09.2017).

[123] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923). Ед. хр. 2. Л. 342.

[124] Там же. Л. 103а.

[125] Там же. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 15. Л. 15.

[126] *Савенков И. Т.* «О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее». М., 1910. Т. 1; *Штернберг Л. Я.* Иван Тимофеевич Савенков. 1846–1914 гг. (Некролог). С портретом. Савенков Иван Тимофеевич (Автобиографическая справка, сообщенная Имп. Археологическому Обществу в Москве) // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при Императорской академии наук. Пг.: тип. Имп. Акад. наук, 1916. 212 с. (Сб. Музея антропологии и этнографии при Императорской академии наук; т. 3). С. I–XVI.

[127] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 5. Л. 186–187.

[128] *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии:

(Представлено в заседании Ист.-филол. отд. Акад. наук 16 янв. 1913 г.) / А. В. Анохин; с предисл. С. Е. Малова. Л.: Рос. акад. наук, 1924. [4], VIII, 248, IV с. (Сб. Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. Т. 4, вып. 2).

[129] В 1911–194 гг. Б. Э. Петри зарегистрировал привезённые А. В. Анохиным в МАЭ коллекции № 1853, 2014, 2079, 2242, 2334, 2338, 2439.

[130] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 5. Л. 185.

[131] Там же. Л. 188.

[132] Там же. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 5. Л. 160.

[133] Там же. Ед. хр. 6. Л. 3.

[134] Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2009 г. / сост. Л. А. Казанцева; ред. С. А. Рудых. Иркутск: Изд-во Иркут. обл. гос. унив. науч. б-ки им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2008. 192 с.

[135] СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а – 1924. Ед. хр. 173. Л. 184.

[136] *Иванов Г. Л.* Бернгард Петри как учёный-музеевед и организатор музейного дела (по материалам Иркутского областного краеведческого музея) // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. История. 2012. № 2 (3), ч. 2. С. 63–66. URL: http://isu.ru/izvestia (дата обращения: 19.09.2017).

[137] Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. С. 107.

[138] Там же. С.51.

[139] *Алексей Викторович Шмидт* (1894–1935) – археолог и востоковед, преподаватель Пермского университета, магистрант истории и культуры Древнего Востока. С 1917 г. работал в Эрмитаже, с 1920 г. – зав. Пермским университетским музеем. 27 июля 1923 г. избран научным сотрудником I разряда МАЭ, зав. отделом Африки.

[140] *Иван Николаевич Субоч* – вахтёр, технический помощник, на службе в МАЭ РАН с 1896 г.

[141] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 5. Л. 150–151.

[142] *Сирина А. А.* Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри. С. 68.

[143] Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. С. 83–89.

[144] *Павлинская Л. Р.* Кочевники Голубых гор. Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. СПб.: Европейский дом, 2002. С. 51.

[145] *Иванов А. А., Калихман А. Д., Калихман Т. П.* Б. Э. Петри в истории Саянского перекрестка. Иркутск, 2008.

[146] «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы / сост., авт. вступ. ст. и биобиблиогр. словаря А. А. Сирина. М.; Иркутск: ИЭА, 2013. С. 268–294.

[147] Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. С. 51.

[148] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1928). Ед. хр. 3. Л. 16.

[149] Там же. Л. 14–14об.

[150] Там же. Л. 92.

[151] Там же. Л. 122.

[152] Там же. Ед. хр. 5. Л. 45.

[153] *Длужневская Г. В.* Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг.

[154] *Васильков Я. В., Сорокина М. Ю.* Петри Бернгард Эдуардович // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

[155] *Терновая И. И.* Малоизвестные страницы жизни и смерти профессора Б. Э. Петри // История и историки. Иркутск, 2008. С. 158–160.

[156] Вселенная сибирского шамана: история, легенды, обряды. Репринтное издание работ Б. Э. Петри по этнографии из собрания Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск: Репроцентр А1, 2014. 328 с.

[157] *Павлинская Л. Р.* Бернгард Эдуардович Петри. Экспедиция в Восточные Саяны // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. Всероссийский семинар, посвященный 125-летию со дня рождения Б. Э. Петри. Иркутск, 2009. С. 83–89.

Ю. А. ГОРБАЧЁВ
(Культурно-просветительский проект «Рериховская Карелия», Санкт-Петербург)

«ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ» РЕРИХОВСКОЙ КАРЕЛИИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РЕРИХОВЕДЕНИЯ

В статье предпринимается попытка кратко проследить историю исследования карельского периода жизни семьи Рерихов в отечественном рериховедении.

Эта история представляется в виде двух следующих друг за другом волн исследовательского интереса к карельскому периоду.

Зарождение первой волны исследований началось во второй половине 1970-х годов. Наибольший подъём пришёлся на 1980-е годы, а затем можно отметить его затухание к началу 1990-х годов. Далее следует почти пятнадцатилетняя пауза, во время которой карельский период в глазах рериховедов тускнеет, интерес к нему утрачивается. Но примерно с 2006–2007 гг. начинает формироваться и постепенно набирает силу вторая, современная, волна исследовательского интереса к карельскому периоду жизни Рерихов.

Следует подчеркнуть общую особенность этого двухволнового процесса изучения карельского периода. Она состоит в том, что как во время первой волны, так и во время нынешней, второй волны, не только происходит обогащение рериховедения новым фактическим материалом, но и по существу совершается подъём рериховедения на новый, более высокий концептуальный уровень. Ниже я постараюсь обосновать этот тезис.

Как уже было сказано, первая волна исследований карельского периода жизни Н. К. Рериха возникает во второй половине 1970-х годов. У её истока стоит могучая фигура П. Ф. Беликова, основоположника рериховедения и инициатора исследований карельского периода жизни семьи Рерихов. О важности изучения этого периода П. Ф. Беликов в одном из своих писем сказал кратко и ясно: «Карельский период имел для Рериха огромное, до сих пор не оценённое значение». Павел Фёдорович не только сам изучал карельский период, но и всячески способствовал его изучению другими исследователями. Во многом благодаря его стимулирующей поддержке карельский период становится предметом изучения для петрозаводских рериховедов – Елены Григорьевны Сойни и Юрия Владимировича Линника.

Как известно, первым трудом, посвящённым в большей своей части карельскому периоду жизни Рериха, стало исследование Е. Г. Сойни «Николай Рерих и Север», опубликованное в 1987 г.[1] В нём, а затем в последовавшей за ним в 2001 г. книге «Северный лик Николая Рериха»[2] Елене Григорьевне удалось нарисовать многоплановую и в то же время цельную картину карельского периода жизни великого художника. Особой заслугой Елены Григорьевны является раскрытие глубоких и многообразных финских и других скандинавских влияний на творчество Рериха.

Следующий шаг в исследовании карельского периода сделал Юрий Владимирович Линник. В своём полном глубоких прозрений обширном эссе «Н. К. Рерих в Карелии», вышедшем в 1992 г.[3], Юрий Владимирович рассмотрел карельский период

в широком контексте последующего творческого пути Рериха и, как всегда, блестяще проследил дальнейшую судьбу многих творческих мотивов, впервые зазвучавших у Рериха в карельский период.

Но конечно, вершиной первой волны исследований карельского периода стал труд Павла Фёдоровича Беликова «Рерих. Опыт духовной биографии», написанный давно, но вышедший в свет лишь в 1994 г.[4] Глубокий и тонкий анализ процесса духовного становления Н. К. и Е. И. Рерихов, данный Беликовым, до сих пор является непревзойдённым. Он не только смог высвободить рериховедение из ставших тесными для него искусствоведческих рамок, но и подвёл под него добротный концептуальный фундамент. Так, Павел Фёдорович убедительно показал, что подлинной основой всего художественного творчества, а также всей научной и культурной деятельности Рериха является более глубокий процесс – процесс становления и развития Рериха-мыслителя. Одна из работ Павла Фёдоровича так и называется – «Рерих-мыслитель»[5].

Прослеживая процесс развития Рериха-мыслителя прежде всего на основе анализа созданных Рерихом в Карелии литературных произведений, П. Ф. Беликов приходит к выводу о том, что карельский период стал особого рода кульминацией духовного становления как Николая Константиновича, так и Елены Ивановны.

Согласно П. Ф. Беликову, эта кульминация выразилась в завершении Рерихами во время их пребывания в Карелии духовной подготовки к предстоящей им миссии.

В заключение своего исследования карельского периода Беликов пишет, что, покидая Карелию, «Рерихи закончили часть пути, который суждено было пройти одиноко. Отныне… они знали о возложенной на них задаче и приступили к её исполнению. Приступили с полным знанием всех трудностей Служения и полной готовностью преодолеть их. Этим и заканчивается их срок пребывания в Карелии»[6].

Следуя мысли Павла Фёдоровича, можно сказать, что кульминацией всей предшествующей жизни Рерихов стал карельский период, вобравший всё лучшее, что было накоплено Рерихами ранее, и подготовивший их к следующей, высшей ступени деятельности.

Важнейший вклад П. Ф. Беликова в современное рериховедение состоит в том, что ему удалось увидеть в карельском периоде – столь непродолжительном, промежуточном и к тому же довольно потаённом – период напряженной работы, заложившей духовный фундамент всей последующей мессианской культурной деятельности семьи Рерихов. Поэтому работа П. Ф. Беликова «Рерих. Опыт духовной автобиографии» – это не только вершина, но и завершение первой волны исследований карельского периода.

Но сегодня мы, опираясь на достижения П. Ф. Беликова, вместе с тем должны обратить внимание на то, что не успел сделать Павел Фёдорович.

Как известно, П. Ф. Беликов рассматривал карельский период как некоторое целое, не сосредоточивая своё внимание на своеобразии отдельных частей, стадий этого чрезвычайно творчески насыщенного периода. В то же время нельзя не заметить, что, стремясь дать обобщённую характеристику карельского периода, Беликов опирается лишь на материал завершающей, так называемой тулонской стадии карельского периода. При всей несомненной важности тулонского биографического мате-

риала (повесть «Пламя», ряд стержневых стихотворений сборника «Цветы Мории») он свидетельствует прежде всего о завершении Рерихами духовно-психологической подготовки к предстоящей им чрезвычайно масштабной и ответственной миссии.

Очевидно, что при таком суженном отборе рассматриваемого биографического материала вне поля зрения П. Ф. Беликова остаётся достаточно большая часть карельского периода, прежде всего его начало, а именно время проживания семьи Рерихов на берегу залива Юхинлахти на даче О. Реландера, ставшее, на наш взгляд, временем формирования содержательных, программных основ будущей планетарной рериховской культурной миссии.

На наш взгляд, уже первое карельское лето, проведённое Рерихом на берегу Юхинлахти, стало для него временем титанической духовно-творческой работы. Художественным выражением этой работы в первую очередь стал исполненный духом героического энтузиазма провидческий цикл (сюита) картин, названный им «Heroica». Концептуальным итогом подлинно судьбоносной духовной работы, совершённой Рерихом во время пребывания в Юхинлахти, явился очерк «Единство» (1917), во многом определивший дальнейший жизненный путь великого художника и его семьи.

Таким образом, на наш взгляд, П. Ф. Беликов, глубоко и тонко раскрыв духовно-нравственную составляющую подготовки семьи Рерихов к их будущей миссии, в то же время оставил в тени не менее важный процесс формирования Рерихом концептуально-смысловой стороны их будущей деятельности.

Необходимость раскрытия этой стороны карельского периода стала, на наш взгляд, подспудной причиной зарождения второй, современной, волны исследований карельского периода жизни семьи Рерихов.

Причина столь длительного «отлива» исследовательского интереса от карельского периода – в бурном, почти взрывообразном процессе накопления фактического материала, раскрывающего новые стороны прежде всего Трансгималайской и Маньчжурской экспедиций Рериха.

Но Карелия не должна «ревновать» рериховедение к Востоку, потому что, именно уйдя на Восток – в Индию, на Алтай и в Тибет, современное рериховедение столкнулось с проблемой, которая с железной необходимостью начала возвращать его к исследованию карельского периода жизни семьи Рерихов. Благодаря публикациям материалов, переданных в Россию С. Н. Рерихом, а также почти одновременной публикации материалов из архивов США, перед рериховедением вдруг во всю свою планетарную ширь распахнулась поражающая воображение картина рериховских культурных инициатив. В этом удивительном пространстве по-новому открывшейся миру Державы Рериха к уже известным рериховским проектам (художественные ассоциации “Cor Ardens” и “Corona Mundi”, Институт Объединенных искусств, Пакт Рериха, Всемирная лига культуры, Гималайский исследовательский институт «Урусвати» в индийской долине Кулу) добавились новые, трудно укладывающиеся в сознании инициативы, такие как миссия Рериха в Москве, завершившаяся передачей руководству СССР послания Махатм Востока и переговорами о создании Союза народов Азии, организация американо-советской концессии «Белуха» для добычи полезных ископаемых Горного Алтая, возглавлявшееся Рерихом посольство «западных

буддистов» к Далай-Ламе XIII и, наконец, кооперативный проект «Канзас», создание которого должно было состояться во время проходившей под руководством Рериха американской сельскохозяйственной экспедиции в Маньчжурию. Эта широчайшая панорама начинаний вдохновляла и в то же время озадачивала рериховедов. Картина становилась ещё более трудно постижимой, потому что в результате новых публикаций стало известно о целом ряде оставшихся нереализованными планов и проектов, которые также необходимо было учитывать при определении рериховского замысла, стоящего за всем этим множеством инициатив.

При попытке целостно осмыслить это многообразие возникает, на наш взгляд, центральная проблема современных исследований. Её можно сформулировать так: «Присуще ли множеству рериховских инициатив системное единство?» Или, иначе: «Присущ ли процессу осуществления Рерихами вышеперечисленных инициатив фундаментальный концептуально-смысловой стрежень, гибко, но в то же время последовательно направлявший осуществление этих инициатив?»

Очевидно, что своеобразным эвристическим ориентиром, указывающим на несомненное наличие внутреннего единства этих начинаний, является удивительно цельная личность самого Рериха, весь замечательно последовательный, дальновидный, спокойно-уравновешенный стиль его жизни.

В поисках решения указанной выше фундаментальной проблемы логично предположить, что если всему периоду рериховских инициатив действительно присущ некоторый системно организующий и направляющий эти инициативы смысловой стержень, то, очевидно, он должен был возникнуть, сформироваться до приезда Рерихов в Америку, где, как известно, и началось интенсивное осуществление рериховских культурных проектов. Разумеется, в поисках времени формирования такого направлявшего инициативы Рериха начала естественно обратиться именно к карельскому периоду, который, согласно исследованию П. Ф. Беликова, был посвящён прежде всего подготовке Рерихов к их будущей миссии.

Правда, сам П. Ф. Беликов ничего не говорит о формировании у Рерихов в карельский период более или менее чётких представлений о предстоящей им миссии. Однако сами произведений Рериха, созданные в Карелии, не только свидетельствуют о наличии у него такого рода представлений, не только позволяют выявить эти представления, но и понять процесс их формирования. Разумеется, для обоснования этого тезиса требуется специальное исследование. Нас же интересуют лишь глубинные тенденции современного рериховедения в плане их отношения к карельскому периоду.

Новое возвращение к карельскому периоду осуществляется, как мы видим, под знаком перехода исследований от экстенсивной стадии к интенсивной, к отысканию за многообразием рериховских начинаний объединяющей и направляющей их миссии. Выражением этой глубинной логики развития современных исследований и стала так называемая вторая волна исследований карельского периода жизни семьи Рерихов.

Как уже говорилось ранее, зарождение этой второй волны научного и культурного интереса к карельскому периоду следует отнести примерно к 2006–2007 гг. Имен-

но в это время петербургский Исследовательский фонд Рерихов, возглавлявшийся Андреем Петровичем Соболевым и Вячеславом Юрьевичем Чачиным, начинал подготовку замечательного рериховедческого труда – комплексного издания всех материалов, освещающих карельский период жизни семьи Рерихов. Сегодня это издание стало настольной книгой любого исследователя[7].

Одновременно Исследовательский фонд Рерихов совместно с Музеем Северного Приладожья и общественной организацией «Свет Ладоги» начал работу по выявлению мест жизни и творчества Рериха и его семьи в Северном Приладожье. Итогом этой многолетней работы стало подготовленное А. П. Соболевым издание «Памятные места семьи Рерихов в Северном Приладожье»[8], вышедшее в 2009 г. Примерно в это же время выходят краеведческие статьи И. Б. Борисова, Е. М. Корниченко, В. В. Вихрова, В. Т. Кирьяновой, посвящённые различным достопримечательностям Северного Приладожья, связанным с именем Рерихов. Примерно с 2006 г. общественная организация «Свет Ладоги» начинает работу по созданию в окрестностях Сортавалы культурного центра, одной из важнейших задач которого становится популяризация карельского периода жизни Рерихов.

В настоящее время вторая волна интереса к рериховской Карелии набирает силу. Об этом свидетельствует не только наша юбилейная конференция. Счастливым знаком растущей мощи этой второй волны мне видится удивительный факт: ещё весной этого года четыре сортавальских культурных организации – Музей Северного Приладожья, Общественный совет по культуре г. Сортавала, землячество г. Сортавала и землячество острова Риеккалансаари – объединили свои усилия с четырьмя организациями Санкт-Петербурга – Музеем-институтом семьи Рерихов, Исследовательским фондом Рерихов, общественной организацией «Свет Ладоги» и общественной организацией «Карелия. Мифы и реальность» – и решили отметить столетие карельского периода жизни Рерихов не просто привычной в таких случаях конференцией, а большой программой культурных мероприятий, которую с полным правом можно назвать новым открытием рериховской Карелии.

Сейчас нет возможности перечислить все пункты этой содержательной программы, но нельзя не упомянуть намеченное в ней издание альбома карельских работ Рериха, которое предполагается осуществить совместными усилиями Петербургского музея-института семьи Рерихов и Исследовательского фонда Рерихов.

Следует также сказать и об ожидаемом открытии в 2018 г. на о. Риеккалансаари большого выставочного зала, в котором должны быть представлены копии основных северных картин – шедевров Николая Рериха. Создание такого выставочного зала, уже строящегося, станет результатом сотрудничества общественной организации «Свет Ладоги» с Петербургским музеем-институтом семьи Рерихов и Исследовательским фондом Рерихов.

Конечно, большим событием станет, мы уверены, итоговая конференция, посвящённая столетию карельского периода жизни семьи Рерихов, которая состоится в октябре 2018 г. в Петербургском музее-институте семьи Рерихов. Надеемся и на издание сборника научных трудов, посвящённого карельскому периоду.

Хочется верить, что благодаря этой предстоящей совместной работе культурных организаций Сортавалы и Петербурга всё полнее будет открываться миру прекрасный северный лик Николая Рериха. Верится, что вторая волна научной и культурной работы сможет в полной мере открыть нам великое северное наследие Рериха. Безусловно, пока ещё трудно предугадать, как далеко продвинется вторая, современная, волна в познании глубин карельского периода, но нам всё-таки хотелось бы в нескольких словах наметить перспективу этого движения.

«Кульминационная концепция» карельского периода, созданная П. Ф. Беликовым, позволяет нам увидеть в карельском периоде нечто значительно большее, чем просто подготовительный этап, который, порождая нечто главное, завершающее, растворяется в этом главном, теряется в нём.

В свете беликовской «кульминационной концепции» карельский период видится нам периодом возникновения Великого Замысла Рериха в ответ на вызов представших перед ним именно в это время грозных социальных катаклизмов Первой мировой войны и русской революции. Этот Великий Замысел был создан Рерихом на основе всего лучшего, накопленного им в предшествующий русский период, и он, этот Замысел, был воплощён им на просторах нашей планеты после отъезда из Карелии.

Здесь мы имеем дело с тем особым случаем, когда Замысел намного превосходит воплощение, ибо степень реализации Замысла определялась во многом состоянием сознания человечества, находящегося во власти соблазнов так называемой техногенной цивилизации, которую Николай Рерих называл «механической цивилизацией».

Несомненно, неполнота воплощения Замысла не смущала Рериха, ибо он знал, что его дело будет продолжено. Поэтому для нас так важно познать его Великий Замысел, родившийся среди просторов Карелии, под сенью сосен и елей залива Юхинлахти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Сойни Е. Г.* Николай Рерих и Север. Петрозаводск: Карелия, 1987. 164 с.
2 *Сойни Е. Г.* Северный лик Николая Рериха. Самара: Агни, 2001. 167 с.
3 *Линник Ю. В.* Н. К. Рерих в Карелии: повесть-предчувствие // Линник Ю. В. В поисках Шамбалы. Петрозаводск: Карелия, 1992. С. 20–113.
4 *Беликов П. Ф.* Рерих (опыт духовной биографии). Новосибирск: Лазарев В. В. и О., 1994. 334 с.
5 Неопубликованная работа П. Ф. Беликова 1970 года.
6 *Беликов П. Ф.* Рерих (опыт духовной биографии). С. 147.
7 Н. К. Рерих. 1917–1919. Материалы к биографии / [сост.: О. И. Ешалова, А. П. Соболев]. СПб.: Коста, 2008. 495 с.
8 Памятные места семьи Рерихов в Северном Приладожье: краткий путеводитель / [отв. ред. и сост.: А. П. Соболев]. СПб.: Коста, 2009. 56 с.

II. 90-ЛЕТИЕ СЕВЕРНОГО МАРШРУТА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Н. К. РЕРИХА

Ю. Ю. БУДНИКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург)

О ЦЕЛЯХ И ЗАДАЧАХ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Н. К. РЕРИХА ПО ДНЕВНИКАМ ЕЛЕНЫ ИВАНОВНЫ РЕРИХ 1925–1927 гг.

Мы знаем, что в 1917 г. Рерихи отрицательно отнеслись к политике и действиям большевиков, особенно в области культуры, они входили в Комитет помощи армии Юденича, не раз выступали с критикой нового режима. Сложно иначе было относиться к тому разгулу стихии, который П. Д. Успенский назвал «диктатурой криминального элемента»[1]. Более того, в 1920–1921 гг. сам Великий Учитель призывал Рерихов быть готовыми вернуться в Россию в связи с тем, что власть большевиков может в скором времени пасть. Гибели большевиков жаждали тысячи образованных русских людей, приветствуя помощь Англии и других государств, призывая «цивилизованный мир» спасти Россию. И чувства их, и намерения были самими искренними, понятными и легко объяснимыми. Можно вспомнить не только записки Успенского, но и «Окаянные дни» И. А. Бунина, и мемуарные записи эпохи революции и Гражданской войны З. Гиппиус, А. Оссендовского, Всеволода Иванова и десятков других образованных русских людей, которые правдиво описывали гуманитарную катастрофу, разразившуюся в России.

Тем на первый взгляд сложнее объяснить визит Рерихов в Москву в 1926 г. по настоянию того же Учителя Мории, письмо Махатм советскому правительству, отношение к Ленину и другие вещи, наподобие утверждений Учителя, которые мы встречаем в дневниковых записях Е. И. Рерих 1937–1938 гг., о том, что «в России все хорошо».

Что сегодня может прибавить к пониманию тогдашней ситуации, к рассуждениям о том, кто же был прав, помимо банальной истины о том, что жизнь всегда права? Собственно, к этой истине пришел в 1930-е годы историк и писатель Всеволод Иванов, участник Белого движения, который нашёл в себе духовные силы заявить, что большевики победили, потому что они были понятны народу и последовательны. А оппозиция не только тонула сама в сложных умственных построениях, которые взаимоисключали друг друга, но и топила умы простых людей. Кроме того, что противники большевиков были раздроблены, они мечтали о восстановлении прежде всего своих прав, возможностей и благосостояния, т. е. о возвращении к старому сословно-классовому режиму. Важно отметить также, что Белое движение поддерживалось, а порой даже руководилось странами Антанты, разумеется, в расчёте на то влияние, которые Англия, Франция и другие страны смогут оказывать на политическую и экономическую жизнь будущей России без «красных». Все это вряд ли можно

назвать отстаиванием общенациональных интересов и реальным социальным прогрессом. При всех своих кровожадности и невежестве большевики были абсолютно независимой силой, не желавшей подчиняться Западу, на который с надеждой смотрела значительная часть российской интеллигенции, видимо плохо понимавшая, в какие сети уже более столетия завлекала Россию именно Англия, а точнее, те, кто ею правил.

Не говоря уже о той ситуации, которая сложилась к 1920-му году: на территории некогда единой России существовали различные государства со своими руководителями, таможней, армией, валютой и проч. (речь идёт не только об «отложившихся» Грузии, Украине или Прибалтике, но и о так называемом Сибирском государстве, республиках Крым, Дальневосточной, о независимых городах-государствах Ростове-на Дону, Екатеринодаре и проч.). Захотели ли бы они вновь вернуться в состав одного государства мирным путём? Возможно, до поры до времени существование этих «лоскутных государств» не имело бы роковых последствий для «шестой части суши» (каковой ещё 30 лет назад являлся преемник Российской империи Советский Союз). Но все мы понимаем, что эта пора настала бы в 1941 г., и ожидать, что вместо единого советского народа мощный удар по врагу нанесли бы десятки мелких государств, наверное, наивно.

При всей своей жестокости сталинский режим был гарантом единоначалия, единой воли и единой цели для той части планеты, которая была призвана судьбой (или высшими силами) спасти мир. По-иному одолеть такого врага, с которым столкнулся «русский мир», вряд ли было возможно. Все последние неудачные войны, которые вела Россия, начиная с Крымской, были тому подтверждением. Логика истории иногда слишком жестока для чувств отдельного человека, чтобы спокойно принимать её. Но все же она есть. И улавливать эту логику учили Рерихов Великие Учителя. Это не отменяет того факта, что в каждый переломный момент истории условия складывались определённым неповторимым образом и следствия могли быть теми или иными, развитие могло бы повернуть в другом направлении, а успехи могли бы быть более значительными.

Это зависело всякий раз от критической массы единичных воль, а также от социальной и духовной зрелости тех, кто «делал историю». Отметим хотя бы тот факт, что Россия 1919 г. с «чёрным гением революции» Троцким, летавшим над полями сражений и призывавшим к террору и мировой революции, пьяными комиссарами, палившими без разбора в головы сограждан, тифом, спекулянтами и атаманами, и Россия 1922 г., собравшаяся под единым управлением почти в границах бывшей Российской империи (Советский Союз) с новой экономической политикой, ленинским планом ГОЭЛРО, поголовной грамотностью и развивающимся бюрократическим аппаратом – это две разные страны.

Резко отличающиеся друг от друга ситуации, имевшие как положительные, так и отрицательные стороны (которые стремительно возникали, исчезали, менялись), не могли не отражаться на тех оценках, той стратегии и тактике, которую давали Рерихам Великие Учителя. Актуальное сегодня теряло остроту завтра, то, что могло разрешиться одним способом, решалось другим и т. п. Именно с этим связаны так на-

зываемые несостоявшиеся пророчества, на которые любят указывать критики Рерихов и Гималайских Махатм. Собственно, мы имеем дело с тем, что можно было бы определить как «анализ ситуации» или «социально-политический прогноз», – возможно, тогда поверхностных претензий стало бы меньше. Какие-то тенденции, зарождавшиеся в конкретной ситуации, которые в своём потенциальном развитии (содержание «пророчества») могли бы привести к определённым результатам в исторической перспективе, не всегда реализовывались, или реализовывались частично, или трансформировались. По разным причинам: из-за нехватки осознанной политической или культурной воли членов общества, из-за влияний внешних факторов. Общество «болело» теми недостатками, которые были неосознанны, непроработаны и мешали «сказку сделать былью», которые приземляли мечту, превращали светлую идею, позитивную программу в схему, ханжескую удавку или способ достижения личных корыстных целей. В конце концов, каждый народ достоин своего правителя. Принять это призывали Рерихов их духовные учителя. Получалось то, на что оказывалось способным подавляющее большинство членов общества по уровню их сознания и сознательного устремления. Отсюда минимальное количество критики режима и его лидеров в России, которое характерно для дневниковых записей бесед с Учителем Морией, а вместо этого – указания на возможности момента, на актуальные задачи, которые можно и нужно решать, не откладывая, на перспективы развития.

Конечно, анализируя события в Советской России через призму дневника Е. И. Рерих и тексты учения Живой Этики, надо иметь в виду не только внутренние трудности, через которые проходила страна, не только интенсивные художественные, духовные, философские поиски и сражения, которые кипели в постреволюционной России, не только суровость и героизм одновременно, но и апокалиптичность эпохи. Даже Рерихам не всегда было легко угадать за личинами – утончёнными или грубыми – союзников сил Света или служителей тьмы, противостояние которых во всём мире приближалось к апогею.

Итак, к 1926 г. ситуация складывалась таким образом, что инициативы Рерихов, руководимых Махатмами Востока, могли бы быть услышаны и, разумеется, были насущны и востребованы в преобразившейся до неузнаваемости стране, полной энтузиазма и решимости строить «новый мир». В то время на всей планете формировалось, а порой и рождалось в борьбе и муках новое мировоззрение, новое общественное сознание, призванное помочь Западу преодолеть духовный кризис, порождённый расцветом индивидуализма, позитивизма и грубого материализма, а Востоку – страшное отставание в экономическом развитии и политическую зависимость от метрополий. Россия, огромная лаборатория, лежавшая на границе двух миров, была в авангарде этих исканий, за которые она щедро платила кровью и судьбами своих граждан. Но помимо трагизма был в этих поисках и небывалый полёт мечты, который чувствовали лучшие умы Запада и сердца Востока. Период «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», окончился, период нэпа подходил к концу, обнажая гримасы обывательской («старой») психологии. Россия стояла на перепутье, так как физическая гибель ей больше не угрожала, а вот новая, коммунистическая, мораль в той форме, в какой она утвердилась, демонстрировала свою ограниченность, по-

рой даже извращённость, при всех своих несомненно имевшихся передовых чертах. Перед страной маячили новые испытания, и необходимо было вдохнуть в сердца людей не просто веру в то, что их жизнь на родной земле наконец станет лучше, а новое знание, которое сплотило бы, сделало сильнее, разумнее и увереннее, наполнило бы новым смыслом «вечные» ценности культуры, в первую очередь русской.

Забегая вперёд, можно сказать, что в самые критические моменты нашу страну вдохновляли, спасали, вели вперёд именно лучшие национальные традиции, достижения, качества. К сожалению, руководители страны обращались к ним, что называется, поневоле, перед лицом неизбежных обстоятельств. Вместо ясной, осмысленной, последовательной и нетравматичной стратегии и тактики, которые несли Рерихи (в книгах «Листы сада Мории», «Община» и в других своих текстах и воззваниях), были стихийные «прорывы плотины»: выход из кризиса либо инстинктивно-интуитивным образом, либо насильственно-механистическим, разумеется, априори менее эффективным. О том, что творчество Рериха со многих точек зрения является квинтэссенцией так называемой русской идеи, уже писалось в других статьях и автором настоящего очерка, и другими исследователями произведений художника. Подробно рассмотрен в специальной литературе, в том числе рериховедческой, концепт Майтрейи. Сейчас хочется заострить внимание на актуальности и эвристичности некоторых мест дневника Елены Ивановны Рерих 1925–1927 гг., в которых провидчески даются указания на векторы правильного социального, экономического, геополитического развития как Советского Союза, так и Азиатского региона в целом.

Излишне говорить, что догматичность, насильственность в утверждении общинных принципов в России привела не только к человеческому горю, краху системы, но и к развалу огромной страны. Сюда ещё можно добавить потерю тех социальных завоеваний, которые были достигнуты за советский период и к которым без резких поворотов и надрывов неуклонно весь XX век двигался Запад в лице социалистических и коммунистических партий и движений, обеспечив сегодня в своих странах высокую степень общественных гарантий справедливости и сословного равенства. Меньше обращается внимания на то, что именно в буддийских (Монголия, Вьетнам, Северная Корея, Лаос) или частично буддийских (Китай) странах Азии в разные годы установился социалистический или парасоциалистический строй, что подтверждает рериховский тезис о близости мироощущения буддизма и коммунизма. А современность демонстрирует нам попытки создания паназиатского союза (вроде проекта «Один пояс и один путь»), напоминающего «мирные Штаты Азии», о которых часто говорится в дневнике Е. И. Рерих 1927 г. Одной из главных задач посещения Рерихами Москвы было именно указать на перспективность сближения СССР с Китаем, Тибетом, Монголией, Индией и помочь осуществить это сближение в правильном ключе. История подтверждает прозорливость Великих Махатм Востока. Остаётся надеяться, что страницы дневника Е. И. Рерих станут не только увлекательным чтением для последователей Рерихов, но и войдут в золотой фонд русской политической философии.

Ниже мы приводим подборку цитат из записей бесед Е. И. Рерих с Учителем[2], начиная с мая 1925 г., когда ясно определилась одна из важнейших целей Центральноази-

атской экспедиции – посещение России, Москвы, работа на Алтае. Думается, полезно ещё раз задуматься над некоторыми фактами и оценками, имеющимися в дневнике, поскольку наша отечественная историческая наука, а также публицистика находятся в процессе объективного осмысления генезиса происходивших сто лет назад событий и роли ключевых государственных деятелей и их политики. Резкая антикоммунистическая реакция двадцатилетней давности сменяется спокойным исследованием обстоятельств и попытками не критиковать, а понять людей того времени, так же как Великий Учитель призывал Рерихов осмыслить чаяния многомиллионного русского народа. Нам, живущим в дне сегодняшнем, необходимо понять, как историческую правду свершавшегося, так и системные ошибки тех, кто, придя к власти в стране, оказался не на высоте духовного потенциала народов России.

«**27.V.1925.** Учитель чует, надо Учение распространить в России».

«**29.V.1925.** Все переменилось – с Нами Ленин, с Ним (т. е. служителем тьмы. – *Ю. Б.*) – Епископы и дипломаты».

«**28.VI.1925.** Хотя бы для знания работаете для коммунизма. Коммунизм необходим для эволюции, потому Р[оссии] честь за первый шаг. Ленин будет привлечен к сотрудничеству.

– *На нем столько крови*!

– Так же как Савл – на Христе больше крови».

«**30.VI.1925.** Явление русское одно держит мир – его чуют уходящие народы. Не ждите приветливости уходящих… Шествие коммунизма нужно крепко сплести с Именем Майтрейи, ибо это истина».

«**1.VII.1925.** Явлю очень важное – вчера запомнили о связи коммунизма с Именем Майтрейи, сегодня должны усвоить, как Фуяма должен отвечать на вопросы о занятии миром религии. Спросят: "Почему связываете вы религии с коммунизмом?" Фуяма скажет: "Исполняю желание Ильича или Ленина". Правда будет сохранена, ибо Ильич мучительно искал человека, который мог бы связать религии с коммунизмом. Было ясно, что духовные лица не пригодны для этой задачи. В то же время – псевдонаучный язык интеллигенции навсегда отрывал её от духовных понятий. Народники в силу безобразных предрассудков утеряли даже возможность мыслить о конъюнктуре духовности. Между тем без вопросов религии невозможно превратить мир спекуляции в мир понимания. Ленин это знал, потому можно назвать его, чтоб связать вашу работу с течением дел в Р[оссии]. Уместно и убедительно сказать, что Махатмы Востока держатся такого же мнения, и вы положили все ваши средства на приближение к этим вопросам, без правильного решения которых, коммунизм вечно будет пугалом. Враги коммунизма будут лишены почвы, когда две самые многочисленные религии станут на защиту Общего блага».

«**19.VIII.1925.** Будда показал, что монахи, отказавшиеся от собственности – лучшие люди. Христос дал завет общины. Майтрейя есть осуществление общины. Община, конечно, является условием прихода Майтрейи».

«**15.IX.1925.** Кем поедет Фуяма на М[оскву]? – Конечно, как посол Махатм Востока».

«**17.IX.1925.** <…> Лучше можно объяснить общину кооперацией, и Иерархию – самосовершенствованием».

«**27.X.1925.** Р[усские] ищут вас. Уявите лучшее внимание к поискам, но сами пока не двигайтесь. Земля полна всякими слухами, лучше еще помолчать. Считайте р[усских] друзьями».

«**12.XII.1925.** Не умаляйте своего достоинства. Считаю путь открытым. Надо, надо России помочь. Не понимают Ленина, хотят уничтожить лучшую возможность. Теперь много внимания уделяю Москве…».

«**19.XII.1925.** Очень к месту мысли о подвиге, только р[усские] могут понять всю глубину этого слова. Не понимает Ам[ерика], ибо в её истории мало подвига. И так совершится новый крестовый поход под знаком общины. Как необходимо дать новую эволюцию миру! Наступает время испытания действием».

«**7.I.1926.** Можете представить, что в своё время Ленин уже ощутил без малейшего материального основания непреложность нового строения России. И невидимые лодочки подвезли провиант к его одинокому кораблю. Монолитность мышления бесстрашия создала Ленину ореол слева и справа. Даже в болезни не покинуло его твёрдое мышление. Его сознание как в пещеру сосредоточилось и вместо недовольств и жалоб, он удивительно использовал последнее время, и много молчаливой эманации воли посылал он на укрепление дела. Его последние часы были хороши. Даже последний вздох он послал народу. Видя несовершенство России, можно многое принять ради Ленина, ибо не было другого, кто ради Общего Блага, мог бы принять большую тяготу. Не по близости, но по справедливости он даже помог делу Будды. И нет области, которую он бы отверг, подобно разным правителям. Ваш мост на Р[оссию] называется Лениным. Книги его Мы меньше любим – они слишком длинны и самое ценное в нём в книгах не выражено. Он сам не любил свои книги. Ленин – это действие, но не теория. Конечно, следует ему свезти хотя бы коробочку с землёю Бурх[ан-]Бул[ата]. Стоит у вас коробочка из слоновой кости времен Акбара, свезите её от Меня на могилу. Скажите земля, где ступал Будда, думая об Общине Мира. Напишите по тиб[етски] на дне: “Махатмы на могилу русского Махатмы”».

«**9.I.1926.** Удумал помощь положению заключенных владык. Новое обстоятельство явлено будет. Особо важно красиво пройти по России. Вестниками идите в воскресшую страну. Явите подвиг жизни. Удумаю подвиг воздействия на встречных людей. Важно теперь полная готовность подобно Нашей фаланге. Только вы знаете пл[ан] Брат[ства]. Только вы усмотрели возможность гибели земли. Только вы можете идти в Красное жерло. Только вы можете исправить путь Общины. Потому, зная цель происходящего, произнеся формулу подвига, идите туда, где зарождается община и учение бесстрашия».

«11.I.1926. Ярко горит подвиг России. Учитель очень радуется уявленным возможностям – идите смело. Путь явлен, несказанно ясно явлен… Услышь Россия ко-

локол брани! Хочу послать вас явить новые дружины, хочу дружины страшные. Учитель увидел возможность дать вам дружины ужасные… Говорю, что Майтрейя идёт в грозе и буре…»

«15.I.1926. Скажите, что лучшие умы Востока видят в коммунизме единственную эволюцию».

«**16.I.1926.** Рус[ские] оценят суровость выражений. Коммунист суров. Путь России суров. Идите под знаменем Льва Учения».

«**18.III.1926.** Повторим положения для М[осквы]. Первое – Учение Будды есть революционное движение. Второе – Майтрейя есть символ коммунизма. Третье – сотни миллионов буддистов немедленно могут быть привлечены к мировому движению общины…».

«**21.IV.1926.** Современное понимание общины даёт прекрасный мост от Будды Готамы до Ленина. Произносим эту формулу не для возвеличивания, не для умаления, но как факт очевидный и непреложный. Закон бесстрашия, закон отказа от собственности, закон ценности труда, закон достоинства человеческой личности вне классов и внешних отличий, закон реального знания, закон любви на основе самосознания делают заветы Учителей непрерывной радугой радости человечества… Знание было ведущей тропой великих Учителей. Знание позволит подойти к великим учениям свободно, жизненно, как реальна сама великая материя. Не будем вводить позднейшие сложности, кратко скажем о тех основах, которые не могут быть отрицаемы. Радость всем народам, радость всем трудящимся!»

«**27.IV.1926.** Мало последователей Ленина. Много легче быть его почитателем. У последнего лентяя будет портрет Ленина. У последнего болтуна будет книга о Ленине. Но Иван Стотысячный собирает жатву ленинских зерен. Только Ивана позовём к дороге мира. Надо взять так, как оно есть. Нужно приложить новые семена к новым людям…».

«**1.V.1926.** Русские не должны удивлять Урусвати, ибо прошлое наследие было чудовищно. Царь мещанин, митрополит мещанин, князь мещанин, учёные мещане, менее мещанства в крестьянстве, но крестьянство должно дойти. Можно его двигать большими событиями. Р[усский] народ сделал большой шаг, если мог разбить явление помещиков. Мещанство у больших городов, у больших помещиков, но дальняя деревня наименее мещанственна. Русские утвердили порицание мещанства – нужно теперь вытравить это понятие из обихода. Русские начали уничтожать капитал, который есть родной отец мещанства».

«**25.VI.1926.** Умейте идти с явленными преступниками, с ними безопасно. Русские спят, только Сталин хорош. Язык уму не повинуется».

«**18.VII.1926.** Настоящее мужество состоит в том, чтоб принести Моё письмо самым страшным людям. Нельзя выразить около каких опасностей прошли в М[оскве]. Малейшее сомнение или содрогание могло принести разрушения. Я потому просил

понять серьёзность момента. Учите новых претворять идею в действие и прежде привлечения кого[-то] – работа над собою. Укажите, как отсутствие сомнения очищает путь. Считаю результат М[осквы] важным исторически».

«3.VI.1927. Ячейка мелких междуразделенцев, называющих себя коммунистами, думает о вас. Русские не могут понять путь ваш. Не будем ожидать этого от них. Построим продвижение так, чтобы каждая фаза представляла легенду. Уже вы вышли из человеческого понимания. Уже сами обвинители не могут логически проследить ваш путь и в нагромождении лжи утрачивают звонкость клеветы. Советую им приписать вам сверхотрицательные свойства. Мы любим эти гиперболы. Создание Штатов Азии и построение общины будут наиболее неожиданными для них.

«18.VII.1927. *Кажется, Л[енин] и некоторые его сотрудники явно мыслили и устремлялись, но тем не менее ничего из этого не вышло.* – Мысли одного человека не могут противостать стихиям. Поворот сознания не может еще оформить сознательную мысль. Лишь осознательность и ответственность могут дать потенциал мысли. Иначе паруса в вихре урагана будут подобны напряжению бессознательности».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Успенский П. Д.* Совесть: поиск истины. СПб.: Невский курьер, 1997. С. 211.
[2] *Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики: в 25 т. М.: Пролог, 2009. Т. 6, 7, 8.

В. Е. ЧЕРНЯВСКИЙ
(Портал forum.roerich.info, правление Благотворительного фонда сохранения и развития культурных ценностей «Дельфис», Москва)

КОНТАКТЫ СЕМЬИ РЕРИХОВ С СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ В МОСКВЕ. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

В 1926 г. три члена семьи Рерихов[1] посетили Москву, где провели полтора месяца[2]. Посещение Москвы явилось частью большого проекта Центральноазиатской экспедиции, начавшейся в 1923 г. с визита Рерихов в Индию[3]. Экспедиция имела масштабные исследовательские, культурологические и геополитические цели. Пребывание Рерихов в Москве было чрезвычайно насыщенным встречами, которые, безусловно, были подчинены задачам, стоящим перед экспедицией. Некоторые из этих контактов имели эпизодический или вынужденный характер, однако были и такие, которые получили своё развитие и оставили глубокий след в судьбах некоторых людей. Условно контакты Рерихов в Москве можно разделить на несколько групп.

К первой группе можно отнести членов советского правительства, с которыми Рерихи пытались установить тесные связи, в частности, для обсуждения проекта объединения Азии под знаменем обновленного буддизма. В первую очередь это нарком иностранных дел Г. В. Чичерин[4], представитель НКИД в Ленинграде Г. И. Вайнштейн, нарком просвещения А. В. Луначарский[5], заместитель председателя ОГПУ А. М. Трилиссер, член Коллегии ОГПУ Г. И. Бокий[6], член ЦКК партии Н. К. Крупская. К этой же группе можно отнести и жену Льва Троцкого Н. И. Седову[7], супругу Луначарского Н. А. Луначарскую-Розенель, Ольгу Давидовну Каменеву.

Ко второй группе можно отнести советских чиновников и учёных, непосредственно связанных проектом концессии «Белуха», который продвигали Рерихи. Это начальник Горного отдела при Высшем Совете народного хозяйства (ВСНХ) В. М. Свердлов[8], управделами Концессионного комитета М. С. Японьский, заместитель заведующего Горным отделом ВСНХ СССР А. И. Игнатьев, горный инженер Т. Н. Пономарёв, сборщик минералов Б. Н. Гиммельфарб, завхоз исследовательской партии С. П. Перевозчиков, геолог А. И. Юферов.

К третьей группе можно отнести друзей и бывших российских сотрудников Рериха: архитектора А. В. Щусева (ил. 1), художника и искусствоведа И. Э. Грабаря, директора театрального музея А. А. Бахрушина, театрального режиссёра К. С. Станиславского и т. д.

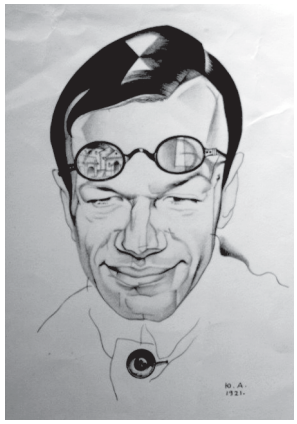
Особо хочется выделить художника и политического деятеля Алексея Александровича Вольтера – бывшего ученика Н. К. Рериха по Рисовальной школе ИОПХ. Впоследствии в очерке «Народная Академия» Рерих напишет: «*Помню прекрасную беседу с Вольтером – было полное единение и понимание. Впоследствии, в 1926 году, Вольтер пришёл к нам в Москве и написал под псевдонимом Солин глубокую статью под названием: "Как свежи заветы Учителя"».* Между тем Вольтер – первый председатель МОСХа, директор Центрального кустарного музея ВСНХ (1920–1928), директор Третьяковской галереи (1932–1934).

Ил. 1. Рерих и Щусев. 1926 г. Москва

В Москве Рерихи встретились и с людьми, которых хорошо знали и с которыми были дружны ещё в Америке. Это чета Макаровых (Николай Павлович и Алла Юрьевна)[9], а также семья Переферковичей (Михаил Самойлович и Мария Александровна)[10]. В Москве они входили в постоянный и доверительный круг общения Рерихов. Сюда же можно отнести искусствоведа Михаила Васильевича Бабенчикова[11] (ил. 2) и его супругу, которые были знакомы с Рерихами ещё с 1914 г. В 1926 г., после отъезда Рерихов, Михаил Васильевич напишет воспоминания «Мысли о Рерихе»[12], кроме того, сыграет важную роль в судьбе рериховского наследия в СССР.

Следующий и наиболее близкий круг общения – это двоюродный брат Е. И. Рерих Степан Степанович Митусов[13] и младший брат Н. К. Рериха Борис Константинович Рерих[14], приехавшие для встречи с Рерихами из Ленинграда. С Борисом Николаевичем Рерихи связывали основную часть развития проектов «Белуха» и «Ур», с С. С. Митусовым – задачу непосредственного распространения Живой Этики в Советском Союзе.

К этому кругу стоит отнести и революционера и писателя Андрея Владимировича Соколова (известного под псевдонимом Станислав Вольский). Соколов познакомился с Рерихами ещё в Лондоне и при встрече в Москве получил от них знаки наибольшего приближения[15]. Впоследствии Андрей Владимирович станет другом и наставником художников, составлявших творческую груп-



Ил. 2. Юрий Анненков. Портрет искусствоведа М. В. Бабенчикова. 1921

пу «Каврига» (Александр Павлович Баранов (псевд. Сардан), Пётр Петрович Фатеев, Вера Николаевна Пшесецкая (псевд. Руна), Борис Алексеевич Смирнов), которые также получили духовный и творческий импульс от общения с Рерихами в Москве.

Встреча художников с Рерихами была неслучайна. Группа возникла в 1922 г. после встречи Фатеева и Смирнова. Художники были вдохновлены Чюрленисом, Рерихом, Кандинским. Они исповедовали музыкальность в живописи, принцип духовного начала, лежащего в основе изображения. Уже в 1914 г. Фатеев начинает цикл картин «Космос». В более глубоком мировоззренческом плане художникам были близки теософские концепции, которые несли космичность восприятия мира, синтез искусств, идею искусства как ведущей преображающей социальной силы.

Борис Смирнов к тому же был племянником Александра Павловича Иванова – биографа и друга Н. К. Рериха по Санкт-Петербургу. В Москве Рерих побывал в гостях у Фатеева, Пшесецкой и Баранова, познакомившись с их творчеством. Одну из работ Петра Фатеева – «Звёздное небо» – Рерих приобрёл для музея в Нью-Йорке, где она позже экспонировалась. Во время встреч Рерих познакомил художников с учением Живой Этики.

* * *

Рерихи покинули Москву 22 апреля 1926 г. и направились через всю Россию на Алтай, а после в монгольский Улан-Батор. Уезжая из Москвы, Рерихи планировали продолжить сотрудничество с Советской Россией. В перспективах были концессии в Советском Алтае и Туве. Они мечтали о создании города в районе алтайской горы Белуха. Были и надежды на идеологический сдвиг в советском обществе, преодоление воинствующего атеизма.

По этой причине сотрудники Рерихов супруги Лихтманы повторно побывают в Москве уже в 1927 г., где проведут переговоры по намечавшимся концессиям и ещё раз закрепят связи с теми, с кем ранее встречались Рерихи.

Б. К. Рерих в 1927 г. становится официальным представителем в СССР основанных рериховским кругом корпораций «Белуха» и «Ур». Он вместе с Лихтманами участвовал в переговорах с советскими чиновниками и в том же 1927 г. встречался с Рерихами в Улан-Баторе.

Группа «Каврига», которая к тому время пополнилась новыми членами и была переименована в «Амаравеллу»[16] (ил. 3), получила от Лихтманов приглашение принять участие в американской выставке, организуемой рериховским центром «Корона Мунди».

Выставка открылась весной 1927 г. в Нью-Йорке. На ней, помимо работ «Амаравеллы», были представлены 53 работы известных художников Америки, Франции, Японии, Индии, Германии, Австралии, Швейцарии, включая картины таких великих, как Поль Гоген, Рокуэлл Кент, Фелисьен Ропс и т. д. На выставке были проданы триптих Шиголева «Смерть» и картина Смирнова «Гора света». Вскоре художникам пришло приглашение принять участие в следующей международной выставке, которая состоялась в Чикаго уже в 1928 г.

Ил. 3. Группа «Амаравелла»
(слева направо) сидят: А. П. Сардан, П. П. Фатеев, В. Н. Пшесецкая (Руна),
стоят: С. И. Шиголев, Б. А. Смирнов-Русецкий, В. Т. Черноволенко

Общение с Рерихом фактически определило жизненный путь Бориса Смирнова (ил. 4) как художника. По рекомендации Николая Константиновича Смирнов поступил в Художественное училище (ВХУТЕМАС). Впоследствии он обозначал как определяющее своё знакомство с Рерихами, Митусовыми, Борисом Константиновичем Рерихом, Александром Ефимовичем Быстровым[17], Андреем Владимировичем Соколовым. С 1927 по 1930 г. Смирнов вёл переписку с Зинаидой Лихтман как представителем Нью-Йоркского музея Рериха.

Ил. 4. Б. А. Смирнов и С. С. Митусов. 1930-е годы

В дневниках Зинаиды Лихтман в записи от 14 октября 1928 г. можно прочесть: «*Сегодня утром гуляли с Николаем Константиновичем <...> Он сказал, что [нужно] написать Смирнову и Баранову – пусть изучают Учение, расширяют сознание, работают дальше и глубже по их специальности, и что в будущей научной станции на Гималаях и по их отделам будет работа, и в будущем и они смогут приложить свой труд. Послать на имя Руны [Пшесицкой] для них книги*»[18].

Однако этим планам не сужено было сбыться. Уже в 1929 г. политическая ситуация в Советском Союзе резко поменяется и окно возможностей закроется. Вместе с тем судьба тех, с кем в 1926 г. встречались Рерихи, в большинстве случаев сложилась непросто.

Многие правительственные чиновники, с которыми контактировали Рерихи, ушли из жизни или были уничтожены ещё до начала Второй мировой войны: Г. В. Чичерин в июле 1930 г. был отправлен на пенсию и в 1936 г. умер в безвестности от «меланхолии и бездеятельности»; Вайнштейн арестован в августе 1939 г., расстрелян в 1940 г.; А. М. Трилиссер арестован в 1938 г. и расстрелян в феврале 1940 г.; Г. И. Бокий арестован и расстрелян в 1937 г.; супруга Л. Троцкого Н. А. Седова в 1929 г. эмигрировала с мужем в Турцию, пережила убийство мужа, скончалась в 1962 г. во Франции; В. М. Свердлов арестован в октябре 1938 г. и расстрелян в 1939 г.

В феврале 1929 г. прошёл обыск на квартире Б. К. Рериха. В мае 1931 г. он был арестован и приговорён к трём годам заключения. Отбывал наказание Борис Константинович в закрытом Особом конструкторском техническом бюро № 12 («шарашке») в качестве архитектора. Был условно-досрочно освобождён в 1933 г.

Ил. 5. Николай Павлович Макаров, конец 1920-х годов (?). Мемориальная табличка на доме, где в ссылке жила семья Макаровых, с. Викторополь

В том же 1929 г. были арестованы и члены группы «Амеравелла» Баранов и Пшесецкая. Баранов вскоре был отпущен, а Пшесецкая осуждена и на три года сослана в Архангельск. После этих событий группа фактически распалась. Начали сказываться и материальные причины, которые не позволяли художникам, далеким от идеологических тенденций, посвящать всё своё время творчеству. Баранов, Шиголев, Черноволенко ушли из живописи[19]. Смирнов был вынужден работать по первой специальности – металловедению, посвящая живописи путешествия во время каникул и отпусков.

С. С. Митусов, предчувствуя аресты, в 1932 г. был вынужден фактически бежать в северный Хибиногорск (ныне г. Кировск), где жил и работал до 1935 г. В Хибиногорске Митусов стал одним из организаторов рабочей консерватории. По возвращении в Ленинград продолжил педагогическую, концертную и просветительскую деятельность[20].

Николай Макаров (ил. 5) был арестован летом 1930 г.[21], провёл пять лет в Бутырской тюрьме и яро-

лавском политизоляторе, после чего был сослан вначале в Воронежскую, а затем в Ростовскую область и далее в Ворошиловградский зерносовхоз «Виктороподь» на должность экономиста[22], где проработал до 1947 г. С 1948 г. Макаров – профессор Ворошиловградского сельскохозяйственного института, в 1955–1973 гг. – Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного образования. Его жена Алла последует за ним в ссылку и станет известным переводчиком[23].

Нелишним будет упомянуть, что в марте 1930 г. в Ленинграде был арестован ещё один сотрудник Рерихов – доктор Константин Николаевич Рябинин[24]. Рябинин принимал непосредственное участие в Центральноазиатской экспедиции Рерихов и вернулся в СССР после её окончания. Был осуждён на пять лет с пребыванием в Соловецком лагере, но освобождён досрочно с запретом проживания в крупных городах.

* * *

Начиная с 1936 г. Рерихи стремятся вернуться на Родину. В связи с этим они пытаются восстановить прежние связи с интеллигенцией в Москве[25]. В духовных дневниках Е. И. Рерих есть такая запись от 6 июля 1936 г.: «*Но не ищите много прежних друзей. Новые и в новом понимании устремятся к вам. Найдите Смирнова, также Соколова, можно через Ригу. Можно – также Ястремжецкого*»[26]. И от 29 сентября 1937 г.: «*Запишите имена – Говорцов, Кузьмин, Растеряев, Миклушин, Подорожный, Алексеев, Смирнов, Силин, Шварц – все полезны*».

В этом списке нам хотелось бы выделить фамилию **Кузмин**. Вероятно, речь идёт о Михаиле Алексеевиче Кузмине – поэте, драматурге, композиторе, с которым Рериха связывало и совместное творчество[27]. Так, в 1909 г. Кузмин и Рерих работали над постановками пьес их общего друга А. М. Ремизова «Трагедия об Иуде, принце Искариотском»[28] и «Ночными плясками» Фёдора Соллогуба[29]. Кроме того, Кузмин был связан с Рерихом и через своего близкого друга Чичерина. Имя Рериха встречается и в дневниках писателя, что подтверждает их деловые и творческие контакты. В 1923 г. Кузмин написал очерк «Н. К. Рерих», который вышел отдельной брошюрой[30].

Следует также остановиться и на фамилии **Алексеев**. Вероятно, речь идёт о Василии Михайловиче Алексееве – крупном советском филологе[31], с которым Рерих был знаком ещё по университету[32].

Тем не менее стремления Рерихов вернуться на Родину не оправдались. Все поданные прошения (прямые и косвенные) остались без ответа.

Вместе с тем в 1937 г. вновь арестован доктор Рябинин[33], а в 1941 г. последовал арест Смирнова и Соколова. Смирнов был осуждён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, а после окончания срока, в 1951 г., вновь осуждён с бессрочной высылкой в Акмалинскую область. Война унесёт Митусова (1942) и Шиголева (1943). В 1945/46 г. в Архангельской области уйдёт из жизни Псешицкая, которая так и не вернулась в Москву после высылки. В том же 1945 г. в Москве уйдёт из жизни Б. К. Рерих.

Из семьи Рерихов на родину в 1957 г., уже после смерти родителей, вернётся только Ю. Н. Рерих. Его приезд в Москву ознаменует собой новый этап встречи московской интеллигенции с наследием семьи Рерихов.

Практически сразу после возвращения состоялась долгожданная встреча Ю. Н. Рериха со Смирновым, который к тому времени был реабилитирован и вернулся в Москву из казахстанской ссылки. Будут два с половиной года плодотворного сотрудничества[34]. Спустя десятилетия, в 1990 г., Смирнов, уже известный художник, возглавит московское Рериховское общество. Будут также встречи Ю. Н. Рериха и с другим членом «Амаравеллы» – Виктором Тихоновичем Черноволенко. Эти встречи вдохнут в художника силы на новый плодотворный этап творчества. Сегодня картины обоих художников находятся в коллекциях музеев, дополняя собрания картин Н. К. Рериха.

Из семьи Митусовых ко времени возвращения Ю. Н. Рериха в живых остались две дочери С. С. Митусова – Людмила и Татьяна, ставшие хранителями рериховского наследия, спасённого и сохранённого их отцом. Впоследствии семейное собрание картин, мебели, личных вещей Рерихов и документов лягут в основу нескольких музеев[35] и фондов государственных библиотек.

Немалую роль в сохранении наследия Рерихов сыграет М. В. Бабенчиков, который остался дружен с Б. К. Рерихом и поддерживал переписку с Н. К. Рерихом вплоть до конца Второй мировой войны. После кончины Бабенчикова в 1956 г. в РГАЛИ будет сформирован фонд[36], в состав которого войдут многие уникальные материалы по рериховскому наследию, сохранённые некогда Б. К. Рерихом. Другая часть рериховского наследия, сохранённого Борисом Константиновичем, попадёт в Третьяковскую галерею[37] и Горловский художественный музей[38]. В судьбе наследия самого Б. К. Рериха примет участие и А. В. Щусев. По его настоянию возглавляемый им Музей русской архитектуры в 1946 г. выкупит у вдовы Б. К. Рериха чертежи и рисунки мужа.

Безусловно, символический «круг Рерихов» в России не ограничивается московскими встречами. Он гораздо шире. Это глубокие связи Рерихов с родным для них Санкт-Петербургом, прибалтийскими республиками, с Сибирью и т. д. Мы лишь кратко коснулись некоторых эпизодов, связанных с полуторамесячным пребыванием Рерихов в Москве в 1926 г., каждый из которых, в свою очередь, может стать предметом отдельного крупного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Н. К. Рерих, Е. И. Рерих, С. Н. Рерих. Помимо троих Рерихов, в состав группы входили буддист геген Лобзанг и ладакский юноша Рамзана Кошаль. В Москве группа объединилась с членами правления Нью-Йоркского музея Рериха четой Лихтманов (Зинаидой и Морисом), приехавших в Москву утром того же дня из Берлина.

2 Рерихи прибыли в Москву 13 июня 1926 г. и отбыли на Алтай 22 июля 1926 г.

3 Датировка согласно Ю. Н. Рериху: «*Экспедиция выехала из Нью-Йорка в мае 1923 года*» (см.: *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1982. С. 30).

4 С Чичериным Рериха связывали не только деловые отношения, но и давнее близкое знакомство со студенческих времён. В свою очередь, Чичерин был дружен с Михаилом Кузминым (см. далее). При встрече с Чичериным Рерихи передали два «письма Махатм» советскому правительству и гималайскую землю «на могилу брата нашего Махатмы Ленина».

5 При встрече с Луначарским Рерих передал в дар советскому правительству ряд картин, среди них серию «Майтрейя».

6 В своих воспоминаниях И. М. Богданова цитирует неопубликованное письмо Н. К. Рериха в НКИД: «В 1926 году в Москве мы, т. е. я, моя жена и сын Юрий, имели долгие добрые беседы

с Чичериным, Луначарским, Бокием. Мы хотели тогда же остаться на Родине, приобщившись к строительству. Но мы должны были ехать в Тибетскую экспедицию, и Бокий советовал не упускать этой редкой возможности» (см.: ГАРФ 9576. Оп. 20. Д. 601. Л. 15–18).

[7] Возможно, с Рерихом её связывал и идейный интерес, так как Н. И. Седова – с 1918 по 1928 г. заведующая отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, созданным в мае 1918 г. по инициативе И. Э. Грабаря. Кроме того, Седова способствовала оформлению транзита картин Рериха, написанных в Индии и Центральной Азии, в Нью-Йоркский музей Рериха.

[8] В. М. Свердлов также проявлял активный интерес к философским воззрениям Рериха.

[9] Летом 1920 г. М. С. Макаров (1887–1980), к тому времени профессор МГУ и Московского кооперативного института, выезжал в заграничную командировку для ознакомления с опытом организации сельского хозяйства США и Западной Европы. Из архивных записей Аллы Макаровой: «*Нас познакомил Н. К. Рерих – знаменитый русский художник. <…> От него я узнала, что в Нью-Йорке сейчас организуется выставка под названием "Созидание Америки"» (America making). Председатель комиссии по устройству русской секции выставки – молодой профессор Макаров, недавно приехавший из Москвы. Я приняла участие в работе по устройству выставки как член комиссии. Наш павильон хорошо знакомил посетителей с русским искусством. Неудивительно, ведь в работе по подготовке выставки принимал деятельное участие Н. К. Рерих!*» Николай и Алла поженились 7 сентября 1921 г. На их свадьбе свидетелями были Н. И. Вавилов и Н. К. Рерих. В адресатах для передачи книг Живой Этики Рерих упоминает Макаровых наряду с Луначарским, Горьким, Быстровым, Бородиным и Митусовым. На момент встречи с Рерихами в Москве Макаров – декан экономического факультета Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, член президиума Земплана Наркомзема РСФСР.

[10] М. С. Переферкович – зав. отделом животноводства в Управлении сельского хозяйства Наркомата земледелия РСФСР. Командирован в середине 1920-х в США для закупки тонкорунных овец.

[11] М. В. Бабенчиков (1890–1957) – искусствовед, театральный и художественный критик, преподаватель, писатель, поэт, художник. Автор публикаций по истории декоративного и изобразительного искусства России, Грузии, Армении. Сразу после революции стал членом Петроградской коллегии Театрального отдела Наркомпроса. Возглавлял Ярославский губернский подотдел по делам музеев и охраны памятников старины и искусства, директор Ярославских музеев (1920–1921). В 1923 г. издал книгу «Александр Блок и Россия». Вёл переписку с Рерихом. В 1926 г. написал и опубликовал воспоминания о Есенине. Работал в Москве, в отделе бытовой иллюстрации ГИМ (1930). В последние годы жизни работал в Высшем художественно-промышленном училище. В воспоминаниях писал: «*Слепы те, кто видит в Рерихе только живописца. Мудры видящие в нём одного из величайших духовных вождей нашей эры*» (ОР ГТГ. Ф. 44/83. 28 л. (машинопись)).

[12] *Бабенчиков М.* Мысли о Рерихе // Держава Рериха. М., 1994. С. 115.

[13] С. С. Митусов (1878–1942) – музыкант, педагог, давний друг и сотрудник Н. К. Рериха по ИОПХ, двоюродный брат и друг детства Е. И. Рерих. Вёл переписку с Рерихами. В начале 1920-х годов спас культурное наследие семьи Рерихов, оставшееся на их квартире в Ленинграде. В 1917–1920 гг. выступал с концертами классической музыки совместно с Н. Рихтером, в 1918–1919 гг. работал в Музыкальном отделе Наркомпроса (благодаря попечительству М. Горького и А. Луначарского). В 1920–1921 гг. работал пианистом и хормейстером в Палас-Театре (Театре комической оперы) под руководством К. Марджанова. В 1922–1929 гг. преподавал в Гос. институте музыкального просвещения (ГИМП), где руководил классом камерного ансамбля и вокально-камерным классом. Через Митусова книги Живой Этики передавались Луначарскому и другим правительственным чиновникам. В 1920–1930-е годы поддерживал связь с кругом учеников Рериха и Б. К. Рерихом.

[14] Б. К. Рерих (1885–1945) – художник, архитектор, археолог, младший брат Н. К. Рериха и сотрудник Н. К. Рериха по ИОПХ. В 1913 г. преподавал в школе ИОПХ, а с 1916 г. исполнял обязанности директора школы ИОПХ, в 1918 г. был избран проректором школы. С 1919 по 1923 г. работал в Киеве заведующим секцией художественного образования Наркомпроса Украины. В 1923 г. вернулся в Ленинград. С 1923 по 1925 г. состоял помощником по учебной части и заместителем заведующе-

го Государственного художественно промышленного техникума (бывш. ИОПХ), также был проректором Архитектурного института. Вместе с С. С. Митусовым участвовал в деле сохранения рериховского наследия в Ленинграде. Вёл переписку с Н. К. Рерихом.

[15] В духовном дневнике Е. И. Рерих есть запись от 12 июля 1926 г.: «Урусвати может дать Соколову знак». Речь идёт о знаках в виде платка (реже кольца), которые Рерихи вручали лицам, имевшим духовную близость и высокую степень доверия.

[16] К тому времени к группе присоединились ещё два участника – Сергей Иванович Шиголев и Виктор Тихонович Черноволенко.

[17] А. Е. Быстров (1885–1979) – с октября 1925-го Генеральный консул СССР в Урумчи, также выполнял задания разведотдела Средне-Азиатского военного округа. Тесно общался с Рерихами в Урумчи весной 1926 года. Симпатизировал идеям Рериха, получил знаки наивысшего доверия. В 1928 году вернулся в Москву, общался с кругом учеников Рериха. В 30-х годах был обвинен в троцкизме, исключен из партии и разжалован. Участник рериховского движения в СССР 1960-х – 1970-х годов.

[18] Имена художников встречаются в дневниках Е. И. Рерих несколько раз. Упоминания о Смирнове – более шести раз, начиная с 1926 года по 1937 год.

[19] А. П. Баранов перешел на работу режиссера в киностудию научно-популярных фильмов. С. И. Шиголев занялся мультипликацией. В. Т. Черноволенко выехал работать снабженцем по договору в Приморский край.

[20] Многие из учеников С. С. Митусова стали впоследствии выдающимися певцами (Е. И. Антипова, В. Р. Сливинский, Т. Я. Новожилова, Л. А. Вительс, И. М. Либготт и др.).

[21] Арестован по обвинению по делу о контрреволюционной Трудовой крестьянской партии, одним из вдохновителей и функционером которой якобы являлся Макаров.

[22] Интересна судьба детей Макаровых. Старший сын, Андрей, пройдя через войну (награждён орденами Красной Звезды, Славы, Отечественной войны, медалью «За боевые заслуги»), стал известным художником-пейзажистом. Был женат на художнице Елене Леоновой – дочери известного писателя Леонида Леонова. Младший сын учёного, Юрий, кадровый военный, активно занимался сохранением памяти об отце и сбережением его домашнего архива и библиотеки.

[23] Впервые на русский язык перевела такие книги как «Всадник без головы», известен целый ряд её собственных художественных произведений.

[24] К. Н. Рябинин (1877–1955) – врач (терапевт, психиатр), действительный статский советник, награждён орденами св. Анны и св. Станислава, медалями. В 1918–1921 гг. заведовал госпитально-больничным отделом комиссариата Петрограда. С августа 1921 по 1927 г. – судовой врач. С 1927 г. – врач портовой лаборатории и карантинной службы в Ленинграде, сотрудник врачебно-контрольной комиссии Ленинграда. Поддерживал контаты с семьёй Рерихов, наблюдал за здоровьем Е. И. Рерих, был в дружеских отношениях с Б. К. Рерихом. В марте 1927 г. вместе с Б. К. Рерихом и Лихтманами выехал в Улан-Батор для участия в Центральноазиатской экспедиции.

[25] Переписка Рериха с Грабарём и Щусевым фактически не прекращалась с момента отъезда Рерихов из Москвы. Однако не была интенсивной.

[26] Попытки Рерихов выполнить это поручение можно видеть в переписке 1930-х годов. В письме от 17 августа 1936 г. Ю. Н. Рерих шифром пишет З. Г. Лихтман: «*Относительно известного Вам Смирнова советую запросить у "Криштян Саэнс Монитора" адрес указанного Чемберлэна и затем от него узнать возможные способы сообщения. Имейте в виду, что этот Чемберлэн написал весьма критическую, возможно и справедливую, книгу обо всём им виденном, но, конечно, не сделался "персона грата". Это нужно иметь в виду, чтобы не повредить Смирнову. Думаю, что после введения новой конституции переписка значительно облегчится*».

[27] Рерих упоминает Кузмина в статье «Юон и Петров-Водкин»: «*…упоминаются имена писателей и художественных критиков: Бабенчикова, Голлербаха, Кузьмина, Дмитриева и других, умевших дать верные оценки*» (*Рерих Н. К.* Художники жизни. М.: Международный центр Рерихов, 1993. С. 40). О Кузмине также говорится в предисловии к монографии «Рерих»: «*Среди русских и западноевропейских мастеров Рерих занимает особое место. М. Кузьмин в своей монографии на-*

зывает Рериха "явлением единственным в русском искусстве и неповторимым"» (Рерих. Статьи: Всев. Н. Иванова и Э. Голлербаха. Художественная редакция: А. М. Прандэ. Ч. 1. Рига, 1939. С. 6).

[28] Кузмин написал марш к сцене «Послы несут дары». Рерихом по мотивам этой сцены была написана картина «Дары» (1909), а также ряд эскизов к оформлению пьесы.

[29] Из прессы тех лет: «Сегодня в зале Павлова <так!> идёт пьеса Ф. Соллогуба <так!> "Ночные пляски" в пользу мессинцев. Ставит пьесу Н. Н. Евреинов. Участвуют художники и литераторы Рерих, Бакер, Сомов, Ауслендер, Блок, Городецкий, Дымов, Волошин, Кузьмин, Ремизов, г-жи Потапенко, графиня Толстая, Велерская <так!>, Сенигова, Тиме, Крандиевская и др.». Цит. по: Новая Русь. 1909. № 45. 16 февр. (1 марта).

[30] *Кузмин М.* Рерих. М.: Изд-во Всероссийского Комитета помощи инвалидам войны при ВЦИК, 1923.

[31] Василий Михайлович Алексеев (1881–1951), окончил в 1902 г. факультет восточных языков Петербургского университета, с 1918 г. профессор Петроградского университета, с 1929 г. – академик АН СССР.

[32] После университета у него в мастерской в Поварском переулке собирался «*очень ценный кружок – Лосский, Метальников, Алексеев, Тарасов… Бывали хорошие беседы*» (цит. по: *Рерих Н. К.* Мысль. 1937 // Петербургский Рериховский сборник. № 1. СПб., 1998. С. 30).

[33] Рябинин пробудет в лагерях вплоть до 1947 г., окончит жизнь в Муроме.

[34] Ю. Н. Рерих уйдёт из жизни 21 мая 1960 г.

[35] Музей-усадьба Н. К. Рериха в Изваре, Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая в Барнауле, Музей-институт семьи Рерихов в Санкт-Петербурге. Также картины из собрания Митусовых попали в фонды Русского музея.

[36] РГАЛИ. Ф. 2094. Ед. хр. 1101 шт.

[37] В 1954 г. после кончины его супруги Т. Г. Рерих.

[38] В 1962 г. через коллекционера С. А. Мухина.

Д. В. ДЕЛЮКИН
(Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург)

РЕРИХИ В МОСКВЕ: ВСТРЕЧИ, СОБЫТИЯ, ПРОБЛЕМАТИКА, ВЫВОДЫ (К 90-ЛЕТИЮ ПОСЕЩЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ Н. К. РЕРИХА)

В 2016 г. рериховское сообщество отмечало 90-летие северного этапа Центральноазиатской экспедиции академика Н. К. Рериха, одним из ключевых событий которого стало посещение Москвы. Однако до сих пор с этим визитом связано множество неясностей и легенд, например о якобы существовавшем у Ф. Э. Дзержинского намерении арестовать Рерихов. К этому эпизоду мы ещё вернёмся, но следует отметить, что перед приездом в СССР Рерихи были полны энтузиазма, позитивно настроены на знакомство с новой для них действительностью, о которой слышали от русских друзей, в диппредставительствах, читали в газетах, и никакой угрозы для себя не видели. «С восторгом читали “Известия”, прекрасно строительство там, и особенно тронуло нас почитание, которым окружено имя учителя Ленина. <…> Воистину, это новая страна, и ярко горит заря Учителя над нею. <…> Пишу эти строки, а за окном звенят колокольчики караванов, идущих на Андижан – в Новую страну. Трудно достать лошадей, всё потянулось туда»[1], – напишет 23 февраля 1926 г. Елена Ивановна Рерих в письме к американским сотрудникам.

Официальным поводом для приезда Рерихов в Москву было получение разрешения иностранного отдела ОГПУ при Совнаркоме СССР на поездку на Алтай, в район Уймонской долины. Попасть туда было указанием Учителя. Заодно Николай Константинович рассчитывал, что его авторитет поможет добиться разрешения на деятельность корпорации «Белуха» и получения концессий на разработку полезных ископаемых в районе Катунского хребта. Ещё одна важнейшая причина посещения Москвы – поиск контактов с руководителями советского государства, целью которых была попытка сблизить Россию и буддистский Восток. Великий Учитель указывал Рерихам, что необходимо увязать политику советского государства с наступлением новой эпохи – эпохи Майтрейи, характеризующейся появлением принципиально новых социальных отношений и формаций, а также изменением мировоззрения. Тогда Монголия, Тибет и некоторые другие регионы (например, Восточный Туркестан) могли бы стать для СССР союзниками в строительстве нового Содружества в этой части земного шара. Особые надежды возлагались на наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, которого Рерих знал ещё со студенческой скамьи в Петербургском университете[2]. Следует заметить, что стремление к общению было обоюдным. Нарком уже год получал от своих представителей в консульствах Европы и Китая сведения о Центральноазиатской экспедиции и лично был заинтересован в том, чтобы Рерихи после путешествия по Китаю пересекли советскую границу и побывали в Москве[3]. В Урумчи глава советского консульства Александр Ефимович Быстров с большим уважением отнёсся к Николаю Константиновичу, а также с пониманием воспринял

многое, что касалось Великих Учителей. Через него Рерихи получили от Чичерина разрешение на въезд в Советский Союз, и консул сразу же оформил им визы.

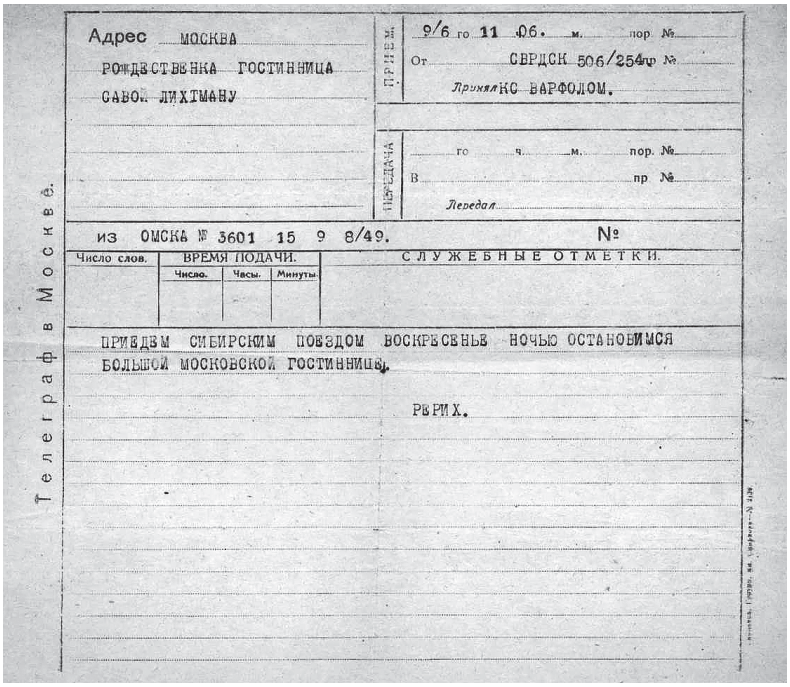
Итак, в ночь с 12 на 13 июня Николай Рерих с женой Еленой и сыном Юрием поездом прибыли из Омска на Казанский вокзал столицы.

Так было предначертано планом Великого Учителя, который ещё в 1925 г. сообщал Рерихам: «Вижу вас летом 1926 года в Москве».

Рерихи поселились в гостинице «Большая Московская» (ил. 1), второе название «Гранд-Отель» (а не «Метрополь», как ошибочно указывается в некоторых источниках), о чём неоспоримо свидетельствует, например, телеграмма, данная из Омска супругам Лихтманам – сотрудникам Рерихов, тоже ехавшим в Москву, только с запада (ил. 2).

Ил. 1. Большая Московская гостиница. Фото 1929 г.

В тот же день ближе к вечеру за Рерихами прибыл автомобиль Наркомата иностранных дел и они отправились на Кузнецкий мост, д. 21/5 на встречу с Г. В. Чичериным (ил. 3). Несмотря на то что было воскресенье, нарком принял их в своём рабочем кабинете. Сказывалась привычка Георгия Васильевича работать по вечерам – процесс, который заканчивался иногда далеко за полночь. Тот факт, что Чичерин принял Рерихов сразу же по прибытии, да ещё и в выходной день, говорит о том, что встреча была очень важной для обеих сторон. Весь разговор Рерихов с Чичериным был застенографирован, а Е. И. Рерих сделала на свой фотоаппарат несколько снимков. Позднее эти снимки были по памяти ошибочно датированы Еленой Ивановной девятым



Телеграф в Москву.

Адрес МОСКВА
РОЖДЕСТВЕНКА ГОСТИННИЦА
САВОЙ ЛИХТМАНУ

ПРИЕМ. 9/6 го 11 06. м. пор. №
От СВРДСК 506/254 пр №
Принял КС ВАРФОЛОМ.

ПЕРЕДАЧА. го ч. м. пор. №
В пр №
Передал

из ОМСКА № 3601 15 9 8/49. №

Число слов.	ВРЕМЯ ПОДАЧИ. Число.	Часы.	Минуты.	СЛУЖЕБНЫЕ ОТМЕТКИ.

ПРИЕДЕМ СИБИРСКИМ ПОЕЗДОМ ВОСКРЕСЕНЬЕ НОЧЬЮ ОСТАНОВИМСЯ БОЛЬШОЙ МОСКОВСКОЙ ГОСТИННИЦЕ.

РЕРИХ.

Ил. 2. Телеграмма, посланная Рерихами Лихтманам из Омска. Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

июня, что вызвало в дальнейшем расхождения в рериховедческой литературе относительно дня приезда Рерихов в Москву. Однако сейчас документально установлено, что дата прибытия Рерихов в Москву – 13 июня. С собой Рерихи привезли, чтобы передать именно через Георгия Васильевича, знаменитое письмо Великих Махатм Востока московским коммунистам и ещё одно письмо от Махатм – лично Чичерину, а также ларец с землёй на могилу Ленина из Бурхан-Булата[4]. Состоялся долгожданный предметный разговор.

Ил. 3. Г. В. Чичерин

В тот же вечер Г. В. Чичерин разослал всем членам Политбюро, в ЦК ВКП(б), Коминтерн, ОГПУ 29 экземпляров письма, в котором сообщалось, что Николай Рерих приехал в Москву как посол буддистского Востока для установления дружественных связей с Советским Союзом и сотрудничества. Как министр, отвечавший за отношения советского государства с другими странами, Чичерин повёл себя более чем логично. Чтобы понять, насколько серьёзно отнёсся к письмам, привезённым Н. К. Рерихом, нарком иностранных дел, нужно помнить, что, например, прошло всего два года после объявления независимости Монголии, и отношения Москвы с её руководством были очень непростыми.

В такой ситуации возможность получить новых союзников в Монголии и на Тибете очень заинтересовала Чичерина, но та форма, в которой подавалась идея объединения народов Востока, шла вразрез с партийной идеологией. Потому так много писем было безотлагательно напечатано под копирку. Чичерин словно тестировал своих коллег по партии. С другой стороны, это был ход, направленный на то, чтобы Николаю Константиновичу, в какие бы кабинеты он ни входил, был оказан должный приём. Ставка, сделанная на понимание важности установления связей с Востоком, оправдала себя и в других учреждениях.

Через несколько дней после встречи в НКИД Николай Константинович вместе с сыном Юрием нанёс визит Михаилу Абрамовичу Трилиссеру, начальнику иностранного отдела ОГПУ, на Лубянскую площадь, 2. Напомним, что для продолжения экспедиции по Советскому Алтаю нужна была виза иностранного отдела ОГПУ. Это знакомство также способствовало продвижению рериховских проектов. В свой последующий визит в СССР в 1927 г. Морис и Зинаида Лихтманы будут напрямую уверенно и настойчиво обращаться к Трилиссеру как к сочувствующему планам Рериха, связанным с Советской Россией, в частности с просьбой ходатайствовать перед Наркоминделом по поводу уже другого концессионного проекта – корпорации «Ур» в республике Танну-Тува (бывшем Урянхайском крае)[5]. То, что американским сотрудникам удастся добиться здесь определённых результатов, доказывает тот факт, что в 1927 г. в США было выпущено 10 тыс. акций этой корпорации номиналом в 500 долларов.

Конечно, Николай Константинович встречался с представителями власти не только по неотложным делам, связанным с экспедицией. Устанавливались контакты на будущее, и Рерих, как опытный общественный деятель, чувствовал, укрепляясь в своём мнении словами поддержки Великого Учителя, что на руководителей властных структур можно и нужно влиять. В посланиях Учителя Мории того периода говорится о Каменеве, Рыкове, Луначарском, даются указания искать пути к Троцкому и Сталину. Дальним прицелом подобных встреч, помимо успешной работы американских корпораций Рерихов в Советском Союзе, было получение возможностей направлять вектор развития ситуации в стране Советов в сторону установления более справедливого и демократического общества, а главное – в сторону воцарения действительно «научного мировоззрения», которое на словах декларировалось большевиками.

«27.V.1925. Учитель чует, надо Учение распространить в России»[6].

Сами Рерихи и Великий Учитель считали, что добиться этого будет возможно, если переформатировать советский коммунизм под флагом Майтрейи.

«30.VI.1925. Шествие коммунизма нужно крепко сплести с именем Майтрейи, ибо это истина»[7].

«15.IX.1925. Кем поедет Ф[уяма] на М[оскву]? – Конечно, как посол Махатм Вост[ока]»[8].

Ил. 4. Глеб Бокий (слева) и Максим Горький. Конец 1920-х годов

Среди членов руководства, с которыми встречался Рерих, нашлись те, кто понимал слова о буддизме, Шамбале и Майтрейе если и несколько поверхностно, но с живым интересом. Первым в этом ряду надо назвать Глеба Ивановича Бокия (ил. 4), главу спецотдела ОГПУ. Многие сомневаются, что Николай Константинович мог оказать действительное влияние на представителей ОГПУ. Встреча с Бокием также нигде в дневниках Рерихов и их сотрудников не упоминается, хотя по логике вещей она должна была состояться. Единственным документом в пользу встречи Рерихов с Бокием можно считать письмо Ираиды Михайловны Богдановой Г. М. Бонгард-Левину в Институт востоковедения АН СССР от 1 июня 1974 г.: «В начале своих странствий Н. К. Рерих писал так: “В 1926 году в Москве мы, т. е. я, моя жена и сын Юрий, имели долгие добрые беседы с Чичериным, Луначарским, Бокием”»[9].

Чичерин оказал Рерихам поддержку исходя из политических соображений. Однако вопрос о возможности кооперации по идеологическим соображениям оставался для Рерихов открытым. Без таких союзников, как Бокий, невозможно было бы распространять Учение в России. Известно, что и до приезда Рерихов Глеб Иванович не только проявлял неподдельный интерес к необычным возможностям восточных лам, но и сам практиковал в своём отделе парапсихологические приёмы с помощью известного эзотерика Николая Васильевича Барченко, собиравшегося тоже ехать на Алтай в поисках Беловодья. А самое главное – Бокий искренне мечтал о создании нового общества, основанного на более глубоких знаниях о материи и возможностях человеческого сознания. И хотя безжалостная эпоха жестоких классовых войн, в которую он жил, наложила соответствующий отпечаток на характер его действий, всё же он глубоко переживал замену революционных идеалов борьбой за власть и в 1937 г. поплатился жизнью за этот свой «революционный романтизм» и за мечты

о развитии человеческой личности[10]. В чём-то Глеба Ивановича можно сравнить с его начальником, «железным Феликсом», также работавшим «за идею», а не ради корысти.

Ещё одна весьма неоднозначная фигура обычно попадает в поле зрения тех, кто интересуется обстоятельствами Центральноазиатской экспедиции. В сентябре 1925 г. в Ладакхе к экспедиции академика Н. К. Рериха присоединился некий лама. Некоторые считают, что это был Яков Гершевич Блюмкин – переодетый в ламу-паломника чекист[11]. Любопытный лама не сразу открылся Рерихам, но потом сам Николай Константинович запишет: «Оказывается, наш лама говорит по-русски. Он даже знает многих наших друзей. Лама сообщает разные многозначительные вещи. Многие из этих вестей нам уже знакомы, но поучительно слышать, как в разных странах преломляется одно и то же обстоятельство»[12]. Прямых доказательств того, что вышеназванный лама действительно Блюмкин, нет. Лам, говорящих по-русски, в Центральной Азии можно было встретить немало, однако единственным человеком, который знал «многих наших друзей» (возможно, это Луначарский, который жил с Блюмкиным на одной площадке, Чичерин, Красин) и оказался в Лехе, столице Ладакха, вместе с Рерихами, мог быть только Яков Гершевич. Появление московского чекиста на пути Рерихов вдалеке от границ с Советской Россией не случайно. Яков Блюмкин отправился на Восток на поиски Шамбалы, в существование которой он свято верил. Не исключено, что в 1925 г. самая важная часть миссии Блюмкина и его экспедиции, которая готовилась в недрах ОГПУ на Лубянке, в действительности сводилась к тому, чтобы выйти на след экспедиции Н. К. Рериха и установить с ней контакт. По утверждению О. А. Шишкина, указания на этот счёт Яков Гершевич получал как от Чичерина, так и от Бокия. Были в курсе этого задания Блюмкина и Трилиссер с Дзержинским, как вышестоящие непосредственные начальники[13]. Вот что про него сказано в авторитетном издании: «В 1923–29 Яков Блюмкин работал в Иностр. отделе ОГПУ, сов. резидент в Палестине, Внутр. Монголии, Тибете, сев. районах Китая, на Бл. Востоке»[14].

Возможно, среди «многозначительных вещей», озвученных Яковом Блюмкиным, было известие, что в России уже наметились необходимые тенденции сближения с Востоком. Например, когда в 1924 г. до Тибета докатилась (через Агвана Дорджиева) весть о кончине В. И. Ленина, в Москву была направлена представительная делегация, которая привезла не только соболезнования своего правительства советскому народу, но и грамоты о присвоении вождю революции титула махатмы (высший титул в тибетской духовной иерархии), а также предложение «посетить Тибет с научными целями», которое было оглашено на встрече с Ф. Э. Дзержинским[15]. Приглашение было с благодарностью принято. Да и в Петрограде настоятель буддистского дацана А. Дорджиев не раз подчёркивал, что между буддизмом и коммунизмом много общего. Начиная с 1922 г. ленинградский буддийский храм становится центром обновленческого движения. Это движение, возглавляемое Дорджиевым, настоятелем храма, попыталось реформировать буддизм России, чтобы приспособить его к советской реальности, приблизив жизнь монахов к общежитийным нормам раннего буддизма. На первом Всесоюзном съезде буддистов СССР, состоявшемся в 1927 г.

в Бурятии, Дорджиев не раз подчёркивал схожесть буддийской и коммунистической идеологий[16]. Поэтому миссия самих Рерихов как послов Махатм Востока очень органично вписывалась в политику НКИД и ОГПУ, двух влиятельных организаций, определявших на тот момент внутреннюю и внешнюю политику Советского государства на Востоке. Зинаида Фосдик запишет 8 июля 1926 г. в своём дневнике: «Но самая замечательная встреча была в ГПУ, где были произнесены Имена **Майтрейи и Шамбалы** и куда прошли с Именем **М.** Предложения о сотрудничестве встречены с энтузиазмом, несколько раз встречались с теми, в чьих руках находится власть»[17].

Позднее, в 1926 и 1928 гг., на средства ОГПУ будут организованы ещё две экспедиции в Лхасу, состоящие из военнослужащих-калмыков, переодетых паломниками. Основной целью этих экспедиций был сбор информации и исследование возможностей для дальнейшего распространения коммунистической идеологии в Центральной Азии, а также расширения сферы влияния Советского Союза. Калмыки предложат XIII Далай-ламе в обмен на сотрудничество с Советским Союзом гарантию независимости Тибета и защиту от Китая.

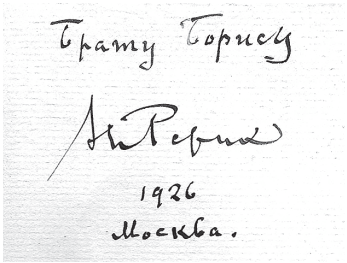
Исследователь политики России в Тибете А. И. Андреев считает, что дневниковая запись Е. И. Рерих от 14 июня 1927 г.: *«Яркое случившееся унижение М[осквы] послужит уроком непринятия указа Братства. Ярмо русское может смениться р[усской] зарёю»*[18] – связана с проблемой советско-тибетских отношений. После того как Далай-лама отклонил предложение об учреждении советского представительства в Тибете, нарком иностранных дел Чичерин задумал создать в Лхасе полпредство Монгольской Народной Республики, которым руководил бы назначенный Москвой дипломат (т. е. советское представительство под монгольской вывеской). На роль советника при монгольском полпредстве был назначен А. Ч. Чапчаев (Цепаг Доржи). Экспедиция Чапчаева вышла из Улан-Батора в середине октября 1926 г. и 15 марта 1927 г. прибыла в Нагчу. Однако в Лхасе монгольское посольство смогло оказаться лишь во второй половине апреля и только под видом религиозной миссии. Далай-лама принял участников посольства как простых богомольцев и решительно отказался вести с ними какие-либо переговоры[19].

Стоит отметить, что Иосиф Сталин долгое время не был допущен к материалам экспедиций. Бокий не информировал его о тибетских исследованиях (Сталина не было в списках ограниченного числа лиц, допущенных к «тибетским» тайнам) и о ряде других тайных исследований, что и явилось одной из причин ареста Бокия в 1938 г.[20]

Но имя Майтрейи произносилось не только в стенах Лубянки. Вениамин Михайлович Свердлов, младший брат Якова Михайловича Свердлова, курировавший горную промышленность в ВСНХ при Совнаркоме СССР и выдавший мандат от геолкома на геологоразведку корпорации «Белуха» на Алтае, впоследствии стал серьёзно интересоваться Шамбалой. Так что возможность отклика на идеи Рерихов вовсе не принадлежит к разряду утопий. Однако Рерихи никогда не жили в эфемерном мире отвлечённых идей, они трудились в действительности и для действительности. Подтверждение тому – корпорация «Белуха». Проект должен был реализовать конкретные задачи по добыче полезных ископаемых на Алтае (издавна алтайские рудники

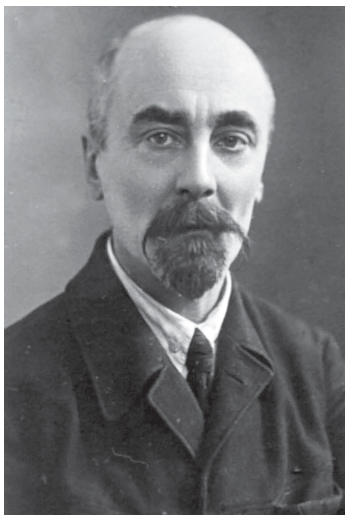
славились жёлтым серебром, присутствовало в местных породах и золото), что привело бы к созданию градообразующего предприятия.

О городе на Алтае Николай Рерих высказывался ещё в 1924 г. Понятно, что нужны были люди, которые продвигали бы эту идею. Полномочным представителем американской корпорации «Белуха» в России должен был стать Борис Рерих, младший брат художника (ил. 5).



Ил. 5. Автограф Н. К. Рериха на его книге «Adamant» (1923). Государственный Музей-институт семьи Рерихов (Санкт-Петербург)

Вслед за Борисом в Москву из Ленинграда приезжает близкий друг семьи и родственник Степан Степанович Митусов («Кай») (ил. 6). Более 20 лет жизнь Митусова была неразрывно связана с Рерихами, и тогда в Москве Степан Степанович ещё раз убедился, что эта связь не прерывалась и не прервётся. В самые смутные годы Гражданской войны и разрухи Рерихи и Митусовы обменивались письмами, в 1922 г. по просьбе Рерихов Степан Степанович вывез из квартиры на Мойке, 83 их имущество и ряд картин. Через 30 лет Юрию Николаевичу Рериху, когда он вернётся в СССР, сёстры Митусовы вышлют на адрес его московской квартиры знаменитое кресло Николая Константиновича с бараньими головами. А сохранённые вещи и картины постепенно, в течение десятилетий, все без остатка войдут в состав различных музейных фондов по всей стране. Рерихи любили Митусова и именно ему хотели доверить продвижение идей Живой Этики и выполнение заветов Великого Учителя в России.



Ил. 6. С. С. Митусов. 1929 г. Государственный Музей-институт семьи Рерихов (Санкт-Петербург)

Конечно, Учитель не прекращал давать указания и слова поддержки.

«18.VI.1926. Ручаюсь за успех, думаю К[аю] лучше дать пятьсот руб[лей] от Меня… Ручаюсь, можно помочь К[аю]. Дайте ему для Зл[аты] камень Ур[усвати] (нашейный). Дай явленную сумку. Ф[уяма] может дать К[аю] картины, поделив между детьми. Уд[рая] может дать книги детские для детей… Ручаюсь, можно дать К[аю] право быть представителем ко[о]п[ератива] “Б[елуха]” здесь».

«20.VI.1926. Отдай себе отчёт К[ай], какое кольцо носишь! Ор[иола], нити разбирающая, носила его».

«22.VI.1926. Надо понять серьёзность момента. Главное, буддизм – щит Лен[ина] и буддизм. Утверждаю, утверждаю К[ая]. Дельных людей почти нет»[21].

Роль Митусова заключалась в распространении учения Живой Этики в России. Через Митусова уже передавались книги «Листы сада Мории» (1924) и «Чаша Востока» (1925) Анатолию Васильевичу Луначарскому, давнему знакомому Степана Степановича по кружку Н. А. Римского-Корсакова. Сразу после приезда Митусова Николай Константинович и Степан Степанович вместе нанесли визит наркому просвещения домой, в Глазовский переулок, 5 (угол с Денежным). Во время визита речь зашла и об издании книг учения в России: акцент на духовность был особенно уместен на фоне разговора о культурных преобразованиях в стране. В качестве особого дара советскому народу Рерих привёз и передал Луначарскому восемь картин, выделенных в серию «Майтрейя». Картина «Майтрейя Победитель» предназначалась персонально для Луначарского. Нарком принял полотна с радостью, но определить их в какой-либо музей сразу не мог – требовалось одобрение художественной комиссии. Возможно, уже тогда Анатолий Васильевич дал Рериху понять, что есть бюрократические моменты, связанные с «воспитанием масс». Знаменитый лозунг «культуру в массы» не срабатывал, когда эта культура виделась враждебной идейной линии партии. Можно сказать, что слова Луначарского характеризовали не только судьбу картин, но и всего дела Майтрейи в России[22].

В августе 1927 г. в своём дневнике Елена Ивановна процитирует слова Учителя о том, что советское издание «Общины» надо попытаться реализовать по другим каналам, а именно через друзей в ОГПУ. Но этого тоже не произошло.

Пригласил Рерихов к себе в гости ещё один партийный функционер – заведующая отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения РСФСР Наталья Ивановна Седова, возможно планируя познакомить Рериха со своим мужем, Львом Давидовичем Троцким. Совпадение было головокружительное! Троцкий на тот момент был председателем Главконцесскома – учреждения, которое М. и З. Лихтманы, можно сказать, «осаждали», ходя на Малую Дмитровку, 18 как на работу. Но с Троцким им увидеться не удавалось. А тут сама судьба предоставляла Николаю Константиновичу такой шанс.

Беседа с Троцким могла бы положительно повлиять на исход тормозящихся переговоров по «Белухе». Наталья Ивановна, вероятно, посоветовалась с мужем, прежде чем пригласить Рериха к ним домой (Троцкий и Седова проживали в квартире в Кремле), но, к сожалению, когда Николай Константинович пришёл, Льва Давидовича дома не оказалось. Зато в гостях у Седовой Рерих познакомился с родной сестрой Троцкого Ольгой Давидовной Каменевой, женой Льва Каменева. В тот момент Лев Каменев занимал пост министра внутренней и внешней торговли. Нигде не сообщается, беседовал ли Каменев лично с Рерихом. Жили тогда Каменевы и Троцкий с Седовой по соседству, двери их квартир выходили в один и тот же бывший фрейлинский коридор Кремлёвского дворца. Зинаида Фосдик (Лихтман) напишет в своём дневнике о приёме в доме Каменевых. В Кремле в то время проживали многие члены Политбюро из старой гвардии Ильича, в том числе И. В. Сталин. Учитель не раз упоминал о Сталине именно в этот период:

«25.VI.1926. Умейте идти с явленными преступниками, с ними безопасно. Русские спят, только Ст[алин] хорош. Язык уму не повинуется[23]».

Но, как известно, в июне-июле 1926 г. Сталина не было в Москве. Он был на отдыхе, в Грузии. Приезд его ожидался как раз к открытию июльского пленума ВКП(б), т. е. 16–17 июля.

Знал ли вообще Сталин о том, что в Москве находится семья Рерихов? Скорее всего, да. Первое письмо членам Политбюро Чичерин направил В. М. Молотову, секретарю ЦК, т. е. ближайшему к Сталину человеку в аппарате ЦК партии. Возможно, внимание партийной верхушки от пребывания экспедиции Рериха в Москве отвлекла подготовка к пленуму, обещавшему стать переломным в противостоянии Сталина и оппозиции во главе с Троцким, Каменевым и Зиновьевым. Н. К. Крупская тоже была на стороне оппозиции. Схватка партийных бонз за политическое наследие Ильича обещала быть жаркой. Феликс Эдмундович Дзержинский также готовился к выступлению на съезде, хотя в связи со слабым сердцем врачи рекомендовали ему покой. Непонятно, что так повлияло на решение Дзержинского обязательно выступить на этом пленуме, но эмоциональный накал был настолько силён, что сердце железного Феликса не выдержало. Сразу после выступления ему стало плохо, и он скончался через час здесь же, в Кремле, в своей квартире.

Известно, что Дзержинский не поддерживал оппозицию, хотя Троцкий всячески старался перетянуть его на свою сторону. Надо сказать, небезуспешно. Сталину это не нравилось, так как за Дзержинским стояла армия чекистов. В этом контексте Дзержинский был вроде разыгрываемой карты: на чью сторону он встанет, та и победит. А грядущий пленум был как раз посвящён экономическим вопросам, и Феликс Эдмундович не мог не выступить, так как был по совместительству председателем ВСНХ и к руководству партии у него было много вопросов.

История о том, что 20 июля Николай Константинович и Юрий Рерихи сидели в приёмной Дзержинского на Лубянке и ждали его возвращения из Кремля после того рокового выступления, до сих пор вызывает сомнения. Рассказ об этом передаётся «из уст в уста», но исходного документального источника информации никто указать не может. Ни в одной дневниковой записи членов экспедиции о визите к Дзержинскому не сказано, указаний от Учителя тоже не поступало, хотя в тогдашней политической ситуации в лице шефа ОГПУ Рерихи могли бы найти мощную поддержку. Позднее сам Николай Константинович опишет в очерках «Вехи» некую ситуацию: назревавшую нежелательную встречу с опасным человеком, которой Рерих пытался избежать. Однако встреча всё же была назначена, но визави не пришёл, как потом выяснилось, из-за внезапной смерти. Многие склоняются к мысли о том, что Рерих имел в виду Дзержинского. К такой встрече художника могли подталкивать либо Трилиссер, либо Бокий. Президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник КГБ, доктор исторических наук Л. Г. Ивашов в книге «Опрокинутый мир» утверждает, что «по настоянию Г. Бокия ОГПУ хотело выделить средства Н. К. Рериху, чтобы он вернулся в Центральную Азию и возобновил контакты с “махатмами”»[24]. Если это так, то Глеб Иванович, возможно, видел Рерихов в качестве будущих агентов и направлял к шефу, отчего те, понятно, пытались уклониться. Всё же кажется, что встреча Рериха с первым чекистом страны была бы полезной для обоих. Дзержинский, как старый большевик, искренне переживал за то, что завоевания революции постепенно схо-

дили на нет. НЭП двигался к рыночной экономике, что вело к расслоению общества и появлению зажиточных крестьян и нового псевдобуржуазного класса торговцев. Николай Бухарин, которого, кстати, поддерживал и Сталин, открыто с трибуны призывал: «Обогащайтесь». Оппозиция же, наоборот, хотела «поприжать» крестьянство и излишки производства направить на развитие промышленности. Что тоже было в корне неправильно. Эти разногласия привели к мощному расколу в Политбюро и в ЦК. В этой ситуации у Рерихов были как теоретические, так и практические предложения, способные примирить стороны: постепенный ненасильственный переход к общинному принципу ведения хозяйства в крестьянстве и кооперативному (акционерному) в промышленности. Неспроста письмо Махатм к наркому Чичерину, переданное вместе с письмом «Московским коммунистам», начинается словами: «*Только глубокое осознание коммунизма даст полное благосостояние народам. Нам известно, что некоторые слои крестьянства не могут вместить идею коммунизма. Необходимо новое обстоятельство, которое введёт их в русло истинной Общины. Таким всемирным обстоятельством будет принятие коммунизма Буддийским сознанием*»[25]. То есть снова, по сути, речь шла об общем пути с Востоком, о взаимовыгодном сотрудничестве – как политическом, так и духовном. Конечно, для получения результатов нужно было время.

Однако ситуация с выбором нового политического вектора внутри страны стала стремительно меняться в 1927 г. Случилось то, о чём предупреждали через Рерихов Махатмы: «*Всякая насильственность осуждена. Насильственное рабство, насильственный брак, насильственный труд возбуждают возмущение и осуждение. Но из всех насилий самое преступное и уродливое зрелище являет насильственная община. Каждое насилие обречено на реакцию, а самое худшее насилие обречено на реакцию самую худшую*»[26].

Успешно работавшие в стране иностранные концессии и НЭП способствовали интеграции Советской России в мировую экономику, но когда оппозиция стала терять ключевые посты, стал нарушаться баланс сил, обеспечивавший многополярность взглядов на те или иные проблемы. Главной проблемой к 1927 г. стало сокращение объёма хлебозаготовок, что грозило голодом населению больших городов. Причиной тому большинство исследователей единодушно считают нежелание крестьян задёшево продавать хлеб государству, особенно в условиях, когда за вырученные деньги невозможно было приобрести нужные товары, которых в стране производилось крайне мало. Т. Кондратьева в своей книге «Кормить и править» так характеризует ситуацию:

«Заплатив налоги, крестьяне предпочитали либо продавать зерно и другую продукцию частным торговцам по хорошей цене, либо придерживать их до лучших времён… Резюмируя ситуацию со снабжением и потреблением на уровне всей страны в середине 1920-х годов, можно сказать, что укрепившееся крестьянское хозяйство способствовало развитию мелкого производства и частной торговли. Имея возможность вести своё хозяйство, крестьянин мог прокормить свою семью и вынести на рынок необходимое для пропитания горожан. При этом промышленных товаров попрежнему не хватало.

Кризис хлебозаготовок сам по себе не был бы страшным, если бы большевики не решили выйти из него путём установления монополии государства над производством и торговлей сельскохозяйственными продуктами, или, как говорилось тогда, путём "планового централизованного производства и распределения"»[27].

За неисполнение указаний ЦК на местах последовали жестокие репрессии по отношению к крестьянству. Как следствие ошибок, допущенных в экономическом управлении, после относительной стабильности на продовольственном рынке в 1925–1927 гг. страну постиг страшный голод в начале 1930-х. Справедливости ради надо сказать, что через несколько лет, после ослабления репрессивных мер и налаживания новых форм работы с использованием сельскохозяйственной техники, объёмы заготовки зерна значительно выросли, а более производительные коллективные хозяйства с плановым распределением продуктов смогли обеспечить страну продовольствием в годы Великой Отечественной войны. Однако тяжёлыми и далекоидущими последствиями варварски осуществлённой коллективизации стали почти полное разрушение традиционного уклада жизни 80 % населения крестьянской России и уничтожение традиционной национальной культуры. Объективная целесообразность общинного хозяйства превратилась в трагедию русского народа.

В целом пребывание в Москве, помимо встреч с руководителями страны, дало Николаю Константиновичу возможность повидаться со многими старыми друзьями: А. В. Щусевым, А. А. Бахрушиным, И. Э. Грабарём, К. С. Станиславским, М. А. Бабенчиковым, а также завести новые знакомства. Зинаида Лихтман писала в своём дневнике: «Теперь уже все знают о приезде Н. К., народ его просто осаждает»[28]. Среди таких «осаждающих» оказались и художник Б. А. Смирнов-Русецкий вместе с товарищами из художественного объединения, позже названного «Амаравелла». Эта встреча на многие годы определит развитие рериховского движения в Советском Союзе[29].

Дата отъезда из Москвы, 22 июля, совпала с похоронами Дзержинского. Вокруг Рерихов всегда были знаковые и символические явления. Вот и на этот раз случилось так, что траурная процессия должна была проследовать по площади Революции мимо Гранд-Отеля на Красную площадь к месту захоронения. Зинаида Лихтман запишет в своём дневнике: «Все выдающиеся личности проходят мимо – мы стоим на балконе [гостиницы]. Очень нервничаем, что можем опоздать к поезду». Мимо них пронесли гроб с телом Дзержинского в окружении всех тех, кто упоминался в записях Учителя. Сталин и Троцкий шли у гроба, но по разные стороны, за ними Трилиссер (какое-то время он будет замещать своего шефа), Каменев, Молотов, Рыков, Свердлов, Луначарский… (ил. 7, 8).

На фотографии процессии видно, как тело первого чекиста разделяет Сталина и оппозицию, этот раскол на долгие годы изменит политическую ситуацию в Стране Советов. Может быть, кому-то из Рерихов, скорее всего Елене Ивановне, показалось, что эти похороны – пророческое предзнаменование участи их инициатив в этой стране.

Однако все предложения были высказаны, все предостережения сделаны. Учитель также утверждал, что миссию в Москве можно считать выполненной.

Ил. 7. Похороны Ф. Э. Дзержинского.
Траурная процессия рядом с Большой Московской гостиницей

Ил. 8. Члены Правительства и ЦК ВКП(б) в траурной процессии на похоронах Ф. Э. Дзержинского

«18.VII.1926. Настоящее мужество состоит в том, чтоб принести Мое письмо самым страшным людям. Нельзя выразить, около каких опасностей прошли в М[оскве]. Малейшее сомнение или содрогание могло принести разрушения. <...> Считаю результат М[осквы] важным исторически»[30].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беликов П. Ф., Князева В. П.* Рерих. М.: Молодая гвардия, 1973.
2. *Дубаев М. Л.* Рерих. М.: Молодая гвардия, 2003.
3. Рериховский век: Каталог выставки. Т. 1. СПб.: Золотой век, 2009.
4. *Росов В. А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Книга I: Великий План. СПб.: Алетейя; М.: Ариаварта-Пресс, 2002.
5. *Фосдик З. Г.* Мои учителя. М.: Сфера, 2002.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Е. И.* Письма (1919–1955): в 9 т. М.: МЦР, 2009. Т. 9 (1951–1955). С. 545–546.

[2] См. об этом, напр., статью Н. И. Кулаковой «История одной фотографии» в настоящем сборнике.

[3] *Росов В. А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Книга I: Великий план. СПб.: Алетейя; М.: Ариаварта-Пресс, 2002.

[4] Бурхан-Булат (в переводе «меч Будды») – место в Восточном Туркестане на окраине Хотана, когда-то бывшего значительным центром буддийской культуры, где был устроен лагерь экспедиции Н. К. Рериха. Название месту дано Учителем. «Конечно, следует ему свезти хотя бы коробочку с землею Бурх[ан-]Бул[ата]. Стоит у вас коробочка из слоновой кости времен Акбара, свезите её от Меня на могилу. Скажите: земля, где ступал Будда, думая об Общине Мира. Напишите потиб[етски] на дне: “Махатмы на могилу русского Махатмы”». «Советую наполнить коробку землею из мастерской. Пусть У[драя] нап[ишет] т.р. на кр[ышке] Зк. хотр[?] – успех по-сензарски» (*Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики: в 25 т. Т. 6. М.: Прологъ, 2009. С. 326, 334).

[5] *Росов В. А.* Николай Рерих.

[6] *Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики. С. 109.

[7] Там же. С. 157.

[8] Там же. С. 225.

[9] ГАРФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 60119. Л. 15–18. Автор статьи благодарит В. Е. Чернявского, предоставившего фотокопию данного письма.

[10] См., напр.: *Берешков В.* Глеб Бокий – чекист и оккультист. URL: http://www.razlib.ru/istorija/okkultisty_lubjanki/p1.php (дата обращения: 05.11.2017).

[11] Блюмкин Яков Григорьевич (Симха-Янкев Гершевич Блюмкин; псевдонимы: Исаев, Макс, Владимиров и др.), советский разведчик и диверсант (1898–1929). С гипотезой о том, что в Ладакхе он присоединился к экспедиции Н. К. Рериха, выдвинутой журналистом О. А. Шишкиным, согласны не все исследователи-рериховеды (см., напр.: *Стеценко А. В.* Клевещите, клевещите, что-нибудь да останется // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 1. М.: МЦР, 2001. С. 535–560. – *Примеч. ред.*).

[12] *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. М.: Сфера, 1999. С. 153.

[13] *Шишкин О. А.* Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М.: Олма-Пресс, 1999; см. также: *Ивашов Л. Г.* Опрокинутый мир. Тайны прошлого – загадки грядущего. Что скрывают архивы Спецотдела НКВД, Аненербе и Верховного командования Вермахта. М.: Книжный мир, 2016. Гл. 2. Битва за Шамбалу. С. 89.

[14] Большая Российская энциклопедия. Т. II. М.: Рипол Классик, 2000. С. 126.

[15] *Ивашов Л. Г.* Опрокинутый мир. С. 90.

[16] Там же. С. 92.

[17] *Фосдик З. Г.* Мои учителя. М.: Сфера, 2002. С. 265.
[18] *Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики. Т. 8. С. 34.
[19] *Андреев А. И.* От Байкала до Священной Лхасы. СПб.; Самара, 1997. С. 121–226.
[20] *Ивашов Л. Г.* Опрокинутый мир.
[21] *Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики. Т. 7. С. 68–70.
[22] Более поздней характеристикой А. В. Луначарского стали слова Н. К. Рериха: «Сам по себе он не представляет большого интереса», – которые приводит Зинаида Лихтман (*Лихтман З. Г.* Монгольский дневник. 1927. NRM. Тетрадь 24 (цит. по: *Росов В. А.* Николай Рерих. С. 162)). Показательна реакция жены Луначарского Н. А. Розенель, которая позднее описала в недобрых тонах в книге своих воспоминаний встречу с Рерихом у себя дома, демонстрируя полнейшее непонимание намерений выдающегося мастера.
[23] *Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики. Т. 7. С. 71.
[24] *Ивашов Л. Г.* Опрокинутый мир. С. 91.
[25] Цит. по: *Росов В. А.* Николай Рерих. С. 180.
[26] [Агни-Йога]. Община. 1926. § 219.
[27] *Кондратьева Т.* Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. / пер. с фр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. URL: http://lawbook.online/prava-gosudarstva-teoriya/kormit-:pravit-vlasti-rossii-xvixx-per.html (дата обращения: 20.10.2017).
[28] *Фосдик З. Г.* Мои учителя. С. 250.
[29] В первую очередь эта встреча определила дальнейшую жизнь и мировоззрение самого Б. А. Смирнова-Русецкого. Во время пребывания в Москве Елена Ивановна запишет в своём дневнике слова Учителя о Смирнове: «Рука Будды над ним». Позднее Рерих предложит устроить в Нью-Йорке выставку группы «Амаравелла». Работы молодых московских художников отправились в Америку вместе с картинами Рериха, привезёнными из экспедиции. Рерих советовал молодому художнику ехать к Митусову в Ленинград. После их встречи Борис Алексеевич уже не мыслил себя без общения со Степаном Степановичем и его семьей. В 1960–1990-е годы Б. А. Смирнов-Русецкий, присоединившийся позднее В. Т. Черноволенко и их ближайшее окружение стали в определённом смысле духовными лидерами различных рериховских объединений.
[30] *Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики. Т. 7. С. 87.

А. М. ШУСТОВА
(Институт востоковедения РАН, Москва)

МОНАСТЫРЬ НАРОПАНЧЕН В МОНГОЛИИ

Н. К. Рерих в целом ряде своих работ касается удивительной истории о посещении Великим Учителем в Гималаях в конце XIX в. двух монгольских монастырей – Эрдэни Дзу и Наропанчен. В книге «Алтай – Гималаи» он записал: «Знают монголы о приездах Владыки Шамбалы в Эрдени-Дзу и в Нарабанчи»[1].

В работе «Шамбала» художник повествует: «Там же в Урге из нескольких источников мы слышали о посещении великим Махатмой двух старейших монгольских монастырей. Один – Ердени Дзо на Орхоне и другой – Нарабанчи. О посещении Махатмою монастыря Нарабанчи мы уже имели сведения в литературе, но приятно было узнавать совершенно те же подробности и от лам далёкой Монголии. Говорится, как однажды в полночь группа всадников приблизилась к воротам Нарабанчи Гомпа. Видимо, они прошли долгий путь. Их лица были покрыты меховыми шапками. Их вождь вошёл в храм, и немедленно зажглися все лампады. Затем он приказал, чтобы все гелонги и хувараки собрались в храм. Он встал на главное место Богдо Гегена и открыл свой лик. И все присутствующие узнали самого Благословенного. Он произнёс много пророчеств о будущем, затем все всадники сели на коней и оставили монастырь так же неожиданно, как и прибыли»[2].

Этот же самый рассказ Н. К. Рерих приводит в очерке «Священная земля». Но к нему добавляет ещё один: «Другой рассказ о прибытии Гималайского Махатмы в Монголию был сообщён нам членом Монгольского учёного комитета. Он сказал следующее: “Вы знаете, что мы имеем несколько лам, обладающих большими духовными силами. Конечно, они не живут в городах или больших монастырях. Обычно они обитают в удалённых кхутонах в горных убежищах. Лет шестьдесят или пятьдесят тому назад одному из этих лам было доверено большое поручение. Он должен был выполнить его лично и перед смертью передать миссию доверенному лицу по своему выбору. Вы знаете, что величайшие поручения даются Шамбалой. Но на земле они должны быть выполнены человеческими руками в земных условиях. Вы также должны знать, что подобные поручения всегда сопровождаются великими трудностями, которые должны быть преодолены силою духа и преданностью. Случилось, что лама частично выполнил свое поручение, но затем заболел и потерял сознание; в этом состоянии, конечно, он не мог передать поручение достойному преемнику. Великие Держатели Гималаев знали о его затруднении. Так как поручение должно было быть выполнено при любых обстоятельствах, то один из Великих Держателей предпринял в величайшей поспешности утомительное путешествие от Тибетских нагорий в наши монгольские степи. Поездка была так спешна, что Держатель находился в седле около 60 часов, но таким образом прибыл вовремя.

Он временно вернул ламе сознание, так что тот оказался в состоянии докончить вверенное ему поручение достойным образом.

Вы видите, как Великие Держатели помогают человечеству. Сколько самопожертвования и какие земные трудности они принимают на себя, чтобы помочь Великому Будущему".

В этом рассказе о спешном путешествии в Монголию, в этих шестидесяти часах, проведённых в седле, вы можете распознать конец той же самой повести, начало которой мы слышали в Индии.

В Монголии называли Махатм "Великими Держателями" и не знали, который именно из Махатм предпринял это путешествие. Но зато в Индии не могли сказать, с какой целью путешествие было предпринято. Таковы нити Азии»[3].

Как пишет Н. К. Рерих, рассказ, в котором указываются цели путешествия, он услышал от члена Монгольского учёного комитета Жамцарано. Цыбен Жамцарано, на монгольском – Жамсрангийн Цэвээн (1880–1942) – учёный-монголовед, известный государственный деятель. Под его руководством в 1921 г. был создан Монгольский учёный комитет, будущая Академия наук Монголии.

В книге «Алтай – Гималаи» Н. К. Рерих запишет о Жамцарано: «Он многое знает. Именно с ним можно иногда побеседовать о самых сокровенных преданиях. Это он также рассказал монгольскую версию о поездке Учителя в Монголию. Странно слышать начало повести в Индии, а конец в Монголии»[4].

В работе «Шамбала Сияющая» Рерих даёт более подробное описание целей поездки Учителя. «Великие держатели тайн пристально следят за теми, кому они доверили свою работу и поручили высокую миссию. Если неожиданное зло встает на их пути, им немедленно оказывается помощь. И доверенное *сокровище* [выделено нами. – *А. Ш.*] будет сохранено. Примерно 40 лет тому назад великая тайна была доверена человеку, жившему в Великой Монгольской Гоби. Ему было сказано, что он может пользоваться этой тайной в особых целях, но, когда он почувствует приближение смерти, он должен найти кого-то достойного и передать ему своё сокровище. Прошло много лет. И этот человек заболел, а во время болезни к нему приблизилась нечистая сила, и он потерял сознание. В таком состоянии он, конечно, не мог найти никого достойного, чтобы доверить ему своё сокровище. Но Великие Держатели всегда бдительны и начеку. Из высокого Ашрама спешно отправился через огромную пустыню один из них и не покидал седла более шестидесяти часов. Он успел к больному человеку вовремя, чтобы на короткое время задержать его смерть и найти того, кому он смог бы передать миссию. <…> Истинно, истинно, люди Шамбалы иногда появляются в мире. Они встречаются с земными сотрудниками Шамбалы. На благо человечества они посылают драгоценные подарки, замечательные реликвии»[5].

Рерих помещает это повествование в контекст, где говорится о таинственном аэролите, о камне Чинтамани. Таким образом, мы можем смело предположить, что сокровище, находившееся у ламы монастыря Наропанчен, было священным камнем, который посылается определенным людям в определённое время с особой целью.

В повествовании о посещении Великим Учителем монгольских монастырей указываются монастыри Эрдени Дзу и Наропанчен. Выбор для посещения этих монастырей, конечно же, был неслучайным. Известно, что до репрессий в Монголии существовало 1015 буддийских монастырей.

Эрдени Дзу – один из известнейших монастырей Монголии, расположен в долине реки Орхон близ развалин столицы Чингисхана Каракорума, здесь когда-то была ставка Богдо-гегена, лидера буддистов Монголии. Свое название Эрдэнэ зуугийн Сум (монг.), что значит «Храм Драгоценного Владыки», получил в честь своей главной реликвии – статуи Будды, в которую, согласно преданию, были помещены мощи Шакьямуни, переданные Далай-ламой III. Эрдени Дзу являлся крупнейшим монастырем, к нему были приписаны более десяти тысяч монахов. С конца XVIII в. в этом крупном центре буддизма проводились мистерии цам.

О монастыре Наропанчен сведений совсем мало. Свое название Наропанчен (монг. Нарванчин или Наробанчин) монастырь получил от известного буддийского учителя Наропы.

Наропа (санск. Nadapada) (956–1040) – выдающийся ученый, настоятель буддийского университета Наланда. Он известен также как йогин, мастер медитации, развивший систему так называемых Шести йог Наропы, которая вошла практически во все школы тибетского буддизма. Наропа стал учителем Марпы (1012–1097), знаменитого учителя тибетской тантры, который, в свою очередь, являлся учителем Миларепы (1052–1135). Все эти мастера развивали традицию школы Кагью тибетского буддизма.

Учителем Наропы был не менее известный буддийский учитель Тилопа. Тилопа (санск. Тилопада, монг. Дилова, тиб. Тэло; 928–1009) почитается как один из 84 буддийских махасиддх и как основоположник школы Кагью.

Согласно тибетской традиции, такие высокие мастера, как Тилопа, причисляются к Бодхисаттвам. Достигая пробуждения и имея возможность выйти из колеса перерождений, Бодхисаттвы тем не менее не прекращают перерождаться. Делают это они для того, чтобы и далее осуществлять помощь нуждающимся в духовном руководстве. Место своего нового воплощения и духовного служения они выбирают *сознательно*.

Известны уже двенадцать перерождений Тилопы (тиб. тулку, монг. хубилган), первые шесть из которых проходили в Тибете, последующие пять имели место в Монголии. Последнее перерождение – наш современник Тэло Тулку Римпоче, почётный представитель Его Святейшества Далай-ламы в России и странах СНГ, верховный лама Калмыкии.

Важно, что перерождения высоких лам в ряде случаев происходят парой «учитель – ученик», как это имеет место в случае с Далай-ламой и Панчен-ламой, и определяют подлинность перерождений друг друга. Такое явление наблюдалось и в случае Тилопы и его ученика Наропы, монгольские перерождения которых поочерёдно были настоятелями монастыря Наропанчен в Монголии. Собственно, от Наропанчен Хутухты монастырь и получил свое название.

Недавно при реставрации древней статуи Будды Шакьямуни в Национальном музее Республики Тыва было найдено собрание буддийских реликвий. Среди них были такие уникальные реликвии, как фрагменты одеяния Цонкапы и Богдо-гегена VIII, монгольского духовного лидера. Но что самое интересное, там были обнаружены фрагменты кости и волос Наропанчен Хутухты, что показывает, насколько почитался

он среди монгольских буддистов. И именно этот высокий лама, вероятнее всего, был настоятелем Наропанчена как раз в то время, когда его монастырь посетил Великий Учитель.

Монастырь Наропанчен располагался в Западной Монголии, сравнительно недалеко от тувинской границы, в долине реки Завган. Западная часть Монголии, особенно Завханский аймак (район), считается одним из священных мест Монголии. Здесь родились девять сознательно воплощающихся лам. Именно в монастыре Наропанчен жили несколько перерожденцев (хубилганов) Тилопы и Наропы, будучи его настоятелями.

То, что этот монастырь играл важную роль в истории Монголии, подтверждает и польский писатель Ф. А. Оссендовский (1878–1945) в книге «И звери, и люди, и боги». В Наропанчене он оказался во время своих странствий в начале 1920-х годов, когда покинул охваченную Гражданской войной Россию.

Наропанчен Оссендовский описывает как достаточно крупный монашеский посёлок, где помимо главного «храма Благословения» располагались жилища разного ранга монахов, стояли здания школ, в которых преподавали буддийскую философию и медицину. На территории монастыря были библиотека, архив, а также различные склады. Но самым почитаемым местом в монастыре, как указывает Оссендовский, являлся небольшой домик, окрашенный в жёлтый цвет. Как разъяснил настоятель, желтый цвет символизировал то, что в этом доме гостили высокие ламы – Далай-лама и Богдо-геген.

Оссендовский подружился с настоятелем Наропанчена Диловой-Хутухтой, которого описывает как худощавого, гладко выбритого мужчину средних лет. Писатель подчёркивает, что имя его высоко почиталось не только в Монголии, но и за её пределами, в Тибете и ламаистском Китае. Дилова-Хутухта провёл его в сокровенные покои, где находился низкий трон в восточном стиле. Указывая на этот трон, настоятель поведал удивительный историю, которую Оссендовский приводит в своей книге.

«Однажды зимним вечером в ворота монастыря въехали всадники, они потребовали, чтобы все гэлуны и гэтулы во главе с хутухтой и канпо [настоятель] собрались в этой комнате. Затем один из незнакомцев уселся на трон и снял башлык. И тут же все ламы пали на колени: они узнали Того, о Ком писали в священных книгах далай-лама, таши-лама и богдохан. Этот человек – властелин мира, он знает все тайны Природы. Он прочитал краткую тибетскую молитву, благословил всех собравшихся, а после предсказал то, что свершится в ближайшую половину века. Произошло это тридцать лет назад, и пока все его предсказания сбылись. Когда он молился в соседней комнате перед алтарем, вот эта дверь распахнулась сама по себе, свечи у алтаря зажглись безо всякого огня, а от священных жаровен, в которых не было углей, вдруг пошло благовоние. А потом, без всякого предупреждения, Царь Мира и его спутники исчезли. Только смятый шёлк на троне говорил о его посещении, но и тот быстро разгладился на наших глазах»[6].

Именно этот отрывок пересказывал Рерих в своих работах. Рерихам была известна книга Оссендовского «И звери, и люди, и боги», изданная на английском языке

в Лондоне в 1922 г. В этой книге также приводятся и монгольские предания о священном чёрном камне.

Оссендовский в своей книге приводит не только таинственную историю о посещении монастыря могущественным Владыкой. Он также со слов Хутухты описывает внешность высокого гостя, творимые им чудеса и сказанные им пророчества. Эти пророчества касались будущих судеб мира, для которого наступала пора серьёзных потрясений. Оссендовский пишет: «Тогда-то и оценил я, что за этой легендой, бытовавшей скорее в форме повального гипноза, скрывается не только некая тайна, но вполне реальная и властная сила, способная влиять на политическую жизнь Азии»[7].

И в конце книги писатель замечает: «И теперь, когда я пишу заключительные строки этой книги, мой взор невольно устремляется в сторону Монголии, этого огромного сердца Азии, где я так долго скитался. За разбушевавшейся снежной бурей и тучами песка, поднятого ветром в пустыне Гоби, предо мной проступает лицо хутухты Нарабанчи, рука его устремлена к горизонту, своим тихим голосом он поверяет мне сокровенные мысли. “Близ Каракорума и на берегах озера Убсанор, я вижу далеко раскинувшиеся многоцветные станы… Я вижу бесчисленное множество стариков, женщин и детей, а вдали – на севере и на западе, куда ни бросишь взгляд, небо залито багровым отблеском, слышится рёв, треск огня и отзвук грандиознейшей битвы. Кто ведёт в бой этих воинов под побагровевшим небом, кто заставляет их проливать свою и чужую кровь? <…> За этим просматриваются строгий порядок, глубокое религиозное постижение целей, терпение и выдержка… Новое переселение народов, последний поход Монголов… <…> А что если с ними будет сам Царь Мира?”»[8]

Это написано в 1922 г.! И мы, живущие в веке XXI, можем сказать, как много из этого пророчества уже сбылось. И продолжает сбываться.

В годы странствования Оссендовского в Монголии настоятелем монастыря Наропанчен был Дилова Хутухта XI Жамсранжав (1884–1965) – известный религиозный и общественный деятель Монголии. В годы революции в начале XX в. Дилова Хутухта XI был одним из вдохновителей национально-освободительного движения в Монголии, исполнял обязанности первого заместителя министра в правительстве Богдо-гегена Ринпоче, теократического правителя Монголии.

Из-за репрессий 1930-х годов, когда повсеместно в Монголии уничтожались монастыри и ламство, Дилова Хутухта вынужден был бежать во Внутреннюю Монголию. Там он продолжил национально-освободительную и просветительскую деятельность. Был связан с Панчен-ламой IX Тубтеном Чокьи Ньимой (1883–1937) и князем Дэваном (1902–1966) – личностями, оставившими заметный след в истории Азии, а также с юным Далай-ламой XIV.

С Дилова Хутухтой во Внутренней Монголии встречались Николай и Юрий Рерихи во время Маньчжурской экспедиции, о чем имеются записи в их дневниках. Причём встречи Рерихов с Дилова-Хутухтой были неоднократными.

Так, в дневнике Маньчжурской экспедиции Ю. Н. Рериха имеются следующие записи. «В 9.30 вечера приехал Тилопа-геген с новостями, Те-ван вернулся во дворец и приглашает нас к себе. Остался у нас на ночь»[9].

Н. К. Рерих пишет в своем маньчжурском дневнике: «Вчера приехал Теляпагеген, который в прежнее время играл в Урге большую роль. Уехал он лишь сегодня утром, и мы имели с ним продолжительные беседы. Он говорит на халхаском монгольском наречии, потому Юрию особенно легко с ним беседовать. Кроме того, как бывший министр старого Богдо-гегена, он не только знает о России, но и знает моё положение. Во время беседы выяснилось много любопытного»[10]. Из этой записи следует, что Дилова Хутухта был осведомлён о положении в России. И более того, знал кое-что и о самом Н. К. Рерихе.

Как известно, в 1930-е годы на международной арене активно продвигался Пакт Рериха и движение Знамени мира. Маньчжурская экспедиция проходила под этим флагом. Над ставкой экспедиции в Цаган-кюре развевался этот флаг. Рерих обсуждал продвижение Пакта и Знамени мира с князем Дэваном и другими князьями Внутренней Монголии. Известно, что обсуждал он эти планы и с Дилова-Хутухтой.

К сожалению, по причине развязанной против Рериха кампании художник вынужден был покинуть Внутреннюю Монголию и Китай. Покинуть Монголию пришлось и Дилове Хутухте, который в 1950 г. эмигрировал в США.

В Америке высокий лама продолжил свою просветительскую деятельность. Он принимал участие в организации первого буддийского центра в США, стал настоятелем буддийского храма, возведённого на средства калмыцкой общины в штате Нью-Джерси. Читал лекции по монголоведению в Балтиморском университете. В 1960 г. участвовал в заседании Генеральной Ассамблеи ООН, принявшем Монгольскую республику в состав ООН. В Америке Дилова Хутухта XI был тесно связан с калмыцкой общиной. Умер он в 1965 г. в Нью-Йорке.

Во время гонений в 1930-е годы на религию монастырь Наропанчен, как почти все монастыри Монголии, был разрушен. До сих пор в долине реки Завхан высятся его руины.

В последние годы своей жизни в Америке Дилова Хутухта мечтал хотя бы ещё раз увидеть стены своего родного монастыря. Он даже сделал зарисовки строений монастыря, вероятнее всего понимая, что придёт время для его восстановления.

В 1965 г. Дилова Хутухта XI умер. Через семь лет в калмыцкой семье родился Эрдни Омбадыков, которого Далай-лама XIV признал как новое воплощение Тилопы.

Пути судьбы привели Тэло Тулку XII Ринпоче в Монголию, на место рождения своего предшественника, а также к руинам монастыря Наропанчен. Возникла идея восстановить разрушенную святыню. С такой просьбой к Тэло Тулку Римпоче обратился Буддийский центр Наропы и Тилопы в Монголии. Эта просьба была услышана.

В 2007 г. Тэло Тулку Ринпоче прибыл в Завханский район Монголии, чтобы провести церемонию закладки нового храма. Его было решено возвести чуть выше того места, где находился прежний монастырь. Руины же Наропанчена останутся как напоминание о былом. Церемония закладки нового храма прошла в присутствии большого количества монгольских буддистов. Тэло Тулку благословил место под строительство нового монастыря. В специальном углублении был помещён сосуд с драгоценными субстанциями в центре будущего главного храма.

По замыслу Тэло Тулку, в продолжение традиции старых монгольских монастырей восстановленный монастырь Наропанчен должен стать центром духовного образования. Планируется кроме храмовых зданий возвести школу для детей, где будут преподаваться в том числе и основы буддийской философии, а также медицинский центр и дом престарелых, где пожилые люди смогут посвятить последние годы своей жизни духовной практике.

Таким образом, монастырь Наропанчен, как святыня Монголии, а также как святыня всего буддийского мира, получит новую жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. М.: Сфера. 1999. С. 392.
[2] *Рерих Н. К.* Шамбала // Сердце Азии. Новосибирск: Россазия, 2008. С. 127–128.
[3] *Рерих Н. К.* Священная земля. // Гималаи – Обитель света. Адамант. Самара: Агни, 1996. С. 81–82.
[4] *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. С. 390–391.
[5] *Рерих Н. К.* Шамбала сияющая // Шамбала. М.: МЦР, 2000. С. 34–35.
[6] *Оссендовский Ф.* И звери, и люди, и боги. М.: Пилигрим, 1994. С. 197–198.
[7] Там же. С. 309.
[8] Там же. С. 321–322.
[9] *Рерих Ю. Н.* Дневник Маньчжурской экспедиции // Тибет и Центральная Азия. М.: Рассанта, 2012. Т. 2. С. 166.
[10] *Рерих Н. К.* Дневник Маньчжурской экспедиции // Ариаварта. СПб., 1999. № 3. С. 96.
[11] Буддизм в Калмыкии: [сайт]. URL: http://khurul.ru/2007/09/testpage-285/ (дата обращения: 08.11.2017).

П. И. КРЫЛОВ
(Санкт-Петербург)

БЫЛИ ЛИ РЕРИХИ ВЕГЕТАРИАНЦАМИ*

Перечитывая дневники спутников Рерихов по первой Центральноазиатской экспедиции[1], вспомнил этот вопрос. Его несколько лет назад задали мне знакомые – вегетарианцы кришнаитского толка. Помню, что я затруднился с ответом. Сказал, что не задумывался об этом, но по крайней мере в экспедициях придерживаться вегетарианства было просто невозможно. Своих овощей и фруктов в Монголии и Тибете практически не было, а на одной цзампе…

Чуть было не написал, что «на одной цзампе (*дзамбе*) далеко не уедешь», но понял, что тут нужна оговорка. Вот что пишет о ней – прожаренной ячменной муке, которую перед едой просто разводят горячей водой или чаем, – Н. В. Кордашевский: «Мучает голод, и монголы предлагают цзампу. И надо сказать, что по сытности нет ничего лучшего. Маленькая чашечка месива, похожего по виду и даже отчасти по вкусу на тёртые каштаны, – и сытость обеспечена надолго. Маленький мешок цзампы, кусок кирпичного чая и горсть соли – месячное продовольствие туземца в пути. Можно себе представить подвижность конных армий былых монгольских завоевателей с лошадьми на подножном корму степей и продовольствием воинов, не зависящим от провиантских магазинов. Но все же к цзампе необходимо привыкнуть, и привыкнуть с детства. В ней для непривычного европейца есть какая-то противная приторность»[2]. А через несколько месяцев он снова записал: «В палатке доньеры угостили меня чаем, подболтанным белоснежным овечьим маслом и цзампой. Получился наваристый суп-пюре, который утолил голод и сразу согрел»[3].

Так что, выражаясь более точно, это западному человеку на одной цзампе далеко не уехать.

Из всех участников Центральноазиатской экспедиции больше всего внимания гастрономической теме в своих записках уделил Н. В. Кордашевский. Напомню, что они вдвоём с А. А. Голубиным добирались из Пекина до Сучжоу (Цзюцюаня), а оттуда до лагеря экспедиции в урочище Шараголчи. Путешественники вышли из Пекина 20 мая и достигли лагеря экспедиции 28 июля 1927 г. Основу их провианта на этом двухмесячном пути, в значительной своей части проходившем по пустыне Гоби, составляли взятые с собой консервы, крупы, макароны, чай и кофе. И только изредка удавалось как-то разнообразить меню.

> «9 июня. <…> По пути несколько деревьев карагача. Проводники и Голубин слезают и собирают в изобилии растущий дикий лук. Это прекрасная острая приправа для еды. Мы варим из него суп. Дикий лук – историческое растение. В молодости Чингизхан питался им, когда бежал от врагов своего рода и скитался с матерью и братьями в пустыне. Весь штат моего каравана собирает лук, а я сажусь на переднего верблюда и веду караван»[4].

* Автор искренно признателен А. Н. Анненко (г. Абакан) и В. Е. Чернявскому (г. Москва) за ценные замечания и дополнения к статье.

Но вот на горизонте показался Сучжоу, который Пржевальский определяет как цветущий оазис. Его основное население – китайцы и дунгане (китайцы-мусульмане), а для них земледелие – основное и привычное занятие.

> «9 июля. <…> Между группами фанз прекрасно обработанные поля, культура мака для опиума, ячмень, пшеница, горох. <…> Много посевов льна. Попадаются сады с грушевыми, яблочными и персиковыми деревьями. На стоянке крестьяне приносят первые овощи: редиску и китайскую капусту. Поэтому у нас к обеду свежие щи – отдых от консервов, и редиска с маслом. Это невероятная роскошь. 10 июля. <…> Сегодня за обедом впервые компот из свежих абрикосов»[5].

Но эта роскошь, увы, продолжалась совсем недолго. Дальнейший путь Кордашевского и Голубина шёл через горы, и хотя они взяли с собой небольшой запас огурцов и редиски, он быстро закончился.

Наконец они достигли места стоянки Центральноазиатской экспедиции в урочище Шараголчи. Вот как описал Кордашевский повседневную жизнь лагеря на стоянке: «Лагерная жизнь экспедиции проста. Встают рано и ложатся рано. В 9 часов утра кофе с молоком домашних яков и сухарями. В час обед, обычно суп, баранина в том или ином виде и чай. В 7 часов вечера ужин – мясное блюдо или каша и чай. Изредка что-либо из приходящих к концу европейских запасов»[6].

С пополнением продуктовых запасов уже на этом участке пути было сложно, но некоторые возможности оставались. Голубин был отправлен в Сучжоу за оставленными там вещами полковника Кордашевского, заодно он закупил провизию: «18 августа 1927. В 5 ч. дня возвратился Г[олубин], привёз необходимые вещи для Н[иколая] В[икторовича] и ряд ценных для нас пищевых продуктов – китайский сахар в кубиках, соль, перец, имбирь, мясные консервы, сыр, сливочное масло в жестянках, свежие огурцы, яблоки и маленькие китайские арбузы, жёлтые и розовые внутри»[7].

Тем не менее быть вегетарианцем в пути было практически невозможно. Об этом свидетельствует запись К. Н. Рябинина, сделанная 18 июля: «Лама Малонов подал записку с месячным расчетом количества продуктов на троих, желающих иметь особый стол без мяса. По его расчёту, в месяц на троих необходимо, кроме чая и 90 фунтов муки, 30 джин риса, 15 джин масла и 10 джин сахара. Нам кажется эта норма преувеличенной; к тому же эти продукты здесь необычайно трудно доставать и они дороги. Приходится питаться бараниной, как бы она ни надоела и как бы мы ни были против мясной пищи, ибо это наиболее доступный здесь продукт во всех отношениях»[8].

Из Шараголчи экспедиция вышла в дальнейший путь, идущий через Цайдам к границе Тибета. Еда на остановках оставалась той же.

> «30 августа. <…> Лагерная жизнь налажена. Дымятся костры с варевом <…> Члены экспедиции разошлись по палаткам. Кто отдыхает после перехода, кто пишет дневники, как я. Обед как всегда: кусок сочной баранины с диким луком, чай и масляные лепёшки. Надо сказать, что баранина мало надоедает»[9].

Изредка в меню случались сюрпризы: «Обедаем мясом кулана, убитого сегодня нашим табунщиком Дорджи, страстным охотником. Мясо нежное, вкусное и лучше воловьего. Кстати сказать, я не знаю человека, более неприхотливого в пище, чем Н[иколай] К[онстантинович] Р[ерих]. Он обычно довольствуется самым простым, скромным и никогда не говорит о еде. С ужасом вспоминает Н. К. Р. помещичью жизнь прошлого, когда целый день не сходила со стола еда в деревенском доме и усердно потчевали гостей. Во время работы, а особенно творчества Н. К. Р. совершенно забывает о пище»[10].

В книге «По тропам срединной Азии» Юрий Николаевич также описывает случаи охоты в ходе экспедиции. Вот один из них: «Мы наблюдали за дикими ослами, или куланами, и стаями птиц на берегу реки. Была организована охота, и через два часа караванщики вернулись с двумя великолепными куланами. Мясо этих животных было очень вкусным, и блюда из него часто появлялись на нашем столе»[11].

Конечно, кроме мяса есть еще один источник пищевых белков – рыба. Но… Опять слово Н. В. Кордашевскому.

> «17 октября. <…> После обеда сидим с Голубиным на берегу речки. Вода прозрачна и чиста, а в ней сотни форелей, которых можно ловить руками. <…> Во всех водах Тибета масса рыбы, но туземцы её не едят. Мы же воздерживаемся от неё потому, что есть указание о ядовитости рыбы в Тибете. На то же указывает и Пржевальский. Однажды весь состав его экспедиции чуть не отравился. С другой стороны, по распоряжению Н. К. Р. мы строго придерживаемся обычаев страны, что является главным фактором дружественных отношений с туземцами»[12]. О запрете на лов рыбы в Моголии и Тибете пишут и другие исследователи, хотя простой и понятной причины этого запрета нет[13].

Миф о ядовитости рыбы широко распространён в Монголии и Тибете и сегодня. Мне довелось с ним сталкиваться, работая в ихтиологическом отряде советско-монгольской (позднее – российско-монгольской) биологической экспедиции. Монголы действительно в большинстве своём воду не любят, к озёрам стараются без крайней нужды не подходить, рыбу не ловят и не едят. Спросишь у пастуха, пасущего отару на берегу: «А что, рыба в этом озере есть?» Типичный ответ: «Нет, а если и есть, то мясо у неё красное, ядовитое».

Определённое основание у этого мифа есть. В бессточных бассейнах Центральной Азии широко распространены два представителя рода османов (по-латински *Diptychus*). Это довольно крупные рыбы семейства карповых, мясо у них самое обычное, белое. Однако, как и у некоторых других рыб – маринки, усача, храмули, – их икра и внутренности ядовиты. Готовить их можно, но только удалив икру, молоки и чёрную плёнку брюшины, а также жабры. Видимо, плохо вычищенная рыба и стала причиной отравления в экспедиции Пржевальского.

Османов ловят. В наши дни даже пытаются восстановить подорванную интенсивным промыслом в советское время большую популяцию османов озера Иссык-Куль. Сибирские туроператоры организуют поездки для спортивной ловли хариусов в реках и османов в озёрах северо-западной части Монголии.

В реках и озёрах Тибета водятся многие виды рыб. Но, как я прочитал в сети Интернет, тибетцы считают рыбу «нечистой». Причина этого якобы в том, что они бросают в воду своих умерших детей… Не знаю, насколько это правда, но поверить могу. Даже в Индии умерших детей не кремируют, а опускают тела в воду священных рек. Однако, как ещё раз отметил Кордашевский, «жизнь в озёрах Тибета – полная чаша. Ни одна лодка не бороздит водной поверхности, так как тибетцы их (в данном случае речь о выдрах. – *П. К.*) не употребляют, а рыба, кишащая в озёрах, никогда туземцами не ловится»[14].

О пятимесячных тяготах экспедиции, задержанной на плато Чантанг на подступах к селению Нагчу (а потом и в самом Нагчу), хорошо известно. Основным врагом и людей, и вьючных животных стала погода – сильнейшие морозы, снег, пронизывающий ветер. Но и ситуация с питанием сильно ухудшилась.

> «8 ноября. В 8 часов утра – чай. Кирпичный чай, солодовый сахар по строго разделённым порциям и мучные лепёшки на бараньем сале. В столовой обычно собираются Н. К. Р., доктор (К. Н. Рябинин. – *П. К.*), начальник транспорта Портнягин и я. Е[лена] И[вановна] и Ю[рий] Н[иколаевич] больны и не выходят из своих палаток. В 12 часов дня – обед. Мясное блюдо и чай. В пять – ужин, не отличающийся от обеда»[15].

О вкусном ячьем молоке к утреннему кофе (как и о самом кофе, запас которого истощился) пришлось забыть.

> «12 февраля. Здоровье Е. И. немного лучше, но горение центров продолжается. <…> Поражено горло. Лекарства богатого аптечного набора оставлены, и единственное, что помогает, – это компрессы и молоко. Молоко здесь отвратительное, и его приходится доставлять издалека – поэтому приходится прибегать к отвару риса»[16].

О тяжелой ситуации с продовольствием в своём дневнике записал и К. Н. Рябинин: «У нас нет круп, нет сахара, мало муки; питаемся только ячьим мясом; молока теперь почти не видим. Утепляемся и крепимся духом, как можем, но положение бедственное, и это на большой высоте, при учащённом пульсе, в снегу и на сильном морозе»[17]. «Приносят мороженых баранов для нашей кладовой. <…> Предлагается и свинина. Но так как тибетская свинья питается исключительно отвратительными отбросами и падалью, то свинину взять на кухню не решились»[18].

Приятные неожиданности случались, но крайне редко. «Как приучаешься в пути быть неприхотливым. Гражданский губернатор (Нагчу. – *П. К.*) прислал подарок. Редьки. Общее одобрение заслужил суп из баранины с редькой. Котлеты из якового мяса с чесноком мы считаем большой роскошью»[19].

Конечно, руководитель экспедиции старался подбодрить её участников, призывал вообще не сосредоточиваться на еде. «За обедом Н. К. Р. говорил о людях, которые не могут есть или не любят той или иной пищи. Он считает, что человек должен быть выше этого, и постановка самому себе преград, измышленных в вопросе еды, есть самоунижение. Так же как и взгляд на питание как на самое существенное в жизни и особое удовольствие. Это, по мнению Н. К. Р., уже приближение к животной стадии»[20].

Отсутствие овощей в северной части Тибета не было связано только с климатом. Вот запись, сделанная в Нагчу: «Около последних мазанок посёлка из-под сошедшего снега виднеется густая прошлогодняя трава. Если здесь может расти трава, то почему же не могли бы произрастать самые нехитрые овощи: лук, редька, может быть, картофель… но нигде, даже у монастырей с их громадной рабочей силой, нет огородов. А сколько этих огородов в самой Гоби, где нет и помину о траве, около юрт китайских торговцев. Во всех странах, у всех народов рачительная хозяйка заводит своё хозяйство и трудится над ним. У тибетянок нет ничего. Ни овощей, ни живности»[21].

Следует подчеркнуть, что такое отношение к выращиванию овощей было свойственно кочевому населению севера Тибета[22]. Оседлое население долин юга и юго-востока Тибета активно занималось земледелием – иначе, откуда бы взялись пшеничная мука для лепёшек, ячменная – для цзампы, редька у губернатора?

Вот, к примеру, описание богатого дома в Лхасе середины XX в.: «Особняк, в котором росли дети, с большим количеством комнат, прекрасным садом с разными диковинными растениями, огородом, фруктовыми деревьями и теплицами больше всего напоминал рай на земле. Присматривали за домом прилежные слуги. Только в главном здании было не менее сорока комнат, среди них мрачноватый храм Палден Лхамо <…> и ломящиеся от зерна, муки, чая, сахара, растительного масла, соли и шерсти кладовые, откуда детям удавалось порой стащить пирожок из нутовой муки»[23].

Наконец разрешение двигаться из Нагчу дальше на Сикким, в обход Лхасы и крупных монастырей, было получено. Тибетские власти взялись на этом пути снабжать экспедицию провизией и вьючными животными. Но радости от такого «снабжения» было мало. «После обеда на наш двор явились губернаторы сдавать груз пришедшего наконец из Лхасы каравана. Двор запрудили чиновники и толпа туземцев с мешками, тюками и ящиками. Все продукты третьего сорта, так как в Лхасе лучших не бывает. Отвратительные китайские консервы – три четверти заготовка из молодых побегов бамбука. Спички, которые не горят; труха, изредка при заварке попахивающая клопами, вместо чая. Присланы и маленькие сладкие апельсины – они замерзли. <…> Кроме ячменя пришло немного чеснока (лука в Лхасе не имеется), капусты, редьки и леденцов, которые перед едой надо отмывать. За обедом у нас свежие щи»[24]. Видимо, так комплектовалось «казённое обеспечение», в которое тибетские власти не спешили включать лучшее из того, что у них было.

> «24 февраля. Третий день празднования тибетского Нового года. <…> Кончок (тибетец, один из участников экспедиции. – *П. К.*) поднёс нам новогоднее кушанье. Рис с маслом и медовым сахаром. Но ели его только те, которые не видели приготовления. Оказывается, рис был разложен на аргальном мешке (аргал – сухой навоз, используемый как топливо. – *П. К.*), служащем одновременно и занавесью в апартамент Кончока, причём каждый входящий к нему посетитель вытирает об него или руки, или нос»[25].
>
> «25 февраля. Е. И. больна и не выходит. Её стараются беречь от всяких волнений. Очень плохо обстоит с продовольствием. Мясо недоброкачественно, и свежего достать нельзя. Масло такое, что приходится зажимать нос. Молоко в стадии разложения. Даже лошади плохо усваивают тибетский ячмень, и решено перевести их дачи на горох»[26].

Наконец 5 марта 1928 г. экспедиция вышла из Нагчу. Для всех её участников, измученных почти полугодовым пленом, это, конечно, было радостным событием. Однако не нужно думать, что погода и питание при этом тоже улучшились.

> «Поднимается ветер, становится холодно, и радостно приветствуются показавшиеся вдалеке верблюды. Быстро разбиваются палатки, и через полчаса поспевает обед. Холодные котлеты и чай с леденцами»[27].

Весь дальнейший путь через Тибет был сопряжён с постоянными трудностями – как с получением от населения вьючных животных, так и с добыванием провизии. «С продовольствием очень трудно. Ни молока, ни других продуктов в дзонге нет. Мясо тоже трудно достать. Лошади и мулы имеют только половинную дачу на завтра»[28]. И так в течение двух с лишним месяцев тяжёлого пути по Тибетскому нагорью, пока экспедиция не достигла индийского Сиккима.

И вот наконец долина Лачен на севере Сиккима. Запись Юрия Николаевича 20 мая: «Что за чудесная страна эта долина Лачен! Весна была в полном разгаре, и мы получали удовольствие, проезжая через леса. В Лачене экспедиция была очень радушно принята мисс Торнквист из шведской миссии. Благодаря ей мы достали некоторые продукты и настоящий сахар, которого были лишены очень долгое время»[29]. Юрий Николаевич, судя по всему, вообще был любителем сладкого. Еще на пути через Монголию П. К. Портнягин рассказал про встречу с торговцем в урочище Шара-Хулусун: «У этого татарина Ю. Н., большой любитель шоколада, купил целый мешок шоколадных конфет почтенного возраста и твёрдых, как щебень пустыни»[30].

Елена Ивановна, так же как и Николай Константинович, в экспедиции напоминала о вреде привязанности к пище, какой бы та ни была. «7 апреля. <…> По дороге говорим с Е. И. о будущей эволюции человечества и путях к ней. И когда, подъезжая к палаткам, она видит, как доньеры и слуги ныряют в них, бросив лошадей и забыв всё на свете, чтобы скорее наглотаться цзампой и масляным чаем, она с горечью говорит: “До тех пор, пока люди не победят власти желудка, никакая дальнейшая эволюция на планете невозможна”»[31].

По окончании экспедиции в Дарджилинге приехавшая туда З. Г. Фосдик записала в своём дневнике: «Утром закончили паковку, [состоялся] чудный разговор с Е. И. Она говорит, что не нужно быть вегетарианцем ради принципа – мы всё убиваем: зелень, яйца, сам воздух – тем, что мы живём; что касается оккультного закона, то дух развивается, и [только] лишь вегетарианство не развивает оккультные способности»[32].

В то время на севере Индии ещё не было тысяч тибетских беженцев, принесших с собой тибетскую мясную кухню. Купить мясо тогда было сложно, а Рерихи призывали не сосредоточиваться на еде, есть то, что едят окружающие. А окружающие были в основном вегетарианцами.

Даже сегодня в предгорьях индийских Гималаев (и западных, и восточных) наблюдается любопытное явление. Некоторые блюда тибетской кухни вошли и в местный обиход, и в меню ресторанов. Характерный (и очень вкусный) пример – мо-мо. Тибетские мо-мо – нечто среднее между нашими (и северокитайскими) пельменями

и монгольскими бозами (в Бурятии – позами). Только вот в Индии вне тибетских поселений начинка мо-мо стала овощной, вегетарианской.

Так что в Индии – в Дарджилинге, а потом в Кулу – ситуация с питанием изменилась. З. Г. Фосдик, приехавшая в гости в Дарджилинг, записала: «Уже четыре дня как мы все, кроме Юрия, – по совету Учителя – вегетарианцы. Очень дразним Юрия»[33]. Юрий Николаевич упорствовал, и через пару месяцев Фосдик снова вернулась к этой теме: «Затем каждому из нас дано кое-что изжить. Юрик ест мясо и не хочет признать вегетарианства. Ну и будет есть [его] три раза в день, пока не опротивеет. Так и с каждым»[34].

Указания Учителя играли определяющую роль в жизни Рерихов. В них мы читаем: «Можете спросить Меня, какие физические приёмы полезны для Агни-Йоги. Советую малую пранаяму утром – не более пяти минут; не нужно употреблять мяса, кроме копчёного; овощи, фрукты, молоко, мучное, как всегда, полезно» (23 февраля 1928).

> «Как начать Агни-Йогу? <…> Конечно, полезно воздержание от мяса, овощи хороши, кроме некоторых, как спаржа, сельдерей и чеснок, которые представляют медикаменты» (2 сентября 1928).
>
> «Можно понять, что мясо нежелательно для организма после сознания полной вредности вводить в организм мёртвую ткань. Можно лишь в пути допускать известное копчёное мясо, но в общем советую воздержание вам» (2 октября 1928).
>
> «– Владыка, Вы никогда не запрещали мясную пищу. – И теперь не настаиваю. Много вещей творятся намёком. Советую в Круге понимать друг друга при намёках» (3 октября 1928)[35].

С этим хорошо согласуются записи З. Г. Фосдик:

> «У Е. И. много болезненных проявлений, боль в спине, [ей] нужен уход, [она] спит на животе. <…> Ей и Н. К. не позволено есть суп, тёмное мясо, можно копчёную рыбу, курицу» (14.VIII.28).
>
> «Е. И. нельзя есть супа и тёмного мяса, но можно белое мясо, рыбу, копчёные продукты» (21.VIII.28).
>
> «Е. И. ест белое мясо [птицы], в пути ест много [того], чего обычно не ест, именно доказывая, что все не едящие мяса не делаются вдруг ясновидящими» (9.IX.28)[36].

О переходе к растительной диете косвенно свидетельствует и очерк Н. К. Рериха «Виджая, Тагор!», написанный в 1931 г. к 70-летию великого индийского поэта. В нем, в частности, есть такие строки, обличающие западную цивилизацию: «Очень обширны наши скотобойни. Благодаря необыкновенной технике, можно сразу убить сотни тысяч животных. А в то же время в скромности и почти в неизвестности пребывают изыскания учёных о растительных витаминах. При всей нашей якобы образованности немногие внутри согласятся, что апельсины или лимон могут заменить кровавый бифштекс. Ещё так недавно якобы учёные доктора посылали больных на бойню, чтобы они могли пить парную тёплую кровь. Те же доктора советова-

ли как наиболее целебное пожирать, уподобляясь животным, сырое кровавое мясо. Но даже в тех странах, где по условиям природы аборигенам приходится довольствоваться сырым мясом, они издревле поступают разумно, употребляя его или в сухом или в вяленом виде, или в крайнем случае допуская копчёное мясо»[37].

Есть ещё одно подтверждение вегетарианства Н. К. Рериха в индийский период жизни – свидетельство его спутника по экспедиции в Маньчжурию и Внутренюю Монголию 1934–1935 гг. В своей работе «С Рерихами, в экспедиции» А. Н. Анненко привёл рассказ Н. В. Грамматчикова: «В экспедиции было очень много консервированных продуктов, прежде всего фруктовых. Питались трижды в день, собираясь вместе. Покупали мясо у монголов. Моисеев иногда охотился. Приносил чаще всего дзеренов (козлы в Монголии). Когда жили в Цаган-Куре, брали свежие продукты (овощи, молоко) в находившейся поблизости шведской миссии. Н[иколай] К[онстантинович] мясо не ел, в основном фрукты, каши, супы»[38].

Что касается Юрия Николаевича, то он, видимо, долго не мог отказаться от мяса, но позже, возможно, уже живя с матерью в Калимпонге, стал вегетарианцем. Он оставался им и после переезда в Москву. Л. С. Митусова так вспоминала его приезд в Ленинград: «Юрик уезжал и приезжал к обеду (иногда с большим опозданием). Тогда уже до вечера не уезжал. И было удивительно просто, тепло, значительно и как-то по-родному. Мы с сестрой старались к его приходу что-то повкуснее приготовить и поначалу не догадывались, что он не ест даже рыбы, не то что мяса. А у нас он ел всё. Потом, когда мы догадались о его питании, спросили, почему же он нам сразу не сказал. Он ответил: “Не хотел вас огорчать”»[39].

О том, как питались Девика Рани и Святослав Николаевич Рерихи, можно узнать из воспоминаний З. Г. Фосдик, гостившей у них в 1961 г.

> «Еда превосходная. Кухня бенгальская, ибо Девика из Бенгала. Овощи прекрасные, суп два раза в день из зелени, блюд много – все вкусные. На сладкое кисель, простокваша, фрукты. Ем с удовольствием, не ощущаю отсутствия привычной еды». <…>
>
> «В 12 часов ланч – суп, зелень всякая разнообразная, макароны, тост, пудинг или желе – всего много. Пьём воду. <…> Ужин в 8 часов или позже, очень обильный. Всевозможные блюда, для меня делаются вкусные блюда из зелени»[40].

То, что для З. Г. Фосдик, строгой вегетарианки, овощные блюда готовили специально, может указывать на то, что её хозяева, питаясь преимущественно вегетарианской пищей, мясные продукты на своём столе в какой-то мере допускали. В том же дневнике она отметила: «Пошла со Святославом в магазин Спенсера, что-то вроде универмага. Купила сыр, ветчину, печенье и т. д.». Вряд ли она купила ветчину для себя. Про Елену Ивановну: «Я расспрашивала (С. Н. Рериха. – *П. К.*) о последнем годе жизни Елены Ивановны. <…> Ела мало, рис, томаты, салат, фрукты, овощи сырые и варёные, кофе»[41].

Все эти свидетельства указывают на то, что по окончании экспедиции, живя в Индии, все Рерихи предпочитали растительную диету – каши, овощи и фрукты, хотя, видимо, и не были строгими вегетарианцами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рябинин К. Н.* Развенчанный Тибет. Магнитогорск: Амрита-Урал, 1996. 731 с.; *Декроа Н.* (*Кордашевский Н. В.)*. С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии. СПб.: Аюрведа плюс, 1999. 360 с.; *Портнягин П. К.* Современный Тибет. Миссия Николая Рериха. Экспедиционный дневник, 1927–1928 // Ариаварта. 1998. № 2. С. 11–106.

[2] *Декроа Н.* (*Кордашевский Н. В.)*. С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии. С. 105.

[3] Там же. С. 281.

[4] Там же. С. 40.

[5] Там же. С. 54–55, 57.

[6] Там же. С. 79.

[7] *Рябинин К. Н.* Развенчанный Тибет. С. 216.

[8] Там же. С. 172.

[9] *Декроа Н.* (*Кордашевский Н. В.)*. С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии. С. 100.

[10] Там же. С. 118.

[11] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994. С. 227.

[12] *Декроа Н.* (*Кордашевский Н. В.)*. С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии. С. 166.

[13] *Дробышев Ю. И.* Природа и люди Центральной Азии (по материалам экспедиций Н. К. Рериха) // Рериховское наследие: труды Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПбГБУК «Музей-институт семьи Рерихов», 2013. Т. XI: Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи. С. 528, 530.

[14] *Декроа Н.* (*Кордашевский Н. В.)*. С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии. С. 255.

[15] Там же. С. 175.

[16] Там же. С. 220.

[17] *Рябинин К. Н.* Развенчанный Тибет. С. 423.

[18] *Декроа Н.* (*Кордашевский Н. В.)*. С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии. С. 220.

[19] Там же. С. 221.

[20] Там же. С. 210.

[21] Там же. С. 223.

[22] *Дробышев Ю. И.* Природа и люди Центральной Азии (по материалам экспедиций Н. К. Рериха). С. 532.

[23] *Грюбер Э. Р.* Из сердца Тибета: Биография Дрикунг Кьябгон Чеканга Ринпоче, главы линии Дрикунг-кагью. М.: Кагью Лоцава, 2016. С. 33.

[24] *Декроа Н.* (*Кордашевский Н. В.)*. С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии. С. 225.

[25] Там же. С. 234–235.

[26] Там же.

[27] Там же. С. 247.

[28] Там же. С. 307.

[29] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии. С. 449.

[30] *Портнягин П. К.* Современный Тибет. Миссия Николая Рериха. С. 17.

[31] *Декроа Н.* (*Кордашевский Н. В.)*. С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии. С. 289.

[32] *Фосдик З. Г.* Мои Учителя. Встречи с Рерихами. М.: Сфера, 1998. Запись от 9 сентября 1928 г.

[33] Там же. Запись от 6 октября 1928 г.

[34] Там же. Запись от 7 декабря 1929 г.

[35] *Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики. М.: МЦР, 2008. Т. 8. Записи от 23 февраля, 2 сентября, 2–3 октября 1928 г.

[36] *Фосдик З. Г.* Мои Учителя. Встречи с Рерихами. Записи 14 августа, 21 августа, 9 сентября 1928.

[37] *Рерих Н. К.* Виджая, Тагор! (К семидесятилетию Рабиндраната Тагора, 8 мая 1931 года) // Рерих Н. К. Держава света. Southbury: Алатас, 1931.

[38] *Анненко А. Н.* С Рерихами, в экспедиции. (80 лет Пакту Рериха). Абакан: Бригантина, 2015. 52 с.; Грани эпохи. 2016. № 66. URL: http://grani.agni-age.net/index.htm?article=6233 (дата обращения: 18.05.2017).

[39] *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: воспоминания. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СПбГМИСР, 2013. С. 122.

[40] *Фосдик З. Г.* Индийский дневник // Вестник Ариаварты. 2002. № 2. С. 98, 103.

[41] Там же. 2003. № 1–2. С. 81, 87.

А. П. СОБОЛЕВ
(Исследовательский фонд Рерихов,
Ассоциация искусствоведов, Санкт-Петербург)

ПОСЕЩЕНИЕ РЕРИХАМИ АЛТАЯ. ВЕХИ ЭКСПЕДИЦИИ

В этом году исполняется 90 лет со дня посещения экспедицией Рерихов Алтая. Хочется обозначить некоторые её вехи.

В 1925 г. началась Центральноазиатская экспедиция Рерихов, которая продолжалась более трёх лет. Невероятно тяжёлая, она была героическая и драматическая одновременно. За время её проведения Рерихи прошли горные хребты Азии, пустыни Индии, Тибета, Китая, Монголии. Николаем Константиновичем было написано около 500 картин. Собраны большие коллекции. Летом 1926 г. Рерихи с важной миссией посетили Москву, где провели ряд встреч с советскими руководителями и передали им послание гималайских Махатм.

После Москвы 26 июля Рерихи вместе со своими спутниками, Зинаидой и Морисом Лихтманами, с которыми встретились в Москве, и двумя тибетцами прибыли в Новосибирск (в то время Новониколаевск). Лихтманы выступали в экспедиции от американской корпорации «Белуха», просившей Главный концессионный комитет Советской России разрешение на разработку природных ресурсов, а также промышленное и хозяйственное освоение региона Горного Алтая, примыкавшего к горе Белухе. На первом этапе предполагалось провести экспедицию для производства предварительной разведки полезных ископаемых в районе этой горы.

Через день, 28 июля, они были уже в Барнауле, где Николай Рерих встретился с местными художниками и выступил перед ними с лекцией-беседой. После на пароходе по Оби отправились в Бийск (прибыли 30-го). Зинаида Фосдик писала: «Кругом леса, чудесный благоухающий ароматом сосен воздух»[1]. И ещё: «Природа становится все более и более величественной, такие виды, оттенки гор и ковры всевозможных цветов»[2]. После Бийска, с различными сложностями, на нанятых бричках и верхом на лошадях экспедиция направилась до Верхнего Уймона. Фосдик замечала: «Дорога и пейзаж великолепны, ковёр всевозможных цветов голубых, лиловых, жёлтых. Е[лена] И[вановна] чуть не плакала от радости, видя такую красоту. Необычные, причудливые контуры гор лиловых и тёмно-синих оттенков»[3].

Путешествие до Верхнего Уймона заняло семь дней. Испортились погодные условия, пошли сильные проливные дожди. К тому же мужская часть экспедиции не послушалась предостережений Елены Ивановны Рерих, касающихся нанятого ими возницы, который совсем не знал маршрут и был плохо подготовлен. Вследствие этого экспедиция на своём пути столкнулась с разного рода неприятностями.

Однако после нескольких дней дождей, несмотря на все сложности, Рерихи прибыли в Усть-Коксу. На следующее утро, невзирая на сильный дождь, они поехали в Верхний Уймон. Переправились на пароме. Морис Лихтман и Юрий Рерих вместе с возчиком толкали паром через Катунь.

Следующие 12 дней экспедиция провела в этом селе, остановившись на постой в доме старовера Вахрамея Семеновича Атаманова, известного в округе лекаря-трав-

ника и проводника, не раз водившего многих исследователей в горы. Разместились Рерихи на втором этаже. Остальные члены экспедиции поселились у соседей.

Дочь Атаманова Агафья Вахрамеевна, которую взяли по хозяйству, вспоминала: «Шибко хорошие люди были. Молодолицые, разговорчивые. Сама была вся беленькая, светлая. И волосы светлые, и глаза. Шибко красивая была. Длинный сарафан у неё был, долгая одежда. Широкое, очень длинное носила. Вся одежда здешняя. Окошки открывать любила. Возле окна обычно сидела, писала. Всё на свете рассказывала. По младшему сыну скучала, плакала. Три года его не видела. Учился всё где-то. Сам тоже весь светлый был. С белой бородой, в сером костюме, хоть и жарко на дворе, в тюбетейке. А поверх тюбетейки на улице ещё шляпу надевал. А глаза светлые, пристальные. Когда посмотрит, как будто насквозь видит»[4].

Николай Константинович подружился с Атамановым, звал его дальше с экспедицией в качестве проводника. Он был для Рериха этаким «Пантелеймоном-целителем», образ которого так ярко и красочно передан в одноименной картине.

Почему экспедиция остановилась и выбрала конечной целью своего маршрута именно это старинное горное русское село? Возможно, из-за близости к Белухе и из-за того, что село представляло интерес как одно из самых древних поселений края. А может быть, ещё из-за того, что деревня Уймон указывалась во многих «самодельных путеводителях», таких как тайные листки «Путешественники», рассказывающих, как добраться до легендарной страны Беловодье.

Зинаида Фосдик отмечала в дневнике: «Отец [Николай Константинович] и Авирах (Морис Лихтман) собирают сведения о Беловодье. Здесь все верят в эту страну, которую можно достичь лишь после долгих странствий по степям, претерпев голод и всякие лишения. Многие из тех, кто отправился туда, больше не вернулись. Однажды оттуда приходила женщина, красивая, с тёмной кожей. Все говорят здесь о Беловодье. Как будто староверы со всех концов света съехались на Алтай в поисках Беловодья. Дед Атаманова, в доме которого остановились Рерихи, много лет назад ушёл с товарищами искать Беловодье. Они дошли, по-видимому, до Монголии и там увидели темнокожую женщину в белом одеянии и слышали колокольный звон. Но они не вынесли тягот пути и вернулись.

Жил здесь также народ Чудь, который не хотел терпеть тиранию “белого царя” и ушёл под землю. Нам показывали место, усеянное камнями и большими ямами, через которые, как утверждали местные жители, Чудь ушла в свои подземные убежища. Такая же легенда о подземном народе Агарти существует гораздо южнее, в Тибете и Индии»[5].

Весь период пребывания в селе участники экспедиции много работали – почти каждый день совершали поездки верхом по окрестностям, ездили в горы, занимались разведкой горных пород, изучали местные обычаи и наречия, записывали легенды, исследовали старинные памятники Алтая, несколько раз ездили к Белухе. Юрий Николаевич снимал на фото и киноплёнку людей и окружающие места. Материалы эти не сохранились – они погибли во время дальнейшей экспедиции на тибетских нагорьях, на плато Чантанг.

Вечером все члены экспедиции собирались вместе и обсуждали планы на будущее, читали и вели вечерние беседы. Елена Ивановна записывала третью книгу учения Живой Этики «Община». Зинаида Фосдик восторгалась: «Какая удивительная жизнь! Такая жизнь укрепляет нас и расширяет сознание»[6], «Какая изумительная страна, сколько еще неоткрытых богатств в этих горах! Много скота, молочные продукты, удивительный климат, непревзойденная красота природы. Вот где строить, где созидать!»[7]

Жители Уймона были уверены, что Рерихи успели побывать в Беловодье. Агафья Вахрамеевна вспоминала: «Они и на Беловодье были! Три дня там гуляли. Идёшь, с одной стороны – горы, с другой – болота. Никто не может доехать. Туман покрывает, только петухи слышны. А им раскрылось. Фотографии показывали оттуда. Василисе скатерть подарили, кому-то рубаху оттуда. Скатерть белая, вышитая чёрными цветами. Шаль белую, вязаную. Из Беловодья всё»[8]. Сам же Николай Константинович рассказывал, что когда они проезжали через алтайские высоты, им показали и потаённые пути, ведомые лишь избранным, далёкие тропинки к священным местам, именуемым Беловодье. Он писал об этом пути, что нужно идти «через Ергор – по особой тропе. А кто пути не знает, тот пропадёт в озёрах или в голодной степи»[9].

Экспедиция Рерихов планировала оставаться в Верхнем Уймоне около месяца, но неожиданно 19 августа отправилась обратно в Бийск другим путем через Чёрный Ануй, Туманово, Матвеевку, Карпово, Солоновку, а оттуда в Новосибирск.

Первого августа, перед отъездом, члены экспедиции переправились через Катунь в Уймонскую долину, откуда был великолепный вид на Белуху с её снежными вершинами. Николай Рерих записал: «Увидели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород»[10].

Участники думали о будущем Сибири, они хотели вернуться обратно на следующий год, для того чтобы продолжить свои исследования. А Николай Константинович говорил: «Золотые здешние места. Через пять лет будем тут. Здешняя местность как вчера родилась. В любом ключе пей, безопасно»[11]. Жизнь повернулась иначе. Записи и размышления Н. К. Рериха об Алтае были включены в издание, которое вышло на английском языке в 1929 и 1930 гг. и называлось «Алтай – Гималаи»[12].

Художник писал: «Культура как всеобщее благо, как свет истинного просвещения, как свободно осознанная дисциплина духа – эта культура слагала крепчайшие народы. И сколько таких народов прошло в великих шествиях по необъятным просторам сибирским! От всех этих великих путников наслоилось высокодуховное наследие. Эти великие понятия разве не обязывают перешагнуть через ветошь и мусор недоразумений и разрушительных непониманий? <…> Когда мы говорим о созидании, о кооперации, разве мысленно не переносимся мы в дали Азии, в просторы Сибири, где такой непочатый край для всякого строительства! <…> в разных странах на наших глазах развиваются многие общества, которые в сознании своём идут рука об руку со здоровыми началами Сибири. Если путник знает, что он не одинок, если он, увидя дальние костры, знает, что это дружественные огни, то и силы его удесятерятся. Путник, имея дальних друзей, дойдёт в бодрости»[13].

Не правда ли, очень актуально звучат эти слова замечательного художника и общественного деятеля и в наше неспокойное время?! Только в сотрудничестве и согласованном взаимодействии можно построить то светлое Будущее, которое завещано Сибири и Алтаю!

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Фосдик З. Г.* Мои Учителя. Встречи с Рерихами (по страницам дневника: 1922–1934). М.: Сфера, 1998. С. 258.
2 Там же. С. 260.
3 Там же. С. 261.
4 *Цесюлевич Л. Р.* Рерих на Алтае (К столетию со дня рождения Н. К. Рериха) // Алтай. 1974. № 3. С. 67.
5 *Фосдик З. Г.* Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик: 1926–1927. М.: ГМВ; Дельфис, 2016. С. 124.
6 Там же. С. 129.
7 Там же. С. 130.
8 *Ларичев В. Е.* Н. К. Рерих и сотоварищи в Сибири // Ларичев В. Е., Маточкин Е. П. Рерих и Сибирь. Новосибирск: Новосибирское книж. изд-во, 1993. С. 129.
9 *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. М.: Сфера, 1999. С. 374.
10 Там же. С. 388.
11 *Цесюлевич Л. Р.* Рерих на Алтае // Уральский следопыт. 1972. № 2. С. 19.
12 *Roerich N.* Altai – Himalaya: A Travel Diary. New York: F.A. Stokes Co., 1929. 407 p.; London: Jarrolds Publ., [1930]. 407 p.
13 *Цесюлевич Л. Р.* Рерих на Алтае. С. 370–371.

М. Ю. МИРОНОВА, А. П. ПУЗИКОВ
(Музей Николая Рериха, Нью-Йорк;
Калининградское региональное общественное учреждение «Творческая студия художника Андрея Пузикова», Калининградский региональный общественный фонд культуры «Зов»)

К ВОПРОСУ О МАРШРУТЕ ЭКСПЕДИЦИИ Н. К. РЕРИХА ПО АЛТАЮ

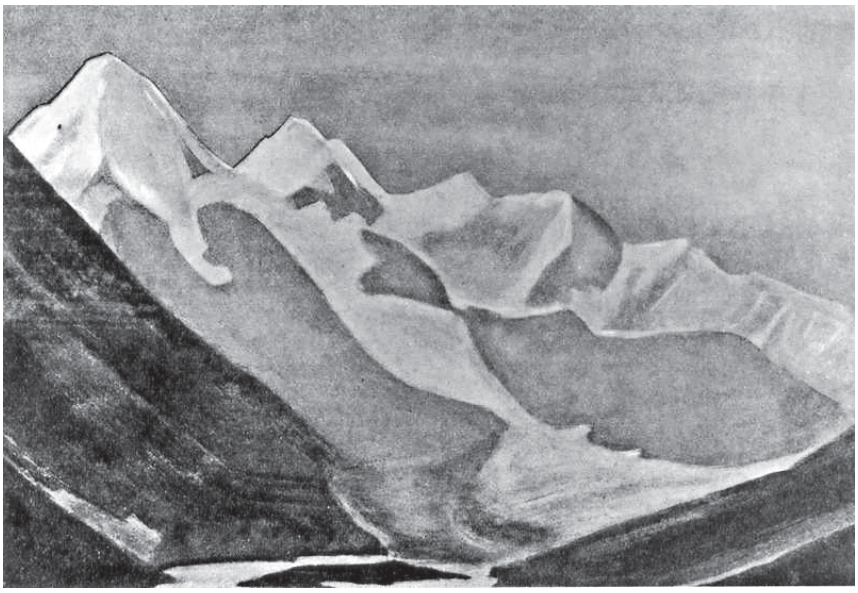
Несмотря на то что о пребывании Центральноазиатской экспедиции Рериха на Алтае написано немало, остаётся ряд обстоятельств, до конца не выясненных, что порождает множество устойчивых мифов. Не претендуя на окончательное решение всех вопросов, постараемся внести ясность в некоторые из них.

В настоящее время между исследователями творчества Рерихов нет единого мнения о местах, посещённых Рерихами после прибытия в село Верхний Уймон. Некоторые полагают, что Рерихи побывали возле Белухи, есть мнение, что они посетили даже Рахмановские Ключи. Предлагаем провести анализ этого вопроса и разобраться, где же на самом деле были или могли быть Рерихи и их спутники.

Имеется общеизвестный пейзаж горы Белухи, написанный Н. К. Рерихом предположительно в 1926 г. (ил. 1), который породил множество мифов о том, каким образом он бы написан. Однако сам факт его наличия вовсе не является доказательством того, что художник посетил эти места и писал с натуры. Ведь известно немало случаев, когда художник вовсе не пользовался натурой для написания своих пейзажей. Нередко в качестве эскизов он использовал фотографии (репродукции и открытки) с изображениями известных мест и памятников культуры. Рассмотрим же саму возможность посещения южных подступов к Белухе из села Верхний Уймон, где базировалась экспедиция Рериха (ил. 2).

На карте окрестностей Катунского хребта (ил. 3) в левом верхнем углу видно село Верхний Уймон, а в середине справа – гору Белуха. Хорошо видны Катунский хребет и река Катунь с её притоками, которая берёт начало у южного подножия Белухи, делает почти полный круг вокруг Катунского хребта и уходит на север. Расстояние по прямой между Верхним Уймоном и Белухой – 75 километров. На карте обозначено место, откуда Белуха изображена на картине Н. К. Рериха (см. ил. 3).

Все разговоры о неких тропах, известных только проводнику Атаманову, упираются в реальность расстояний и характер местности. На данный момент все конные тропы известны и активно используются для туристических маршрутов. На карте обозначена самая короткая конная тропа (см. ил. 3), по которой можно добраться от Верхнего Уймона до южного подножия Белухи. Расстояние по тропе – около 150 км. Учитывая сложность рельефа, перевалы с подъёмами и спусками, конный путник способен проходить в пределах 30–40 км в день. Таким образом, преодолеть всё расстояние можно в лучшем случае, при хорошей погоде и достаточной быстром продвижении без отдыха, останавливаясь только на ночлег, за четверо суток. Весь поход с учётом одного дня стоянки под Белухой займёт не менее девяти дней, а более вероятно – 10–11 дней.



Ил. 1. Н. К. Рерих. Белуха. 1926–1927. Картон, темпера. 22,9 × 29,2 см. Частное собрание

Ил. 2. Вид Белухи с юга, неподалёку от места, где берёт своё начало река Катунь. Фото авторов

Ил. 3. Карта окрестностей Катунского хребта

Рахмановские Ключи, как видно на карте, находятся ещё дальше в том же направлении. Путь к ним длиннее как минимум на один день, учитывая и необходимость переправы через реки Катунь и Берель.

Мог ли Н. К. Рерих предпринять такую «прогулку» в течение своего пребывания в Уймонской долине? Обратимся к основному источнику сведений об алтайском этапе экспедиции – дневнику З. Г. Фосдик[1], где достаточно подробно освещён каждодневный ход событий.

По тексту ясно видно, что З. Г. Фосдик и её супруг неотлучно были с Рерихами на всём их алтайском маршруте. Из этих записей следует, что экспедиция прибыла в Верхний Уймон **7 августа**. В день прибытия участники благополучно устроились на новом месте.

Далее хронология выглядит так.

С **8** по **10 августа** первая половина дня отводилась поездкам верхом по окрестностям для сбора материала, а после обеда велись записи и беседы эзотерического характера.

11 августа в дневниках упоминаются только беседы с Рерихами.

12 и **13 августа** – однодневные поездки верхом.

14 августа, судя по «вестям о двух инженерах» (вероятнее всего, речь идёт о Падурове и его спутниках), Рерихи не могли надолго отлучаться из Верхнего Уймона, поскольку явно получили эти вести в деревне.

15 августа состоялась встреча с участниками экспедиции Падурова[2].

16 августа – имеем лишь упоминание об эзотерической беседе.

17 августа – принято решение о скором отъезде экспедиции из Верхнего Уймона. Отъезд отложили на **19 августа**. А в этот день утром переправились через Катунь и любовались панорамой Белухи, которая открылась во всём великолепии. Об этом же событии упоминает Н. К. Рерих в своём труде «Алтай – Гималаи»[3].

Судя по всему, **18 августа** также прошло в подготовке к отъезду, и **19 августа** экспедиция отправилась в сторону Чёрного Ануя.

Таким образом, мы имеем следующую картину. Всё пребывание экспедиции в Уймонской долине длилось 13 дней, включая дни приезда и отъезда. Рерихи по большей части удалялись в радиальные маршруты, которые длились до обеда.

Могли ли Рерихи в подобных условиях каким-либо образом добраться от Верхнего Уймона до северного или южного подножия Белухи, а тем более до Рахмановских Ключей?[4] Ответ очевиден – не могли. В течение одного дня с возвращением можно было добраться по указанному маршруту только до Холодных Белков – перевала на южную сторону Катунского хребта. В книге «Алтай – Гималаи» художник пишет: «*На хребтах – на Дальнем и на Студёном – пылают вершины…. А со Студёного хребта лучше всего видно самую Белуху, о которой шепчут даже пустыни*»[5].

Но тогда как относиться к такому свидетельству Л. Цесюлевича: «Рерих побывал на многих окружающих горах. Художник с проводником, Вахрамеем Семеновичем, на лошадях поднимался на белки Студёный, Погорелка, Большой Батун, Малый Батун.

Взбирались на Теректинский хребет, чтобы оттуда писать вершину Белухи. **Ездили к подножию Белухи вдоль реки Кучерелы. Был Рерих и на южных склонах Катунского хребта, откуда вид на Белуху открывается наиболее полно**. Об этой поездке свидетельствует известная его картина “Белуха”, которая теперь находится в Париже, в Лувре. На этой картине, написанной в звучных, светлых тональных отношениях, отчётливо видны обе вершины Белухи, на переднем плане рисуется ледник Геблера, а за ним виднеется заснеженный Раздельный гребень, пересекающий ледники Катунский и Берельский»[6].

Хотя Л. Цесюлевич не указывает источника этих данных, исходя из контекста статьи, где он приводит воспоминания родственников В. Атаманова, очевидно, что это основано на чьих-то воспоминаниях более чем шестидесятилетней давности. В этих воспоминаниях могли смешаться две близкие по времени экспедиции, имеющие отношение к Рерихам: непосредственно сама экспедиция Рерихов и организованная ими геологическая экспедиция Т. Н. Пономарёва. Относиться к подобным сведениям как к исторически достоверным нельзя. В реальности Рерихи имели возможность посетить Белки и Теректинский хребет, но кроме северного и южного подножий Белухи.

Белуху Рерихи наблюдали издалека. И об этом свидетельствуют записи как самого Н. К. Рериха, так и З. Г. Фосдик от **17 августа 1926 г.**: «Семнадцатого августа смотрели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород»[2]. В ясную погоду при прозрачной атмосфере белоснежные сверкающие вершины Белухи хорошо просматриваются из некоторых мест Уймонской долины, о чём и свидетельствуют записи З. Фосдик. В подтверждение имеется и ещё один этюд Белухи, написанный Рерихом с дальнего расстояния (ил. 4).

Ил. 4. Этюд. 1926. Бумага, темпера. 20,5 х 27,3 см. Частное собрание

В то же время вид Белухи с юга в те годы был вполне доступен в фотографиях и открытках.

На открытке (ил. 5) мы видим тот же самый вид Белухи с юга, который отличается от вида на этюде меньшим снежным покровом.

Ил. 5. Дореволюционная открытка почтового союза России, выпущенная в Барнауле

На этом можно было бы поставить точку, но хочется добавить ещё некоторые интересные предположения. Исследуя фотографии из архива Музея Рериха в Нью-Йорке, относящиеся к алтайскому периоду, мы смогли идентифицировать некоторые из них по привязке к местности.

На иллюстрации 6 представлена фотография долины реки Тихой из архива Н. К. Рериха, а на иллюстрации 7 – фотография того же места, сделанная в 2014 г. Находится это место точно на конной тропе уже за перевалом, на южной стороне Катунского хребта.

Ил. 6. Фотография долины реки Тихой из архива Музея Н. Рериха в Нью-Йорке

Ил. 7. Фотография долины реки Тихой. 2014

Ил. 8 . Фотография озера Тальмень из архива Музея Н. Рериха в Нью-Йорке

Ил. 9. Фотография озера Тальмень. 2014

На иллюстрации 8 – фотография озера Тальмень из архива Н. К. Рериха, на иллюстрации 9 – озеро Тальмень, сфотографированное соответственно в 2014 г. Это озеро находится ещё дальше по маршруту конной тропы к южному подножию Белухи. На карте (см. ил. 3) указанные места отмечены звёздочками.

Фотографии, о которых идёт речь, были привезены в Нью-Йорк Зинаидой Григорьевной и Морисом Лихтманом – они отвечали за сбор минералов и сотрудничали с геологической экспедицией Пономарёва, также ставшей частью алтайского проекта Н. К. Рериха[7].

Анализ этих фотографий доказывает, что группа Понамарёва, преодолев Катунский хребет, проделала как минимум половину пути к южному склону Белухи, где и посетила долину реки Тихонькой и озеро Тальмень. В настоящее время здесь проходит один из популярных конных маршрутов к югу от Белухи. Несомненно, именно экспедицией Пономарёва и сделаны снимки, долгое время вводившие в заблуждение рериховедов. Они же позволяют установить ещё один весьма интересный факт: экспедицию Пономарёва сопровождал известный алтайский художник, политический и общественный деятель Г. И. Чорос-Гуркин (ил. 10, 11).

Ил. 10. Экспедиция Пономарёва. Справа – Г. И. Чорос-Гуркин.
Фотография из архива Музея Н. Рериха в Нью-Йорке

С большой долей вероятности можно предположить, что Чорос-Гуркин встретился с Рерихами 15 августа[8], тогда же и была достигнута договорённость о его участии в экспедиции Пономарёва, однако о встрече с ним не упоминается по политическим

Ил. 11. Чорос-Гуркин

соображениям. Обращение к знатоку местности, который недавно сопровождал геологическую экспедицию Падурова[9], с просьбой стать проводником и для геологов из проекта Рерихов было вполне естественным и логичным. Впрочем, это тема для отдельного исследования.

И последнее, что необходимо отметить. Несмотря на то что маршрут пребывания Рерихов на Алтае сегодня довольно ясен, сам алтайский проект художника (включавший разворачивание крупного бизнеса по поискам и разработкам полезных ископаемых, постройку «города знания» и храма «единой религии»), и все связанные с ним инициативы ещё остаются почти неисследованными и требуют серьёзного изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Фосдик З. Г.* Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик: 1926–1927 / сост., вступ. ст., примеч. В. А. Росов. М.: ГМВ, 2016. 300 с.

[2] *Еркинова Р. М.* Н. К. Рерих и Г. И. Чорос-Гуркин: притяжение Алтая (к постановке проблем) // Рериховское наследие: труды конференции. Т. X. СПб., 2013. С. 155–171.

[3] *Рерих. Н. К.* Алтай – Гималаи. М.: Рипол Классик, 2001. С. 265.

[4] *Фосдик З. Г.* Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик: 1926–1927. С. 45.

[5] *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. С. 257–258.

[6] *Цесюлевич Л.* Рерих на Алтае. URL: http://www.obretenie.info/txt/cesulevich_altay.htm (дата обращения: 20.10.2017).

[7] *Фосдик З. Г.* Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик: 1926–1927. С. 38.

[8] *Еркинова Р. М.* Н. К. Рерих и Г. И. Чорос-Гуркин: притяжение Алтая (к постановке проблем). С. 155–171.

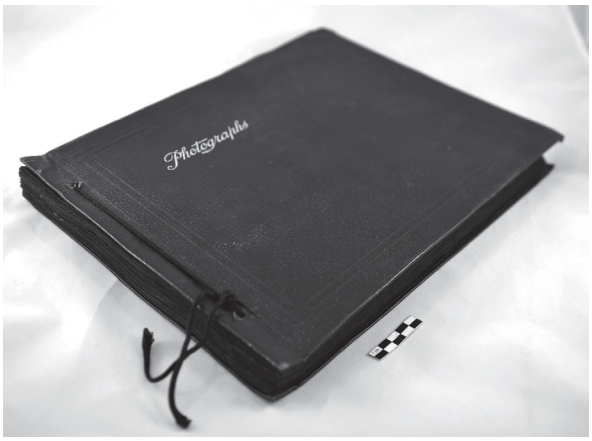
[9] Там же.

Е. В. БАКАЛДИНА
(Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург)

ПРЕДМЕТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРЕБЫВАНИЕМ СЕМЬИ РЕРИХОВ В МОНГОЛИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ФОНДОВ МУЗЕЯ-ИНСТИТУТА СЕМЬИ РЕРИХОВ)

В фондах Государственного музея-института семьи Рерихов хранятся несколько вещей, связанных с пребыванием Николая Константиновича, Елены Ивановны и Юрия Николаевича Рерихов в Монголии во время Центральноазиатской экспедиции. Приезд Н. К. Рериха был отмечен заметкой в газете «Известия Улан-Батор хото» № 73 (318) от 15 сентября 1926 г., особо оговаривалось и прибытие «молодого учёного, магистра санскритской словесности, сына художника, новая книга которого о тибетской живописи была издана в 1925 г. в Париже»[1]. Благодаря тому, что Рерихи вели дневники и в дальнейшем периодически обращались к описанию экспедиции, известны некоторые детали их пребывания в Монголии[2].

Среди предметов, хранимых в музее-институте, есть несколько оригинальных фотографий. Некоторые из них хранятся в фотоальбоме Ю. Н. Рериха (ил. 1), привезённом им при переезде из Индии в СССР и находившемся долгое время в его квартире в Москве, на Ленинском проспекте, в д. 62. Альбом фирмы “Housh Tube Album” сделан из чёрной свиной кожи, состоит из 604 частично вклеенных, а частично вставленных в уголки снимков, датируемых серединой 1920-х – началом 1940-х годов. В большинстве своём фотографии в альбоме – индийского периода, и есть две, сделанные в Монголии.



Ил. 1. Альбом Ю. Н. Рериха.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург. СПбГМИСР КП-8306/605

На одном из снимков (ил. 2) Ю. Н. Рерих запечатлён выводящим лошадь из стойла во дворе дома, в котором Рерихи остановились в Улан-Баторе.

Ил. 2. Ю. Н. Рерих. Урга. 30 декабря 1926.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург. СПбГМИСР КП-8306/152

Известно, что после приезда в Улан-Батор семья Рерихов жила в доме П. В. Всесвятского и его жены Е. П. Горбуновой, затем переехали в дом Петрова. Именно такой адрес проставлен в письмах Н. К. Рериха брату Борису от 9 и от 31 декабря 1926 г.[3] З. Г. Фосдик так описывает этот дом: «Прелестный небольшой домик, низкое крыльцо с двумя ступеньками, большой широкий двор. Вы сразу попадаете в столовую, где находится встроенный деревянный шкаф, два сдвинутых стола и стулья, большая печь, которая топится дровами. От столовой ведёт небольшой вестибюль, там стоит вешалка с меховыми пальто, а также раковина, где вы часто моете руки из-за страшной пыли. Крошечная комнатка Юрия… Затем вы проходите в большую комнату… В ней два окна… Справа от неё расположена комната Матери [Е. И. Рерих]. Очень маленькая, с двумя окнами…»[4]

На фотографии Ю. Н. Рерих одет в зимнюю одежду. Как он рассказывает в своей лекции «Экспедиция академика Рериха в Центральную Азию», написанной в 1929 г. в Наггаре, в институте «Урусвати», «экспедиция провела холодные зимние месяцы 1926–1927 гг.» в Урге[5]. В книге «По тропам Срединной Азии» Юрий пишет: «Зимняя одежда для членов экспедиции тоже вызывала много беспокойства. Урга не была идеальным местом, где можно было приобрести обмундирование. Мы были вынуждены купить китайские дублёные овчины и сшить из них тёплые спальные мешки и шубы. К тому же на рынке мы отыскали несколько сибирских меховых шуб из тяжёлой овчины. Каждый член экспедиции был экипирован парой тёплых сапог на меху, или ичигами, которые носят в основном в Монголии и Сибири»[6]. Однако на фотографии Юрий одет в другую одежду.

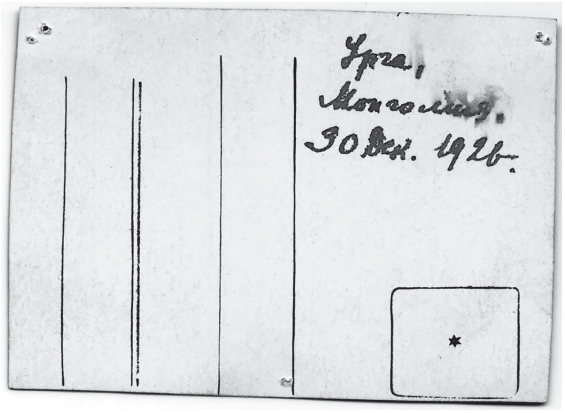
Экспедиционной одежды Рерихов в Музее-институте семьи Рерихов нет, хотя у основательницы музея-института Людмилы Степановны Митусовой, троюродной

сестры Ю. Н. и С. Н. Рерихов, долгое время хранилась экспедиционная шуба Е. И. Рерих. Однако, когда в 1983 г. в Алтайском краевом краеведческом музее (ныне Государственном музее истории, литературы, искусства и культуры Алтая в Барнауле) стала формироваться экспозиция, посвящённая Рерихам, Л. С. Митусова и её сестра Т. С. Митусова передали туда некоторые вещи Рерихов, в том числе и шубу Елены Ивановны[7].

На снимке справа стоит ещё один человек. К сожалению, пока его не удалось идентифицировать.

О лошади, запечатлённой на фотографии, также можно сказать словами Юрия Рериха: «Уздечки с толстыми удилами бесполезны для степных или горных пони Центральной Азии. Для них идеальны казацкие удила. Центральноазиатская лошадь очень своенравна и имеет переменчивый характер, ей необходимы крепкие удила, чтобы она не понеслась – привычка, к которой склонно животное»[8].

На оборотной стороне снимка есть надпись, сделанная рукой Юрия Николаевича Рериха: «Урга, Монголия, 30 дек. 1926» (ил. 3).



Ил. 3. Оборотная сторона фотографии «Ю. Н. Рерих. Урга. 30 декабря 1926 г.»
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург. СПбГМИСР КП-8306/152

Как пишет сам Юрий Николаевич о названии столицы: «Европейцам город был известен как Урга, что соответствует монгольскому слову “ургу”, т. е. “великолепный лагерь, дворец”. Но монголы никогда не употребляли это название, хотя возможно, что оно существовало еще с древних времен, когда долина Толы была резиденцией важных религиозных сановников. Монголы неизменно называли город Икхе-кюрен, что значит “Великий монастырь”. В обиходе называли просто кюреном, а на китайско-монгольском – Дакюре (Та-кюре, в китайской транскрипции – Та кью-лунь). Тибетцам известно его последнее название (Так-ху-ре). В ноябре 1924 г. Икхе-Кхуруллдан, или Великий Народный Хурал Монголии, переименовал Ургу в Улан-Батор-Хото, или Город Красного Богатыря . Но, несмотря на это, повсеместно употребляется название, освящённое веками»[9].

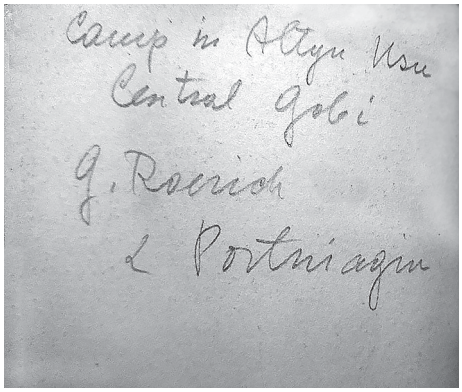
Ил. 4. Монастырь в Монголии. 1926–1927.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург. СПбГМИСР КП-3783

Фотография «Монастырь в Монголии» (ил. 4), датируемая 1926–1927 гг., свидетельствует о совершаемых Рерихами поездках по окрестностям. Известно, что 22 сентября 1926 г. Учёным комитетом Монгольской народной республики «учёному Рериху и его семье» было выдано удостоверение, «дающее право на посещение Улан-Баторского монастыря Гандан и других храмов»[10]. Однако на данный момент место съёмки ещё пока не установлено.

Один из этапов экспедиции представлен на фотографии «Лагерь около Алтан-Усу, Центральная Гоби», находящейся в том же фотоальбоме Ю. Н. Рериха (ил. 5). Согласно Ю. Н. Рериху, на стоянке Алтан-Усу экспедиция провела 8 и 9 мая 1927 г.[11] Очень похожая фотография есть в Нью-Йоркском музее Николая Рериха, там она датирована маем 1927 г. Снимки сделаны практически с одного ракурса, это видно по сидящей справа женщине в платке, которая с большой долей вероятности является Еленой Ивановной Рерих.

Как ясно из надписи на оборотной стороне, кроме Ю. Н. Рериха на фотографии запечатлён Павел Константинович Портнягин (ил. 6). Интересно, что место в надписи названо Алтын-Усу (Altyn Usu). Причина этого пока не ясна, но в обоих изданиях книги Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии» оно фигурирует как «Алтан-Уса».

Ил. 5. Лагерь около Алтан-Усу, Центральная Гоби.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург. СПбГМИСР КП-8306/604



Ил. 6. Оборотная сторона фотографии «Лагерь около Алтан-Усу, Центральная Гоби».
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург. СПбГМИСР КП-8306/604

Из дневника Н. К. Рериха становится понятно, как П. К. Портнягин попал в состав экспедиции: «После долгой переписки нашёлся П. К. »[12]. Юрий Рерих уточняет: «В Урге к экспедиции присоединился Портнягин[13] из Харбина, молодой человек, имеющий опыт в трудных путешествиях по монгольской пустыне Гоби, человек большого личного мужества»[14].

Однако со временем отношение к Портнягину у Рерихов изменилось. З. Г. Фосдик в дневниковой записи от 12 апреля 1927 г. пишет: «Грустно видеть, что доктор (К. Н. Рябинин) и Портнягин – два гостя в экспедиции, хотя и оплачиваемые, и должны были бы сотрудничать, – не хотят работать, только всё требуют»[15]. Позже и Н. К. Рерих в дневнике Маньчжурской экспедиции (1934–1935) писал: «Здесь ходит по рукам номер журнала "Врата"[16] с бездарнейшей статьей Порт[нягина] об экспедиции[17]. Читающие удивляются бездарности статьи. Между прочим, согласно подписке всех служивших в экспедиции он не имел права без разрешения что-либо печатать. На всякий случай напомним»[18].

В дневнике Н. К. Рериха так рассказывается о пустыне: «Бесконечна Центральная Гоби. И белая, и розовая, и синяя, и графитно-чёрная. Вихри устилают пологие скаты потоком камней. Не попадайте в этот каменный вихрь. Гроза Гоби – высохшие колодцы. Иногда отверстие колодца завалено павшими животными»[19]. Что касается самой стоянки, то она подробно описана в труде Юрия Рериха «По тропам Срединной Азии»: «В четыре часа, после мучительного перехода по трудной местности, мы достигаем колодца Алтан-усу. Это место расположено у подножья массивного горного хребта с многочисленными сухими руслами рек. Около двадцати лет назад китайские золотодобытчики из Кансу имели обыкновение прибывать сюда и добывать золото, которое они находили в песке сухих русел рек. Обломки китайских лачуг указывают на то, что место было плотно населено. Теперь всё опустело. Наши монголы говорят, что оно имеет дурную репутацию из-за убийств и других преступлений, совершённых здесь… Алтан-усу и горы южнее её часто посещались грабителями, и банды Джа ламы всё ещё действуют в многочисленных узких ущельях… Для этого решено, что половина людей будет спать вооружёнными и одетыми. На следующий день (9 мая) мы дали верблюдам краткий отдых и отправились в путь только в четыре часа дня»[20]. В дневнике у еще одного участника экспедиции, доктора К. Н. Рябинина, названа другая дата – 10 мая и нет описания самой стоянки, хотя есть рассказ о Джа ламе[21].

В семье Митусовых также сохранилось несколько фотографий Центральноазиатской экспедиции Рерихов (ил. 7).

Некоторые из них были переданы сёстрами Митусовыми в Барнаульский музей. Среди них была и фотография «Караван экспедиции Н. К. Рериха в Гоби (?). 1926 г.»[22] (ил. 8). Приняв эти предметы на постоянное хранение, музей предоставил сёстрам Митусовым копии, которые Л. С. Митусова передала в Музей-институт семьи Рерихов при его основании.

На фотографии – караван верблюдов. Теоретически это мог быть 1926 г., когда Рерихи отправили багаж на верблюдах[23], но так как сами на них не поехали, речь идёт, вероятнее всего, о 1927 г. Недалеко от Юм-Бейсе в конце апреля 1927 г. было принято решение отказаться от продолжения пути на машинах, так как «все прежние попытки пересечь пустыню Гоби южнее монастыря, сделанные монгольскими автомобилями, не имели большого успеха. Обследовав машины и убедившись в их плачевном состоянии, мы единодушно решили послать их обратно и продолжать поездку на верблюдах»[24]. «Верблюды прибыли к десяти часам – прекрасные стойкие животные в отличном состоянии. Проводник, лама Самбу, был достаточно опытен и привёл

Ил. 7. Караван экспедиции Н. К. Рериха. 1925–1927.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург. СПбГМИСР КП-1666

Ил. 8. Центральноазиатская экспедиция Н. К. Рериха. Пустыня Гоби (?). Переснимок с фотографии 1925–1928 гг. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург. СПбГМИСР КПНВ-2130

Ил. 9. Центральноазиатская экспедиция Н. К. Рериха. На леднике. Переснимок с фотографии 1925–1928 гг. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург. СПбГМИСР КПНВ-2131

Ил. 10. Репродукция картины Н. К. Рериха «Всадник [Монгольский всадник]». 1931. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург. СПбГМИСР КП-8306/507

с собой только молодых животных, пригодных для пересечения пустыни»[25], – писал Ю. Н. Рерих. Однако нельзя исключать возможность, что это не рериховский караван, а проходящий мимо караван, который снимали члены экспедиции. Из дневников понятно, что по пути неоднократно встречались караваны[26].

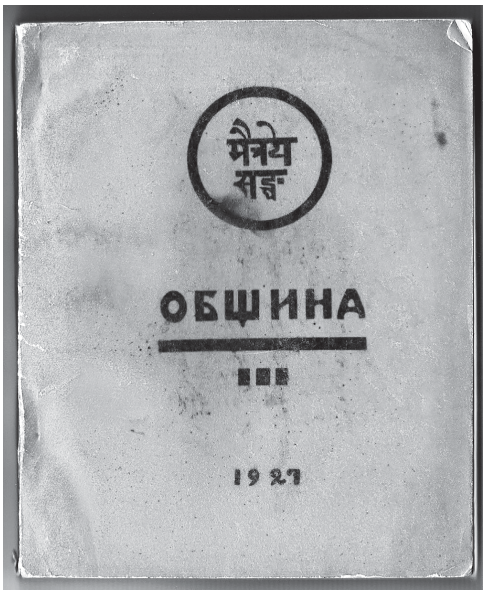
Ещё один снимок, находящийся в фотоальбоме Ю. Н. Рериха и связанный с Монголией, – фотография картины Н. К. Рериха «Всадник [Монгольский всадник]» из серии «Чингиз-хан», 1931 г. (ил. 10). Удивительно, что кроме этой репродукции в альбоме Ю. Н. Рериха есть только одна фотография картины – «Портрет Н. К. Рериха» работы С. Н. Рериха, что несомненно говорит о большой значимости этих двух картин для Юрия Николаевича. Сейчас местонахождение оригинала картины неизвестно, с 1957 по 2000-е годы она находилась в квартире Ю. Н. Рериха в Москве, на Ленинском проспекте[27].

Вторая группа предметов, хранящихся в музее-институте и связанных со временем пребывания Рерихов в Монголии, – это изданные там ими книги. Таких книг в фонде музея-института три: написанная Е. И. Рерих работа «Основы буддизма», книга «Община» и брошюра «Оттиск выступления. Н. К. Рерих. Алтай – Гималаи. (Мысли на коне и в шатре). 1923–1926», изданные в Улан-Баторе. Все три книги увидели свет до 24 марта 1927 г., поскольку в письме Н. К. Рериха к А. Е. Быстрову-Запольскому они упоминаются как уже опубликованные[28].

Информация об этих изданиях есть в дневнике Е. И. Рерих: «Книги “Община” в магазины не давать до 29-го года. Послать через Лун[ачарского]. “Основы буддизма” – всем и всюду. Делать впрыскивание без кровопускания»[29]. Известно, что книга «Община» всё-таки поступила в библиотеку А. В. Луначарского[30]. В дневнике Николая Константиновича Рериха также упоминаются эти книги: «Кончается печатание книг “Основы буддизма” и “Общее благо” (“Община”). Трудно дать книге соответствующий облик в маленькой типографии».[31]

О какой типографии конкретно идёт речь неясно, однако у Н. К. Рериха есть упоминание «монгольской печатни»[32]. А у Ю. Н. Рериха в книге «По тропам Срединой Азии» рассказывается об издательской деятельности в Урге (Улан-Баторе): «В Улан-Баторе издаётся ежедневная газета на монгольском языке, а недавно на прилавках появились учебники для средних школ. За всем этим стоит неустанная деятельность учёного секретаря Монгольского научного комитета доктора Ц. Ж. Жамцарано. Если принять во внимание скромные возможности местной типографии, то изданы эти учебники весьма неплохо. В стране постоянно растёт спрос на книги, помогающие монгольской молодёжи познавать окружающий мир. Приятно отметить это разбуженное стремление к знанию у народа. Нация, соединяющая в себе отвагу потомственных наездников со стремлением овладеть сокровищами культуры, имеет большое будущее»[33].

«Община» – третья книга учения Живой Этики, собранная Е. И. Рерих по дневниковым записям. Её второе издание увидело свет в 1936 г. в Риге, хотя на обложке напечатана дата «1926». В рижском издании, в отличие от монгольского, полностью исключено упоминание имени В. И. Ленина, слово «коммунист» заменено словом «общинник» и т. д.[34]

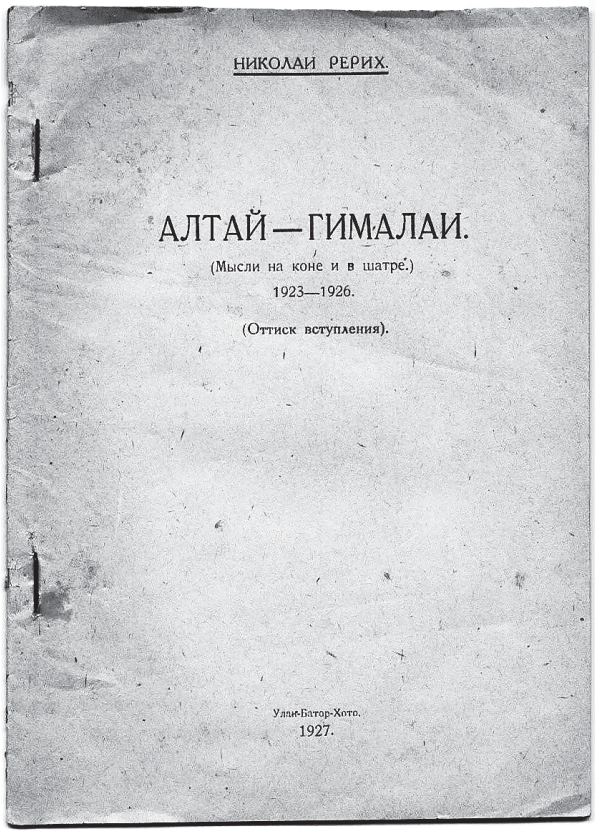


Ил. 11. [Агни-Йога]. Община. Книга третья. [Улан-Батор], 1926[7]. 284 с.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

Ил. 12. [Е. И. Рерих]. Основы буддизма. [Улан-Батор], 1926[7]. 108 с.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

Книга «Основы буддизма» появилась в свет анонимно, и лишь в 1930 г. в США на английском языке и в 1940 г. в Риге на русском языке была переиздана под псевдонимом Наталия Рокотова. В Музее-институте есть американское издание «Основ буддизма». Позже книга издавалась с такой же обложкой, только уже не под псевдонимом, а под настоящей фамилией – Е. Рерих.

В дневнике К. Н. Рябинина говорится о просьбе Центрального комитета Монгольской народной партии, переданной через Ц. Ж. Жамцарано[35], о разрешении перевода обеих книг («Общины» и «Основы буддизма») на монгольский язык[36]. То же уточняется в записях Н. К. Рериха: «Просят разрешение перевести на монгольский “Основы буддизма”»[37]. Как пишет З. Г. Фосдик, Жамцарано «будет переводить только “Основы буддизма”, другая книга (“Община”) – для высокой интеллигенции»[38]. Однако перевод на монгольский язык этих книг так и не был осуществлён. Уже в новейшее время был опубликован перевод на монгольский язык книги «Агни-Йога».


НИКОЛАИ РЕРИХ.

АЛТАЙ—ГИМАЛАИ.

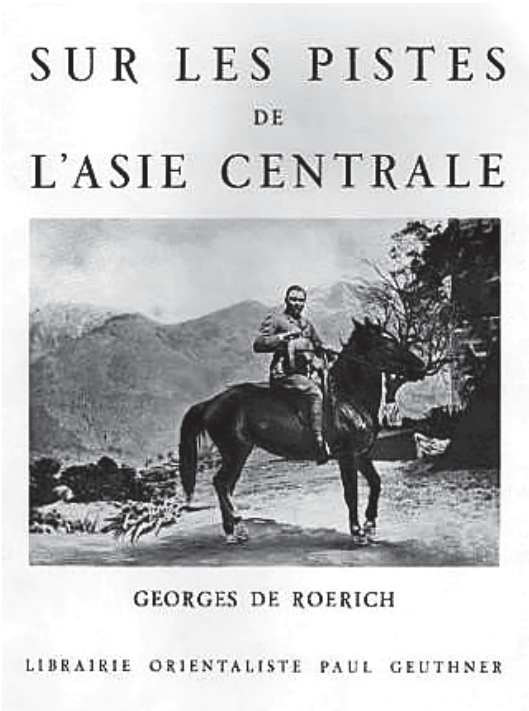
(Мысли на коне и в шатре.)

1923—1926.

(Оттиск вступления).

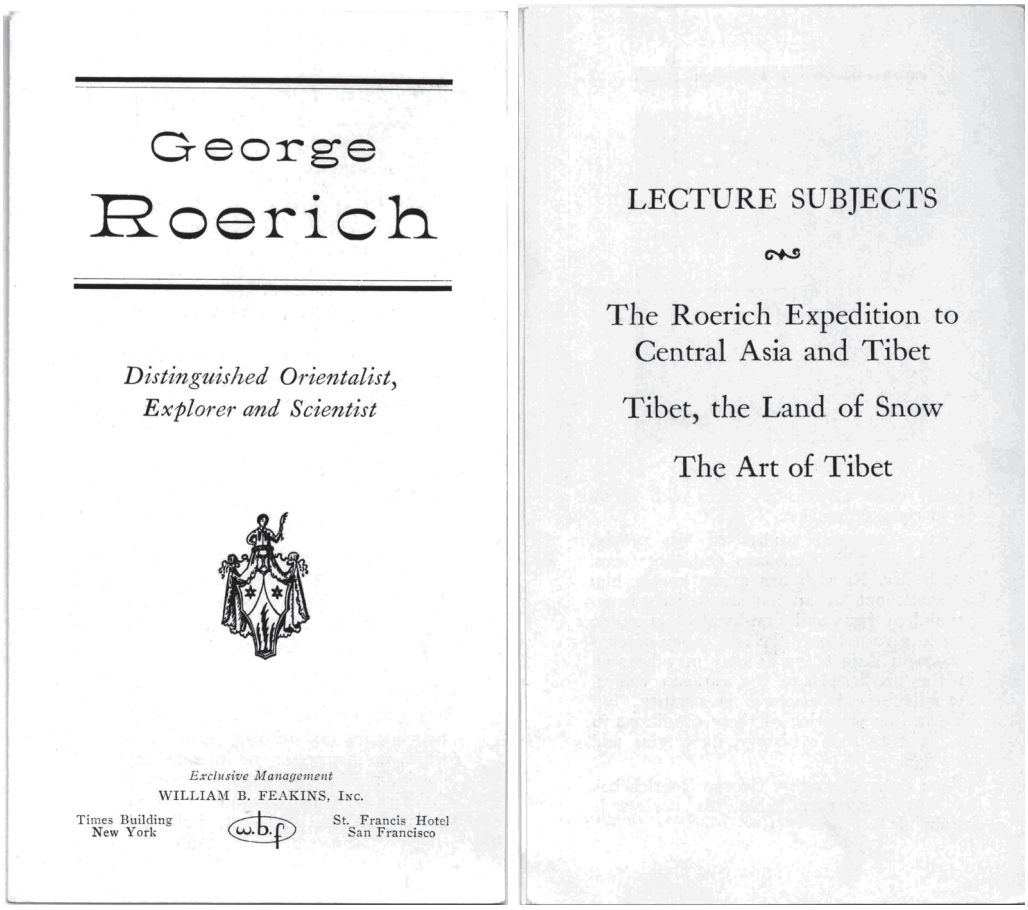
Улан-Батор-Хото.
1927.

Ил. 13. Рерих Н. К. Алтай – Гималаи (Мысли на коне и в шатре). 1923–1926. Улан-Батор-Хото, 1927. 14 с. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург



Ил. 14. Roerich G. Sur les Pistes de L'Asie Centrale. Paris: Libraire Orientaliste Paul Geuthner, 1933. 297 p.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

Ил. 15. Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. Хабаровск: Хабаровск. книж. изд-во, 1982. 304 с.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург


George
Roerich

Distinguished Orientalist,
Explorer and Scientist

Exclusive Management
WILLIAM B. FEAKINS, Inc.
Times Building
New York
St. Francis Hotel
San Francisco

LECTURE SUBJECTS

The Roerich Expedition to
Central Asia and Tibet

Tibet, the Land of Snow

The Art of Tibet

Ил. 16. George Roerich. Distinguished Orientalist, Explorer and Scientist. Lectures. 2 p.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

Третьим изданием, увидевшим свет в Улан-Баторе, был «Оттиск выступления. Н. К. Рерих. Алтай – Гималаи. (Мысли на коне и в шатре). 1923–1926» (Улан-Батор-Хото, 1927. 14 с.). Брошюра интересна ещё и строчками на фронтисписе: «Половина чистого дохода с настоящего русского издания поступает в фонд Национального музея при Учёном комитете Монголии». Тому же Национальному музею Н. К. Рерих 11 марта 1927 г. передал свою картину «Великий всадник (Ригден-Джапо – Владыка Шамбалы)».

В фондах Музея-института хранится книга Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии», издание 1933 г. на французском языке и первое издание на русском языке 1982 г. В этой работе много страниц посвящено Монголии.

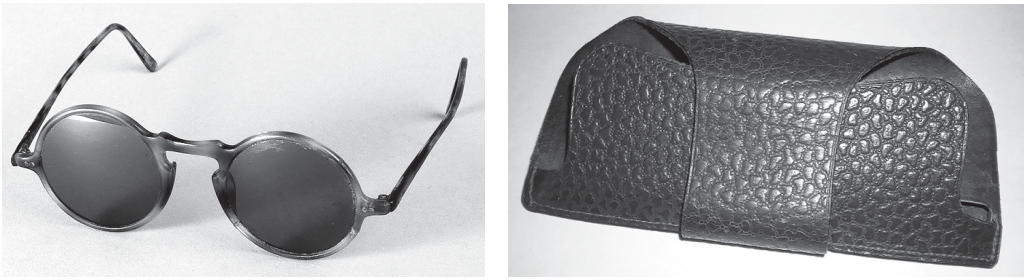
Ил. 17. Одеяло экспедиционное. 1920-е.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

Также недавно поступили от Д. Н. Попова, главного хранителя музея Николая Рериха в Нью-Йорке, два буклета с анонсом лекций Ю. Н. Рериха, одна из которых названа «Рериховская экспедиция в Центральную Азию и Тибет».

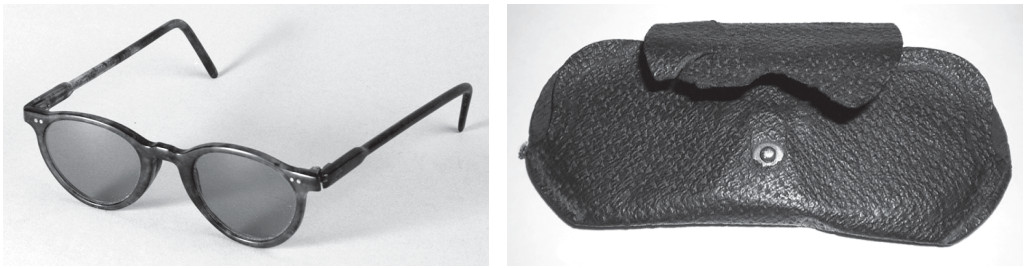
Особую группу предметов «монгольского периода» составляют вещи, использовавшиеся в Центральноазиатской экспедиции. Во-первых, экспедиционное одеяло из верблюжьей шерсти, приобретённое Рерихами в ходе подготовки экспедиции. В семье Митусовых[39], троюродных сестёр Ю. Н. и С. Н. Рерихов, хранилось и второе экспедиционное одеяло, которое, к сожалению, было в начале 1990-х годов утрачено[40].

Во-вторых, очки Е. И. и Н. К. Рерихов, а также футляры к ним. Очки с затемнёнными стёклами без диоптрий в роговой оправе коричневого цвета. Футляры тёмно-коричневые, из кожи с тиснением.

Все вышеперечисленные предметы были привезены Ю. Н. Рерихом из Индии при переезде в СССР. Юрий и Святослав Рерихи передали их сёстрам Митусовым, возможно, для личных целей, а вероятнее, подразумевалось, что от Митусовых эти вещи перейдут в музей, посвящённый Н. К. Рериху. Как писал Ю. Н. Рерих сёстрам Митусовым 10 июля 1959 г., «планы музея в Ленинграде не оставлены. Большинство теперь за



Ил. 18. Очки Н. К. Рериха с футляром. 1920-е. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург



Ил. 18. Очки Е. И. Рериха с футляром. 1920-е. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

Мемориальный музей в бывшей квартире на Мойке, 83. Видимо, так и будет»[41]. Но надежды создать музей осуществились лишь после смерти Рерихов. В 2001 г. Л. С. Митусова, троюродная сестра Ю. Н. и С. Н. Рерихов, основала Музей-институт семьи Рерихов и передала в него всё, что у неё хранилось, в том числе и экспедиционные вещи.

На музейном хранении числятся бежевая подстилка и плед 1920-х годов, согласно легенде являвшиеся также частью имущества экспедиции и находившиеся долгое время в семье Виктора Тихоновича и Марии Филипповны Черноволенко, бывших друзьями сестер Митусовых и часто общавшихся с Ю. Н. и С. Н. Рерихами. Кроме того, М. Ф. Дроздова-Черноволенко тесно дружила с И. М. Богдановой, служившей у Рерихов и оставшейся жить в квартире, выделенной государством Ю. Н. Рериху после его переезда в Москву в 1958 г.

В 2010 г. в музей-институт от Юрия Владимировича Гамалея (1939–2015), члена-корреспондента Академии наук, поступила сумка. Согласно заявлению владельца, «сумка принадлежала Юрию Николаевичу Рериху и была передана им в августе 1927 года сотруднику Зоологического института Академии наук орнитологу А. И. Иванову, находившемуся в то же время в Улан-Баторе в составе экспедиции Зоологического института. Со слов Александра Ивановича Иванова, сумка была подарена в знак благодарности за кожаные сандалии, отданные им Ю. Н. Рериху по случаю совпадения размера и вкуса к полевой обуви. При переезде А. И. Иванова в Дом учёных в Павловске она была оставлена на хранение въехавшему в его квартиру цитологу растений сотруднику Ботанического института Ю. В. Гамалею, учавствовав-

Ил. 19. Бежевая подстилка. 1920-е. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

Ил. 20. Плед. 1920-е. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

шему в 1980–1985 гг. в исследованиях совместной Советско-монгольской комплексной биологической экспедиции на территории Монголии». П. И. Крылов попытался разобраться в обстоятельствах перехода сумки от человека к человеку. А. И. Иванов действительно работал в Монголии, но в 1928 г., когда Рерихи уже её покинули. Вероятнее всего, существует ещё один человек, получивший сумку от Ю. Н. Рериха и передавший её А. И. Иванову[42].

Ил. 21. Полевая сумка Ю. Н. Рериха. Первая треть XX в.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург. СПбГМИСР КП-1021

Кроме предметов, бывших с Рерихами в 1926–1927 гг. в Монголии, фонды Музея-института содержат фотографии, сделанные позднее, но касающиеся лиц, с которыми Рерихи познакомились в Урге (Улан-Баторе), в частности с сёстрами Л. М. и И. М. Богдановыми.

Из официального документа: «8 марта 1927 года Николай Константинович подал поверенному в делах Монголии Л. Е. Берлину список участников “художественно-археологической” экспедиции в Тибет (в дополнение к письму от 28 февраля). В состав каравана входили: начальник экспедиции Н. К. Рерих и его жена Е. И. Рерих, помощник начальника Ю. Н. Рерих, врач К. Н. Рябинин, заведующий транспортом П. К. Портнягин, заведующая хозяйством Л. М. Богданова (потом присоединилась её сестра И. М. Богданова) и конвой экспедиции, тибетец Кончог и бурят Дава Цырымпилов. Позже были включены ещё восемь человек технического состава»[43]. В дневнике З. Г. Фосдик упомянуты к тому же двое тибетских лам, Цырымпилов маленький, Бадма, Доржиев и Цультим[44].

О присоединении к экспедиции сестёр Богдановых есть упоминания в дневниках Рерихов. У Н. К. Рериха: «Людмила и Рая поедут с нами. Первая тринадцатилетняя пу-

тешественница в Тибет»[45] и «думаю, что она была самой молодой из прошедших суровое нагорье Тибета»[46], у Ю. Н. Рериха: «Г-жу Рерих в путешествии сопровождали её личные помощницы, две местные девочки-казачки, хорошо подготовленные к предстоящему трудному путешествию. Отличительной особенностью нашей экспедиции стало присутствие в ней трёх женщин, которые переносили все тяготы путешествия наравне с мужчинами. У всех мужчин экспедиции они вызывали глубокое уважение своей замечательной стойкостью в самых изнуряющих условиях и в моменты физической опасности»[47]. Позже, в 1933 г. (19 июня), в письме к Ф. Д. Лукину Е. И. Рерих писала: «…с нами были две молоденькие казачки-сибирячки Людмила и Рая Богдановы, которые действительно оправдали свою фамилию, ибо явились не только незаменимыми помощницами, но и истинными сотрудницами <…> нашли <их> по приезде в Ургу»[48].

По рассказу Алдара Петровича Горбунова, сына П. В. Всесвятского, у которого Рерихи останавливались в первые дни после своего прибытия в Ургу, «Е. И. Рерих просила его мать порекомендовать каких-либо женщин в качестве компаньонок. Мама узнала через кого-то о сёстрах Богдановых и сообщила об этом Елене Ивановне. Они и были приглашены в семью Рерихов»[49]. З. Г. Фосдик также говорит о Богдановых: «Повар Людмила (Богданова), прекрасная русская девушка, на которую было указано еще в Урумчи, и её 14-летняя сестра (Рая Богданова) готовят еду»[50].

Ил. 22. В поместье Рерихов в долине Кулу. Индия. 1940-е.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

Ил. 23. Ю. Н. Рерих, Б. А. Смирнов-Русецкий и сёстры Богдановы на природе. Москва, СССР. 1959. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

Впоследствии сёстры Богдановы остались с Рерихами в их индийском имении в Наггаре. В уже упомянутом несколько раз фотоальбоме Ю. Н. Рериха есть много их фотографий. После решения Ю. Н. Рериха возвратиться на родину Богдановы выразили желание его сопровождать.

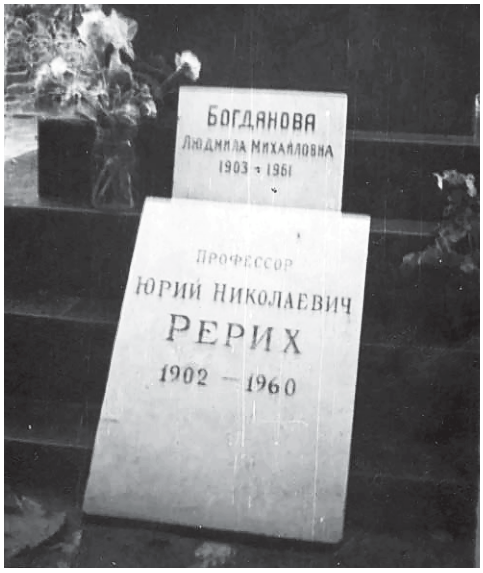
Фотографий сестёр Богдановых монгольского периода в Музее-институте нет, но есть большое количество более поздних – как индийского, так и советского периодов.

Близость Богдановых к Рерихам доказывает и тот факт, что Л. М. Богданову похоронили в одной могиле с Ю. Н. Рерихом на Новодевичьем кладбище в Москве. Сразу после того как поставили памятник Юрию Николаевичу в 1968 г., две таблички оставили у подножия, однако со временем их убрали, и информация о захоронении Людмилы Богдановой была утеряна.

Редкость последних фотографий объясняется тем, что они были не публичными, а семейными. Эти снимки сохранились у сестёр Митусовых и были переданы Л. С. Митусовой Музею-институту.

Большинство из вышеперечисленных предметов часто экспонируется в Музее-институте семьи Рерихов в Санкт-Петербурге, они же были представлены в Национальном музее Монголии на выставке «От сердца Петербурга к сердцу Азии» в рамках Дней культуры Санкт-Петербурга в Улан-Баторе в апреле-мае 2016 г. (куратор – научный сотрудник музея-института Е. А. Кантор), а снимки «Ю. Н. Рерих в Урге» и фотографии сестёр Богдановых впервые вводятся в научный оборот.

Ил. 24. Могила Ю. Н. Рериха и Л. М. Богдановой. Москва, СССР. 1960–1968.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург



Ил. 25. Могила Ю. Н. Рериха и Л. М. Богдановой. Москва, СССР. После 1968.
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рерихи и Монголия / отв. ред. Ш. Бира; науч. ред. А. А. Бондаренко, В. Л. Мельников, Ц. Ишдорж. Улан-Батор, 2008. С. 208.

[2] Очерк «Монголия» Н. К. Рериха входит в состав книги «Алтай – Гималаи». В статье ссылки даются на публикацию: *Рерих Н. К.* Монголия // Рерихи и Монголия / отв. ред. Ш. Бира; науч. ред. А. А. Бондаренко, В. Л. Мельников, Ц. Ишдорж. Улан-Батор, 2008. С. 237–243; *Рерих Н. К.* Сердце Азии. Нью-Йорк: Alatas, 1929; *Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики: в 25 т. Т. 6, 7. М.: Прологъ, 2009; *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии // Рерихи и Монголия / отв. ред. Ш. Бира; науч. ред. А. А. Бондаренко, В. Л. Мельников, Ц. Ишдорж. Улан-Батор, 2008. С. 290–344 (в этом издании перевод уточнялся и по французскому изданию). Из-за отсутствия в предыдущем издании одной из глав использовались издания: *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии / пер. Н. Н. Зеленского. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1982 и *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии / отв. ред. Г. А. Гороховский. Самара: Агни, 1994.

[3] Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

[4] *Фосдик З. Г.* Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик: 1926–1927 / пер. с англ. яз. О. В. Альбедиль; сост., вступ. сл., статья, примеч. В. А. Росов. М.: ГМВ; Дельфис, 2016. С. 152–153.

[5] *Рерих Ю. Н.* Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы. Самара: Агни, 1999. С. 243.

[6] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии // Рерихи и Монголия. С. 321.

[7] Государственный музей-институт семьи Рерихов // Рукописно-документальный фонд. КП-254.

[8] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии // Рерихи и Монголия. С. 321.

[9] Там же. С. 294.

[10] Рерихи и Монголия. С. 209.

[11] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии / ред. Г. А. Гороховский. Самара: Агни, 1994. С. 200.

[12] *Рерих Н. К.* Монголия // Рерихи и Монголия. С. 237.

[13] Биография П. К. Портнягина в ст.: *Пешкова Л. В.* Павел Константинович Портнягин. Несколько слов о судьбе харбинского священника, участника Тибетской экспедиции // Ариаварта, 1998. № 2. С. 107–114.

[14] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии // Рерихи и Монголия. С. 319.

[15] *Фосдик З. Г.* Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик: 1926–1927. С. 164.

[16] «Врата» – альманах литературно-художественного объединения «Восток» (Шанхай). Вышло всего два номера – в 1934 и 1935 гг.

[17] Речь идет о публикации: *Портнягин П. К.* По Центральной Азии // Врата. Кн. 1 Шанхай, 1934. С. 140–160. – Дневник П. К. Портнягина был издан в 1998 г. (*Портнягин П. К.* Современный Тибет. Миссия Николая Рериха. Экспедиционный дневник, 1927–1928 / публ. В. А. Росова // Ариаварта. 1998. № 2. С. 11–106).

[18] *Рерих Н. К.* Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935) / сост., вступ. ст., коммент. О. А. Лавреновой. М.: МЦР, 2015. С. 182.

[19] *Рерих Н. К.* Монголия // Рерихи и Монголия. С. 239.

[20] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии / ред. Г. А. Гороховский. С. 200.

[21] *Рябинин К. Н.* Развенчанный Тибет. Подлинные дневники экспедиции Н. К. Рериха. Магнитогорск, 1996. С. 75.

[22] Государственный музей-институт семьи Рерихов (ГМИРС). Рукописно-документальный фонд. КП-2528. Т. И. Вараксина. Акт выдачи № 32 Краевого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. 8 августа 1996 г.

[23] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии / ред. Г. А. Гороховский. С. 66.

[24] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии // Рерихи и Монголия. С. 330.

[25] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии / ред. Г. А. Гороховский. С. 191.

[26] Сейчас место, изображённое на этой фотографии, установлено. Во французском издании книги Ю. Н. Рериха (*Roerich G.N.* Sur les Pistes de l'Asie Centrale. Paris, 1933) на с. 16–17 эта же фотогра-

фия приведена с подписью: *Le Caravane de l'Expedition devant la Passe Suget* (Караван экспедиции перед перевалом Сугет). Ещё один авторский отпечаток фотографии находится в архиве Музея Николая Рериха (Нью-Йорк) с такой же подписью (*The expedition caravan before the Suget Pass.* NRM Archive. *Ref. No.* 403460). Известен также этюд Н. К. Рериха, очень точно воспроизводящий пейзаж, запечатлённый на фотографии, только без каравана (Н. К. Рерих. Перевал Сугет (Каракорум). 1925. Холст, темпера. 27,7 x 38 см. Частное собрание, США). Сугет – один из перевалов в Каракоруме на пути из столицы Ладакха Леха в Хотан. Экспедиция Н. К. Рериха преодолела его 2 октября 1925 г. – *Примеч. ред.*

[27] *Ревякин Д. Ю.* Гибнущее наследие. Московская квартира Ю. Н. Рериха. Каталог. Фотохроника. Архивные документы. М.: МЦР, 2010. С. 326.

[28] Рерихи и Монголия. С. 211.

[29] *Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики. Т. 7. 1926.02.04 – 1927.04.13. С. 330.

[30] *Росов В. А.* Русско-американские экспедиции Н. К. Рериха в Центральную Азию (1920–1930-е годы): дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2005. С. 110.

[31] *Рерих Н. К.* Монголия // Рерихи и Монголия. С. 237.

[32] *Рерих Н. К.* Сердце Азии. Нью-Йорк: Alatas, 1929. P. 46.

[33] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии / пер. Н. Н. Зеленского. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1982. С. 113.

[34] [Агни-Йога]. Община. Riga: Agni Jogas' Izdevums, [1936]. 245 с. Подробнее об этом см. статью Т. В. Аверьяновой «Об особенностях издания книги Учения Живой Этики "Община"» в настоящем сборнике.

[35] *Рерих Н. К.* Сердце Азии. С. 46.

[36] *Рябинин К. Н.* Развенчанный Тибет: 1928. Подлинные дневники экспедиции Н. К. Рериха. С. 41–42.

[37] *Рерих Н. К.* Монголия // Рерихи и Монголия. С. 238.

[38] *Фосдик З. Г.* Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик: 1926–1927. С. 163.

[39] Семья Митусовых тесно связана с семьей Рерихов: основой коллекции музея-института является мемориальное собрание Степана Степановича Митусова (1878–1942), двоюродного брата Елены Ивановны Рерих, как она сама писала, «неразлучного спутника моего детства».

[40] О включении в состав негосударственной части Музейного фонда Российской Федерации культурных ценностей, принадлежащих на праве собственности некоммерческому учреждению культуры «Музей-институт семьи Рерихов в Санкт-Петербурге». Приказ от 10 ноября 2003 г. № 1523. URL: http://docs.cntd.ru/document/901880374.

[41] Рукописно-документальный фонд. СПбГМИСР КП-107.

[42] *Крылов П. И.* Индийский путь: статьи и очерки разных лет. СПб., 2015. С. 83, 92, 96, 111.

[43] *Росов В. А.* Русско-американские экспедиции Н. К. Рериха в Центральную Азию (1920–1930-е годы). С. 111.

[44] *Фосдик З. Г.* Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик: 1926–1927. С. 153, 154.

[45] *Рерих Н. К.* Монголия // Рерихи и Монголия. С. 237.

[46] *Рерих Н. К.* Сердце Азии. P. 15.

[47] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии // Рерихи и Монголия. С. 320.

[48] *Рерих Е. И.* Письма: в 9 т. М., МЦР, 1999. Т. 1. 1919–933. С. 168.

[49] *Горбунов А. П.* Соприкосновение с Николаем Рерихом // Мысль. Республиканский общественно-политический журнал. 2013. Апрель. № 4. URL: http://www.roerich.kz/shurnal/texts/Gorbunov.htm (дата обращения: 08.08.2016).

[50] *Фосдик З. Г.* Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик: 1926–1927. С. 153.

П. И. КРЫЛОВ
(Санкт-Петербург)

РЕРИХИ И СЕМЬЯ НЕРУ-ГАНДИ

Моя первая поездка в долину Кулу, в Наггар, состоялась в мае 1995 г. Мне повезло: я стал свидетелем главного местного праздника – «мелы». Я смотрел на танцующих мужчин, на разодетых в яркие одежды девушек, на склоны гор, вчера ещё пустынные, а сегодня усыпанные народом (гости собрались со всей долины), на десятки лавочек-киосков, которые возникли за один (и на один) день, и не верил – это Наггар? Тихий, спокойный Наггар? Вспомнилась и другая «мела», знакомая по старым фотографиям из альбома Рерихов (ил. 1).

Ил. 1. Праздник «мела» в Наггаре, май 1942. Машинописная подпись под фотографией сделана Девикой Рани: «Танцоры напротив храма Трипуры Сундари в Наггаре, Кулу. Храм находится непосредственно под домом Рерихов»

«Сегодня “Мела” – ярмарка с танцами, с богами и пёстрыми толпами. Уехал сегодня пандитджи. Все наше народонаселение вышло провожать с цветами, с добрыми пожеланиями. Добро, добро около пандитджи. Все чуют, что он не только большой

человек, надежда Индии, но и честнейший, добрый человек. Эти два ощущения очень важны в наши дни», – записал Н. К. Рерих[1]. Эти слова относились к пребыванию Джавахарлала Неру с дочерью Индирой и их спутниками в гостях у Рерихов в мае 1942 г.

Знакомство с Неру

Как и когда Джавахарлал Неру познакомился с Рерихами? Принято считать, что первым с Неру познакомился Святослав Николаевич, произошло это в Бомбее в конце 1941 г. Он пригласил Неру приехать погостить к ним в Гималаи, в Наггар, немного отдохнуть и познакомиться с этой частью страны (до этого Неру бывать в тех краях не приходилось). Неру согласился и в мае следующего, 1942-го, года приехал. Так вспоминал об этих событиях С. Н. Рерих[2].

Эти воспоминания относятся к «очной» встрече, о которой ещё пойдёт речь. А «заочно»? Заочное знакомство Неру с Рерихом состоялось значительно раньше.

Самую подробную статью, посвящённую отношениям Рерихов с Неру и его дочерью Индирой в те годы, опубликовал Леонид Васильевич Митрохин[3]. В ней приводится ряд очень интересных документов, обнаруженных им в музее и Мемориальной библиотеке Неру в Дели. Поэтому в дальнейшем я буду часто цитировать эту работу.

Вот первое письмо Дж. Неру, найденное Л. В. Митрохиным. Оно написано 2 февраля 1940 г. и адресовано Николаю Константиновичу:

> «Уважаемый д-р Рерих,
>
> Недавно Пандит Брадж Мохан Вьяс из Аллахабадского муниципального музея передал мне книгу, содержащую репродукции некоторых ваших картин[4]. Я был счастлив получить от Вас этот очень красивый подарок, и я особенно ценю его, так же как и добрые мысли, которые его вдохновили. Я должен извиниться перед Вами за то, что задержался с моей благодарностью. Но я закрутился в суматохе нашей сегодняшней политики и к тому же я очень много разъезжаю. Вы уж простите меня за эту непреднамеренную нелюбезность.
>
> Я – давний поклонник Ваших величественных полотен и с удовольствием прочитал несколько Ваших книг. Ничто не могло бы доставить мне большего наслаждения, чем та прекрасная книга, которую Вы мне прислали, потому что она не только несёт красоту, но и уносит меня прочь от депрессии, вызываемой политической деятельностью, и переносит в высшие сферы.
>
> Я надеюсь, что настанет день, когда мне представится возможность посетить Вас в Вашем прекрасном уединении в долине Кулу.
>
> Ещё раз благодарю вас, с уважением и добрыми пожеланиями,
>
> искренне ваш,
>
> ДН»[5].

Слова «я – давний поклонник ваших величественных полотен и с удовольствием прочитал несколько ваших книг» находят документальное подтверждение. В той же работе Л. В. Митрохин поместил интересное письмо, написанное Джавахарлалом Неру Падмадже Найду, дочери Сароджини Найду – соратницы Неру, выдающейся ин-

дийской поэтессы, известной как «соловей Индии». Это письмо Неру послал из тюрьмы Найни еще в 1932 г.

«Дорогая Биби, какие чудесные книги ты мне прислала! Ещё в прошлом году, а точнее, это было за год до этого, когда я находился в этом прелестном (в кавычках) местечке, я попросил тебя прислать мне “Транс-Гималаи” Свена Гедина и другие книги о путешествиях. В особенности я радовался, что получил виды Альп и Монблана. Тогда лето было в зените, и виды ледников и покрытых снегом вершин действовали на меня обворожительно охлаждающим образом. Когда я рассматривал их, мною овладевала безмятежность, и лихорадка в висках затихала, и я представлял себя затерянным в бескрайних просторах. Поэтому (и на этот раз) ты совершенно была права, прислав мне Николая Рериха и Свена Гедина. Ты не будешь против, если я верну тебе эти книги не сразу же после прочтения, а лишь тогда, когда мои компаньоны, восхищённые ими, также мысленно совершат путешествия через Гоби и преодолеют гималайские перевалы?

Таким образом, нам, оторванным от привычного окружения, покажется, что мы – насельники гор и пустынь, и что широкий-широкий мир просится к нам, а мы постигаем, говоря словами твоего любимого писателя, как прекрасна ткань жизни, и каким-то странным образом из отчаяния, жестокости и разлуки вдруг расцветает самый богатый жизненный дар.

С любовью, твой Джавахарлал»[6].

Речь в письме, скорее всего, идёт о книге Н. К. Рериха «Алтай – Гималаи», изданной на английском языке в 1929 г.[7] Так что имя Рериха было знакомо Неру уже как минимум за десять лет до встречи со Святославом Николаевичем, и приглашение посетить долину Кулу упало на благодатную почву.

Поездка Дж. Неру с дочерью Индирой (за месяц до этого вышедшей замуж за Фероза Ганди) и сопровождающими их людьми в долину Кулу, жизнь в гостях у Рерихов хорошо известна как по воспоминаниям её участников, так и по документам.

Первый документ – копия телеграммы, которая была ответом Неру на несохранившееся новогоднее поздравление С. Н. Рериха в канун Нового 1941 г., присланное с юга Индии, из г. Тривандрума. Вот её перевод:

«Святославу Рериху,

Тривандрум.

Благодарю вас. Индира и я шлём вам наши приветы и добрые пожелания по случаю Нового года.

Джавахарлал Неру».

Телеграмма С. Н. Рериха, отправленная 20 января 1942 г.:

«Планирую визит Аллахабад на несколько дней в начале следующей недели. Был бы благодарен, если бы Вы смогли телеграфировать мне “Тадж Махал” Бомбей, если Вы окажетесь на месте. С приветом, Святослав Рерих».

Неру ответил сразу:

«Святославу Рериху, отель “Тадж Махал”, Бомбей. Возвращаюсь Аллахабад двадцать четвёртого, буду до конца месяца. Надеюсь, будете нашим гостем.

Джавахарлал Неру»[8].

С. Н. Рерих вспоминал: «Помню, как мы впервые встретились с Джавахарлалом Неру. Он тогда только что вышел из тюрьмы и жил в Бомбее у сестры. Мы сидели вместе и беседовали, я сказал ему о заветной мечте Николая Константиновича сблизить наши народы. Помню, с каким интересом Джавахарлал Неру слушал об этом и сказал: “Но как же это провести в жизнь, как же это осуществить?” И тогда родилась мысль, что перебросить мост между Советским Союзом и Индией можно сначала по культурным линиям; условия тогда ещё были совсем другие. Это был 1942 год. Я попросил его приехать к нам в Кулу, чтобы они могли побеседовать с Николаем Константиновичем, ну и я хотел ещё воспользоваться этим случаем и написать его портрет. Вскоре была сессия индийского Конгресса в Аллахабаде, я остановился у Неру, и мы каждый день обсуждали все эти интересные вопросы»[9].

Письмо Джавахарлала Неру, Аллахабад, 25 февраля 1942 г.:

«Г-ну Святославу Рериху,

Наггар, Долина Кулу (Пенджаб)

Мой дорогой друг,

По возвращении сюда сегодня я нашёл Вашу записку и четыре пачки мази, которые Вы мне прислали. Большое спасибо за память.

У меня было довольно напряженное время, и я чувствую себя усталым и измученным. Я надеюсь, что у Вас и Вашего отца всё хорошо. Пожалуйста, передайте мои приветы Вашим отцу и матери.

Искренне Ваш, (подписи на копии письма нет)».

Двадцать шестого марта в Аллахабаде состоялась свадьба Индиры Неру с Ферозом Ганди[10].

Следующее письмо С. Н. Рериху Неру написал 4 мая 1942 г. Оно уже непосредственно касалось их поездки в горы:

«Г-ну Святославу Рериху

через г-на Б. Дхингру

2, Гольф Роад,

Лахор

Мой дорогой друг,

Индира и я выезжаем из Аллахабада завтра вечером в Лакнау, где мы пробудем два дня. Оттуда мы едем в Дели. Мы будем в Дели 8-го и 9-го и остановимся по адресу: Гардинг авенью, 3. Вечером 9-го мы намерены отправиться в Лахор, чтобы прибыть туда 10-го утром. У меня нет особых дел в Лахоре, кроме как встретиться с некоторыми друзьями. Моя дальнейшая программа будет зависеть от Ваших указаний относительно того, когда нам выезжать из Лахора. Возможно, было бы лучше отправиться один-

надцатого, чтобы в моём распоряжении были день и ночь в Лахоре. В Лахоре мы остановимся в доме Миана Ифтикар Уддина[11] по адресу Айкман Роад, 21.

Я с нетерпением предвкушаю мой визит в Наггар и встречу с Вашими отцом и матерью. Я благодарен Вам за проявленную Вами настойчивость, которая способствовала принятию мною решения в этом отношении, поскольку сам я колебался в определении своей программы.

Если Вы уедете из Лахора до того, как мы туда прибудем, пожалуйста, оставьте подробные указания для меня в доме моего хозяина.

Я хотел бы отметить, что нас будет сопровождать мой секретарь и, возможно, слуга.

Искренне ваш, Джавахарлал»[12].

Восьмого мая Святослав Николаевич сообщал родителям и брату:

«Итак, мне придётся привезти нашего Pandit'а и его дочку, так как это единственное время для них. Я думаю, мы его положим в теперешней спальне, а одну постель поставим в Dining Room для дочки <в оригинале письма рисунок>. А затем мы устроим постель в другой – на случай [если] с ними приедет Yunus, хотя я особенно и не хотел их сейчас везти, но все же это единственное время. Сам Pandit на несколько дней, а дочка, может быть, на немного больше. Он очень хотел с вами познакомиться, так как сейчас трудное положение и его легко направить»[13].

Много лет спустя С. Н. Рерих вспоминал: «Мы решили ехать в Кулу в мае. Договорились встретиться с Джавахарлалом Неру в Лахоре и оттуда ехать в Кулу. Он приехал в Лахор с дочкой, с сопровождающим его секретарём и ещё одним другом семьи. Это было его первое путешествие в наши горы, никогда раньше он не бывал в этом районе. И вот мы ехали вместе, и на всех перекрестках нас встречали толпы людей, которые хотели побеседовать с Джавахарлалом Неру. Время было тревожное, и мы очень медленно двигались по дороге. На ночь остановились в маленьком княжестве, где была беседа с местными литераторами, а на следующий день мы приехали в Кулу»[14].

В Кулу

«Дни самые сложные. Под Харьковом наступление, русские полки продвигаются. В Бирме плохо. Неделю у нас Неру с дочкою. Славный, замечательный деятель. К нему тянутся. Каждый день он кому-то говорит ободрительное слово. Наверно, сильно устает. Иногда работает до четырех часов утра. Святослав написал отличный этюд портрета. Самый портрет будет в десять футов вышиной и шесть в ширину. Сзади – знамя Конгресса.

Говорили об Индо-Русской Культурной Ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной. Махараджа Индора приедет к нам через три недели. Просит, чтобы Пандитджи слетал в Америку. Четыре с половиной дня туда, столько же обратно, и там один день – на беседу. Пандитджи, конечно, не поедет. Время ли, чтобы глава движения мог отсутствовать десять дней? Да и что родится из такой поездки? Махараджа приедет к нам через три недели.

Опять будет беседа об ИРКА (Индо-русской культурной ассоциации. – *П. К.*). Характерно, что в день приезда Пандитджи получилось отвратительное письмо от М. – против Пандитджи, с угрозами нам. Разве в тюрьме мы? Эти угрозы на всех произвели гадкое впечатление. Придётся расстаться с М. – так люди сами себе и вредят[15]. <…>

К доброму сердцу тянется и всё доброе, естественно. Мечтают люди о справедливости и знают, что она живёт около доброго сердца. Трогательно, когда народ восклицает: "Да здравствует Неру!" Идёт к Пандитджи народ за советом. Добрый водитель каждому найдёт ободрительное слово. Скажет о единении, о выносливости, о светлом будущем.

В нынешние лукавые, истерзанные дни народ особенно чтит честное, доброе сердце, болеющее о благе народном. Все мы, все окрестные жители добром помянем приезд Пандитджи Неру. Шивам, Сатьям, Сундарам!»

Это выдержки из листа дневника Н. К. Рериха «Пандитджи», написанного 20 мая, в день отъезда Неру из Наггара[16].

На Неру встреча с семьей Рерихов в Кулу и пребывание в их доме также произвели большое впечатление. В письме Яшванту Рао Холькару, тогдашнему махарадже центрально-индийского княжества Индор, давнему почитателю таланта Н. К. Рериха, он писал: «Кулу, 19 мая 1942 г. <…> Мы отправляемся из Наггара завтра после великолепного недельного пребывания у Рерихов, которые могут служить примером самого совершенного гостеприимства. Я намерен приехать в Аллахабад в течение недели после коротких остановок в Лахоре и Дели»[17].

Документы, найденные Л. В. Митрохиным, позволяют достаточно точно датировать сроки пребывания Джавахарлала Неру и Индиры Ганди у Рерихов. Они выехали из Лахора 11 мая, переночевали в пути (предположительно в Манди) и 12-го прибыли в Наггар. Пробыли там неделю и 20 мая уехали назад.

Вот воспоминания дочери Неру Индиры: «В 1942 году я вместе с отцом несколько дней провела с семьей Рерихов. Это было памятное посещение одарённой и удивительной семьи, где каждый сам по себе был примечательной личностью с чётко определённым кругом интересов. Мне запомнился сам Николай Рерих, человек обширнейших знаний и огромного жизненного опыта, человек большой души, глубоко проникающий во всё, что наблюдал.

Его картины поражают богатством и тонким ощущением цвета. Н. Рерих замечательно передал таинственное величие природы Гималаев. Да и сам он своей внешностью и натурой, казалось, в какой-то степени проникся душой великих гор. Он был немногословен, однако от него исходила сдержанная мощь, которая словно бы заполняла собой всё окружающее пространство.

Мы глубоко уважаем Николая Рериха за его мудрость и творческий гений. Мы также ценим его как связующее звено между Советским Союзом и Индией.

Я не присутствовала при его беседе с моим отцом. Однако знаю, что были высказаны идеи и мысли о развитии более тесного сотрудничества между Индией и СССР»[18].

Святослав Николаевич рассказывал: «Неру провел у нас дней двенадцать, мы ездили с ним по долине, она ему очень понравилась, и он её полюбил. Каждый день он беседовал с Николаем Константиновичем, Еленой Ивановной, Юрием Николаеви-

чем, а я писал его портреты и написал два или три портрета. Он очень хорошо мне позировал – ведь для большого настоящего портрета ему приходилось стоять, и мы с ним, конечно, подружились, это были, так сказать, основы наших контактов. Николай Константинович обсуждал с Неру планы, как на культурных основаниях перебросить мост между нашими странами. Самыми лучшими были культурные связи, и мы видим: в жизни они и остаются самыми надежными.

Как вы знаете, Джавахарлал Неру был исключительным человеком – он был, с одной стороны, большим писателем и поэтом, и с другой стороны – политическим деятелем. Он любил свою работу, любил народ, контакты с народом.

Неру был бесстрашный человек, он абсолютно ничего не боялся и в самые трудные моменты никогда не терял равновесия и всегда стремился сделать что-то особенное, необычное – то, что нужно было именно для этого момента. <…>

Я счастлив, что судьба свела меня с таким замечательным человеком, как Джавахарлал Неру. Уважение и восхищение древней культурой Индии, её народом, которые отличали нашу семью, тоже находили отклик в сердце великого сына Индии. Глубоко интересовался он дружескими связями своей страны и России, Советского Союза»[19].

В другом интервью С. Н. Рерих рассказал: «Я написал тогда целую серию этюдов и портретов Неру. Он, как вы знаете, был совершенно изумительный человек, глубокого, неповторимого сердца, большой широты взгляда. И, будучи исключительно культурным человеком, он, конечно, являлся прекрасным руководителем для Индии. Я его не только уважаю, но и люблю. И, конечно, в моих портретах я старался передать то, что я о нём знаю, вижу и видел в нём»[20].

Приезд Неру в Кулу запомнился всем жителям дома Рерихов. Их врач, Антон Федорович Яловенко, 12 лет спустя писал брату о своих попытках вернуться на родину: «Особенно появилась надежда после посещения моей Родины нашим дорогим и всеми уважаемым г. Неру. Должен тебе сказать, что я с ним и его дочерью Индирой знаком. В 42-м году, когда он ещё не был [премьер-]министром, но все считали его вождём индийского народа, он посетил нашу прекрасную долину и гостил у нас десять дней со своей дочерью, тогда ещё барышней <…> Речь г. Неру на митинге в Москве мною прослушана с начала до конца у своего радиоприёмника, даже оглушительные аплодисменты моих дорогих соотечественников. Верю, что дружеские отношения завязались и теперь будут развиваться на благо всего мира»[21].

Видимо, вскоре после своего отъезда Неру прислал Рерихам письмо, в котором благодарил за проявленное гостеприимство. Текст этого письма неизвестен, но был найден ответ Святослава Николаевича, написанный от руки 19 июня 1942 г.

> «Мой дорогой и уважаемый друг,
>
> Большое спасибо за Ваше письмо, которое дошло до меня с некоторой задержкой. Поистине, то была огромная радость, что вы были с нами и я очень счастлив, что у меня была возможность набросать несколько ваших этюдов. Они теперь завершены, и как только я закончу свою другую работу, я приступлю к большой картине.
>
> Мои наилучшие приветы Вашей семье и Вам лично,
>
> Ваш Святослав Рерих»[22].

На память о посещении Неру и его спутниками Наггара осталось несколько фотографий (ил. 2–4). Они были неоднократно опубликованы как в нашей стране, так и в Индии.

Тем же летом, по свидетельству Н. К. Рериха, «Святослав послал Неру “Русскую историю” Вернадского, а то здесь (в Индии. – *П. К.*) мало фактических книг»[23].

Национально-освободительная борьба в стране не утихала, и вскоре Неру снова оказался за решёткой. В письме И. Э. Грабарю Н. К. Рерих отметил: «В своём прошлом письме Ты помянул Неру. Действительно, он замечательный государственный деятель, народный вождь – чуткий, высококультурный. Он у нас гостил две недели, и мы все его очень полюбили. Превосходна его последняя большая книга “Дисковери оф Индия”[24], написанная им в тюрьме. Только подумать, что Неру за свободу Индии провёл в тюрьме пятнадцать лет! Не утратил энтузиазма, ещё больше углубился, возвысился, умудрился. Трудно ему со всеми неведующими – ох, какие всюду волнения, совершенно ненужные, вредные. Отчего у нас никогда не было препирательств с мусульманами? Приезжие иранцы, египтяне, арабы выражали своё удивление по поводу непримиримости здешних мусульман. А жестокости-то сколько, вандализм, прямо зверство»[25].

Последний из найденных Л. В. Митрохиным документов – телеграмма от 17 июня 1945 г., в которой С. Н. Рерих поздравлял Неру с выходом из последнего тюремного заключения: «Счастливы, получив известие Вашем освобождении. Наши лучшие мысли и тёплые поздравления от всех в Наггаре. Святослав Рерих»[26].

Портреты Неру

О каких написанных в Кулу этюдах к портрету Неру упоминал С. Н. Рерих, сколько их было, где они сейчас? Сколько всего портретов Неру в разные годы создал Святослав Николаевич? Точно ответить на эти вопросы не так просто.

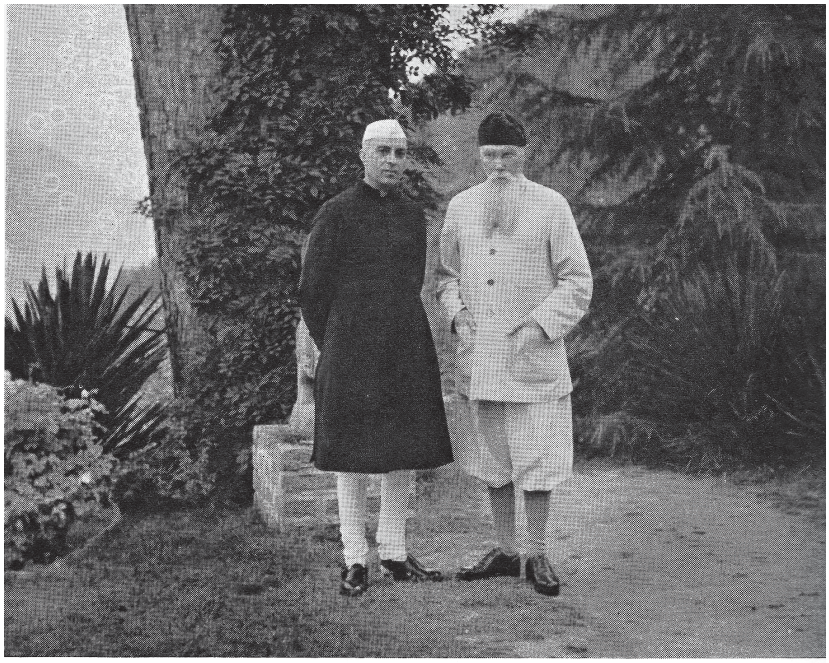
В первом упомянутом интервью со Святославом Рерихом речь шла о «двух или трёх» этюдах, во втором – о «целой серии». В интервью также отмечено, что «он (Неру) очень хорошо мне позировал – ведь для большого настоящего портрета ему приходилось стоять». А в очерке «Пандитджи» Н. К. Рерих писал, что «Святослав написал отличный этюд портрета. Самый портрет будет в десять футов вышиной и шесть в ширину. Сзади – знамя Конгресса». В приведённом выше письме Неру в 1942 г. С. Н. Рерих сообщал: «Я очень счастлив, что у меня была возможность набросать несколько ваших этюдов. Они теперь завершены, и как только я закончу свою другую работу, я приступлю к большой картине».

В настоящее время известны пять портретов Неру, написанных С. Н. Рерихом, один из них находится в Москве, четыре – в Индии.

Первый, самый маленький (31,5 × 25,5 см), и сейчас выставлен в картинной галерее в Наггаре. Инициалы художника и число «42» подтверждают, что он был написан в 1942 г. Это, судя по всему, один из упомянутых С. Рерихом этюдов[27] (ил. 5).

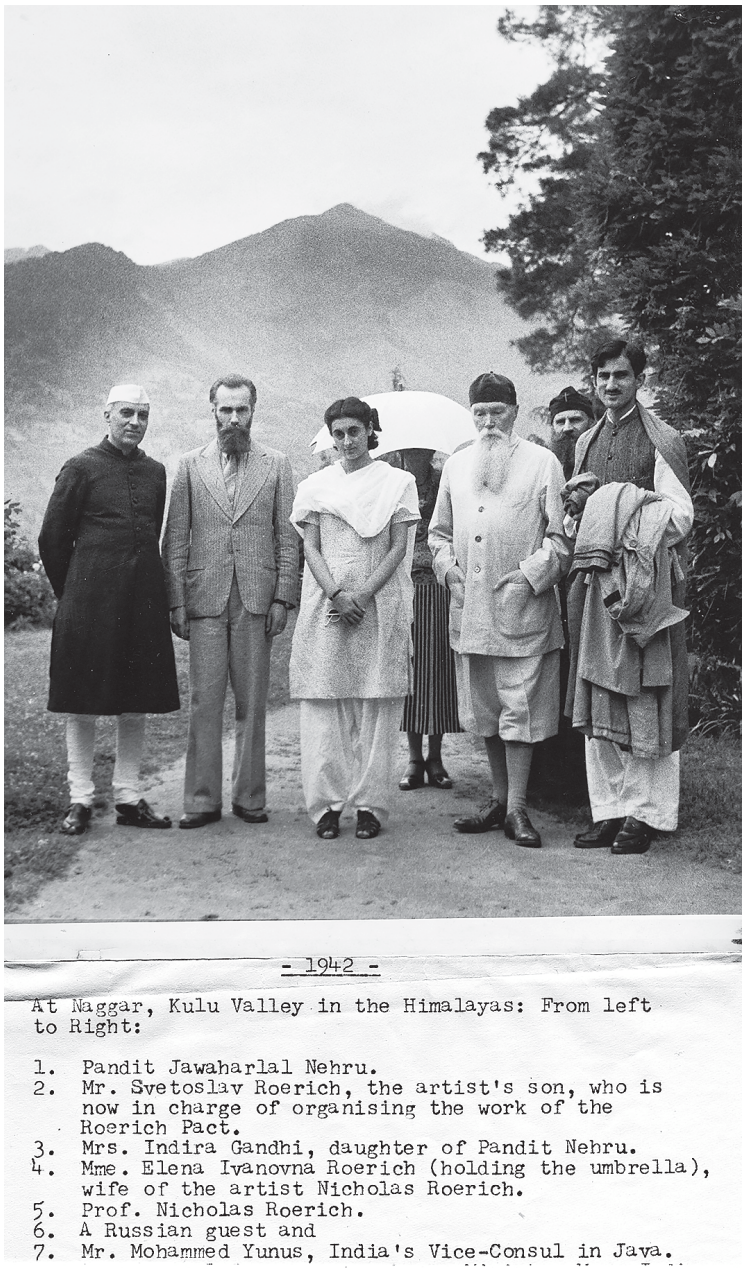
Второй портрет (48 × 42,5 см) находился у художника и вместе со многими другими картинами из Татагуни был передан им в Центр искусств «Карнатака Читракала

Ил. 2. Слева направо: С. Н. Рерих, Индира Ганди, Дж. Неру, М. Юнус, неустановленные лица. Наггар, Индия, май 1942



Jawaharlal Nehru and Nicholas Roerich.

Ил. 3. Дж. Неру и Н. К. Рерих перед статуей Гуго Чохана. Наггар, Индия, май 1942

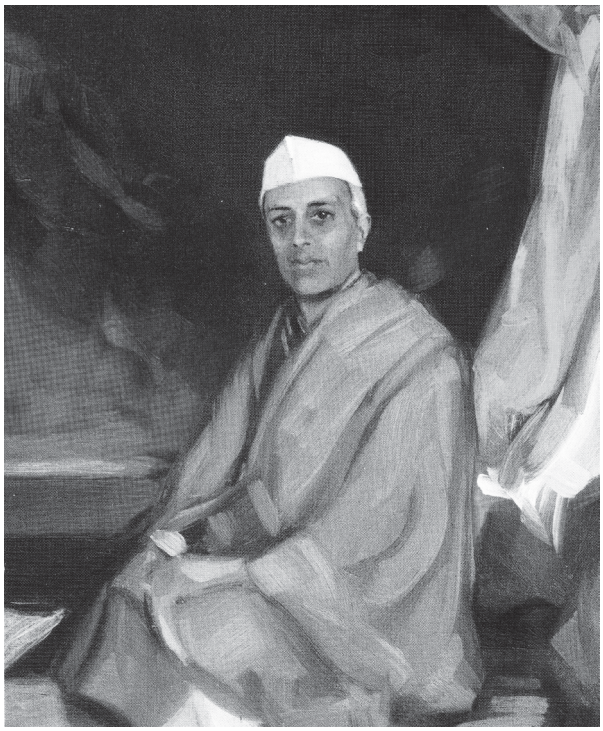


- 1942 -

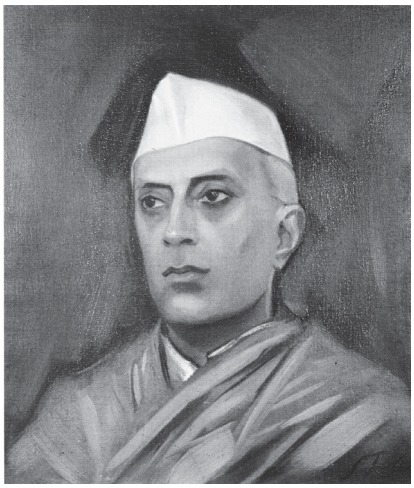
At Naggar, Kulu Valley in the Himalayas: From left to Right:

1. Pandit Jawaharlal Nehru.
2. Mr. Svetoslav Roerich, the artist's son, who is now in charge of organising the work of the Roerich Pact.
3. Mrs. Indira Gandhi, daughter of Pandit Nehru.
4. Mme. Elena Ivanovna Roerich (holding the umbrella), wife of the artist Nicholas Roerich.
5. Prof. Nicholas Roerich.
6. A Russian guest and
7. Mr. Mohammed Yunus, India's Vice-Consul in Java.

Ил. 4. Слева направо: Дж. Неру, С. Н. Рерих, Индира Ганди, Е. И. Рерих (сзади под зонтом), Н. К. Рерих, неизвестный священник, М. Юнус. Наггар, Индия, май 1942. Машинописная подпись под фотографией сделана Девикой Рани



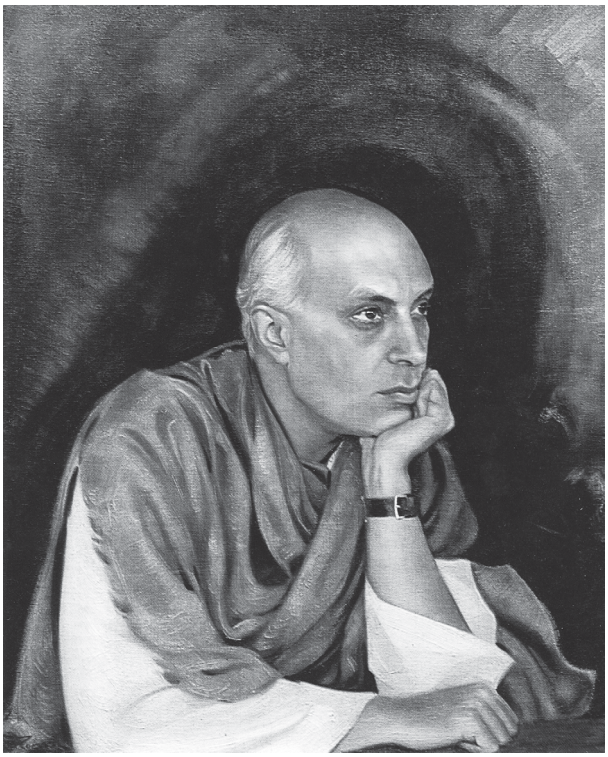
Ил. 5. С. Н. Рерих. Портрет Дж. Неру (этюд). 1942. Холст, масло. 31,5 × 25,5 см.
Художественная галерея Николая Рериха. Наггар, Индия



Ил. 6. С. Н. Рерих. Портрет Дж. Неру (этюд). 1942 (?) Холст, масло. 48 × 42,5 см.
Центр искусств «Карнатака Читракала Паришат», Бангалор, Индия

Паришат» в Бангалоре[28]. Он подписан, но дата создания не указана. Скорее всего, это тоже этюд, написанный во время пребывания Неру в гостях у Рерихов (ил. 6).

Третья картина – самый известный в России портрет – находится в Москве, в Музее искусства народов Востока (ил. 7). Картина также написана в 1942 г. Этот портрет был среди полотен, представленных на персональной выставке С. Н. Рериха, проходившей в 1960 г. сначала в Дели, а потом в СССР, в Москве и Ленинграде. В беседе с сотрудниками Эрмитажа Святослав Николаевич рассказывал: «Когда я пишу портрет, меня главным образом интересует характер человека, и я стараюсь писать портреты с тех людей, которых я знаю. Иногда прочесть характер человека довольно просто,



Ил. 7. С. Н. Рерих. Портрет Дж. Неру. 1942. Холст, масло. 76,5 × 61,5 см.
Государственный музей искусства народов Востока, Москва

но всё же лучше его узнать, изучить. Здесь у меня на выставке есть портрет Джавахарлала Неру, которого я хорошо знаю. Когда я писал этот портрет, Неру у нас жил, и у меня было много времени с ним общаться. Я написал тогда с него целую серию этюдов и портретов. Он, как вы знаете, совершенно изумительный человек, глубокого прекрасного сердца, большой, исключительной широты взглядов: он уже мыслит общечеловеческими категориями, для него весь мир – общий континент. И будучи

высококультурным человеком, он является прекрасным водителем Индии. Этот портрет был написан в 1942 году. С тех пор я сделал несколько других, но этот остался характерным <…> Этот портрет технически был написан мною так, как я счёл нужным для того, чтобы отобразить это сложное лицо. Оно только кажется простым. Многие художники писали с него портреты и говорили мне, как это было трудно»[29].

Может смутить, что в ряде документов и публикаций, в том числе в известном альбоме С. И. Тюляева «Святослав Рерих» (1977)[30], картина датируется 1946 г. С. И. Тюляев писал: «Крепкая дружба связывала семью Рерихов с Джавахарлалом Неру. Ещё в колониальный период Николай Константинович принимал его у себя в Кулу. В 1946 году Святослав Николаевич пишет портрет этого замечательного человека – "Пандит Джавахарлал Неру". Это был год накануне великих перемен, когда Индия добилась независимости. Неру сидит, задумчиво облокотившись о стол, его мысли устремлены в будущее, в предвидения назревающих событий».

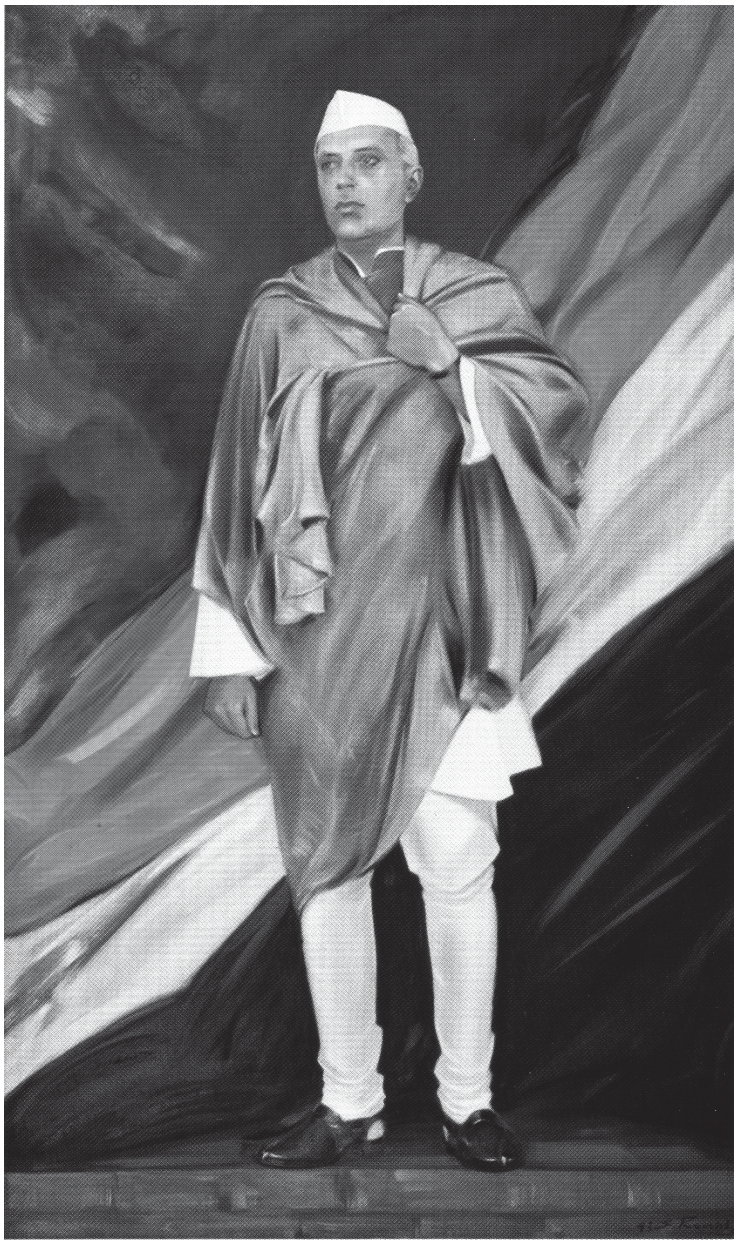
Однако эта датировка ошибочна. Картина была написана в 1942 г., во время пребывания Неру в Кулу. Возможно, что она была закончена уже после отъезда Неру, но в том же году. Доказательством этому могут служить воспоминания как С. Н. Рериха, так и его брата Юрия: «В собрании картин, присланном в Москву (речь идёт о картинах на выставку 1960 г. – *П. К.*), много портретов, жанровых работ и пейзажей Индии, где мой брат живёт уже много лет. Среди портретных полотен я хотел бы отметить портрет Джавахарлала Неру, писанный с натуры. Эта работа была закончена ещё при жизни отца в дни, когда Джавахарлал Неру был гостем нашей семьи»[31].

Остаётся один вопрос: для какой картины Неру в Наггаре позировал стоя, где этюды к ней? Пока можно ответить только на первую часть вопроса.

Как следует из приведённых воспоминаний, еще в Наггаре был задуман большой («в десять футов вышиной и шесть в ширину», по Н. К. Рериху) портрет Неру, стоящего на фоне флага Индийского национального конгресса. Видимо, это за него собирался взяться С. Н. Рерих («Как только я закончу свою другую работу, я приступлю к большой картине»).

У нас в стране этот портрет известен по репродукциям, помещённым в ряде изданий[32], причём с такими разными датировками, как 1943 и 1966 гг. (ил. 8). Мне встретилось только одно указание на время его создания. 15 января 1947 г. Н. К. Рерих в листе дневника «Опять труд» отметил: «Святослав пишет большой, во весь рост, портрет Неру. Сейчас Девика и Святослав в Бомбее – пробудут, вероятно, до апреля»[33]. Мне кажется, что в очерке идет речь именно об этом портрете, а это означает, что он был написан (или закончен) в 1947 г. И возможно, именно про это произведение говорил Дж. Неру на открытии выставки С. Н. Рериха в Дели в 1960 г.: «Тогда же (в Кулу в 1942 г. – *П. К.*) Святослав начал писать мой портрет, и могу упомянуть неофициально, что я его так и не видел, хотя предполагаю, что он где-то существует»[34].

Этот портрет оставался в собрании С. Н. Рериха в имении Татагуни до конца жизни художника, а потом в 1999 г. был перевезён в Государственный музей в Бангалоре[35]. Возможно, в запасниках этого музея можно найти и сделанные в Кулу этюды к этому портрету.



Ил. 8. С. Н. Рерих. Портрет Дж. Неру. 1947. Государственный музей штата Карнатака, Бангалор

Наконец, пятое известное полотно, написанное уже после смерти Дж. Неру, – это его «официальный» портрет, который находится в здании Парламента Индии в Дели. К нему мы ещё вернёмся.

«Бенгальская тигрица»

В 1945 г. Святослав Рерих женился на индийской кинозвезде Девике Рани (ил. 9).

Про Девику Рани написано много, хотя нельзя сказать, что по этим публикациям легко воссоздать её внутренний облик, понять её характер. Пожалуй, наиболее ёмкую (хотя и краткую) характеристику привела в своём дневнике ученица и близкая сотрудница Рерихов Зинаида Григорьевна Фосдик. В 1961 г. она приехала в Индию, где провела достаточно много времени со Святославом Рерихом и его женой.

Ил. 9. Девика Рани и С. Н. Рерих. 1947

«Девика – удивительная женщина, сочетает неутомимую активность, целеустремлённость, исключительный административный талант, некоторую суровость и железную волю с поэтическим уклоном, пониманием красоты и большой любовью к Индии. Строга к другим, но также и к себе. Очень дисциплинированна, всем заведует, всё умеет, успевает во всех направлениях, прекрасно знает людей, обстоятельства – умница. Провела детство, юность в Европе, училась там, затем прошла суровую школу в фильмах, с первым мужем[36] [они] создали современный подход в постановках, работали упорно, терпели нужду, но достигли признания в стране. И доныне все знают актрису Девику Рани. Она же теперь всецело предана Святославу, его искусству и заботе о широком признании его как художника. Организует рекламу, обо всём заботится, ничего не упускает. <…>

Ил. 10. Девика Рани и Дж. Неру. Семинар по индийскому кино. Дели, 1955

Интересный случай рассказан был мне о том, как Девика открыто сказала главе правительства (Дж. Неру. – *П. К.*), что он назначил главой фильминдустрии ничтожного, невежественного человека, который абсолютно ничего не понимал в этом и в свою очередь назначил своих людей на разные должности, платил им большие деньги. И она отказалась работать в фильминдустрии, сказав открыто всё, что думала о таком политическом назначении. Он (Неру. – *П. К.*) назвал её бенгальской тигрицей. У них немало было таких стычек, но всё же они старые друзья. Он очень ценит и любит Святослава»[37] (ил. 10).

В 2004 г. мне удалось встретиться с сыном раджи княжества Манди – того самого раджи, у которого Рерихи купили поместье «Холл Эстейт» в Наггаре и у которого не раз останавливались на ночь, возвращаясь туда «с равнин». Сыну раджи по имени Ашок Пал Сен (Ashok Pal Son) на момент нашей беседы было около восьмидесяти лет, но он сохранил достаточно яркие детские воспоминания. В частности, он хорошо запомнил, как у них ночевали Святослав Николаевич с Девикой Рани, которую тот вёз, чтобы познакомить со своими родителями. По его словам, было хорошо заметно, как сильно волновался Святослав перед этой встречей.

Я полагал, что Святослав Николаевич опасался лишь того, как примут Девику его родители. Теперь, лучше понимая её характер, думаю, что одновременно он боялся и за жену – как она поладит с его родителями. Встреча закончилась хорошо: известны очень тёплые отзывы и Рерихов-старших о своей невестке, и Девики Рани о новых свёкре и свекрови.

Говоря неприятную правду в лицо премьер-министру, Девика Рани, полагаю, не так уж рисковала. Они с Неру были хорошо знакомы много лет. Среди десятков статей, опубликованных в индийских газетах и журналах в связи со 100-летием индийского кино, отмечавшимся в 2013 г., мелькнул заголовок: «100 лет индийскому кино: Времена, когда премьер-министр Неру писал полные любви письма (вариант перевода: любовные записки) Девике Рани». А в другой статье был описан такой случай: «Можно вспомнить, что Джавахарлал Неру был пылким поклонником Девики Рани. Он даже отправился на премьеру её фильма "Ачут Канья"[38] в бомбейский кинотеатр. Там он оказался сидящим между Ашоком Кумаром и Девикой Рани. Его очень взволновала опасная сцена с поездом, он даже вскочил со своего места – к огромному удовольствию сидевших рядом героя и героини»[39].

Так что Девика, «бенгальская тигрица», ругала не просто главу правительства, а своего давнего почитателя (ил. 11).

Ил. 11. Девика Рани, Дж. Неру, Радж Капур. Семинар по индийскому кино. Дели, 1955

О свадьбе С. Н. Рериха и Девики Рани вскоре стало известно в Индии. Первого сентября 1945 г. Елена Ивановна писала сыну и Девике Рани, к тому времени уже покинувшим Наггар: «Получаются телеграммы и письма поздравительные для Вас. Среди них от Юнуса, от Индиры, от Кумар Хальдара (пишет, что Девика его племянница), от Талаяр Хана и других»[40].

В январе 1947 г. в Дели проходил 34-й Всеиндийский научный конгресс. Активное участие в его работе принимал Джавахарлал Неру, пригласивший на конгресс советскую делегацию. С. Н. Рерих с Девикой Рани встретили эту делегацию в Дели, а потом, после поездки наших ученых по стране, – в Бомбее.

Одиннадцатого января С. Н. Рерих сообщал из Бомбея родителям: «Только что приехали в Бомбей. Дели у нас очень хорошо закончилось. И нас Неру чествовал вместе с русскими учёными. Мы участвовали на всех праздниках и обедах, и я переводил для Неру. Теперь они улетели по Индии. Мы устроили им аэроплан, так как русский аэроплан слишком тяжёл для перелётов. Все они были очень дружественны, и мы завязали очень хорошие сношения. Кроме того они видели, что мы всюду были в самых первых рядах. <…> Вузлик (домашнее имя Девики Рани. – *П. К.*) очень во всём помогал, старался во всём, возился. Доставал для них фрукты, цветы – ездил и всё организовывал. Сейчас мы старались нашим устроить "reception" (прием. – *П. К.*) в Бомбее и надеемся, что всё сойдет благополучно»[41].

Выставка Н. К. Рериха в Дели. Пакт Рериха

Двадцать девятого декабря 1947 г., в понедельник, в выставочном зале на улице Парламента открылась выставка картин Н. К. Рериха. Волею судьбы первая выставка в столице Индии стала первой посмертной выставкой художника. Открывал выставку, организованную Святославом Николаевичем, Джавахарлал Неру. Известна фотография, на которой Святослав Рерих и Неру остановились у картины Н. К. Рериха «Слепые» (ил. 12). На открытии Неру сказал очень хорошую, искреннюю речь, свидетельствовавшую как о знакомстве с художником, так и о глубоком понимании его творчества, о поддержке его общественных инициатив[42]. Выдержки из этой речи неоднократно переводились и публиковались по-русски.

> «Я надеюсь, что когда мы станем немного свободнее от забот текущего момента, мы обратим особое внимание на древние культурные памятники в стране, причём не только с точки зрения охраны их от разрушении, но и всё большего вовлечения их в наше образование, в наши судьбы, чтобы мы смогли впитать частицу вдохновения, которым они насыщены».
>
> «Когда я думаю о Николае Рерихе, меня поражает размах и широта его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий учёный и писатель, археолог и исследователь, он прикоснулся к столь многим аспектам человеческих устремлений, осветив их особым светом. Уже само количество произведений изумительно – тысячи картин и каждая из них – великое произведение искусства. Когда вы смотрите на эти картины, а очень многие из них посвящены Гималаям, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, которые возвышаются над индийской равниной, и которые неизменно, с незапамятных времен были нашими стражами. Картины напоминают столь многое в нашей истории, в нашей мысли, в нашем культурном и духовном наследии, причём столь многое не только из Индии прошлого, но и о чём-то, постоянно и вечно

Ил. 12. Дж. Неру и С. Н. Рерих на открытии выставки Н. К. Рериха. Дели, декабрь 1947

связанном с Индией. Поэтому мы не можем не почувствовать себя в долгу у Николая Рериха, увековечившего этот дух на своих величественных полотнах».

«Хорошо, что эта выставка состоялась, несмотря на печальное обстоятельство смерти творца этих полотен, потому что искусство и труд Рериха имеют мало общего с жизнью и смертью личности. Они выше этого, они продолжают жить, они гораздо более долговечны, чем человеческая жизнь»[43].

Не переводилась и не печаталась в СССР только заключительная часть выступления Неру, посвященная охране памятников культуры. О ней впервые рассказал в своей неоднократно упомянутой статье Л. В. Митрохин. Именно про неё Е. И. Рерих писала американским сотрудникам в январе 1948 г.: «Сейчас в Дели открыта выставка его (Н. К. Рериха. – *П. К.*) картин. На открытии Неру сказал прекрасную речь о значении его творчества, особенно подчеркнув идею Знамени Мира»[44].

Действительно, завершая своё выступление на открытии выставки, Неру сказал: «Ещё одна сторона его деятельности, о которой многие, наверное, знают и которая имеет такое особое значение в Индии, это концепция охраны памятников искусства и культуры и других подобных учреждений. Он создал своего рода международный пакт по защите памятников искусства и культуры. Многие страны его приняли. Я не знаю точно, какова ценность подобных соглашений, поскольку мы соглашаемся со многим, о чём тут же забываем в случае войны или общественных волнений. Недавно, во время последней войны было разрушено так много великих памятников культуры – несмотря на все предыдущие соглашения об их охране. Тем не менее тра-

гедия в том, что разрушение часто застаёт эти великие памятники культуры прошлого врасплох. У нас в Индии их очень много, и наш долг – уважать их, прославлять и самим впитывать то вдохновение, которое их создало».

История Пакта Рериха в Индии – тема отдельного исследования. Ясно, что поддержка пакта со стороны Дж. Неру играла большую роль в его продвижении по ступеням индийской юридическо-бюрократической лестницы, ведущей к официальному принятию и ратификации этого документа. Также понятно, что полно раскрыть эту тему без изучения архивных материалов в Индии невозможно. Поэтому здесь я ограничусь только несколькими выдержками из писем Е. И. Рерих в Америку, написанных в 1948 г. и дающих общее представление о положении дел в то время.

8 февраля 1948: «Пакт был принят правительством Индии, и только неожиданное убийство Гандиджи приостановило временно окончательную ратификацию его. Страна объята большим горем, но его трагический конец, может быть, осуществит то, чего сам он не мог достичь при жизни».

9 апреля: «Также и окончательное принятие, вернее, узаконение Пакта затормозилось, с одной стороны, из-за смерти Ганди и, с другой – из-за перегруженности работою настоящей сессии. Возможно, что придётся отложить на вторую сессию, но это будет уже утратою нескольких месяцев».

16 апреля: «Во всяком случае, будет ли Пакт принят и узаконен теперь же, или же снова возникнут какие-то недоумения и все отложится в долгий ящик, мы отнесёмся с прежним спокойствием, ибо ничто уже не может умалить значение этого Пакта в недалеком будущем. <…> Очень хотелось бы, чтобы любимая нами Индия приняла и защитила себя щитом – Знаменем Сил Света. <…> Сейчас приехал Светик, говорит, что на днях Пакт будет узаконен. Министр просвещения подписал, и Министерство иностранных дел высказалось положительно».

13 июля: «Теперь сообщаю Вам имена членов Комитета Пакта в Индии – Светик обещал прислать полный список, но пока что я его не имею и посылаю Вам имена, данные им мне по памяти. <…> События здесь настолько усложнились, что о мирных строительных начинаниях никто и не мыслит. Дальнейших подвижек в окончательном проведении Знамени в Конгрессе – нет. Неру хотел сам провести и тем задержал и упустил удобный момент».

10 августа: «Родные мои, вчера послала Дедлею письмо с оповещением о принятии Пакта правительством Индии <…> Ждём не дождёмся правительственного указа в их органе, ибо до этого не имеем права выдачи этого сведения в иностранную прессу. <…> Надеюсь, что Свят[ослав] уже выслал Вам полный список Ком[итета] Пакта с адресами, – напомню ему опять».

19 августа: «Вчера и сегодня уже имеются в газетах заметки о принятии и подписании Пакта Рериха. Так, “Times of India” от 19 авг. 1948 поместила заметку “Protection of Art Treasures – Pact Approved” [“Охрана сокровищ искусства – Пакт принят”, *англ*.]. <…> Сегодня, 20-го, еще одна заметка о Пакте в “Times of India” <…> Девика обещала

собрать все заметки. Вероятно, и в амер[иканской] прессе появилось это оповещение, ибо Девика хотела сообщить в “Associated Press”».

2 сентября: «Пакт принят и подписан, но до сих пор не появилось официального оповещения об этом, хотя в главной местной газете “Times of India” дважды была помещена заметка о принятии и подписании Пакта правительством Индии и краткая история его. Мы слышали, что появились заметки и в других газетах и журналах Индии, но, кроме как в “Illustrated Weekly” и в “Blitz”, пока что не видели. <…> Конечно, положение здесь настолько трудное и напряжённое из-за кашмирской войны и позиции, занятой Хайдерабадом, что нельзя требовать исключительного внимания к тому, что, по мнению многих, не является столь насущным и спешным сейчас».

13 сентября: «Родные и любимые, видимо, нам не придется дождаться официального оповещения о принятии Пакта прав[ительством] Индии. Удовлетворимся пока тем, что местные газеты и большинство журналов поместили заметки о принятии его. Все слои общества единодушно восхищаются Пактом и одобряют принятие его, но никто не интересуется, почему нет официального оповещения, и ещё меньше, как Пакт и Знамя войдут в жизнь. <…> В нашем случае примем такое замедление просто и будем стоять на твёрдой почве принятия Пакта прав[ительством] Индии. Конечно, дальнейшая процедура затормозилась из-за событий в самой стране <…> Поднятие Знамени знаменует победу Сил Света над тьмою! <…> Сейчас газеты принесли подтверждение о войне Индии с Хайдерабадом. Инд[ийские] войска вступили на территорию Хайд[ерабада]. Болит сердце за любимую страну. Интриги привели к такому тяжкому действию»[45].

Елена Ивановна права – ситуация в стране оставалась крайне сложной. На северо-западе Индии продолжалась война с Пакистаном за Кашмир. Тридцатого января индусом-радикалом на вечерней молитве был в упор застрелен «отец нации» Махатма Ганди. Трудности были и с интеграцией княжеств в состав новой Индии. Нужно помнить, что Британская Индия, уступившая свою власть над страной, по площади составляла примерно половину современной Индии. Вторую половину занимали многочисленные независимые княжества, сильно различавшиеся как по размеру, так и по степени «независимости». Подавляющее большинство их правителей почло за лучшее добровольно (с сохранением всего имущества и назначением им высоких пенсий) сложить свои полномочия. Однако низам Асаф Джах VII, правитель самого крупного, площадью в 212 тысяч квадратных километров и населением около 18 миллионов человек, княжества Хайдарабад и Бехар, не спешил этого делать. Низам колебался между провозглашением самостоятельности своих преимущественно мусульманских владений и включением их в состав Пакистана. Назревал мятеж, и Джавахарлал Неру отдал приказ о вводе в княжество индийских войск. Низаму было гарантировано сохранение богатств и недвижимости, а также назначена соответствующая его статусу пенсия, после чего он подписал договор о вхождении своих владений в Индийский Союз.

На фоне всех этих событий рассмотрение и принятие правительством Пакта Рериха кажется удивительным событием. Однако, судя по письмам, он так и не был ратифицирован.

Ил. 13. Слева направо: Фероз Ганди, Девика Рани Рерих, Кэтрин Кемпбелл, Индира Ганди и С. Н. Рерих. Индия, 1950

В 1950-е годы и Святослав Николаевич, и Юрий Николаевич продолжали время от времени по разным поводам встречаться как с Джавахарлалом Неру, так и с его дочерью Индирой Ганди. На фотографии, сделанной в 1950 г., мы видим Святослава Николаевича, Девику Рани и приехавшую к ним сотрудницу Рерихов Кэтрин Кембелл в обществе Индиры и её мужа Фероза Ганди (ил. 13). Юрий Николаевич, живший с матерью в Калимпонге, много времени уделял организации в Гангтоке, столице Сикким, Института тибетологии. С этой целью он специально приезжал в Дели и беседовал с Неру. Правда, когда Неру открывал этот институт, созданный с большим трудом, Ю. Н. Рерих был уже в Москве [46].

Выставка С. Н. Рериха в Дели

Двадцатого января 1960 г. в залах Всеиндийского общества изобразительных искусств и ремёсел в Дели открылась большая (примерно 120 картин) выставка Святослава Николаевича Рериха. Она продлилась месяц, очень хорошо посещалась (её посмотрело около ста тысяч человек), широко освещалась в прессе.

Выставка совпала по времени с официальными визитами в Индию советских руководителей и чиновников. Двадцать первого января её посетили председатель президиума Верховного совета СССР Климент Ефремович Ворошилов, первый заместитель председателя Совета министров СССР Фрол Романович Козлов и Екатерина Алексе-

евна Фурцева – секретарь ЦК КПСС, в мае того же года ставшая на долгие 14 лет министром культуры СССР. Тринадцатого февраля на ней побывали первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР Никита Сергеевич Хрущёв и министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко. Смотря на портрет Неру, Хрущёв назвал его «великим портретом великого человека». Он пригласил С. Н. Рериха провести эту выставку в СССР, пообещав, что первый посетитель ему уже гарантирован. Своё обещание он выполнил, побывав, таким образом, на выставке С. Н. Рериха дважды, в Дели и Москве (ил. 14). С тех пор в глазах советских чиновников всех рангов С. Н. Рерих, как и ранее его брат Ю. Н. Рерих, стал «протеже Хрущёва». Как известно, история не имеет сослагательного наклонения. Однако можно полагать, что если бы не вмешательство Н. С. Хрущёва в судьбы Юрия Николаевича и Святослава Николаевича, имя Рерихов в СССР продолжало бы оставаться в глубокой тени.

Ил. 14. С. Н. Рерих, Н. С. Хрущёв, Девика Рани, К. П. С. Менон (посол Индии в СССР) на открытии выставки С. Н. Рериха в Москве. 1960

Недавно многочисленные статьи об этой выставке в Дели, появившиеся на страницах индийских газет, выступления на её открытии, сообщения о визитах советских гостей были переведены и изданы в сборнике «Радость искусству»[47]. Там же помещены фотографии, сделанные на выставке, поэтому здесь я ограничусь одной (ил. 15).

По плану открывать выставку в Дели должен был вице-президент Индии С. Радхакришнан. Но он в тот день был за границей, поэтому открыл её, как и выставку

Н. К. Рериха в конце 1947 г., премьер-министр Джавахарлал Неру. И хотя его речь уже была опубликована по-русски, хочется привести её.

«Друзья, полагаю, вы понимаете, что я здесь в некоторой степени не совсем на своём месте, дело в том, что исполнить эту роль было предназначено намного лучшему, гораздо более подходящему человеку, нашему вице-президенту доктору Радхакришнану. Но поскольку ему пришлось уехать за границу, и его сейчас нет в стране, то эта честь выпала мне. На самом деле, именно д-р Радхакришнан пожелал, почти потребовал, чтобы я это сделал; естественно, мне ничего не оставалось, кроме как согласиться, хотя чувствую я себя из-за этого несколько скованным. Поскольку я не уверен, что смогу сказать что-нибудь стоящее, что-то уместное относительно этой выставки старого друга и великого художника, ведь я совершенно не компетентен в подобных вещах, я не могу говорить о них ни научно, ни мудро. Я лишь могу выразить свои впечатления, некоторые эмоции, которые выставка вызывает во мне, да и то способен сделать это довольно сбивчиво.

Насколько я помню, я впервые встретился со Святославом, его отцом и матерью около восемнадцати лет назад. Дело в том, что они пригласили меня на несколько дней в свой дом в Кулу, куда я, приняв приглашение, приехал со своей дочерью. Тогда я и познакомился с профессором Рерихом, его отцом, а также прекрасными видами долины Кулу и окрестностей. Тогда же Святослав начал писать мой портрет, и могу упомянуть неофициально, что я его так и не видел, хотя предполагаю, что он где-то существует. Уже одно это показывает, насколько Святослав скромен и сдержан. Он никогда не стремился к выставкам, но спокойно работал, повинуясь своему гению, стараясь привести себя в гармонию с тем окружением, в котором находился, были ли это снежные пики Гималаев, или же красная земля Малабара, или какая либо иная часть Индии. И, настраивая себя на контакт с этим окружением, с одной стороны, и, с другой, охватывая все стили и направления, будущее, прошлое, настоящее, он стремится соединить их в единое сложное целое. И всё это производит, и произвело на меня, поскольку я посмотрел немало его картин перед приходом сюда, необычное впечатление. Конечно, возникает ощущение красоты, гармонии и какой-то особенной глубины. Её пытаешься понять, по крайней мере, я пытаюсь понять, но выразить её я не могу, только подтвердить, что во мне возникает такое чувство.

Очевидно, что эта выставка представляет собой нечто значительное, и не только мимолетно прекрасное. Она оставит глубокий след в сознании тех, кто её увидит. По крайней мере, такой след она оставит в моём сознании, и я уверен, что большинство людей, которые её посмотрят, почувствуют то же самое.

Для жителей Дели и всех, кто сюда приехал, большая удача увидеть все эти картины, которые создавались на протяжении многих последних лет и редко выставлялись публично. Поэтому я рад, что участвую в этой церемонии открытия, и что я имел возможность и удовольствие посмотреть эти картины. Я надеюсь ещё раз увидеть их в течение этого месяца и надеюсь, что многие люди, и особенно наши художники, увидят их и благодаря им обретут новое вдохновение, новую глубину в их собственном творчестве.

Ил. 15. Девика Рани вручает букет цветов Дж. Неру на открытии выставки С. Н. Рериха. Дели, 1960

Как я уже сказал, мне довольно сложно говорить на подобные темы, потому что я вовсе не специалист в этой области. Я ощущаю то же, что и большинство людей: хорошо мне или плохо, получаю я приятные или неприятные впечатления, но где-то по ту сторону сознания помимо прочего остаётся что-то, что заставляет мысль снова и снова возвращаться к нему. Думаю, картины Святослава именно такие, они оставляют глубокий след в душе, и забыть их не так-то просто.

Открытие здесь этой выставки одного художника – важное событие в художественной жизни Дели, и я надеюсь, что она должна принести большую пользу. И, уверен, что этот художник в будущем напишет ещё больше прекрасных и глубоких картин»[48].

В ответ С. Н. Рерих поблагодарил Дж. Неру (а также других почетных гостей) за возможность, несмотря на множество дел, приехать на открытие и за сказанные тёплые слова. Тогда Неру объявил этот «праздник красоты» открытым.

В середине 1960-х

С неменьшим уважением Дж. Неру относился и к Юрию Николаевичу Рериху, с которым, как уже упоминалось выше, ему доводилось время от времени встречаться. Двадцать первого мая 1960 г. Юрия Николаевича не стало. Два года спустя ему должно было исполниться 60 лет. Пятнадцатого октября 1962 г. этот юбилей был отмечен научной сессией в Институте востоковедения АН СССР. К юбилейной сессии посту-

пили приветствия, одно из них – от Джавахарлала Неру. В нём он писал: «Я встречал доктора Рериха во время его пребывания в Индии, и на меня произвели огромное впечатление его знания и исключительные лингвистические способности, а также та работа, которую он вёл. Я рад, что его работа также высоко оценена Академией наук СССР. Вполне обоснованно чествование таких людей, и, учитывая, что доктор Рерих долго жил в Индии и был тесно связан с этой страной, я хотел бы присоединиться к этому чествованию от лица своего народа»[49].

«Годы борьбы и лишений» не могли не сказаться на здоровье Неру. Да и после завоевания независимости жизнь премьер-министра была, говоря современным языком, непрерывной чередой стрессов. По свидетельству историков, особенно сильным потрясением для него стала пограничная война с Китаем, связанная с нечеткостью проведения линии границы как на западе, так и на востоке Индии. То, что Индия предоставила политическое убежище сбежавшему из оккупированного Китаем Тибета Далай-ламе и позволила сформировать у себя «Тибетское правительство в изгнании», тоже не улучшило отношений между двумя странами.

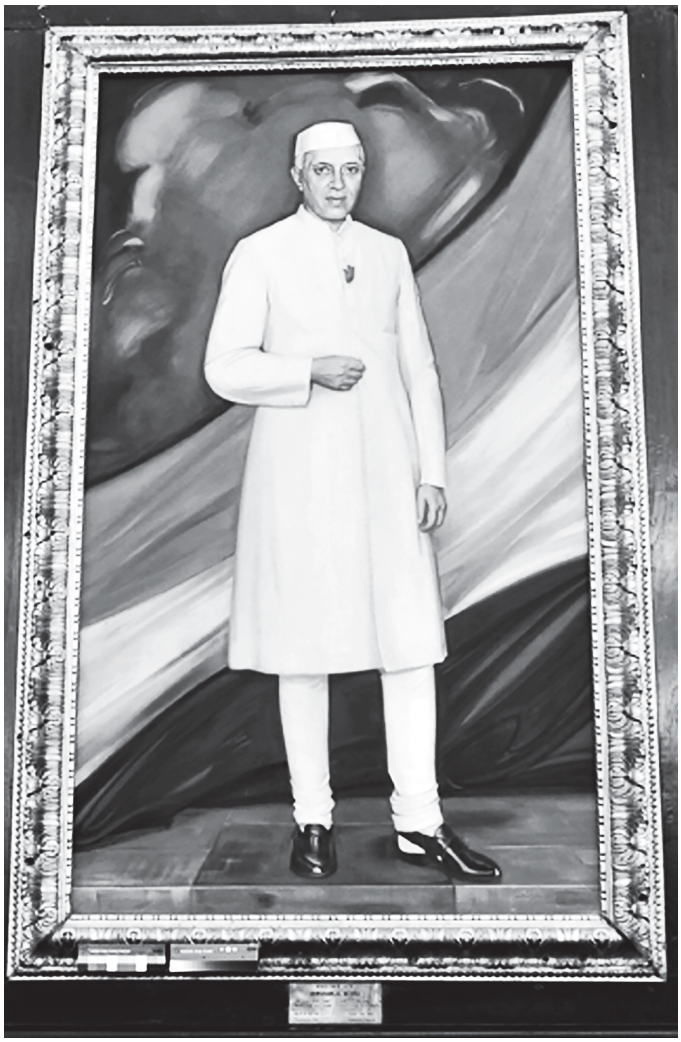
Неру умер 27 мая 1964 г. в Дели от сердечного приступа. Согласно завещанию, его прах был развеян над священной рекой Ямуной. Святослав Николаевич Рерих вспоминал: «Джавахарлал Неру много лет, вплоть до самой своей кончины, оставался нашим близким другом. Перед самой его смертью мы послали ему черешни и вишни, которые растут у нас, и, как мне передали, открыв глаза, он сказал: “Мне кажется, они даже лучше кашмирских”»[50].

Центральный зал Парламента Индии (как и само здание) имеет круглую форму. На стене, окружающей зал, помещены большие портреты людей, внесших значительный вклад в борьбу за свободу и демократию страны, в её культуру. Однажды Неру, осматривавший эту галерею, печально заметил, что одно из немногих остававшихся пустым мест ждёт его…

По чьей инициативе «официальный» портрет Неру для Парламента был заказан Святославу Рериху? Это могла быть Индира Ганди, мог быть доктор Сарвапалли Радхакришнан, а могла быть и коллективная инициатива членов Парламента. Как бы то ни было, в 1965 г. Рерих начал работу над этим портретом, а 5 мая 1966 г. он был торжественно открыт в Парламенте президентом Индии С. Радхакришнаном (ил. 16, 17). Известны фотографии, сделанные на открытии, мы видим на них, помимо президента, С. Н. Рериха, Девику Рани, Индиру Ганди, других официальных лиц (ил. 18). Спонсором приобретения портрета от лица членов Парламента выступил г-н Рагхунатх Сингх.

Индира

Неру не поощрял вовлечения своей дочери в большую политику, говоря: «Только не пока я премьер-министр». Однако вскоре после его смерти, в том же 1964 г., Индира была избрана депутатом Лок Сабхи (нижней палаты парламента) от партии Индийский национальный конгресс (ИНК), а затем премьер-министр Лал Бахадур Шастри предложил Ганди войти в кабинет, где она заняла пост министра информации



Ил. 16. С. Н. Рерих. Портрет Дж. Неру. 1966. Парламент Индии, Нью-Дели

и радиовещания. После смерти Шастри в 1966 г. Индира Ганди стала лидером ИНК и премьер-министром Индии.

«Книгами о семье и об эпохе Неру-Ганди можно заполнить целую библиотеку; жизнь и деятельность самой Индиры описана, задокументирована и проанализирована вдоль и поперёк на сотню разных ладов, но женщина по имени Индира Приядаршани, Инду для своих, так и осталась в глубокой тени». Это строки из статьи М. Л. Салганик «Индира Ганди – круг одиночества»[51]. В этой статье даётся краткий, но ёмкий и очень человечный очерк истории семьи Неру-Ганди – от Мотилала, отца

Ил. 17. С. Н. Рерих на официальном открытии портрета Дж. Неру в Парламенте Индии. Дели, 1966

Джавахарлала Неру, до Рахула, сына Раджива и Сони Ганди, внука Индиры. Но основное внимание в ней, как и следует из названия, уделено Индире – не только и даже не столько как политику, сколько как человеку. К этой статье и следует адресовать читателя, который хотел бы составить об этой, безусловно, незаурядной женщине более полное и цельное представление.

На протяжении всей жизни Индира Ганди не забывала о Рерихах, откликаясь на юбилейные даты в их жизни своими приветственными телеграммами – теперь уже как премьер-министр страны.

Двадцать первого ноября 1974 г. в Большом театре Союза ССР состоялся вечер, посвящённый 100-летию Н. К. Рериха. Его открыл председатель Советского комитета защиты мира писатель Н. С. Тихонов. Он «огласил текст послания премьер-министра

Ил. 18. Д. Рани, С. Н. Рерих и С. Радхакришнан на официальном открытии портрета Дж. Неру в Парламенте Индии. Крайняя справа И. Ганди. Дели, 1966

Индиры Ганди по случаю 100-летия Н. К. Рериха, в котором высоко оценивается творчество художника и его влияние на развитие индийской культуры»[52].

Прошло ещё десять лет. 23 октября 1984 г. Святославу Николаевичу Рериху исполнилось 80 лет. В этот день в Москве, в залах Музея искусства народов Востока состоялось открытие совместной выставки Николая и Святослава Рерихов. На вернисаже была оглашена телеграмма от Индиры Ганди: «Привет и наилучшие пожелания к Вашему дню рождения и к открытию Вашей выставки. Мировое признание Вашего искусства и ценности, которое оно отражает, помогают международному взаимопониманию»[53].

В те же дни, выступая в Москве в Политехническом музее, С. Н. Рерих обратился к слушателям с призывом: «Давайте всем собранием, настроенным столь дружественно к великому народу Индии, пошлём её премьер-министру и нашему большому другу Индире Ганди добрую мысль»[54]. Словно чувствовал Святослав Николаевич…

Спустя неделю, 31 октября 1984 г., Индира Ганди была в упор расстреляна двумя своими охранниками-сикхами рядом со своей резиденцией. Ей было 66 лет. Отправляясь на телеинтервью с Питером Устиновым, известным британским актером, режиссёром и писателем, она, чтобы лучше выглядеть, сняла бронежилет. Индира постоянно носила его после операции «Голубая звезда», проведённой 5–6 июня 1984 г. Возможно, она понимала, что от приговора, от возмездия он всё равно не спасёт.

«Голубая звезда» оказалась одной из самых неудачных операций индийской армии, возможно самой неудачной. Сикхи-экстремисты, боровшиеся за отделение от Индии и создание независимого государства Халистан, устроили свой штаб в главной святыне сикхов – Золотом храме в Амритсаре. Бороться с экстремизмом и сепаратизмом, конечно, нужно. Но день штурма храма был выбран неудачно (сикхский праздник), не говоря уже про средства этого штурма (окружившие храм танки сначала стреляли из пулеметов, а потом получили приказ использовать и башенные орудия). Результат оказался печален: террористы были уничтожены, но… По официальным данным, внутри храма погибло 492 человека, большинство – простые паломники, из них 30 женщин и пятеро детей, около тысячи человек были ранены. По неофициальным – сикхским – данным, жертв было в несколько раз больше. Сикхи вынесли приговор человеку, отдавшему приказ о штурме[55].

«Спустя неделю мир был потрясён известием о трагической гибели Индиры Ганди. Я увидел Святослава Николаевича на другой день после этой горестной вести. Всё, что он пережил за эти часы, очевидно, ушло внутрь. Как всегда, он был подтянут и собран, а слова его исполнены особенной твердости духа. Он говорил о том, что Индира Ганди пожертвовала собой во имя Индии и что жертва эта не напрасна: кровь её, как ничто другое, сцементирует единство страны»[56].

«Индира Ганди всегда была большим другом семьи Рерихов, и трагическая весть о её убийстве потрясла их. Художник выразил уверенность в том, что Раджив Ганди будет следовать курсом взаимопонимания и сотрудничества, проложенным его великими предшественниками – Джавахарлалом Неру и Индирой Ганди»[57].

Раджив Ганди и портрет матери

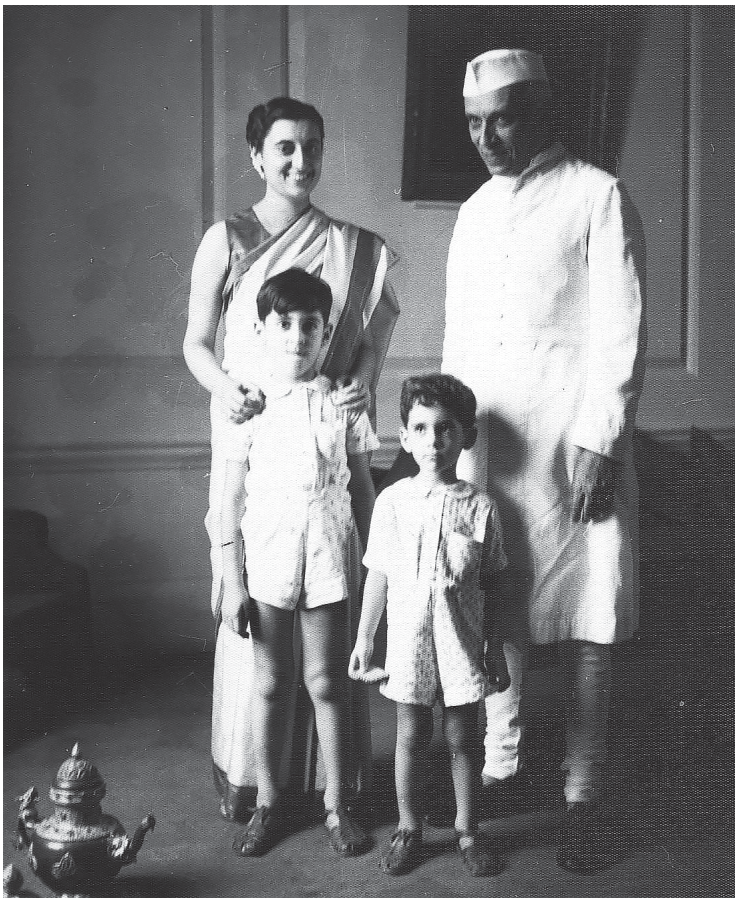
У Фероза и Индиры Ганди было два сына: Раджив (родившийся 20 августа 1944 г.) и Санджай (родившийся 14 декабря 1946 г.) (ил. 19). Они оказались очень разными.

Раджив после школы поступил в Кембридж. Если кто-то интересовался, не родственник ли он того самого прославленного Ганди, он честно отвечал: нет, просто однофамилец, не уточняя при этом, что он из семьи Неру и его дед – премьер-министр Индии. В Кембридже он познакомился со студенткой из Италии Соней Маино, которая позже стала его женой.

Санджай отказался от высшего образования и отправился на стажировку на завод «Роллс-Ройса», чтобы «узнать, как делаются автомобили». Поначалу политикой не интересовались ни тот ни другой.

Решение Раджива стать лётчиком несколько обескуражило Индиру, однако она не пыталась разубедить сына.

Со временем Санджай стал проявлять интерес к политике. Благодаря своему имени и авторитету матери он, не занимая официального поста, стал крупной политической фигурой, но совершал непопулярные действия. Так, он руководил программой по ограничению рождаемости, которая в ряде районов Индии вылилась в принудительную стерилизацию женщин. Тем не менее именно его прочили в преемники Индиры.



Ил. 19. Дж. Неру, Индира Ганди и её сыновья Раджив и Санжай

Двадцать третьего июня 1980 г. Санджай разбился на своём спортивном самолете. Судебное расследование Индира Ганди запретила: «Семья не сомневается, что произошёл несчастный случай». Хотя многие другие сомневались.

Раджив, став пилотом и командиром экипажа в компании «Эйр Индия», продолжал летать. В рейсе он представлялся пассажирам просто как «командир Раджив».

Но после гибели Санджая матери очень была нужна опора и поддержка. «В защиту своей семейной жизни выступила Соня Ганди: “Я сражалась как тигрица: за него, за нас и наших детей, – за нашу свободу, за это элементарное человеческое право, которое мы вдвоём так старательно и неуклонно оберегали”. Раджив колебался, но исход его колебаний был предрешён. Он должен был выполнить долг перед матерью – и перед Индией, которую мать олицетворяла в его глазах. Соня поняла мужа. А Индира, наверное, лучше всех оценила поступок Сони»[58].

В 1980 г. Раджив Ганди был назначен руководителем молодёжного крыла возглавляемой Индирой партии Индийский национальный конгресс (ИНК), а позже избран в парламент. В 1983 г. он был назначен генеральным секретарём партии ИНК и фактическим преемником матери.

Именно Раджив заказал Святославу Рериху портрет матери для Парламента, хотя встречались ли они до этого лично, неизвестно.

Вот воспоминания Адити Васиштхи, директора школы имени Ауробиндо в Бангалоре и большого друга С. Н. Рериха: «Портрет Индиры Ганди – это последняя большая работа Святослава Николаевича. Инициатива принадлежала Радживу Ганди. Он написал письмо доктору Рериху, в котором спрашивал, что необходимо художнику для создания портрета. Святослав Николаевич согласился и попросил выслать фотографии, а также несколько сари Индиры Ганди. Всё это было получено: множество снимков и книг с фотографиями. Я помогала ему, делала в книгах закладки. Мы вместе выбирали сари, остановились на белом с золотой каймой.

Доктор Рерих поинтересовался также, где будет висеть портрет Индиры Ганди. Раджив ответил, что портрет намечено поместить рядом с портретом Джавахарлала Неру, тоже написанным Святославом Рерихом. Тогда Святослав Николаевич решил изобразить Индиру молодой, так как Неру на портрете был достаточно молод, и художник не хотел, чтобы Индира выглядела рядом со своим отцом как его мать или бабушка. Для работы понадобилось найти девушку, похожую на Индиру, соответствующую ей по росту и сложению. Отобрали трёх натурщиц. Затем было сделано множество снимков в разных позах и одеяниях. И лишь избрав определённую позу и соответствующее сари, художник начал портрет. Прежде всего он написал лицо. Святослав Николаевич во всём и всегда добивался совершенства, так было и с его последней работой»[59] (ил. 20).

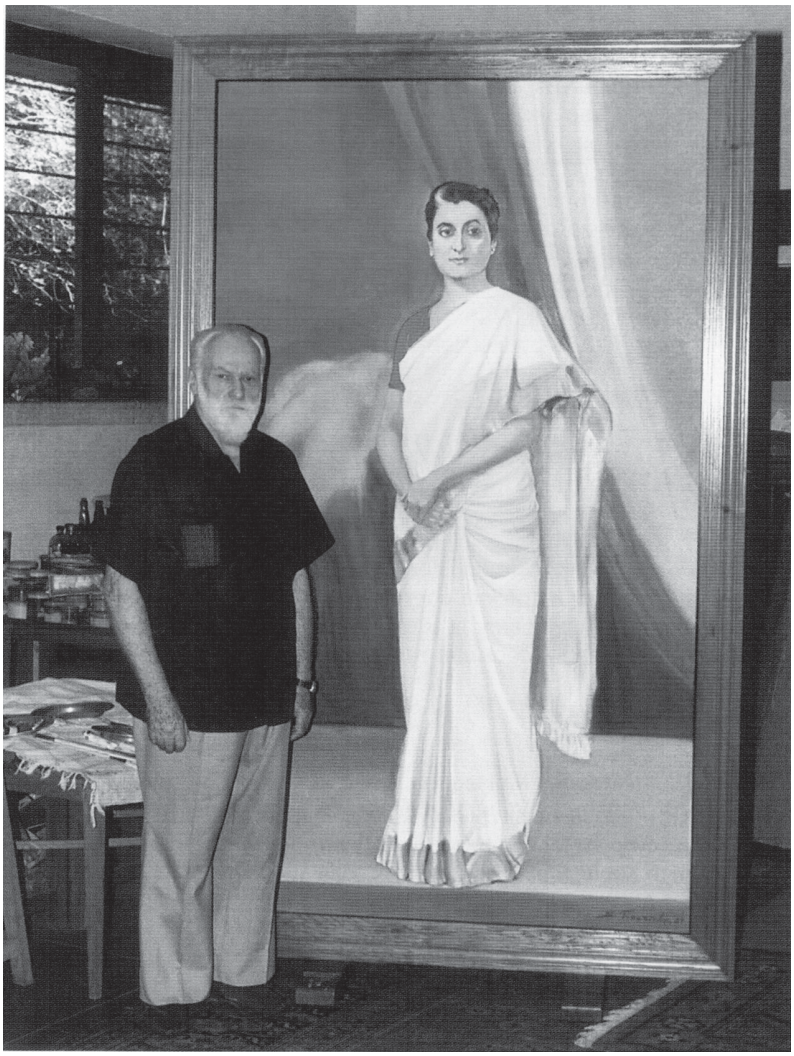
Портрет был торжественно открыт в Парламенте 19 ноября 1987 г. президентом Индии Р. Венкатараманом в присутствии самого художника, Раджива Ганди и других официальных лиц.

Сорокалетний Раджив Ганди был избран премьер-министром Индии вечером того же дня, когда была убита его мать, 31 октября 1984 г. Он оставался на этом посту до дня собственной смерти. Он успел много добиться, как внутри страны, борясь с коррупцией, так и на международном уровне, борясь за разоружение.

Двадцать первого мая 1991 г. во время проведения предвыборной кампании Раджив Ганди был убит смертницей из террористической организации «Тигры освобождения Тамил-Илама» в окрестностях небольшого города недалеко от Мадраса.

В круглом зале Парламента

Когда в здании Парламента Индии ничего не происходит, попасть в него легко, туда водят экскурсии. Правда, по соображениям безопасности, в Индии отнюдь не лишним, входящие подвергаются строгому досмотру, поэтому не то что фотоаппарат, даже мобильный телефон и шариковые авторучки приходится складывать в пластиковый пакет и оставлять на посту охраны при входе.



Ил. 20. С. Н. Рерих в своей студии у портрета И. Ганди. Татгуни, Бангалор, Индия, 1985

Мне очень хотелось своими глазами увидеть портреты Джавахарлала Неру и Индиры Ганди, написанные Святославом Рерихом для Парламента. А ещё больше хотелось их хорошо сфотографировать и получить официальное разрешение на использование этих снимков.

В январе 2013 г., находясь в Дели, я обратился в Российский центр науки и культуры с просьбой помочь получить разрешение на съёмку этих портретов в парламенте. Честно говоря, я совершенно не рассчитывал на успех, и был приятно удивлен, когда

мне, возвращавшемуся на поезде из Колкаты в Дели, позвонили и сообщили, что разрешение получено, определён день и час съёмки.

В назначенное время мы с моей спутницей Татьяной Пугинской, в то время ещё сотрудницей Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге, с большой и хорошей фотокамерой и штативом были у поста охраны на входе в Парламент. Вскоре к нам вышел человек со значком Парламента на лацкане костюма. Камеру, штатив, наши рюкзачки просветили, и человек в костюме повёл нас внутрь.

Первое впечатление, когда оглядываешь центральный зал, – как сильно выделяются два портрета, написанные С. Н. Рерихом, из всех прочих своими яркими красками. И висят они совсем не рядом, как думал Раджив Ганди, а на достаточно большом расстоянии друг от друга. Я надеялся, что нам разрешат сделать несколько снимков всего зала, но не тут-то было. Человек в костюме бдительно следил за тем, чтобы в объектив камеры попали только те два портрета, И. Ганди и Дж. Неру, на которые у нас было разрешение. Даже соседние портреты не должны были быть видны на снимках, что уж говорить об общем виде стен. Так что приводимая иллюстрация – в известном смысле пиратская… (ил. 21).

Ил. 21. Портрет И. Ганди в центральном зале Парламента Индии. Дели, 2013

Я надеялся найти фотографии интерьеров Парламента Индии в сети Интернет, но тоже практически безуспешно. Пожалуй, единственным исключением стала цветная открытка, официально выпущенная почтой Индии несколько лет назад. На ней запечатлено выступление президента США Барака Обамы 8 ноября 2010 г. Он выступал перед членами обеих палат парламента, поэтому зал был полон. А за спинами сидящих на стене выделялся ярким пятном портрет Индиры Ганди, написанный Святославом Рерихом (ил. 22).

Ил. 22. Выступление президента США Б. Обамы перед членами парламента Индии. Дели, 8 ноября 2010 (на заднем плане виден портрет И. Ганди). Современная открытка

Девятнадцатого ноября 2017 г. будет отмечаться 100-летие со дня рождения Индиры Ганди. Она прожила неполных 67 лет, из которых 42 года была близко знакома с членами семьи Рерихов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Рерих Н. К.* Пандитджи (20 мая 1942 г.) // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. М.: МЦР, 1996. С. 39.

2 *Плешкова И.* Встреча со Святославом Рерихом // Москва. 1975. № 2. С. 223; *Калугина Т.* Братство: Беседа со Святославом Николаевичем Рерихом // Огонёк. 1983. № 7, февраль. С. 29.

3 *Митрохин Л. В.* Святослав Рерих: создание портрета Джавахарлала Неру // Россия – Индия: Перспективы регионального сотрудничества. М., 2001. С. 44–57 (электронная версия: URL: http://agni3.narod.ru/Neru.htm).

4 Подробнее об Аллахабадском музее и созданном при нём Рериховском центре искусства и культуры см.: *Крылов П. И.* Художественные произведения Николая и Святослава Рерихов в музеях и собраниях Индии. СПб.: Золотой век, 2009. С. 72–77. Вероятно, речь идёт о книге: *Conlan Barnett D.* Nicholas Roerich: A Master of the Mountains. Flamma, 1938. 109 p.

5 *Митрохин Л. В.* Святослав Рерих: создание портрета Джавахарлала Неру. С. 46.

6 Там же. С. 47.

7 *Roerich N.* Altai – Himalaya: A Travel Diary. New York: F. A. Strokes Co., 1929. 407 p, 19 il.

8 *Митрохин Л. В.* Святослав Рерих: создание портрета Джавахарлала Неру. С. 49.

9 *Калугина Т.* Братство: Беседа со Святославом Николаевичем Рерихом. С. 29.

10 *Гопал С.* Джавахарлал Неру: Биография. М.: Прогресс, 1989. Т. 1. С. 301.

[11] Миан Ифтикар Уддин, деятель Индийского национального конгресса, один из основателей Всеиндийского фронта солидарности с СССР в годы Великой Отечественной войны – организации друзей Советского Союза (ДСС), в 1941–1942 гг. генеральный секретарь ДСС.
[12] *Митрохин Л. В.* Святослав Рерих: создание портрета Джавахарлала Неру. С. 50–51.
[13] Святослав Николаевич Рерих. Письма. М.: МЦР, 2004. Т. 1. С. 268.
[14] *Калугина Т.* Братство: Беседа со Святославом Николаевичем Рерихом. С. 29. Под «маленьким княжеством», вероятно, имелось в виду княжество Манди.
[15] Возможно, под «М.» имелся в виду полковник А. Е. Махон. Подробнее о нем см.: *Крылов П.* Индийский путь: статьи и очерки разных лет. СПб., 2015. С. 145–146.
[16] *Рерих Н. К.* Пандитджи (20 мая 1942 г.). С. 39–40.
[17] *Митрохин Л. В.* Святослав Рерих: создание портрета Джавахарлала Неру. С. 53.
[18] *Шапошникова Л. В.* Интервью с Индирой Ганди (26 сентября 1975 г.) // Держава Рериха: сб. ст. М.: МЦР, 1992. С. 59 (электронная версия: URL: http://lib.icr.su/node/769).
[19] *Калугина Т.* Братство: Беседа со Святославом Николаевичем Рерихом.
[20] *Сидоров В.* Дханьявад // Огонёк. 1974. № 48. С. 27.
[21] Письмо А. Ф. Яловенко от 28 июня 1955 года. Архив П. И. Сапоненко. Подробнее об А. Ф. Яловенко см.: *Крылов П. И.* Индийский путь. С. 162–172.
[22] *Митрохин Л. В.* Святослав Рерих: создание портрета Джавахарлала Неру. С. 51.
[23] *Рерих Н. К.* Памятки (1942) // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. С. 5–6. Речь идёт о книге: *Vernadsky G.* A History of Russia. Vol. 1. Ancient Russia. Yale Press, 1943. Видимо, её тираж появился ещё в 1942 г.
[24] Книга Джавахарлала Неру «Открытие Индии» (*Discovery of India*) была написана им в тюрьме и вышла в 1944 г. В ней он упоминает свою поездку в долину Кулу, но не называет имени Рериха (*Неру Дж.* Открытие Индии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. С. 513). Надо полагать, что, находясь в тюрьме, Неру боялся подвести кого-либо из своих знакомых. Он не мог не понимать, что с политической точки зрения положение Рерихов в Индии было очень непростым.
[25] *Рерих Н. К.* Грабарь (2 апреля 1947) // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. С. 533–534.
[26] *Митрохин Л. В.* Святослав Рерих: создание портрета Джавахарлала Неру. С. 52.
[27] *Крылов П. И.* Художественные произведения Николая и Святослава Рерихов. № I. 116. С. 35.
[28] Там же. № I. 210. С. 51.
[29] *Рерих С. Н.* Когда я пишу портрет. Из беседы с научными работниками и сотрудниками Эрмитажа 14 июня 1960 г., Ленинград // Стремиться к Прекрасному. М.: МЦР, 1993. С. 46.
[30] *Тюляев С. И.* Святослав Рерих: альбом. М.: Изобразительное искусство, 1977. С. 17–18.
[31] Вечерняя Москва. 1960. 11 марта. № 59, пятн. С. 1.
[32] Перед Восходом. 1999. № 10(66). С. 13; *Roerich S.* Art and Life. M.: International Centre of the Roerichs, 2004. P. 185; *Беликов П. Ф.* Святослав Рерих: жизнь и творчество. М.: МЦР, 2004 и др.
[33] *Рерих Н. К.* Опять труд (15 января 1947) // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. С. 497–500.
[34] Приветственная речь премьер-министра Джавахарлала Неру // Радость искусству: выставки С. Н. Рериха в 1960 году: сборник. СПб.: СПбГБУК «Музей-институт семьи Рерихов», 2014. С. 23.
[35] *Крылов П. И.* Художественные произведения Николая и Святослава Рерихов. № I. 244. С. 9, 57.
[36] Химаншу Рай (1892–1940), кинорежиссер, один из пионеров индийского звукового кино. Первый муж (1929–1940) Девики Рани Рерих.
[37] *Фосдик З.* Индийский дневник // Вестник Ариаварты. 2003. № 1–2. С. 80, 82.
[38] *Achhut Kanya* («Неприкасаемая»), режиссер Франц Остен (1936).
[39] *Datta V. S.* Devika Rani had charmed even Jawaharlal Nehru // Active India. 2015. March, 9 (электронная версия: URL: http://www.activeindiatv.com/entertainment/30134-devika-rani-had-charmed-even-jawaharlal-nehru).
[40] *Рерих Е. И.* Письма. В 9 т. М.: МЦР, 2007. Т. 7 (1940–1947). С. 249.
[41] Подробнее об этом см.: *Крылов П. И.* Индийский путь. С. 196–205.
[42] Exhibition of paintings by Nicholas Roerich (Opened by Hon'ble pandit Jawaharlal Nehru on Monday the 29 December, 1947 at the Exhibition Hall, Parliament Street, New Delhi). New Delhi: The Caxton

Press, 1947; переопубл.: Javaharlal Nehru's tribute to Roerich // Nicholas Roerich: Memorial Volume. Bombay: Youth's Art & Culture circle. [1948]; Nicholas Roerich by his contemporaries (A few excepts). Bangalore: W. Q. Judge Press, [1964].

[43] *Митрохин Л. В.* Святослав Рерих: создание портрета Джавахарлала Неру; *Сидоров В.* Дханьявад // Огонёк. 1974. № 48. С. 27; *Сидоров В.* На вершинах. М.: Советская Россия, 1983. С. 6; *Кеменов В.* Образы Рериха // Литературная газета. 1974. № 52. 25 декабря. С. 8.

[44] *Рерих Е. И.* Письма в Америку. М.: Сфера, 1996. Т. 3. С. 5–9.

[45] Там же. С. 10–13; 20–31; 47–53; 61–86.

[46] Подробнее об этом см.: *Крылов П. И.* Индийский путь. С. 206–212.

[47] Радость искусству: Выставки С. Н. Рериха в 1960 году. С. 7–50.

[48] Svetoslav Roerich. Exhibition. New Deli, 1960. P. 11–12. (Пер. на рус. яз.: Речь Премьер-министра Индии Джавахарлала Неру на открытии Выставки живописи Святослава Рериха в Нью-Дели // *Рерих С.* Искусство и жизнь. М.: МЦР, Мастер-Банк, 2007. С. 312); Приветственная речь премьер-министра Джавахарлала Неру // Радость искусству. С. 23–26. В первой публикации выступление Дж. Неру приведено с сокращениями. Перевод публикуется с изменениями.

[49] Цит. по: *Ларичев В. Е.* Н. К. Рерих и сотоварищи в Сибири // Рерих и Сибирь. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1993. С. 159.

[50] *Калугина Т.* Братство: Беседа со Святославом Николаевичем Рерихом.

[51] *Салганик М. Л.* Индира Ганди – круг одиночества: К 90-летию со дня рождения // Культура и время. 2007. № 4. С. 232–249 (электронная версия: URL: http://ivorr.narod.ru/derjhat/oblick/gandi/indira.htm).

[52] Художник, борец, гуманист // Правда. 1974. 22 ноября.

[53] *Сидоров В.* Святослав Рерих // Огонёк. 1985. № 8. С. 9.

[54] *Федоров Б.* Светлые начала // Советская Россия. 1984. 18 ноября. С. 5.

[55] Можно вспомнить, что в печально знаменитой «амритсарской бойне» 1919 г., «главном кровавом преступлении британского колониализма в Индии XX века», по официальным данным, погибло 379 человек, ранено 1100. По неофициальным данным партии Индийский национальный конгресс, была тысяча убитых и полторы тысячи раненых. Тогдашнему британскому губернатору Амритсара Майклу О'Двайеру (Michael O'Dwyer) сикхи вынесли смертный приговор. Он был исполнен двадцать лет спустя, в 1940 г., когда О'Двайер был застрелен сикхом-смертником в центре Лондона в присутствии 150 свидетелей. Сикх был схвачен на месте и вскоре повешен. Теперь в Амритсаре ему воздвигнут памятник. Индира Ганди хорошо знала родную историю, нетрудно понять то предчувствие близкой смерти, о котором пишут её биографы.

[56] *Сидоров В.* Святослав Рерих. С. 9.

[57] *Калугина Т.* Рерих в Москве // Литературная газета. 1984. 28 ноября.

[58] *Салганик М.* Индира Ганди – круг одиночества: К 90-летию со дня рождения.

[59] Святослав Рерих: стремитесь к прекрасному: Интервью с Адити Васиштхой, директором школы имени Ауробиндо Гхоша (Бангалор, Индия) // Вестник Ариаварты. 2004. № 1–2. С. 34–46.

И. А. ЖЕРНОСЕНКО

(Российская академия естествознания,
факультет развития общего образования Алтайского краевого института
повышения квалификации работников образования, Барнаул)

ПРОЕКТ «АЛТАЙ – ГИМАЛАИ»: ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ИДЕИ Н. К. РЕРИХА

Современные процессы консолидации евразийских народов приобретают не только политический и экономический, но и культурологический смысл: евразийская культура порождена «вмещающими ландшафтами» (Л. Н. Гумилёв), которые задают алгоритм развития евразийского социума.

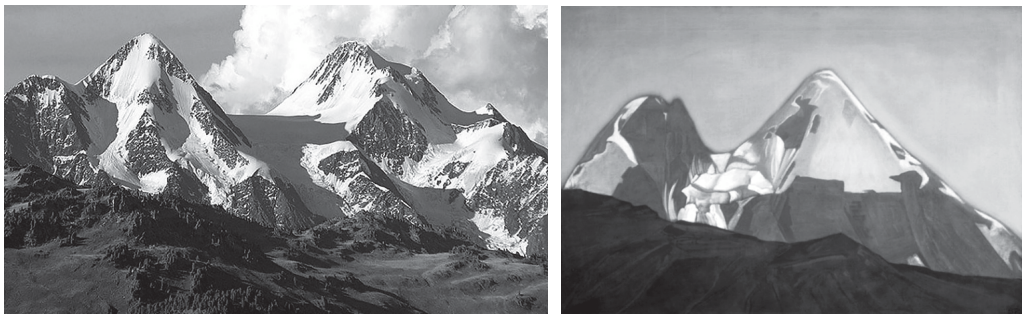
Н. К. Рерих определил это так: «Истинно, Алтай – Гималаи – два магнита, два равновесия, два устоя»[1]. Добавим: евразийского культурогенеза. О единстве исторических путей развития, родстве культур народов Алтая и Гималаев немало говорится в экспедиционном дневнике великого исследователя Центральной Азии, названного «Алтай – Гималаи». Ещё будучи в Ладаке, в 1925 г. Н. К. Рерих размышляет об Алтае: «Белый Бурхан требует сжечь идолов и обещает плодородие общей земли и пастбищ. И вот общее благо дойдёт и до алтайских становищ. Так претворяют давнее предание о приходе Будды на Алтай». «А ещё дальше – великий Алтай, куда доходил Благословенный Будда». «И странно и чудно – везде по всему краю хвалят Алтай. И горы-то прекрасны, и кедры-то могучи, и реки-то быстры, и цветы-то невиданны. А на реке Катуни, говорят, должна быть последняя в мире война. А после – труд мирный»[2].

Ю. Н. Рерих писал о своём отце: «Для Николая Константиновича Алтай на севере и Гималаи на юге были как бы полюсами единого грандиозного горного мира. Недаром дневники экспедиции, куда он заносил свои мысли, родившиеся во время странствования, были названы им "Алтай – Гималаи". Его мысленный взор охватывал весь необъятный простор Внутренней Азии, от вершин Алтая (Белуха, массив Табун-Богдо в Монгольском Алтае) до вершин Гималаев. Характерно, что снежная вершина Гепанг, возвышающаяся над избранной Николаем Константиновичем для многих лет жизни долиной Кулу в Западных Гималаях, своими очертаниями живо напоминает далекую северную Белуху»[3] (ил. 1).

Свою идею о единстве двух полюсов напряжения, между которыми осуществлялся евразийский культурогенез, Н. К. Рерих начал реализовывать, открыв Гималайский исследовательский институт «Урусвати» в долине Кулу (Индия), определив, что второй магнит должен быть заложен на Алтае. Институт «Урусвати» создавался как учреждение нового типа, в основу работы которого был положен синтез знаний науки Востока и Запада.

Сегодня на Алтае в долине Каракол успешно функционирует Научно-образовательный этнокультурный центр на базе особо охраняемой природной территории «Каракольский (этно)природный парк "Уч Энмек"», развивающий и конкретизирующий идею Н. К. Рериха. Научные исследования в области геофизики, геологии, культурологии, археологии, проводимые с 2003 г. на территории парка «Уч Энмек»,

а *б*



Ил. 1. а – Вид горы Белухи со стороны долины Ярлу; *б* – С. Н. Рерих. Гора Гепанг. Долина Кулу

позволяют раскрыть смысл названной идеи. Уточним, что первые археологические раскопки на данной территории проводились в 1950-х годах С. И. Руденко и М. П. Грязновым в урочище Башадар, где были открыты богатейшие клады «царских курганов» пазырыкской культуры, ныне составляющие значительную часть эрмитажной коллекции сибирских скифов.

С 2013 г. в преддверии 90-летнего юбилея Трансгималайской экспедиции семьи Рерихов (1924–1928) сформировался научно-творческий коллектив из учёных и деятелей культуры Алтая и Индии с целью реализации научно-исследовательского проекта «Алтай – Гималаи» (2013–2018), призванного подтвердить рерховский концепт в свете современных научных открытий в области естественных и гуманитарных наук.

Участники проекта

1. Научно-исследовательская лаборатория этнокультурологических и экологических исследований КГБУ ДПО АКИПКРО / ИВЭП СО РАН (г. Барнаул, Алтай, Россия).

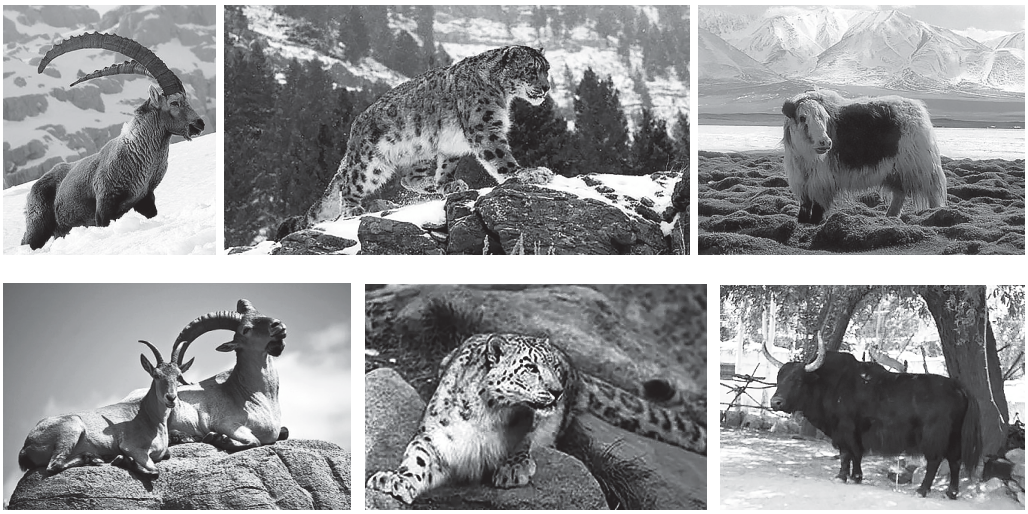
2. БУ РА «Каракольский (этно)природный парк “Уч Энмек”» (Республика Алтай, Россия).

3. Гималайский центр научных исследований и культуры (Дели, Индия).

Настоящий проект предполагает, что интуитивные прозрения Н. К. Рериха сегодня имеют под собой реальную основу: заложены два «магнита» научного притяжения – в Гималаях (долина Кулу) и на Алтае (долина Каракол), где ведутся исследования, синтезирующие достижения наук Востока и Запада. В рамках проекта ежегодно проводятся экспедиции на территориях Алтая и Гималаев, в ходе которых выявляются «реперные точки» евразийского научно-культурного взаимодействия в условиях родственных «вмещающих ландшафтов».

Несмотря на разную высотность (2000–4500 м над ур. м. – Алтай, 5000 – свыше 8000 м над ур. м. – Гималаи), но благодаря разной широтности (48°с. ш. – Алтай; 28° с. ш. – Гималаи), при которой южная широта Гималаев смягчает резкость климата его высокогорных плато, вмещающие ландшафты этих горных азийских си-

стем сформировали настолько сходные климатические условия, что флора и фауна обоих регионов почти идентичны (ил. 2). Следовательно, логично ожидать сходных условий культурогенеза данных территорий, основываясь на теории «вмещающего ландшафта» Л. Н. Гумилёва, утверждавшего «что каждый этнос представляет собой оригинальную форму адаптации человека в биоценозе ландшафта»[4].



Ил. 2. Алтай (верхний ряд): козерог, ирбис, сарлык; Гималаи (нижний ряд): козероги, снежный барс, як

С 2013 г. начался сбор материалов по исследованию природных и культурных особенностей Алтая, проведены две российско-индийские экспедиции в малодоступные районы священной долины Каракол, особо почитаемой коренным населением, к подножью горы Уч Энмек, которая, по мнению алтайцев, является «пуповиной» планеты Земля, питающей её энергиями Космоса. Часть собранной информации была опубликована в альманахе Himalayan and Central Asian Studies[5].

В 2015 и в 2016 гг. в рамках проекта были проведены две экспедиции в Гималаях, в областях Ладакх штата Джамму и Кашмир, Лахул штата Химачал-Прадеш. Цель этих экспедиций – собрать базу данных, подтверждающих культурное родство археологических памятников Сибири и Индии.

Задачи:

1. Выявить комплекс археологических объектов Малого Тибета (области Ладакх, Лахул) и некоторых прилегающих территорий штата Джамму и Кашмир, подтверждающих гипотезу проекта.

2. Нанести их на карту.

3. Сделать фото- и видеосъёмку объектов.

В ходе экспедиций было обнаружено и нанесено на карту 48 точек с археологическими объектами и комплексами объектов (петроглифы эпохи бронзы, скифского

и тюркского времени, курганы, стелы эпохи бронзы с более поздними барельефами буддийской и индуистской иконографии). Названные объекты напоминают аналогичные сибирские артефакты по иконографии (петроглифы), структуре комплексов и их архитектуре.

Так, между Драсом и Каргилом в небольшой деревне Бимбат обнаружено огромное курганное поле – есть курганы диаметром около 10 м в диаметре. Хорошо видны крепиды. Рядом есть поминальные кольцевые выкладки. Они очень напоминают курганные поля скифов на территории Алтая. Но самым почитаемым для местного населения является древний овальный мегалит, обложенный каменной выкладкой (вероятно, недавнего прошлого), который, по преданию, поднял Бин, брат Арджуны, героя Махабхараты.

Подлинным открытием оказался мегалитический комплекс Burzahom (местные жители также его называют Burzhama, Burzhuma), расположенный в северо-западной части долины Кашмир примерно в 27 км от Шринагара. Это руины древнего поселения, в котором археологи (раскопки велись в 1961–1971 гг.) выделяют четыре периода начиная от неолита и определяют, что «жилища-землянки, обработка кости, отсутствие пластин, использование заострённых прямоугольных ножей и сопровождение человеческих захоронений с собачьими скелетами указывают скорее на связи с Монголией, чем с остальным Индостаном. Основой хозяйства, по-видимому, была охота. Радиоуглеродные датировки охватывают период 2375–1400 гг. до н. э.». Археологами во время раскопок обнаружены несколько «комнат» жилища, расположенных на разных уровнях.

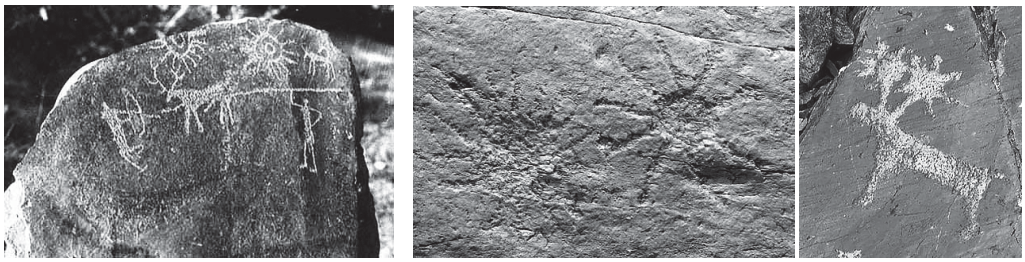
Рядом с раскопанным «домом» находилось уникальное мегалитическое сооружение, вероятнее всего храмовый комплекс, состоящий из мегалитов, частично наклонившихся, частично упавших, высотой от 3 до 5 м, ширина самого крупного около 3 м (ил. 3). Холм, на котором стоят и лежат мегалиты, с одной стороны подмыт или подкопан – видна каменная кладка, которая очень напоминает курганное сооружение – видны даже камни крепиды. Сейчас комплекс находится, похоже, в аварийном состоянии. Обнажённая часть крепиды холма (или кургана) осыпается. Местные жители выпасают здесь скот, а молодёжь устроила площадку для крикета. Вероятно, есть смысл провести здесь аварийные раскопки и рекультивацию комплекса. Это в будущем может стать совместным российско-индийским проектом.

На двух горизонтально расположенных плитах комплекса мы обнаружили чашевидные углубления правильной формы диаметром около 10 см, явно высверленные, хотя и непонятно чем – этот вопрос требует изучения. Указанные чашечные углубления напоминают находимые в Сибири и Монголии, которые В. Д. Кубарев и В. Е. Ларичев рассматривали как артефакты календарного предназначения. Подтверждением сказанного является петроглиф, нанесённый на одну из плит, изображающий сцену охоты на оленя с двумя солнцами – явные связи с евразийским космогоническом мифом о Небесном охотнике, стреляющем в Оленя (ил. 4). Вероятно, здесь указана и дата обряда. Так, Т. Г. Скрынникова упоминает празднование Нового года, сурхарбана, у западных бурят, название которого происходит от самого главного момента ритуала – стрельбы из лука в солнце[6].

а *б*

Ил. 3. а – Бурзума. Шринагар. Индия; *б* – Алтай. Башадар. Каракольская долина

а *б*



Ил. 4. Петроглифы: *а* – Бурзума. Шринагар. Индия; *б* – Ирбисту, Елангаш. Алтай

Наиболее значимыми этапами гималайских экспедиций были исследования долин рек Суру и Занскар. До сих пор этот регион считается одним из самых труднодоступных районов Гималаев, что позволило сохранить почти нетронутыми цивилизацией древние артефакты и традиции народов, здесь проживающих (в том числе древних ариев, не смешавшихся с автохтонным населением и пришедшими сюда в VIII в. н. э. кочевниками-тибетцами).

Н. К. Рерих, будучи профессиональным археологом, придавал огромное значение археологическим исследованиям южных отрогов Гималаев, небезосновательно полагая их межгорные и речные долины (Инд, Беас, Суру, Занскар) центрами зарождения древнейших цивилизаций и путями миграций древних народов, так как Ладакх считается «ядром» Великого шёлкового пути. С 1931 по 1933 г. Институт «Урусвати» осуществил пять экспедиций к южным и юго-западным районам Гималаев, в том числе в Ладакх и Занскар, где были собраны великолепные этнографические и археологические коллекции. Учёный и художник сетовал в дневниковых записях, что эти богатейшие в историческом отношении районы мало исследованы.

В ходе нашей экспедиции по долинам рек Суру и Занскар обнаружено большое количество древних памятников.

1. На отрезке дороги от Каргила до Рангдума встречается большое количество каменных выкладок и курганов, на которых не велось никаких раскопок. Но сейчас эти памятники подвергаются разрушению в результате строительства и благоустройства дорог, а также хозяйственной деятельности местных жителей, которые из камней устраивают разного рода изгороди и загоны для скота.

2. Аналогичные выкладки встречаются на отрезке Рангдум – Падум, особенно в районе поселка Кхамелинг, но здесь видно, что местные жители почитают могилы предков, вывешивая ритуальные флажки. Здесь также были обнаружены каменные оградки с вертикально поставленными камнями, напоминающими средневековые тюркские оградки на Алтае.

3. В долинах рек Суру и Занскар встречается большое количество стел и менгиров, напоминающих алтайские памятники эпохи бронзы (возле Кхалтсе – стела со скошенным верхом). Но практически все они имеют более поздние изображения Будды или иных святых буддийского пантеона, иногда встречаются изображения индуистских божеств: особенно много таких стел в Падуме и его окрестностях (в Кхончете, Сани, на полпути между Реджин и Казар).

Нередко эти древние камни встраиваются в более поздние ритуальные комплексы, как в Сани, или хранятся местными жителями, которые, обустраивая свои участки, не переносят древние камни, а выстраивают свои дома и заборы возле или вокруг оных (Кхончет) (ил. 5).

4. Также этот регион богат петроглифами. Но они здесь рассеяны почти по всему району от Рангдума до Падума (около 100 км), не имеют скоплений в виде ритуальных центров, как это характерно для комплексов долин Нижнего и Верхнего Инда, Алчи, Дамкхар и т. п. В большинстве своём это изображения козерогов, аналогичных многочисленным изображениям, встречающимся на камнях Русского и Монгольского Алтая. Вместе с тем интересны изображения ладоней, солнца-колеса, изображения в битреугольном стиле, орнамент-мандала, всадник на коне. Нередко рядом с петроглифами условно скифского и тюркского типа встречаются тибетские надписи.

Большое внимание в ходе гималайских экспедиций уделялось исследованию петроглифических комплексов Ладакха. Эта область представляет собой колоссальный парк петроглифических памятников: в радиусе 60–80 км вокруг Леха расположено огромное количество петроглифов – как «россыпью», так и в виде комплексов. Карта петроглифов Ладакха, составленная лехским краеведом Таши-Дава, демонстрирует иконографическое, сюжетное и хронологическое разнообразие наскального искусства Малого Тибета, но не дает исчерпывающей информации обо всех известных (и тем более неизвестных) местах скопления петроглифов.

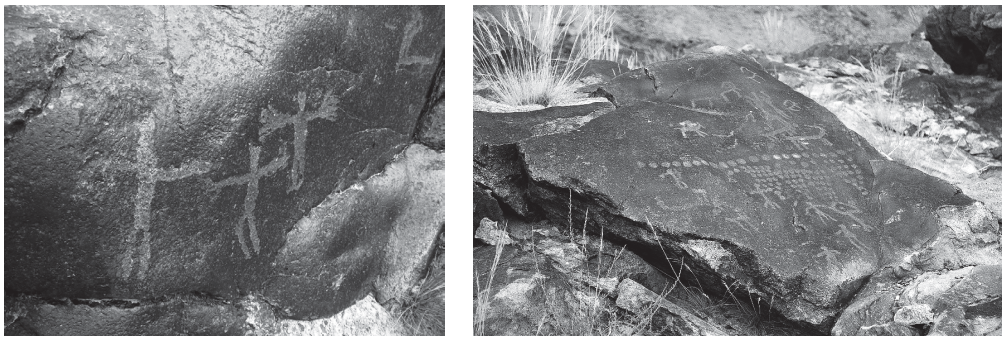
Наиболее интересные комплексы, которые нам удалось посетить, – это Ачина (Долина Нижнего Инда) и Дамкхар (Долина Среднего Инда). Вообще сама долина Инда изобилует петроглифическими памятниками на протяжении 150 км. Считается, что это самый протяжённый петроглифический суперкомплекс. Скала Ачина (Ачинатханг) интересна разнообразием сюжетов: не только повсеместно распространённые

Ил. 5. Менгиры Ладакха (Кхалсе, Падум, Сани, Кхончет)

козероги и всадники, но и замечательно сохранившиеся антропоморфные крестообразные фигуры с гипертрофированными ладонями (вероятно, вариация позы «оранта» – «молящаяся») и рожаницы рядом с точечными композициями, похожими на древние календари. Данная композиция требует тщательного семиотического анализа и культурологических интерпретаций. Есть предположение, что это мог быть алтарь, посвящённый Богине-Матери (ил. 6).

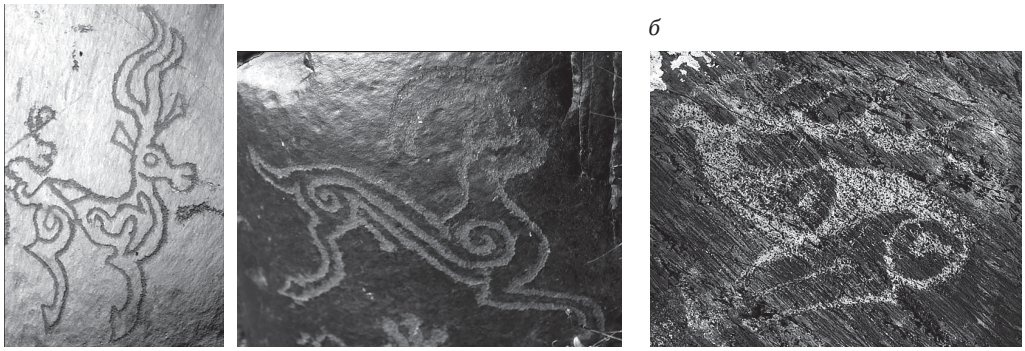
Комплекс Дамкхар поразил колоссальными размерами и большим скоплением виртуозных изображений, близких по иконографии скифо-сибирскому звериному стилю. Ввиду ограниченности времени мы не смогли снять на фото и видео весь комплекс, но и собранные материалы впечатляют своей высокой художественностью. Также в комплексе присутствуют большое количество изображений козерогов, всадников, «орант» и т. п. (ил. 7).

Ладакх видится весьма перспективным районом для исследования наскальной живописи с точки зрения её оригинальности и историко-культурных связей Индии и Сибири. С целью выстраивания планов дальнейших международных историко-



Ил. 6. Петроглифы Ачинатханг

а



б

Ил. 7. а – Петроглифы комплекса Дамкхар. Ладакх; *б* – Петроглиф Ирбисту. Алтай

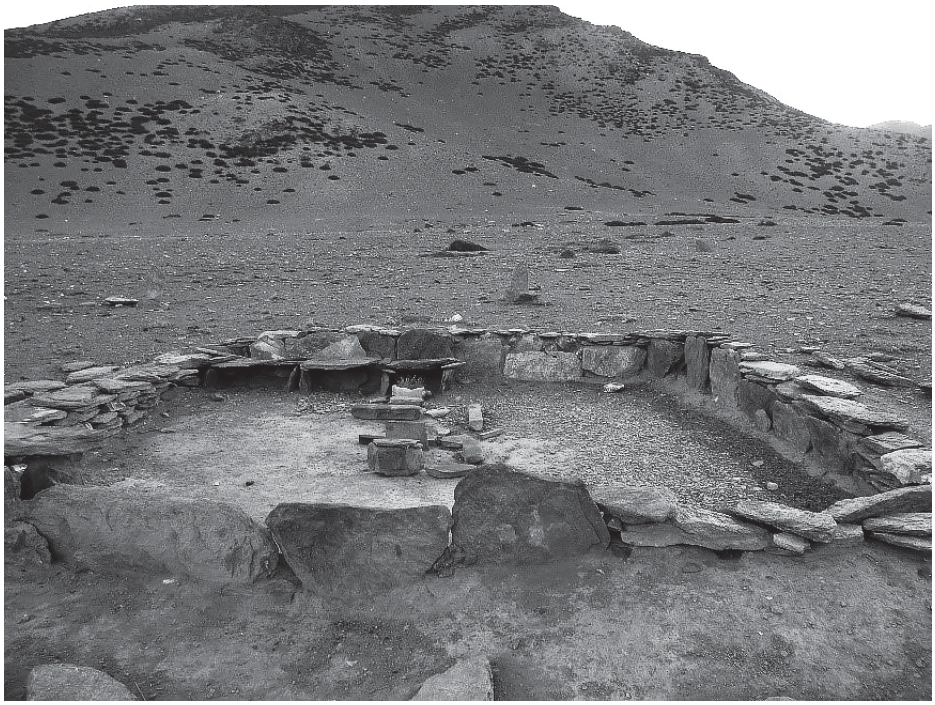
культурных и археологических исследований был налажен контакт и достигнута договорённость о дальнейшем сотрудничестве с краеведом в Лехе г-ном Таши-Дава, более 15 лет изучающим петроглифы Ладакха.

Богатые историко-культурные результаты дало посещение области Лахул штата Химачал-Прадеш. В 1931 г. Н. К. Рерих организовал экспедицию из Кулу до Лахула через перевал Ротанг, исследуя следы древних культур, общавшихся через Трансгималаи. В частности, его интересовали связи между Индией и Сибирью: «Ладак, Дартистан, Балтистан, Лахуль, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют разнообразными сходными в техническом отношении изображениями, невольно напоминающими скалы Богуслана и изображения остготов и прочих великих переселенцев»[7]. Ю. Н. Рерих в области Лахул производил раскопки и обнаружил три типа древних погребений, которые, по преданиям местного населения, принадлежали пришельцам с севера.

Нами было обнаружено здесь множество выкладок, напоминающих плиточные могилы. Их датировать и атрибутировать можно, видимо, только в результате рас-

копок. Они расположены комплексами и между ними ещё есть каменные выкладки в виде колец, квадратов, вертикально поставленных небольших камней (балбалов), выстроенных в цепочку.

Большой интерес вызвали современные выкладки, расположенные недалеко от поля «плиточных могил», представляющие собой двухкамерное помещение со специально встроенными «каменными ящиками». Каково их назначение: хозяйственное или ритуальное – выяснить не удалось ввиду абсолютного безлюдья в этой высокогорной местности. Один такой комплекс с дополнительными внешними выкладками и вертикально установленными камнями по сторонам света, а также с устроенной в пластиковой канистре «клумбе» с зелёной травой, расположенной в передней (можно подумать, «алтарной») части выкладки (при абсолютном бестравии окружающего ландшафта), наводит на мысль, что всё-таки это ритуальное сооружение (ил. 8).



Ил. 8. Лахул. Современный плиточный комплекс

В ходе гималайских экспедиций 2016 г. выявлены перспективные направления в исследованиях петроглифов Ладакха, а также курганов, курганных полей, керексуров, древних и средневековых вкладок, нераскопанных и малоизученных (насколько это удалось выяснить в ходе экспедиции).

Участниками проекта отснято большое количество видео- и фотоматериалов для создания фильмов, научных и научно-популярных публикаций с целью популяриза-

Ил. 9. Участники проекта «Алтай – Гималаи» в Верхнем Уймоне (Алтай), в доме Вахрамея Атаманова, где останавливались в 1926 г. участники Трансгималайской экспедиции

ции культурно-исторических связей индоарийских и тюркских народов, оставивших артефакты на огромных центральноазиатских пространствах от Алтая до Гималаев, что подтверждает идеи Н. К. Рериха и позволяет ввести их в научный оборот.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Рерих Н. К.* Русь – Индия // Листы дневника. М., 1996. Т. 3. С. 199.
2 *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. Рига, 1992. 336 с.
3 *Рерих Ю. Н.* Листки воспоминаний. Приключения в горах. М., 1961. С. 57.
4 *Гумилев Л. Н., Иванов К. П.* Этнические процессы: два подхода к изучению // Социологические исследования. 1992. № 1. С. 53–54.
5 См.: Altai Special issue / ed. K. Warikoo, guest associate editor I. A. Zhernosenko. New Delhi: Himalayan Research and Cultural Foundation, 2014. 273 p.
6 *Скрынникова Т. Д.* Сурхарбан // Цыбиковские чтения: проблемы истории и культуры монгольских народов: тез. докл. и сообщ. Улан-Удэ, 1993. С. 39–41.
7 *Рерих Н. К.* Меч Гессар-хана // Рерих Н. К. Твердыня пламенная. Рига, 1991. 272 с.

ЯНЖМАА БИРАГИЙН
(Дом-музей Н. К. Рериха «Рерих Шамбала музей», Улан-Батор)

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ АКАДЕМИКА ШАГДАРЫН БИРЫ

Шёл 1957 г.

Во время учебы в аспирантуре Института востоковедения АН СССР Шагдарыну Бире улыбнулась судьба: он встретился с Юрием Николаевичем Рерихом, Учителем, который помог ему найти то, что он искал и чему мечтал посвятить молодую энергию, а впоследствии и всю жизнь.

Юрий Николаевич Рерих был настоящей находкой для таких, как он, молодых людей. Он пользовался огромным научным авторитетом не только у молодёжи, но и у всей творческой интеллигенции.

В результате многократных обстоятельных разговоров с Учителем они твёрдо решили заниматься, кроме монголоведения, смежными с ним отраслями востоковедения – тибетологией, буддологией, а также тибетским языком и санскритом.

На следующий после встречи день начались индивидуальные и групповые занятия.

Занятия проходили на квартире Юрия Николаевича, в кабинете, наполненном книгами, тибетскими и монгольскими ксилографами и рукописями и украшенном знаменитыми картинами его отца.

Мой отец (молодой аспирант Шагдарын Бира) приходил в дом Юрия Николаевича почти каждый день, а иногда и по выходным дням на дополнительные занятия по чтению и анализу трудных тибетских исторических текстов. Также он делился впечатлениями от прочитанных книг по тибетологии и буддологии, которыми Учитель щедро снабжал его из своей библиотеки. У него были такие ценные книги и научные журналы по тибетологии, которых не было даже в Ленинской библиотеке.

Индивидуальные занятия имели некоторую особенность. Учитель считал своё знание монгольского языка недостаточным, хотя он прекрасно владел им и хотел практиковаться в современном монгольском языке вместе, как он выражался, с прирождённым носителем этого языка. Юрий Николаевич очень интересовался современной Монголией. Он часто говорил, что его отец, Николай Константинович Рерих, любил Монголию, хорошо знал её историю и традиции и посвятил ей много своих картин.

По словам Учителя, Николай Константинович, оказавшись в Монголии в 1926–1927 гг., чувствовал необычайное вдохновение и верил в будущее Монголии, породившей Чингисхана, которого Юрий Николаевич любил называть «монгольским Прометеем». Он говорил: «Любовь к Монголии у меня в крови» – и утверждал, что в нём течёт монгольская кровь. Юрий Николаевич часто вспомилал о своём путешествии в составе Центральноазиатской экспедиции и очень хотел ещё раз посетить Монголию.

В 1958 г. по приглашению Монгольского правительства для организации Первого конгресса монголоведов-филологов Юрий Николаевич вновь приехал в Монго-

лию, так как для комитета были важны его советы. Будучи аспирантом Ю. Н. Рериха, Ш. Бира сопровождал его во время пребывания в Монголии.

Юрий Николаевич посещал научные и религиозные центры Монголии, встречался с членами правительства, учёными и даже успел побывать в юрте, в которой отец жил летом с семьёй, и Учитель говорил, что будет приезжать каждое лето на отдых, подышать чистым горным воздухом.

Учитель очень любил конную езду и наказывал Ш. Бире непременно найти для него хорошего монгольского коня с казацким седлом.

Во время пребывания в Монголии Юрий Николаевич очень хотел отыскать картину «Владыка Шамбалы Ригдэн Джапо», которую Николай Константинович создал во время пребывания в Урге (Улаанбаатар) и сам подарил монгольскому правительству, вручив её тогдашнему премьер-министру Цэрэндоржу.

Рерихи очень интересовались Шамбалой. Нет сомнения, Николай Констатинович создал свою картину «Владыка Шамбалы Ригдэн Джапо» под непосредственным впечатлением от всего, что он услышал о Шамбале в самой Монголии.

Как свидетельствуют современники художника, Николай Константинович обнаружил, что вера в наступление новой эры Шамбалы была тогда необычайно сильна в Монголии. На улицах столицы он встречал отряды кавалеристов, которые пели песню о Шамбале. Песня называлась «Жан Шамбалын дайн» («Война Северной Шамбалы»).

Северной Шамбалы война
Умрём в этой войне
Чтоб родиться в ней,
Витязями Владыки Шамбалы.

1. Жанжин тугийг мандуулаад
Зэвхий гаминг дарцгаяа
Жан Шамбалын оронд
Заавал ч үгүй төрцгөөе

2. Шар тугийг мандуулаад
Шажны сүрийг бадруулья
Шавь нар болсон бид нар
Шамбалын дайнд мордоцгооe

3. Ногоон тугийг мандуулаад
Ноедын сүрийг бадруулья
Ножид болсон гаминг
Номхон бороор даруулья.

1. Знамя Полководческое поднимем
Геменов неугодных уничтожим
В стране Жан Шамбалы
Непременно переродимся

2. Знамя жёлтое поднимем
Славу религии вознесём
Мы же, Ученики её
На войну Шамбалы поднимемся

3. Знамя зелёное поднимем,
Славу ноенов вознесём
Геменов коварных с помощью
Смирных в серых (шинелях) подавим.

В августе 1959 г. Юрий Николаевич снова приехал в Монголию в составе советской делегации на Первый конгресс монголистов. Он подготовил доклад на тему «Монгольские заимствования в тибетском языке», причем на монгольском языке.

После окончания конгресса Ю. Н. Рерих написал интересный обзор об итогах первой встречи монголистов в Монголии, подчеркнув, что конгресс, «несомненно, был важным этапом в истории монголистики».

Таким образом, Юрий Николаевич Рерих стоял у истоков международного сотрудничества монголоведов, которое впоследствии переросло в ныне действующую Международную ассоциацию монголоведения с центром в Улаанбааторе, которым мой отец – Ш. Бира – руководил больше 25 лет.

Юрий Николаевич Рерих готовился вновь приехать в Монголию в 1960 г.

Он покинул этот мир 21 мая 1960 г., примерно за месяц до защиты диссертации моего отца «Опыт исторического исследования “Сэр-ги Дэп-Тэра”».

Он ушёл от нас в полном расцвете сил. У него было столько творческих планов по возрождению традиций и школ монголоведения и тибетологии на родине…

Заключение

Члены семьи Рерихов, все вместе и каждый в отдельности, строили духовные мосты между нашими странами.

Поистине велик их вклад в изучение и популиризацию Монголии ещё в те времена, когда она была почти забытой и заброшенной окраиной мировой истории.

Николай Константинович сравнивал Монголию с «неотпитой чашей» и призывал к бережному и доброжелательному отношению, добрым действиям и доброму мышлению, уважению к тем построениям, которые могут здесь возникнуть.

«Из чудесных камней прошлого сложите ступени грядущего».

Д. И. МАМЫЕВ
(БУ РА «Каракольский (этно)природный парк "Уч-Энмек"», Республика Алтай)

«МАГНИТЫ НООСФЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАСЛЕДИЯ Н. К. РЕРИХА

Известный историк и географ Л. Гумилёв говорил: «Ландшафт формирует культуру», а философ-оккультист Е. Блаватская утверждала: «Какими бы ни были странными народные традиции, при тщательном их изучении могут быть открыты глубинные тайны Природы». Традиционная культура Алтая, являясь естественным отражением его космопланетарных особенностей и закономерностей, утверждает, что Алта – пуповина планетарного организма. И этот организм изначально, как всякое живое существо, обладает сферой разума и знанием. Этот тезис впоследствии был определён европейскими мыслителями-учёными как ноосфера, т. е. продукт человеческой деятельности. Поэтому природный ландшафт – это не просто место обитания человека, но и место получения знания, «обучающий ландшафт». Таким образом, значение Алтая в современном развитии цивилизации планеты и человеческой культуры значительно и многофункционально.

Наступившая эпоха характеризуется ощущением «единения» всех процессов, происходящих на Земле и во Вселенной, грядёт период обновления всей материи и информационного пространства.

Настала пора межкультурного диалога и взаимодействия, пора совместной работы научных сотрудников и посвящённых носителей традиционного знания как авангарда современной и традиционной культур.

Алтай как особая геокультурная структура планеты Земля был назван известным учёным и философом Н. К. Рерихом, одним из первых ощутившим его особенность, «магнитом притяжения».

Этот тезис стал основой для нового поколения хранителей Священных земель в процессе создания особо охраняемых природных территорий (ООПТ).

Алтай на карте Евразии находится в центре континента и объединяет четыре государства: Россию, Китай, Монголию и Казахстан, в каждом из которых находится часть Большого Алтая. Кроме того, здесь расположены пять территорий, образующих объект Всемирного наследия ЮНЕСКО «Золотые горы Алтая»[1]. При этом Алтай, по верованиям его коренного населения, выполняет функцию пуповины планеты, осуществляющую её родовую, энергоинформационную, магнитно-полевую связь с космосом. В центре Онгудайского района Республики Алтай есть священная долина Каракол, где находится гора Уч Сумер (Три Сумеру), в своей форме представляющая «Родовое древо», а по энергоинформационным качествам – решетку алмаза. С 2001 г. она является особо охраняемой природной территорией регионального значения под названием «Каракольский этноприродный парк "Уч-Энмек"». Российский Алтай был первым регионом России, в котором особо охраняемые природные территории начали создаваться по инициативе коренного населения, пытающегося оградить свои храмовые комплексы (Священные земли) от нерегулируемого туризма и природопользования.

Каракольская долина – это первая ООПТ, которая рассматривала традиционное знание о Священной долине Каракол как аксиому, не требующую научного доказательства, воспринимая её в качестве первичной матрицы знания о природных особенностях Алтая. Это первая ООПТ, в которой успешно решена проблема противостояния специалистов по заповедному делу и носителей традиционного знания.

Всё это позволило выявить совершенно новые качества и ценности ООПТ для современного развития, в продвижении нового ноосферного знания, открывающего новые принципы взаимодействия человека с природой, в том числе в области глобального изменения климата.

Совместными усилиями региональной общественной организации «Школа экологии Души "Тенгри"» и природного парка был научно подтверждён высокий уровень экологических знаний в традиционной культуре алтайцев. При междисциплинарном исследовании объектов природного и культурного ландшафта Каракольской долины как целостного природно-культурного пространства были выявлены уникальные особенности, подтверждающие гипотезу о высоком знании физики Земли его создателями. Часть объектов были сознательно «намагничены», по всей видимости, они были синергетически увязаны с магнитным полем Земли, представляя собой обменный энергоинформационный коридор. Также научным путём было зафиксировано воздействие этого пространства на сознание и на организм человека в целом. Выявлено коррекционное воздействие объектов на нарушения в организме человека путём предоставления этому организму информационных ресурсов для саморегуляции и самовосстановления.

Принимая во внимание высокую степень «образованности» наших общих предков (славяно-тюркского мира), можно с уверенностью утверждать, что алтайские археоастрономические объекты использовались как энергоинформационные, магнитно-полевые резонаторы – подобно тому, как египетские пирамиды использовались древними египтянами как «звуковой» резонатор тонковолновых излучений (на что указывает их внутреннее строение). Наши предки давно занимались «нанотехнологиями» и «компьютерами», основанными на магнитном носителе информации, при этом, очевидно, не в ущерб своему существованию, в отличие от современной цивилизации, которая ещё только встала на путь признания права Природы – духовной экологии и экологии души.

И только сейчас через призму современного научного знания стало понятно, что имел в виду Н. К. Рерих, говоривший про «магниты», запускающие культурогенез посредством притяжения нового знания.

Учитывая вышеприведённые положения и воспринимая их как проявления современной научной парадигмы, в 2016 г. в Горном Алтае (Россия) была принята новая концепция эколого-экономического развития региона «Горный Алтай – территория ноосферного развития». Она основана на гармоничном соразвитии человека, общества, государства и природы. В этой стратегии территория российской части Большого Алтая организована в виде комплекса территориальных кластеров, объединённых функционально-тематическими инфраструктурами.

Первым специализированным кластером этого региона признана Каракольская долина, где международной коалицией ноосферного движения создан Этнокультурный научно-образовательный центр «АруСвати» – «Чистый Свет Творения». Он начал работать как международная школа священного пространства, формирующая и генерирующая традиционное (ноосферное) знание. Структура и принципы деятельности «АруСвати» организованы на основе традиционного образа мышления, обосновывающего функциональную значимость каждого человека. «АруСвати» не направляет и не ставит конкретные задачи, а, пользуясь традиционными знаниями, создаёт энергию для реализации человеком своей космической миссии, в которую «по стечению обстоятельств» вовлекаются личности, достигшие зрелости. Это живая, постоянно растущая и меняющаяся в соответствии с изменениями в окружающей среде саморазвивающаяся система.

Бóльшая часть сегодняшних глобальных угроз современному миру вызвана тем, что деятельность людей, управляющих сообществами и государствами, образ мыслей, определяющий их поступки, не соответствует вибрациям глобального (космопланетарного) мира. Это является одной из важных проблем в устойчивом развитии сообщества. Поэтому требуется новая доктрина развития цивилизации, основанная на природосообразной культуре и образовании. Основа этой доктрины – её философия – сформирована у коренных народов. Интеграция традиционного знания в современную картину мира позволит создать мировоззренческую базу для реализации ноосферной, экокультурной концепции устойчивого соразвития планеты и социума. Поэтому деятельность «АруСвати» организована таким образом, чтобы в ней присутствовали представители западного и традиционного мировоззрения для сбалансированного использования традиционных (восточных) и западных научных знаний в процессе формирования новой доктрины образования.

Важной особенностью территории природного парка является её уникальное геолого-геофизическое строение, обогащённое историко-культурными памятниками древности, которые задумывались древними строителями в качестве космопланетарной информационной системы. Такая система позволяет человеку быть в «курсе всех событий», происходящих здесь и сейчас. Современная традиционная культура коренного населения этой территории позволяет интерпретировать эти события как единый процесс ноосферного образования, создающее для современной России историко-культурные и информационные предпосылки к евразийскому воссоединению, при котором наша страна вернёт себе былое величие во всех отношениях.

Учёными (геофизиками, геологами, врачами, ботаниками и др.), проводившими комплексные исследования в Каракольской долине, установлено, что священное пространство долины, сочетающее энергию природных сил и «духов» историко-культурных комплексов, является источником, осуществляющим ненасильственное низкоэнергетическое резонансно-волновое воздействие на сознание и на организм человека в целом. Оно выполняет коррекцию нарушений организма, предоставляя этому организму информационные ресурсы для достижения состояний саморегуляции и самовосстановления. По сути дела, наши далекие предки оставили нам уникальную систему не только образовательного и оздоровительного характера,

но и систему знаний, позволяющую управлять геомагнитными полями, тем самым контролируя глобальное климатическое состояние планеты Земля.

Два «магнита»: Алтай – Гималаи, Каракол – Кулу, Гуркин – Рерих

«Истинно, Алтай – Гималаи – два магнита, два равновесия, два устоя»[2]. Многие воспринимают эти слова Н. К. Рериха как чисто метафорическое высказывание, не имеющее никакого подтверждения этим «магнитам» в физическом и материальном плане. Также думали исследователи о Г. И. Чорос-Гуркине, читая его тюремные записки: «Василий Кондратьевич Манеев и я в Бийской “тюрьме”. Мы проектируем то, как выйдем из тюрьмы, то среди Алтая, в долине Каракольской строить школу “Интернат” для Алтайских детей». Или вот: «Доклад. Чорос-Гуркин. 1927, февраль, 12-го. Анос. *Мой долг. Мои задачи и планы!* (перед родиной Алтаем и Народом). Первой моей неотложной задачей, *заветной мечтой*, которая должна служить для благополучия и Культурного развития моей родины-«Отчизны» Алтая и его народа Ойрат-Нации, Это основать, заложить, организовать *Художественную школу Изобразительного искусства».*

Алтай действительно удивительный мир: здесь формируется и материализуется мысль. Здесь хранится знание Земли, проявляются принципы Тенгри (живого Космоса), оживают знания и мысли предков наших. Как Алтай свёл воедино судьбу двух батыров (алтайского и русского), так же он материализовал мечты Г. И. Чорос-Гуркина и философские размышления Н. К. Рериха, выстроил незаметно для современников из их «неосознанных пассионарных действий» научно-образовательный центр «АруСвати», открыл для новейших исследований геомагнитные особенности Каракольской долины, образно называемой коренными алтайцами как «Јердиң Киндиги» («Пуповина планеты Земля»).

Алтай сказочно воссоединил истории региональной общественной организации «Школа экологии души “Тенгри”» (1995), «Каракольского этноприродного парка “Уч-Энмек”» (2001) и Некоммерческого партнерства «Культуротворческие школы Алтая» (2007) в единый Этнокультурный научно-образовательный центр «АруСвати» (2014), который рос и набирался сил, как плод в утробе Матери. Название Гималайского исследовательского института «Урусвати» проявило имя нового Алтайского научно-образовательного центра «АруСвати», материализовав прозрение Н. К. Рериха о «магнитах»: Алтайская долина Каракол – Гималайская долина Кулу. Магниты притяжения новой культуры, знания и Духа. Поэтому Каракольская долина – это образ новой школы, новой системы образования – ноосферной, постигающей основы космопланетарного Знания. Это школа не повторения чужих «кодированных» программ и догматов, а проявления в каждом из нас глубинных истоков Знания наших предков, развивающего логическое мышление и интуицию, питающего человека чистым светом творчества, ибо творчество – пища для богов.

Поэтому особо охраняемая природная территория парка «Уч-Энмек» посредством эколого-просветительских экскурсий и ноосферных туристических маршрутов по территории долины, разработанных Этнокультурным центром «АруСвати»,

формирует новое качество образовательного пространства человека, структурирует возможности его организма и, самое главное, формирует личностные ценностные качества человека (Дух), защищая его от самоуничтожения, раскрывая в нём самом глубинные общечеловеческие принципы Уважения, Любви и Сострадания.

Это и есть ответ сообщества коренных культур Алтая на инициативы государственных лидеров нашей страны о сотворчестве государства и общества, которое сообща созидает культуросообразное образование (Медведев Д. В. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 гг., Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа») и природоподобные технологии (Путин В. В. Доклад на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН).

Эта статья – призыв к международному сообществу объединить свои усилия в защите священного пространства этого уникального уголка планеты Земля, несущего в себе сакральное знание предков о единстве мира в его многообразии природных и культурных ландшафтов.

Наши информационные данные:

Каракольский этноприродный парк «Уч-Энмек»
Региональная общественная организация «Школа экологии души “Тенгри”»
649440, Россия, Республика Алтай, с. Онгудай, ул. Советская, 78 (тел./факс) (38845) 22178; официальный сайт: www.uchenmek.ru; e-mail: info@uchenmek.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Алтайский объект Всемирного наследия состоит из пяти участков общей площадью 1,64 млн га. Это Алтайский государственный заповедник, водоохранная зона Телецкого озера, природный парк Белуха, Катунский государственный биосферный заповедник и зона покоя Укок. «Золотые горы Алтая» были включены в список Всемирного наследия в 1998 году (Справка № 768).

[2] *Рерих Н. К.* Русь – Индия // Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. М.: МЦР, 1996. С. 199.

III. ФИЛОСОФИЯ, ИСКУССТВО, ПЕДАГОГИКА

Б. С. ДУГАРОВ
(Отдел литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ)

РЕРИХИ: СВЕТ ПУТЕВОДНЫЙ

В евразийском и мировом культурном пространстве существуют вершины, которые притягательны для многих поколений. Одной из таких вершин являются Рерихи, их духовное, художественное и научное наследие.

Хотел бы обозначить те грани этого многомерного наследия, которые оказались путеводными в моей творческой жизни как поэта и учёного.

Горы

Тема гор – особая в творчестве Рериха, сердцевина его планетарного мироощущения.

Поскольку я родился в Бурятии, в горах Восточного Саяна, мне, горцу по рождению, гималайский мир Рериха с его космизмом и солярным мироощущением близок изнутри.

Сам Николай Рерих – блистательная вершина, сложенная из камешков, собираемых ежеминутно. Вершина как олицетворение творческой воли человека и его космического предназначения. Она возвышается над буднями минувшего и нынешнего столетия, подобно Канченджунге – сокровищнице заоблачных снегов.

Следовать Рериху – это значит слушать свой внутренний напев и соразмерять его с рериховскими призывами. Дома у меня висит репродукция картины Н. К. Рериха «Тибет», которую я приобрел еще в Москве, в годы аспирантуры. Она как окно во вселенную Рериха.

У Рериха, мастера гор и учителя света, краски одухотворённые, они дышат, наводят на размышления о вечном и непреходящем.

Явленные в эпико-космических масштабах образы гор как бы передают целостное состояние человеческого духа и его нравственных устремлений в самопознании в глубочайшем единстве со Вселенной. Недаром фигуры великих учителей Востока и сюжеты на темы сакральных учений изображаются художником на фоне гор, а лики гималайских богов и меч Гэсэра проступают на скалах. Сам художник признавался, что для него «Гималаи являются вершиною мира не только по высоте, но и по всем благостным многозначительным традициям».

Окаменелые волны пространства
Гималаями тянутся ввысь.
Словно в едином порыве – светло и прекрасно –

небо с землёю сошлись.
Пик океана и вечности берег.
Горы и Рерих.

Странствия

Трансазиатская экспедиция Рерихов помогла мне определить вектор моих духовных и творческих поисков. Караван Рерихов – Азия как вещь в себе и путь пилигримов. Меч Гэсэра сверкает на обломках прошлого. В книге «Алтай – Гималаи» (1974) много интересных высказываний и наблюдений, в которых сочетаются пытливый взгляд путешественника, видение художника и ум мыслителя, перешагнувшего барьеры времени и пространства.

Свет рериховских прозрений и открытий как свет прожектора, высвечивающего путь к будущему в сумерках евразийского пространства. Этот свет ведёт путника. Но есть риск потеряться в потоке ослепляющих лучей. Дорогу каждый должен чувствовать свою. «Научились ли вы радоваться препятствиям?» – вопрошает древняя мудрость.

Шамбала

Владыка Шамбалы Ригден-Джапо (Рэгдэндагва) изображён скачущим всадником на картине Рериха, которую он написал в 1927 г. в Улан-Баторе и подарил монгольскому правительству. У меня дома хранится репродукция этой рериховской работы, взятая в рамку. Во время одной из поездок в Монголию мне довелось увидеть оригинал. При посещении Музея изобразительных искусств им. Занабазара я увидел и сразу узнал эту картину в соседстве с буддийскими танка, с которыми она по манере исполнения весьма схожа. Её название – «Богатырь на красном коне» («Улаан хүлэгт баатар»).

Рерих отмечал в путевом дневнике: «В Бурятии и Монголии мы уже не удивлялись найти многие знаки Шамбалы. В этих странах психические силы очень развиты». Подытоживая результаты своей центральноазиатской одиссеи, Рерих писал, что если спросить, какое понятие среди всех многообразных впечатлений и заключений стало для него особенно воодушевляющим, он без колебаний ответит: «Шамбала!»

Шамбала для Рериха – древо будущего, растущее из великих корней Азии.

Шах синевы – венценосный орел обнимает крылами пространство.
Шов караванной тропы бесконечно змеится на теле пустыни.
Шаг бактриана пески заглушают, но эхо в веках отдаётся.
Шамбала, где твой воитель, обещанный вздохом священным Востока?

Шквалы степные рождают Аттилу, а горный покой – Миларайбу.
Шёлковый путь – от сансары, а Млечный – от звёздной нирваны.
Шёпот барханов иль шум городов ведет караван сквозь столетья?
Шамбала, где твой воитель, обещанный вздохом священным Востока?

Маэстро ориенталистики

Читаю и перечитываю книгу Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии» (1982). Оригинал на английском языке был опубликован в 1931 г. в Лондоне. Получается, что спустя более полвека эта книга, прорвав железный занавес, дошла до советского читателя.

Путевые записки Ю. Н. Рериха содержат множество любопытных идей. Это взгляд профессионального востоковеда на Азию изнутри. Монгольские страницы читаются на одном дыхании. Описание Улан-Батора и его состояния в то время зримо, обстоятельно, с подробными историческими экскурсами. Такое ощущение, как будто вместе с автором проходишь по монгольской столице, приобретающей новый облик, но сохранившей буддийские черты в действующих храмах и монастырях – Гандане, в храме Чойджин-ламы и др. Автор отмечает большой духовный потенциал города, таящий «уникальные возможности для изысканий ученых-тибетологов».

О Гэсэре. «Это памятник кочевой поэзии, – пишет Ю. Н. Рерих, – самобытное творение центральноазиатских сказителей, включающее тюрко-монгольские истоки». Учёным, оказывается, опубликован неведомый ранее вариант сказания о Гэсэре, написано исследование «Сказание о царе Кесаре Лингском» с привлечением разных версий эпоса. Приводятся гипотезы об их происхождении и территории их изначального бытования. К сожалению, эти труды Ю. Н. Рериха мало известны нашим гэсэроведам.

О Миларайбе. Приводится любопытная легенда о споре тибетского отшельника-поэта с одним самоуверенным проповедником бонпо («черной веры»). Примечательно, что эта легенда активно бытует в местности с тюрко-монгольским (!) названием Тенгри, в самом сердце Гималаев. Здесь, в неприступных горных долинах, – пишет путешественник, – до сих пор живут ревностные хранители заветов мудреца, святого Франциска страны снегов. Ещё можно услышать песни Миларайбы и, как гласит предание, прислушиваясь к своему внутреннему голосу, увидеть на стене пещеры его лик.

Бьётся ли сердце Азии? Бьётся.
Смотрит сквозь даль караван-баши.
Облачный всадник в небе несётся.
В скалах седых сквозят миражи.

Бьётся ли сердце Азии? Бьётся.
Мглу рассекает мечом Гэсэр.
Светят в сказаньях луна и солнце,
словно ведут хороводы эр.

Бьётся ли сердце Азии? Бьётся.
Дух Миларайбы кочует в горах.
Тот, кто на свет веков оглянется,
не превратится в тлен и прах.

Ю. Н. Рерих словно был всадником от науки, совместившим в себе европейскую и восточную образованность, которые стали его стременами, – вставая на них, он видел новые пути для синтеза знаний Запада и Востока, основанного на единстве истоков. Его рабочим кабинетом стала вся нагорная Азия – от Алтая до долины Кулу. В 1926 г. Ю. Н. Рерих впервые посетил Улан-Удэ (Верхнеудинск) по пути следования Центральноазиатской экспедиции (Алтай – Гималаи), успех которой был во многом предопределён его востоковедной эрудицией и безукоризненным знанием монгольского и тибетского языков.

Сын Н. К. Рериха, Юрий Николаевич, несомненно, является достойным наследником отца, аккумулировавшим свой личностный потенциал в научной ипостаси. Он проявил себя на поприще востоковедения как маэстро ориенталистики, полиглот высшей пробы, державший в своих руках нити от многих сокровенных тайн Тибета и Центральной Азии. Приятно осознавать, что его жизненный и научный пути не раз пересекались с Бурятией, которая помнит его и черпает много познавательного из обширного творческого наследия выдающегося учёного.

Вместо заключения

О первой заповеди Рериха – встречать первый луч на восходе (ключ к секрету творческой и жизненной энергии, связь с космическим биоритмом).

Расширенное сознание.

Единение через культуру.

Мир одухотворяет красота.

Е. А. СЕНТЯКОВА
(кафедра философии и социологии
Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Санкт-Петербург)

ПИСЬМА МАХАТМ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

В 2015 г. исполнилось 140 лет со дня основания нашей соотечественницей **Еленой Петровной Блаватской** (1831–1891) и американцем **Генри Стил Олькоттом** (Henry Steel Olcott, 1832–1907) Теософского общества. За столь долгую историю теософское движение прошло длинный путь, но и сегодня личность и наследие Е. П. Блаватской неоднозначно оценивается учёными-востоковедами, исследователями философского наследия Рерихов и последователями её дела. Семья Рерихов глубоко чтила эту выдающуюся женщину, а созданные Е. И. Рерих книги Живой Этики являются философским продолжением «Тайной доктрины» и других её трудов. Одна из тем, вызывающих наиболее острые дискуссии по сей день, – тема существования так называемых писем Махатм, создание которых сама Елена Петровна приписывала Гималайским Учителям мудрости. Целью статьи является освещение истории их появления и публикации, рассмотрение различных точек зрения исследователей, занимавшихся этим вопросом, с тем чтобы у современного читателя сложилось представление о характере и содержании писем и их возможном авторстве.

Впервые западный мир узнал о Махатмах в последней трети XIX в., когда Е. П. Блаватская поведала последователям Теософского общества об индийских «архатах» и «адептах», обладающих неординарными познаниями и психическими возможностями. Их она называла своими Учителями. Сегодня понятие «махатма» широко известно прежде всего благодаря удивительному человеку и гуманисту, борцу за независимость Индии Мохандасу Карамчанду Ганди, известному как **Махатма Ганди** (1869–1948). Махатмами называют восточных мудрецов, или Учителей (санскр. Mahātman, mahā и ātman – «великая душа»). Здесь уместно привести характеристики Махатм, которые даёт сама Е. П. Блаватская в разных своих статьях: «святые смертные»[1], «продвинутый оккультист»[2], «он “владеет Землею”»[3]. Вот наиболее полное определение, данное ею: «Махатма – это выдающаяся личность, путём специальной подготовки и образования развившая в себе высшие способности и достигшая такого духовного знания, какого заурядное человечество достигнет, лишь пройдя бесчисленные вереницы перевоплощений в ходе космической эволюции»[4]. Таким образом, из характеристик, данных Еленой Петровной, можно определить, что: «*Махатма – это выдающийся человек, обладающий высокими моральными, духовными и интеллектуальными качествами, служащий на благо всего человечества, владеющий оккультным знанием законов Жизни и Космоса, достигнутым упорным трудом и самосовершенствованием*». Из этого определения становится понятным, что существование таких неординарных людей вполне реально, поскольку сама история человечества дает примеры выдающихся личностей. Допустимо и то, что это не

один человек, но целая группа, ведь известны в истории творческие и другие союзы талантливых людей, внёсших значительный вклад в общемировую культуру. Нет веского основания для их отрицания, руководствуясь отсутствием личного опыта общения с ними или описания в научных и исторических книгах. Ниже будет рассмотрено то, что известно на сегодня в литературе об этих людях.

Прежде чем обратиться к истории появления писем Махатм, пожалуй главного источника, подтверждающего или опровергающего их существование, автор считает необходимым коснуться биографии Е. П. Блаватской, в честь которой 1991 г. был объявлен ЮНЕСКО Всемирным годом Блаватской. Она была родом из благородной семьи, её дедом был **Андрей Михайлович Фадеев** (1789–1867), дворянин, государственный и общественный деятель, его супругой была **Елена Павловна Долгорукая**, в замужестве Фадеева (1788–1860), одна из самых образованных женщин Европы начала XIX в. Их дочь **Елена Андреевна**, в замужестве **Ган** (1814–1842), мать Елены Петровны, вошла в русскую литературу своими переводами и романтическими повестями, её мужем стал капитан конной артиллерии, барон **Петр Алексеевич Ган** (ум. 1873). Естественно, родившись и будучи воспитанной в такой незаурядной семье, Елене Петровне с детства было присуще чувство чести и собственного достоинства. В дальнейшем, когда её неоднократно начнут обвинять во лжи и мошенничестве, это больше всего будет ранить её, поскольку ложь – это как раз то, чего она не выносила с малолетства. Она очень страдала от того, что запятнала имя своих предков: «Я годами трудилась для них [своих Учителей] преданно и самоотверженно, а результат тот, что я разрушила своё здоровье, обесчестила имя своих предков»[5]. Вот ещё строки из другого личного послания: «Есть нечто невыносимо противное для меня в идее какого-нибудь скрывания своего имени. Не выношу инкогнито и смену имен»[6]. Следует также отметить, что Елена Петровна до конца жизни сохраняла отношения со своими родственниками и вела с ними переписку, что также подтверждает: её близкие не считали зазорным иметь с нею дела. Более того, она вынуждена была прибегать к их защите, как в случае её обвинения в самозванстве клерикальными кругами Индии. Тогда её дядя, генерал Р. А. Фадеев, и князь А. М. Дондуков-Корсаков свидетельствовали за неё, а последний выслал ей документ о том, что муж её был вице-губернатором в Эривани, и написал ей дружеское письмо. После смерти Блаватской именно её сестра Вера Желиховская выступила в защиту её имени на родине, указывая на моральное страдание своей сестры: «От всех этих беспокойств, вызванных клеветой и всяческими неурядицами, Блаватская нравственно страдала более всех, к тому же на ней сказывались и неподходящие климатические условия, увеличивая её хронические недуги»[7]. О нравственной чистоте и искренности Елены Петровны также сохранилось множество воспоминаний и свидетельств разных людей[8]. Исходя из всего сказанного, а также основываясь на свидетельствах уважаемых и близко знавших Блаватскую людей, можно сделать вывод, что нет никаких оснований считать её обманщицей или мошенницей, во всяком случае преднамеренной, поэтому ее многочисленные работы и публикации не могут быть обманом, но лишь плодом ее поисков и открытий, трудов и знаний, поэтому они заслуживают особого внимания ученых и философов.

В 1875 г. в США было основано Теософское общество (ТО), одной из главных целей которого было «примирить все религии, секты и нации общей системой этики, основанной на вечных истинах»[9]. В декабре 1878 г. Блаватская и Олькотт покинули Нью-Йорк, а в 1879 г. прибыли в Индию с целью перенести туда место расположения штаб-квартиры ТО. Среди многих новых встреч состоялась и встреча с **Альфредом Перси Синнеттом** (Alfred Percey Sinnett, 1840–1921), журналистом и редактором англо-индийского правительственного ежедневника «Пионер». Их заочное знакомство началось с письма Синнетта от 25 февраля 1879 г. к основателям общества, а непосредственное знакомство состоялось 4 декабря в Аллахабаде, куда Блаватская и Олькотт прибыли по приглашению четы Синнеттов. У Олькотта есть запись в дневнике, отражающая их отношения с новыми знакомыми: «Пожалуй, своё плаванье в Индию нам стоило предпринять хотя бы ради того, чтобы познакомиться с этими тремя людьми» (речь идет о чете Синнеттов и миссис Гордон)[10]. На следующий же день состоялось и их знакомство с **Алланом Октавианом Хьюмом** (Allan Octavian Hume, 1829–1912), орнитологом и высокопоставленным чиновником Британской Индии, который в то время был другом Синнетта, и его супругой. Двадцать шестого декабря 1879 г. Синнетты были приняты в члены Теософского общества. В конце сентября 1880 г. руководители ТО гостили в доме Синнеттов в Симле – городе, ставшем летней резиденцией вице-короля Индии. В этот период Елена Петровна произвела с помощью своих психических способностей много необычайных феноменов, ставших впоследствии широко известными[11]. Именно в этот период и началась переписка между двумя представителями англо-индийской публики Синнеттом и Хьюмом и двумя Махатмами (известными под именами Кут Хуми и Мория), которая впоследствии стала широко известной и неоднократно переиздавалась на разных языках.

Олькотт в своём дневнике упоминает о первом письме А. Хьюма к учителю К. Х. от 16 октября 1880 г., по его свидетельству, оно и положило начало этой неординарной переписке. Он также упоминает, что еще 29 сентября 1880 г. по просьбе супруги Синнетта Пейшенс было получено небольшое послание от одного из Махатм. Переписка длилась в течение нескольких лет, с 1880 по 1884 г. Из неё нам известны письма самих Махатм, без писем их корреспондентов. Сохранились многие свидетельства о том, как приходили письма, о необычном способе их написания, так называемом *осаждении,* и получения. Подробнее мы рассмотрим это ниже.

На основании первых шести писем, полученных от Махатм, Альфред Синнетт выпустил в 1881 г. книгу «Оккультный мир», в которой впервые публично прозвучали строки о существовании старших братьев человечества, или Учителей мудрости, и их писем[12]. Также на их основе им была написана книга «Эзотерический буддизм», которая впервые вышла в 1883 г. Следует отметить, что её автор характеризует свою работу как первую попытку обобщения полученного им тайного знания и придание ему формы «целостной науки – науки о духовных причинах и их следствиях, о сверхфизическом сознании и космической эволюции»[13]. Синнетт стремился излагать материал, руководствуясь принципами и методами западной науки, более того, в предисловии к пятому изданию он уже пишет о своей работе как об антропологической теории, которая «доводит до логического завершения и одухотворяет общераспро-

страненные представления о физической эволюции»[14]. Нужно отметить, что Синнетт был европейцем по своему мировосприятию и отношению к жизни, даже более британцем, с практичным умом и прагматизмом. Если бы он сам не был участником тех необычайных событий, произошедших при нём с момента знакомства с Блаватской, то не поверил бы в их реальность. Следовательно, его книги и записи являются важным свидетельством очевидца способностей Е. П. Блаватской и Учителей мудрости. Также в этой книге он утверждает, что её содержание было передано непосредственными наставлениями Посвященными восточными философами (философию он рассматривает в данном случае как науку об истинном знании духовных вещей), обозначая это знание понятием эзотерической науки. Синнетт дает характеристику Махатмы, полагая его также тождественным понятию Архата: «Он является испытанным и доказавшим свою надежность хранителем глубочайшей и самой сокровенной философии той единой фундаментальной религии, которую обновил и возродил Будда, изучающим науку о природе, превосходящую человеческое знание не только в том, что касается духовных тайн, но и в вопросах устройства материального мира»[15]. Синнетт подчеркивает, что Архаты и Махатмы – одни и те же люди и являются адептами оккультного знания, в Индии этих хранителей духовной науки называют братьями[16]. Убедиться в существовании адептов, по мнению Синнетта, можно двумя способами: либо через свидетельства очевидцев, либо через знакомство с их знанием, которое говорит само за себя. Книга «Оккультный мир» основана на первом способе доказательства, а «Эзотерический буддизм» – на втором. Таким образом, одной из главных задач своих книг Синнетт видит именно доказательство существования Учителей мудрости. В течение всей оставшейся жизни Синнетт хранил письма у себя вместе с рукописными копиями посланий, адресованных А. Хьюму, сделанных им самим либо его супругой.

В декабре 1885 г. вышел Отчёт Лондонского общества психических исследований (ОПИ), подготовленный австралийцем по происхождению Ричардом Ходжсоном (Richard Hodgson), в котором объявлялось, что все феномены Блаватской – это мошенничество. Отчёт во многом опирался на заявление четы Куломбов, бывших членов ТО, имевших личные корыстные интересы, сделанное ими в 1884 г. ещё ранее Ходжсон выступил в мельбурнской газете «Эйдж» со статьей «Теософское общество: интриги русских или религиозная эволюция?», в которой заявлял, что интересы русских лежат в основе деятельности Блаватской. Вся эта история подробно рассмотрена в книге С. Крэнстон[17], а об исследовании отчёта речь пойдёт ниже.

После смерти Синнетта в 1921 г. письма были переданы его душеприказчице – теософу и актрисе **Мод Хоффман** (Maud Hoffman, 1869–1953). Она обратилась к **Альфреду Тревору Баркеру** (Alfred Trevor Barker, 1893–1941), члену Теософского общества «Адьяр», с просьбой о подготовке этих писем к изданию.

Публикация с заглавием «Письма Махатм к А. П. Синнетту»[18] состоялась в Лондоне и была осуществлена издательством “T. Fisher Unwin Ltd” в декабре 1923 г. Составителем и редактором её выступил А. Баркер. В этом издании все письма были условно разбиты, исходя из их содержания, без учёта времени написания, на несколько разделов, после чего получили сквозную нумерацию. В издании не указывалось,

кому были адресованы письма – Синнетту или Хьюму, хотя письма к последнему также вошли в издание. Именно с этого издания Е. И. Рерих были переведены на русский язык избранные письма Махатм, которые вышли в 1925 г. под псевдонимом Искандер Ханум в издательстве «Алатас» под названием «Чаша Востока. Письма Махатмы».

Переиздания первой книги были осуществлены подряд – в мае, июне, а затем и в ноябре 1924 г. Следующее издание в новой редакции с исправлением ошибок первого вышло в марте 1926 г. В нём была сохранена прежняя нумерация писем, устранены многие опечатки, восстановлены пропуски и исправлены перестановки, а также были включены несколько абзацев в письме № 15.

В 1939 г. рукописи писем были переданы в Британский музей на условиях, что никто, кроме Баркера или его представителя, не будет проводить дальнейшего их исследования в течение десяти лет. В 1941 г. значительная часть подготовленного нового и пересмотренного второго издания была уничтожена огнём в Лондоне, а также ушёл из жизни Баркер. Его душеприказчиками были брат и Кристмас Хамфрис (Christmas Humphreys), который в связи с отсутствием первого по причине его военной службы взял на себя работу со всей массой корреспонденции, заметок и других материалов, относящихся к письмам Махатм, которые остались у Баркера. В связи с этим он обратился к Мод Хоффман, обладавшей правами издателя в редакции Баркера, с просьбой об осуществлении третьего издания писем. Она, сохранив за собой большой объём редакторских и деловых аспектов, передала доверенность на управление будущим писем ему и Елси Беньямин (Elsie Benjamin), которая в течение многих лет была личным помощником Готфрида де Пурукера (Gottfried de Purucker), одного из лидеров Теософского общества с 1929 по 1942 г., с правами на будущее издание. Тогда же был создан “The Mahatma letters Trust” для контроля над последующим правообладанием книги, членами которого М. Хоффман назначила вышеуказанных лиц.

В 1948 г. в издательстве «Ридер энд Компани» вышло уже восьмое переиздание на английском языке, но в предыдущей редакции. В 1952 г. по заказу членов Треста письма, хранящиеся в Британском музее в виде семи томов, были пересняты на микрофильмы (всего четыре катушки микрофильмов). Копии этих микрофильмов и были разосланы в различные организации всего мира. Третья редакция писем Махатм увидела свет в 1962 г. и была осуществлена Издательским домом ТО в Адьяре (Мадрас, Индия), она имело иную нумерацию страниц, отличавшуюся от первых двух редакций.

В 1930 г. появилась докторская диссертация по философии американского ученого **Элвина Бойда Куна** (Alvin Boyd Kuhn, 1880–1963), посвящённая теософии и вышедшая книгой под названием «Теософия: современное возрождение древней мудрости»[19]. В разделе, посвящённом письмам Махатм Кун подробно приводит описание того, как передавались эти послания, их содержание, но не даёт какой-либо новой информации касательно этого феномена. Он подчёркивает, что письма эти были внутренними и не предназначались к публикации, но подходил 1925 г., отмечавший полвека существования Теософского общества, и опубликование писем было «на благо, поскольку они смогут выступить опровержением многих странных расхождений с оригинальным учением, которые допустила неотеософия»[20] [перевод наш. – *Е. С.*].

Кун делает очень важный вывод о том, что эта публикация явилась завершением старого и началом нового цикла, имеющего исключительное значение для теософского движения и всего мира. И действительно, если смотреть более широко, то эта публикация появилась одновременно с началом выхода в свет первых книг Живой Этики, возникших благодаря семье Рерихов, которые и начали новый цикл Учения Махатм. Таким образом, сам Кун не сомневался в подлинности писем Махатм и использовал их для написания своей диссертации.

В 1934 г. у в Адьяре вышла книга теософа **Ч. Джинараджадасы** (1875–1953) «Действительно ли мадам Блаватская подделала письма Махатм?», в которой он проводит исследование заключения Лондонского ОПИ, обвинившего Е. П. Блаватскую в мошенничестве[21]. В 1919 г. он участвовал в качестве составителя и автора примечаний к изданию «Писем Мастеров мудрости», писем Учителей к ближайшим ученикам и сотрудникам в период становления Теософского общества в 70–80-е годы XIX в. Этот сборник менее известен, чем письма к Синнетту, поэтому в этой статье мы не будем останавливаться на нём.

Джинараджадаса пишет о том, что главным впечатлением, оставшимся в умах общественности, является то, что Е. П. Блаватская выдумала Махатм и для подкрепления своего измышления сочинила письма, написанные различными почерками якобы от имени адептов. Когда в 1885 г. вышел отчёт ОПИ, то публика приняла его как наиболее достоверный документ. Но уже тогда Ричард Ходжсон отказался от проверки многих приводимых им доводов, тогда как некоторые факты не соответствовали его концепции обвинения. Джинараджадаса пишет о том, что тогда несколько писем Учителя К. Х. было передано исследователям ОПИ, чтобы доказать, что они не были написаны Еленой Петровной. Экспертом почерков, консультирующим общество, был Ф. Г. Незерклифт (F. G. Netherclift), который в своей последней оценке заключил, что почерк мадам Блаватской и письма, написанные рукой К. Х., имеют соответствия. На основании этого сделан вывод, что письма являются подделкой.

Джинараджадаса подчёркивает, что это было сделано в качестве последнего заключения, но, что когда в первый раз Ходжсон передал образцы писем Незерклифту, «м-р Незерклифт в первом случае пришёл к заключению, что эти документы К. Х. не были написаны м-м Блаватской»[22] [перевод наш. – *E. C.*]. Но г-н Ходжсон убедил его в противоположном, приведя аргумент, изменивший мнение Незерклифта: «Сочинения К. Х., которые были предоставлены г-ну Незерклифту, были написаны г-й Блаватской после того, как она имела уже многолетнюю практику. Поэтому я вновь предоставил ему рукописи, принадлежащие гг. Месси (Massey) и Майерсу (Myers), которые мы до сих пор имели в нашем распоряжении, вместе с серией переданных г-ном Синнеттом. Результат был таким, что г-н Незерклифт пришёл к выводу, что все эти документы были без сомнения написаны г-й Блаватской. Г-н Симс (Mr. Sims) из Британского музея, который первоначально пришёл к тому же выводу, что и г-н Незерклифт, аналогично изменил своё мнение после экспертизы документов, предоставленных г-м Синнеттом»[23] [перевод наш. – *E. C.*]. В заключение своего отчёта Незерклифт утверждает, что письма К. Х. «были положительно написаны г-й Блаватской, несомненно принадлежат ей без обмана». Джинараджадаса приводит три при-

мера из практики г-на Незерклифта в качестве эксперта по каллиграфии, в которых он проявил себя некомпетентным специалистом.

В заключение Джинараджадаса пишет, что мы в лучшем положении, чем г-н Ходжсон в 1884–1885 гг., и можем ответить на вопрос: «действительно ли мадам Блаватская подделала письма Махатм?» Он воспроизвёл фотографически оригиналы рукописей от шести Махатм и лично имел дело с несколькими письмами, другие же открыты для экспертизы и опубликованы в известных изданиях. Он напоминает, что многие из писем были получены от адептов из одной страны, в то время как Блаватская находилась в другой. Он заявляет, что впервые представил все свидетельства о г-же Блаватской и что те, кто хотят ответить на поставленный вопрос положительно, пусть прочтут первым отчет Ходжсона, а затем прочтут его положения, и ответят отрицательно. Таким образом, Джинараджадаса проделал большую работу и на её основании утверждает, что Е. П. Блаватская не подделывала письма Махатм. Им также была подготовлена книга «История писем Махатм»[24], вышедшая в 1946 г.

В 1936 г. вышла книга Гарольда и Вильяма Хаэров (Harold Edward Hare and William Loftus Hare) под названием «Кто написал письма Махатм?»[25], в которой авторы утверждали, что провели первый тщательный анализ корреспонденции Махатм, адресованной Синнетту. Книга эта написана братьями-близнецами, один из которых, Вильям, более чем 20 лет был членом ТО. Он отмечает, что за последние десять лет появились нововведения в деятельности Теософского общества, которые он считал ошибочными. И хотя авторы трудились по отдельности, но разделяют полную ответственность за весь проделанный труд.

По утверждению Гарольда Хаэра, эта книга не является ответом на все вопросы, которые возникают при чтении «Писем Махатм», она стремится решить простую, но фундаментальную литературную проблему, указанную в заглавии книги. Обозначив проблему и подойдя к рассмотрению манеры и материалов писем, проанализировав их стиль, конструкцию и литературные ссылки, а также проверив противоречивые сведения их чудесного появления и передачи, авторы пришли к выводу, что те, кто писал письма, не являются Махатмами. Определяя стилистику писем, авторы указывают, что язык написания английский, но стиль его должен быть назван уникальным, он не соответствует лучшим эпистолярным образцам английской речи, он даже не подчиняется правилам пунктуации, орфографии, грамматики и конструкции, которые обычно используются в английском языке. Авторы отмечают, что это было бы объяснимым, если учитывать восточное происхождение Махатм, однако обращения, используемые в ранних письмах, такие как «Уважаемый брат и друг», «Многоуважаемый господин», «Добрый брат», не встречаются в письменной форме нигде на Востоке. Они заключают, что по своей стилистике письма не являются восточными, но западными, их манера и конструкция – французская, а также в них присутствуют отдельные «американские выражения или фразы». Они подчёркивают произвольность пунктуации в письмах. Также они приводят ошибки или неточности в цитировании философов, поэтов, в употреблении латинских фраз. Проанализировав основные письма и работы Е. П. Блаватской и сопоставив их со стилем Махатм,

они пришли к выводу, что именно ею и написаны письма, но не ею одной. Они также выявили более десяти лиц, писавших письма.

Хаэры указывают, что с разрешения душеприказчицы Синнетта и Баркера они знакомились с письмами в присутствии последнего, но были ограничены во времени. Сделанные ими наблюдения весьма существенны и проливают свет на многие черты писем, но, как будет ясно из дальнейшего изложения, многое из указанного вполне объяснимо не даёт основание считать, что письма не являются посланиями от Махатм. Странным выглядит то, что все приводимые ими аргументы были опровергнуты ещё самой Е. П. Блаватской в одном из её писем к Синнетту от 6 января 1886 г. из Вурцбурга, которое было опубликовано к тому времени: «Но через час пришло письмо Хьюбе Шлейдена графине, как получилось, что Ходжсон обнаружил и показал такое сходство между моим испорченным английским языком и некоторыми выражениями Махатмы К. Х. конструкцией фраз и своеобразными галлицизмами, то есть я останусь навсегда обвинённой в обмане, подлоге и т. п. (!) Конечно, своему английскому языку я научилась от него! <…> С 14 лет и до тех пор, пока мне не исполнилось больше 40 лет, я никогда не говорила по-английски <…> Я научилась писать на нём, пока писала «Изиду». <…> Что же тогда удивительного в том, что мой английский язык и язык Махатмы оказались сходными! Язык Олькотта и мой также проявляют сходство в американизмах, которые я набрала от него за эти десять лет. Я мысленно, переводя всё с французского, не писала бы слово “скептик” через К, хотя Махатма написал, и когда я написала его через С, Олькотт и Уайдлер, а также корректор поправили его. Махатма К. Х. сохранил эту привычку и придерживается её, а я никогда с тех пор, как уехала в Индию. Я бы никогда не поставила “carbolic” вместо “carbonic”, и я была первой, кто заметила эту ошибку в письме Хьюма, в Симле, где она встретилась. <…> “Разница в почерках” – ой, какое большое диво! Разве Учитель К. Х. сам писал все свои письма? Сколько учеников осаждали и писали их – одно только небо знает»[26]. Это частное письмо близкому другу, поэтому нет никаких оснований полагать, что Елена Петровна указывала в нём ложные сведения. Следует отметить, что Синнетт выступил в защиту Блаватской с изданием «Случаи из жизни мадам Блаватской» в 1886 г.[27]

В январе 1938 г. вышла статья Баркера «Письма Махатм»[28] в издании “The English Theosophical Forum” (Лондон), в которой он отвечает на вопрос, чаще всего возникающий у изучающих эти послания: «Во Введении к письмам Махатм Вы пишете о письмах так, как будто они были написаны собственными руками Учителей. Вы, возможно, не имеете в виду это буквально, поскольку тщательное исследование писем, по мнению многих учёных людей, показывает, что некоторые письма выглядят ниже стандартного уровня, тем более не могут приписываться сверхъестественному разуму или разуму Махатмы. Как это можно объяснить, если Махатмы М. и К. Х. в самом деле были ответственны за них?»[29] [перевод наш. – *Е. С.*]. Баркер отвечает, что единственный способ ответить на эти вопросы, – это посмотреть, что Е. П. Блаватская и Учителя сами говорили по этому поводу. И действительно, Баркер отмечает: Махатмы М. и К. Х. не использовали их высокий интеллект, чтобы контролировать весь процесс передачи целого ряда этих писем. Он приводит слова самой Е. П. Блаватской

(см. выше письмо к Синнетту). Для глубокого понимания проблемы Баркер рекомендует прочесть полностью письмо № 140 и в дополнение письма № 138, 92 из английского второго издания[30]: «Письмо, о котором идёт речь, создавалось мною в то время, как я совершал путешествие верхом на лошади. Оно диктовалось мысленно молодому ученику и “осаждалось” им, ещё неопытным в этой отрасли психической химии, который должен был переписывать его с еле видимого отпечатка. Поэтому половину письма этот “художник” пропустил, а другую – исказил»[31]. И далее в письме описывается процесс осаждения писем: «Чтобы создать совершенный и мгновенно действующий ментальный телеграф, нужны два фактора: сильная сосредоточенность оператора (т. е. того, кто посылает мысль) и полная пассивная восприимчивость приёмника. При нарушении любого из этих условий пропорционально нарушается и результат. “Приёмник” не видит изображения таким, каким оно имеется в мозгу “телеграфирующего”, но видит таким, как оно появляется в его собственном мозгу. Если мысли последнего будут отвлекаться и блуждать, психический ток становится прерывистым, сообщение расчленяется, становится бессвязным»[32].

Также Баркер приводит фрагмент личного письма д-ра Пурукера к нему, который уместно привести здесь.

> «Е. П. Б. специально указывала, и более чем один раз, что это был исключительный случай в мире для любого из Махатм, или даже для высокого чела, лично написать письмо, то есть вести любую корреспонденцию своей собственной рукой. Есть очень, очень мало, очень редкие исключения, например один или два, может быть три, случая прямого осаждения от Мастера или высоким чела и, возможно, один или два кратких замечания, может быть, телеграмма или две, написанные собственноручно Учителем. <…> Если восприимчивость челы или переписчика была менее совершенной, то прямое послание попадало в сознание принимающего ученика более или менее (как правило, менее) точно, в соответствии с его собственными психическими особенностями, что выражалось в формулировках, в том, что Ходжсон и братья Хаэры называют американизмами, галлицизмами и так далее»[33] [перевод наш. – *Е. С.*]

Баркер поясняет: когда он готовил первое издание «Писем Махатм», у него не было достаточно времени, чтобы глубоко усвоить содержание писем, поэтому не было ясного понимания их написания. Но теперь приведённых выше цитат, а также рекомендуемых к прочтению писем достаточно, полагает он, чтобы ответить на вопросы вдумчивого и глубоко изучающего письма ученика. С такой позицией Баркера можно согласиться, если сам являешься последователем идей Блаватской, но, конечно, для учёного этих аргументов недостаточно.

Поскольку письма публиковались без учёта их хронологического написания, то ряд исследователей занялись этим вопросом после 1923 г.[34] Как обобщение результатов этой работы в 1972 г. вышла четвертая редакция «Писем Махатм А. П. Синнету в хронологической последовательности»[35] под редакцией Вицента Хао Чина, деятеля Теософского общества на Филиппинах.

В 1972 г. было издано руководство к «Письмам Махатм», составленное **Вирджинией Хансон** (Virginia Hanson, 1898–1991) совместно с Джорджем Линтоном (George

Linton)[36]. В. Хансон проделала огромную работу по изучению этих документов, а также материалов и свидетельств, связанных с появлением писем. Результатом её было появление целого ряда книг о Махатмах и их учении[37], в 1987 г. она также выпустила «Примечания к письмам Махатм»[38]. На русском языке её книга вышла под заглавием «Махатмы и человечество. История переписки Е. П. Блаватской с А. П. Синнеттом» в 1995 г. Особенностью этой книги стало то, что в увлекательной форме, но основываясь только на фактах, она рассказывает историю появления писем, при этом воспроизводя те ситуации и вопросы Синнетта и Хьюма, на которые К. Х. и М. давали свои ответы.

Руководство к письмам Махатм явилось результатом изучения их в группе и отдельными исследователями в школе ТО в Америке. Оно написано для понимании их разнообразного содержания, с тем чтобы изучающий имел информацию о людях, явлениях и событиях из ранней истории Теософского общества, а также о неизвестных понятиях и именах, встречающихся на их страницах. Руководство не является комментарием к философским, метафизическим или оккультным вопросам, а его материал ограничен кратким описанием событий, пояснением исторических фактов, определений, приведением биографических сведений и описательного материала. Также руководство содержит много ссылок на литературу, которая шире раскрывает тот или иной вопрос.

В декабре 1989 г. вышла книга **Джеффри Эйвери Барборки** (Geoffrey Avery Barborka, 1897–1982) «Махатмы и их письма. Критическое исследование писем, их подлинности и того, как они были создано»[39]. Дж. Барборка был теософом и серьезным исследователем жизни Е. П. Блаватской, ее деятельности и трудов[40]. На русском языке вышла его книга «Махатмы и их учение». В ней Барборка выделяет два ключевых вопроса: 1) реальны ли Махатмы, то есть являются ли они реально существующими человеческими существами или это лишь плод воображения людей, первыми заявивших, что есть такие личности; 2) являются ли письма, которые им приписывают, подлинными или они были сфабрикованы? Барборка на основании документов и свидетельств[41] утверждает, что существование Махатм и их писем доказано[42]. Изучение же писем показывает, что они действительно написаны Махатмами. Барборка резюмирует, что письма не предназначались для всеобщего обозрения, они были адресованы двум конкретным лицам с вполне конкретной целью, это объясняет стиль, который использовался при их составлении.

В апреле 1986 г. в журнале Лондонского ОПИ «в интересах истины и честной игры» был опубликован критический анализ отчёта Ходжсона, написанный доктором философии и членом общества Верноном Харрисоном, который нашёл его «наполненным предвзятыми заявлениями, догадками, представленными как факты или вероятные факты, неподтверждёнными показаниями неизвестных свидетелей, подбором доказательств и открытой ложью»[43] [перевод наш. – *Е. С.*]. В 1997 г. вышла его монография «Е. П. Блаватская и Общество психических исследований: расследование отчёта Ходжсона 1885 г.». Автор более подробно остановился на работе Харрисона, поскольку именно она последовательно и аргументированно опровергает все обвинения Блаватской в мошенничестве и подложности писем Махатм.

«Отчёт комитета, созданного для расследования феномена, связанного с Теософским обществом», известный как отчёт Ходжсона, вышел в декабре 1885 г. в Трудах ОПИ[44]. Большая его часть была написана Р. Ходжсоном, но его мнение было одобрено следующими людьми: Е. Герни, Ф. В. Х. Майерс, Ф. Подмора, г-м Х. Сиджвик и г-й Сиджвик и Дж. Х. Стек. Этот документ заклеймил г-жу Блаватскую как «одну из самых законченных (совершенных), остроумных, интересных самозванцев в истории»[45] [перевод наш. – *Е. С.*]. Такой взгляд широко распространён, хотя вполне вероятно, что немногие когда-нибудь читали отчёт Ходжсона критически и подробно, и ещё меньше людей пытались проверить его выводы. Среди других обвинений в докладе Ходжсона утверждается, что Блаватская сама написала изменённым почерком некоторые письма Махатм и что она занималась подделкой и обманом впечатляющего масштаба. Харрисон отмечает, что хотя большая часть доказательств, относящихся к этому делу, была потеряна и все свидетели давно умерли, но письма, хранящиеся в Британской библиотеке, доступны. Именно они стали основным доказательством невиновности Блаватской. Изучение этих оригиналов, дополненное детальным изучением цветных слайдов, сделанных с них, показало, что существуют серьёзные недостатки в методах, наблюдении, доказательстве и выводах Ходжсона. Книга Харрисона состоит из двух частей. Первая воспроизводит документ, опубликованный в журнале ОПИ в 1986 г. Это в основном исследование самого отчёта Ходжсона, дополненного детальным изучением писем Махатм. Вторая часть посвящена работе, выполненной после 1986 г., и фиксирует выводы построчного микроскопического исследования каждого из 1323 цветных слайдов, сделанных с писем. Несколько страниц этих документов приводится в книге. Харрисон подчеркивает, что Ходжсон не давал в качестве иллюстрации какого-либо из предполагаемых компрометирующих писем Блаватской – Куломбов. Письма Махатм приводились в его отчёте фрагментами, в основном с отдельной характеристикой контекста и документами, которые в большей части не могут быть ни определены, ни датированы. В своей книге Харрисон заключает:

> «Во-первых, отчет Ходжсона – не научное исследование. Он более похож на речь обвинителя в суде, который заинтересован только в доказательствах, хотя бы сомнительных, которые могли бы подтвердить его взгляды. <…> Он приводит устные и ничем не подкреплённые заявления неназванных свидетелей. Он цитирует документы, которые не воспроизводит в своём докладе и не идентифицирует, он выдаёт гипотезу за установленный факт и он заставляет своих экспертов по почерку изменить своё мнение, пока они не дадут ему ответы, которые он хочет. Возможность того, что кто-то другой, а не Е. П. Блаватская мог бы написать письма Махатм, никогда не рассматривалась. Только этот список проступков делает этот отчёт недопустимым в суде.
>
> Во-вторых, в тех случаях, когда стало возможным проверить заявления Ходжсона, используя письма, хранящиеся в Британской библиотеке, его высказывания оказываются либо ложными, либо уже не имеющими никакого значения в общем контексте. Он делает три кардинальных заявления, на которых держится его утверждение, что г-жа Блаватская сама писала письма Махатм с целью обмана. <…>

В-третьих, почерки К. Х. и М. не отвечают на вопросы о том, были ли они написаны обычным способом на бумаге пером и чернилами (или синим карандашом) или каким-либо экстраординарным образом. <…> Есть все основания предположить, что письма, которыми мы располагаем, – это копии, сделанные неизвестным способом, а не оригиналы документов.

И последнее, я не нахожу никаких доказательств общности происхождения почерков К. Х. и М. и обычного почерка Е. П. Блаватской. То есть я не нахожу никаких доказательств, что письма Махатм были написаны г-й Блаватской в завуалированной форме её обычным почерком в мошеннических целях. Что они могли прийти через её руки в трансе, перемещении или посредством других форм изменённого сознания – это другое дело, но написанное таким образом не может быть классифицировано как мошенничество или обман»[46] [перевод наш. – *Е. С.*].

Харрисон заключает, что нет никаких юридических доказательств обвинения Блаватской, а потому её дело должно быть прекращено. Сам он проделал эту работу, движимый чувством справедливости. Он утверждает, что Блаватская не была преступником, но Ходжсону было позволено выступить и в качестве эксперта-свидетеля, и в качестве общественного прокурора. В её деле не было защитника, перекрёстного допроса свидетелей, судьи и присяжных. Харрисон утверждает, если бы Блаватская получила правовую и экспертную помощь, о которой она просила, то у Ходжсона и ОПИ были бы большие неприятности. Елена Петровна писала: «То, что детально разработанные, но неверные расследования г-на Ходжсона, его притворная точность, которая тратит бесконечное терпение на пустяки и слепа к значимым фактам, его противоречивые рассуждения и его разнообразная несостоятельность справиться с такими проблемами, как те, которые он старался решить, будут открыты другими исследователями в своё время, я не сомневаюсь». Д-р Харрисон просит у неё прощения за то, что потребовалось сто лет, чтобы продемонстрировать её правоту.

В небольшой статье трудно охватить весь материал, относящийся к более чем вековой истории публикации писем Махатм. Автором совсем не затронуты публикации последних двадцати лет[47]. Почти все издания на русском языке – это переводы иностранной литературы, преимущественно теософской. Задачей статьи является привлечение внимания отечественных исследователей к этому столь неординарному вопросу. Из приведённых выше свидетельств следует, что Елена Петровна Блаватская никогда не была мошенницей или обманщицей, её труды и творчество заслуживают скрупулезного изучения. При этом нужно помнить, что она была человеком и её обожествление приносит только вред её делу. Приведём слова Генри Олькотта: «Главной причиной издания этих статей явилось желание пресечь наметившуюся в обществе тенденцию обожествлять мадам Блаватскую и приписывать самым простым её литературным сочинениям “боговдохновенный” характер. Её очевидные просчеты слепо игнорируются, и между её действиями и вполне обоснованной критикой неоправданно воздвигается стена её мнимой непогрешимости»[48].

Также на основании изложенных документов, материалов и свидетельств можно утверждать существование Махатм. Их письма – это исторические документы, требу-

ющие дальнейшего изучения, возможно, лабораторных анализов. При их исследовании необходимо руководствоваться здравым смыслом, т. е.: 1) учитывать способ написания и получения писем, наличие возможных ошибок; 2) учитывать особенности того или иного издания; 3) учитывать, кому и при каких условиях писались письма. Эти документы требуют глубокого и критического исследования как уникальный исторический и философский феномен с целью их правильной оценки и последующего введения в научный оборот.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Блаватская Е. П.* Теософские Махатмы // Путь. 12.1886. URL: http://hpblavatsky.ru/blavatsky/arts/ru-TheosophicalMahatmasThe.htm (дата обращения: 18.05.2017).

[2] *Блаватская Е. П.* Могут ли Махатмы быть эгоистичными? // «The Theosophist», август 1884. URL: http://hpblavatsky.ru/blavatsky/arts/ru-CanMahBeSelfish.htm (дата обращения: 18.05.2017).

[3] *Блаватская Е. П.* Пураны о династиях Мориа и Кутхуми // Theosophist. Vol. V, N 3 (51). December, 1883. P. 99 (первая публикация). URL: http://hpblavatsky.ru/blavatsky/arts/HPB_Mahatmy.htm m1 (дата обращения: 18.05.2017).

[4] *Блаватская Е. П.* Махатмы и чела // Theosophist. Vol. V, N 10 (58). July, 1884. P. 233. URL: http://hpblavatsky.ru/blavatsky/arts/HPB_Mahatmy.htm m1 (дата обращения: 18.05.2017).

[5] *Блаватская Е. П.* Письмо А. П. Синнетту № 155 от 17 марта 1887 года // Письма Махатм. Самара, 1993. С. 359.

[6] *Блаватская Е. П.* Письмо к Синнетту № 160. От 17 марта 1886 года // Письма Махатм. С. 371.

[7] Радда-Бай. Вера Желиховская о своей сестре Елене Петровне Блаватской // Блаватская Е. П. Карма судьбы / пер. под ред. К. Леонова. М.: АСТ, 2002. С. 14.

[8] См.: *Крэнстон С.* Е. П. Блаватская: жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига: Сиринъ, 1996. С. 7, 9; *Олькотт Г. С.* Листы старого дневника (1874–1878) / пер. с англ. Ю. А. Хатунцева. М., 2015. С. 39–40.

[9] *Блаватская Е. П.* Ключ к Теософии. Главы из книги // Е. П. Блаватская. Избранные очерки по теософии. Новосибирск: Издательский центр Россазия СибРО, 2011. С. 35.

[10] *Олкотт Г. С.* Страницы старого дневника. Фрагменты (1878–1883). М.: Дельфис, 2016. Т. 2. С. 89.

[11] Там же. С. 139–156.

[12] См.: *Синнетт А. П.* Оккультный мир. М.: Сфера, 2000. 240 с.

[13] *Синнетт А. П.* Эзотерический буддизм // Тайные учения Будды / пер. с англ. К. А. Зайцева. М.: Эксмо, 2013. С. 16.

[14] Там же. С. 23.

[15] Там же. С. 30–31.

[16] Там же. С. 31.

[17] *Крэнстон С.* Е. П. Блаватская: жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. С. 316–332.

[18] The Mahatma Letters to A. P. Sinnett from the Mahatmas M. & K. H. / transcribed, compiled, and with an introduction by A. T. Barker. London: T. Fisher Unwin LTD; Adelphi Terrace, 1923. 492 p.

[19] *Kuhn A. B.* Theosophy: A Modern Revival of Ancient Wisdom. New York, 1930. 381 p.

[20] Там же. С. 174.

[21] *Jinarajadasa C.* Did Madame Blavatsky Forge the Mahatma Letters? Adyar, 1934. 64 p.

[22] Джинараджадаса цитирует Отчет ОПИ: Report of the Committee appointed to Investigate Phenomena Connected with the Theosophical Society // Proceedings of the Society for Psychical Research. Vol. 3. Part IX (December 1885). P. 282, 2.

[23] Там же.
[24] *Jinarajadasa C.* The Story of the Mahatma Letters. Adyar: The Theosophical Publishing House, 1946. 26 p.
[25] *Hare H. E., Hare W. L.* Who Wrote the Mahatma Letters? The First Thorough Examination of the Communications Alleged to Have Been Received by the Late A. P. Sinnett from Tibetan Mahatmas. London, 1936. 326 p.
[26] *Блаватская Е. П.* Письмо 159 от 6 января 1886 года А. П. Синнетту // Письма Махатм / пер.; коммент. Е. И. Рерих (пер. изд.: The Mahatma letters. London, 1926). Самара, 1993. С. 661–662.
[27] Incidents in the life of Madame Blavatsky. Compiled from information supplied by her relatives and friends and edited by A. P. Sinnett. New York: J. W. Bouton; London: George Redway, 1886. 324 p.
[28] *Barker A. T.* The Writing of The Mahatma letters. URL: http://www.theosociety.org/pasadena/mahatma/ml-pubno.htm (дата последнего обращения: 19.05.2017).
[29] Там же.
[30] Вероятно, опечатка, приводимый фрагмент из письма № 93; в самарском издании 1993 г. это письмо под № 116 (см. ниже).
[31] Письма Махатм. С. 556–557.
[32] Там же.
[33] Цит. по: *Barker A. T.* The Writing of The Mahatma letters.
[34] *Conger M.* Combined Chronology for use with «The Mahatma Letters to A. P. Sinnett». Pasadena: TUP, 1973 (1-е изд. – 1939); *Neff M.* The Mahatma Letters. Their Chronological Order. Wheaton: TPress, 1940.
[35] *Hao Chin V.* The Mahatma Letters to A. P. Sinnett: In Chronological Sequence. 1972. 600 p.
[36] *Linton G. E., Hanson V. G.* The Readers Guide to The Mahatma Letters to A. P. Sinnett. 1972. 308 p.
[37] *Hanson V.* The Mahatma Letters: Today's Encounter with the Wisdom of the Ages. 1977. 25 p.; *Hanson V.* Masters and Men: the Human Story in The Mahatma Letters. 1980. 323 p.; *Hanson V.* An Introduction to The Mahatma Letters: a Study Course. Adyar: TPH, 1983. 97 p.
[38] Notes on The Mahatma Letters to A. P. Sinnett. Compiled by Virginia Hanson, 1987. 326 p.
[39] *Barborka G. A.* The Mahatmas and Their Letters. A Critical Study of the Letters, Their Authenticity, and How They Were Produced. 1989.
[40] См.: *Barborka Geoffrey A.* The Mahatmas and Their Letters. Adyar: TPH, 1973. 422 p.; *Barborka G. A.* The Divine Plan, 1961; *Barborka G. A.* H. P. Blavatsky, Tibet and Tulku. Adyar: TPH, 1986.
[41] 1. Письмо, написанное Н. А. Фадеевой, тетей Е. П. Б., от 26 июня 1884 г.; 2. Письмо из издания писем Махатм «получено в Аллахабаде в феврале 1882»; 3. Письмо к Н. А. Фадеевой от 7 ноября 1870 г.
[42] См.: *Барборка Дж. А.* Махатмы и их учение / пер. с англ. Н. М. Забилоцкого. М.: Рипол классик, 2005. С. 15–26.
[43] *Harrison V.* H. P. Blavatsky and the SPR. URL: http://www.theosociety.org/pasadena/hpb-spr/hpb-spr1.htm (дата обращения: 20.05.2017).
[44] Report of the Committee appointed to Investigate Phenomena Connected with the Theosophical Society // Proceedings of the Society for Psychical Research. Vol. 3. Part IX (December 1885). P. 201–400.
[45] *Harrison V.* The Mahatma Letters: Today's Encounter with the Wisdom of the Ages.
[46] Ibid.
[47] См.: *Gomes M.* The Coulomb Case. 2005. 73 p.; *Abdill E.* Masters of Wisdom. The Mahatmas, Their letters and The Path. New York, 2015.
[48] *Олькотт Г. С.* Листы старого дневника (1874–1878) / пер. с англ. Ю. А. Хатунцева. М., 2015. С. 9.

Е. В. ФАЛЁВ
(философский факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва)

ЦЕЛЕСООБРАЗНАЯ ИСТИНА В БУДДИЗМЕ И В ЖИВОЙ ЭТИКЕ

Когда Будда Шакьямуни впервые привёл во вращение Колесо Дхармы, он использовал религиозные и философские понятия, хорошо знакомые своим ученикам, независимо от того, к какой традиции, религиозной секте или социальному классу они принадлежали. Можно вспомнить и то, что сам Будда не противопоставлял своё учение учениям брахманов, но лишь утверждал, что помогает ищущему человеку стать «настоящим брахманом» и лучше понять, в чём состоит истина священных писаний (шрути).

Поэтому когда мы пытаемся сформулировать, что было «главным открытием» Будды, то сталкиваемся с трудностями, поскольку почти каждое понятие и принцип учения Будды находит параллели в других школах древней индийской философии. Я считаю, что важнейшим новшеством в проповеди Будды был принцип «искусных средств (методов)» (*упāуа*), или «целесообразной истины».

Этот принцип означает, что ни одно положение учения Будды нельзя абсолютизировать и превращать в догму, так как все они – «искусные средства» для помощи страдающему человечеству.

Так, если Будда и учителя буддизма практически всегда использовали учение о бессамости и бессущностности, это не значит, что данное учение воплощает абсолютную истину, но лишь то, что для подавляющего большинства людей размышлять над бессамостью полезно, а значит, это «искусный метод» взращивания знания. Но даже его нельзя принимать за окончательную истину. Как пишет Нагарджуна в «Юкта-шаштика», 58:

> *Если имеется какая-либо точка зрения, то к ней будут испытывать*
> *Либо страстную привязанность (рага), либо бесстрастие (вайрагья),*
> *Но великие умы (махатман), пребывая вне любых точек зрения,*
> *Не ведают ни страсти, ни бесстрастия*[1].

И вообще, если бы вся суть учения Будды зависела от принятия какого-то философского положения, это значило бы, что его всегда можно оспорить.

И на Востоке, и на Западе есть представление о Едином Учении, Единой Истине, которая выражается по-разному в каждую эпоху и у каждого народа. На Востоке это называется *Sanatana Dharma*, «Вечное Учение», «Вечный Закон», на Западе – *Philosophia Perennis, «*вечная философия». С определённой точки зрения все великие философские и религиозные учения могут быть рассмотрены как возобновление и очищение и придание новой современной формы одной и той же Вечной Истине. То же самое в полной мере можно утверждать и об учении Будды Шакьямуни. Признавая Будд прошлого, столь же многочисленных, как песчинки в реке Ганг, Шакьямуни признавал и то, что у каждого из них было своё ви́дение Истины, и вся их мудрость также была открыта его сознанию. Он также видел и печальную судьбу всех этих учений

прошлого, и то, что ни одному из них не удалось избежать догматизации, обрастания ритуалами, суевериями и мифами.

Чтобы его учение могло как можно дольше избегать этих опасностей, Будда Шакьямуни вложил в него принцип, обеспечивающий иммунитет к догматизации и постоянное самоочищение от предрассудков, – это принцип *upāya kauśalya*, «искусность в методах (приемах)», или «целесообразная истина». Согласно этому принципу, любое утверждение любого авторитета, будь то сам Благословенный, или архат, бодхисаттва и другие, не является абсолютно истинным само по себе, но *может* становиться истинным или ложным в зависимости от того, к кому оно обращено, в какое время, при каких обстоятельствах и т. д. Иными словами, «быть истинным» согласно этому принципу – значит лишь «вести к освобождению», и ничего сверх этого.

Это не означает, что сама Истина понимается лишь как относительная. Реальность непреложна и не зависит от наших мнений о ней, но любое суждение о реальности есть действие, а следовательно, имеет последствия и должно подлежать закону целесообразности.

Понятие *upāya* начинает разрабатываться с самых ранних и основополагающих сутр Махаяны, прежде всего в «Лотосовой сутре» и в учениях Вималакирти. Само появление Махаяны наряду с тхеравадой не могло бы осуществиться без этого принципа, так как лишь при его помощи можно было обосновать появление столь нового направления буддийской философии и практики, казалось бы, отходящих от основ, заложенных самим Буддой, соблюдаемых тхеравадинами (в их понимании этих основ).

В раннем буддизме принцип искусности методов, похоже, не был сформулирован как таковой и не подвергался философской и религиозной рефлексии, какой он стал подвергаться в школах Махаяны. Однако можно без сомнения утверждать, что применение этого принципа восходит к историческому Будде Шакьямуни. Примеры такого применения можно в изобилии обнаружить в Сутта-питаке палийского канона. Так, целый раздел Самьютта-никаи (*Avyākata-saṃyutta*) посвящён перечислению тех вопросов, на которые Будда отвечал «благородным молчанием», так как отвечать на них словами было бы нецелесообразно. Об этом же свидетельствует знаменитая Ананда-сутра (Саьютта-никая 44,10), описывающая замешательство Ананды при ответе Благословенного на вопрос шраманы Ваччхаготы, существует ли Атман[2].

Об использовании принципа целесообразной истины говорят многие важнейшие положения и образы раннего буддизма (образ отравленной стрелы и др.), да и в целом всё учение Будды пронизано этим принципом настолько, что, по моему убеждению, ни одно положение буддизма, будь то большое или малое, относящееся к раннему буддизму или позднему, нельзя адекватно понять, не учитывая этот основополагающий принцип. Майкл Пай даже утверждает, что буддизм как исторически конкретная религия есть не что иное, как искусные методы[3].

Первоначально мудрость (праджня) и сострадание (каруна) составляли основную пару качеств, ядро бодхичитты, и к соединённой реализации этих качеств должен был стремиться каждый идущий по пути бодхисаттвы. Искусность в методах есть естественный плод реализации этих двух качеств, так как они могут быть вполне реализованы лишь в единстве как бесконечно сострадательная мудрость и бесконечно

мудрое сострадание. Так, в работе «Панчакрама», приписываемой Нагарджуне, среди различных пар противоположностей, единство которых должно быть постигнуто, перечисляется и пара «мудрость – сострадание».

Но впоследствии в школах Махаяны упайя вбирает в себя сострадание и занимает его место, образуя пару «праджня – упайя», которая абсолютизируется и наделяется метафизическим статусом и мистическими свойствами (например, в работе Ананга-ваджры «Достижение реализации праджни и упайи», VIII в.).

«Искусные методы» не были изначально включены в шесть парамит бодхисаттвы[4], однако они стали седьмой парамитой в расширенном списке десяти совершенств: 7) искусные методы; 8) верность; 9) сила и 10) знание. «В тантрическом буддизме совершенства мудрости и искусных методов выходят на первый план как два действующих фактора Просветления, и интересно найти предвосхищение этого развития идей уже в столь ранней махаянской сутре, как *Вималакиртинирдеша*: "Для чистых бодхисаттв их матерью является совершенство мудрости, а их отцом – искусные методы; от родителей, подобных этим, рождаются предводители"»[5].

Специальная сутра, посвящённая этому принципу буддийского учения, – *Махагухьяупаякаушалья-сутра.* Есть также специальная работа буддийского мыслителя *Ananġavajra,* современника Камалашилы (VIII в.), «Достижение реализации праджни и упайи». Также много мест, посвящённых значению упайи и праджни, содержится в «Хеваджра Тантре».

Можно выделить различные уровни значения и использования принципа «искусных методов» в буддизме Махаяны:

1) на высшем уровне духовной реализации упайя и праджня осознаются как два аспекта совершенной бодхичитты, сознания бодхисаттвы, вместившего пустотность всего сущего. Этот аспект можно назвать религиозно-мистическим, поскольку он связан с особыми формами религиозного опыта, достигаемыми в рамках буддийской *тантры*;

2) упайя как совокупность приемов учителя (в том числе Благословенного) для наиболее эффективного обучения учеников («для возрастания их знания»), т. е. педагогический аспект;

3) упайя как методы, используемые учениками для эффективного обучения, избегающего догматизации и привязанности к изучаемому предмету. Можно назвать этот аспект «дидактическим»;

4) упайя как философский метод, позволяющий непротиворечиво согласовывать различные точки зрения (как средства, направленные на достижение различных целей или одной и той же цели в различных обстоятельствах и т. д.). Этот аспект можно назвать философско-методологическим, и именно о нём дальше пойдёт речь.

Упайя как философский метод в общем сводится к признанию различных уровней рассмотрения любого вопроса. Эти уровни отличаются прежде всего, по степени осознанности, по способности к рефлексии, свободе от привязанности к «эмоционально заряженным» предрассудкам и так далее, короче говоря, по степени свободы от авидьи, невежества в самом широком смысле. При более глубоком анализе, произведенном в рамках буддийской философии, оказывается, что степень осознанно-

сти напрямую зависит от успехов, достигнутых человеком в медитативной практике, основные степени осознанности могут быть классифицированы в соответствии со сферами медитативного опыта (*дхату*).

Самая простая форма классификации этих уровней осознанности – деление на относительную и абсолютную истины. Этого деления в основном придерживаются школы хинаяны, при этом сами они претендуют на то, что владеют «подлинным учением Будды», которое воплощает собой «абсолютную истину». Учителя Махаяны (такие как Дигнага и Дхармакирти) также охотно используют это деление, но лишь там, где оно представляет собой удобное средство для аргументации или обучения, не претендуя на полное владение абсолютной истиной.

Развёрнутая классификация предлагается учителями школы йогачара в концепции «трёх поворотов колеса Дхармы», где каждый поворот открывает новый уровень осмысления учения Будды и, соответветственно, духовной практики. Обе главные школы хинаяны относятся к «первому повороту колеса Дхармы», сутры Праджняпарамиты – ко второму повороту, а к третьему – тексты виджнянавады.

Если все-таки сохранить различие между двумя школами хинаяны, вайбхашиками и саутрантиками, то получим классификацию из четырёх основных уровней:

4. Виджнянавада.
3. Праджняпарамита.
2. Саутрантика.
1. Вайбхашика.

В буддийской философии Махаяны первые две ступени критикуются в основном в тех случаях, когда они претендуют на обладание всей полнотой истины. Тем не менеё учителя Махаяны активно используют аргументы саутрантики и даже вайбхашики, когда спор или диалог ведётся с представителями других школ (особенно ньяя и веданта) или с мирянами, не имеющими опыта философской рефлексии и духовной практики[6].

Когда складывалась эта система, направление ваджраяны ещё не получило достаточного развития. Но и с его появлением сам принцип классификации всех возможных философских подходов в рамках буддийской философии не изменился, и можно согласиться с Майклом Паем, что сам буддизм как таковой может быть рассмотрен как «искусное средство».

Однако если вдуматься, то буддизм не привносит метод «искусных средств» в религию и философию, но по большому счету и религия, и философия суть «искусные средства». Буддизм лишь обнажает эту сущность и устраняет ложные взгляды, препятствующие полному проявлению этой благой сути. Религии суть средства, направленные к «спасению» человека, как бы это спасение ни понималось, а философии – это средства для постижения истины, пусть даже «истина» и её «постижение» тоже могут пониматься по-разному.

В индийской философии, как в веданте, так и в джайнизме, есть понятие «ная», которое означает в том числе «подход», «точка зрения», а также «иллюстрация», при помощи которой демонстрируется, т. е. доказывается, та или иная истина. Существу-

ет целый набор классических «най», которые использовались многими философами различных направлений. Наример, образ змеи и верёвки, или вращение горящей головни в темноте, порождающее иллюзию круга, «сын бездетной женщины» и т. д. Джайнское учение «найявада» в классических текстах джайнских учителей стало трактоваться как логическое учение о классификации возможных точек зрения, но вполне вероятно, что первоначально оно возникло как классификация различных приемов проповеди и аргументации на различных уровнях, в соответствии с ситуацией, уровнем подготовки слушателей и так далее, т. е. тоже как форма «искусных методов», хоть и под другим названием.

Величие учения Будды, помимо того, что он увлёк своим примером миллионы людей на путь к спасению, состояло с философской точки зрения в том, что принцип «искусных методов» был развит им до совершенства и сознательно заложен в основание учения как гарантия против догматизации. А последующее развитие «искусных средств» в буддийской философии, опирающейся на огромный опыт практики буддийской медитации, привело к тому, что была составлена *полная классификация* основных уровней рассмотрения любого философского и религиозного вопроса.

Учение Живой Этики, как новое «узловое учение», продолжает развивать те же базовые принципы вечного Единого учения, и среди этих принципов на одном из первых мест стоит метод целесообразной истины. Значение его для правильного понимания и применения Агни-Йоги ничуть не меньшее, чем для понимания буддизма.

Согласно учению Живой Этики, закон целесообразности непреложен во всём. «Везде должен соблюдаться закон целесообразности»[7], – следовательно, он должен соблюдаться и в слове.

Закон целесообразности неразрывно связан с принципом вмещения противоположений: «Мыслитель говорил: “Если бы все прочитанное могло нам напомнить о целесообразности, мы одолели бы дракона противоречий”»[8].

Когда нельзя найти целесообразного слова, тогда молчание может быть целесообразным: «Приобщившийся к Братству отлично знает, где начинается Несказуемое. Не пытайтесь сломить его молчание, когда он достиг предела возможностей. Не следует отягощать вопросами, на которые нельзя ответить без вреда. Лишь незнание может полагать, что оно вместит каждый ответ. Но могут быть ответы настолько невместимые, как бы на незнакомом языке, но созвучие чуждых слов может показаться в превратном значении. Такая осторожность нужна при соприкасании с Высшими Понятиями – Братство среди них»[9]. «Когда Имя Братства не должно быть названо, тогда пусть каждый принимает по сознанию. Конечно, меры оповещения вне понимания людей. Но всё делается так, как нужно»[10].

> «Мудрый знает слово, знает письмена, знает мысль, знает молчание – так говорит старая пословица. Посмотрим на неё с точки зрения психической энергии. Действительно, нужно различать, когда слово, или письмо, или молчание нужно. Много можно преуспеть, направляя энергию полезно. Утонченное чувствознание определит, когда который способ незаменим»[11].

«Мыслитель весьма заботился, чтобы его ученики не выдавали Учение напрасно. Строгая дисциплина была установлена, чтобы слово не проникло туда, где оно не могло быть воспринято. Безумный разглашатель считается одержимым, часто такие состояния совпадают»[12].

«Часто удивляетесь, почему не даю ответа на вопрос?

Надо знать, что часто стрелы мысли задевают объект ответа. Представьте путника, по веревке идущего над пропастью. Будет ли мудро начать окликать его? Оклик может нарушить его равновесие. Потому надо меньше поминать имена без неотложной нужды. Умение пользоваться личными именами необходимо. Умение произнесения имени должно быть как удар молота в пространстве»[13].

Наиболее близким соответствием принципу целесообразной истины в Агни-Йоге будет канон «Господом Твоим»:

«Скажу очень важное.

Канон: *"Господом твоим"* – основание Нового Мира. Прежде читали: "И возрадовался дух мой о Боге Спасе *моем*", теперь же скажите: "И возрадовался дух мой о Боге Спасе *твоем*".

Торжественно говорю: в этом спасение. "Господь твой, живи!" – так скажите каждому и, обменявшись Господом, пойдите к Единому.

Там, где можно увязнуть, там можно мягко ступать если без отрицания. Там, где можно задохнуться, там можно пройти, поминая *Господа твоего*. Там, где почитание материи, там лишь ею можете пройти, но возвеличив земную материю до Космоса. Главное, не надо только привязанности к Земле.

Почему легенда о хождении Христа в ад? Учитель обратился к низшим слоям астрального мира и сказал: "Почему мыслями о Земле вечно себя к Земле привязывать?" И многие возмутились и воспрянули выше.

Так найдите Господа каждого и возвеличьте Его. Можно понять разумом, но важно – в улыбке духа. Когда самое трудное становится легким, как полет птиц, сами камни соединяются в свод – и каждому явится Христос Каменщик»[14].

Другой важный аспект целесообразной истины в Агни-Йоге – требование *говорить по сознанию*.

«По сознанию говорить, значит уже быть на высокой ступени. Различные догмы особенно вредны тем, что они дают неподвижную формулу, не считаясь с уровнем сознания. Сколько отрицаний, сколько гнева и смущения происходит лишь от степени сознания! И не только степень, но настроение сознания так часто является решающим. Довольно говорилось о вреде раздражения, которое туманит сознание, но и помимо этого главного врага нужно помнить о всех малых отвлечениях мысли. Нужно приучиться нести основную мысль бытия незатемнённо. Так, когда школьные учителя поймут, что есть обращение по сознанию, тогда начнется истинная эволюция. Невозможно разделить человечество лишь по возрасту или по классам. Постоянно видим, как некоторые дети нуждаются в слове возмужалом, и пожилые люди, иногда государственного

положения, могут уразуметь лишь детские соображения. Не для таких детей Царство Небесное! Новое сознание не придёт от механических формул. Так нужно уметь говорить по сознанию собеседника. Не легко это, но составляет прекрасное упражнение для сообразительности. Значит, тоже относится к огненным занятиям»[15].

«Однажды один Учитель был позван царём для мудрой беседы. Учитель посмотрел пристально на владыку и начал говорить о красоте короны его, о блеске самоцветных камней, о высоком символе, заключённом в золотом обруче, сравнивая с магнитом притяжения. К удивлению учеников, сопровождавших его, и к удовольствию владыки, беседа ограничилась рассказом о значении короны. Когда же после ученики спросили Учителя – почему царю не было сказано о Начале Вселенной? Учитель сказал: “Явление разумения уровня сознания должно быть мерилом. Говоря о Начале Вселенной, царь в лучшем случае впал бы в скуку, в худшем царь ввергнулся бы в бездну отчаяния. И то и другое было бы вредно. Но можно было заметить, что корона для царя – самое драгоценное сокровище, потому было полезно возвысить его и напомнить о значении Венца Мира. Постоянно имейте в виду лучшее, что имеет ваш собеседник. Если даже это будет самый обыкновенный предмет, то всё же надо найти его наивысшее значение. Только так вы сделаетесь привлекательными и откроете путь к дальнейшему. Негоден и даже преступен наставник, говорящий не по сознанию слушателя. Особенно запомним эту притчу, когда собираемся упомянуть Мир Огненный. Всякое вызванное поругание Высшего Начала слагает тяжкую карму»[16].

Канон «Господом Твоим» должен сообразовываться не только с состоянием сознания, но и с уровнем мышления собеседника. Для этого нужно знать, какие бывают *уровни мышления, и* это знание также содержится в Агни-Йоге. «Урусвати знает, как различать разные слои мышления. Обычно полагают, что внешний слой мышления есть самый совершенный, ибо он легче выражается словами, но это неверно. Гораздо значительнее глубинный слой мышления, который выражаем чувством. Он гораздо сильнее владеет человеком; из него истекают поступки, влияющие на карму. Чуткое, возвышенное сознание умеет прислушиваться к глубинному мышлению, оно не нуждается в словесных изречениях и знает, что в очаге безмолвия куется восхождение»[17].

«Правильна мысль о познавании явлений снизу или сверху. Обычно познавание накопляется вместе с ростом сознания. Человек, как к вершине горы, тяжко подымается. Явление наблюдаемое висит над сознанием и подавляет его. Кажутся трудными многие понятия, и человек начинает избегать их. Но может быть другой способ познавания – человек героически возвышает своё сознание и уже сверху наблюдает явление. Таким образом, самое сложное явление окажется ниже сознания и будет восприниматься легко. Второй способ восприятия есть путь Братства. Оно мерами суровыми и вдохновенными пробуждает сознание, ведёт его выше, чтобы тем легче воспринять самые сложные явления. Особенно в период нагнетения и нагромождений нужен такой способ повышения сознания. Он может применяться в каждой разумной школе, но пусть он именуется путем Братства»[18].

Канон «Господом Твоим», применённый к эпохам и народам, дает понятие *спирали оповещения.* «Та же неизменная Истина дается человечеству в различных одеяниях. Так же точно она извращается мятущимися толпами в течение менее века. Потому в обязанности йога входит очищение Истины. Когда вновь открытый лик Истины улыбнется самоотверженному искателю, тогда радость пронесётся к дальним мирам. Пространство восклицает: "Очищается назначение жизни!" И лики Носителей Правды улыбаются. Такая улыбка редка, но Йога может быть источником её. Потому занятие Йогой есть просветление жизни[19].

«Новые условия явят путь будущему. Истина всё та же, но сочетания иные, соответственно сознанию»[20].

«Мы прежде всего указываем на возможности, но не вторгаясь в карму. Какая же будет честь исследователю, если он повторит Наши слова, не приложив своего труда. Сознание обогащается лишь в процессе мышления. Механическое повторение не приведет к новому синтезу. Нужно наблюдать, как Мы ведём мышление, не нарушая самодеятельности. Мы указываем путь, но каждый поворот тропинки должен быть узнан»[21].

И наконец, согласно принципу целесообразной истины, как в буддизме, так и в Агни-Йоге никогда не может быть целесообразной никакая хула. «Чем же можно преградить путь зла? Только трудом на Земле. Мысль и труд, направленные ко Благу общему, будут крепким оружием против зла. Нередко начинают словесно поносить зло, но хула уже безобразна, и невозможно бороться посредством безобразия. Такое оружие негодно. Труд и мысль прекрасная будут оружием победным. Таков путь Братства»[22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Учение Живой Этики (Агни-Йога).
2. Классическая йога. М., 1992.
3. *Pye M.* Skilful means. A concept in Mahayana Buddhism. London; New York, 2005 (1978).
4. *Schroeder J. W.* Skillful means. The heart of Buddhist compassion. Honolulu, 2001.
5. *Snellgrove D.* Indo-Tibetan Buddhism. Indian Buddhists & their Tibetan successors. Boston, 2002.
6. *ндросов В. П.* Учение Нагарджуны о срединности. М., 2006.
7. *Фалёв Е. В.* Учение о целесообразной истине в «Комментарии» Дхармакирти // Философские науки. 2012. № 3. С. 77–84.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Андросов В. П.* Учение Нагарджуны о срединности. М., 2006. С. 569.

[2] Ответ Благословенного даётся вполне в духе принципа целесообразной истины: «Ананда, если бы я, спрошенный шраманом Ваччхаготтой, существует ли Атман, ответил, что Атман существует, это подтвердило бы взгляды тех брахманов и йогинов, которые придерживаются учения о вечности [о вечном и неизменном *Я*]; если бы я, спрошенный шраманом Ваччхаготтой, существует ли Атман, ответил, что Атмана не существует, это подтвердило бы взгляды тех брахманов и йогинов, которые придерживаются учения об уничтожении [взгляд, согласно которому сознание уничтожается со смертью]. Если бы я, спрошенный шраманом Ваччхаготтой, существует ли Атман, от-

ветил, что Атман существует, способствовало бы это росту знания о том, что все явления лишены самости? – Нет, господин. – А если бы я, спрошенный шраманом Ваччхаготтой, существует ли Атман, ответил, что Атмана не существует, то сбитый с толку Ваччхаготта был бы сбит с толку ещё больше: "Получается, то «я», которое у меня было раньше, теперь не существует?"».

[3] The "answers" which Buddhism apparently offers, such as the teaching of cessation (Skt. nirodha) or nirvana, are devised entirely in terms of the problem and they are not intended to have any particular meaning beyond the attainment of the solution. Thus "Buddhism", as a specific religion identifiable in human history, is a skilful means. (*Pye M.* 1978. P. 3).

[4] *Дана-парамита* – совершенство даяния; шила-парамита – совершенство нравственности; *кшанти-парамита* – совершенство терпения; вирья-парамита – совершенство усердия, мужества; *дхьяна-парамита* – совершенство созерцания; праджня-парамита – совершенство мудрости.

[5] *Snellgrove D.* Indo-Tibetan Buddhism. Indian Buddhists & their Tibetan successors. Boston, 2002.

[6] *Фалёв Е. В.* Учение о целесообразной истине в «Комментарии» Дхармакирти // Философские науки. 2012. № 3. С. 77–84.

[7] Учение Живой Этики (Агни-Йога). Надземное. § 129.

[8] Там же. Надземное. § 702.

[9] Там же. Братство. § 557.

[10] Там же. Мир Огненный. Ч. II. § 267.

[11] Там же. Агни-Йога. § 589.

[12] Там же. Надземное. § 227.

[13] Там же. Агни-Йога. § 3.

[14] Там же. Озарение. Ч. II. VIII. 2.

[15] Там же. Мир Огненный. Ч. I. § 254.

[16] Мир Огненный. Ч. II. § 313.

[17] Там же. Надземное. § 710.

[18] Там же. Братство. § 595.

[19] Там же. Агни-Йога. § 178.

[20] Там же. Сердце. § 5

[21] Там же. Надземное. § 126.

[22] Братство. § 578.

М. Ю. МИРОНОВА
(Музей Николая Рериха, Нью-Йорк)

ЭЛЕМЕНТЫ ИКОНОГРАФИИ ПАДМАСАМБХАВЫ НА КАРТИНАХ Н. К. РЕРИХА

Любимой темой в жизни и творчестве Н. К. Рериха был поиск единства и схожести различных культур и религий. С начала 1920-х и до середины 1930-х годов она вылилась в план создания храма объединённой религии, идею которого он активно продвигал.

Дневники жены художника Е. И. Рерих свидетельствуют, что Николай Рерих перед написанием каждой картины серьёзно продумывал её композицию, детали и цветовые сочетания. Изучение творчества художника позволяет сделать вывод о том, что многие его работы зрелого периода были построены по особому алгоритму, соотнесённому с идеей синтеза разных культур и религий.

Живя в буддийской среде, художник глубоко проникся её идеями и создал значительную галерею произведений, посвящённых этой тематике. Особый интерес в творчестве Рериха представляют картины, где он использует буддийские образы и символы, соединяя их в неожиданные композиции с образами и символами других религий. Примером такого подхода являются картины, написанные Рерихом с использованием элементов и композиции иконографии Падмасамбхавы в сочетании с христианской иконографией Богородицы, а также использование образа Гуру Римпоче для изображения небуддийских персонажей.

В статье мы попробуем разобраться, как у художника зародился этот замысел.

В 1924 г. семья Рерихов после прибытия в Дарджиллинг совершила паломничество по монастырям Сиккима, где познакомилась с местными традициями и искусством. Там же ими была приобретена коллекция буддийской живописи, среди которой были несколько тханок, посвящённых Падмасамбхаве.

«Картины» из сиккимской коллекции были описаны в труде Ю. Н. Рериха «Тибетская живопись», первое издание которого относится к 1925 г.[1] Н. К. Рерих упоминает о некоторых из них в своей книге «Алтай – Гималаи» в главе «Ташидинг»: «Смотрю на старую картину из монастыря Далинга. Деяния Учителя Падма Самбхавы. Все его магические силы изображены в действии. Вот учитель в виде черноголового ламы с Соломоновой звездой на головном уборе поражает дракона. Вот учитель низводит дождь; вот спасает утопающего; пленяет мелких злобных духов; безоружно покоряет зверей и магическим кинжалом поражает тигра, предварительно накрыв ему голову священным треугольником. Вот учитель обезвреживает змей; вот он заклинает бурный поток и посылает дождь. <…> Вот из убежища пещеры он спешит на помощь миру. И наконец, в кругу бедной семьи молится о счастливом плавании отсутствующего домохозяина. Как бы ни было теперь затемнено его учение, но жизненность его изображена достаточно. Или другая старинная картина – “Рай Падма Самбхавы”»[2].

Мы не случайно привели описания тханок, привлёкших пристальное внимание Н. К. Рериха. Впоследствии художник переработал увиденное в нескольких произведениях, созданных в 1920–1930-е годы.

Ил. 1. Чистая земля Падмасамбхавы. Лхаса. XIX в.
Тханка из коллекции семьи Рерихов

Тханка «Чистая земля Падмасамбхавы» (ил. 1) послужила вдохновением для нескольких картин Николая Рериха. Видимо, в семье Рерихов эти картины обсуждались в отношении некоторого сходства с сюжетами из христианской иконографии. Ю. Рерих писал: «Мы часто видим на тибетских картинах главную фигуру сидящей на троне посреди острова (так обычно бывает, когда изображается будда или бодхисаттва). Подобные образы мы часто находим на русских иконах, где остров бывает заметным элементом пейзажа. В свою очередь, пейзажи, особенно в способе изображения гор, скал и облаков, подобны в обеих изобразительных традициях»[3]. Не исключено, что

Ил. 2. Н. К. Рерих. Матерь Мира. Эскиз. Серия «Знамена Востока». 1924.
Холст на картоне, темпера. 98 × 65,4 см. Музей Николая Рериха, Нью-Йорк

именно Ю. Н. Рерих обратил внимание отца на эти детали, и у Н. Рериха родилась идея написать варианты картины «Матерь Мира» в образе христианской Царицы Небесной (ил. 2), соединённой с видением Е. И. Рерих (ил. 3), – находящейся в буддийском «раю», Чистой Земле.

На тханке мы видим Падмасамбхаву в своём дворце, сидящем на троне, у подножия которого в виде подношения покоится вишваваджра. Дворец находится на священной горе Занцмдог, расположенной на острове в форме сердца. Основание этого острова-горы находится в царстве Владыки Нагов, а вершина достигает мира Брамы.

Ил. 3. Н. К. Рерих. Матерь Мира. Серия «Знамена Востока». 1924.
Холст на картоне, темпера. 117,1 × 88,6 см. Международный центр Рерихов, Москва

Остров окружает река. На тханке основание горы изображено в виде фигурных скал, выполненных в стиле карма гадри[4]. Спиральные структуры на скалах закручиваются в благоприятную сторону.

По всей видимости, Н. К. Рерих использовал объекты тханки в качестве символики мировой горы – центра мира, на которой восседает Матерь всего сущего. Остров в форме сердца свидетельствует о том, что «мир всецело пронизан эманацией Её сердца»[5]. Рерих опускает в картине многие декоративные детали, присутствующие на тханке, передавая только подобную лепесткам лотоса форму скал, изображает

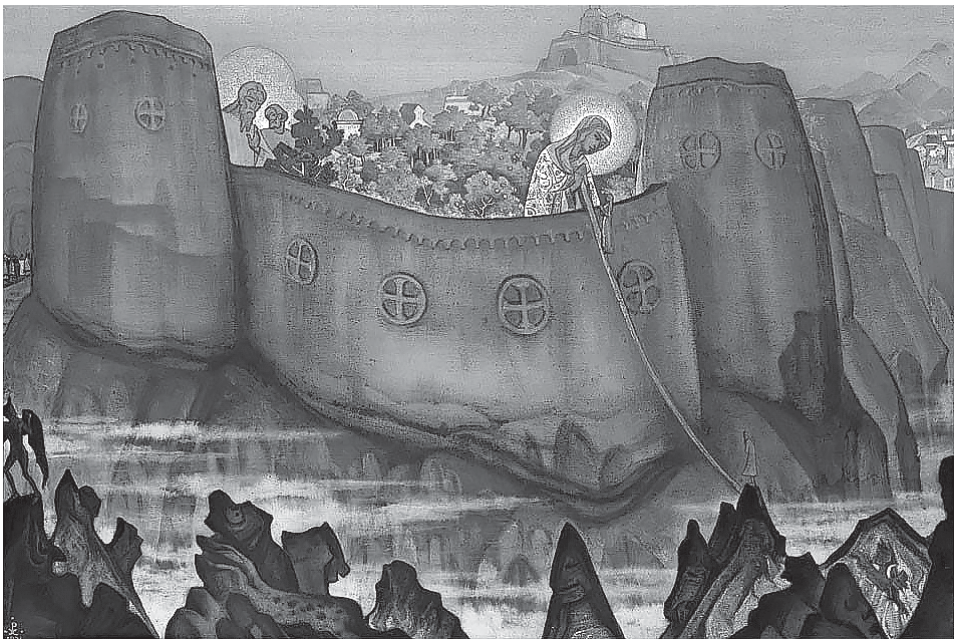
также скалы «мира ракшаси» с острыми вершинами. Такие скальные образования, ваджрные скалы, характерны для гневных божеств. У Рериха они являются свидетельством творческой, активной силы Матери. На его картине присутствуют и другие иконографические детали. Помимо острова с рекой и скалами на ближнем плане Н. К. Рерих изобразил вселенскую ваджру – вишваваджру[6], однако этот символ находится в мире земном, в отличие от тханки, где он расположен на «Чистой земле». Вишваваджра, находящаяся под основанием вселенской горы Меру, на картине может символизировать пребывание Матери на вселенской горе Меру. Вишваважра близка к символике колеса или свастики и символизирует несокрушимую твердость, «неизменное и неделимое просветление ума»[7]. Е. И. Рерих в своих письмах упоминала, что «Акдордже, двойной Дордже, – это знак и символ силы и мощи, и находим его на изображениях величайших Духов»[8]. Фигуры двух женщин – «Урусвати с ковчегом»[9] и монахиня с книгой – символизируют стремление постичь этот Высший мир.

На тханке мы видим над Падмасамбхавой стилизованные лучи, которые связывают его с парящими в небе божествами. Эта идея была использована Н. К. Рерихом в картине для парящих фигурок буддийских божеств в позе падмасана (лотоса), образующих сочетания в виде созвездий Большой Медведицы и Ориона. Аурические круги вокруг Матери Мира также подобны сферам вокруг Падмасамбхавы, но без декоративной прорисовки. Так христианский образ Царицы Небесной, благодаря подмеченному Рерихами сходству с буддийскими иконографическими образами и приёмами, на картине был создан в буддийском обрамлении как намёк на общность понимания святых образов представителями разных религий и культур.

Эта же тханка подарила художнику идею для другой картины – «Madonna Laboris» (ил. 4), иллюстрации к христианскому апокрифу о Богородице: «Обеспокоился Апостол Петр, ключарь Рая. Сказывает Господу: “Весь день берегу врата, никого не пускаю, а наутро новые люди в Раю”. И сказал Господь: “Пойдём, Пётр, ночным дозором”. Пошли ночью и видят: Пресвятая Богоматерь опустила за стену рая белоснежный шарф свой и принимает по нему какие-то души. Возревновал Пётр и вмешаться хотел, но Господь шепнул: “Ш-ш! не мешай!”»[10]

Эта картина в основном выдержана в христианской изобразительной манере, но художник включает в неё буддийские элементы: мы видим белый хадак в виде нити, по которому Богородица принимает в рай новые души.

Здесь идея художника достаточная ясна. Опираясь на внешнее и смысловое сходство религиозных сюжетов, он решает включить в свою картину сюжет со спасением душ. Вот как описывал увиденное на тханке Падмасамбхавы Н. К. Рерих: «Храм стоит на горе, отделённой от земного мира голубою рекою. Через реку протянуты белые хадаки, и по ним самоотверженные путники совершают переход ко храму. Опять ясная картина озарённого восхождения. Конечно, толкователи засорили и это явление, как перегружены ложной догмой и все прочие религии»[11]. Это высказывание вполне может быть отнесено к картине, написанной Н. Рерихом. Возможно, что апокриф, который приводит художник, пришёл с Востока, где представители разных вероисповеданий жили рядом, и часто переход из одной веры в другую был обычным явлением. А вот что пишет о тханке Ю. Н. Рерих: «Примечательны нити, подоб-



Ил. 4. Madonna Laboris. 1931. Холст, темпера. 84 × 124 см. Частное собрание

ные тибетским хадакам (церемониальным шарфам), благодаря которым человеческие души объединяются в поток, идущий к раю Падмасамбхавы. Некоторые из этих душ уже объединены и изображены молящимися учителю. Другие всё ещё в мире ракшаси ожидают своей очереди. Эти нити держат женские фигуры, одетые в наряд нимф»[12].

Композиция этой картины, как и предыдущей, схожа в общих принципах и с буддийскими тханками – мы видим тот же остров, окружённый водами и райский город. И здесь труды Богородицы, как и Матери Мира, что, по сути, у Рериха одно и то же[13], подобны трудам Падмасамбхавы, будд и бодхисаттв по спасению человечества.

К сожалению, мы не имеем изображения тханки из коллекции Рерихов «Чудеса Падмасамбхавы», описанной Ю. Рерихом в «Тибетской живописи» под номером 27[14]. Но согласно её описанию Юрием и Николаем Рерихами, мы можем с большой долей вероятности предположить, что именно она послужила основанием для написания картин «Превыше гор» (1924) и «Падмасамбхава» (1924): «В углу он изображён летящим по воздуху над горами и облаками» [Ю. Р.][15]; «Вот учитель летит превыше всех гор» [Н. Р.][16].

В картине «Превыше гор», фрагмент которой мы приводим (ил. 5), художник изобразил сон-видение Е. И. Рерих, летящей «выше Эвереста»[17]. Наше внимание привлекло одеяние, в частности головной убор героини. Да и поза её, хотя и похожая на позу летящих божеств[18], столь часто изображаемых в буддийских храмах Средневековья, всё же больше напоминает запечатлённые «чудеса» махасиддх.

Ил. 5. Н. К. Рерих. Превыше гор (фрагмент). Серия «Его страна». 1924. Холст, темпера. 88,5 × 116 см. Международный центр Рерихов, Москва

На картине ясно видно, что на «летящей» головной убор, подобный шапке-митре[19] Падмасамбхавы, и китайский халат. Такой головной убор носили и женщины, которые занимались буддийской практикой, – например, мы можем увидеть его на А. Дэвид-Неель, посвятившей годы подобным практикам (ил. 6).

Падмасамбхава на тханках, повествующих о его чудесах, чаще всего изображён с раскинутыми руками (летящие божества обычно имеют разные положения рук), в позе, подобной позе героини с картины «Превыше гор» (ил. 7).

Ил. 6. А. Дэвид-Неель, исследовательница Тибета, практик буддизма

Ил. 7. Летящий Падмасамбхава. Фрагмент. Современная тханка

Этот факт позволяет пересмотреть замысел Рериха относительно «полёта Урусвати к горам Тибета»[20]. Здесь художник изображает героиню подобно Падмасамбхаве и его женам – кудесницей, йогиней, обладающей магическими способностями.

Произведение «Падмасамбхава» (ил. 8), по всей видимости, также было навеяно тханкой, изображающей чудеса Гуру Римпоче.

Ил. 8. Н. К. Рерих. Падма Самбхава. Серия «Знамена Востока». 1924. Холст, темпера. 73,8 × 117 см. Музей Николая Рериха, Москва

Согласно описанию Ю. Н. Рериха, «ещё ниже видим Учителя разговаривающим с духом горы…»[21], или у Н. К. Рериха: «Вот он бесстрашно беседует с гигантским горным духом»[22].

Очевидно, в этой картине, подражая самой технике и цветовым нюансам тибетской живописи, художник передаёт одну из легенд о жизни Учителя Падмасамбхавы, описывающей его подвиги. Н. К. Рерих также любил изображать сцены из жизни христианских святых.

Соединяя в своих картинах различные виды и школы живописи, художник раскрывает для нас свою неповторимую творческую идею, показывающую общность разных духовных путей человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Рерих Ю. Н.* Тибетская живопись. Самара: Агни, 2000. С. 39.
2 *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. М.: Рипол классик, 2001. С. 49.
3 *Рерих Ю. Н.* Тибетская живопись. С. 30.
4 *Бир Р.* Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М.: Ориенталия, 2011. С. 11.
5 Там же.

[6] Там же. С. 256.
[7] Там же.
[8] *Рерих Е. И.* Письма: В 9 т. М.: МЦР, 2009. Т. IX (1951–1955); письмо В. Л. Дутко от 01.09.1953.
[9] *Рерих Е. И.* Манускрипты-дневники. Тетрадь № 20. Запись от 6.04.1924.
[10] *Рерих Н. К.* Женщинам. Посвящается Единению Женщин Общества имени Рериха // Рерих Н. К. Держава Света. Священный Дозор. Рига: Виеда, 1992.
[11] *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. С. 49.
[12] *Рерих Ю. Н.* Тибетская живопись. С. 98.
[13] *Рерих Н. К.* Радж-Раджесвари // Рерих Н. К. Твердыня пламенная. Париж, 1932. С. 237.
[14] *Рерих Ю. Н.* Тибетская живопись. С. 98.
[15] Там же. С. 91.
[16] *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. С. 49.
[17] *Фоздик З. Г.* Мои Учителя (по страницам дневника: 1922–1934). М.: Сфера, 2002.
[18] *Маточкин Е. П.* Мечта преображения. Серия «Его страна» Н. К. Рериха и «Мистерия» А. Н. Скрябина: Пророчества. Самара: Агни, 2000.
[19] *Рерих Ю. Н.* Тибетская живопись. С. 91.
[20] *Рерих Е. И.* Манускрипты-дневники. Тетрадь № 2. Запись от 28.VI.1921.
[21] *Рерих Ю. Н.* Тибетская живопись. С. 94.
[22] *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. С. 49.

И. Ю. АЛЕКСАНДРОВ
(Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург)

«КАРМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ» В. В. НАЛИМОВА И ИДЕИ НАСЛЕДИЯ СЕМЬИ РЕРИХОВ

Высокие идеи объединения стран и народов под Знаменем мира и воспитания подрастающего поколения на основе культуры и красоты требуют от самих членов рериховского движения культуры мышления и как минимум доброжелательности друг к другу. Халифу Умару, захватившему в декабре 641 г. н. э. Александрию Египетскую и приказавшему отапливать бани пергаментными свитками, христианские источники, а также некоторые историки науки приписывают слова: «Либо в этих книгах написано то, что написано в Коране, и тогда нам незачем их читать, либо они утверждают то, что противоречит Корану, и тогда их не подобает читать»[1]. Можно спорить об историчности этих слов и приказа халифа Умара (Александрийская библиотека, как известно, горела ранее, в 47 г. н. э., когда римляне подожгли египетские суда, стоявшие в гавани, а огонь перекинулся на весь город, страдала Александрийская библиотека и в ходе других исторических событий, в частности в 392 г. н. э., когда по приказу императора Феодосия были запрещены языческие религии и христиане подвергли разрушению языческие храмы). Независимо от историчности факта сжигания пергаментных свитков для беспечения работы бань Александрии, в наш век такого рода идеи выглядят дико. Христиане, после нескольких веков притеснений в конце IV в. н. э. обретя власть, сами стали нетерпимы к инакомыслию. Завоевания мусульман в VII в. н. э. оказались не менее разрушительными для культуры. На этих примерах видно, что агрессивность связана с биполярным мышлением: «добро – наши взгляды, зло – взгляды наших оппонентов». Казалось бы, учение Живой Этики содержит важное положение о гибкости в восприятии мировоззрения другого человека. Будда, согласно учению, принимал в ученики лишь того, кто мог посмотреть на ситуацию глазами оппонента. Учение Живой Этики содержит ёще более сильное утверждение – необходимость для ученика следовать канону «Господом Твоим». Казалось бы, всё это хорошо известно последователям учения, однако люди, позиционирующие себя истинными последователями Живой Этики, зачастую очень прямолинейно придерживаются такого рода бинарных оппозиций.

Один из ключевых тезисов «кармической теории культуры» В. В. Налимова[2] – тезис о необходимости преодоления бинарных оппозиций нашей культуры. Налимов приводит в пример следующие противоположности: «субъективное – объективное», «дух – материя», «непрерывность – дискретность», «случайность – необходимость», «свобода – предопределённость», «диалектика – логика», «познаваемость (гностицизм) – агностицизм», «спонтанность – закономерность», «бесконечное – конечное», «жизнь – смерть», «добро – зло», «истина – ложь», «совесть – долг», «милосердие – наказание», «Бог – атеистическая механистичность мира»[3]. Будучи прежде всего специалистом в области математической статистики, Налимов и в свою концепцию

культуры переносит вероятностные представления. В вероятностном мире нет резких границ. Отсутствие «переходных форм» – свидетельство вырождения полноты такого мира.

Человеку свойственно стремиться к размежеванию с противоположной концепцией или идеологией. Всякая концептуализация связана с разбиением семантического поля на противостоящие понятия (замкнутые подмножества, как бы сказал математик), которые порождают всё новые и новые общие точки, что отнюдь не усиливает, а только ослабляет позиции. Всякое уточнение оказывается направленным на саморазрушение. Используя математические метафоры, Налимов стремится показать, что вся история человечества в её нескончаемых идейных противостояниях с позиций метанаблюдателя – это тщетная попытка преодолеть невозможность разбиения континуума на непересекающиеся замкнутые семантические множества[4]. В качестве одного из примеров он приводит крестовые походы. Чёткая поляризация: два мира – христианский и мусульманский. Каждый из них знает, где и в чём безусловное зло. Но и в те времена возникали сомнения в правомерности такой поляризации. Рыцари Ордена тамплиеров сражаются с воинами мусульманского Ордена ассасинов. Одни были в белых одеждах с красными крестами, другие также в белом, но с красными поясами. Удивительно не только сходство, но и полное совпадение структуры орденов и близость их учений. Христиане почему-то не хотят признать, что их вера стоит ближе к исламу, чем к какой-либо другой религии мира. Обе религии являются плодом ранних откровений, полученных народом Израиля через пророков и Закон. Обе почитают Святую Деву и Иисуса из Назарета. Обе получили мощный первичный импульс – от апостола Павла в христианстве и Магомета в исламе, которые сделали индивидуальные прозрения достоянием мировых религий. Даже слово «Аллах» не является исключительно мусульманским. Это просто арабское обозначение Бога – оно употреблялось арабскими христианами, когда они обращались к Богу христианского вероисповедания[5]. Появление гипотетического логика-метанаблюдателя во времена крестовых походов в разгар борьбы двух вер могло бы показать, сколь близки позиции противоборствующих сторон.

Нагорная проповедь Христа – не инструкция к некой безусловной реакции, независимой от конкретной ситуации. По словам Налимова, это путеводная звезда на духовном горизонте, организующая наше поведение в некотором вероятностном пространстве. Христиане согласились бы с Налимовым в том, что Нагорная проповедь не предлагает верующему однозначного алгоритма действий. Налимов прежде всего математик, который верит в то, что «наука есть не более чем символическое описание мира», верит в то, что «новые смыслы теперь порождаются не религиозной мыслью, не поэзией, не изобразительным искусством, а… математикой»[6]. Ему представлялось, что вся его культурологическая концепция – это лишь следствие обращения к вероятностной логике, к математическим символам. Можно было бы возразить Налимову: новые смыслы не порождаются математикой, а в лучшем для математики случае могут быть описаны математически. Да и при выборе решений человеком математика лишь описательна. Согласно Налимову, в каждой ситуации при принятии решения в нашем сознании возникает некий вероятностно-структу-

рированный фильтр, взаимодействующий с нашими исходными, также вероятностно-заданными представлениями о смыслах в самом широком их понимании. Так мы действуем, хотя наша культура, по его мнению, до сих пор требует от нас, чтобы все моральные суждения были безусловными, формулируемыми в бинарной системе суждений «да – нет».

Налимов упрекает Православную церковь за то, что она до сих придерживается бинарной системы суждений. В начале XX в. Л. Н. Толстой был отлучён от Церкви, что потрясло интеллигенцию – многие начали отходить от православия. Раскол общества вел к событиям 1917 г. Отлучение Л. Н. Толстого не снято до сих пор. Налимов приводит в качестве примера современного биполярного мышления публикацию автора, который позиционирует себя православным. Я. Коротков в газете «Известия» от 4 апреля 1993 г. в статье с вызывающим заглавием «Льва Толстого отлучили от церкви справедливо» писал: «Дело в том, что с точки зрения Православной церкви христианин – не всякий, кому нравится учение Христа»[7]. Для Налимова Толстой не просто один из тех, кому нравится христианство, ведь он проповедовал Нагорную проповедь и пытался показать, как можно начать жить в соответствии с христианским учением. Он был хорошо знаком с толстовским движением 1920-х годов. В те годы его поразила искренность толстовцев, убеждённость и стойкость в столкновениях с властью. Парадокс в том, что сама Церковь, будучи зависимой от государственной власти, не могла быть до конца христианской. Парадоксальным образом Церковь не смогла быть толерантной по отношению к Толстому, но оказалась вполне толерантной по отношению к Сталину и другим её разрушителям.

Налимов, используя язык математики, стремится показать читателю пагубность отношения к инакомыслию как к чему-то «тёмному» и «вражескому». Работы Налимова в области философии науки посвящены современному образу вероятностной науки. Современная философия науки избавилась от представлений о жестких фиксированных границах между научными понятиями. Научные понятия в определённой мере историчны[8]. Налимов утверждает, что размытость описания – основное проявление вероятностного языка. Соответственно, и основные фундаментальные понятия культуры должны описываться размыто. Слова, на которых построена наша культура, не имеют и не могут иметь атомарного смыслового содержания. Тогда и метафора – это не безжизненный рудимент, а необходимая составляющая нашего языка. Принцип дополнительности Н. Бора, по мнению Налимова, – это открытое признание необходимости метафорического мышления в науке[9]. Налимов даже рассуждает о «втором Ренессансе», который связан уже с освобождением не от гнёта Церкви, а от «суровости механистической односторонности науки недавнего прошлого»[10]. Налимов очень остро чувствует, что философия – это свободное мышление, которое не должно находиться в положении служанки теологии, если речь идёт о положении философии в Средние века, или служанки науки, если речь идёт о позитивистах XIX–XX вв., для которых сама наука и есть философия. Вместе с тем и в концепции самого Налимова парадоксальным образом звучат позитивистские нотки. С его точки зрения, «философская мысль должна быть и проста, и схематична»[11]. Сам Налимов определяет позитивизм как попытку осмыслить в системе отчетливых

понятий парадигму, которая отождествляет знание с научным знанием[12]. В юности Налимов испытал сильное влияние идей математика А. А. Солоновича, из лекций которого он сделал вывод, что «философское осмысление мироздания возможно только на языке математики»[13]. Налимов в своей концепции культуры совмещает независимую философскую мысль со стремлением к ясности и простоте, подобной краткости математических формул.

Для новой культуры требуется и новое свободное мышление. Но как понимает его Налимов? В его работах заметно напряжённое ожидание перемен в культуре космического масштаба. Но для Налимова-математика человеческое эго – это лишь «вероятностно заданная проявленность семантического поля»[14]. Налимов предпочитает рассматривать мир как множество текстов, характеризующихся дискретной (семиотической) и континуальной (семантической) составляющими. Как текст трактуется им не только мир, но и сознание, которое выступает своеобразным трансцендирующим устройством, связывающим разные миры. В этих определениях сказывается влияние на Налимова идей Ж. Деррида и других постструктуралистов второй половины XX в. Сознание в концепции Налимова выступает в роли творца-микродемиурга[15]. Отмечу, что и в учении Живой Этики сознание человека трактуется как место встречи многих миров. Представления о творческой роли человеческого сознания в концепции Налимова очень близки соответствующим положениям литературно-философского наследия Рерихов. Концепция Налимова – это одна из версий современного платонизма. Физическое и семантическое поля таковы, потому что существует заданность, упорядоченная числом. Вслед за Платоном Налимов математизирует философию. Он постулирует изначальное существование непроявленной семантики. По сути, и «Тайная доктрина» Блаватской постулирует это постепенное раскрытие изначально заданных божественных смысловых структур. Налимов не усматривает такого уж явного противоречия между платонизмом и упрощённо механистически мыслящей наукой, ведь в физическом мире существуют изначально заданные константы и уравнения и вполне резонно было бы допустить такую заданность в мире биологическом и психологическом.

Существенное место в научном мировоззрении Налимова занимает «антропный принцип». Известно, что принцип этот в астрофизике имеет различные интерпретации. Согласно интепретации этого принципа Дж. Уилером, фактор, дающий жизнь, лежит в основе механизма и замысла жизни. Не только человек адаптирован ко Вселенной, но и сама Вселенная адаптирована к человеку. Незначительное изменение той или иной физической константы привело бы к невозможности появления человека во Вселенной. Выясняется, что существование Вселенной определяется неким набором чисел, природа которых нематериальна. Но ментальна. И более того, именно этот набор констант делает возможным существование нашего физического тела. Налимов полагает, что «антропный принцип» стирает грань между ментальным и материальным, а материя перестает быть косной[16]. Ключевая для концепции Налимова идея единства физического и семантического полей полностью соответствует положениям «Тайной доктрины» и идеям наследия Рерихов.

Концепция культуры Налимова содержит как восходящие к христианским представлениям, так и близкие буддизму положения. Сущность сознания и личности, согласно этой концепции, состоит в спонтанности, которая понимается как «открытость вселенской потенциальности». Понятие личности восходит к христианским Отцам Церкви, к Августину в частности. Оно, безусловно, небуддистское. Между тем Налимов утверждает полное взаимодействие всех субстанций – как физических, так и не физических. Такая неразделимость физического и психического скорее буддистского происхождения. Для сравнения сознание в учении Живой Этики определяется как «одно сочетание Скандх»[17]. В этом параграфе из книги «Озарение» знание духа противопоставляется сознанию, которое ограничено земной оболочкой и астральным миром. Свою концепцию Налимов называет «кармической»: «Когда мы пытаемся вглядываться в себя, в свою судьбу и трагическую судьбу своей культуры, становится понятным, что мы не столько создаём новое, сколько изживаем старое, заложенное культурами давно ушедшего <…> человек остаётся наследником всего прошлого, даже если оно с трудом различимо под покровами современных воззрений»[18]. Налимов верит в многократность повторных рождений. В его книгах можно найти описания переживаний, которые автор испытал в европейских городах. С опорой на свой внутренний глубинный духовный опыт Налимов утверждает, что уже жил в этих местах ранее. По словам Налимова, близким ему может представляться и далекий сейчас мусульманский мир.

Несмотря на его интерес к культурам Индии, Китая и Японии, культуры эти не были ему близки. Чужим для Налимова оставалось и русско-византийское православие. По словам Налимова, он не может признать «идею кармы как некого сурового и жестокого закона, заставляющего человека изживать своё суетное прошлое»[19]. Очевидно, что концепция культуры Налимова – это современная, творческая концепция. Она содержит отдельные переосмысленные положения древних религиозно-философских представлений. Концепция культуры Налимова космична. Её автор говорит о связанности личности с планетарной судьбой, о планетарном сознании, о Земле как об одухотворённом живом существе. Планетарное сознание не может мыслиться подобно сознанию человека. Оно не открыто миру, но существует как некая непроявленная потенциальность. Планетарное сознание не командует. Можно провести определённую параллель между этими представлениями и понятием Высших Миров, к которым устремляет человечество учение Живой Этики.

Возникает вопрос: а как мыслит бессмертие Налимов? Понятие это очень сокровенно и доступно скорее вере и интуитивному пониманию. Налимов, как и Е. П. Блаватская, метафорически пытается передать его сравнением жизни человека с игрой актёра на сцене. Эго человека не остаётся постоянным в течение одной жизни. Следовательно, никак не может быть постоянным эго, реализующееся в разных жизнях. Налимов метафорически пытается передать понятие бессмертного начала в человеке через введенное им понятие «метаэго» – «удивительной способности к спонтанному построению своего текущего эго во взаимодействии с сиюминутным раскрытием спектакля и одновременно – ощущением вневременной значимости происходящего»[20]. Иллюзорность личности, согласно Налимову, – в её спонтанности. «Осмысливая

метаэго, мы хотим придать ему вселенский характер. С одной стороны, это что-то очень личное – персональное, с другой – это открытость вселенскому. *Метаэго* – это не предметность личности, а её *способность быть открытой запредельному*»[21]. Именно трансличностное ощущение самого себя позволяет человеку почувствовать себя сопричастным различным мирам и культурам.

В своей «кармической теории культуры» В. В. Налимов принимает известные представления концепции пассионарности Л. Н. Гумилева[22]. С позиций логика-метанаблюдателя пассионарность выглядит как своего рода одержимость. Но, освободившись от неё, человек, или даже народ в целом, теряет энергетику. Расслабленность ищет комфорта, который совсем не нужен пассионарию. Расслабленность обращается к внешним возбуждающим средствам. В лишённом пассионарности обществе возникают отдельные локальные протуберанцы, которые могут восприниматься как бессмысленная агрессия, граничащая с безумием. Налимов полагает, что пассионарность внутренне соприсуща человеку. Человеку свойственна устремленность к романтизму. Потребность стать героем искони заложена в человеке. Своим выбором жизненно важных смыслов человек обретает энергетику. Согласно Налимову, культура создаётся харизматическими личностями разного достоинства. Он приводит в качестве примеров Лютера, первых президентов США, Наполеона, Толстого, Достоевского, Ленина, Троцкого, Гитлера, Сталина. Отмечу, что для бывшего сталинского зека В. В. Налимова видеть в 90-х годах XX в. на демонстрациях портреты «отца народов», уничтожившего миллионы людей в своей стране, было невыносимо. Толерантность имеет свои границы. Невозможно толерантно относиться к Гитлеру и Сталину.

«Кармическая теория культуры» Налимова принимает энергетизм, характерный для идей наследия семьи Рерихов. Но, в отличие от учения Живой Этики, в работах Налимова нет тезиса о вечных основах миропонимания, которые даются человечеству Учителями с учетом специфики времени и культуры. Налимов отрицает возможность этики в смысле науки, потому что, по его мнению, феномен нравственности вторичен по отношению к культуре – взаимодействуя с ним, человек принимает решения нравственного звучания. Решение становится нравственным, когда оно затрагивает достоинство человека. Отмечу, что Налимов называет М. Хайдеггера «крупнейшим мыслителем современности» – на том основании, что Хайдеггер, по его мнению, единственный из современных философов, кто радикально поставил проблему невозможности этики[23]. Примеры из своей жизни, когда приходилось делать судьбоносный нравственный выбор, Налимов стремится объяснить при помощи обращения к вероятностно размытой логике, но примеры эти можно было бы объяснить выбором его сердца. Очень яркие воспоминания Налимов оставил о годах, проведенных в сталинских лагерях. Именно сердце, единение со Вселенной, чувство собственного достоинства, какая-то внутренняя духовная сила, превышающая возможности обычного человека, позволили ему выжить в нечеловеческих условиях. По словам Налимова, «выжить в лагере может только тот, кто не смирился с мыслью о том, что он стал, как ему внушали, сталинским рабом»[24]. Христиане и последователи учения Живой Этики дали бы именно такое объяснение. Отмечу также, что и в трудах Платона ни слова не сказано о роли человеческого сердца. Роли сердца по-

священа более поздняя христианская литература. На новом, более глубоком уровне роль сердца раскрывается в учении Живой Этики. Не говоря о сердце, по сути, Налимов говорит о том же.

Сближает «кармическую теорию культуры» Налимова с идеями наследия семьи Рерихов и тезис о необходимости синтетического мировоззрения на современном этапе культуры. По словам Налимова, «есть одна общая точка соприкосновения у науки и религии сегодняшнего дня – это поиск новой культуры как ответ на вызов, брошенный экологическим кризисом. Думается, что он не может быть найден без признания иной онтологической реальности, в которую можно было бы уйти из реальности мира потребительских устремлений»[25]. Речь идёт о том, что требование признать онтологической реальностью только то, что может быть воспринято через приборы, существенно ограничивает дальнейшее развитие науки. Вполне в духе идей наследия Рерихов Налимов утверждает, что «сам человек является приёмником особого рода, способным в известных условиях и при особой тренировке обнаруживать реальность, скрытую от физических приборов»[26]. Налимов много и хорошо пишет о наблюдающемся надломе культуры[27]. По его мнению, это результат потери интереса к окружающей реальности. Налимов порицает характерное для XX в. явление узкой специализации[28] почти теми же словами, которые сказаны об узкой специализации в учении Живой Этики. Узкая специализация современного человека рассматривается Налимовым как характерный симптом надлома культуры, на смену которому должна прийти совершенно иная культура синтеза. Электронные устройства вторглись в сознание человека и поработили его, строя некий новый, иллюзорный образ бытия. Учение Живой Этики в своё время предупреждало человечество о том, что технизация вне духовности может оказаться уловкой сил Тьмы. Выход из экологического кризиса – в создании новой культуры, опирающейся на иные смыслы. У Налимова очень острое чувство необходимости воспринять эти новые смыслы, вернуться от виртуальной подмены подлинного бытия к самой действительности[29]. Согласно Налимову, необходимо новое планетарное мышление, новая культура должна выступить как целостное, не раздробленное на части образование. Человечеству необходимо оторваться от повседневных проблем для размышления о серьёзном. С учением Живой Этики концепцию Налимова сближает тезис о том, что «культура наших дней стремится к тому, чтобы стать единой»[30].

В молодости Налимов был причастен к движению мистического анархизма. Он утверждает, что «мистический анархизм» в плане эзотерическом – это был «восточный отряд» Ордена тамплиеров. Каких-либо сведений, подкрепляющих это утверждение, в своих книгах он не приводит. Не буду судить о том, что представляла собой «высокая степень посвящения в Ордене тамплиеров», которую получил А. А. Карелин[31], находясь во Франции[32]. Один из биографов Налимова, В. В. Голованов, отмечает, что «последний рыцарь Ордена Параклета» крайне неохотно отвечал на прямые вопросы, касающиеся ордена[33]. Трудно поверить в версию Голованова о том, что вспышка эзотеризма начала XX в. объясняется сознательной утечкой информации со стороны хранителей тайного знания этого ордена[34]. Возможно, историки тайных организаций ещё смогут собрать какой-либо новый материал о якобы имевшем место

направлении орденом анархиста А. А. Карелина в послереволюционную Россию с целью создания его «восточного отряда»[35]. Легенда эта представляется фантастичной, учитывая, что Орден тамплиеров существовал в XII–XIV вв.[36] Не буду здесь комментировать деятельность созданного уже в XX в. псевдотамплиерского Ордена Храма Востока (Ordo Templi Orientis) Теодора Реусса, Карла Келлнера и Алистера Кроули. К Алистеру Кроули и такого рода оккультистам взгляды Налимова не имеют ни малейшего отношения. Налимов прежде всего учёный. Очевидно, что ему близка эзотеричность тайных обществ, в которых основные знания передаются из уст в уста, но не записываются. До последних дней своей жизни он оставался верен этим рыцарским идеалам. Представляется вместе с тем, что знания Налимова о деятельности тайных оккультных организаций в нашей стране в 1920–1930-е годы достаточно аморфны, даже с учётом того, что он сам и его друзья были участниками этих событий. Так, Налимов на основании тем стихотворений и содержания поэмы «Монсальват» делает предположение о причастности к движению мистического анархизма автора «Розы мира» Д. Н. Андреева[37]. Можно ли отнести Андреева именно к «пневматикам»[38], если использовать гностическую терминологию? Почему не к «психикам»? Какой критерий позволяет Налимову так высоко ставить откровения Андреева о Тонком мире? Только космичность сознания Андреева и нравственность его жизни?

Налимов видел в Андрееве «истинного пневматика». Оценка эта очень субъективна, особенно на фоне оценок Налимовым трудов Е. П. Блаватской. Показательно также, что Налимов называет медиумическую по своему содержанию, далекую от подлинных исторических фактов книгу Э. Шюре «Великие Посвящённые», «наверно, лучшей из книг, посвящённых скрытой составляющей религий». В учении Живой Этики критерием расширения сознания ученика являются различные ступени овладения им психической энергией. Вольно интерпретируемое Налимовым гностическое учение о пневматиках, психиках и гиликах не позволяет сказать что-либо определённое о росте сознания человека. Так, необоснованным представляется утверждение Налимова о том, что после введения им в свои концептуальные представления важнейшей категории «спонтанности», обобщения посткантианской философии, достижений современной науки и трансперсональной психологии он перешёл за границы «психизма» в сторону «пневматизма»[39].

Аморфным, по-видимому, было и само движение мистического анархизма. Налимов полагает, что ради конспирации использовались различные наименования движения: Братство Параклета, Орден Духа, Орден Света, Орден тамплиеров и другие[40], поэтому о широте этого движения, по его мнению, судить сложно. На допросах осенью 1936 г. Налимову, обвиняемому в принадлежности к «контрреволюционной подпольной террористической организации анархистов-мистиков, деятельность которой была направлена на борьбу с Советской властью», и оговорить-то себя было нечем. Не было программы, не было определённых задач, соответственно не могло идти речи об организации[41]. «В анархическом движении, крайне неоднородном по своим исходным позициям, особое место занял мистический анархизм, смыкавшийся в первые годы с анархическим коммунизмом»[42], – пишет Налимов. Он полагает, что анархизм из чисто политического движения неизбежно должен был превратиться

в движение философское с определённой социальной и морально-этической окрашенностью. Речь при этом шла о создании целостного, всеохватывающего мировоззрения, основанного на свободной, идеологически не засорённой мысли. Свобода, по мнению Налимова, должна охватить все сферы культуры, в том числе и идеологизированную в значительной мере науку. Налимов в этом вопросе находит опору в концепции «методологического анархизма» П. Фейерабенда[43], но такого рода идеи появились лишь в 1960-х годов, какого-либо эзотеризма они не содержат.

Математик профессор А. А. Солонович[44], его супруга А. О. Солонович[45], которая следила за духовным развитием В. В. Налимова после ареста мужа, судя по сведениям, которые приводит в воспоминаниях В. В. Налимов[46], – это интеллигентные, светлые, духовно развитые люди, интересовавшиеся в том числе оккультизмом, но утверждать, что союз этих людей был развитой организацией, руководимым из-за границы тайным орденом, едва ли правомерно. Судя по выдержкам из лекций А. А. Солоновича, которые приводит в своих воспоминаниях Налимов, это эклектическое учение, лучшие страницы которого восходят, по-видимому, к «Тайной доктрине» Е. П. Блаватской, но попали в мировоззрение А. А. Солоновича в переработанном – возможно, антропософами – виде. Какой-либо ценности как самостоятельное оригинальное учение оно не представляет. В нём сохраняется отчасти гностическая и христианская терминология, утверждается, что религия будущего есть религия Параклета-Утешителя, но каких-либо глубоких пояснений эти выписки из лекций А. А. Солоновича не содержат. Отечественные гностики первых лет советской власти ценили не столько легенды, сколько глубину их интерпретации, отсюда роль устного предания. Хорошо, если разговоры с духовными существами, призывания духов «пневматика» А. А. Солоновича не были банальным медиумизмом[47], но очевидно, что для Налимова Солонович был авторитетом не только в философской интерпретации теории множеств, но и в духовных вопросах. С одной стороны, Налимов верит в наличие подлинного духовного стержня в тайной организации, к которой он в юности принадлежал, а с другой стороны, он сближает представления мистического анархизма с очень широким кругом идей. Так, круг идей ордена, по его мнению, близок идеям протестантского теолога П. Тиллиха, в частности его задаче создания теологии культуры. Налимову близка идея экуменического синтеза, направленного к примирению разума и откровения. С протестантизмом Тиллиха мистический анархизм сближает признание внутренней свободы, которое дает право на самостоятельное осмысление духовного начала жизни. По мнению Налимова, «русский мистический анархизм стремился расширить христианскую мысль, возвращая ей утерянное гностическое миропонимание»[48]. Члены Братства Параклета готовили общество к созданию новой, духовно ориентированной культуры. Налимов очень высоко оценивает идеи сотрудничества в природе Кропоткина. Не к революционному, но к мягкому «мировоззренческому анархизму» он относит очень широкий спектр мыслителей: Торо, Ганди, Толстого, Достоевского (в некоторых высказываниях), Кропоткина, Бердяева, Бубера, Швейцера, Карелина, Солоновича[49]. Анархизм – синоним ненасилия, согласно Налимову, это единственно возможная основа культуры будущего. Несмотря на то что многие идеи Кропоткина выглядят утопично, Налимов подчёркивал, что движение мистического

анархизма в России в начале революции – это попытка через обретение утраченной духовности подготовить человека к справедливому обществу.

Рерихов Налимов, к сожалению, не понял. В небольшой главке «Благовест с Востока» своей книги «Искушение святой Руси» он цитирует некоторые положения послания Махатм советским государственным деятелям и язвительно пишет о его последствиях. По мнению Налимова, Махатмы и ответственны за произошедшее в предсказанные ими годы – 1928-й, 1930-й, 1936-й. Налимову наиболее существенными событиями этих лет представляются следующие: подготовка к коллективизации в 1928-м (начало коллективизации – 1929-й); первая, правда ещё небольшая, волна массовых арестов в 1930-м; начало второй, большой волны арестов в 1936-м[50]. Трудно сказать, что предопределило такое негативное отношение Налимова к Рерихам и их Учителям. Надо отметить, что его оценки иногда очень субъективны. К примеру, В. И. Вернадского он характеризует как «религиозного мыслителя, самого яркого и самобытного из русских марксистов»[51]. Характеристика эта даже не ошибочная, но крайне поверхностная. Создаётся впечатление, что с творчеством Вернадского Налимов толком знаком не был, хотя после выхода его книг на Западе завязалась переписка Налимова с дочерью Вернадского Н. В. Толль[52]. Хорошо известно, скольких бед натерпелся Вернадский от коммунистов. Он был одним из учредителей партии кадетов, но коммунистом он никогда не был. Еще более нелепа характеристика Вернадского Налимовым как «религиозного мыслителя». Вернадский стремился дистанцироваться от философии, ведь советские философы-марксисты как раз-таки пытались приклеить к Вернадскому ярлык «мистика». По сути, эту некомпетентную характеристику и воспроизвёл Налимов. В работе «Реальность нереального» Налимов ошибочно причисляет Вернадского к натурфилософам (сам Вернадский подвергал жёсткой критике натурфилософию[53]) и ошибочно относит работы Вернадского к «философии биокосмизма»[54]. Немного подробнее о Вернадском Налимов пишет в своей работе «В поисках иных смыслов». Здесь он говорит о загадочности личности Вернадского, упоминает, что он один из создателей партии кадетов, и уже не называет его «коммунистом». Налимов в этой работе характеризует Вернадского как «крупнейшего русского мыслителя и, безусловно, честного человека». Слегка натянуто выглядит предположение Налимова о том, что Вернадский был масоном. Утверждение о том, что Вернадский – один из создателей философского направления *антропокосмизм*, нуждается в обосновании, ведь сам Вернадский принципиально дистанцировался от философии, будучи натуралистом-эмпириком. Для Налимова (да и не только для него) во многом загадочны многие позитивные оценки Маркса, Ленина и Сталина в дневниках Вернадского. Здесь же Налимов обращается к теме масонства и возможного заговора «неведомого братства» против России[55]. По-видимому, недоверие к теософии и деятельности Рерихов у Налимова порождено поиском этих «тёмных» масонов.

Недолюбливает Налимов и теософию, называя её «псевдорелигией теософствующих»[56]. Налимов близок к современному трансперсональному междисциплинарному движению в науке. В отличие от поисков Грофа, психологические эксперименты Налимова не были связаны с применением психотропных средств, но общие оценки,

характерные для представителей трансперсонализма, попали и в его работы. Согласно Налимову, «наша культура, как и культура прошлого, пронизана фантазиями из мира иных реальностей, чаще всего носящих реинкарнационный характер»[57]. Налимов ошибочно сближает на основании этого трансперсоналистского тезиса содержание «Тайной доктрины» Блаватской с содержанием «Розы мира» Д. Андреева, а также с содержанием произведений Свифта и Данте. Другая реальность доступна художникам, провидцам и пророкам. Но разве это одна реальность? Учение Живой Этики обращает внимание читателей на различия в описании явлений Тонкого мира. И совсем уж неадекватно проведение Налимовым параллели между содержанием «Тайной доктрины» и фантазиями больного шизофренией шестилетнего мальчика, который выстроил в них особую страну «Мундирию» со специфическими для неё существами и законами жизни.

Налимов в некоторых своих оценках весьма колок, хотя именно он предложил замечательные аргументы в защиту терпимого отношения к инакомыслящим. Было бы, конечно, неправильно заострять внимание только на сближении Налимовым содержания главного теософского труда с другими, субъективными или просто ошибочными представлениями о Тонком мире. Тот же Налимов отмечает огромную важность для современной науки концептуализаций пограничного характера, которые могут быть услышаны только ограниченным кругом людей. Согласно Налимову, наука нуждается в изучении эзотеризма. Блаватскую он выделяет среди эзотериков, называет «женщиной необычайно талантливой и обаятельной в своей многогранности. Её сознание было открыто для прямого контакта с Семантической Вселенной»[58]. В то же время по определению этому видно непонимание Налимовым, что за содержанием «Тайной доктрины» реально стояли Учителя Блаватской. Налимов отмечает глубокую осведомленность Блаватской в сравнительном религиоведении, подчёркивает, что значительная часть её представлений о гностицизме, имевших эзотерический оттенок, подтверждается современными открытиями – свитками Мёртвого моря и другими археологическими находками. Налимов отмечает первенство работ Блаватской, в которых большое внимание было уделено происхождению христианства, в том числе и описанию учения гностиков. Отмечает Налимов и добросовестность Блаватской при изучении трудов крупных учёных XIX столетия: Фарадея, Максвелла, Крукса, Тиндалля, Гексли, Дарвина и др. Ведя острую полемику с позитивистами, Блаватская, по мнению Налимова, всё же осталась в плену всесильной тогда позитивистской учености. Мудрость откровения, которое лежит в основе всех великих религий мира, она изложила наукообразным языком. По мнению Налимова, в построениях Блаватской меньше мифологичности, чем в концепциях современной физики, и особенно космогонии[59].

Упрёк в наукообразности «Тайной доктрины» звучит неожиданно. Нужно учитывать специфику культуры XIX в., когда Учителями была дана «Тайная доктрина». XIX в. – век позитивизма. На каком ещё языке можно было разговаривать с читателями? Упрёк Налимова в наукообразности текста «Тайной доктрины» интересен ещё и тем, что наука не стоит на месте, она меняется, и, возможно, наука будущего будет допускать метафорическую форму донесения знания. Налимов, как близкий к транс-

персональному движению учёный, допускает такую метафоричность в научных знаниях, если речь идет о результатах психологических сеансов. Здесь Налимов снова приближается к концепции Новой науки, о которой идёт речь в литературно-философском наследии Рерихов. Эта Новая наука Рерихов уже не излагается на позитивистском языке XIX в., она содержит многочисленные метафоры знания и методологические положения, которые для науки современной пока ещё звучат очень уж вольно и ненаучно. Но мир меняется, меняется и наука. Согласно Налимову, «быть научным – это быть метафоричным: способным создавать плодотворные метафоры, возбуждающие воображение и тем самым расширяющие наше взаимодействие с миром»[60]. Таким образом, Налимов подчёркивает эвристическую роль новых понятий и даже метафор. Наука находится в непрерывном поиске нового знания. Но Налимов далёк от высокомерия науки по отношению к другим видам знания: «Нельзя говорить о какой-то особой, научной объективности»[61]. Так, лишь к метафорам относит Налимов и общую теорию относительности (ОТО) Эйнштейна, и конкурирующую с ней релятивистскую теорию гравитации (РТГ) А. А. Логунова[62].

В современных работах в области методологии науки много говорится о расширении бреши между теорией и экспериментом. Налимов воспроизводит эти методологические представления на примере развития некоторых физических и биологических теорий. У него есть даже совсем неожиданный для учёного тезис о том, что «научно управлять природой мы не можем. Всякое искусственное вмешательство в естественные системы легко превращается в их разрушение»[63]. Остаётся надеяться на одухотворение культуры, на поворот к духовной жизни и изменение чувствительности землян. По-видимому, тогда и метафоры Новой науки Рерихов войдут не только в культуру, но станут частью научного знания.

Налимов, к сожалению, не принимает важнейшее положение теософии и учения Живой Этики – почитание иерархии[64]. По-видимому, это общая болезнь, присущая современному трансперсонализму. Традиционные формы верований искажены в веках. Ритуалы и следование за духовными наставниками при всём искажении основ религий удерживают человека в почитании иерархии. Новейшая религиозность, не скованная ритуалами и формальными правилами, растворила человека в увлечении астральными впечатлениями. С одной стороны, очень прогрессивен тезис Налимова о том, что религии пора допустить право на эксперимент[65]. Буддизм более открыт научным исследованиям параметров организма верующего человека, который находится в медитативной устремлённости к Высшему миру[66]. Христианство консервативнее в отношении диалога с наукой. Налимов в разных значениях использует слово «эксперимент». Иногда и в негативном – так, например, он пишет о *негативном эксперименте*, проводимом более 70 лет в СССР административно-партийной системой по воле её основателя.[67].

Подлинная наука в глазах Налимова всегда свободна, поэтому научный эксперимент – это вопрос к природе, причём вопрос, содержащий в себе возможный ответ на него. Тем самым свободная, непредвзятая в своих взглядах наука сближается с философией как свободным вопрошанием. Тот же смысл истории Налимов видит в «том, что в она является *космическим экспериментом*»[68]. Налимов допускает, что подобные

эксперименты, которые нужны для раскрытия мироздания, ведутся в других мирах и на других планетах. А мы, люди, ответственны за то, что в своей деятельности так и не стали христианами. В суровом космическом эксперименте до сих пор проверяется возможность осуществления греко-христианской идеи. И после двух тысячелетий истории мы всё ещё не знаем, возможно ли, и если возможно, то как, воплощение христианского идеала на Земле. Феномен нравственности, согласно Налимову, вторичен по отношению к культуре. Налимов отрицает возможность этики в смысле науки, отрицает он и наличие глубоко разработанного учения, которое охватило бы многообразие религиозного опыта[69]. Их как раз и можно найти в «Тайной доктрине» и учении Живой Этики, но Налимов не принял учения. Поиск новой космичной в своих основах культуры, несомненно, очень интересен, когда к необходимости её подводит своих читателей такой крупный учёный, как В. В. Налимов. Но, конечно, учение Живой Этики говорит далеко не о всякой космичности, далеко не о всякой реальности Тонкого мира, которая хороша для человека.

Близок идеям наследия Рерихов тезис Налимова о «возрождении натурфилософии в новом её, более широком и одновременно более строгом понимании»[70]. Налимов надеется на то, что такая новая натурфилософия поставит смелые вопросы, которые существенно расширят наши мировоззренческие горизонты. В учении Живой Этики многие понятия (например, тот же «огонь») метафоричны. Это современная форма натурфилософии, существенно расширяющая перспективы познания. Местами сама терминология концепции Налимова напоминает язык учения Живой Этики. Например, следующее его высказывание: «Мне думается, что одной из центральных проблем ближайшего будущего станет проблема расширения коллективного сознания»[71]. Налимов – мыслитель синтетического склада. Именно на таких мыслителей как учёных будущего указывает учение Живой Этики. Отдельные грани истины постижимы при посредничестве философии, религии, науки и искусства. Но подлинно постичь сущее можно лишь в синтезе. Теорема Геделя о неполноте достаточно богатых формальных систем (1931) показала, что мироздание не может быть описано на языке с конечным числом аксиом. Приходится реабилитировать иррациональное, как выражается Налимов[72]. Логическая составляющая человеческого познания – это лишь одна из его граней. В книге «Озарение» есть такие слова: «Спросят: почему нельзя соединить логически части Учения? – Отвечайте: ибо безобразно растить одну голову или одну руку»[73]. Логицизм превратился, по мнению Налимова, в своего рода парадигму, не допускающую иновидения. Современная академическая философия перестала быть мировоззренческим стержнем культуры. Она превратилась в комментаторство сказанного ранее, хотя изначально в Древней Греции была свободным вопрошанием. Философия же, согласно Налимову, должна стать дисциплиной, сопричастной экспериментальной деятельности.

В своих работах Налимов часто упоминает понятие учёного незнания Николая Кузанского. Этот крупный платоник XV в. настаивал, что истинное знание лежит в нескончаемом расширении горизонта хорошо аргументированного незнания. Чем лучше мы познаём мир, тем большая область неизвестного раскрывается нам. Тезис этот хорош против позитивистской иллюзии расколдованности тайн этого мира.

Всезнайство современной науки очень иллюзорно. Налимов не устаёт повторять, что в мире есть Тайна, что обновленная культура должна перестать быть культурой ответов, трансформируясь в культуру вопросов. «Нужны новые, оздоровливающие психику вопросы, ответом на которые станут снова новые вопросы, расширяющие горизонт видимой нами реальности. Удовлетворение мы можем найти только в свободном творчестве, расширяющем горизонты реальности»[74]. Новая одухотворённая наука, насколько можно понять Налимова, – это синтез знаний и различных подходов, в котором велика роль искусства. Отмечу, что универсум научного мировоззрения Налимова одухотворённый, в то время как в модной за последние несколько десятилетий синергетике доминирует механицизм[75].

Идеи анархизма оставались влиятельными для Налимова и в 1990-е годы. Поэтому новую культуру, необходимости создания которой посвящены многие его работы, Налимов характеризует как «ненасильственную культуру»[76]. Он испытал также влияние идей «глубинной экологии» Арне Нейсса. Задача сторонников этого экологического движения не сводится к небольшим реформам, но требует существенно переориентировки всей нашей цивилизации. Арне Нейссу принадлежит понятие «экофилософии», которое используется современными философами. Налимов надеялся, что именно философия сможет интегрировать культуру будущего[77]. Эти мировоззренческие, духовно-нравственные и научные поиски Налимова теми или иными гранями близки идеям литературно-философского наследия Рерихов, но, разумеется, своим масштабом не могут сравниться с их учением.

Налимов очень широко понимает магию. В его интерпретации магия объединяет человека с природой, в то время как христианство своим юридизмом отношений Бога и человека, а также своей рассудочностью закрепощает эти магические силы человека, лишает его космичности мировосприятия. В. В. Налимов в этом противопоставлении языческих магических культур христианству испытал сильное влияние идей своего отца – этнографа В. П. Налимова[78]. Можно понять зырян (народ коми), к которому принадлежали Налимовы. Официальное государственное христианство действительно на протяжении столетий боролось с любым инакомыслием. По мнению В. В. Налимова, православие закончилось с разгромом посвящавших жизнь внутренней духовной работе нестяжателей и победой нетерпимых к инакомыслию государственников-иосифлян.

В наши дни религиоведческая линейная схема, в которой мировые религии выглядят выше национальных и тем более выше таких «примитивных» форм верования, как шаманизм, анимизм и фетишизм, сильно устарела. Глубокую ошибочность такого рода представлений в середине XX в. выявил М. Элиаде. В. В. Налимов показал, что работы о язычестве зырян В. П. Налимова, который выступал категорически против того, чтобы народное мировоззрение рассматривалось как примитивное, во многом опередили своё время. По словам В. В. Налимова, к институционализированному христианству, с его догматизмом и агрессивностью В. П. Налимов относился как к религии завоевателей. Отяжелевшее в своём золотом облачении православие, ставшее со времен Иосифа Волоцкого официальной идеологией русской государственности, по мнению Налимовых, к Христу не ближе, чем непросветлённое язычество. Для эт-

нографа В. П. Налимова малые народы, длительное время находящиеся в культурной изолированности, не являются примитивными. Важной характеристикой «нового Ренессанса» является отказ от грекоцентризма в истории культуры. Но что может в качестве альтернативы известным достижениям древнегреческой, а позднее и новоевропейской культуры предложить культура зырян? В. П. Налимов как этнограф со всей серьёзностью относился к народной магии, рассматривая её в качестве важнейшей составляющей культуры. По словам В. В. Налимова, «у истоков нашей культуры стоял великий маг – Христос»[79]. Для обоснования такого магического взгляда на культуру В. В. Налимов акцентирует известные по Новому Завету факты исцелений и напоминает, что христианство в таинствах и обрядах: крещении, бракосочетании, поминании усопших – и в наши дни хранит в себе отголоски магических обрядов. В. В. Налимов максимально сближает магическое отношение к миру с достижениями современной психологии, указывает на многочисленные научные конференции, посвящённые изучению измененных состояний сознания, новому диалогу человека с природой с учётом его огромных психических сил, оказывающих влияние на окружающее пространство.

Отмечая рост научного интереса к изучению возможностей человеческой психики, Налимов констатирует, что магия никуда не ушла из нашей жизни, а лишь притаилась под покровом навеянного наукой позитивизма. Соглашаясь с аргументацией Налимова, всё-таки не хочется в наши дни называть «магическими» психические силы человека, ведь магическое мышление корыстно, а сама магия не связана с этикой. В учении Живой Этики есть такие слова: «Величие Космоса не оставляет места рассуждению, но поражает и возносит»[80]. Эти слова мог бы сказать и Налимов. Но в учении Живой Этики Христос предстаёт отнюдь не магом: «Христос, Будда и ближайшие помощники не пользовались магическими формулами, но действовали в полном слиянии с духом»[81].

В творчестве Налимова очень подкупает его крайняя независимость в оценках. Немногие были способны в советские годы писать в научных работах о реинкарнации и необходимости новой, одухотворённой, культуры[82]. В отличие от написанных в советские годы работ многих философов и учёных, вынужденных выдумывать социальные причины для капиталистического «загнивающего» общества, породившие трансперсональную психологию, «глубинную экологию» и так далее, чтобы в печать попали эти публикации и соответствующие проблемы хотя бы обсуждались, пусть и в «кастрированном» виде, в работах Налимова никогда не было такого рода ничтожных, половинчатых оценок и объяснений. Подобно античным философам-стоикам, он всегда «держал позвоночник прямо», не прогибаясь перед сильными мира сего. Вызывает глубокое уважение этот подвижник мистического анархизма, наивный в вере в рыцарские идеалы, как Дон Кихот, не сдавший близких людей на допросах в НКВД, любовью к жизни сумевший сохранить в многолетних ссылках в сталинских лагерях запас сил и реализовавшийся как крупный, оригинально мыслящий учёный. Закончу статью следующими словами Налимова: «За каждым из нас тянется цепочка прошлых жизней. Удачлив сейчас тот, кто сам их вовремя осмыслил. А кто вовремя не узнал самого себя, бунтует. Отсюда, возможно, и многие социальные беды наших дней»[83].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Клайн М.* Математика. Утрата определённости. М.: Мир, 1984. С. 42.

[2] *Налимов Василий Васильевич* (1910–1997) – доктор технических наук, известен в первую очередь как специалист в области математической статистики. Ему принадлежат пионерские работы в области науковедения. В частности, он один из создателей наукометрии – раздела и общей методики науковедения, выделяющих эту науку о науке из истории науки, философии науки, психологии науки применением математических методов исследования. Налимову принадлежат глубокие идеи в области философии науки. Очень интересен Налимов и как теоретик и историк культуры.

[3] *Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М.: Мир идей; АО АКРОН, 1995. С. 37.

[4] Там же. С. 376.

[5] Там же. С. 377.

[6] *Налимов В. В.* Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М.: Водолей Publishers, 2007. С. 309, 310.

[7] Цит. по: *Налимов В. В.* На грани третьего тысячелетия: что осмыслили мы, приближаясь к XXI веку. М.: Лабиринт, 1994. С. 15.

[8] См., напр.: *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.

[9] *Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Реальность нереального. С. 16–17.

[10] *Налимов В. В.* Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. С. 129.

[11] Там же. С. 309.

[12] *Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Реальность нереального. С. 162.

[13] *Налимов В. В.* Канатоходец. Воспоминания. М.: Прогресс, 1994. С. 122.

[14] *Налимов В. В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. С. 211.

[15] *Гиляров А. М.* На пути к запредельному // Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. С. 328.

[16] *Налимов В. В.* На грани третьего тысячелетия… С. 50.

[17] Учение Живой Этики (Агни-Йога). Листы сада Мории. Озарение. Ч. II. XII. 3 // Учение Живой Этики: в 3 т. Т. 1. СПб.: Просвещение, 1993. С. 191.

[18] *Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Реальность нереального. С. 377.

[19] *Налимов В. В.* Канатоходец. Воспоминания. С. 102.

[20] Там же. С. 103.

[21] *Налимов В. В.* Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. С. 252.

[22] «Представлению о пассионарности, заимствованному у Л. Н. Гумилева, мы склонны придавать иное, мифологическое звучание, объясняя появление высоких энергий, задающих пассионарность действий, столкновением с невидимым её носителем» (*Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Реальность нереального. С. 376).

[23] *Налимов В. В.* На грани третьего тысячелетия… С. 13.

[24] *Налимов В. В.* Канатоходец. Воспоминания. С. 205.

[25] *Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Реальность нереального. С. 359.

[26] Там же. С. 358.

[27] *Налимов В. В.* На грани третьего тысячелетия… С. 18.

[28] «В наши дни одряхлелость культуры проявляется прежде всего в устремлённости к узкой специализации. Жизнь становится такой, что каждый из нас, интеллектуалов, посвящает свою энергию какой-нибудь одной теме. Крайняя специализация способствует быстрому росту. Но за это приходится дорого платить – отказываясь от широкой постановки проблем. Утеряно взаимодей-

ствие между отдельными направлениями мысли. Так мы потеряли фундаментальную проблему *жизнь – смерть*». *Налимов В. В.* На грани третьего тысячелетия… С. 63.

[29] Для сравнения возьмём следующую запись Б. Н. Абрамова: «Изолированный мир обывателя есть явление антикосмическое и противоестественное, ибо даже малые собратья человека живут в созвучии с природой. Отделившись от мира, человек создал свой искусственный мир, и стал его внутренний мир миром фантомов и иллюзий, отделённым от действительности и реальной жизни пространства. Царство Моё не от мира сего, не от мира человеческих иллюзий и нагромождений, искажающих космическое назначение человека быть выразителем космической жизни, но не затхлого обывательского болота. Фокстротно-джазовая кулачная цивилизация является посмешищем на культуру, где дух человеческий оторван от Космоса и заключён в темницу тьмы внешней и невежества планетного. Жизнь стала искажением и карикатурой на высшее назначение человека». Грани Агни-Йоги. 1953. Ч. 2. Новосибирск: Предприятие «Алгим», 2012. С. 46.

[30] *Налимов В. В.* На грани третьего тысячелетия… С. 31.

[31] *Карелин Аполлон Андреевич* (1863–1926) – экономист, публицист-эсер, издатель, переводчик, адвокат, теоретик анархизма. В 1906 г. эмигрировал во Францию, где, по некоторым сведениям, был принят в масонскую ложу и пытался распространить её идеи в России. В июне 1917 г. вернулся в Россию. Возглавлял анархистскую фракцию ВЦИК нескольких созывов, выступал за сотрудничество с большевиками. Скончался от инсульта.

[32] *Багрянский В.* Василий Васильевич Налимов: учёный, гностик и рыцарь 20-го столетия. URL: http://archive.omway.org/nagualism/paraleli/Nalimov/nalimov.html?q=nagualism/paraleli/Nalimov/nalimov.html (дата обращения: 02.08.2016).

[33] *Голованов В. Я.* Последний рыцарь // Налимов В. В. Искушение Святой Руси. На грани третьего тысячелетия. Томск; М.: Водолей, 2002. С. 268.

[34] *Голованов В. Я.* Последний рыцарь. С. 267.

[35] См.: Орден российских тамплиеров / публ., вступ. ст., коммент., указ. А. Л. Никитина. М.: Минувшее, 2003. Т. 1. Документы 1922–1930 годов. 419 с. (Мистические общества и ордена в Советской России. Вып. 1).

[36] Сведения об отечественных тамплиерах, их литературу и легенды см.: Орден российских тамплиеров. Т. III. Документы 1922–1930 годов. 528 с. (Мистические общества и ордена в Советской России. Вып. 14). Отмечу, что сам В. В. Налимов без восторга встретил публикацию легенд российских тамплиеров. С его точки зрения, это неправильно, так как нарушает традиции. Право на публикацию следовало бы получить у хранителей традиции (*Налимов В. В.* Канатоходец. Воспоминания. С. 314).

[37] *Налимов В. В.* Почему так был нужен нам Даниил Андреев? // Урания. 1997. № 3. С. 5–7. URL: http://v-nalimov.ru/articles/112/459/ (дата обращения: 02.08.2016).

[38] Гностики делили людей на пневматиков (от греч. πνευμα – «дыхание, «дуновение», «ветер»; поэтич. позднее «дух», «жизнь»; в Новом Завете πνευμα αγιον – «Дух Святой»), психиков (от греч. ψυχη – «душа») и гиликов (от греч. υλη – «лес», «дрова», «материя», «материал»).

[39] *Налимов В. В.* Канатоходец. Воспоминания. С. 162.

[40] Там же. С. 309.

[41] *Налимов В. В.* Канатоходец. Воспоминания. С. 176–178.

[42] Там же. С. 142.

[43] *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 543 с.

[44] *Солонович Алексей Александрович* (1887–1937). В 1914 г. закончил математический факультет Московского университета. После Февральской революции выступил с рядом теоретических статей, посвящённых мистическому анархизму, сблизился с А. А. Карелиным. Вошёл в состав Секретариата Всероссийской федерации анархокоммунистов и анархистов. С 1920 г. преподавал математику в МВТУ и других московских вузах. Неоднократно подвергался политическим репрессиям. Антропософы на своём сайте указывают, что А. А. Солонович в 1919–1921 гг. был членом русского антропософского общества, но позднее подвергал жёсткой критике антропософию, оставаясь

свободно мыслящим, лишённым эгоизма человеком. См.: URL: http://bdn-steiner.ru/glossword/index.php/term/1,802.xhtml (дата обращения: 02.08.2016).

[45] *Солонович Агния Онисимовна* (1888–1937) – супруга А. А. Солоновича. Работала машинисткой в Музее им. Кропоткина. Вела большую духовно-просветительскую работу с молодёжью. С 1919 г. являлась секретарём Всероссийского Чёрного Креста – организации, которая собирала средства для заключённых и ссыльных анархистов. Была обвинена в участии в контрреволюционной террористической организации и расстреляна.

[46] *Налимов В. В.* Канатоходец. Воспоминания. С. 138.

[47] Наверное, не стоит вырывать цитаты из контекста всего лекционного курса и делать на основании их выводы, но некоторые высказывания А. А. Солоновича звучат подозрительно медиумистично: «Так в моём сознании живут желания, влечения, страсть, инстинкты и т. п. разнообразных духов, отождествляемых мною с самим собой… Во мне говорят различные голоса, и спорят различные голоса, и спорят различные индивидуальности… И только всё большее развитие моего самосознания может выяснить мне границы моего собственного “Я”. <…> Пневматик “разговаривает” с ними [духовными существами] не на их языках, он воздействует на них “заклинаниями”, и потому в этом случае он является магом» (*Налимов В. В.* Канатоходец. Воспоминания. С. 153, 156).

[48] *Налимов В. В.* На грани третьего тысячелетия… С. 34.

[49] *Налимов В. В.* Искушение Святой Руси. На грани третьего тысячелетия. С. 267.

[50] Там же. С. 140.

[51] Там же. С. 133.

[52] *Голованов В. Я.* Последний рыцарь. С. 265.

[53] В полемике с философом-марксистом А. М. Дебориным Вернадский писал: «В то время передо мной стояла проблема: как научно охватить явления биохимии так, чтобы можно было свободно научно работать и не сойти в натурфилософскую область мысли. Последний путь был легче, но я знал и из истории науки, а затем из изучения натурфилософов убедился сам, что он безнадёжен» (*Вернадский В. И.* По поводу критических замечаний акад. А. М. Деборина // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 529).

[54] *Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Реальность нереального. С. 382.

[55] *Налимов В. В.* В поисках новых смыслов. М.: Прогресс, 1993. С. 174–176.

[56] *Налимов В. В.* Искушение Святой Руси. С. 133.

[57] *Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Реальность нереального. С. 344–345.

[58] Там же. С. 183.

[59] Там же. С. 183–184.

[60] *Налимов В. В.* В поисках новых смыслов. С. 21.

[61] Там же.

[62] *Логунов А. А.* Лекции по теории относительности и гравитации. Современный анализ проблемы. М.: Наука, 1987. 271 с.

[63] *Налимов В. В.* В поисках новых смыслов. С. 22.

[64] «Друзья! Четыре камня положите в основание действий ваших. *Первый* – почитание Иерархии. *Второй* – Сознание единения. *Третий* – Сознание соизмеримости. *Четвертый* – Применение канона «Господом твоим» (Учение Живой Этики (Агни-Йога). Листы сада Мории. Озарение. Ч. 2. IX. 10. С. 186).

[65] *Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Реальность нереального. С. 359.

[66] Прекрасные примеры такого экспериментального диалога современной науки с буддистами описаны в кн.: *Гоулман Д.* Деструктивные эмоции. Как с ними справиться? Научный диалог с Далай-Ламой в пересказе Д. Гоулмана. Минск: Попурри, 2005. 672 с.

[67] *Налимов В. В.* В поисках новых смыслов. С. 143.

[68] *Налимов В. В.* На грани третьего тысячелетия… С. 7.

[69] Там же. С. 8.

[70] *Налимов В. В.* В поисках новых смыслов. С. 43.

[71] Там же. С. 81.
[72] Там же. С. 85.
[73] Учение Живой Этики (Агни-Йога). Листы сада Мории. Озарение. Ч. 2. IV. 5. С. 162.
[74] *Налимов В. В.* В поисках новых смыслов. С. 134.
[75] Там же. С. 114.
[76] Там же. С. 234.
[77] Там же. С. 4.
[78] *Налимов Василий Петрович* (1879–1939) – профессор Московского университета, областью научных исследований которого была реконструкция традиционного мировоззрения коми (зырян). Стоял у истоков формирования интеллигенции народа коми. Неоднократно подвергался политическим репрессиям.
[79] *Налимов В. В.* Канатоходец. Воспоминания. С. 58.
[80] Учение Живой Этики (Агни-Йога). Листы сада Мории. Озарение. Ч. 2. III. 5. С. 139.
[81] Там же. III. 7. С. 139.
[82] См., напр.: *Дрогалина Ж. А.* Новая философия человека и глобальная этика (обзор) / Глобальные проблемы и будущее человечества. Вып. 6. Реферативный сборник. ИНИОН. М., 1987. С. 166–227.
[83] *Налимов В. В.* На грани третьего тысячелетия… С. 61.

М. В. ПЕТРИЧЕНКОВ
(Институт ядерной физики им. Г. И. Будкера СО РАН, Новосибирск)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БЕССМЕРТИИ

С давних времен человечество волнуют проблемы жизни и смерти, смерти и бессмертия. С развитием науки интерес к данному вопросу только возрос.

С одной стороны, современная наука научилась возвращать людей из состояния клинической смерти, но говорит об окончательной смерти сознания при физической смерти. А с другой стороны, появилось довольно много свидетельств людей, побывавших за гранью клинической смерти и вернувшихся в физический мир. Есть люди, которые помнят свои прошлые жизни, причём бывают живы свидетели их предыдущего воплощения. Всё это не позволяет отрицать существование чего-то за гранью смерти, хотя очевидность и говорит нам об обратном. Конечно, никто не отрицает того, что жизнь физического тела человека, животных и других живых существ заканчивается смертью их тел. Но издавна существует особый взгляд на проблему, например в религиозной традиции, насчитывающей много тысячелетий. Именно в ней можно поискать крупицы древних знаний о мироздании, несмотря на то что они практически погребены под позднейшими наслоениями.

Одним из ключевых утверждений каждой религии, религиозной доктрины или учения является бессмертие души человека. То есть постулируется как минимум две составляющих человеческого существа: физическая и духовная, тело и дух. Духовная составляющая не исчезает после смерти. Но в религиозной литературе приведено мало подробностей посмертного существования, в основном описывается воздаяние праведникам и грешникам в общих чертах. Подобные книги насыщены специфической терминологией и символикой, смысл которой во многом утрачен, поэтому тексты часто воспринимаются как мифы и сказки, причём примитивные с точки зрения современного человека, избалованного достижениями науки и техники. Но интересно то, что именно достижения науки и техники могут помочь понять происходящие после смерти процессы по аналогии. Речь об этом пойдёт далее, но сначала вернёмся к духовной стороне явления.

В XIX–XX вв. появились теософия и учение Живой Этики (Агни-Йоги). В них понятие материи существенно расширено и дано наиболее полное на данный момент описание структуры мироздания, действующих в нём законов, человека и его бессмертной составляющей. Говорится о существовании материи разных градаций плотности или утончения, т. е. дана материалистическая система мироздания. Соответственно, есть отдельный мир, названный Тонким, он состоит из тонкой материи, которая очень слабо взаимодействует с привычной нам физической материей, иначе проявления того мира были бы более явными. В нём, как и в привычном нам физическом мире, действуют определённые законы, т. е. существует определённая система и структура. Некоторые его особенности понять довольно сложно. Попробуем в них разобраться с помощью аналогий, после того как познакомимся с описаниями, данными в нашей литературе. В «Гранях Агни-Йоги» говорится, что в Тонком мире сознание, у кого оно сохранилось, переходит в преимущественно субъективное со-

стояние[1], в отличие от сознания человека, пребывающего в физическом мире, в котором превалирует объективное мышление. В Тонком мире восприятия сильно зависят от сознания наблюдателя, т. е. тот мир намного более субъективен, чем физический. Здесь люди с разным уровнем развития сознания видят одно и то же физическое явление или форму (дерево, реку, других людей и т. д.) примерно одинаково и не способны в основной массе влиять мыслью и волей на предметы и явления в явном виде. Там восприятия сильно зависят от степени развития сознания. Человеку с низким уровнем сознания (особенно грубому) недоступны высокие восприятия, чувства и ощущения, например утончённая игра света и цвета, гармоничные мелодии Сфер, одухотворённые взаимоотношения между людьми, восторг от созерцания произведений искусства, философские размышления, устремление к знаниям и т. д. В этом и состоит кардинальное отличие двух миров. В «Гранях Агни-Йоги» говорится: «Объективное состояние сознания порождает причины, субъективное – следствия этих причин. В Тонком мире человек зависит от своих устремлений, которые являются следствием или продолжением утверждённых им устремлений в объективном или бодрствующем состоянии. Изменять принятое направление и утверждать новые причины, совершенно отличные от прежних, развоплощённому духу почти невозможно, во всяком случае, без посторонней помощи»[2]. Лишь «при сверхличном сознании субъективизм ослабляется»[3].

Субъективность Тонкого мира выражается и в том, что в нём человек живёт в основном теми процессами, которые протекают в его сознании, теми мыслями, которые его наполняют. Но мыслительный процесс там претерпевает существенные изменения. Внутреннее наполнение сознания мгновенно становится «внешним» миром, т. е. сознание определяет бытие – окружение. А в физическом мире для основной массы людей бытие (т. е. внешнее окружение) определяет наполнение сознания.

Во второй половине XX – начале XXI в. произошёл значительный прогресс в развитии науки и техники, появились компьютеры и мультимедийные технологии, которые существенно повлияли на повседневную жизнь большинства людей: ускорился темп жизни, многократно возрос поток информации, соответственно перестроилось и сознание людей, что отразилось на мышлении, языке, восприятиях. В связи с этим появилась возможность проиллюстрировать некоторые теоретические положения из философского наследия семьи Рерихов со стороны их практической реализации на более привычном, т. е. доступном для современного человека уровне. Далее я приведу аналогию из области мультимедийных технологий (мира компьютеров, Интернета, кабельного ТВ). Она появилась в результате желания осмыслить и изложить тексты из наших книг, донести информацию до современной аудитории, далёкой от философии, на понятном ей современном языке с использованием привычных образов и аппаратуры.

Так, для понимания субъективного состояния можно привести пример: когда человек погружён в компьютерную игру или смотрит интересный фильм, то он попадает в субъективную реальность игрового мира или фильма. При этом игрок или зритель физически находится дома или в кинотеатре, но мысленно пребывает в игре или с героями фильма, сопереживает им. При достаточно развитом воображении тот

же эффект наблюдается при прочтении интересной книги. Но если в физическом мире человек может выйти из этого состояния во время просмотра или после него, выключив компьютер, телевизор, закрыв глаза или выйдя на улицу, то в полностью субъективном состоянии он не может прервать процесс без значительных усилий воли и использования ресурсов сознания, которых у обычного среднего человека недостаточно в силу слабого развития воли и духовной составляющей. Именно духовная компонента даёт объективность восприятий в субъективных мирах-состояниях.

В физическом мире человек находится в определённой точке (области) пространства и движется во времени. Но Высшие миры, которые можно считать находящимися в иных измерениях, устроены по-другому. Иные измерения обладают свойствами скорее не места, а состояния. Привычные нам условия пространства и времени сильно видоизменяются. Развивая аналогию с кинофильмом или компьютерной игрой, можно привлечь технологии виртуальной реальности, продлив их в сторону 100%-ного эффекта присутствия, когда человеку на органы чувств передаются все ощущения, а его ответные реакции производят эффект в виртуальной реальности, как если бы он реально действовал в физическом мире. То есть человек не просто смотрит 3D-фильм, но фильм этот интерактивный, и зритель сам является участником действия в нём. Причём каждый зритель в некотором приближении видит собственный фильм. Таким образом, пребывание в Тонком мире в рамках сильно упрощённой аналогии можно представить, как пребывание в капсулах виртуальной реальности, размещённых в некотором компьютерном центре.

Но, в отличие от физического мира, характеристики воображаемой капсулы и подходящие к ней информационные линии обычному человеку поменять очень трудно и даже практически невозможно после так называемой смерти. Здесь проявляется ещё одна характеристика посмертного пребывания – его дедуктивность, или, иными словами, пребывание в жёстких рамках следствий, порождённых причинами, лежащими в физическом мире[4]. Именно в физическом мире человек выбирает себе, говоря современным языком, компьютерную игру, интернет-провайдера или поставщика интерактивного кабельного телевидения, которое он будет смотреть после так называемой смерти. Если человек подписался на услуги определённого провайдера и его кабельные каналы низкопробных развлечений, боевиков и тому подобного, то его воображаемую капсулу подключают кабелями, которые будет почти невозможно поменять самому без внешней помощи в посмертном состоянии. Говорится, что «одна и та же сцена может быть очень прилипчивой и при этом быстро меняться, повторяясь в своих вариациях бессчётное количество раз»[5]. То есть человек будет вынужден смотреть и ощущать оплаченный им контент, не имея возможности прекратить процесс до определённого момента, когда, образно говоря, закончатся деньги на счету, внесённые при подписке на каналы и заключении договора с провайдером.

Выбор провайдера, подписка на кабельные каналы и оплата происходит через мысли, которыми было наполнено сознание во время земной жизни. Чем чаще и сильнее человек думает о чём-то, тем больше энергии вкладывает в них, тем на больший

срок он, образно говоря, оплачивает посмертные восприятия именно в этом ключе. Если кто-то привык творить насилие, окружать себя и созерцать безобразие, то он получит восприятия именно такого рода, причём будет не зрителем, а участником, переживая страдания многократно. Своими преимущественными мыслями человек привязывает себя к определённым сферам Тонкого мира. Только когда исчерпываются энергии, вложенные человеком в его устремления, прекращается «фильм». Но в Тонком мире есть и черты объективной реальности. Между людьми существуют связи, происходит обмен по созвучию. Можно сказать, что капсулы виртуальной реальности соединены через сеть своего провайдера. Соответственно, в этой сети оказываются люди со сходными интересами; они смотрят и являются участниками в общих для них интерактивных «фильмах». Это аналогия сфер Тонкого мира, формирующихся по созвучию их участников. С духовным развитием магнетизм низших сфер слабеет, а притяжение к Высшим усиливается. Человек приобретает больше свободы для действий, возрастает объективность восприятий.

Таким образом, существует единственный путь, чтобы покинуть виртуальные капсулы посмертного пребывания с каналами боевиков и пороков – это выход выше по духовным измерениям. Тому поможет установление связи с Высшим миром во время земной жизни. Высший мир наполнен красотою и населён высокодуховными людьми, которые помогают устремлённым к ним сознаниям двигаться вверх, минуя ловушки низших сфер-слоев Тонкого мира. Магнетизм, или притяжение, низших сфер очень силён, преодолеть его может только сильное устремление к Свету и его носителям, утверждённое в земной жизни. Это особенно актуально в настоящее время, когда решается судьба каждого воплощённого человека. Заканчивается последний отбор, по результатам которого человек или сможет продолжить свою эволюцию, или…

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Абрамов Б. Н.* Грани Агни-Йоги. 1968. Т. IX. Новосибирск: ЭКОР, 1996. С. 14–15, 60–61; § 31, § 138; 1971. Т. XII. Новосибирск: Цэрис, 1997. С. 196–197; § 566.
2 Там же. 1968. Т. IX. С. 14–15, 60–61; § 31, § 138.
3 Там же. 1967. Т. VIII. Новосибирск: ЭКОР, 1995. С. 232; § 495.
4 Там же. 1971. Т. XII. Новосибирск: Цэрис», 1997. С. 196–197; § 566.
5 Там же. 1967. Т. VIII. С. 232; § 495.

Ж.-П. И. МАНЬЕШУЛИ
Л. Х. НУРМУХАМЕДОВ
(кафедра гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, Санкт-Петербург)

КАТЕГОРИЯ СВОБОДЫ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ

В философском наследии Николая Константиновича Рериха многократно встречаем имя великого философа Бенедикта Спинозы. Один из очерков в книге «Твердыня пламенная» (Урусвати, 1931) целиком посвящён Б. Спинозе. С именем Рериха связано создание молодёжного Центра Спинозы в Нью-Йорке. «Говоря о цветении мысли Спинозы, нельзя не вспомнить о нашем Центре Спинозы в Нью-Йорке, о радующей молодой группе, собравшейся во имя великого мыслителя. Вспоминая эту сотню молодёжи, устремлённую ко Благу, к очищению жизни мыслью, всегда почувствуете сердечное трепетанье и пожелаете послать им привет к успеху их общений. Им ведь тоже нелегко, как нелегко было и самому мыслителю, как нелегко всем светлым. Но ведь для трансмутации мысли требуется большой огонь и мощное напряжение»[1].

Рерих пишет: «Не забудем, что Спиноза стремился к такому нахождению и овладению, которое доставит радость постоянную и высшую в вечности, к тем чистым и ясным мыслям, при которых страсть перестаёт быть страстью. Этим самым Этика перестаёт быть отвлечённостью и делается путеводною звездою радости, в истинно жизненном приложении <…>. В орбите тех же счастливых нахождений вращаются многие славные имена, почти современные Спинозе: Кеплер, Галилей, Лейбниц зовут в миры дальние»[2].

Несомненно, категория свободы занимала важное место в философской рефлексии нидерландского мыслителя. Согласно взглядам Спинозы, человеческая душа испытывает воздействие предметного мира; это воздействие отражается и на душевных состояниях. Если бы человеческая душа была суммой этих представлений об идеях предметного мира, она была бы совершенно преходящей. Спиноза утверждает, что разумный субъект способен образовывать концепты ясного познания, т. е. способен к активной рефлексии аффективных состояний тела. Разумеется, эта рефлексия выражает не только реальность бытия, но и могущество, способность тела. Стоит отметить, что идея каждого модуса в концепции Спинозы выражается в атрибуте субстанции, а поскольку субстанция вечна, то и модус, в том и числе и человек, может приобретать такой онтологический статус. Следовательно, если разумный субъект способен постигать сущность своего тела, то идея, которую образует субъект, тождественна его субъектности и в то же самое время равна атрибутивности субстанции. Спиноза говорит о вечности человеческого духа, о том, что существование человека прямо следует из существования других тел. Как отмечает Куно Фишер, «поэтому существо человеческого тела не связано с его существованием, а следовательно, и идея

этого существа не связана с продолжительностью телесного существования, и так как человеческий дух состоит в этой идее, то он не преходящ в том же смысле, как тело»[3].

Спиноза проводит концептуальную мысль, что дух человека не разрушается с телом, а от него остаётся вечное, в силу того что субстанция сама обладает вечностью. «В Боге необходимо имеется идея, которая выражает существо того или другого человеческого тела под формой вечности»[4]. Спиноза ведёт речь о том, что человеческие страсти соединены с телесными состояниями, причём страсти возможны при онтологическом присутствии телесной реальности. Человеческая душа подчиняется аффектам, страстям по той причине, что тело пребывает в своём существовании. Вечна лишь только та часть душа, которая образует, по мнению Спинозы, ясное познание. Собственно, Спиноза настаивает на том, что вечность человеческой души пропорциональна совершенству тела.

По мнению Спинозы, вечность духа совершенно исключает воображение, страсти. Становится ясным, что Спиноза говорит о невозможности индивидуального бытия, которое равноценно личному бессмертию. Таким образом, вечность души состоит в ясном познании субстанции. Общеизвестно, что мыслитель приводил формулу любви к Богу. Как раз эта любовь содержит в себе ясное познание. Поскольку Спиноза подходил к проблеме свободы с позиций рационализма, то, соответственно, эта проблема должна была решаться преимущественно рациональными средствами. В гносеологическом отношении мыслитель обрисовывает третью ступень познания, которая с необходимостью детерминирует спокойствие человеческого духа. Довольно интересная идея по контексту разбития научного знания. Спиноза, как и другие представители рационализма, полагал, что разум способен обеспечить свободу и спокойствие человеческого духа. Спиноза настойчиво рекомендует прибегать к рациональному познанию, ибо в спокойствии духа мы защищены от воздействия дурных аффектов, страстей, которые способны повергнуть ум в полную прострацию.

Одним из таких аффектов, который способен обусловливать бессилие духа, есть страх. На этой почве Спиноза рассудительно отмечает, что страх есть основной враг человеческой свободы. Практическое значение рационализма в контексте данной проблемы обрисовано тем, что эмансипация от страха смерти есть торжество победы сознания. Чем яснее наше познание, тем меньше нас атакуют мысли о смерти. «Свободный человек <…> менее всего думает о смерти; его мудрость состоит в исследовании не смерти, а жизни»[5]. Спиноза рассуждает, что если бы мы рождались от природы свободными, мы бы не стремились к свободе и не искали бы моральных понятий о добре и зле. Здесь стоит отметить, что свобода есть следствие познания, а ясное познание с необходимостью обусловливает свободу человеческого духа. Заслуга Спинозы здесь состоит в том, что именно стремление человека к свободе образует моральные представления о добре и зле. Разумный субъект действует твёрдо и основательно, не испытывая влияния страстей, которые способны лишь уменьшать силу и способность человека к действию. Здесь можно отметить, что моральные максимы человека обусловлены гарантом достоверного познания вещей. Свободный человек,

как утверждает Спиноза, будет всегда действовать вопреки опасностям и не будет стремиться вызывать у других ненависть по отношению к себе. Ненависть – источник неблагодарности.

Рациональное познание способствует тому, что люди стремятся к пользе друг для друга, эта польза – вариант прогрессивного развития человека, обусловленного его совершенством. С этой точки зрения Спиноза и делал заключения о том, что по-настоящему свободными могут быть только разумные люди. Разум требует согласия, поскольку для разумного существа одно и то же действие согласно с разумом. Для разума очень противоречивы дурные эмоции, которые способны создать иллюзии правильного образа жизни. Мы живём свободно только тогда, когда пытаемся строить жизненный путь рациональными средствами и рациональными способами. Такие моральные сентенции Спиноза экстраполировал и на политическую структуру гражданского общества. Здесь стоит отметить, что философ строил систему мыслительных определений относительного блага и пользы общества друг для друга. «Порядок есть добродетель государства, свобода духа есть личная добродетель. Для развития разума так же в других людях эта личная добродетель находит в государстве более благоприятное поле деятельности, чем в пустыне»[6]. Итак, становится понятным, что блаженство человека совпадает с ясным познанием и создаёт условия для высшей деятельности, силы и добродетели, так как блаженство есть сама добродетель, а не награда за неё.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Рерих Н. К.* Твердыня пламенная. Рига: ВИЕДА, 1991. С. 229–234.
2 Там же.
3 *Фишер К.* История новой философии: Бенедикт Спиноза / пер. с нем. М: АСТ; Транзиткнига, 2005. С. 507.
4 *Спиноза Б.* Этика / пер. с лат. Н. А. Иванцова. М.: Академический проект, 2008. С. 325.
5 Там же. С. 286.
6 Там же. С. 288.

Е. М. ЕГОРОВА

*(ФГБНУ НИИ общей патологии и патофизиологии,
лаборатория нанопатологии и биомедицинских нанотехнологий, Москва)*

О ЗНАЧЕНИИ НАУЧНОГО ОБОСНОВАНИЯ РЕРИХОВСКОГО ПОНИМАНИЯ ОБЩИНЫ КАК ЕДИНЕНИЯ В ДУХЕ И СОЗНАНИИ

Благодарю Музей-институт семьи Рерихов за возможность представить своё сообщение на этой конференции, потому что это позволяет мне высказать свои соображения о том, насколько актуальны сейчас те идеи, с которыми Рерихи приехали в Москву 90 лет назад и которые стремились передать Советскому правительству. Я имею в виду идею общины, которая была обоснована и обстоятельно разъяснена в известной книге учения Живой Этики «Община», подготовленной к изданию в Советском Союзе.

Вначале хочу кратко остановиться на сущности общины, как она выражена в этой книге и как её понимали Рерихи. Считаю важным по мере возможности применить это понимание общины для преодоления разъединения, которое сейчас существует как в рериховском движении, так и в современном российском обществе.

Преодоление разъединения в рериховском движении позволит, во-первых, создать условия для будущего объединения последователей учения из разных регионов России вокруг единого центра, способного координировать их работу. Во-вторых, это позволит уже сейчас объединить усилия последователей учения (главным образом учёных) по продвижению его идей в науке и внедрению их в общественное сознание. А внедрение идей учения в общественное сознание означает, что они должны обсуждаться и работать на уровне общественных дискуссий – в печати, на радио и телевидении – наравне с другими идеями, претендующими на роль объединительных для России, на роль идеологической основы российского общества. И это важно, поскольку сейчас всё более отчётливо осознаётся тот факт, что нам жизненно необходима своя идеология – и для достижения единства государства, и для определения стратегии его развития.

Какова же сущность общины, как она представлена в учении и в понимании Рерихов? Я не имею возможности уделить внимание всем аспектам этого понятия, и потому кратко остановлюсь лишь на двух из них, которые наиболее актуальны сегодня. Прежде всего утверждается, что община не означает физическое объединение людей в коллективы различного масштаба и назначения. Приведу две цитаты по этому поводу из письма Е. И. Рерих А. И. Клизовскому от 10 сентября 1938 г., в которых она высказывает своё мнение об одной из глав его книги «Основы миропонимания Новой Эпохи».

1. «Учение Живой Этики, или Новой Жизни, нигде не настаивает на тесном общежитии, даже наоборот, именно предупреждает против телесного толкания. Неустанно повторяется, что сотрудничество должно проявляться в каждодневном обиходе, во всех условиях, в которых нас поставила жизнь. Но телесное толкание и все мелочи

жизни создают тяжкую атмосферу, в которой вместо единения упрочивается именно разъединение. Нужно сознательное, дружественное сотрудничество всегда, всюду и во всем. Но все искусственные объединения никогда ни к чему хорошему не приводили и не приведут».

2. «Можно успешно сотрудничать, находясь в разных городах и даже странах. Расстояние с каждым новым научным открытием и изобретением становится всё более и более несущественным. И всё сильнее и ярче утверждается единственное истинное единение, *единение в духе и сознании* [выделено Е. И. Рерих]. Братство может осуществляться лишь при единении сознаний»[1].

При этом в книге «Община» многократно подчёркивается, что сотрудничество между людьми должно быть только добровольным, никакое насилие здесь недопустимо.

Другой важный аспект общины, подчёркнутый в учении, – она есть не только единение людей на Земле, но и единение их с братьями по разуму, обитающими в Космическом пространстве, причём единение именно в *духе и сознании.*

Из книги «Община»[2]: «Истинно, только щит общины может осмыслить пребывание на земле. Как неслыханно красиво мыслить о кооперации с дальними мирами… Вы понимаете, что без общины Земля жить не может. Вы понимаете, что без расширения небесных путей существование становится ничтожным. Новый Мир нуждается в новых границах. У ищущих должна быть дорога».

Ещё из того же письма Е. И.: «Итак, следует понимать общину не в узком смысле, но в *самом широком* [выделено Е. И. Рерих]. Именно как сотрудничество со всем человечеством, со всеми мирами, со всем сущим»[3].

Понятно, что для воплощения в жизнь такого понимания общины, необходимо понимание сложного состава человека, смысла и сущности эволюции человека, осознание его неразрывной связи – в духе и сознании – с другими разумными существами во Вселенной. Иначе говоря, необходимо расширение сознания.

Революция 1917 г. в России в числе других идей несла людям идею общины, причём не ограниченной только рамками одного государства, но общины мировой. Это был мощный импульс, направленный на разрушение частнособственнической психологии, на утверждение принципов сотрудничества, взаимопомощи, бескорыстного труда ради общей цели – освобождения человечества от эксплуатации капиталом. Мировая община понималась как всемирное братство трудящихся, которые должны были бороться за свои права и свободы и в единении могли одержать победу над мировым капиталом. Конечно, это был важный шаг в перестройке сознания, к выходу в сознании за границы, поставленные устремлением к личному благополучию, пониманием смысла жизни как накопления преимущественно материальных богатств для личного употребления.

Таким образом, Советское государство можно рассматривать и как попытку воплотить идею общины на практике, построить жизнь на общинных началах. Но при этом понимание общины было ограничено рамками земного человечества, которое существовало и развивалось вне связи с другими мирами, с разумной жизнью Космоса. И главное, понимание жизни человека было ограничено рамками только его

земного существования. Такое понимание естественно вытекало из узко-материалистического представления о жизни и живом существе, которое сформировалось в науке в долгой и нелегкой борьбе с преследованиями церкви, с навязыванием религиозных догматов, сковывающих сознание и препятствующих свободному развитию научной мысли. В конце XIX – начале XX в. в среде революционно настроенной интеллигенции преобладало понимание религии как средства угнетения, эксплуатации огромного большинства народа. И вера в загробную жизнь, утверждаемая церковью, отрицалась как научно необоснованная и вредная для просвещения сознания народа, очищения его от предрассудков, порождённых невежеством, и освобождения народа от эксплуатации капиталистами.

Именно таково было отношение к религии большевиков во главе с Лениным. Его позиция по этому вопросу была выражена, в частности, в известной статье «Социализм и религия»: «Экономическое угнетение рабочих неизбежно вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, принижения социального, огрубения и затемнения духовной и нравственной жизни масс. <…> Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду.

А тех, кто живёт чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешёвое оправдание для всего их эксплуататорского существования, и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

Но раб, сознавший своё рабство и поднявшийся на борьбу за своё освобождение, наполовину перестаёт уже быть рабом… Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь»[4].

Таким образом, здесь ставился знак равенства между религией и церковью. Несомненно, что последняя была немало повинна в бедственном положении народа, поскольку являлась частью системы государственной власти, которая отстаивала интересы богатого меньшинства населения. И потому обличение религии как средства экономического угнетения большинства народа было одновременно протестом против несправедливости и вопиющего неравенства в обществе. Но при этом вместе с верой в загробную жизнь, которую проповедовала церковь, отвергалась и вера в духовную основу жизни, в высшее начало в человеке, в неразрывную связь человека с его небесными покровителями. То есть отвергалась глубинная сущность религии как канала связи с Высшими мирами, по которому текут энергии любви и сострадания, пробуждающие лучшее, что есть в каждом из нас.

Человек рассматривался только как физическое существо и, соответственно, смысл жизни и борьбы трудящихся сводился в конечном счете к обеспечению более справедливого (наверное, правильнее сказать, более равномерного) распределения материальных благ для достижения благополучия личности на земле. Как известно, философской основой этого понимания жизни и человека являлось материалистическое мировоззрение, утвердившееся в то время в науке, которое базировалось на ограниченном представлении о материи (в основном как о веществе) и о сознании как «продукте высокоорганизованной материи», т. е. мозга.

Если бы тогда, в 1926 г., во время своего пребывания в Москве Рерихам удалось донести до сознания руководства страны более широкое понимание общины, которое было дано в учении, то, вероятно, можно было бы избежать многих печальных последствий воплощения в жизнь узкого понимания её, основанного на ограниченном представлении о жизни и человеке. И можно предположить, что тогда не произошло бы разрушения Советского Союза и дискредитации в общественном сознании самой идеи государства, построенного на принципах сотрудничества, социальной справедливости, свободного труда ради общего блага, братства народов.

На мой взгляд, последние 25 лет именно дискредитация этой идеи играет ведущую роль в процессе повсеместной активизации центробежных сил, разрушительных и для отдельных стран, и для всего человечества. Что же мы имеем сегодня? К сожалению, приходится признать, что и Россия, и человечество в целом сейчас отошли, отдалились от идеи общины, и не только на уровне правящих кругов, но и на уровне общественных отношений. Наблюдается то, что можно определить как «торжество разъединения». Причём сейчас нужно отдавать себе отчёт в том, что оно несет в себе реальную угрозу не только разрушения целостности различных коллективов (сообществ) людей, в том числе отдельных народов и стран. Оно несёт в себе угрозу катастрофы мирового масштаба, возможно и мировой войны, способной привести к разрушению планеты.

Избежать разрушения нашей страны, избежать мировой войны, спасти себя от этой катастрофы для человечества возможно лишь путём расширения сознания. Это означает существенное изменение укоренившихся в сознании ограниченных представлений о жизни и человеке, которые до сих пор господствуют в науке и на которых основана организация жизни человеческих сообществ. Это означает признание сложного состава человека и активной роли его высших составляющих по отношению к низшим составляющим, т. е. к его физическому телу. Это означает признание эволюции человека путём многократных переходов между миром плотным, земным и высшими мирами. Это означает также осознание главной задачи земной жизни – накопления духовных богатств, раскрытие возможностей применения духовных сил, скрытых в глубинах человеческого существа, применения их для общего блага.

Для столь коренной перестройки сознания первостепенное значение приобретает научное обоснование реальности сложного состава человека, активной роли его высших составляющих (т. е. сложной системы человеческого сознания) в его эволюции с использованием представлений и достижений новой науки, выходящей за рамки официальной научной парадигмы. В этой области накоплено уже множество дан-

ных экспериментальных исследований, свидетельствующих о присутствии в живых организмах невещественных, тонкоматериальных составляющих, об их влиянии на процессы в организме на уровне вещества и о взаимодействиях живых организмов на уровне «тонких материй», о проявлениях свойств человеческого организма, необъяснимых с точки зрения «вещественного» представления о живой материи.

Речь идёт в основном о результатах, полученных за последние сто лет. Я имею в виду прежде всего биофизические исследования роли электромагнитных полей в биосфере (в том числе исследования человека), которые включают три основных направления: 1) измерения собственных излучений живых организмов, 2) взаимодействие между организмами на уровне электромагнитных полей, 3) действие на живые организмы внешних электромагнитных полей (в том числе влияния изменений геомагнитного поля Земли). Важное значение имеют также результаты научного исследования сообщений о перевоплощениях, проводившегося американским ученым Йэном Стивенсоном[5]. Из известной мне литературы, появившейся за последние 20 лет, большое значение имеют данные, свидетельствующие о связи между умственным и эмоциональным состоянием человека и составом его биологических жидкостей (крови, мочи, слюны)[6] или картиной излучений пальцев рук, получаемой методом Кирлиан[7]. Существенный вклад могут внести также недавно обнародованные исследования влияния мысли человека на физиологические процессы в его организме[8]. Это открывает новые пути лечения заболеваний и одновременно доказывает силу мысли и активную роль сознания, что даёт материал для разработки теоретических основ расширенного представления об организме человека, в котором активную роль играет сознание, иначе говоря, высшие состояния материи по отношению к физическому телу.

Дальнейшее развитие этих и многих других представлений и достижений новой науки можно рассматривать как процесс формирования нового научного мировоззрения. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что речь идёт о революции в умах – сначала учёных, а затем и широких кругов общества. Фактически это означает перестройку фундамента всей системы научных представлений о мире, жизни вообще и жизни человека в частности. Эта перестройка фундамента научного знания уже идёт, её нельзя остановить, поскольку невозможно остановить развитие свободной мысли, устремленной к познанию мира и человека. На мой взгляд, она будет не менее, а возможно, и более значительной по своим следствиям, чем революция в умах людей, которая произошла в XVI–XVII вв., в период становления науки Нового времени.

Несомненно, что утверждение в умах людей нового понимания жизни сделает возможным единение именно в духе и сознании, как утверждали Рерихи. Тогда становится возможным и прочное построение жизни на общинных началах. Тогда становится реальным прекрасное будущее России и всего человечества. И тогда возможна кооперация с дальними мирами и благотворный обмен достижениями с обитателями других небесных тел.

И в заключение мне хочется процитировать ещё одну фразу из книги «Община»[9]: «Всему поможет община, но общине поможет расширение сознания».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Рерих Е. И.* Письма: в 9 т. Т. VI. М.: МЦР, 2006. С. 220.
2 [Агни-Йога]. Община. Riga: Agni Jogas Izdevums, 1936. Elizabetes iela, 21, 1926. («AGNI JOGAS» IZDEVUMS).
3 *Рерих Е. И.* Письма. С. 220
4 *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 12.
5 *Stevenson Jan.* 20 Cases Suggestive of Reincarnation. Second Edition. University Press of Virginia, 1974.
6 См., напр.: *Григорьев И. В.* Слюна и психическая сфера человека. М.: Ноосфера – 3000, 2005.
7 *Ануфриева Е. И., Ануфриев В. П., Старченко М. Г.* Изучение психической энергии человека методом газоразрядной визуализации // Тезисы докладов IV Международного конгресса по биоэлектрографии «Энергия Земли и человека» (Санкт-Петербург, 11–17 июля 2000 г.). СПб., 2000. С. 4–5; *Ануфриева Е. И., Ануфриев В. П.* Энергетика наших детей. URL: http://www.icr.su/rus/onckm/nauchnye-otkrytiya/izuchenie-svoystv-cheloveka/Anufrievy_3.php (дата обращения: 09.10.2017).
8 *Джо Диспенза.* Наше сознание влияет на реальность. URL: http://www.aum.news/nauka/694-dzho-dispenza-nashe-soznanie-vliyaet-na-realnost (дата обращения: 09.10.2017).
9 [Агни-Йога]. Община. § 18.

Т. В. АВЕРЬЯНОВА
(Общественный центр «Мир Востока»
при Институте востоковедения РАН, Москва)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗДАНИЯ КНИГИ УЧЕНИЯ ЖИВОЙ ЭТИКИ «ОБЩИНА»

В отличие от других книг Живой Этики третья книга учения «Община» была издана в двух вариантах. Первый увидел свет в 1926 г. в столице Монголии Улан-Баторе (старое название города – Урга). Как писал П. Ф. Беликов, первый рериховед Советского Союза, книгу, по-видимому, предполагалось издать в Москве при её посещении Рерихами в 1926 г., «потому что рукопись была взята Рерихами с собой в экспедицию, в которой и дополнялась новыми записями»[1]. Но издать книгу удалось только в Улан-Баторе уже после отъезда Рерихов из России.

Второй вариант «Общины» вышел в Риге (Латвия) в 1936 г. Это было издание с изменениями и дополненное новыми параграфами. На обложке был указан год первого издания книги – 1926.

В 2004 г. Международный центр Рерихов (МЦР) издал оба варианта «Общины». В комментарии к монгольскому варианту отмечено, что при подготовке этих книг был проведён сравнительный анализ первого монгольского издания, дневниковых записей Е. И. Рерих (с белового автографа) за период с 12 июля 1925 г. по 26 марта 1927 г., хранящихся в Отделе рукописей Центра-музея им. Н. К. Рериха в Москве, а также текста издания «Общины», вышедшего в Риге в 1936 г. Заметим, что монгольский вариант, изданный МЦР, имеет на обложке дату 1927, а не 1926 г. Это связано, видимо, с датами последних использованных Еленой Ивановной дневниковых записей, сделанных уже в 1927 г.

Обратимся к причинам различия книг «Община» монгольского и рижского вариантов. Этот вопрос довольно подробно освещается в некоторых письмах Е. И. Рерих и в книгах П. Ф. Беликова «Рерих: опыт духовной биографии» и «Непрерывное восхождение».

Подчеркнём, что инициатива переиздания книги «Община» исходила от самого Учителя, давшего людям через Е. И. Рерих учение Живой Этики.

Летом 1935 г. Елена Ивановна писала в письме к мужу и старшему сыну, что ей «Указано собрать третью книгу Учения в таком виде, как она может быть доступна, и оставить прежний её заголовок»[2]. Это указание Учителя Елена Ивановна и выполняла, готовя издание 1936 г.

Текст монгольского издания подвергся ею большой редакторской правке с исправлением ошибок и опечаток. Также она внесла добавления и заменила деление текста монгольского издания на части, главы и параграфы на сквозную нумерацию только параграфами. Фактически издание 1936 г. стало значительно более расширенным вариантом монгольского издания. В рижском тексте есть всё из «Общины» 1936 г., кроме нескольких параграфов, но в то же время добавлено 50 новых параграфов из бесед Елены Ивановны с Учителем.

Варианты «Общины» существенно различаются и по содержанию. Это различие заключается, во-первых, в раскрытии роли личности и деятельности В. И. Ленина как для нашей страны, так и для всего мира. Во-вторых, в освещении положения дел в молодой Советской России.

Начнём с того, что говорит о Ленине монгольское издание. Ленин в нём представлен как Учитель, который шёл новыми путями, осознавая их ценность. «Каждое слово его проповеди, каждый поступок его несли на себе печать незабываемой новизны. Это отличие создавало зовущую мощь. Не подражатель, не толкователь, но мощный каменщик новых руд. Нужно принять за основание зов новизны»[3]. Сказано, что мышление Ленина было очень твёрдым, не допускало компромиссов и было направлено на общее благо, что говорит о высоте его духа. Приведём цитату из «Общины». «Монолитность мышления бесстрашия создала Ленину ореол славы слева и справа. Даже в болезни не покинуло его твёрдое мышление. <…> Даже последний вздох он послал народу. Видя несовершенство России, можно многое принять ради Ленина, ибо не было другого, кто ради общего блага мог бы принять большую тяготу. <…> И нет области, которую он бы отверг подобно разным правителям <…> Ленин – это действие, но не теория»[4].

Появление Ленина на Земле, как сказано в «Общине», было «знаком чуткости Космоса». Отметим, что в дневниковых записях Е. И. Рерих, на основе которых создавался монгольский вариант, написано «знаком чуткости пульса Космоса»[5]. То есть появление Ленина было велением времени и потребовалось в силу текущих эволюционных процессов, которые инициировали события, происшедшие в начале XX в. в России и мире.

Монгольский текст «Общины» сообщает нам, что Учителя называли Ленина и Маркса «предрекающими течение событий»[6]. Слово «предрекающий» означает «пророк». Оба были выдающимися мыслителями, обладавшими глубокими философскими познаниями и ясностью мысли. Известен исторический факт, что посланцы Великих Учителей посещали Маркса в Лондоне и Ленина – в Швейцарии. Они рассказали им о приближении Новой эпохи, «Века Истины и Мировой Общины»[7]. Оба мыслителя поняли величие этого будущего века и порадовались этому явлению.

Как видим, в монгольском издании дана очень высокая оценка Ленина как исторической личности, вождя народов России, появление которого не было случайным, а являлось велением Высших сил, руководящих эволюцией нашей планеты. Тем не менее в книге «Община» рижского издания имя Ленина не упоминается ни разу. Почему? Это связано с обстановкой в мире, когда готовилось рижское издание. Эта обстановка не позволяла полностью повторить монгольское издание. Изъятия были необходимы.

Монгольское издание «Общины» было предназначено для Советской России и почти не получило распространения в западных странах. В нём говорилось о русской революции и её всемирном значении, неминуемом крахе капитализма как общественной формации, великой роли Ленина в истории России и мира, строительстве коммунистического общества, о вреде частной собственности и т. д.

Есть в этом издании много высказываний, одобряющих начинания, проводимые в Советской России. Приветствовалось расшатывание основ старого мира с его собственническими идеалами и провозглашались идеалы Нового мира. Подобные идеи встречали на Западе враждебное отношение. Там не одобряли того, что происходило в нашей стране.

Как писал П. Ф. Беликов, книга, изданная в Монголии, не была бы понята и в Латвии, где Рижское рериховское общество издавало книги учения Живой Этики. Учение могло быть обвинено в прямой поддержке большевизма, что погубило бы начатое в Прибалтике издание книг. Ведь даже в настоящее время далеко не все люди осознают, что русская революция была великим эволюционным явлением и «находилась под защитой Великих Учителей»[8].

В то время одно упоминание имён Маркса и Ленина и порицание капитализма в Латвии вызвало бы бурные протесты. Так же и в Америке, где успешно работали созданные Рерихами важные культурные учреждения, выход такой книги привел бы их к краху, как писал об этом Н. К. Рерих.

Елена Ивановна учла все эти обстоятельства и умело убрала в рижском издании всё, что не могло быть принято в то время: имена Маркса и Ленина, слова «коммунизм, социализм, диалектический материализм» и т. п. Например, слова «Ленин и Маркс предрекали…» были заменены на «социальные пророки предрекали» и т. п.

Но эти замены и изъятия не изменили сути содержания книги. При этом некоторые принципиальные понятия удалось оставить, поскольку они не звучали для цензуры вызывающе. Например, фразы: «Эволюция мира складывается из революций и взрывов материи»[9] или «коллективизм и диалектизм – два пособия при мышлении о материализме»[10]. Во втором издании сохранено значимое обращение «Привет трудящимся и искателям» и большее внимание уделено социально-общественным проблемам и вопросам воспитания детей с самого раннего возраста.

Учитывая существующие на Западе настроения, Елена Ивановна завуалировала прямые указания на события, происходящие в Советской России, и в связи с ними исключила всё, что касалось Ленина. Только в таком виде книга могла быть принята на Западе. Таким образом, второе издание было вынужденным вариантом.

Подчеркнём, что отличие издания 1936 г. от монгольского ни в коем случае не говорит о том, что в первом издании «Общины» Учителя ошиблись или чего-то не учли и, соответственно, вынуждены были поправить себя во втором издании. Первое издание было программой-максимум, которая остаётся насущной и сейчас. Но, как писал Беликов, предполагая возможности максимальных достижений, наши Учителя никогда не забывали отстающих, но способных к дальнейшей эволюции людей.

Нужно также учитывать, что книги Живой Этики давались с учётом перспективы будущего развития сознания людей. В одном из писем к своему духовному ученику А. И. Клизовскому Е. И. Рерих писала о книге «Община»: «Много в ней устремления к созидательному совместному труду, много практических советов для обновления сознания»[11]. Очевидно, что, глубоко изучая Живую Этику, важно читать оба варианта «Общины».

«Община» занимает особое место среди книг Живой Этики, открывая человечеству путь к братству людей. Она была самой любимой книгой Е. И. Рерих. Беликов писал об «Общине»: «Это редчайшая книга, предельно ясно раскрывающая общественно-политические взгляды Е. И. и Н. К.»[12].

Книга «Община» показала людям будущее эволюции как нашей страны, так и всей планеты. И это будущее, вопреки очевидности, уже начинает постепенно воплощаться в жизнь наступившей Новой эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Беликов П. Ф.* Рерих: опыт духовной биографии. М.: МЦР, 2011. С. 278.
2 *Рерих Е. И.* Письма: в 9 т. Т. 3. М.: МЦР, 2011. С. 278.
3 [Агни-Йога]. Община (Урга). М.: МЦР, 2004. С. 11.
4 Там же. С. 35.
5 Там же. С. 239.
6 Там же. С. 120.
7 Там же. С. 138.
8 *Беликов П. Ф.* Рерих: опыт духовной биографии. С. 299.
9 [Агни-Йога]. Община. Рига, 1926. § 66.
10 Там же. С. 123.
11 *Рерих Е. И.* Письма. Т. 2. С. 198.
12 *Беликов П. Ф.* Непрерывное восхождение. Т. 2, ч. 1. М.: МЦР, 2003. С. 282.

Е. И. ГАЛИЦКАЯ
(Кузбасское Рериховское общество, Новокузнецк, Кемеровская обл.)

УЧЕНИЕ ЖИВОЙ ЭТИКИ В ПОВЕСТИ-СКАЗКЕ Н. Д. СПИРИНОЙ «В СТРАНЕ, ГДЕ ВСЁ ВОЗМОЖНО»

В настоящее время проблема детского чтения крайне актуальна. Многие педагоги, родители, общественные деятели, занимающиеся воспитанием подрастающего поколения, задают вопросы: «Что делать? Как уберечь детей от негативной информации, льющейся на них с экранов телевизоров, из разного вида гаджетов? Как простым, доступным детскому сознанию языком рассказать об учении Живой Этики? Как привить детям любовь к книге, к чтению?» Мы попытаемся ответить на эти вопросы, основываясь на учении Живой Этики, письмах Е. И. Рерих, на творчестве Н. Д. Спириной и практическом опыте работы с детьми сотрудников Кузбасского Рериховского общества.

Наталия Дмитриевна Спирина – известный исследователь наследия семьи Рерихов, ученица Б. Н. Абрамова, основатель Сибирского, Уральского и Кузбасского Рериховских обществ и вдохновитель создания многих Рериховских обществ как в России, так и за рубежом. Под её руководством построено два музея Н. К. Рериха в Новосибирске и на Алтае. Наталия Дмитриевна – человек высокой духовной культуры, поэт, прозаик. Педагог-музыкант по профессии и учитель по призванию, Н. Д. Спирина большое внимание уделяла вопросам воспитания будущих поколений. Её книги для детей являются основой образовательной программы эстетико-этического направления «Восприятие прекрасного», которую более десяти лет разрабатывают и опробируют в учебных заведениях Кемеровской области педагоги-сотрудники Кузбасского Рериховского общества.

В одном из своих писем Е. И. Рерих пишет: «Правильно, что в вашей программе уделено большое место детской и юношеской литературе, сейчас это самый насущный вопрос, ибо не только детское, но и всё последующее умозрение будет носить отпечаток этих первых и потому неизгладимых впечатлений. И как часто хорошая книга выправляла многие недочёты семейного быта! <…> Мало кто не сознает сейчас, что всё благосостояние страны, как духовное, так и материальное, зависит от основ, заложенных в сознание детей, но тем не менее почти ничего не делается в этом направлении. Согласна также, что книги, повествующие о подвигах и героях, особенно насущны. В связи с этими книгами легко можно углубить сознание ребёнка и уберечь его от главного проклятия нашего времени, разъедающего всё строительство, всё продвижение человечества, именно против легкомысленного отношения к самым священным принципам, против поверхностного мышления, в силу которого всё строение жизни строится на песке и при первом потрясении рассыпается в бесформенные кучи песочного хаоса»[1].

Складывается впечатление, что эти мысли Елены Ивановны высказаны именно для нашего времени, настолько они актуальны сегодня.

Кладезем мудрости, нравственным учебником жизни, настольной книгой для детей и взрослых называют повесть-сказку Наталии Дмитриевны Спириной «В Стра-

не, где всё возможно» педагоги и учащиеся, прочитавшие её. Она раскрывает перед читателем новый, чистый и красивый мир, в котором каждому хотелось бы жить. «Страной Добра» назвали дети эту Книгу с большой буквы. Каждая глава этого произведения содержит огненные мысли учения Живой Этики и в доступной для детей и молодёжи форме доносит их до читателя.

Повесть-сказка знакомит детей с главными основополагающими законами жизни, формирует правильное их понимание, развивает воображение, пробуждает в детских сердцах радость от общения с прекрасным.

В учении Живой Этики сказано: «Чистая мысль, напитанная красотою, указывает путь к истине»[2].

> «Каждое восхищение перед прекрасным собирает зёрна света. Каждое любование природою создает луч победы. <…> Научитесь вмещать эту радость света»[3].

Как открыть для детей «радость света»? Как дать им первое представление о беспредельности, как обратить их взор к Красоте Мироздания? Как пробудить в детском сознании устремление к Дальним Мирам?

В «Гранях Агни-Йоги» говорится: «Устремление означает движение вперёд, то есть расширение сознания. Это постоянное расширение и обуславливает постоянный приток новых мыслей, несущих новое. <…> Дальние, Высшие Миры существуют. <…> Устремившись, можно войти в связь с Дальней Звездой, но духом, но в духе, но устремившись. Устремление к Дальним Мирам приводит к Космическому Знанию и погружает дух в океан Беспредельности»[4].

> «В пространстве, не имеющем предела, где миллионы звёзд, может представить себя человек, оторванный от малой планеты, на которой временно обитает он на своём бесконечном пути в Беспредельность»[5].

Каждый педагог, читавший школьникам главу «Полёт на Звезду» из повести-сказки «В Стране, где всё возможно», замечал, как весь класс в едином порыве устремлялся вместе с главным героем Петей к Далёкой Звезде, как загорались глаза детей, впервые ощутивших восторженный полёт духа.

Глава повести-сказки «Причина и следствие» в доступной юному сознанию форме знакомит детей с законами кармы и перевоплощения. Переживая за героев повести-сказки, обдумывая их действия, дети постепенно осознают, что каждый их поступок рождает следствие. Обсуждая действия героев книги, ребята приходят к выводу о том, что для того, чтобы жизнь была более счастливой, необходимо совершать хорошие поступки, быть честным человеком, тогда и следствия поступков будут хорошими. Итогом подобных размышлений становится открытие: оказывается, человек – хозяин своей судьбы! «Что посеешь, то и пожнешь». Радостно наблюдать, как ученики начальной школы делают в результате рассуждений столь важные для их будущей жизни открытия. Не взрослые им это объяснили, а они сами пришли к таким мудрым мыслям. В этом великая сила хорошей книги.

В учении Живой Этики говорится: «Много усилий нужно, чтобы человек вспомнил о прекрасном законе причин и следствий»[6].

«Как величественен Закон Причинности! В нем заключён ответ на каждый вопрос… Кто приобщается к закону Причинности духом, тот уже приобщён к Истине. Если бы школы и храмы возгласили Закон Причинности, то и сознание было бы на высшей ступени, ибо не может продвигаться то, что разобщено с основами Бытия… Нужно принять Закон Причинности во всей мощи»[7].

Следующая глава книги помогает понять детям, что не только поступки, но и каждая мысль имеет значение в жизни. Устами мудрой героини повести-сказки Ариэлы сказано: «Мысль – это великая сила, и она может создавать или разрушать, сделать жизнь прекрасной или несчастной, и всё это зависит от самого человека. На земле только человек владеет этой мощью»[8]. Обсуждая с педагогом главу повести-сказки «В мире мысли», ребята приходят к выводу: «Это так важно – понять, что многое на земле зависит от наших мыслей!»

Очень ответственная задача педагога, приобщающего детей к основам Живой Этики, – рассказать им о Великих Учителях. Не просто приблизить к детскому пониманию, в рамках обычного занятия, священные Огненные образы.

Читая повесть-сказку, дети впервые соприкасаются с Великим Учителем в образе Отшельника, который «видит, слышит и чувствует всё происходящее на земле своим открытым сердцем и безошибочно знает, куда нужно послать луч помощи. Он работает непрестанно, и сердце его не знает ни отдыха, ни покоя»[9]. Проникновенные строки повести-сказки создают торжественную атмосферу, и в воображении детей впервые рождается в образе Отшельника светлый, возвышенный облик Великого Учителя.

Повесть-сказка Н. Д. Спириной «В Стране, где всё возможно» уникальна ещё и тем, что интересна детям любого возраста: известен опыт работы с книгой в детском саду, в школе с 1-го по 11-й классы, а также со студентами педагогического вуза. Конечно, каждая возрастная группа понимает содержание на своём уровне, поэтому педагоги используют в работе с книгой разные формы и методы.

В начальных классах целесообразно читать детям книгу по главам. За одно занятие прочитывать одну главу. Затем обязательно задать ребятам вопросы по прочитанному. Важно перед чтением настроить класс на восприятие повести-сказки. Предложить детям представить в своём воображении всё, о чём пойдёт речь в книге. Само чтение лучше не сопровождать видеоиллюстрациями, для того чтобы развивалось воображение школьников. Только после прочтения главы можно показать иллюстрации к этой главе из книги.

Учащиеся средних классов могут прочитать книгу самостоятельно. Для более полного и ясного понимания прочитанного педагоги-сотрудники Кузбасского Рериховского общества разработали викторину (см. приложение). Отвечая на её вопросы, школьники осмысляют прочитанное, делают важные для себя выводы.

На вопрос викторины: «Чему научила вас повесть-сказка Н. Д. Спириной “В Стране, где всё возможно”?» – семиклассник Максим К. ответил: «Эта книга научила видеть прекрасное вокруг себя».

«Повесть-сказка помогла мне понять, что хорошие мысли способствуют здоровью, поднятию настроения, а также побеждают зло», – пишет Андрей С.

«Эта книга научила меня реальной жизни, научила быть устремлённой, верить в свои силы. Я поняла, что только добром можно побеждать», – пишет Катя М.

«Повесть-сказка “В Стране, где всё возможно” научила меня быть добрее и светлее, и, если я буду такой, мне тоже откроется такая прекрасная и неведомая Страна, где всё возможно», – делает вывод Люба О.

Лучшие ответы учащихся могут стать основой сценария праздника «День книги», посвящённого подведению итогов викторины. Важно собрать всех учащихся, прочитавших повесть-сказку, и со сцены зачитать лучшие ответы детей. Праздник может быть театрализованным, с интересным сюжетом. Имея опыт проведения таких мероприятий, мы видим их значимость. Когда со сцены торжественно звучат мудрые, возвышенные мысли детей, это важно и для самих авторов, и для их одноклассников. Именно такие события помогают детям осознать большое значение хороших книг и пробуждают в них интерес к чтению. Сотрудники Кузбасского Рериховского общества имеют опыт организации и проведения таких мероприятий разного уровня: общегородской викторины, совместно с Комитетом образования г. Новокузнецка; викторины и праздника «День книги» в гимназии № 10, в загородном детском лагере отдыха «Космонавт», в книжном магазине «Планета».

Ещё одной интересной и важной формой работы с повестью-сказкой Н. Д. Спириной является чтение книги в кругу семьи. Педагог может предложить родителям принять участие в таком мероприятии. Конечно, здесь нельзя подходить формально, а работать только с теми родителями, которые сами искренне заинтересовались. В нашей педагогической практике такая форма работы с повестью-сказкой была реализована в лицее № 34 г. Новокузнецка. Вот один из отзывов семейного чтения.

Мама ученицы из 4 «Б» класса лицея № 34 так сказала о книге: «Повесть-сказку “В Стране, где всё возможно” мы читали вместе с дочерью. Эту книгу, я считаю, можно назвать настольной, и не только для детей, но и для взрослых. Размышления автора о добре и зле, о любви и ненависти, о жизни необходимы каждому человеку. Они помогут оценить себя, свои поступки, сущность жизни. Вокруг нас столько страданий и горя, зла, жестокости, а ведь наша жизнь так коротка. Эта книга заставляет нас задуматься, а правильно ли мы живём, думаем, поступаем? Ведь в каждом из нас есть душа. Если впустить в неё только светлые, чистые, благие мысли, всё вокруг изменится. Мир вокруг станет другим, мрачные краски сменятся яркими, и жить захочется, и любить окружающих тебя людей.

Все эти светлые, прекрасные мысли доносит автор повести-сказки до читателей через своих главных героев. Спасибо автору, Наталии Дмитриевне Спириной, за такую хорошую, поучительную книгу».

Переоценить значение этой книги трудно, хорошо, если её прочтёт каждый стремящийся стать достойным гражданином будущего.

Основой интересных занятий могут стать и другие книги Н. Д. Спириной для детей: «Зелёные гости», «Сказы», близко детским сердцам и её поэтическое творчество – сборники стихов «Капли», «Перед Восходом» и др. Все эти книги можно приобрести в Музее Н. К. Рериха в Новосибирске и в интернет-магазине СибРО.

В своём приветственном слове «Педагогика Света», обращённом к участникам школы-семинара «Дети и “Живая Этика”», Наталия Дмитриевна Спирина говорит: «“Посев добра не сохнет и в дни суждённые зёрна процветут”. Мы закладываем зёрна света в души и сознания наших учащихся, каждый по своему разумению. Не нам судить, какое зерно даст какой всход. Но под Лучом Владыки и в ходе эволюции все зёрна процветут. Каждое по-своему, но всё ко благу. Зёрна Света – это те зёрна, которые мы почерпаем из книг Живой Этики, и даже если мы сами несовершенны, то всходы всё равно будут.

Не будем смущаться различием методов и способов посева и выращивания зёрен, всё может происходить неожиданно и не в наших земных человеческих мерах, но если мы горим стремлением сеять свет, то он не погаснет. В максимальный разгул чудовищной педагогики тьмы, когда сознательно и целенаправленно губятся души и тела людей, развращаются дети самыми изысканными способами уродства и лжи, наступает наше время. И каждый, у кого есть в руке хотя бы одно зерно света, уже этим противостоит мраку разложения.

Сейте шире широкого везде, где возможно!

Сроки наступили!»[10].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Рерих Е. И.* Письма: в 2 т. Т. 1. Новосибирск: Вико; Алгим; Аура, 1992. С. 155. (Письмо от 15 января 1932 г.)
2 [Агни-Йога]. Община.§ 27.
3 [Агни-Йога]. Агни-Йога. § 546.
4 Грани Агни-Йоги. 1956. § 408.
5 Там же. 1957. § 454.
6 [Агни-Йога]. Мир Огненный. Ч. II. § 159.
7 Там же. Ч. III. § 47.
8 *Спирина Н. Д.* В Стране, где всё возможно. Новосибирск: Изд-во СибРО, 2004. С. 24.
9 Там же. С. 32.
10 *Спирина Н. Д.* Отблески. Новосибирск, 1995. (Педагогика Света).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Викторина по повести-сказке Н. Д. Спириной «*В Стране, где всё возможно*»

1. Как вы думаете, почему автор назвала произведение не сказкой, а повестью-сказкой?

2. Почему в повести-сказке слово «Страна» написано с большой буквы? Какую Страну описала автор и где она существует?

3. Какое из событий, происходивших в «Стране, где всё возможно», понравилось вам больше всего?

4. Почему волшебные очки нашёл именно Петя? Чем вам понравился главный герой повести-сказки?

5. Опишите, как вы представляете Ариэлу. Какая она?

6. Что помогло Пете осуществить мечту – побывать на Дальней Звезде?

7. В чём заключается закон причин и следствий, который постиг Петя? Какими должны быть мысли и поступки, чтобы их следствия сделали человека более счастливым?

8. Какая из необычных встреч в «Мире мысли» запомнилась вам больше всего? Почему?

9. Вспомните, пожалуйста, что ответила Ариэла на испуг Пети, когда на него понеслась стая чёрных когтей, и почему?

10. Как вы считаете, кто такие Отшельники, одного из которых описала автор в повести-сказке? Как Отшельник помогал людям, оказавшимся в беде?

11. Если бы вам посчастливилось встретиться с Ариэлой, какой вопрос вы бы ей задали?

12. Чему научила вас повесть-сказка «В Стране, где всё возможно»?

Л. Б. КУДЕСОВА
(Боровичское литературное объединение,
Боровичское общество краеведов, г. Боровичи, Новгородская обл.)

«В ДЫМКЕ ВЕКОВ» (СКАЗКИ, СКАЗАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ Н. К. РЕРИХА И НОВГОРОДСКИЙ КРАЙ)

Творческое наследие Николая Константиновича Рериха до сих пор поражает разносторонностью и умением передать аромат древней эпохи. Но немногие знакомы с учёным как с собирателем древних легенд и преданий и сочинителем собственных сказок и легенд. Где бы ни находился, в каком бы краю или стране ни был, он собирает и обрабатывает местные сказания и легенды, ласково называя их «сказками». В них он переносит нас в глубь веков и заставляет стать свидетелями интереснейшей жизни древней, языческой Руси. Для понимания её красоты нужно, писал он, «постичь дух» того времени досконально, подобно исследователю. Вот почему сказки у Рериха таинственны, сложны, многогранны и актуальны по сей день. «Нужно сказывать множеству различных людей мысли и древние и новые, ибо все они говорят о том же, что и не древне, и не ново, но вечно»[1], – писал Николай Константинович в своей аннотации к первому выпуску «Сказок» в 1935 г.

Николай Рерих родился в 1874 г. в Петербурге. Древний скандинавский род Рерихов обосновался в России при Петре I и дал ей немало государственных и военных деятелей[2].

Константин Федорович, отец Николая, был известным в Петербурге нотариусом и общественным деятелем. А Мария Васильевна Калашникова, его мать, происходила из купеческой семьи. «Среди друзей семьи были К. Д. Кавелин, Д. И. Менделеев, Н. И. Костомаров, Д. Л. Мордовцев, К. Ф. Голстунский, Н. А. Римский-Корсаков, М. О. Микешин и многие другие»[3].

Интерес к искусству у Николая проявился уже в девятилетнем возрасте. Будучи ребёнком, он уже интересовался историей, археологией и даже проводил небольшие раскопки в имении родителей. Эти серьёзные пристрастия послужили его дальнейшему развитию и жизненному самоопределению.

Писатель Леонид Андреев охарактеризовал деятельность Николая Рериха на благо служения человечеству веским словом «держава». Новгородская земля входила в «державу Рериха» как одна из самых любимых провинций. «Люблю новугородский край. Люблю всё в нём скрытое. Всё, что покоится тут же, среди нас», – писал он в очерке «Великий Новгород» в 1939 г. Ученый неоднократно бывал на берегах Волхова, Мсты, многих новгородских озёр, месяцами жил и работал тут. Множество картин, рисунков, научных трудов, путевые заметки «Путь из варяг в греки», сказания и сказки «Клады», «Лют-великан», «Жальник», «Неотпитая чаша» и другие – о Новгороде и его землях.

Неразрывные связи жизни и творчества Н. К. Рериха «с любимым новугородским краем» подробно раскрываются на страницах монографии П. Беликова и В. Князевой. Читатель узнаёт о его первой поездке «по великому водному пути» к Новгороду: «Чудно и страшно было сознавать, что по этим же самым местам плавали ладьи ва-

ряжские, Садко, богатого гостя вольные струги, проплывала новугородская рать на роковую Шелонскую битву»[4].

Ценный вклад в изучении архивных материалов и их систематизацию внёс Владимир Леонидович Мельников – известный исследователь рериховского наследия, хранитель Мемориального собрания С. С. Митусова (С. С. Митусов – двоюродный брат Е. И. Рерих, профессиональный музыкант, либреттист, знаток живописи). Владимир Леонидович не только систематизировал, но и исследовал материалы, связанные и с нашей Новгородской землей. Среди них «Новгородские стены» – отдельный оттиск доклада Николая Константиновича для IV Съезда русских зодчих, «Некоторые древности Шеломской пятины и Бежецкого конца» (1899), «Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой» (1902), «Янтари каменного века» (1907), «Фигурки из кремня» (1907), пять оттисков путевых заметок «По пути из варяг в греки» с зарисовками автора.

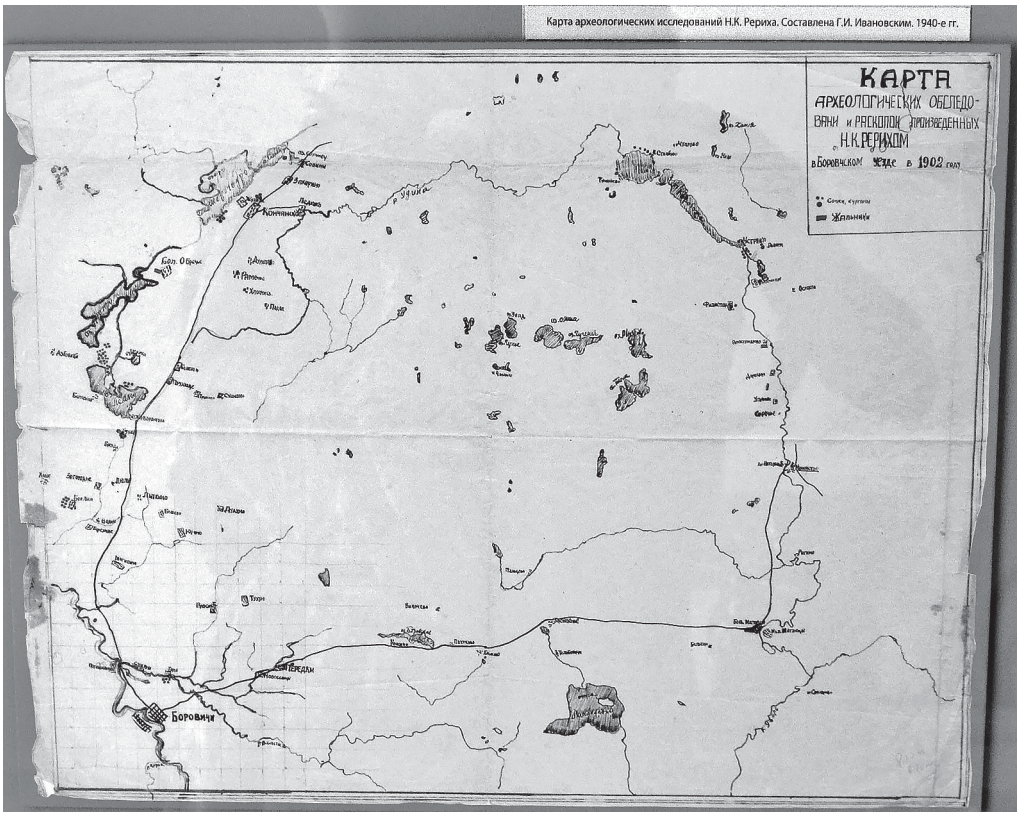
В Санкт-Петербурге в библиотеке Института истории материальной культуры (ИИМК), филиале библиотеки Академии наук, хранятся ценные издания научных работ Рериха, в них много сказано и о Новгородской земле. Эти сведения упоминаются на страницах первого и второго выпусков журнала «Левша» (1998) в статье «О наследии Н. К. Рериха в Институте истории материальной культуры РАН». Двадцать лет Рерих сотрудничал с Императорским Русским археологическим обществом, за эти годы он провёл три экспедиции в разные районы.

Боровичские писатели-краеведы Виталий Гарновский и Лев Фрумкин тоже знали места, где работал Николай Константинович. В музее истории города Боровичи и Боровичского края сохранилась карта археологических обследований и раскопок, произведённых Н. К. Рерихом в Боровичском уезде в 1902 г. На ней обозначены исследованные археологом сопки, курганы и жальники. Упомянутую карту составил краевед Георгий Ивановский: она выполнена на кальке и сейчас находится в новой экспозиции музея (ил. 1).

В Боровичи Николай Константинович приезжал со станции Окуловка, где бывал неоднократно, или из Валдайского уезда. Можно догадаться, что на правобережную сторону Боровичей Рерих переправлялся на пароме, так как знаменитого в городе арочного моста Белелюбского, являющегося сейчас главной достопримечательностью, в те годы ещё не было, останавливался у своих знакомых в имении княгини Анны Дмитриевны Тенешевой (усадьба Гверстянка) (ил. 2).

И в юности, и в зрелом возрасте Николай Рерих сочинял сказки. «Самые серьёзные учёные уже давно пришли к заключению, что сказка есть сказание. А сказание есть исторический факт, который нужно разглядеть в дымке веков»[5], – писал он.

Известный собиратель и исследователь фольклора А. Н. Афанасьев не проводил резкой границы между эпосом сказочным и историческим – между сказками и былинами. Он утверждал: «Сказка не пустая складка, в ней, как и вообще во всех созданиях целого народа, не могло быть и в самом деле нет ни нарочито сочинённой лжи, ни намеренного уклонения от действительного мира… Чудесное сказки есть чудесное могущественных сил природы»[6]. Эти слова замечательно гармонируют со словами Н. К. Рериха: «В сказке, как в кладе захороненном, сокрыты вера и стремления народа»[7].



Ил. 1. Карта археологических раскопок Н. К. Рериха в Боровичском крае. 1902

Ил. 2. Усадьба Гверстянка в Боровичах

Этнографические и археологические материалы, собранные Н. К. Рерихом во время путешествий и археологических экспедиций, не только дополняли картину древнего славянского быта и материальной культуры, но и углубляли знания о духовной жизни славян. «Русь каменную, языческую» хотел найти студент Петербургской академии художеств Н. К. Рерих, когда с конца 1890-х годов стал работать в экспедициях Санкт-Петербургского археологического общества и изучать древнюю Новгородскую землю. В 1899–1903 гг., будучи уже преподавателем ИАН, Николай Константинович руководил работой по составлению археологической карты Санкт-Петербургской губернии. Во все уезды, волости, управы, земства и училища губернии был отправлен запрос на основании распоряжения директора ИАН Н. В. Покровского с просьбой сообщить о памятниках древности и преданиях. Это ещё раз подтверждает, насколько глубоко Рериха интересовали предания исторического прошлого.

На озере Люто в Боровичском уезде Николай Константинович раскопал «длинную могилу» и услышал от мужиков о том, что здесь жили люди-великаны[8].

Сказка «Лют-великан» написана в стиле фольклорных поэтических сказов и представляет один из шедевров поэтического творчества Рериха, одухотворяющего силы природы, прошлые накопления добра и богатырства. Рерих в ней рассказывает об очень сильном, большом великане: «Борода у Люта – на семь концов, шапка на Люте – во сто песцов природы»[9], через озеро братьям топор перекидывал. На охоте был великан, ступил в топь, тонуть стал, собака за ним скакнула, потонула. Нырь братьям о беде кричал, но те не поняли, не пришли на помощь.

А Лют утонул. Сложили могилу длинную,
А для собаки круглую…
Знает народ Люто озеро,
Знает могилы длинные,
Длинные могилы великановы…[10]

Новгородские могильники, сопки и курганы – погребальные насыпи, появились на Новгородчине благодаря традициям древней Скандинавии, оставшись на века живыми памятниками истории. Не с этими ли традициями связана сказка о Гримре-викинге, опытном старом воине, познавшем и радость побед, и боль поражений, и славу, и богатство, повидавшем очень многое на своём веку, но не познавшем счастья настоящей дружбы? Читая это сказание, с трудом улавливаешь суть изложенного. Необходимо подойти к нему с точки зрения Рериха-философа, размышляя не только над всем произведением, но и над отдельными его частями, сюжетом, фразами героев, их жизненными ценностями. Сказка представляет собою такой нестандартный воспитательный вариант притчи, в котором отсутствует категоричность, столь свойственная притче, но она полна философского смысла и умело заставляет задумываться, размышлять над нравственными понятиями и делать правильные выводы.

«Жальник» (1916) – так называется сказка-зарисовка о встрече со старой женщиной у жальника – могильного места, где «поминают былое, где покой и звучат слова вечные». «Лежат тут “тихие”, лежат “покойные”, никому неведомые “деды”. Жальни-

ки[11] – к Новгороду. Дивинцы – к Твери. Эти места называются. Но того милее – Жальник. В нём много жаленья, покоя, слов вечных»[12].

Сказка утверждает нравственный закон, воздающий славу и почитание «спокойным», «дедам», отдавшим свою жизнь за родную землю, героям родной земли. Народным, фольклорным языком написаны три части, три охранных заклятия от неприятеля – от вора-супостата, от оружия смертного и от грома небесного и земного. Такие заговоры на Руси уходят своими корнями в далекие языческие времена славянских народов, появляются из верований в необъяснимые силы природы. Набредя на древний могильник или след бывшего городища, Николай Рерих рисовал в своём воображении картину давно отошедшей жизни славянских племен, а потом воплощал её в живописных полотнах или сказках.

Сказки Рериха подчас очень напоминают стихи не только содержанием (и те и другие носят философский характер, заставляют размышлять), но и размерностью, ритмикой, напевностью. Ни красотами ли природы Новгородского края, ни чарующими ли звуками песен его лесных обитателей, ни народными ли преданиями простых жителей навеян сюжет сказки «Страхи»?

Жил старик в глухом лесу, научил он птиц одному-двум словам, а те, как видели что-то их пугающее, кричали эти слова. Смысл сказки в том, что если ты оказываешься в незнакомом месте, то всё, что тебе неизвестно и непонятно, порождает у тебя страхи, ты становишься заложником своих страхов, и преодоление их – одно из важных испытаний в жизни. Как бы протягивая людям руку помощи в преодолении страхов, Рерих раскрывает «тайну» их возникновения: засорение пространства жизни слухами, звучанием пугающих слов, негативными эмоциями. Ключ объяснения ложного воздействия страшных слов в том, что повторяющие их на самом деле ничего не знают и другого сказать не умеют. Страх – это всё, что возникает и мешает на пути к Свету.

В 1904 г. Н. К. Рерих посетил Валдай. «Интересный памятник, который мне пришлось видеть, – Иверский монастырь на Валдае, – сообщал он на заседании Санкт-Петербургского общества архитекторов. – Замечательное, красивое место на Валдайских озерах. И чувствуется, почему Никон возлюбил это место, так близкое природе Севера». Хвойный лес, небольшие острова, тихие заливы, белые стены монастыря, колокольный звон. Не потому ли так проникнута верой и духовностью сказка «Великий ключарь» о душах, ищущих свет? Сказка-видение на сюжет библейского мифа о рае, ключ от ворот которого находится у апостола Петра. В сказке автор имеет в виду не погоню душ за лучом, свет которого можно увидеть, а тот внутренний свет в душе – веру, без которой немыслимо духовное развитие человека и его самосовершенствование. Не каждому дано обрести эту веру.

Во время путешествия по Новгородскому краю Рерих присматривался к рыбакам Ильменя, Валдая, Пироса и, сравнивая их с легендарными героями, делал вывод о славном будущем русского народа. Об этих впечатлениях в своих воспоминаниях Н. К. Рерих пишет: «Мало кто стремится пробыть лето в Новугородских пятинах. Избегают потому, что не знают. И не стыдятся не знать того, что под боком. А Господин Великий Новгород знал свои земли. Боролся за них. И любил их»[13] или «Хороши

окольные места по новгородскому, по устюженскому пути. Мста и Шелонь, Шерегодро, Пирос, Шлино…»[14].

Если рассматривать те территории Новгородского края в начале XX в., где занимался своими исследованиями и творчеством Николай Константинович, то, согласно писцовым книгам, это были земли Деревской и Бежецкой пятины. С XV в. и до начала XX в. Боровичи относились как к Деревской пятине, так и к Бежецкой. Границей служила река Мста. И вот в этих двух пятинах много земель принадлежало богатой новгородской боярыне Марфе Исаковой (Борецкой) – жене новгородского посадника Исаака Борецкого. Вотчина её, волость Кострицы, находившаяся большей своей частью в Дмитриевском-Кострицком погосте, делилась Мстой на две части. Марфа Борецкая была одной из самых влиятельных фигур Новгорода конца XV в. Она сплотила вокруг себя новгородских бояр во время противостояния между Новгородом и Москвой. В 1478 г., после присоединения Новгорода к Московскому государству, Марфу заковали в кандалы и отправили по Мсте в ссылку.

С огромным уважением Николай Константинович отнёсся к старому захоронению якобы Марфы-посадницы (согласно местной легенде), когда в 1906 г. он посетил село Млёво вместе с археологом **Павлом Арсеньевичем Путятиным** (1837–1919)[15]. Во Млёве Рерих ознакомился со старой церковной книгой, хранившей записи иереев о множестве чудес Марфы. Он отметил новгородский характер почитания посадницы, поскольку была она личностью исторической, выдающейся и сильной. Для семьи Рериха образ новгородки Марфы являлся символом духовной силы и веры.

В многовековой литературе русского народа Н. К. Рерих находил сведения о забытых, а подчас и не изученных ещё явлениях природы: о чудодейственных камнях, кладах подземных, живой и мёртвой воде, нечистой силе, страшных заклятиях и неисчислимых сокровищах. В 1912 г. он пишет сказку «Клады», построенную как рассказ кузнеца из придорожной кузницы. Одно из описываемых мест легко узнаётся: «На городище церковь, за нею старое кладбище. Среди могил курганчик. Под ним, говорят, ход под землёю, и ведёт тот ход в пещерку, а в ней – богатства большие. И на этот клад запись в Софийском соборе положена, и владыка новгородский раз в год даёт читать её пришлым людям»[16]. Это, безусловно, описание Рюрикова Городища под Новгородом. Смысл сказки выходит далеко за пределы истории о спрятанных сокровищах и наполняет её напутственным содержанием о могуществе и богатстве Руси: «В подземной Руси много добра схоронено. Русь берегите»[17], – напутственно звучат слова в сказке. Примерно в то же время Рерихом была написана статья «Подземная Русь» (1910–1913). В ней рассказывалось о раскопках в Новгороде и изучении древних находок, смысл которых он видел в поиске для будущего ушедших в прошлое сокровищ красоты, необходимых для того, чтобы идти «живым путём изучения старины для ступеней будущего творчества»[18]. Собранный этнографический материал помогал ему восстановить прошлое славян.

В 1915 г. в имении Сме́нцово, недалеко от станции Валдайка (ныне Лыкошино), Николаем Константиновичем был написан поэтический очерк «Чаша неотпитая» о живительном роднике[19] у села Мшенцы. Этот очерк и сегодня невозможно читать без волнения. Шла Первая мировая война. Рерихи предчувствовали, что Россию ждут

ещё более тяжёлые времена и печальные события. Мшенское чудо стало для Николая Константиновича символом чудесного образа России. Глубоким патриотизмом и неиссякаемой верой в будущее своей страны, в созидательные силы российского народа проникнуты слова: «Точно неотпитая чаша стоит Русь. Неотпитая чаша – полный, целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила. Русь верит и ждёт»[20]. Слова эти выбиты на мемориальной плите у села Мшенцы, установленной на огромном валуне. Этот своеобразный памятник в 1980-е годы по велению души установил окуловский краевед Леонард Эдуардович Бриккер (ил. 3).

Ил. 3. Окуловский краевед Л. Э. Бриккер

В 1937 г. Н. К. Рерих сделал новую редакцию этого произведения уже в Гималаях. Накануне Второй мировой войны, в страшные годы репрессий в нашей стране торжественно и напутственно звучали слова: «Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизречённые красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах мы будем оборонять»[21].

Исследователь древнерусской литературы академик Д. С. Лихачёв считал, что «историческая концепция русского эпоса… неслучайна. Народ активно воспринимал события своего времени. Создание её диктовалось исторической необходимостью; она представляла собою живой отклик народа на судьбы своей родины». Воля народа, подвиги, героические действия его, вера в победу добра над злом и в торжество справедливости всегда были присущи народным сказаниям и отражались в них. «О малом, о незначительном и жалком человечество не слагает легенд», – писал Рерих в очерке «Держава света» в 1931 г.

Сказки и по сей день остаются для нас первым этапом познания России. Они являются связующей нитью нашего современного мира с миром наших далёких предков, миром наших соседних народов. Кончается сказка, и начинается наше размышление, переосмысливание прочитанного – первый главный шаг к нашему совершенству.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беликов П. Ф., Князева В. П.* Рерих. М.: Молодая гвардия, 1972.
2. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М.: Наука, 1989. Т. 4.
3. *Мельников В. Л.* О наследии Н. К. Рериха в институте истории материальной культуры РАН // Левша. 1998. № 1(9)–(10).
4. *Мельников В. Л.* Князь П. А. Путятин и его Бологовская усадьба. СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочек: Ирида-прос., 2000.
5. *Подобед Л. В.* Боровичи. Страницы истории. СПб.: ЦНИТ «Астерион», 2013.
6. *Рерих Н. К.* По пути из варяг в греки // Рерих Н. К. Собр. соч. Кн. 1. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1914.
7. *Рерих Н. К.* Сказки. М.: Амрита-Русь, 2003.
8. *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. 2. М.: МЦР, 1995.
9. *Рерих Н. К.* Из литературного наследия. М., 1974.
10. *Сереброва И.* В каждой легенде живет великая правда // Восход. 2006. № 3(143).
11. *Беликов П. Ф.* Н. К. Рерих. Биографический очерк. URL: www.roerich.ru/belikov/biografia.htm (дата обращения: 18.05.2017).
12. *Анненко А. Н.* Рерих и его предки. URL: http://www.rgo-sib.ru/book/kniga/237.htm (дата обращения: 18.05.2017).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Н. К.* Сказки. М.: Амрита-Русь, 2003. С. 14.

[2] *Беликов П. Ф., Князева В. П.* Рерих. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 2.

[2] *Анненко А. Н.* Рерих и его предки. URL: http://www.rgo-sib.ru/book/kniga/237.htm (дата обращения: 18.05.2017).

[4] *Рерих Н. К.* По пути из варяг в греки // Рерих Н. К. Собр. соч. Т. I. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1914.

[5] *Рерих Н. К.* Культура // Держава света. Священный дозор. Рига, 1992. С. 61.

[6] *Сереброва И.* В каждой легенде живет великая правда // «Восход». 2006. №3(143). URL: http://rossasia.sibro.ru/voshod/article/16372.

[7] *Рерих Н. К.* Древние источники // Листы дневника. М., 1995. Т. 2. С. 102.

[8] *Подобед Л. В.* Боровичи. Страницы истории. СПб.: ЦНИТ «Астерион», 2013. С. 11.

[9] *Рерих Н. К.* Лют-великан // Рерих Н. К. Сказки. С. 53.

[10] Там же. С. 55–56.

[11] Об этом типе погребений Н. К. Рерих писал: «Жальники – это места плача, места сострадания… Они также называются Дивинец-диво-город. Дивинец… звучит с восхищением. Но "жальник" – место сострадания – ближе к сердцу». Жальники представляли собой могилы без насыпи, сверху едва обозначенные камнями.

[12] *Рерих Н. К.* Жальник // Рерих Н. К. Сказки. С. 62.

[13] *Рерих Н. К.* Неотпитая чаша // Там же. С. 64.

[14] Там же. С. 65.

[15] *Павел Арсеньевич Путятин* – известный антрополог и археолог, коллекционер древностей и близкий друг семьи Рерихов, предводитель дворянства Вышневолоцкого уезда. Путятины имели земельные владения на востоке Удомельского края. В его имении в Бологое хранилась крупная коллекция предметов, документов и книг по истории Вышневолоцкого края (пострадала при пожаре в 1917 г. вместе с домом). Князь Путятин первым из археологов исследовал окрестности села Млёва (в 1883 г.). Н. К. Рериха и П. А. Путятина объединяла не только совместная деятельность в ИРАО и Императорском Обществе поощрения художеств (ИОПХ), не только родство (князь был мужем родной тёти Е. И. Рерих), но прежде всего приверженность общим идеалам и крепкая дружба с начала их знакомства.

[16] *Рерих Н. К.* Клады // Рерих Н. К. Сказки. С. 57–58.

[17] Там же. С. 58.
[18] Издание 1930 г. Еще одно издание состоялось в 1978 г. Упоминаемый рассказ назван “Hidden Treasures”. Другие тексты в сборнике датированы с 1904 по 1929 г.
[19] Родник как символ ассоциируется с жизненной силой и духовностью. В древности родник наделяли волшебной силой и поклонялись ему как божеству.
[20] *Рерих Н. К.* Неотпитая чаша // Рерих Н. К. Сказки. С. 66.
[21] *Рерих Н. К.* Оборона // «Огонь – на меня!». Новосибирск, 2010. С. 7. – Подробнее об этом очерке см.: *Матехина Т. С., Мельников В. Л.* 100-летие очерка Н. К. Рериха «Неотпитая чаша» // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Т. XV. СПб., 2015. С. 152–187.

А. А. САВКИНА
(Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург)

«ВРЕМЁН МИНУВШИХ НЕБЫЛИЦЫ». ВЫСТАВКА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ-ИНСТИТУТЕ СЕМЬИ РЕРИХОВ

Сказка соединяет поколения и народы, рассказывая о культуре минувших эпох. Выставка Санкт-Петербургского музея-института семьи Рерихов, проходившая с 19 мая по 18 сентября 2016 г., показала сказочную тему в работах русских художников рубежа XIX–XX вв. Экспозиция представила работы знаменитых русских мастеров Серебряного века, художников Абрамцевского кружка (В. А. Серова, С. В. Малютина, М. А. Врубеля) и «Мира искусства» (Н. К. Рериха и И. Я. Билибина). Экспонаты знакомили зрителей не только с живописными произведениями художников, но и с их работами для театра, с книжной иллюстрацией и литературным творчеством. Задачей выставки было также исследование прототипов образов, созданных русскими художниками, в национальной народной культуре.

Обращение к русской сказке – один из путей общего для русской культуры XIX в. возрождения национальных традиций. Сказки и былины исследовались в контексте мифологических представлений и лексики.

Тема сказки, с её фантастичностью и вместе с тем бытовой повествовательностью, привлекала художников не только возможностью погрузиться в мир поэтичных художественных образов, но и обращением к национальной культуре. Неорусский стиль, формировавшийся в художественных мастерских Абрамцево и Талашкино, отозвался на сказочную тему произведениями декоративно-прикладного искусства. Этнографические и археологические экспедиции русских мастеров Абрамцевского художественного кружка, И. Я. Билибина и Н. К. Рериха обогатили художественную культуру рубежа XIX–XX вв. достоверными образами на основе народных костюмов, традиционных жилищ и утвари. Комплекс женского костюма Русского Севера из собрания Российского этнографического музея показывает связь материальной культуры и художественного переосмысления в работах мастеров рубежа XIX–XX вв. Открытые письма, изданные Общиной Святой Евгении, иллюстрируют внимательное изучение народного костюма в работах О. А. Шарлеманя и И. Я. Билибина. А работы, выполненные на сюжеты сказок и былин, представили пример мастерской стилизации на основе анализа этнографических материалов. Экспозицию сопровождали музыкальные инструменты из коллекции В. А. Брунцева – реконструкции традиционных инструментов, выполненные мастерами во второй половине XX – начале XXI в.

Разделы выставки представили художественное переосмысление былин, русской народной и литературной сказки и сказки Востока.

В разделе «Былины» были показаны художественные произведения и издания, иллюстрирующие сюжеты былин и легенд, а также посвящённые поэтическому восприятию истории в целом. Эпична по своему характеру работа Н. К. Рериха «Городок» (1907). Художник обращается к своим любимым мотивам – ладьям, неспешно рас-

Ил. 1. Н. К. Рерих. Городок. 1907. Картон, темпера. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

секающим водную гладь, и средневековому городу на крутом берегу. Изящные ладьи нашли воплощение в картине «Красные паруса. Поход Владимира на Корсунь» (1900), в нескольких вариантах картины «Заморские гости» (1901 и 1902), «Строят ладьи» (1903), «Славяне на Днепре» (1905) и других, а образ города трансформировался от археологических реконструкций в картинах «Гонец. Восста род на род» (1897) и «Город строят» (1902) до стилизованных декоративных форм работы «Городок (Мотив для ковра)» (1906), синтеза стилей и обобщённости композиций последующих лет.

Н. К. Рерих ещё в юности, обдумывая конкурсную работу, завершавшую обучение в Высшем художественном училище Императорской Академии художеств, составляет проект серии, посвящённой истории Древней Руси. «Славянская симфония», как назвал серию Н. К. Рерих в письме к художественному критику, историку искусства и архивисту В. В. Стасову, с которым делился своими планами в 1897 г., лейтмотивом прошла через всё творчество художника. Проект не был воплощён в первоначальном виде, но на протяжении всего творческого пути Н. К. Рерих изображал значительные исторические этапы и героев русской истории. К 1907 г. относится новая редакция «славянской серии». В письме председателю Комитета по устройству военно-исторического музея Н. Н. Сухотину художник предлагает более масштабный проект, увеличивая количество произведений и более широко смотря на исторические сюжеты, объединяя реальных лиц и былинных героев. Более обобщённый, стилизованный характер, на грани между историческим сюжетом и декоративным мотивом, приоб-

Ил. 2. И. Я. Билибин. [Вольга с дружиной]. 1902–1904. Бумага, литография. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

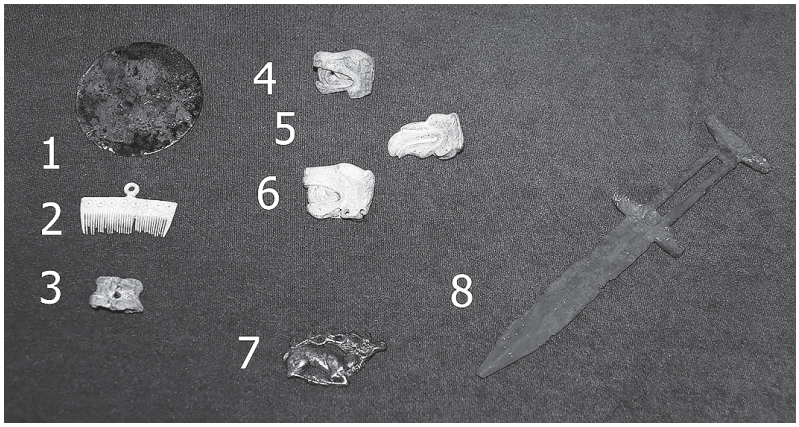
ретает и «Городок» 1907 г., усиливает это впечатление фризовая композиция, разворачивающаяся вдоль поверхности листа.

Непосредственно иллюстрируют былины графические листы Ф. Л. Соллогуба, эскизы костюмов Соловья-разбойника, Тугарина, их родственников и воинов. Графическая серия представляет героев былин – противников русских воинов. В былинном образе Тугарина сливаются отголоски эпической традиции и борьбы с кочевниками. Его змеевидная природа рождена мотивом о змееборстве, распространённым в русской народной поэзии, сказках и былинах.

Соловей-разбойник – в восточнославянской мифологии и былинном эпосе антропоморфный противник героя, поражающий врагов страшным посвистом. Иногда

он изображался с птичьими крыльями. Зооморфные образы былинных злодеев находят продолжение в предметах археологии из фондов Музея-института семьи Рерихов, которые сопровождают художественный рассказ о кочевниках – прототипах враждебных русским богатырям сил. Эти экспонаты выполнены в скифском зверином стиле и рассказывают о почитании животных, отразившемся в мифах, а затем в былинах и сказках.

Иллюстрации И. Я. Билибина представляют образ русского богатыря Вольги Святославича, встречающегося в былинах как Волх Всеславьевич. Основными отличительными чертами этого героя являются способность к оборотничеству и умение понимать язык птиц и зверей. В былинной фигуре Вольги много архаических черт, поэтому он считается одним из древнейших персонажей в русском фольклоре. Рассказ о Вольге, сыне змея и княжны Марфы Всеславьевны, сохраняет древнейшие тотемические представления о животных. Центральным моментом былины о Вольге стал его поход в далёкое восточное царство. Биография героя объединяет русскую и восточную тему выставки.



Ил. 3. «Звериный стиль» в археологических находках на Алтае (из собрания Музея-института семьи Рерихов, Санкт-Петербург): *1* – зеркало (III – I вв. до н. э; бронза, литьё); *2* – гребень (III – I вв. до н. э; кость, пиление, шлифование, резьба (циркульный резец)); *3* – альчик (III – I вв. до н. э.; кость, сверление); *4–5* – распределители ремней в виде голов хищных кошек (V – IV вв. до н. э.; кость, пиление, резьба, сверление, шлифование); *6* – распределитель ремней в виде головы хищной птицы (V – IV вв. до н. э.; кость, пиление, резьба, сверление, шлифование); *7* – бляха в виде оленя (III – I вв. до н. э.; бронза, литьё); *8* – кинжал (V – IV вв. до н. э.; бронза, литьё)

Через былины отразились и дошли до нас мифологические представления о стихиях и божествах, о враждебных племенах и путешествиях на Восток. А в экспозиции выставки встретились персонажи разных сюжетов, которых объединяет их зооморфная природа. Материальное воплощение мифов о зооморфных героях представляют образцы археологических находок на Алтае, оформленные в «зверином стиле».

Ил. 4. Раздел экспозиции «Русские сказки»

Основной раздел выставки – «Русские сказки», но следует выделить русские народные сказки и сказки литературные. Народные сказки – произведение устного творчества, в которых народ высказывал национальное мироощущение, наставлял детей в вековой жизненной мудрости. В экспозиции были представлены иллюстрации И. Я. Билибина к произведениям фольклора, открытые письма, изданные Общиной Святой Евгении, иллюстрирующие сказочные сюжеты, и издания из Библиотеки Российской академии наук. Работы И. Я. Билибина из фондов Научно-исследовательского музея Российской академии художеств показывают художественное переосмысление народной культуры, особенно ярко это проявилось в «Табель-календаре» 1910 г., возвращающем в художественный арсенал язык русского лубка.

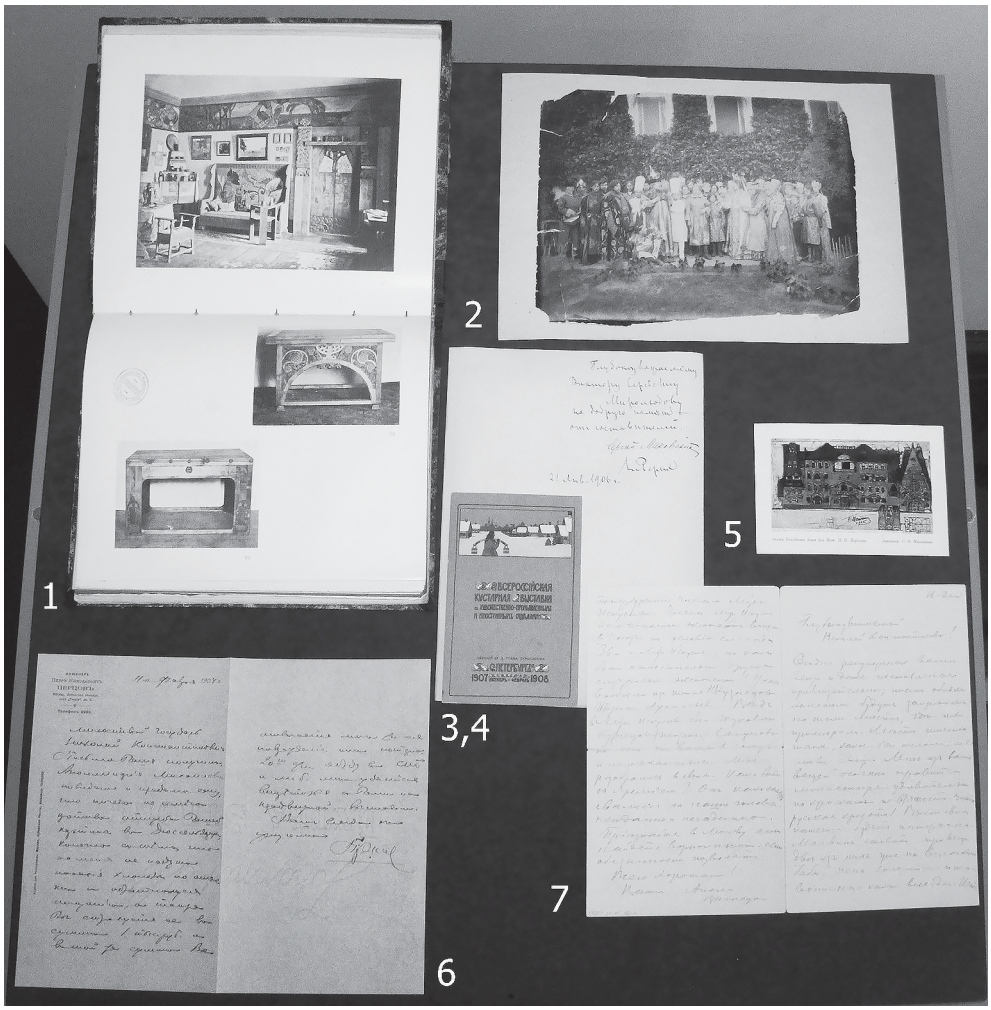
Однако именно сказки, художественно переосмысленные русскими писателями, поэтами и драматургами, занимают центральное место на выставке. Можно выделить несколько тем: «Снегурочка» А. Н. Островского, сказки А. С. Пушкина и «Конёк-Горбунок» П. П. Ершова.

«Снегурочка» («Весенняя сказка») – пьеса-сказка в четырёх действиях с прологом А. Н. Островского (1873). Драматург вдохновился русской народной сказкой из сборника «Поэтические воззрения славян на природу» (1867) А. Н. Афанасьева, использовав её как основу сюжета. «Снегурочка» стала событием московской художественной жизни с момента своего появления. В первый раз пьеса была поставлена в Москве, на сцене Большого театра, 11 мая 1873 г. Музыка к пьесе по просьбе А. Н. Островского была заказана молодому П. И. Чайковскому. И драматург, и композитор работали

Ил. 5. Раздел экспозиции, посвящённый сказке А. Н. Островского «Снегурочка». На стене слева направо: Н. К. Рерих. Снегурочка (эскиз костюма). 1912. Темпера, бумага. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург; Н. К. Рерих. Урочище. Действие 3-е. 1912. Темпера, картон. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург; Н. К. Рерих. Дед Мороз (эскиз костюм). 1912. Темпера, бумага. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург. На переднем плане витрина с изданиями, посвящёнными литературному и музыкальному воплощению сказки А. Н. Островского «Снегурочка»

над пьесой с огромным увлечением, очень быстро, в тесном творческом контакте. Спектакль носил новаторский характер, обращаясь не к реалистическому отражению современности или героизации прошлого, а к поэтическим образам славянской мифологии. Современники приняли пьесу с недоумением, А. Н. Островского знали как реалиста и сатирика, и «Весенняя сказка» воспринималась как нарушающая закономерности его творчества. Пьесу называли «бессодержательной» и «фантастической». В 1881 г. композитор Н. А. Римский-Корсаков написал на текст пьесы оперу «Снегурочка».

«Весенняя сказка» А. Н. Островского с её драмой страстей, обращением к архетипам, к силе стихий в природе (Весна и Мороз) и в человеке стала предвестием нового



Ил. 6. Витрина, посвящённая неорусскому стилю: *1* – Талашкино. Изделия мастерских М. К. Тенишевой. Худ. И. Я. Билибин, Н. К. Рерих, В. Чемберс, акварели А. Линдеман. СПб.: Содружество, 1905. Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург; *2* – участники постановки оперы «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях» в усадьбе княгини М. К. Тенишевой. 1904. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург; *3* – А. В. Дурново. Всероссийская кустарная выставка с художественно-промышленным и иностранным отделами. Открытое письмо издания Комитета Всероссийской кустарной выставки. 1907. Бумага, хромолитография. Частное собрание Н. А. Мозохиной, Санкт-Петербург; *4* – автограф Н. К. Рериха в издании «Талашкино. Изделия мастерских М. К. Тенишевой». Фотокопия; *5* – С. В. Малютин. Эскиз доходного дома для инженера П. Н. Перцова. Открытое письмо неизвестного издания (собственное издание художника?). Бумага, трёхцветная автотипия. Частное собрание Н. А. Мозохиной, Санкт-Петербург; *6* – П. Н. Перцов. Письмо Н. К. Рериху. 11 февраля 1904. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург; *7* – А. М. Васнецов. Письмо Н. К. Рериху. 16 декабря 1903. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

направления в искусстве – символизма. Образы «Снегурочки» воплотились в произведениях не только театрально-декорационного, но и прикладного искусства у В. М. Васнецова, М. А. Врубеля, Н. К. Рериха. Выразительные характеры персонажей пьесы Снегурочки, Леля, Мизгиря, Купавы и других вышли за рамки спектакля и обрели самостоятельную жизнь в изобразительном искусстве. Поэтичный Лель – воплощение одухотворённой русской природы – становится героем картин М. В. Нестерова и Н. К. Рериха.

Работа над постановкой «Снегурочки» в московском доме Мамонтовых (в 1882, 1883, 1886 и 1897 гг.), а затем оперы Н. А. Римского-Корсакова на сцене Русской частной оперы, финансируемой С. И. Мамонтовым (1885), стала логическим следствием работы Абрамцевского кружка, изучавшего русское традиционное искусство. Первым художником «Снегурочки» стал В. М. Васнецов. Используя архитектурные детали древнерусского зодчества, мотивы русских народных вышивок, резьбы и росписи по дереву, мастер создал гармоничный образ сказочных царских палат, превратив их в яркое живописное зрелище. В качестве основы для всех костюмов был использован белый домотканый холст, в сочетании с которым разнообразные цветовые решения орнаментов создавали выразительные характеристики персонажей и яркий декоративный эффект. В спектаклях изменялся состав актеров, лишь исполнителем роли Мороза оставался В. М. Васнецов.

Особый подход к теме «Весенней сказки» был у М. А. Врубеля: он выполнил так называемую керамическую сюиту – серию скульптурных образов. Художник использовал особые средства художественной выразительности, что проявилось в «текучей» пластике форм, в характерном для мастера колорите, построенном на нюансах сдержанных холодных и земляных тонов. В произведениях М. А. Врубеля отражается стремление к одухотворению природы, близкое народному мифотворчеству.

Эскизы костюмов и декораций Н. К. Рериха были созданы для постановки «Снегурочки» А. Н. Островского на сцене Русского драматического театра А. К. Рейнеке в Санкт-Петербурге. Художник, как и в эскизах к «Весне священной» (1913), синтезирует археологические, этнографические исследования и острые выразительные художественные формы.

Сказки А. С. Пушкина дали новую жизнь народному творчеству. Вдохновлённые поэтическими строками художники используют различные изобразительные средства. Изысканность и психологическая достоверность героев «Руслана и Людмилы» В. А. Серова в эскизах к одноимённой опере М. И. Глинки соседствуют с этнографической реалистичностью иллюстраций С. В. Малютина к юбилейному изданию и рафинированной стилизацией в иллюстрациях И. Я. Билибина.

Интерес представляет серия открытых писем с иллюстрациями к «Коньку-Горбунку» П. П. Ершова издательства «Ришар». Сатирический характер, приданный А. Ф. Афанасьевым своим произведениям, согласуется с ясным языком и социальной сатирой этой сказки, в которой автору удалось сохранить живой народный юмор.

Художественное воплощение русской народной сказки поражает богатством и выразительностью пластических средств, и это во многом определило изучение русских традиций в этнографии и фольклоре.

Ил. 7. Раздел экспозиции «Восточные сказки»

Восточные сюжеты для европейской, в том числе русской, культуры были овеяны загадочностью и особой притягательностью, интерес к ним связан с романтизмом – художественным направлением, утвердившимся в литературе и изобразительном искусстве в конце XVIII – первой половине XIX в. Именно романтизм тяготеет, с одной стороны, к национальному своеобразию, а с другой – ко всему необычному, экзотическому. При этом Восток для России имел большее значение благодаря исторически установившимся связям.

Произведение А. С. Пушкина «Сказка о золотом петушке», в котором широко используются восточные мотивы, даёт возможность иллюстраторам И. Я. Билибину, С. В. Малютину и Б. В. Зворыкину обратиться к художественным формам арабской культуры. Сам сюжет связан с эпохой романтизма и заимствован поэтом у американского романтика В. Ирвинга, опубликовавшего в 1832 г. в сборнике «Альгамбра» «Легенду об арабском астрологе».

Условный термин «восточные сказки», к которому можно отнести всё народное творчество Азии, обычно связан с литературой Ближнего Востока. Сюжеты персидских и арабских сказок вошли в образный ряд и русской литературы XIX в., и русского изобразительного искусства XIX – начала XX в. Настоящей сокровищницей подобных мотивов стала «Тысяча и одна ночь» – собрание средневековых историй, по легенде рассказанных Шахерезадой своему супругу царю Шахрияру. Отдельные сказки были созданы в течение нескольких веков людьми, жившими в разных странах. Ядро этого

Ил. 8. Р. В. Тронин. Восточная миниатюра (Автопортрет с женой). 1941. Бумага, акварель, графитный карандаш, аппликация. Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург

собрания историй составляет книга «Тысяча мифов», которая является сборником старинных индийских и персидских народных сказок. Исследователи считают, что большинство историй существовало уже в VIII в. в период правления Аббасидского халифа Харуна аль-Рашида, а рассказ о Шахерезаде появился в XIV в.

Со сказками «Тысячи и одной ночи» связан сюжет о ковре-самолёте. Н. Н. Рерих не раз обращался к этому сюжету. Среди его художественных произведений есть три эскиза к картине «Ковёр-самолёт» 1908–1915 гг. и сама картина 1916 г. (холст, темпера; 130 х 145 см.; Горловский художественный музей, Украина). В более позднее время, живя в Индии, Рерих снова вернулся к теме ковра-самолёта: известны его этюд «Китайская сказка» (1935–1936; Международный Центр-музей им. Н. К. Рериха, Москва), а также картина «Ковёр-самолёт» 1939 г. (холст, темпера; 46 х 79 см.; Государственный Русский музей, Санкт-Петербург). Исследователи связывают появление последнего произведения с предчувствием угрозы войны. Поэтому столь драматичны её контрастный колорит и ковёр-самолёт, надвигающийся мрачной тучей.

В разделе были представлены живописные и графические произведения Р. В. Тронина и В. Т. Черноволенко, навеянные темой Востока. Графические листы Р. В. Тронина, супруга Л. С. Митусовой (двоюродной племянницы Е. И. Рерих), представляют изящные стилизации на темы быта и костюмов Востока, сдержанный колорит и прихотливая линия восходят одновременно к персидским рукописям-прототипам и художественному языку «Мира искусства». Наиболее проникновенным у художника получился «Автопортрет с женой» («Восточная миниатюра»), написанный за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны, на этой войне Ростислав Тронин погиб.

Абстрактные композиции русского художника-космиста, члена группы «Амаравелла» В. Т. Черноволенко используют скорее эмоциональные впечатления от восточной культуры.

Тема Востока, завершающая экспозицию, позволила показать разнообразие национальных традиций в творчестве художников, обращавшихся к теме сказок. С одной стороны, образы стран Азии появляются ещё в былинах как чужие, загадочные, но притягательные земли, куда путешествуют былинные богатыри. А с другой стороны, в самих художественных формах русского искусства, в их декоративности и пышности многое восходит к восточной традиции.

Выставка сопровождалась интерактивной игрой-путешествием «Хождение за три моря», в рамках проекта проходили мастер-классы по игре на старинных народных инструментах, игровое занятие «Сказочные картинки», концерты Музея забытой музыки, вечер шведского народного танца и казачьей народной песни коллективов “Barsebäcks folkdanslag” и «Домострой» в рамках концертно-образовательной программы «Хождение по Руси».

Д. Н. ПОПОВ
(Музей Николая Рериха, Нью-Йорк)

ЭЛЕМЕНТЫ СЮРРЕАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ РЕРИХА

Обращаясь к художественному наследию Николая Рериха с намерением вычленить какие-либо стилистические течения, так или иначе использованные им в творчестве, мы более всего сталкиваемся с декоративно стилизованным реализмом, исторической реконструкцией и религиозной живописью, порой в весьма причудливых сочетаниях. И порой эти сочетания порождают эффекты, напрямую связанные в целом с чуждыми этому художнику подходами к изобразительному искусству.

Так, Рерих вовсе не разделял идей и эстетики сформировавшегося на его глазах в Западной Европе сюрреализма (фр. *сверх-* или *надреализм*). Революционный подход этих художников к реальной действительности совсем не привлекал его. В своих этико-эстетических эссе он убеждённо проповедовал реализм, обогащённый религиозно-мистическим восприятием действительности, что сам считал вовсе не отходом от объективной реальности, а именно расширенным и углублённым взглядом на неё. Это приводило даже к тому, что когда его вполне обоснованно называли художником-мистиком, сам он решительно протестовал, заявляя, что всецело опирается в своём творчестве лишь на реальную действительность, которая на деле гораздо шире того, что представляется реальным тем, кто довольствуется примитивно-материалистическими представлениями. А о сюрреализме в искусстве как таковом художник высказывался не самым одобрительным образом: «Сюрреализм и большинство всяких “измов” не имеют путей в будущее»[1].

И всё же нетрудно видеть, что дорогая сердцу сюрреалистов реальность сна и грёзы по сути вовсе не чужда Рериху, но рассматривается и толкуется им принципиально иначе. Так, если для первых это возможность взрыва восприятия объективной реальности с целью избавления от неё, то для последнего она должна вести лишь к гармоничному расширению и углублению общедоступной действительности. Не случайно и многие предтечи сюрреализма от Босха до Чюрлёниса были весьма симпатичны Рериху. Босха Рерих причислял к великим созидателям[2], а Чюрлёниса возглашал принёсшим новое, одухотворённое, истинное творчество[3]. Причем в основе творчества выдающегося литовского художника он утверждал вовсе не революционное новаторство, а «нечто поистине природно вдохновенное»[4], т. е. естественное, идущее от самой изначальной реальности.

И несмотря на то что далеко не всё новое в изобразительном искусстве вызывает одобрение художника, но оно неизменно привлекает его заинтересованное и доброжелательное внимание. Примечательно, что именно в эссе, посвящённом Чюрлёнису, Рерих наиболее четко формулирует эту идею: «Истинно, не знаем мы путей творчества. Формула “неисповедимы пути” весьма реальна»[5].

Тем примечательнее представляются те редко встречаемые в художественных произведениях Рериха парадоксальные элементы сюрреальности, совмещения вос-

Ил. 1. Н. К. Рерих. Никола. 1920. Холст, темпера, уголь. 46 × 61 см.
Государственный музей Востока, Москва

приятия сна и бодрствования, резко изменяющие привычное обыденное восприятие внешней действительности, преображённой как бы сновидением наяву.

Некоторые элементы такого подхода к действительности проявляются у художника уже в Карелии в 1917–1918 гг., которые стали для него периодом преображения. Наиболее интересный пример здесь – большое полотно «Предстоящий», позднее получившее название «Экстаз». Но, пожалуй, первой работой, ярко соединяющей объективную и субъективную реальности, стала совсем небольшая картина «Никола», созданная в 1920 г. в Лондоне. На ней Рерих решается запечатлеть одно из своих видений ещё предвоенного времени, описанное в рассказе-эссе «Сон» 1916 г.:

> «Другой, седоватый, меч поднял; а к нему люди подвинулись. Много их выступило:
> “Никола Милостивый! Ты – Чудотворец! Ты – могущий! Ты – Святитель воинствующий!
> Ты – сердца побеждающий! Ты – водитель мыслей истинных! Силы земные, ты, знающий!
> Ты – меченосец! Ты – городам заступник! Ты – правду творящий! Слышишь ли, Владыко, моления!

Злые силы на нас ополчаются! Защити, Владыко, Пречистый Град! Белый Град – врагам озлобление!

Похищают бесы души слабые. Покидали малых в геенну красную. Восстань, Отче, защити агнцев!

Прими, Владыко, прекрасный храм! Подвигнь, Отче, священный меч! Подвигнь, Отче, все воинство!

Чудотворец! Яви грозный лик! Укрой грады святым мечом!

Ты можешь! Тебе сила дана!

Мы стоим без страха и трепета"»[6].

Здесь художник заметно отходит от прежней опоры в подобных случаях на чисто иконописный стиль (см., например, «Пречистый град – врагам озлобление», «Гнездо преблагое», первый вариант «Книги голубиной») и решительно обращается к его соединению с образностью дальневосточной традиционной живописи и выраженной незавершённостью, недописанностью изображения, создающей эффект размытости, недопроявленности некоторых элементов композиции. В итоге именно это и создаёт особое впечатление сложного взаимопроникновения реальной действительности и реальности сна.

В Лондоне Рерих более тесно знакомится с наследием Е. П. Блаватской, её теософским мировоззрением и мифологемами доисторического периода в судьбах планеты и человечества. В частности, он обращается к преданию об Атлантиде в передаче основательницы современного теософского учения. Так, он пишет образ атланта (ил. 2), где использование исторических аллюзий сочетается с неестественным искажением физического пейзажа.

Ил. 2. Н. К. Рерих.
Атлант. 1921. Холст, темпера. 76 × 51 см.
Частное собрание (США)

На первый взгляд голова атланта на этом полотне ассоциируется с образами крито-микенской культуры, к которой, по одной из современных версий, и принадлежало население средиземноморской Атлантиды. Однако при внимательном изучении оказывается, что художник использовал индийский образ Кришны[7], заменив его костюм и украшения на нечто близкое народам Центральной Азии. Но наиболее примечателен в свете рассматриваемой темы вид за спиной героя. Это горный пейзаж с высокими острыми вершинами, преображённый словно взглядом в сильную зрительную трубу, приближающую вид в огромной дали, но скручивающую во внешнее кольцо всё, что находится вблизи. В итоге образ атланта впи-

сывается как бы в волшебную трубу во времени и пространстве, соединяющую погибшую Атлантиду и легендарный Белый Остров где-то в Транс-Гималаях, куда удалились могучие белые маги затонувшего континента.

Весьма похожее зрительное искажение физической реальности мы встречаем на созданной десять лет спустя в гималайской долине Кулу картине «Гундла» (ил. 3), где запечатлён реальный пейзаж с замком лахульского князя, чьим гостеприимством Рерих пользовался не раз.

Ил. 3. Н. К. Рерих. Гундла. 1931. Холст, темпера. 81,6 × 91,5 см. МНР

По обыкновению, художник разделяет изображение на ближний, средний и дальний планы, но делает это особо подчёркнуто. Первый жёлто-коричневый план горного склона, на котором и стоит словно вырастающий из него замок, резко выделяется на фоне второго сине-зелёного плана дальних гор. Он, в свою очередь, строго отделён от редкого для Рериха полностью безоблачного неба, что достигается его закатно-рассветной освещённостью.

Этот, казалось бы, самый обычный пейзаж почти сразу будит в душе зрителя ощущение чего-то странного. Но лишь после достаточно долгого всматривания мы с изумлением замечаем, что композиция картины резко распадается надвое. Если ближний горный склон занимает вполне привычное, должное положение в пространстве, то дальний, второй, план будто заваливается влево почти на сорок граду-

сов. Его склоны и вершины смотрят вовсе не вверх, а резко в сторону, словно кто-то решительно развернул его властной рукой. Возникающий при этом у зрителя выраженный когнитивный диссонанс весьма необычен.

Ил. 4. Замок лахульского такура. 1931. Фото. Архив МНР

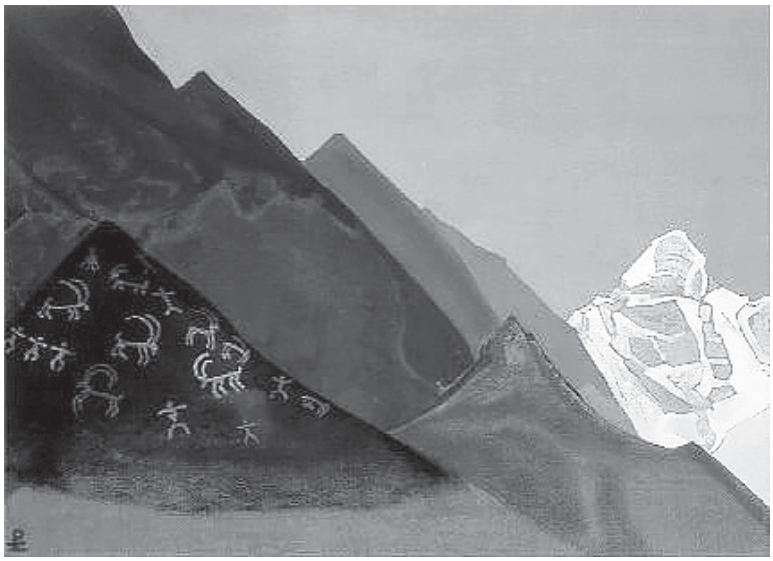
Сначала возникает вполне естественная мысль о том, что этот действительно сюрреалистический вид является плодом произвольного творческого решения самого художника. Но если, имея в виду систематическое использование Рерихом фотографий в качестве эскизов к его произведениям, мы внимательно рассмотрим снимки из его летней поездки 1931 г. в Лахуль, то быстро найдём среди них именно тот вид, который запечатлён на полотне (ил. 4). Становится ясно, что в данном случае художник ничего не придумал. И вместе с тем бросается в глаза тот факт, что он применил такое решение освещённости абсолютно ясного неба загоризонтным солнцем, которое совершенно противоречит реальности и вызывающе соответствует иллюзорной линии горизонта дальнего плана. А это неоспоримо свидетельствует о том, что Рерих заметил сюрреалистичность пейзажа и посчитал нужным подчеркнуть её недопустимым с объективной точки зрения образом.

Общеизвестно, что Рерих не раз прибегал к нарочитой антропоморфизации облачных и скальных элементов пейзажа. Однако он стремился не злоупотреблять этим приёмом и почти никогда не выходил за пределы условного сходства.

Известен только один случай, когда художник столь увлёкся сходством скального абриса с профилем человеческого лица, что не удержался от его преобразования на холсте в гипермонументальное изваяние. Это произошло при создании одного из пейзажей серии «Океан», написанной по впечатлениям от посещения острова Монхиган близ северо-восточного побережья США (ил. 5, 6).

Ил. 5. Н. К. Рерих. Монхиган. 1922. Картон, темпера. Частное собрание (США)

Ил. 6. Скала Седая Голова. Фото



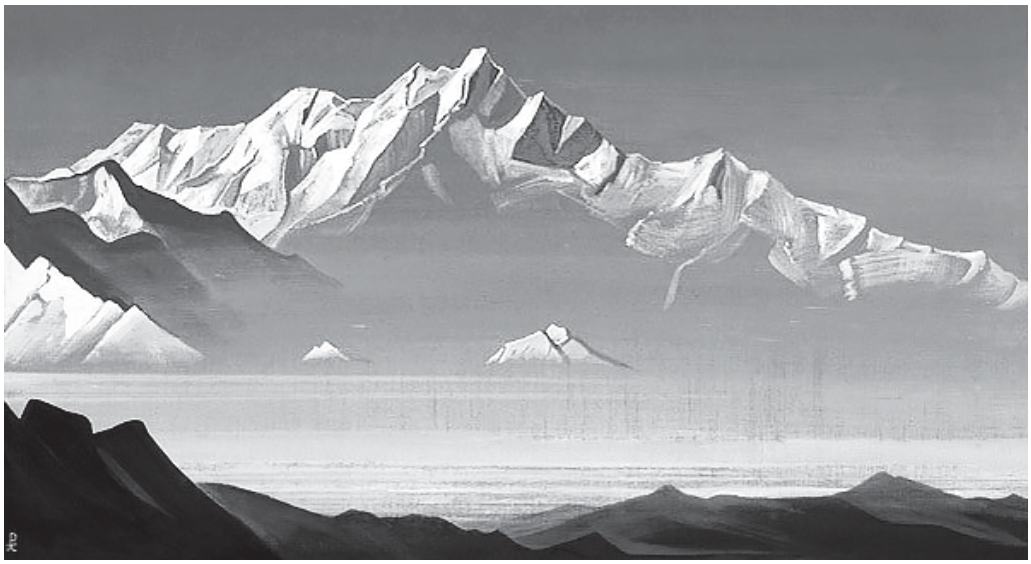
Ил. 7. Н. К. Рерих. Скалы Ладакха. 1932. Картон, темпера. Частное собрание (США)

Подобное введение человеческого облика в неодушевлённый пейзаж в принципе несвойственно Рериху и представляет собой уникальный сюрреалистический опыт соединения образов живой и неживой природы.

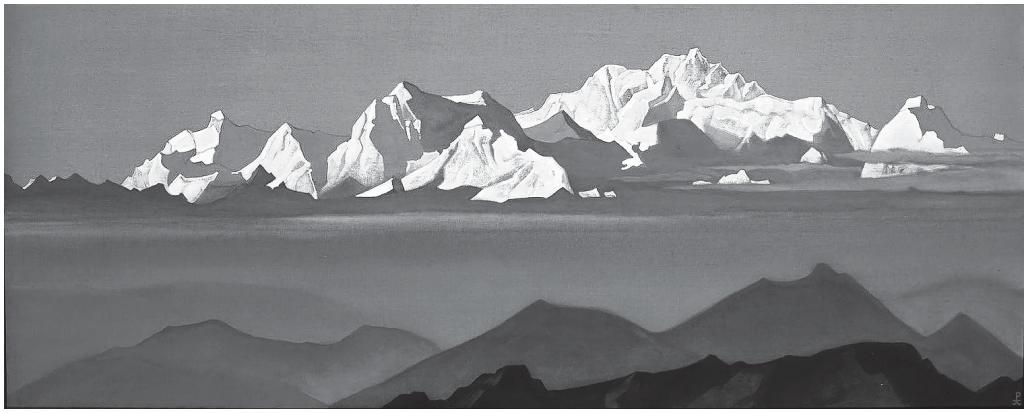
Ещё раз он прибегнул к тому, чтобы вписать откровенно человеческий облик в горный гималайский пейзаж (ил. 7), воспользовавшись при этом иным приёмом. Основой для картины послужил вид с петроглифами каменного века на скалах в Ладакхе. Здесь художник решился выстроить абрис петроглифического камня и скал на ближнем и среднем планах так, что они образовали выраженный человеческий профиль. И вместе с тем это горизонтальное в плане, обращённое лицом к небу изображение настолько скрыто вписано в композицию, что практически не обращает на себя внимания, так что этот эффект открывается лишь взгляду очень внимательного зрителя.

И пожалуй, наиболее продуманное соединение физически несоединимых элементов у Рериха мы находим на полотне 1933 г., которое названо «Два мира» (ил. 8). Изображая в очередной раз одну из самых любимых своих гималайских вершин Канченджангу (ил. 9, 10), художник приходит к весьма неожиданному решению – отказаться от изображения непременно присутствующего в его картинах переднего плана и выделить ближние к себе цепи невысоких вершин среднего плана в совершенно самостоятельный пейзаж, параллельный встающей на заднем плане величественной Горе пяти сокровищ. Эти два вида, разделённые линией облачного тумана, действительно являют как бы два параллельных мира, в каждом из которых есть своё небо и своя линия горизонта. Если механически разделить полотно на две соответствующие части, то каждая из них явится вполне полноценным независимым пейзажем.

Этот эффект превращает священную для индусов и буддистов Канченджунгу в подобие мистического видения, встающего в небесах над цепями гор ближнего к зрителю плана.



Ил. 8. Н. К. Рерих. Два мира (Гора пяти сокровищ). 1933. Холст, темпера. 46,8 × 78,8 см. МНР



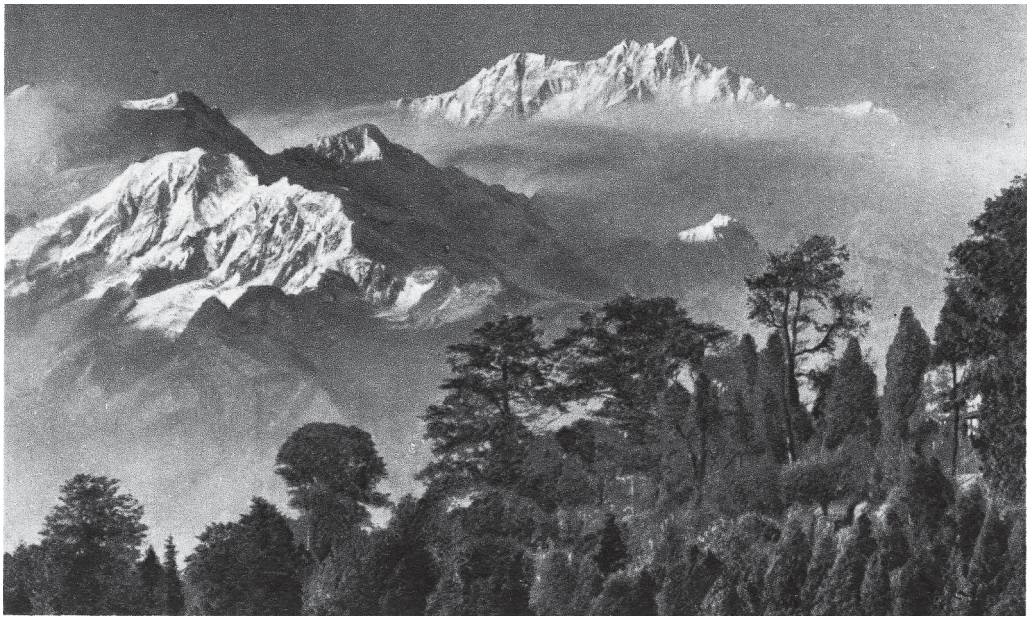
Ил. 9. Н. К. Рерих. Канченджунга. 1935–1936. Холст, темпера. 61 × 153 см. Частное собрание

По фотографиям, отражающим этот пейзаж в реальной действительности (ил. 11, 12, 13), нетрудно видеть, что данное решение является исключительно творческим приёмом самого художника. И оно столь полюбилось ему самому, что в дальнейшем он периодически вновь и вновь, полотно за полотном, создаёт целую галерею вариаций этой композиции вплоть до последних лет своего творческого пути.

Ил. 10. Н. К. Рерих. Канченджунга. 1944. Холст, темпера. 91 × 150 см. Государственный музей Востока, Москва

Ил. 11. Основной вид Дарджилинга на закате с дороги на Джайпахар. Фото М. Сейна. 1920–1930-е

Ил. 12. Канченджунга на закате. Фото М. Сейна. 1920–1930-е



Ил. 13. Канченджунга на закате. Фото М. Сейна. 1920–1930-е

На исходе жизненного пути, когда художник одну за другой повторяет лучшие картины прошлых лет, стараясь найти наиболее выразительное композиционное и колористическое воплощение сюжета, он решает использовать эффект, разработанный для закатной Канченджунги, в итоговом образе одного из своих любимых и особо почитаемых персонажей – Гаутамы Будды.

В 1945 г. он пишет эскиз к картине, на которой Будда сидит в медитативной позе на фоне горного пейзажа (ил. 14). Композиция разделена на традиционные для Рериха три плана – ближний, средний и дальний – плюс небо. Герой сюжета сидит на небольшой ровной площадке на горном склоне ближнего плана, выходящего практически прямо к зрителю. Этот план решён, как обычно, в темно-коричневых тонах, горная цепь среднего плана – в более светлом красно-коричневом, а дальний план – в холодном голубом цвете, цвета неба также переходят от светло-красного к голубому, что выглядит вполне естественно.

Ил. 14. Н. К. Рерих. Будда. 1945 (Эскиз к картине «Мысль»). Картон, темпера. 15,2 × 3 см. Частное собрание

Однако через год, приступая к созданию большого полотна, Рерих радикально меняет подход и решительно отказывается от реалистичной иллюстративности в пользу создания образа-идеи, выражающего саму суть учения и духовной реализации Будды, как он понимал её, будучи сам не только художником, но и весьма незаурядным мыслителем (ил. 15). Гаутаме Будда представляется ему именно величайшим мыслителем, который своей мыслью проник в самую суть бытия и стал одним из сотворцов «реальной» действительности, на деле являющейся лишь коллективной иллюзией.

При написании картины художник оставляет прежним только первый план. Фигура Будды теряет свой вес и уже не сидит на земле, а словно парит в воздухе. Теперь средний план становится холодно-голубым, а дальний – раскалённо-красным. В них явственно читается концепция трёх миров: плотного (физического, телесного), тонкого (энергетического, душевного) и высшего (духовного, именуемого в рерихов-

ском учении Живой Этики огненным). А в ясном и глубоком фиолетовом небе прямо над головой Будды парит то ли облако, то ли сама его мысль, которая, по представлению Рериха, тоже огненна и тонкоматериальна.

Ил. 15. Н. К. Рерих. Мысль. 1946. Холст, темпера. 60,7 × 103 см.
Государственный музей Востока, Москва

Таким образом, всё это произведение построено Рерихом не по объективно-физической картине мира, а по его собственному видению структуры метабытия.

Возвращаясь к теме сюрреализма как направления в искусстве, стоит заметить исключительно сложное сплетение сходства и различия в самом подходе к творчеству у сююреалистов и Н. К. Рериха.

Сюрреалисты мыслили искусство основным инструментом освобождения. Их первой целью было духовное возвышение и отделение сознания от материи. Важнейшими ценностями для них являлись свобода и иррациональность. Казалось бы, те же ценности разделял и Рерих. Но если для первых свобода мыслилась как нечто противоречащее объективной действительности и выворачивающее её наизнанку, то для Рериха выход за рамки обыденности вовсе не противостоит объективной действительности, а лишь логично расширяет её горизонт. Преодоление рамок обыденной реальности ведёт у него не к нарочито искусственной иррациональности, а к возвышенной абстрактности, имеющей совершенно иной смысл и звучание.

В заключение отметим ещё один весьма интересный факт. В литературе сюрреализм провозглашал идеалом неконтролируемое сознанием создание текстов – ав-

томатическое письмо. В первой половине 1920-х годов Рерих также отдал немалую дань этому методу как литературного, так и художественного творчества. Поэма «Наставление ловцу, входящему в лес» вошла в поэтический сборник «Цветы Мории», а избранные части почти ежедневных записей 1920–1924 гг. составили первые полтора тома серии книг учения Живой Этики, продолженного его супругой Еленой Ивановной уже совершенно иначе. Но для возможности сделать какие-либо обобщения в данной области необходимо проведение специального сопоставительного анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Рерих Н. К.* Реализм // Рерих Н. К. Листы дневника. М., 2000. Т. 2.
2 *Рерих Н. К.* Адамант // Рерих Н. К. Держава света. М., 1999. С. 207.
3 *Рерих Н. К.* Чюрлёнис // Рерих Н. К. Листы дневника. М., 2000. Т. 2. С. 36.
4 Там же.
5 Там же. С. 37.
6 *Рерих Н. К.* Сон // Рерих. Пг.: Свободное искусство, 1916.
7 *Рерих Н. К.* Кришна(?). М., 2000.

М. А. ГУРЕНОВИЧ
(отдел технологических исследований Государственного Русского музея, Санкт-Петербург)

ТАЛАНТЛИВЫЙ ПЕДАГОГ Я. Ф. ЦИОНГЛИНСКИЙ (К ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РИСОВАЛЬНОЙ ШКОЛЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ)

Ян Францевич Ционглинский сыграл особую роль в художественной жизни Петербурга рубежа XIX–XX вв. благодаря новаторским идеям и педагогическому таланту[1]. Он был скорее педагогом-практиком, чем теоретиком. Очевидно, поэтому его личных записей и заметок художественно-педагогического толка практически не сохранилось. Информацию о его биографии и преподавательской деятельности существенно обогатили архивные материалы, а также сведения современников и воспоминания учеников. Уже после смерти Ционглинского был издан сборник его высказываний, записанных Александром Рубцовым в период с 1905 по 1910 г.[2] В эту небольшую книгу вошло двести теоретических формулировок, которые дают представление о мировоззрении и эстетических убеждениях мастера.

Ционглинский преподавал в нескольких учебных заведениях: свыше четверти века – в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств ([1886] – 1913[3]), десять лет – в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств (1902–1913). Одновременно руководил частной мастерской на Литейном проспекте.

В Рисовальной школе в разные годы учениками Ционглинского были такие художники, как Е. М. Бебутова-Кузнецова, И. Я. Билибин, Е. Г. Гуро, И. С. Куликов, Е. Е. Лансере, Н. Ф. Лапшин, А. В. Уханова, С. В. Чехонин, А. В. Щекатихина-Потоцкая и многие другие. Иван Билибин, ученик школы периода 1895–1898 гг., а затем и коллега-преподаватель, так вспоминал о Ционглинском: «Это был прекрасный учитель, гордо и бурно входивший в класс и проповедовавший рыцарское преклонение перед Прекрасной Дамой – святым искусством». Он также отмечал, что его характерной особенностью было умение «открывать у учеников еще недостаточно художественно зрячие глаза»[4].

По свидетельству современников, Ционглинский был живым, подвижным и впечатлительным, обладающим «стихийным нравом» человеком, убеждённым в том, что истинный художник должен быть как «вибрирующая пластинка», постоянно гореть, «кипеть», ибо «в ком натура не зажигает трепета, тот не войдёт в храм искусства»[5]. Александр Бенуа отмечал: «Ционглинский говорил об искусстве много и красно, он имел очень правильные и меткие суждения, он горел неподдельным огнём к искусству»[6]. Таким «неистовым Яном» запомнили его друзья, коллеги и ученики.

Ционглинский родился в Варшаве 8 февраля 1858 г., там же окончил гимназию, недолго изучал в университете медицину, а затем естествознание. Первоначальное художественное образование он получил в Варшавском рисовальном классе у Войцеха Герсона. В двадцатилетнем возрасте приехал в Петербург и вскоре поступил в Ака-

демию художеств, где занимался у В. П. Верещагина, П. П. Чистякова и др. Окончив учёбу со званием классного художника первой степени, полученным за программное произведение «Овчая купель» (1885, НИМ РАХ), он вскоре приобрёл известность как один из первых последователей импрессионизма в Петербурге.

Решив обосноваться в столице, Ционглинский получил выгодный заказ на создание портрета купца Устинова. Заказчик помог молодому художнику найти квартиру с мастерской на Литейном проспекте в доме № 55 (ныне № 59)[7], где в дальнейшем на протяжении двадцати семи лет он жил и работал. Именно в этой квартире Ционглинский основал собственную школу-студию, посещавшуюся молодыми петербуржцами.

Первые годы после окончания Академии художеств Ционглинский находился в поисках постоянного заработка. В это время он познакомился с сенатором, членом Государственного Совета и членом-соучастником Императорского Общества поощрения художеств экономистом Федором Густавовичем Тернером и двумя его сестрами – Марией и Эмилией. С ними Ционглинский поддерживал дружеские отношения на протяжении всей творческой жизни: они приобретали его живописные этюды, а младшая сестра, Эмилия, брала у него уроки живописи.

Вскоре Ционглинский начал преподавать в Рисовальной школе (еще в годы директорства Е. А. Сабанеева), где к тому времени уже работала художница Екатерина Вахтер[8], которая вместе с ним окончила академию и стала его близким другом.

Подробности художественно-педагогической деятельности Ционглинского периода 1890-х годов известны благодаря воспоминаниям Евгения Лансере. Уже к этому времени Ционглинский пользовался особой любовью учащихся школы. В число преподавателей входили также Нил Гоголинский, Эрнест Липгарт, Евгений Сабанеев, Николай Самокиш и Андрей Рябушкин. Характеризуя педагогический метод Ционглинского, Лансере писал: «Всегда приятно, когда поправляют словами интересными <…> например: “нужно вылепить эту часть”, “сделать колоритнее, больше воздуху, поднять этот нос, проследить эту линию и т. д. и т. д.”, чем слова, хотя более простые, точные <…> например: “нос короток, века толста, подвинуть рот вперёд, глаза кривы, голова узка” (Гоголинский)»[9].

С января 1894 г. Евгений Лансере дважды в неделю стал брать у Ционглинского дополнительные уроки масляной живописи. Помимо этого, за дополнительную плату в школе был организован так называемый частный класс Ционглинского, за посещение которого нужно было доплачивать. Особенность класса состояла в том, что, во-первых, он был общим (мужской и женский, причём барышень было большинство), а во-вторых, Ционглинский ставил исключительно живую натуру и требовал писать только масляными красками[10]. По воспоминаниям Лансере, учитель уделял большое внимание цветовым пятнам, учил различать красоту цвета в тоне и переносить на холст тончайшие его нюансы. Вот как, со слов Лансере, Ционглинский пояснял это: «Каждый мазок должен был быть самостоятельным по цвету и по силе. Нужно было всматриваться в натуру и почти не глядеть на палитру. Он повторял нам: “Не думайте, забудьте, что это нос или щека натурщика – видьте тот букет цветов, что перед вами”»[11].

Свидетельства Лансере дополнили мемуарные записи Елены Бебутовой-Кузнецовой, которая училась в школе с 1907 по 1914 г. С чувством глубокого уважения и любви она вспоминала о Ционглинском как о требовательном преподавателе: «В ведении обучения особенностью его был большой, но выразительный лаконизм. Он не был многоречив. Говорил иногда, просто бросая короткую реплику, но выражающую ценную мысль, раскрывающую многое для учащегося в его понятии о сущности рисунка и его пластике. <…> Первым условием требовалось умение расположить рисунок пластично на изображаемой плоскости данного формата, чтобы он гармонично вкомпановывался, а не производил бы впечатление насильно или случайно втиснутого, т. е. где-то доходит до краев, а где-то много пустого пространства». Кроме того, Бебутова-Кузнецова отмечала, что Ционглинский заранее мог определить, насколько серьёзные намерения у той или иной ученицы. Если у девушек не было перспектив, то он мягко давал понять им не продолжать занятия, напоминая, что им «пора выйти замуж». И «этот совет был равносилен диагнозу опытного врача, когда тот не надеялся на выздоровление пациента, и все боялись получить от Ционглинского такой совет».

Особенности темпераментного характера Ционглинского проявлялись и в его работе с учениками. Со слов Бебутовой-Кузнецовой, он любил активность класса, поэтому «часто, ставя натуру, говорил: “Имейте в виду, что я поставил на один сеанс”. Следующий урок по полсеанса, затем по четверти и так доходили до 5-минутных сеансов. Бывало, почти задыхаешься, чтобы суметь за эти пять минут выразить сущность изображаемого. Тут же горе было тому, кто не смог скомпоновать рисунка. Его любимая фраза была: “Рисуйте голову, думайте о пятке, не спите, стреляйте глазами”[12]».

В своих воспоминаниях Бебутова-Кузнецова свидетельствовала и о том, что Ционглинский был «пропитан искусством насквозь», потому что одной стороной его жизни являлась живопись, а другой – музыка. Не случайно художница ошиблась, написав, что он окончил Варшавскую консерваторию. Не только Бебутова, но и другие современники Ционглинского отмечали его высокопрофессиональное исполнение на рояле, и поэтому думали, что он получил специальное музыкальное образование. Тем не менее он был самоучкой и освоил игру на рояле только благодаря страстному увлечению музыкой.

Во время занятий художник часто играл своим ученикам, так как считал, что музыка способствует восприятию самых тонких красочных оттенков. Он «чувствовал, реально ощущал воздействие музыки на учеников и как бы “подстегивал” звуками воображение молодых художников»[13]. Обучая рисунку и живописи, Ционглинский «проводил аналогию с законами гармонии в музыке с красотой поэтического слога, с точностью математического расчета»[14]. Он настолько остро чувствовал музыку, что живописные представления часто облекались у него в музыкальные образы и наоборот. Вот некоторые его высказывания, записанные Александром Рубцовым: «Итак, как в аккорде музыкальном – один фальшивый тон портит все остальное, так и в живописи» или «Сила есть отношение: если играть на рояле изо всех сил, всеми мускулами, то получится только ужасный гул, но никакой в этом не будет силы. Но

если взять несколько нот шепотом, потом немного усилить звук, затем играть еще более громко, тогда только получится сила – из сравнения с шепотом. Точно так же и в живописи: один noir d'ivore (фр. «жжёная кость») не есть сила; он будет силою только в сравнении с более светлыми красками»[15].

Кроме того, Ционглинский не пропускал ни одного концерта, общался со многими музыкантами и певцами, сближался с приезжавшими в Петербург гастролёрами. Такое ревностное отношение к музыке подтверждает сохранившийся в фондах Музея-института семьи Рерихов автограф Ционглинского со следующим содержанием: «По причине концерта Падеревскаго и cis moll-сонаты Бетховена передаю мой голос Николаю Константиновичу Рериху Ян Цион…»[16] Очевидно, эта записка относится к первой половине 1904 г., когда в Петербурге гастролировал польский пианист и композитор Игнатий Падеревский. Выступая на одном из своих концертов в Императорском Русском музыкальном обществе, он играл упомянутую Ционглинским «лунную» сонату Бетховена[17]. В конце этого же года в Петербурге должна была открыться II выставка Союза русских художников и, согласно уставу, действительные члены выставочного комитета (которыми являлись и Ционглинский, и Николай Рерих) отбирали произведения экспонентов посредством голосования[18]. Если кто-то не мог присутствовать на голосовании, то он соответственно отдавал свой «голос» коллеге.

Помимо музыки, ещё одним сильным увлечением Ционглинского были путешествия: не проходило года без очередной увлекательной поездки. Поэтому основную часть его художественного наследия составили яркие пейзажные этюды, написанные в импрессионистической манере. Кроме обычных для любого художника поездок в Крым, на Кавказ, в Италию, Испанию и Центральную Европу, он посетил Марокко, Сирию и Палестину, Египет, Грецию, Индию, Туркестан, а также побывал в Западной Африке. Ционглинский наставлял учащихся: «Пока есть возможность, желание, энергия, здоровье – надо делать, ехать, путешествовать. Большие поездки! Которые бы вас обогатили какими-нибудь идеями»[19]. Как правило, после возвращения художник сначала показывал свои работы друзьям и ученикам, а уже потом экспонировал их на различных выставках.

С осени 1902 г. Ционглинский начал преподавать в натурном классе ВХУ при ИАХ, а в октябре 1906 г. был удостоен звания академика. Не оставлял свою работу он и в Рисовальной школе, где прослужил вплоть до своей преждевременной кончины. За педагогические заслуги Ционглинский был отмечен орденами Святого Станислава II степени с девизом «PREMIANDO INCITAT» (лат. «Награждая, поощряет») (1905–1906) и Святой Анны II степени (6 мая 1908 г.).

Ционглинского не стало 24 декабря 1912 г. (6 января 1913 г. по новому стилю), он не дожил 33 дня до своего 55-летия. Причиной его смерти было заражение крови вследствие незамеченного ранее воспалительного процесса аппендицита. Спустя три дня состоялось отпевание в Римско-Католической церкви Святой Екатерины на Невском проспекте. После окончания богослужения похоронная процессия двинулась по Невскому проспекту и через Дворцовый мост до здания Академии, откуда ученики понесли гроб с телом своего учителя на плечах до Смоленского лютеранского клад-

бища. Художник сам выбрал это место, потому что оно было ближайшим к Гавани, где жила тогда Екатерина Вахтер вместе с семьёй Рубцовых[20]. Многолетняя дружба послужила поводом для предположения об их брачном союзе[21], однако, согласно архивным данным и свидетельству потомков Ционглинского, оно было ошибочным.

После смерти Ционглинского во всех популярных периодических изданиях на русском и польском языках появились некрологи (нам известно о 23 публикациях). В одной из них были помещены слова Николая Рериха: «Отличительной чертой Яна Францевича была его широкая доброжелательность. Его кипучая натура не знала усталости. Трудно представить себе лучшего, чем он, товарища в сложных и трудных минутах жизни. Для учеников он был подлинно незаменим. Он умел развивать и укреплять в них интерес и внимание к работе. Пятнадцать лет я знал близко Я. Ф. Ционглинского и всегда, во всех случаях он был на страже справедливости»[22].

Весной 1914 г. к празднованию 75-летнего юбилея Рисовальной школы обсуждался вопрос о создании так называемых именных классов для «достойного увековечения имён высоких и полезных школе». Натурный 7-й класс планировалось назвать именем Ционглинского[23]. С этим предложением обратился к Николаю Рериху друг художника, инженер путей сообщения Иван Викентьевич Шимкевич. С целью «сохранить на долгие годы в памяти учащейся молодёжи имя талантливого художника, посвятившего все свои душевные силы в лучшие годы жизни на служение чистому искусству» Шимкевич вместе с младшим братом мастера, также инженером, Мечиславом Ционглинским собрали сумму в 2000 рублей. Они предложили украсить помещение будущего класса несколькими произведениями Яна Францевича и его бюстом работы скульптора Владимира Беклемишева[24], однако дальнейшая история этого предложения неизвестна.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В тексте применяется русская транскрипция польского имени Jan и фамилии художника – Ciągliński, которая должна произноситься как Чонглиньский, однако этот вариант не получил распространения. Художник известен в сохранившихся воспоминаниях и в существующих публикациях под именем Ян (Иван) Францевич (Францович, Франкович) Ционглинский. См. и другие статьи автора: *Гуренович М. А.* Петербуржский живописец с сердцем Шопена // Наше Наследие. 2008. № 86. С. 136–143; *Гуренович М. А.* Биография Я. Ф. Ционглинского // Энциклопедия «Три века Санкт-Петербурга»: в 3 т. Т. II. Девятнадцатый век. Книга седьмая (У – Ч). СПб., 2009. С. 735–740; *Гуренович М. А.* Педагогическая деятельность Яна Францевича Ционглинского // Научные труды (Институт им. И. Е. Репина) // Вопросы художественного образования. СПб., 2015. Вып. 34. С. 115–126.

[2] *Рубцов А. А.* Заветы Ционглинского. [Мысли и взгляды, высказанные Яном Францевичем Ционглинским… и дословно записанные его учеников Рубцовым]. СПб., 1913.

[3] Точная дата начала преподавательской деятельности Я. Ф. Ционглинского в Рисовальной школе ИОПХ пока не установлена. В более ранних публикациях автор опирался на свидетельство младшего сводного брата художника, который указывал, что Ян Францевич начал преподавательскую практику в школе с 1888/89 учебного года (*Ciągliński Jozef.* Jan Ciągliński: Zasady, życie, puścizna. W-wa, 1937. С. 72). Однако теперь стало очевидно, что эта датировка была неточной. В биографи-

ческом очерке, опубликованном в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, отмечено, что Ционглинский состоял преподавателем школы с 1886 г. (СПб., 1903. Т. XXXVIII. С. 291). В отчёте о деятельности ИОПХ за 1886 г. имя художника в числе преподавателей не приводится, а в отчёте следующего года Ционглинский значится как классный художник (СПб., 1888. С. 12). К сожалению, в юбилейном издании Н. Макаренко «Школа Императорского Общества поощрения художеств. 1839–1914» в списке педагогов начальная дата его преподавания не указана (Художественное училище имени Николая Рериха. Страницы истории. СПб., 2001. С. 141).

4 Новое о Репине. Статьи и письма художника, воспоминания учеников и друзей, публикации / ред.-сост. И. А. Бродский, В. Н. Москвинов. Л., 1969. С. 200.

5 *Рубцов А. А.* Заветы Ционглинского. С. 11; Завет № 18.

6 *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания: в 5 кн. 2-е изд., доп. М., 1990. Кн. IV, V. С. 103.

7 *Ciągliński Jozef.* Jan Ciągliński… С. 70.

8 *Гуренович М. А.* Екатерина Вахтер (1860–1941). Новые материалы к биографии художницы // Антикварное обозрение. 2008. № 3. С. 22–24.

9 Дневник Е. Е. Лансере за 1893–1894 годы. Запись от 16 января 1894 года. Архив семьи художника // Подобедова О. И. Е. Е. Лансере. М., 1961. С. 15.

10 *Лансере Евг.* Дневники: в 3 кн. Кн. I: Воспитание чувств. М., 2008. С. 166.

11 *Лансере Е. Е.* Автобиографический очерк // Мастера советского изобразительного искусства. М., 1951. С. 88.

12 *Бебутова Е. М.* Воспоминания. Отрывки и черновые наброски // РГАЛИ. Ф. 2714. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 69–78.

13 *Крыжицкий Г. К.* Судьба художника. Воспоминания о К. Я. Крыжицком. Киев, 1966. С. 38.

14 *Ростовцев Н. Н.* Очерки по истории методов преподавания рисунка. М., 1983. С. 207.

15 *Рубцов А. А.* Заветы Ционглинского. С. 27, 18. Заветы № 123 и 64.

16 Эти сведения любезно представил В. Л. Мельников, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по научной работе.

17 *Drozdowski Marian Marek*. Ignacy Jan Paderewski. A political Biography. Interpress, 1981. S. 43.

18 *Лапшин В. П.* Союз русских художников. Л., 1974. С. 41.

19 *Рубцов А. А.* Заветы Ционглинского. С. 41. Завет № 184.

20 Могила Я. Ф. Ционглинского не сохранилась, так как находилась на северо-восточном участке Смоленского лютеранского кладбища, где в 1985 г. было начато строительство пожарной части.

21 *Рылов А.* Воспоминания [художника]. М., 1954. С. 146.

22 *Хорив.* Памяти Я. Ф. Ционглинского. Из бесед (вырезка из неустановленной газеты) // Личный архив автора статьи.

23 *Макаренко Н.* Школа Императорского Общества поощрения художеств. 1839–1914. Пг., 1914 // Художественное училище имени Николая Рериха. Страницы истории. С. 71.

24 Императорское Общество поощрения художеств. Увековечение памяти [Письмо И. В. Шимкевича Н. К. Рериху от 13 мая 1914 года] // ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр. 1638. Л. 46–47 об.

С. В. ЛЯШЕНКО
(Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Российской академии художеств)

СОВРЕМЕННИКИ Н. К. РЕРИХА: ХУДОЖНИК-БАТАЛИСТ Н. С. САМОКИШ И ХУДОЖНИК-КАРИКАТУРИСТ Е. П. ЩЕРБОВ

Круг общения Николая Константиновича Рериха был весьма обширным. Многие знакомства поддерживались благодаря выставкам произведений учащихся. Выставки проводились на Большой Морской, 38, в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств, которую с 1906 г. возглавлял Н. К. Рерих. В школе преподавали многие известные художники: В. В. Матэ, Я. Ф. Ционглинский, Н. С. Самокиш, М. Г. Малышев, К. Х. Вроблевский, И. Я. Билибин, А. А. Рылов, А. В. Щусев и др. Обучение было организовано так, что преподаватели и ученики работали в тесном контакте. Непрерывно шёл процесс взаимного влияния, обогащающий как творческую, так и педагогическую деятельность художников. Этому, несомненно, способствовали благоприятные условия, сложившиеся в Рисовальной школе в «рериховский» период. Исследователь истории Рисовальной школы Е. А. Боровская в своём труде отмечала: «Заслуга Рериха состоит в том, что он, придерживаясь собственного педагогического стиля и соответствующих приемов руководства, предложил педагогическому коллективу Рисовальной школы программу действий, согласно которой каждый преподаватель мог работать в соответствии с собственными методическими представлениями»[1]. Во время проведения выставок наблюдалось оживлённое общение маститых художников. Рерих вспоминал: «На Морской между тремя и шестью часами был настоящий клуб. Кто только не завернёт! Годовая выставка. Придёт Куинджи, Щербов, Самокиш, Щербатов, Боткин, Щуко»[2].

Одним из объединительных моментов в общении творческих людей в те годы был интерес к странам Востока, возросший в России в конце XIX в. Этот период был ознаменован крупными путешествиями. Во многих странах по инициативе географических обществ снаряжались экспедиции с целью изучения жизни народов в других регионах. Не была исключением и Россия. Передовые члены общества совершали длительные морские путешествия, результатами которых были многочисленные фотографии, путевые заметки, оформлявшиеся в альбомы. Учёные, врачи, артисты, художники совершали поездки в отдалённые регионы с целью ознакомления с образом жизни других народов и их культурным наследием.

Осенью 1890 г. началось путешествие на Восток цесаревича Николая Александровича Романова, будущего императора Николая II. Поезд с членами экспедиции отправился из Гатчины в Варшаву, там путешественники пересели в заграничный поезд и проехали по всей Европе. У берегов Адриатического моря Италии их ждала русская эскадра во главе с яхтой «Память Азова». Цесаревич и сопровождавшая его свита проплыли по Средиземному, Красному морям, Индийскому океану. Они посетили Грецию, Египет, Индию, Цейлон, Сиам, Яву, Сингапур, Китай и Японию.

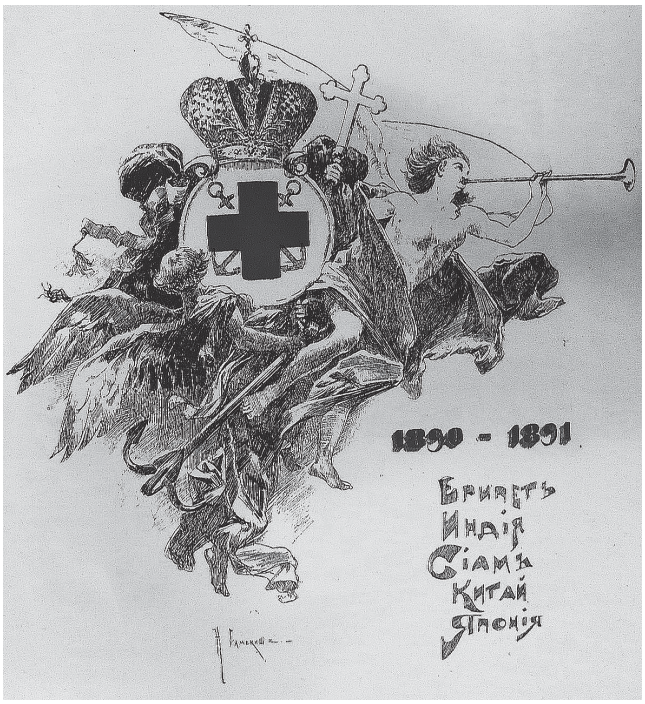
Во время поездки наследника российского престола торжественно принимали главы государств, делая ценные подарки как ему лично, так и в его лице России. Привезённые сувениры и различные произведения искусства хранились в Аничковом и Зимнем дворцах. В 1893 г. Императорское Общество спасания на водах стало инициатором проведения благотворительной выставки этих предметов в залах Эрмитажа. Автором каталога выставки выступил князь Эспер Эсперович Ухтомский[3], сопровождавший Николая Александровича во время поездки.

Художественным оформлением этого каталога предметов, привезённых с Востока, занимался известный художник-баталист Н. С. Самокиш[4] (ил. 1, 2).

Ил. 1. Н. С. Самокиш. Обложка. Каталог выставки предметов, привезённых Великим князем государем наследником цесаревичем Николаем Александровичем из путешествия на Восток в 1890–1891 годах. СПб., 1893

Тема Востока нашла широкое отражение в творчестве многих художников тех лет. Большой интерес к Востоку проявлял Н. К. Рерих. Однако, как отмечал В. Л. Мельников, «трудно себе представить, что Н. К. Рерих, интересовавшийся с юных лет культурой Востока, не посетил выставку в Зимнем дворце и не ознакомился с каталогом и сопровождавшими выставку изданиями»[5].

В 1896 г. поездку на Восток совершил художник-карикатурист П. Е. Щербов[6] (ил. 3). Он с женой отправился в свадебное путешествие в Японию. В рукописном отделе РНБ хранится открытый лист для иностранцев, путешествующих по Японии, на имя Павла Егоровича Щербова[7]. Художник в те годы был известен не только как талантливый мастер карикатур, но и как смелый путешественник, который побывал в Персии, Турции, Китае, Африке[8].



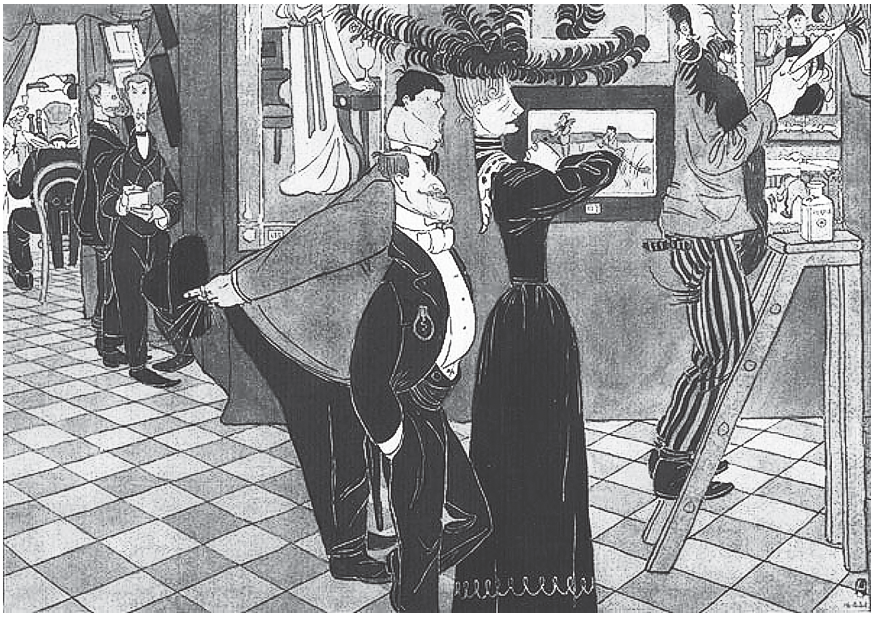
Ил. 2. Н. С. Самокиш. Титульный лист. Каталог выставки предметов, привезённых Великим князем государем наследником цесаревичем Николаем Александровичем из путешествия на Восток в 1890–1891 годы. СПб., 1893

Большинство работ Щербова печаталось в журнале «Шут»[9]. Исследователь творчества художника А. Н. Савинов писал: «Щербов был нужен “Шуту“. <…> журнал должен был обновляться, и крупная роль в осуществлении этого принадлежала как раз щербовским приятелям <…> на страницах журнала появились рисунки <…> Н. Н. Герардова, В. А. Андреева, С. С. Соломко; наряду с репродукциями гравюр японских художников была напечатана общирная серия А. Ф. Афанасьева к “Коньку-Горбунку”»[10].

Щербов был первым художником, чьи журнальные рисунки-карикатуры экспонировались на художественных выставках мастеров Общества русских акварелистов, Союза русских художников, Объединения «Мир искусства». Героями его карикатур и шаржей были Ф. И. Шаляпин, А. И. Куприн, В. В. Мате, И. Е. Репин, А. И. Куинджи, О. Э. Браз, В. В. Стасов и многие другие современники, представители художественного мира рубежа веков,

Ил. 3. П. Е. Щербов. Фотография. 1900

которые, в свою очередь, высоко ценили его творчество. Это карикатуры: «Итальянское искусство перед северными варварами» (1998), «Так сказал Заратустра» (1899), «Идилия (Мир искусства)» (1899), «Вернисаж» (1900) (ил. 4), «Радость безмерная» (1900) (ил. 5). Подписывал художник свои карикатуры псевдонимом «Old Judge» (название его любимого табака) – «Старый судья».



Ил. 4. П. Е. Щербов. Вернисаж. Карикатура. Журнал «Шут». 1900

Ил. 5. П. Е. Щербов. Радость безмерная. Карикатура. Журнал «Шут». 1900

Ил. 6. Н. С. Самокиш. Фотография в издании «Война 1904–1905. Из дневника художника». 1908

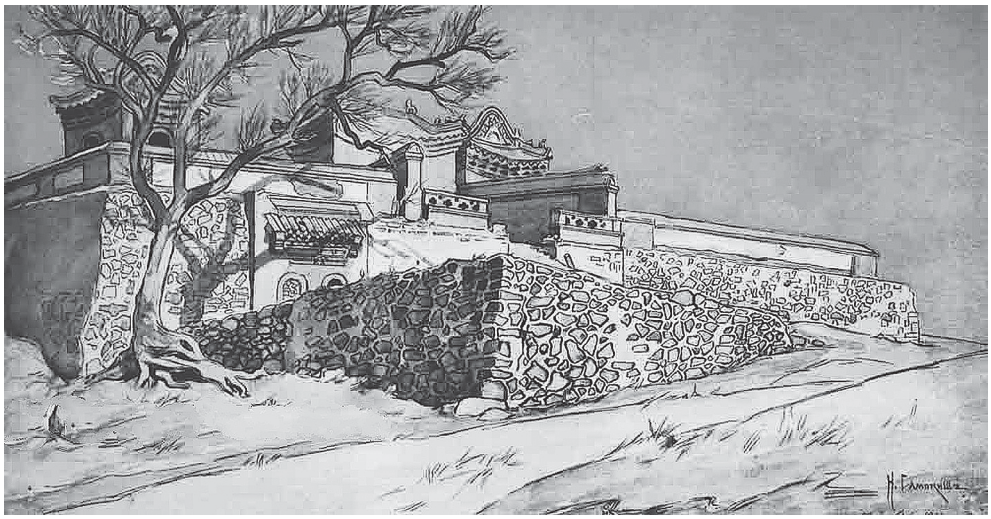
Интерес к странам Востока продолжал возрастать. В 1897 г. вышло в свет издание Э. Э. Ухтомского «Путешествия на Восток Его Императорского Высочества Государя наследника Цесаревича»[11].

Эпиграфом послужили строки самого автора:

Восток во всей красе: недвижный, роковой,
Из тонкой ткани лиц, одежд и украшений,
Курится словно дым преджертвенной волной,
Проходит словно ряд сверхчувственных явлений.

Однако в начале XX в. политическая ситуация в Восточном регионе обострилась, что привело к военным действиям: началась Русско-японская война 1904–1905 гг. В России был организован выпуск художественных альбомов с описанием событий на фронтах, прилагались карты сражений, фотографии техники, представлялись портреты военных деятелей и художников, принимавших участие в создании альбомов. Всего вышло восемь выпусков, в которые вошли рисунки художников Н. Н. Каразина, Н. С. Самокиша, И. И. Крылова, И. А. Владимирова, В. А. Табурина и др.

Через несколько лет внимание современников привлёк альбом «Война 1904–1905 годов. Из дневника художника»[12], созданный по материалам поездки художника Самокиша на фронт Русско-японской войны. Семь месяцев находился известный баталист на передовой в составе 52-го Нежинского драгунского полка в качестве художника-корреспондента по заданию журнала «Нива»[13] (ил. 6). Он делил все тяготы



Ил 7. Н. С. Самокиш. Кумирня в Шуанхане. Рисунок в издании «Война 1904–1905. Из дневника художника». 1908

Ил. 8. Н. С. Самокиш. Цоу Цан. Бог войны в кумирне Ляо-Мяу. Рисунок в издании «Война 1904–1905. Из дневника художника». 1908

походной жизни с солдатами и офицерами, которые принимали участие в решении Дальневосточного вопроса за контроль над Маньчжурией и стали героями его произведений. Работы Самокиша, выполненные с натуры, несли в себе новые черты творческого метода: обращение к полевой жизни военных, психологическая разработка образов, передача ситуации в контексте пребывания войск в другой местности.

Интерес вызвали рисунки художника, запечатлевшие природные виды, зарисовки архитектуры и достопримечательностей Маньчжурии, которые раскрывают талант Самокиша как художника-пейзажиста и разностороннего наблюдателя. Это работы «Кумирня в Шуанхане» (ил. 7), «Дворик китайского дома в Мукдене», «Деревня Чансамутунь», «Цоу Цань. Бог войны в кумирне Ляо-Мяу» (ил. 8), «Кумирня Чанго-Мяу» и др.

Работы художника имели немаловажное значение в общем процессе развития русского изобразительного искусства, а также в ходе совершенствования деятельности Рисовальной школы, так как творчеством Н. С. Самокиша интересовались как ученики, так и преподаватели. После поездки на фронт Русско-японской войны он в их глазах был героем. Его работы вдохновляли учеников и вызывали у них желание творить и искать свой путь для реализации таланта. С ними Самокиш делился своими впечатлениями о поездке и знаниями, почерпнутыми при изучении того или иного вопроса в процессе создания своих работ.

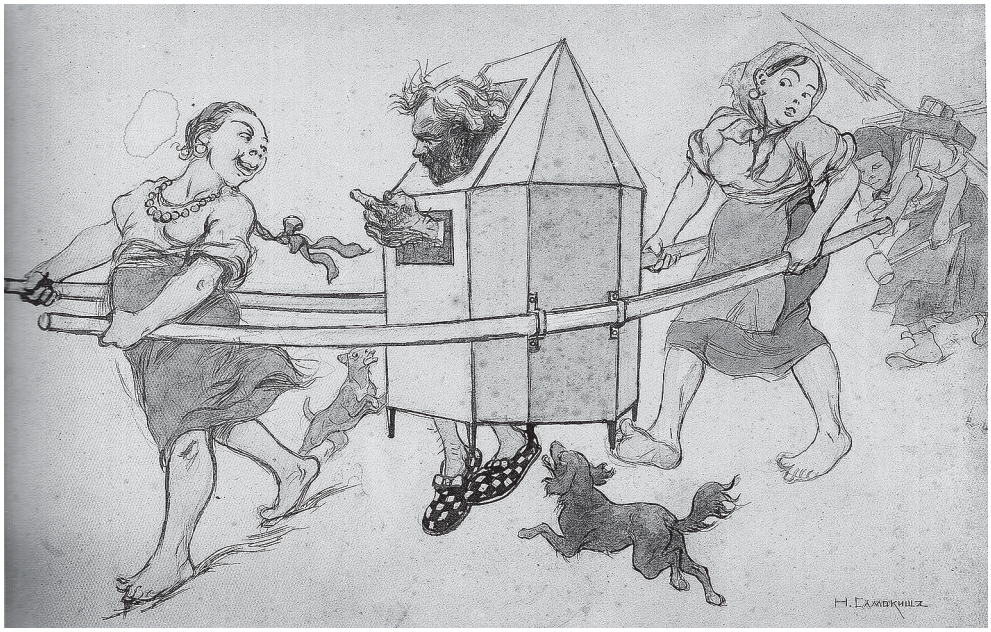
Некоторые произведения Самокиша, вошедшие в вышеназванное издание, сегодня хранятся в историко-мемориальном Музее-усадьбе художника П. Е. Щербова в Гатчине. Музей открыт в 1992 г. в доме художника, где он жил с семьёй. Несколько слов, конечно, надо сказать и о доме Щербова. Здание построено в 1911 г. по проекту архитектора С. С. Кричинского[14] в стиле северного модерна и имеет весьма необычный вид (ил. 9). Здесь бывали многие современники Щербова – представители художественной элиты Санкт-Петербурга. Сам художник, перебравшись в Гатчину, работал хранителем Арсеналь-

Ил. 9. Дом-музей П. Е. Щербова. Фотография автора. 2016

ной галереи Большого Гатчинского дворца. П. Е. Щербов прожил в этом доме до конца своих дней.

Основу фондов музея составляет коллекция хозяина, бережно сохранённая его вдовой Анастасией Давыдовной, а затем её племянником – Гуковским Василием Онисифоровичем. Среди произведений находятся работы Н. С. Самокиша, выполненные в 1904 г. во время поездки в Маньчжурию: «У морского маяка», «Горы», «Буддийский храм», «Восточный этюд», «На привале». Вероятно, художник после поездки на фронт много рассказывал о Маньчжурии знакомым и друзьям, а также дарил свои картины и рисунки, на которых были запечатлены события в Восточном регионе, столь интересовавшие современников.

В фондах музея-усадьбы П. Е. Щербова также хранится акварельная работа Н. С. Самокиша «Шарж на художника Похитонова» (ил. 10). Этот рисунок был создан в 1916 г. в Херсонской губернии в имении помещика Н. П. Рутковского, где Самокиш находился в отпуске после поездки на фронт Первой мировой войны с учебным отрядом. Журнал «Огонёк» в ноябре 1916 г. писал: «Приехал Н. С. Самокиш в вооружении альбомов, этюдов, набросков. Отдохнув, почтенный баталист начал приводить в порядок весь большой и обильный материал»[15].



Ил. 10. Н. С. Самокиш. Шарж на художника И. П. Похитонова. 1916. Дом-музей П. Е. Щербова

В это же время там уже гостил и работал Иван Павлович Похитонов[16], с которым Самокиша связывали долгие годы общения и дружбы. Во время этой встречи баталист создал шарж на художника-пейзажиста, который и зимой, и летом писал с на-

туры (для этого он использовал им самим же сконструированную карету). Журнал «Огонёк»[17] писал: «Эта мастерская на колёсах отапливается, снабжена зеркальным плафоном и такой же зеркальной передней стенкой. Сидя в этой карете, мастер спокойно работает на природе в лютую стужу. Летом он, чтобы не мешали ему ветер и пыль, пишет ландшафты в особой палатке, имеющей нечто общее с переносным шалашиком»[18]. Очевидно, автору шаржа было важно мнение известного карикатуриста, и он подарил этот рисунок П. Е. Щербову.

Ил. 11. К. Д. Трохименко. Портрет Н. С. Самокиша. 1916. Дом-музей П. Е. Щербова

В коллекции музея также находится картина «Портрет Н. С. Самокиша» (1916), созданная Карпом Трохименко[19] – учеником батального класса Академии художеств. Картина написана во время подготовки его дипломной работы «Допрос пленных мадьярских гусар» (1916). Главному персонажу картины молодой художник придал внешнее сходство со своим учителем – профессором Самокишем, который позировал своему ученику и остался доволен результатом его работы (ил. 11). Сюжет картины был задуман во время учебной поездки на фронт Первой мировой войны. На стороне России воевали венгерские гусары, и молодого художника заинтересовали образы военных мадьяр: их одежда и амуниция. Подготовительный эскиз к картине «Портрет Н. С. Самокиша» находится в Крымской художественной галерее, в экспозиции, отражающей историю 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка.

Образ Самокиша нашёл отражение и в творчестве Щербова. Мастер создал карикатуру «Портрет генерала S (Н. С. Самокиша)» (1910-е) (ил. 12). Художник-баталист Самокиш был военным человеком: во время поездки на фронт Первой мировой войны с учебной отрядом ему было присвоено звание полковника.

После событий 1917 г. Н. С. Самокиш жил и работал в Крыму. Долгие годы он вел переписку с Павлом Егоровичем и Анастасией Давыдовной Щербовыми. Уже в преклонном возрасте они поддерживали друг друга письмами с пожеланиями здоровья и оптимизма. В отделе рукописей ГРМ хранится несколько писем Самокиша Щербовым, в том числе письмо с соболезнованиями в связи с кончиной Павла Егоровича в 1938 г.[20]

Узнав, что не стало П. Е. Щербова, Николай Констинович Рерих в письме Павлу Федоровичу Беликову[21] от 25 апреля 1938 г. писал: «Первая моя встреча с ним [Щербовым. – *С. Л.*] относится ещё к временам академическим <…> Помню его карикатуру на мастерскую Куинджи, которую он облёк в образ моей картины “Сходятся старцы” <…>»[22] (ил. 13).

Ил. 12. П. Е. Щербов. Портрет генерала S (Н. С. Самокиша). 1910-е. Репродукция в издании «П. Е. Щербов». 1969

Речь шла о карикатуре «“Идольское мольбище“ на весенней выставке в Академии художеств» (1899) (ил. 14). Взяв за основу картину Н. К. Рериха «Сходятся старцы», П. Е. Щербов создал уникальный рисунок, изобразив профессора А. И. Куинджи[23] в виде идола, которому поклоняются его ученики. Участники сюжета расправляются с одним из критиков и тем самым приводят в ужас скульптора Г. Р. Залемана[24], выступающего в роли зрителя. Конечно, присутствует и Н. К. Рерих: он изображён с балалайкой в руках – отсылка к его интересу и увлечению историей Древней Руси. Карикатура была напечатана в 14 номере журнала «Шут» за 1899 г.

Также Рерих писал: «Все карикатуры Щербова являются страницами русской истории последних времён и должны быть изданы отдельным альбомом. Ведь все они появились в одном журнале у Голике [Издательство Р. Р. Голике, с 1902 г. – издательское товарищество «Р. Р. Голике и А. И. Вильборг». – *С. Л.*] и потому собрать их нетрудно, а по краскам они вполне поддаются переизданию»[25]. Сегодня мы имеем воз-

Ил. 13. Н. К. Рерих. Сходятся старцы. 1898

Ил. 14. П. Е. Щербов. «Идольское мольбище» на весенней выставке в Академии художеств. Карикатура. Журнал «Шут». 1899

можность познакомиться со многими работами известного карикатуриста рубежа веков, так как в 2013 г. вышло в свет репринтное издание художественного журнала «Шут» с карикатурами в 53 томах, включающих номера с 1879 по 1914 г.

Творчество современников было хорошо известно Н. К. Рериху. На годовых выставках Рисовальной школы они встречались и обсуждали вопросы развития русского изобразительного искусства и художественного образования. «Придут самые разные – и старые, и новые. А споры даже на лестнице гремят, и выставочные посетители пугливо озираются»[26].

После событий 1917 г. судьба разбросала русских художников. Н. К. Рерих и многие другие покинули Россию. Н. Самокиш уехал в Крым. П. Е. Щербов остался в Гатчине. Но сохранились их воспоминания и эпистолярное наследие, которые дают представление о жизни и деятельности этих замечательных людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Боровская Е. А.* Рисовальная школа Императорского Общества поощрения художеств. К вершинам профессиональной зрелости. СПб.: Астерион, 2012.

2 *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. 1-е изд. М.: МЦР; Мастер-Банк, 1996. Т. 3: 1942–1947. С. 357–358.

3 *Эспер Эсперович Ухтомский* (1861–1912) – князь, камер-юнкер Высочайшего двора, востоковед, дипломат, путешественник, коллекционер, издатель и редактор газеты «Санкт-Петербургские новости». Сотрудничал с Самокишем при составлении каталога Выставки предметов, привезённых Великим Князем Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем из поездки на Восток в 1890–1891 гг.

4 *Николай Семенович Самокиш* (1860–1944) – русский художник-баталист, график, книжный иллюстратор и педагог. В 1885 г. с отличием окончил Академию художеств. С 1894 по 1918 г. преподавал в Рисовальной школе ИОПХ. Его графические рисунки использовались при оформлении альбома «23 тысячи миль на яхте "Тамара"» по материалам путешествий, совершённых великими князьями Александром и Сергеем Михайловичами в 1890–1891 гг., и были хорошо известны при Императорском дворе.

5 *Мельников В. Л.* Н. К. Рерих о первых своих азиатских впечатлениях // Этико-философский журнал № 53. URL: https://grani.agniage.net/articles11/4609.htm (дата обращения: 13.05.2017).

6 *Павел Егорович Щербов* (1866–1938) – русский художник-карикатурист. Обучался в Академии художеств, но образование не завершил. Поддерживал связь со многими художниками-современниками, организовав на своей квартире кружок «Ревущий стан».

7 Ф. 423. Ед. хр. 1593 (Архив Ангелиса Николаевича Лбовского (настоящая фамилиия – Кожухов; 1898–1955) – русского поэта, известного гатчинского краеведа).

8 Поездку в Африку, к горе Килиманджаро, П. Е. Щербов совершил со своим близким другом и единомышленником художником Александром Андреевичем Чикиным (1865–1924). Совместно с Н. С. Самокишем А. А. Чикин иллюстрировал многие книжные издания: «По Белу-Свету. Путешествия доктора А. В. Елисеева по трем частям Старого Света», «Похождения Чичикова, или Мертвые души» Н. В. Гоголя и др.

9 Журнал «Шут» – художественный журнал с карикатурами, в котором давался обзор общественной жизни, печаталась юмористическая проза и стихи. Издавался в Петербурге с 1879 по 1914 г. издательством Голике.

10 *Савинов А. Н.* П. Е. Щербов. Л.: Художник РСФСР, 1969. С. 51.

11 *Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя Наследника Цесаревича [Николая Александровича] 1890–1891. В 3 т. СПб.; Лейпциг: тип. Ф. А. Брокгауза, 1893–1897.

[12] *Самокиш Н. С.* Война 1904–1905. Из дневника художника. СПб.: Издание Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1908. – 70 с.

[13] Журнал «Нива» – популярный журнал для семейного чтения, издавался в Санкт-Петербурге с 1869 по 1918 г. издательством А. Ф. Маркса.

[14] *Степан Самойлович Кричинский* (1874–1923) – русский архитектор. Выпускник Института гражданских инженеров. Работал в разных регионах России. Соавтор проекта Соборной мечети в Санкт-Петербурге (выступил как инженер-строитель).

[15] У художников в мастерских. Профессор Н. С. Самокиш // Огонёк. 1916. 6 (19) ноября.

[16] *Иван Павлович Похитонов* (1850–1923) – русский художник. Мастер пейзажа, работал в миниатюрной технике. С 1877 г. жил в Париже. Поддерживал общение с русскими художниками, в том числе с Н. Самокишем, в период их пенсионерской поездки во Францию.

[17] Журнал «Огонёк» – литературно-художественный иллюстрированный журнал. Выходил в России с 1873 по 1893 г. (издательство Г. Д. Гоппе). Затем с 1899 г. – как приложение к газете «Биржевые новости» (издатель С. М. Проппер). В годы Первой мировой войны с журналом широко сотрудничал художник Н. С. Самокиш.

[18] У художников в мастерских. Профессор Н. С. Самокиш.

[19] *Карп Демьянович Трохименко* (1885–1980) – русский и украинский художник. Учился в батальной мастерской профессора Н. С. Самокиша, участник учебной поездки на фронт Первой мировой войны. Профессор Киевского художественного института.

[20] РО ГРМ. Ф. 99. Ед. хр. 5.

[21] Павел Федорович Беликов (1911–1982) – исследователь жизни и творчества семьи Рерихов. Вёл переписку с Н. К. Рерихом и Ю. Н. Рерихом.

[22] Архив П. Ф. Беликова (письма Н. К. Рериха П. Ф. Беликову 1936–1940). URL: http://rerih.ucoz.ru/knigi/rerih36.pdf (дата обращения: 13.05.2017).

[23] Архип Иванович Куинджи (1841–1910) – русский художник-пейзажист. Профессор Академии художеств. Одним из его учеников был Н. К. Рерих.

[24] Гуго Робертович Залеман (1813–1874) – русский скульптор.

[25] Н. К. Рерих. Поэты и писатели Эстонии, корреспонденты Н. К. Рериха. URL: http://www.roerich.ee/articles/rus_vm2001-3.htm (дата обращения: 13.05.2017).

[26] *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. 3: 1942–1947. С. 357–358.

Т. С. НОВИКОВА
(Дом-музеей В. Я. Ерошенко – структурное подразделение МКУК «Старооскольский краеведческий музей», село Обуховка, Белгородская обл.)

РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ПРОВИНЦИИ РОССИИ: ДОМ УПРАВЛЯЮЩЕГО ГРАФА ОРЛОВА-ДАВЫДОВА В СЕЛЕ ОБУХОВКА СТАРООСКОЛЬСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Культура защищает историческое достоинство народа.
Николай Рерих

Согласно изречению великого мыслителя Николая Константиновича Рериха, вынесенному в эпиграф статьи, мы должны стремиться к сохранению культурно-исторических объектов. К таковым можно отнести дом управляющего графа Орлова-Давыдова в селе Обуховка Старооскольского района Белгородской области.

Обуховка – старинное село в Старооскольском крае, расположено на юге от районного центра города Старый Оскол на расстоянии 25 км. До 1954 г. входило в состав Курской области. Обуховка находится между двумя железнодорожными станциями – Старый Оскол и Голофеевка. Последняя с конца XIX до середины XX в. являлась для Обуховки главной железнодорожной и почтовой станцией. Село лежит на правом берегу реки Котёл, впадающей в реку Оскол.

Обуховка (слобода Петровская) – владельческое поселение конца XVII в. Заселена малороссиянами в 1711 г. фельдмаршалом Александром Даниловичем Меншиковым, в 1726 г. – графом Семеном Андреевичем Салтыковым. Часть села называлась Семёновкой[1].

Петровская слобода название получила по церкви во имя святых апостолов Петра и Павла (ил. 1). К концу XVIII в. слобода Петровская стала называться Обуховкой – по одной из версий, проживал здесь в то время помещик Обухов.

В 1802 г. произошли территориально-административные изменения в Старооскольском уезде. Уезд был разделён на 18 участков – волостей. Один из них получил название Обуховской волости. В XIX в. она представляла собой поселение при транспортной дороге от города Бирюч до Старого Оскола, при реке Котел – 170 дворов, 1202 жителя, деревянная церковь, начальное народное училище, приходская школа, волостное правление, хлебозапасный магазин, маслобойный завод, 9 кожевенных заводов, 17 кузниц, 3 чёрных, 2 мелочных и одна винная лавки. При поселении находились земли церковного причта, усадьба, две водяные и шесть ветряных мельниц.

В селе Обуховка в XIX в. и до 1930-х годов было широко развито ремесленное дело: кожевенное, кузнечное, сапожное. Кожевенное дело представляли мастера Козлов Дмитрий Захарович, Ляхов Дмитрий Михайлович. В Обуховке в начале века проживали многочисленные династии мастеров кузнечного дела, 50 кузнецов (ковалей) насчитывалось в слободе. Особенно славились обуховские топоры, за ними приезжа-

Ил. 1. Церковь св. Петра и Павла в Обуховке. 1930-е

ли за две тысячи километров. В Обуховке сохранился кирпичный двухэтажный дом зажиточного крестьянина кузнеца Киселева. Из мастеровых были в Обуховке люди, которые держали маслобойни на реке. Это Яновских Максим, Шапоров Андрей. Насчитывалось сорок дворов сборщиков утильсырья, в просторечье – «лохмотников». В их задачу входил сбор тряпья, кож, костей по окрестным деревням. Заготовители уходили на промысел и возвращались лишь через месяц-полтора, сдав сырьё на склад в Старом Осколе. Одним из представителей этой профессии был Иван Иванович Кириченко. Память о Петре Ивановиче Солдатове, известном на всю округу столяре, осталась в каждом доме Обуховки. Мастер изготовлял позолоченные иконостасы, мебель, оконные рамы. Был он крепостным, и выменяли его в Обуховку на собаку.

Центральная улица слободы в XIX в. носила название Базар, или Базарная, ныне улица имени В. Я. Ерошенко. На этой улице располагались торговые ряды. В селе проходили три большие ярмарки в год. Одна летом – в Петров день, и две осенью. Празднично, весело, с каруселями, плясками, бубликами проходил базар. А людей, выпекавших бублики, в Обуховке называли бубличники, и славились они на весь уезд. Существовал в слободе у торговых людей свой язык – сабельский. Служил он

для тайных переговоров между купцами, некоторые слова жители используют до сих пор. В 1904 г. в Обуховке появился телеграф[2].

Обуховка – родина музыканта, писателя, эсперантиста, путешественника, тифлопедагога Василия Яковлевича Ерошенко. В селе находится мемориальный комплекс, включающий в себя Дом-музей В. Я. Ерошенко и некрополь семьи Ерошенко. Дом-музей В. Я. Ерошенко открыт 12 января 1990 г. к 100-летию со дня рождения писателя (ил. 2). Экспозиция Дома-музея отражает быт зажиточных крестьян начала XX в., жизненный и творческий путь Василия Яковлевича Ерошенко, его достижения в области литературы и в деле обучения слепых. На территории в 2010 г. установлен бюст В. Я. Ерошенко (автор – старооскольский скульптор-художник В. Н. Колесников) со словами, которыми сам писатель выразил смысл своей жизни: «жил, путешествовал, писал…».

Ил. 2. Дом-музей В. Я. Ерошенко

Василия Яковлевича Ерошенко называют человеком мира. За свою жизнь он изучал языки Запада и Востока, в совершенстве знал 12 языков, посетил два десятка стран, но, где бы он ни был, всегда помнил о родине. Судьба Василия Яковлевича потрясает каждого. История жизненного пути и творчества Ерошенко – живая легенда и пример для подражания. Был профессором Токийского, Пекинского университетов (ил. 3), работал в Индии, Бирме, Сиаме (Таиланде). Создал в Туркмении школу-интернат для слепых детей и разработал шрифт Брайля на туркменском языке. Работал в Москве, в Коммунистическом университете трудящихся Востока, в Загорском интернате преподавал для ослепших на фронтах Великой Отечественной войны. Постоянно трудился и самообразовывался, учился в Английском королевском колледже для слепых, в университете Сорбонна во Франции.

Ил. 3. В. Я. Ерошенко со слушателями курсов эсперанто. Пекин. 1921

Василий Ерошенко родился 12 января 1890 г. в селе Обуховка Старооскольского уезда Курской губернии (ныне – Старооскольский район Белгородской области) в семье зажиточных крестьян. Родители Василия Яковлевича одного года рождения – 1866-го (ил. 4). Они были выходцами из разных мест. Отец, Яков Васильевич, – из села Чернянка Белгородской области. Мать, Евдокия Васильевна, в девичестве Семыкина, родилась в Старом Осколе. После женитьбы они поселились в слободе Обуховка. Семья Ерошенко была многодетной: три сына – Александр, Василий, Иван, и четыре дочери – Неонила, Пелагея, Мария и Нина. Отец занимался торговлей, имел лавку возле дома. Покупал лес на корню у графа Орлова-Давыдова, которому принадлежали окрестные земли, организовывал бригаду по рубке деревьев, их обработке, а затем продавал древесину. Эта деятельность позволяла семье жить безбедно.

Ил. 4. Родители В. Я. Ерошенко

Ребёнком в результате тяжелой болезни Василий Ерошенко потерял зрение. В его детской памяти сохранились лишь смутные воспоминания о цвете неба, куполе сельской церкви, голубях и лице родной матери. В автобиографическом эссе «Страничка из моей школьной жизни» он писал: «Я слепой. Ослеп я четырёх лет от роду. С мольбой, весь в слезах покинул я красочный мир солнца. Ночь моя продолжается и будет продолжаться, покуда я жив, но разве я проклинаю её? Нет, вовсе нет. Хотя ночь принесла страдания, часто робость, но я учился слушать звёзды, поющие в небе, и учился познавать природу»[3].

В 1899 г. мальчика отправили в учебно-воспитательное заведение Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей. «Главной целью учебно-воспитательного заведения для слепых детей является подготовка слепых к самостоятельной жизни в качестве полезных для себя и других тружеников, достаточно развитых в физическом, нравственном и умственном отношениях», – говорилось в уставе общества. Одним из попечителей Московской школы для слепых детей среднего сословия был граф Сергей Владимирович Орлов-Давыдов. Именно благодаря его участию слепой сын обуховского лавочника Якова Ерошенко Василий получил образование, что в дальнейшем сыграло ключевую роль в его судьбе.

В XIX – начале XX в. вплоть до революции Обуховкой владело целое поколение графов Орловых-Давыдовых. Орловы-Давыдовы – потомки двух известнейших в России семей, внёсшие большой вклад в промышленное, культурное и политическое развитие страны.

В нашем крае Орловы-Давыдовы считались богатыми людьми, земельные владения которых насчитывали более 3000 десятин земли и 100 душ крестьян. Такими богатствами владели лишь 6–8 старооскольских дворян. Основную прибыль старооскольские дворяне получали от продажи продуктов земледелия, производимых крепостными крестьянами, арендной платы за землю и выкупных платежей после реформы 1861 г.

Родоначальником ветви графов Орловых-Давыдовых был Владимир Петрович Давыдов (1809–1882) – сын младшей дочери графа Владимира Григорьевича Орлова (1743–1831) Натальи Владимировны (1782–1819). В 1856 г. по пресечении мужской линии графу Владимиру Петровичу был присвоен титул и фамилия деда – графа Владимира Григорьевича Орлова и в его владении поступила большая часть недвижимого имущества. Земельные владения, доставшиеся графу Владимиру Петровичу от деда, отца, матери и жены, были приумножены им путём скупки. В 1863 г. из его владений было создано три майората. После смерти графа Владимира Петровича Орлова-Давыдова имения и имущество его было разделено между тремя сыновьями и тремя дочерьми, но в конечном итоге большая часть недвижимого имущества графа Владимира Петровича Орлова-Давыдова досталась его младшему внуку Алексею Анатольевичу Орлову-Давыдову, так как ему по наследству перешла большая часть имений отца и дяди Сергея Владимировича Орлова-Давыдова.

Алексей Анатольевич Орлов-Давыдов (13 декабря 1871 – 1932), граф, депутат IV Государственной Думы, помещик Владимирской, Воронежской, Калужской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Самарской, Тамбовской и Тульской

губерний, один из богатейших землевладельцев в России, ему принадлежали обширные владения в десяти губерниях (Владимирской, Воронежской, Калужской, Курской, Московской, Нижегородской, Самарской, Тамбовской, Тульской), свеклосахарный рафинадный завод в Тамбовской губернии, каменные дома в Петербурге и Москве и дачи под Ревелем и Мариенбургом. Кроме того, он являлся обладателем крупного капитала, размещённого в государственных и частных банках как в России, так и за границей[4].

В настоящее время от графов Орловых-Давыдовых в Обуховке сохранилось народное название склона холма «Панская горка», с которого любят кататься дети в зимнее время, и дом в лесничестве. На холме до июня 2011 г. стоял сельский клуб. Сейчас на месте клуба находится храм в честь святых апостолов Петра и Павла. Храм был восстановлен на историческом месте через семьдесят лет после того, как в 1946 г. прежняя деревянная постройка сгорела. Новый храм стал настоящим украшением села (ил. 5).

Ил. 5. Церковь св. Петра и Павла в Обуховке. 2016

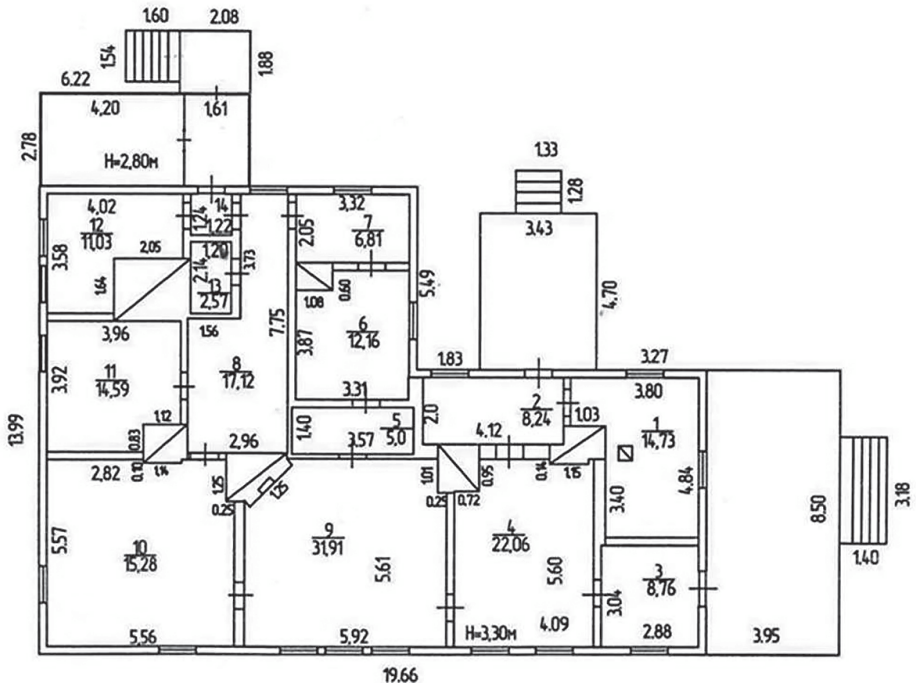
Ил. 6. Дом управляющего графа Орлова-Давыдова в Обуховке

Ил. 7. Печи-голландки в доме управляющего графа Орлова-Давыдова в Обуховке

Надеемся, что наступит время для реконструкции и ремонта ещё одного исторического объекта на территории Обуховки – дома управляющего графа Орлова-Давыдова, который расположен в Обуховском лесничестве и представляет собой дом с хозяйственными постройками по периметру двора (ил. 6).

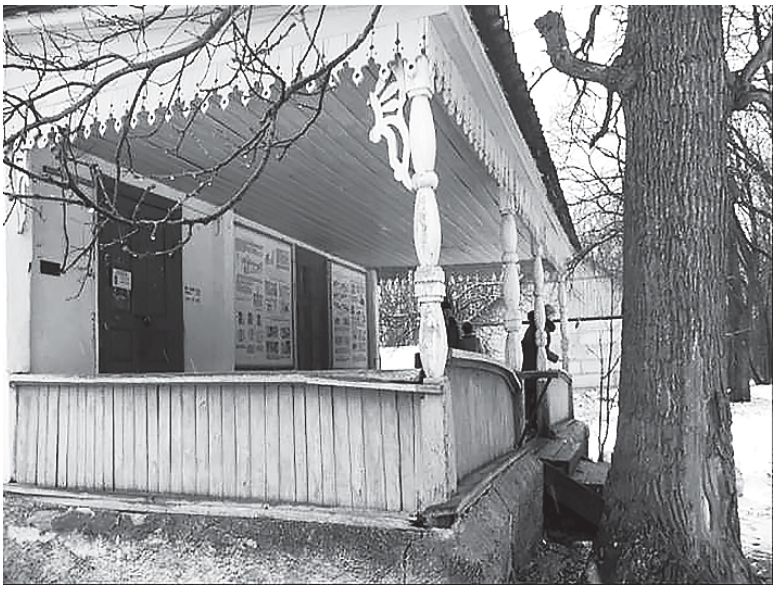
На основании технического паспорта, составленного в 2006 г. Старооскольским БТИ, дом был построен в 1910 г. По воспоминаниям местных старожилов, в этом доме жил управляющий графа Орлова-Давыдова. В Обуховском лесничестве более ранних документов на дом не сохранилось, но его внешний вид свидетельствует о дореволюционном времени постройки: резное просторное крыльцо, большие залы, высокие потолки, газовые печи-голландки, покрытые глазированной плиткой (ил. 7). В настоящее время в доме произведён ре-

монт, и многие свидетельства былой красоты и роскоши скрыты под современными строительными материалами. С 1937 г. в доме располагается управление лесничества.



Ил. 8. План дома управляющего графа Орлова-Давыдова в Обуховке

Из воспоминанииий сотрудника Обуховского лесничества Сергея Васильевича Алексеева: «Я работал в Обуховском лесничестве с 1991 по 2009 г. В этот период по моей инициативе в доме бывшего управляющего имением графа Орлова-Давыдова был произведён ремонт. Я вызывал специалистов БТИ. Был составлен технический паспорт и план дома (ил. 8). По моим сведениям, построен дом в 1910 г. из дубовых брёвен, снаружи оштукатурен. Такой вид у него сохранился и в настоящее время. Крыша перекрыта шифером, так как старая железная крыша протекала. Сделали отмостку вокруг дома. Перед крыльцом выложили тротуарную плитку, асфальтировали дорожки на территории. Когда я пришёл работать в лесничество, в доме отопления не было: подтапливали печи, но было холодно, сыро. В дом провели газ, поставили газовый котёл. Потолки внутри помещения осыпались, их очистили, подштукатурили, покрыли плиткой. На стены наклеили обои. Подремонтировали крыльцо, заменили некоторые сгнившие доски, заменили часть оконных рам (ил. 9). Все двери в доме дубовые. Дверь, ведущая из углового зала в коридор, куда выходят двери спальни и кухни, была снята, а проход перегорожен. Я отреставрировал дверь: снял с неё краску,



Ил. 9. Крыльцо с резными наличниками в доме управляющего графа Орлова-Давыдова в Обуховке

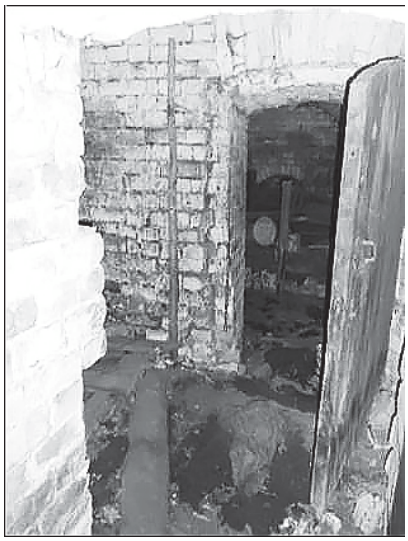
восстановил её первоначальный вид, покрыл лаком. Ручки на дверях были железные, резные с внутренними запорами. Полы в доме двойные, между ними расстояние 40 см. Верхние доски дубовые: ширина 60 см и толщина 25 см. Прибиты коваными гвоздями. Потом полы покрыли краской. Между полами снаружи имелись отдушины, которые летом открывались для вентиляции, а зимой плотно затыкались. Потолки в доме тоже двойные. Всё это было устроено для сохранения тепла. Дверцы на печах были старинные, сохранились в первозданном виде»[5].

Историческую ценность дому управляющего графа Орлова-Давыдова придаёт не только архитектурные особенности строения, но и тот факт, что в начале 1910-х годов управляющим в нём был брат выдающегося деятеля культуры Николая Константиновича Рериха Владимир Рерих (1882–1951). Одним из свидетельств этой службы является открытое письмо Н. К. Рериха своему брату В. К. Рериху со штемпелем Голофеевки 16 июня 1911 г.

В 1908–1910 гг. Владимир Константинович Рерих служил помощником управляющего в тамбовском имении «Ново-Покровское» графа Алексея Анатольевича Орлова-Давыдова.

В июне 1911 г. Владимир Константинович работает уже в другом имении графа Орлова-Давыдова – у станции Голофеевка Курской губернии (ныне находится на территории Белгородской области), и, судя по всему, успешно. В курском имении он устроился основательно, его положение позволяло ему принимать в качестве гостей родственников и друзей. Летом у него гостила мать[6].

То, что на Обуховской земле работали и жили выдающиеся личности, можно почувствовать сразу, как только увидишь дом. Его фасад, парадное крыльцо с резным обрамлением, необычными закруглёнными перилами, просторной широкой лестницей приводят посетителей в восторг, так как дом находится на окраине леса. Поражает своим великолепием его архитектура, она нетипична для глухой провинции. Дом имеет три входа: парадный и два для прислуги. В просторных залах, кабинетах, спальных комнатах печи-голландки, камины. Под всем домом цокольный этаж, повторяющий расположение комнат первого этажа (ил. 10). Вокруг дома – остатки некогда благоустроенной территории. Просторные конюшни, надворные постройки, большой двор и до сих пор плодоносящий сад.



Ил. 10. Фрагмент цокольного этажа дома управляющего графа Орлова-Давыдова в Обуховке

Невдалеке – прекрасная лесная зона для прогулок, с дубом-долгожителем в центре. Этот дуб – один из старейших в Белгородской области, ему около 400 лет. Он является памятником природы местного значения. Высота его более 25 м, а диаметр более 4 м. У этого дуба любил проводить время за написанием своих произведений Василий Ерошенко.

Сотрудники Дома-музея В. Я. Ерошенко разрабатывают пешеходные и выездные экскурсии по памятным местам Оскольского края и внесли в экскурсионные маршруты по Обуховской земле дом управляющего Орлова-Давыдова, дуб-долгожитель. Регулярно проводятся экскурсии для посетителей, гостей города, и этот маршрут вызывает неподдельный интерес.

В Старооскольском краеведческом музее создан проект «Дворянская усадьба», который предполагает восстановление дома управляющего имением графов Орловых-Давыдовых, хозяйственного комплекса, усадебного ландшафта с последующим включением в единый культурно-исторический комплекс села Обуховка. К сожалению, в настоящее время проект не реализовывается по причине отсутствия источников финансирования.

В проекте главной составляющей являются работы по сохранению, реставрации здания, а также приспособление данного объекта для функционирования в сфере культурного туризма. Надлежащее техническое состояние – одно из условий использования объекта в туристских целях.

Мы предлагаем воссоздать мир провинциальной дворянской усадьбы, её уклад и традиции старинных родов, живших в Старооскольском уезде. На территории Старооскольского округа находились поместья дворян Орловых-Давыдовых, Трубецких-Всеволожских, Байбусов, Харкиевича, Калмыковых.

На протяжении многих веков усадьба являлась важным компонентом отечественной культуры. Исторические условия, способствовавшие возникновению и развитию русской усадьбы, сделали её национальным явлением.

Воссоздание сельской усадьбы в селе Обуховка позволит наиболее полно представить историю и культуру Старооскольского края во всём её многообразии. Музей-усадьба станет не только экскурсионным объектом, но и результатом исследования огромного пласта краеведения, что позволит сделать данный объект интересным и привлекательным с познавательной точки зрения.

В музее «Дворянская усадьба» представляется возможным выделить следующие экспозиционные комплексы:

1. История и бытовой уклад мелкопоместного дворянства Старооскольского уезда.

2. Быт сельской дворянской усадьбы с исторически достоверно восстановленным подворьем, восстановлением всего хозяйственного комплекса.

3. Садово-парковый ландшафт с обустройством территории для занятий с детьми и проведения культурно-массовых мероприятий.

4. История села Обуховка, включающая в себя основные этапы заселение края, развитие промыслов.

5. Мастерские, в которых представлен деревообрабатывающий промысел, занимавший на протяжении сотен лет первое место по количеству мастеров в Старооскольском уезде.

Считаем необходимым продолжить исследовательскую работу с привлечением архивных документов, относящихся к истории усадьбы графа Орлова-Давыдова и службой управляющего Владимира Константиновича Рериха для сохранения и приумножения культурно-исторических ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Никулов А. П.* Старый Оскол. Историческое исследование Оскольского края. Курск: ГУИПП «Курск», 1997. С. 198.

[2] Летопись населенных пунктов Старооскольского городского округа Белгородской области: краевед. очерки / ред. совет.: А. В. Голев, Л. П. Кравцова, Л. М. Чуева и др. Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2015. С. 147–155.

[3] *Лазарев В. Я., Першин В. Г.* Импульс Ерошенко: Жизнеописание. Сказки слепого поэта, познавшего мир. М.: ТПО ТАМП, 1991. С. 16.

[4] URL: http://www.fgurgia.ru/showObject.do?object=45360723 (дата обращения: 09.04.2017).

[5] Воспоминания Алексеева Сергея Васильевича, сотрудника Обуховского лесничества. 2010 г.

[6] *Мельников В. Л., Решетов А. М.* Биолог из семьи Рерихов: Владимир Константинович Рерих (1882–1951) // Зарубежная Россия. 1917–1945: сб. статей. Кн. 3. Спб., 2004. С. 180–188.

Т. С. МАТЕХИНА
(Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург)

ПЕРЕПИСКА А. В. ЩЕКАТИХИНОЙ-ПОТОЦКОЙ И М. Н. ПОТОЦКОГО С МИТУСОВЫМИ В 1924–1936 гг.

В Музее-институте семьи Рерихов хранятся письма, которые написаны А. В. Щекатихиной-Потоцкой и её сыном М. Н. Потоцким в 1924–1936 гг. в Сирии и Франции и адресованы Митусовым – их родственникам в Ленинграде. Эти семьи связывали общий круг друзей и родственные отношения.

Глава семьи Митусовых, Степан Степанович (1878–1942), со времён учёбы в Санкт-Петербургском университете на филологическом и юридическом факультетах, дружил с Николаем Константиновичем Рерихом (1874–1947) и Николаем Филипповичем Потоцким (1881–1920). В 1907 году С. С. Митусов женился на родной сестре Н. Ф. Потоцкого Екатерине Филипповне (1882–1942). У Митусовых родились три дочери: Злата (1908–1942), Людмила (1910–2004), которую близкие называли Зюма, и Татьяна (1913–1994).

Н. К. Рерих по окончании университета получил работу в Императорском обществе поощрения художеств (ИОПХ). Его невестой, позднее женой, стала двоюродная сестра С. С. Митусова Е. И. Шапошникова (1879–1955).

С 1906 г. Н. К. Рерих был назначен директором Рисовальной школы ИОПХ, и в школу пришли несколько преподавателей, в числе которых был И. Я. Билибин (1876–1942). Вскоре после рождения первой дочери, тоже по предложению Н. К. Рериха, работать в Рисовальной школе начал и С. С. Митусов. С. С. Митусов получил хорошее музыкальное образование, и, помимо службы в школе, его основным занятием была музыка. Он создал хор школы, аккомпанировал на рояле, давал уроки теории музыки и камерного пения. Между С. С. Митусовым и И. Я. Билибиным установились дружеские отношения.

В 1908–1913 гг. в Рисовальной школе училась Александра Васильевна Щекатихина (1892–1967). Она происходила из старообрядческой купеческой семьи г. Александровска (ныне – Запорожье). В 1908 г. А. В. Щекатихина приехала в Петербург и после неудачного поступления в Императорскую Академию художеств была зачислена в Рисовальную школу ИОПХ, где считалась одной из лучших учениц. По предложению И. Я. Билибина она совершила творческую поездку по северным русским городам в 1910 г., также помогала Н. К. Рериху в его живописных работах. В 1915 г. А. В. Щекатихина вышла замуж за уже упомянутого брата Е. Ф. Митусовой юриста Н. Ф. Потоцкого, и у них родился сын Мстислав (Славчик, Славушка) (1916–1998). С 1918 г. А. В. Щекатихина-Потоцкая работала художником на Императорском фарфоровом заводе. В 1920 г. Н. Ф. Потоцкий умер.

В 1923 г. И. Я. Билибин, уже находясь в эмиграции, предложил А. В. Щекатихиной-Потоцкой выйти за него замуж. Она ответила согласием и приехала с сыном к нему в Египет[1]. В августе 1925 г. И. Я. Билибин с семьёй переехал во Францию, а в сентябре 1936 г. они вернулись в Ленинград. Семья Митусовых всё это время оставалась в СССР.

Рассматриваемая переписка между этими семьями 1924–1936 гг. насчитывает 21 письмо А. В. Щекатихиной-Потоцкой и её сына Мстислава Митусовым[2], их дополняют пять фотографий с подписями 1924–1926 гг.[3] Судя по упоминаниям в письмах, количество посланий было больше. Сообщалось, например, об отправлении заказных писем, фотографий, посылок[4]. На большинстве писем есть почтовые штемпели с датой и местом отправления, и в нескольких случаях Мстислав сам указывал дату. Остальные письма можно датировать по содержанию. При этом среди сохранившегося, видимо, нет писем 1930–1931 гг. Письма в Ленинград доходили довольно быстро: из Дамаска – за 17 дней, из Парижа – за 3–6 (авиапочтой, с железнодорожного вокзала, из разных почтовых отделений), с юга Франции за 6–7 дней.

Послания в Ленинград в основном имеют вид открытых писем. На двух первых открытках из Франции забавные рисунки котов. Остальные – фотооткрытки с портретами арабских девушек, видами Франции, Парижа, экспонатами французских музеев[5]. Есть и два более подробных письма Мстислава, а также письмо на обороте его визитной карточки[6]. Восемь писем без следов почтовых штемпелей[7] могли быть отправлены в конверте или иной упаковке. Почтовые конверты от этой переписки не сохранились.

Большая часть рассматриваемых посланий в Ленинград написана М. Потоцким и адресована им в основном кузинам. Письма Мстислава очень аккуратны, некоторые из них предварительно разлинованы графитным карандашом. В первых и последней открытках он писал на русском языке, а с 1929 г. чаще использовал французский. Сестры Митусовы знали французский язык, в школе они учили также немецкий. Злата по окончании школы дополнительно изучала английский, и в переписке с ней в 1934–1936 гг. Мстислав использовал в основном именно этот язык. В своих письмах Мстислав вспоминает также Стёпу – С. С. Митусова, тетю Аню – Анну Васильевну Шелехову, свою бабушку со стороны отца, которая после Первой мировой войны жила в семье Митусовых и помогала воспитывать детей, а также Азру – собаку Митусовых.

А. В. Щекатихина-Потоцкая писала только по-русски. Она или заканчивала письма Мстислава[8] или писала отдельно, обращаясь в основном к старшим представительницам семьи Митусовых: Екатерине Филипповне в 1929 г.[9] и Злате[10] в 1933 и 1935 гг., во время отъезда её матери из Ленинграда.

Письма Митусовых к А. В. Щекатихиной-Потоцкой и М. Н. Потоцкому 1924–1936 гг. неизвестны[11], но упоминания о взаимном почтовом обмене есть и в письмах из Франции, и в семейной переписке Митусовых. Часть писем в Ленинград – это ответы на письма из России, что даёт возможность представить, о чём могли писать Митусовы своим родственникам. Сведения дополняет также информация из семейного архива Митусовых (семейная переписка, документы, воспоминания Л. С. Митусовой)[12]. Несмотря на жалобы Мстислава на недостаточное внимание кузин к нему, многие сохранившиеся его письма были ответами: до 1933 г. – в основном на письма Тани и в меньшей степени Людмилы, позднее – на письма Златы. Екатерина Филипповна также участвовала в этой переписке.

В первом из сохранившихся писем в Ленинград в октябре 1924 г. А. В. Щекатихина-Потоцкая и М. Потоцкий рассказывали о посещении Дамаска (во время путешествия по Сирии и Палестине) и сообщали, что через месяц им можно будет писать на имя Билибина в Александрию в Египет[13]. Мстислав обращался одновременно ко всем трём своим кузинам. Возможно, и выбор фотооткрытки с портретами трёх арабских девушек в национальной одежде не случаен. К этому периоду относятся также фотографии с автографами А. В. Щекатихиной-Потоцкой: она с сыном в Ливане, Мстислав на форте близ Александрии[14]. В августе 1925 г. семья И. Я. Билибина переехала во Францию в Париж, где Мстислав начал учиться в лицее.

В этом же году все девочки Митусовы ходили в девятилетнюю школу в Ленинграде. Примерно тогда же Таня Митусова в записке маме сообщала: «Французские глаголы кое-как прочла и успокоилась, а что завтра будет я не знаю», – затем добавила: «Завтра надо пораньше встать чтоб хоть немного по учить русский язык. Мамочка если у тебя есть канверт то полажи туда писмо Славчика и напиши адрес его завтра надо опустить».

В январе 1926 г. (?) Мстислав поздравил открыткой всех Митусовых с Рождеством, а Таню также с Днем ангела[15]. Интересно изображение на выбранной открытке. Это занимательный цветной рисунок кошачьего семейства, музицирующего у рояля. Всех персонажей открытки Мстислав соотнёс с пятью членами семьи Митусовых и коротко подписал. Стоит упомянуть, что в доме Митусовых стоял рояль[16] и постоянно звучала музыка. В ответ на Танину, видимо, предновогоднюю, весточку Мстислав делился подробностями о новогоднем празднике в мастерской И. Я. Билибина в Париже и о своих именинах: «Дорогая Таня, ты у меня спрашивала была ли у меня ёлка. Конечно, была и такая большая, что она у вас не поместилась бы. А у нас мастерская в 6 метров вышины и 19 метров в длину. На ёлке у нас был сын художника Григорьева, которому 12 лет[17]. И ещё два мальчика и две девочки. Можешь ли ты прислать мне марку с портретом Ленина? Мой день ангела прошёл в лицее и как раз в четверг, когда к нам можно приезжать. Ко мне приехала мамочка и подарила мне медвежонка и дядя Ваня подарил мне 50 франков и альбом для марок». Мстислав желал Стёпе «счастья в его новых делах»[18].

Мстислав скучал по родине. Он просил Таню «прислать ему почтовую марку с портретом Ленина», написать «на открытке чтобы там был бы напечатан Невский проспект», отправить ему открыток или фотографий с пейзажами России, фотографии Митусовых[19]. Обсуждая события лета 1928 г., связанные с экспедицией У. Нобиле, Славчик радовался, что «русская експедитцея спасла италианцев», спрашивал, что об этом говорят в СССР и просил прислать «в писме чуть чуть русской земли»[20].

Одной из важных тем в письмах из Франции была учёба Мстислава[21]. В январе 1926 г. Мстислав, рассказывая о своём дне рождения, упоминает, что это происходило в лицее «и как раз в четверг, когда к нам можно приезжать»[22]. Летом 1928 г., по окончании учебных занятий, Славчик отмечает, что получил награду за учебу[23]. В письмах около 1929 г. Александра Васильевна делилась с Екатериной Филипповной: «Ужасно трудно со Славчиком, не любит учиться и большой лентяй вообще. Он вытянулся ещё больше», «Славчик продолжает лениться. Он уже ростом с И. Я. С пе-

реэкзаменовкой, но тянется»[24]. В 1931–1932 гг. Мстислав учился в первом классе лицея в Париже. В письме Татьяне от 3 марта 1932 г. он описывал особенности своей учёбы, частично по-французски: «Я хотел бы быть инженером ко. агро., что значит колониальным агрономом. Я сейчас должен перейти во второй класс. У нас вот какие правила: в первом классе держим первый бакалавриат, в speciale 2-ой бакалавриат, причём мы держим экзамены не в том лицее где учились, а в какой назначат. Потом надо ещё держать экзамен в Сорбонне и наконец конкурс. Самое трудное это бак., так как держут тысячи народу. На писменные даётся вес день от 8 до 5 с перерывом на завтрак, и наконец устный, который лёгкий. Но тот кто проваливается на письменном не допускается на устный. Недавно я делал доклад о богатстве столярных изделий [?] СССР. Теперь мне остаётся сделать сельскохозяйственные ресурсы. Учитель на меня злился потому что я приводил слишком много цифр. Мне совершенно всё равно»[25]. Шестого сентября 1932 г., по-французски: «Я всё готовлюсь к сельскому хозяйству, и хочу добиться успеха, несмотря ни на что. Какая пытка!»[26].

Во многих письмах из Франции рассказывалось о летних впечатлениях. После жаркого мая 1926 г. в Париже летом семья И. Я. Билибина отдыхала на севере Франции в Нормандии[27]. С 1929 г. в письмах из-за рубежа ежегодно сообщалось о летнем отдыхе в Провансе на Южном берегу Франции. Летом этого года семья И. Я. Билибина отдыхала в пригороде Тулона Ла Фавьер на даче П. Н. Милюкова вместе с семьями Гликберг и Станюкович[28]. На открытке от 4 сентября 1929 г. с фотографией прибрежного городка Ле Лаванду Славчик отметил по-французски: «Здесь жили С. Черный и А. Куприн» и «Здесь мы купаемся»[29]. На обороте он продолжал: «Мы рады приветствовать вас в деревушке на юге Франции. Цикады поют повсюду. Я посылаю вам фотографии. Я купаюсь здесь каждый день». Видимо, с событиями того же лета связана и фотография пикника в Ла Фавьер, на которой запечатлены И. Я. Билибин, А. В. Щекатихина-Потоцкая, М. Н. Потоцкий, А. М. и М. И. Гликберг (Саша Чёрный и его жена), Л. С. Станюкович[30]. На обороте надпись М. Потоцкого «Ето мы летом в кампание: Дядя Ваня, Мамочка, Саша Чёрный, я и другие П.». В большом письме от 3 марта 1932 г. Мстислав в ответ на письмо кузины Тани делился впечатлениями о прошедшем лете 1931 г., частично по-французски: «Мы же были на Юге там где всегда и начали строит мастерскую с верандой, где я собираюсь спать на свежем воздухе. Доктор сказал, что у меня плохие лёгкие и сердце работает не очень хорошо и что солнце мне вредно. Это мне абсолютно всё равно»[31]. После следующего лета на открытке с прибрежным видом Ле Лаванду от 6 сентября 1932 г. Мстислав отметил: «Тут стоит наша маленькая собственная villa», Александра Васильевна писала: «Отдыхаю со Славцом на Средиземном море. Через неделю возвращаемся обратно в душный Париж», Славчик же сообщал: «У нас тут чертовская жара»[32].

Митусовы тоже старались летом уезжать из Ленинграда, укреплять здоровье, отдыхать и путешествовать за городом и на юге. В 1926–1927 гг. они снимали дачу в Ропше и Стрельне. В 1927 г., в июле и августе, Екатерина Филипповна отдыхала с младшими дочерьми в Геленджике, с помощью денег, полученных от Рерихов. Туда же удалось ненадолго приехать и Злате. В конце 1920-х – начале 1930-х годов Митусовы ездили на дачу к знакомым в Детское село под Ленинградом. В 1928 г. Злата

со знакомыми путешествовала по Волге. В 1929 г. Людмила для лечения горла ездила летом на полтора месяца к знакомым семьи на Кавказ. В 1931 г. в августе Злата путешествовала с друзьями на теплоходе в Петрозаводск. У Тани это лето тоже прошло удачно, что следует из ответного письма Мстислава[33]. Летом 1932 г. Злата ездила к знакомым в Москву, а Людмила Митусова отдыхала с отцом у своих знакомых в деревне Панютино Псковской области. После отъезда С. С. Митусова осенью 1932 г. «в добровольную ссылку» на работу в Хибиногорск сестры Митусовы приезжали к нему на Север. В 1933 г. в январе к отцу ездила Людмила, а в августе, видимо, туда приезжала и Злата. Людмила во время учёбы от Академии художеств ездила на летнюю практику в Ропшу. Летом 1935 г. Таня Митусова гостила у подруги детства в Самаре.

В открытках из Парижа 1926–1929 гг. сообщалось о родственниках по линии князя П. А. Путятина, эмигрировавших из России. В январе 1926 или 1927 г. Мстислав писал: «К нам приходят Мима и Нока»[34]. Имелись в виду Марина и София Потоцкие, внучки П. А. и Е. В. Путятиных, дочери Софии Павловны Потоцкой (ур. Путятиной) и генерала Д. Н. Потоцкого, двоюродные сестры девочек Митусовых. 19 февраля 1928 г.: «Марина[35] уехала в Америку (в Нью-Йоркъ. Тетя Мира выходит замуж, а бабушка Д. уехала туда где мои папа и никогда не вернётся»[36]. Тетя Мира – Марианна Павловна Маркова (р. 1884), в замужестве Лос Туккер, дочь Е. В. и П. А. Путятиных, сводная сестра С. С. Митусова, вдова генерала С. Л. Маркова; бабушка Д. (Дуня) – Евдокия Васильевна Путятина (ур. Голенищева-Кутузова (1855–1928) – талантливая певица, в первом браке жена С. Н. Митусова, с 1882 г. жена П. А. Путятина, мать С. С. Митусова, Софьи и Марианны Путятиных. Овдовев, после 1922 г. она уехала из Петрограда за рубеж к своим дочерям, умерла в Париже[37]. В следующей открытке: «У Марины родился сын Американский житель, которому всего только один месяц. Знаешь ли ты, что умер наш бедный Vova». Позднее, в январе 1929 г. (?), А. В. Щекатихина-Потоцкая писала: «Тетю Соню и Ноку не встречала в этом году и не знаю, где они»[38].

В открытках из Парижа 1929 г. А. В. Щекатихина-Потоцкая несколько раз добавляла новости о жизни за рубежом семьи Рерихов. Стоит отметить, что семьи Митусовых и Рерихов, которые находились в близких и родственных отношениях, тоже вели переписку в эти годы[39]. А. В. Щекатихина-Потоцкая сообщала в январе 1929 (?) г.: «Н. К. Рерих изредка шлёт приветствия из Индии и вообще он многих удивляет. Живописью мало занимается, так говорят. В Париже никогда не выставляет»[40]. Июль-август 1929 (?) г.: «Н. К. Р. Здесь: – но таинственно! Я его ещё не видала, хотя он здесь ещё с июня. Мечтаю всё же его увидеть. Анг-не не пускают его в Индию!?»[41]. В июне 1929 г. в Париже была учреждена ветвь Общества друзей Музея Николая Рериха, и Н. К. Рерих персонально преподнёс в дар Франции в Люксембургский дворец своё произведение «Замки Майтрейи» (1929). Парижский университет выдвинул кандидатуру Н. Рериха на соискание Нобелевской премии мира. Позднее, осенью того же года, А. В. Щекатихина-Потоцкая вспоминала: «Заезжал летом к нам Н. К. Рерих. Он очень хорошо устроил, имеет музей своего имени, Светик хранителем, Е. И. плохо себя чувствует; осталась в Бомбее»[42] и «Н. К. какой-то непонятный, все люди изменились, но он в особенности, очень обамериканился. В Париже ему было труднее, нежели в Нью-Йорке.

Сейчас он снова уехал с Юриком хотя и не в Индию, но в Индо-Китай фр. В Индии ведь осталась Е. И. Светик же в Нью-Йорке – он художник пишет портреты, а композиции напоминают отцовския. У Н. К. теософия и искусство связано вместе»[43].

В новостях об общих знакомых в письмах из Франции уделено внимание семье Грековых, тоже находившихся в эмиграции[44]. В письме лета 1928 г. Славчик указал адрес Грековых после их переезда во Францию и предложил: «Пусть им напишет тетя Аня»[45]. Во второй половине 1929 (?) г. А. В. Щекатихина-Потоцкая делилась подробностями: «На днях были у нас П. П. Греков с женою. П. П. сделался щепкой, зато жена его растолстела страшно. Она не унывает, даже учится петь; мальчики их кот. поменьше, учатся в коммунальной школе, а постарше работают рабочими. Он также чернорабочий, очень жалко, что не может устроиться и жалко видеть его в таком несчастном виде. <…> Грековы кланяются тоже Вам. Очень хорошие мальчики у П. П. – хочу свести Славчика с ними – полезно ему будет»[46].

Мстислав свои первые письма[47], до 1933 г., чаще всего посвящал Тане Митусовой, почти своей ровеснице. Таня, видимо, сообщала о жизни в Ленинграде, порой делилась своими невзгодами. В ответной открытке 1928 г. Мстислав недоумевал: «Как ты так умудрилась сломать себе ключицу? Девочкам ломать ключицу не годится». В 1929 г. в ответной открытке А. В. Щекатихина-Потоцкая спрашивала: «Поправилась ли Танечка?»[48]. В 1931 г. Таня закончила школу. В ответных письмах Мстислав упоминает о Танином занятии балетом. Он просил кузину прислать её фотографию в костюме балерины и сочувствовал, что Таня толстеет[49]. После окончания школы Татьяна пыталась продолжить своё образование, но неудачно, временно работала, пыталась заниматься дрессировкой своей собаки, осенью 1934 г. ей удалось устроиться на работу в Дизельный институт, где работала Злата.

Людмиле (Зюме) Мстислав адресовал новогоднее поздравление 1929 г.[50] В этом году она заканчивала школу[51]. В письме кузине Тане от 3 марта 1932 г. Мстислав интересуется, как поживают члены семьи Митусовых и «дорогая Людмила Степановна»[52]. В 1931–1932 гг. Людмила совмещала работу с учебой на живописном отделении подготовительных классов, так называемом «рабфаке ИЗО», в Академии художеств[53]. В письме Злате от 1 февраля 1934 г. Мстислав изысканно выразил своё восхищение фотографией Зюмы[54].

Нет сведений, участвовал ли в переписке с А. В. Щекатихиной-Потоцкой С. С. Митусов. Он продолжал свою музыкально-педагогическую деятельность, постоянно работал и в 1932–1935 гг. временно уезжал со знакомыми в «добровольную ссылку» в Хибиногорск[55].

Екатерина Филипповна Митусова, которая не только работала[56], но и кормила и одевала всю семью, возможно, участвовала в переписке по необходимости. В 1929 г. Е. Ф. Митусова по просьбе А. В. Щекатихиной-Потоцкой выслала из Ленинграда его метрическое свидетельство (справку о рождении) для оформления документов Мстислава во Франции[57]. В ответ А. В. Щекатихина-Потоцкая благодарила и сообщила об отправке к Новому году посылки для Митусовых и семьи своей родной сестры: «Дорогая Екатерина Филипповна, вчера послала посылку. Немножко муки, рису, масла, чая, 1 плитку шоколада для Тани и другую плитку, пожалуйста, передайте маль-

чику моей сестры Зины. Напишите ему Б. Разночинная, д. 3 [или 5], кв. 25, Малееву. Он прийдёт сам за своей плиткой. Боюсь, чтобы крысы не прогрызли пакет, так как он в картонке»[58].

Насколько общались Митусовы с родственниками Александры Васильевны, по материалам рассматриваемой переписки непонятно, но их личное знакомство с Зиной подтверждается материалами семейного архива Митусовых ещё в феврале 1916 г.[59] В октябре 1935 г. А. В. Щекатихина-Потоцкая просила передать её родной сестре, что семье И. Я. Билибина разрешили вернуться в СССР[60].

Переписка Мстислава со старшей кузиной Златой завязалась в 1934 г., позже, чем со всеми остальными[61]. До этого Мстислав несколько раз категорично жаловался на молчание и невнимание к нему старших кузин, и особенно Златы[62].

Злата была талантливой, но реализовать свои способности ей не удавалось. В 1927 г. она окончила школу, пыталась поступить на биологический факультет Ленинградского университета, но неудачно. Была принята в Театральное училище, но быстро ушла оттуда из-за невыносимой атмосферы в нём. В 1929 г. с осени Злата работала вместе с матерью у родственников Казанских в Ленинграде, так же как и Людмила, зарабатывала копированием чертежей, затем устроилась в химическую лабораторию Дизельного института и помимо работы серьёзно занималась химией и «роялью».

В конце 1933 г. Злата успешно изучала на платных курсах английский язык и планировала использовать его для технического перевода. Девятнадцатого января 1934 г. в письме своему отцу Злата писала: «А как же не думать о том, чтобы усовершенствовать английский и применять его в жизни понемногу, насколько позволяет моё владение им. Что я теперь и стараюсь делать». Не исключено, что именно она предложила Мстиславу вести переписку на английском языке. В письмах Злате с 1934 г. Мстислав использовал английский язык, видимо, с учебной целью. Он объяснял, что предпочитает писать по-французски, поскольку у него мало практики на русском языке и писать по-русски ему сложно.

В конце 1933 г. А. В. Щекатихина-Потоцкая откликнулась на просьбу Златы прислать ей масло (в лечебных целях)[63]. Злата же сообщала родителям в Хибиногорск о подробностях этой переписки. Двадцать пятого января 1934 г.: «Только недавно отправила в Париж календарь и программу за 9-тилетку. Сама пока о своей просьбе молчу, хотя не теряю надежды, что её можно будет повторить и это удастся. Т. к. мне это всё нужнее и нужнее становится». Двадцать седьмого 1934 г.: «Сегодня я опять получила открытку от А. В. Щекатихиной, где она очень благодарит за фотографии Хибиногорска, которые я ей послала (только к сожалению очень скверные отпечатки так как Б. А. [64] не посылает нам до сих пор лучших, и мне пришлось послать остатки от того, что получила Зюма для отправки в Америку). А также за фотографию Зюмы. Про неё она пишет, что Зюма там похожа на монгольскую девушку. Опять меня спрашивает, как мои дела с маслом, и я думаю написать ей откровенно для чего оно мне нужно. Если бы я знала хорошего кожного врача, я бы пошла к нему за рецептом, но так как мне не к кому обратиться, то придётся предоставить это на усмотрение Ал. Вас. Может быть она даже узнает какое нибудь другое средство. Она очевидно хо-

чет как нибудь мне это устроить. Календарь и программу нашей школы я им послала а также написала Славчику длинное письмо на английском».

Упомянутое письмо А. В. Щекатихиной-Потоцкой не сохранилось, но есть ответное письмо Мстислава от 1 февраля 1934 г., в котором он благодарит Злату за календарь и школьную программу. Он признавался также Злате, по-английски: «Я устал от всего, особенно от моего лицея; и это причина, по которой я хочу окончить его и вернуться в Россию»[65].

Осенью 1935 г. С. С. Митусов вернулся из Хибиногорска в Ленинград. Вся семья Митусовых опять была вместе.

Тогда же и А. В. Щекатихина-Потоцкая сообщала о намерении вернуться на родину и просила передать об этом её родной сестре, что они уже получили разрешение на это из Москвы, но ещё не выяснили, куда они направятся, в Ленинград или в Москву[66]. Мстислав готовился продолжить своё образование в СССР. В ответной открытке от 10 декабря 1935 г. Славчик благодарит Злату за отправленные ею программу и фотографии и сообщает о важном событии, по-английски: «Мы были приглашены послом [СССР во Франции] на праздник XVIII годовщины в посольстве[67]. Очень блестящий приём. В первый день иностранцы, чиновники, дипломаты и другие великие имена. Во второй день советская колония. По этому случаю я познакомился с великим химиком Байковым, очень очень симпатичным человеком. В последний день мама встретила Щуко архитектора»[68]. Имеется в виду Александр Александрович Байков (1870–1946) – химик, специалист в области металлургии; академик АН СССР (1932), заведующий кафедрой неорганической химии и декан химического факультета Ленинградского университета (1934–1941), вице-президент АН СССР (1942–1945). Он был учеником и продолжателем знаменитого Ле-Шателье и поддерживал с ним отношения. В 1935 г. А. А. Байков был приглашён участвовать в работе Международного конгресса по металлургии в Париже. Владимир Алексеевич Щуко (1878–1939) – русский, советский архитектор, художник театра, просветитель, член общества «Мир искусства», преподаватель Рисовальной школы ИОПХ и учитель А. В. Щекатихиной-Потоцкой, академик архитектуры (1911), видный мастер петербургской неоклассики 1910-х годов (ретроспективизма); в советское время один из создателей сталинской архитектуры и в 1930-е годы один из ведущих зодчих СССР.

Последнее письмо Мстислава с вопросами о поступлении в Ленинградский университет перед возвращением в Ленинград в 1936 г. адресовано Е. Ф. Митусовой (тёте Кате)[69].

Л. С. Митусова вспоминала: «Перед возвращением Билибина и Щекатихиной в 1936 году в СССР отца вызывали в Большой дом, спрашивали о них. Отец об этих допросах рассказывал. Откровенно сказал там: “Билибин эмигрировал, но ведь за это время его взгляды могли перемениться. Советское искусство только выиграет от того, что в его ряды вольётся такая большая величина как художник-график Иван Билибин”»[70].

Несмотря на краткость содержания и отрывочные сведения, эта переписка является дополнительным источником к биографиям родственников Потоцких, Ми-

тусовых, Путятиных, Рерихов, биографиям известных деятелей первой трети XX в., связующей нитью событий тех лет.

В своих посланиях в Ленинград Мстислав и А. В. Щекатихина-Потоцкая сообщали о своих семейных событиях (описывали некоторые подробности быта, учёбы, отдыха, путешествий), делились своими впечатлениями, отношением к международным событиям, передавали новости о родственниках и друзьях. Письма свидетельствуют о неравнодушии, добрых отношениях родственников, оставшихся в СССР, в Ленинграде, и уехавших за рубеж. Они взаимно сочувствовали и помогали друг другу в сложных ситуациях: пересылали документы, продукты, лекарства, узнавали необходимую информацию.

Мстислав уехал из России семилетним ребенком и вернулся 20-летним юношей. В его ранних письмах детская непосредственность, затем галантность, порой обиды на недостаточное внимание со стороны кузин, позднее – серьезная обеспокоенность предстоящей учебой в Ленинграде.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об этом, например, сообщил С. С. Митусов в своём письме Рерихам от 5 января 1923 г. См.: *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких. СПб.: Ирида-прос, 2013. С. 82.

[2] СПбГМИСР. КП-2003–2017, 2019–2023, 2027. Письма были отправлены по адресу: РСФСР/СССР, Ленинград, ул. Большая Моисеенко/Болотная, д. 6, кв. 7.

[3] СПбГМИСР. КП-2685–2687, 2690, 2691.
«От жизни Билибина в Каире осталась серия арабских литографий вроде наших лубочных картин. Целую их кучу он приобрёл на базаре <…> Теперь одна из них у меня – два всадника сшибаются на скаку». См.: *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких. С. 83.
Сохранились и подаренные М. Н. Потоцким Т. Митусовой два керамические фигурки, изображающие цыганку с ребенком и разбойника, – рождественские сантоны, традиционные для французской провинции Прованс. СПбГМИСР КП-5824, 5825.

[4] КП-2019 (05.11.1929), 2020 (21.12.1929), 2022 (26.10.1935).

[5] Национальная библиотека, Музей армии, Люксембургский дворец, Клюни и Лувр.
Серии открыток этих же выпусков из архива семьи И. Я. Билибина хранятся в Научном архиве Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург) ФО НА ИИМК РАН. Ф. 61.

[6] СПбГМИСР. КП-2015 (на самоклеющемся бланке), 2016, 2017 (на визитной карточке).

[7] СПбГМИСР. КП-2003, 2008, 2009, 2010, 2016, 2017, 2027.

[8] СПбГМИСР. КП-2004, 2007, 2010, 2016.

[9] СПбГМИСР. КП-2019–2021, 2017.

[10] СПбГМИСР. КП-2022, 2023.

[11] Не исключено, что они могут быть в неполностью обработанном фонде 61 ФО НА ИИМК РАН.

[12] Мемориальное собрание С. С. Митусова (МСССМ), частично в рукописно-документальном фонде ГМИСР. *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких.

[13] СПбГМИСР. КП-2004.

[14] СПбГМИСР. КП-2686, 2687, 2691.

[15] СПбГМИСР. КП-2003.

[16] СПбГМИСР. КП-1931.

[17] Видимо, К. Б. Григорьев (1915–2001), единственный сын Б. Д. Григорьева.

[18] Имел ли он в виду успешную музыкальную деятельность Степана Степановича, о которой могли сообщить в предновогоднем письме из Ленинграда? 1926 г. для С. С. Митусова действительно

оказался особым. После долгой разлуки ему предстояла встреча в Москве с дорогими ему Рерихами в период их Центральноазиатской экспедиции.

19 СПбГМИСР. КП-2003, 2005, 2016.

20 СПбГМИСР. КП-2008.

21 В Lycée Buffon в Париже. См.: *Кокошкин И. А.* Дядя Слава рассказывал // Материалы научно-практической конференции «Значение творческого наследия И. Я. Билибина в развитии современного общества». Ивангород, 2016. С. 24.

22 СПбГМИСР. КП-2003.

23 СПбГМИСР. КП-2008.

24 СПбГМИСР. КП-2027.

25 СПбГМИСР. КП-2016.

26 СПбГМИСР. КП-2014.

27 СПбГМИСР. КП-2005, 2690.

28 *Миленко В. Д.* Саша Чёрный: Печальный рыцарь смеха. М.: Молодая гвардия. 2014. С. 91.

29 СПбГМИСР. КП-2007. Поэт Саша Чёрный (А. М. Гликберг) (1880–1932) и русский писатель и переводчик А. И. Куприн (1870–1938).

30 ГМИРС. КП-2685. Фотография этой же серии, но без И. Я. Билибина и с Н. В. Станюковичем из архива М. Н. Потоцкого хранится в Художественном музее «Художники серебряного века И. Билибин, А. В. Щекатихина-Потоцкая» в Ивангороде.

31 СПбГМИСР. КП-2016.

32 СПбГМИСР. КП-2014.

33 СПбГМИСР. КП-2016 (03.03.1932).

34 СПбГМИСР. КП-2003.

35 Вышеупомянутая М. Д. Потоцкая.

36 СПбГМИСР. КП-2006.

37 *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких. С. 29–33.

38 СПбГМИСР. КП-2010. Вышеупомянутые С. П. Потоцкая и её младшая дочь С. Д. Потоцкая.

39 СПбГМИСР. КП-53, 232.

40 СПбГМИСР. КП-2010.

41 СПбГМИСР. КП-2027.

42 СПбГМИСР. КП-2019. 05.11.1929. Эту встречу упоминает и Ю. Н. Рерих в письме к матери Е. И. Рерих 10.06.1929. (*Рерих Е. И.* Письма. Т. 1. 1919–1933. М.: МЦР, 1999. С. 45).

43 СПбГМИСР. КП-2021. Вторая половина 1929 (?) г.

44 Петр Петрович Греков (1879–1954) происходил из семьи донских казаков, получивших в 1827 г. потомственное дворянство. Предки его по мужской линии были офицерами, отец – генералом, но П. П. Греков, вдохновившись идеями Л. Н. Толстого, отказался носить оружие и стал инженером путей сообщения. В 1920 г. семья П. П. Грекова выехала в Константинополь, в 1928 г. – во Францию в департамент Верхняя Гаррона, затем в Париж.

45 СПбГМИСР. КП-2008. А. В. Шелехова в это время уже была на пенсии.

46 СПбГМИСР. КП-2021. В письмах упоминаются старшие и младшие сыновья, следовательно, их было не менее четырех. Наиболее известны из сыновей Александр и Илья. А. П. Греков (1910–2000) в 1931–1933 учился на факультете живописи в парижской трёхгодичной Универсальной школе, но не завершил образования. Выполнял частные заказы по реставрации древних икон, стал иконописцем, художником-реставратором и учёным. Был ровесником и другом Л. С. Митусовой с детских лет. И. П. Греков (1914–1985) стал живописцем, графиком, сценографом. См.: Искусство и культура русского зарубежья. URL: http://www.artrz.ru/1805008159.html (дата обращения: 14.10.2017).

47 СПбГМИСР. КП-2003, 2005–2009, 2014, 2016, 2017.

48 СПбГМИСР. КП-2019. 05.11.1929.

49 СПбГМИСР. КП-2016. 03.03.1932.

[50] СПбГМИСР. КП-2010.

[51] Получив среднее образование, Людмила успешно сдала экзамены в Театральное училище, но туда её не приняли из-за дворянского происхождения. Людмила проработала копировальщицей чертежей на ГЭС № 5 «Красный Октябрь», затем лаборантом-газоаналитиком в Дизельном институте (Научно-исследовательский дизельный институт (НИДИ) ул. Парадная, д. 8).

[52] СПбГМИСР. КП-2016.

[53] В 1933 г. Людмила поступила в Академию художеств, но в начале следующего года её исключили, опять по причине дворянского происхождения. При содействии друга-однокурсника и вскоре её мужа Ростислава Владимировича Тронина Людмилу восстановили в академии, но с понижением курса. Из-за напряжённой учёбы ей пришлось отказаться от совмещения учёбы с работой. Затем Людмила поступила на архитектурный факультет Академии художеств, где проучилась год.

[54] СПбГМИСР. КП-2015.

[55] Он преподавал в классе по прохождению камерного репертуара в Государственном институте музыкального просвещения (ГИМП), позже переименованном в Техникум музыкального просвещения (ТеМП), также давал частные уроки. С 15 сентября 1932 до 1935 г. в Хибиногорске работал секретарём главного инженера горнообогатительных шахт, а также директором и ведущим педагогом в Хибиногорской музыкальной школе («Рабочей консерватории»). В 1934 г. приезжал из Хибиногорска в отпуск в Ленинград. В 1935 г. С. С. Митусов вернулся в Ленинград и с декабря работал преподавателем, руководителем вокального ансамбля на Государственных курсах музыкального образования Выборгского района на ул. Михайловой.

[56] В 1929 г. с осени (?) она работала у родственников Казанских в Ленинграде. С 20 июля 1930 по 27 декабря 1931 г. – счетоводом и бухгалтером на Ниточной фабрике им. Халтурина, затем в конторе «Союзкрупа». В апреле 1933 г. Е. Ф. Митусова была уволена по сокращению и уехала к мужу работать в Хибиногорск. В 1934 г. в она приезжала в отпуск в Ленинград. В октябре 1934 г. Екатерина Филипповна вернулась из Хибиногорска в Ленинград и с 20 июля 1936 г. устроилась на работу в артель «Ленинградский эмальер».

[57] СПбГМИСР. КП-2027, 2021.

[58] СПбГМИСР. КП-2020. 21.12.1029.

[59] СПбГМИСР. КП-7370.

[60] СПбГМИСР. КП-2022.
Сестёр у Александры Васильевны было две. См.: *Кокошкин И. А.* Дядя Слава рассказывал. С. 25–26. В рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН в фонде М. Н. Потоцкого сохранилась открытка 1931 г. А. В. Щекатихиной-Потоцкой, адресованная другой её сестре, Варваре Васильевне Щекатихиной, в Ленинград, в которой также указан адрес на Б. Разночинной ул. РО НА ИИМК РАН. О. 3663/29, 3328/640.

[61] СПбГМИСР. КП-2012, 2013, 2015. В последнем письме карандашные пометы, – видимо, правка, сделанная Златой.

[62] СПбГМИСР. КП-2016. 03.03.1932.

[63] СПбГМИСР. КП-2023. 16.12.1933.

[64] Художник Б. А. Смирнов-Русецкий, знакомый Митусовых, в июле 1933 г. приезжал в г. Хибиногорск к С. С. Митусову.

[65] СПбГМИСР. КП-2015. Обратный адрес: Exped. Potožky 23, bo Pasteur PARIS XV.

[66] СПбГМИСР. КП-2022. Октябрь 1935 г.

[67] В 1935–1936 гг. И. Я. Билибин участвовал в оформлении советского посольства в Париже, создал монументальное панно «Микула Селянинович».

[68] СПбГМИСР. КП-2012.

[69] СПбГМИСР. КП-2011.

[70] *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких. С. 72.

Л. В. БУЗИНА

(Санкт-Петербург)

ЕЩЁ ОДИН УЧЕНИК Н. К. РЕРИХА

Несмотря на разницу в возрасте – почти 20 лет – **Николая Константиновича Рериха** (1874–1947) и **Анатолия Константиновича Лядова** (1855–1914), композитора, дирижёра, педагога, связывали дружеские и творческие отношения. Хотя Лядов вошёл в русскую музыку как выдающийся мастер малой формы, в его сознании всегда жило стремление попытаться выйти за рамки миниатюры. Композитор всегда мечтал о создании оперы или балета на сказочный сюжет, о чём свидетельствует ряд его творческих замыслов крупной формы. В этой сфере интересы Лядова счастливо совпадали с творческими устремлениями Рериха, которого «всегда тянуло к коллективной работе, а где же она ближе, нежели в театре»[1]. Так, в очерке «Конец войны» (1945) Николай Константинович писал: «Вспомнилось, как мы думали о совместной работе – русский балет-пантомима. Всё это было уже надумано»[2].

Николай Константинович Рерих (1874–1947)

Анатолий Константинович Лядов (1855–1914)

Однако специфические свойства творческого и личного склада композитора помешали осуществлению этих планов. Уже в ранние годы Лядову была свойственна склонность к длительному вынашиванию своих планов, к продолжительному оття-

гиванию (иногда на многие годы) записи своих замыслов на бумаге. Многое осталось незаписанным и безвозвратно пропало. Анатолий Константинович прежде всего ссылался на педагогические обязанности, отнимавшие огромное количество времени и нервной энергии, потому ему приходилось «сочинять в щёлочки времени».

Вспомним, например, как в 1909 г. композитор получил заказ от С. Дягилева на сочинение музыки для «первого русского балета» «Жар-птица», уже намеченного к постановке в ближайшем сезоне в Париже и Лондоне. Однако из-за чрезмерно краткого срока, практически невыполнимого для Лядова, заказ был передан молодому Игорю Стравинскому. Правда, композитору всё же пришлось соприкоснуться с близкой ему сферой танцевальности – по заказу балерины Иды Рубинштейн он сочинил Танец амазонки, продемонстрировав свою способность создать симфоническое произведение, обладающее хореографически-театральной образностью.

Творческому же сотрудничеству с Рерихом Лядову помешала Первая мировая война: «Но грянула война, был убит талантливый сын Лядова – мой ученик. В военной буре все смелось»[3].

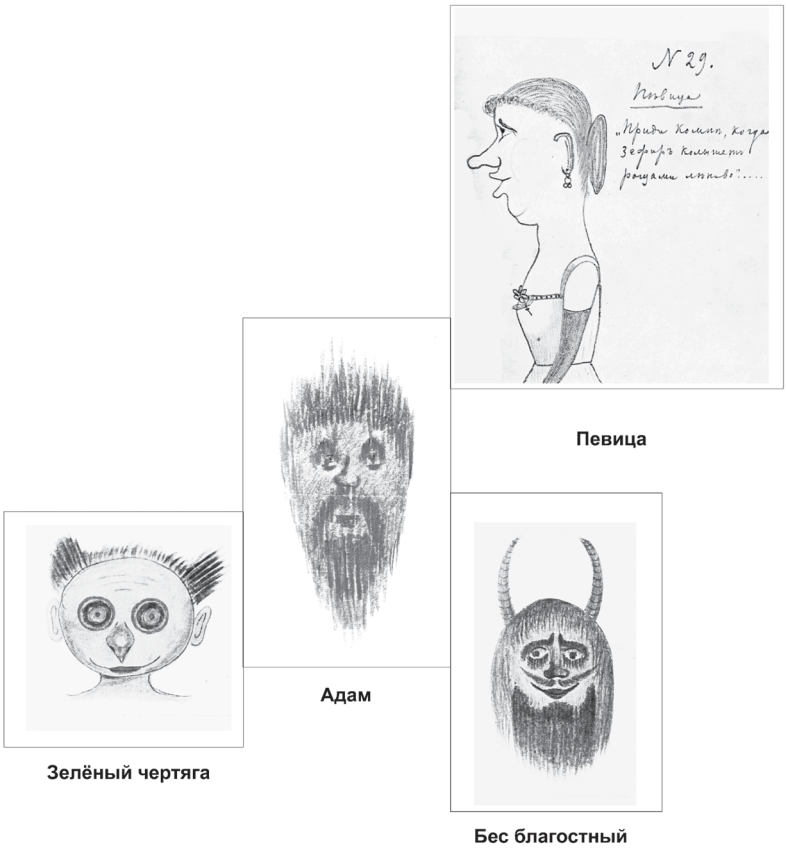
В воспоминаниях Рериха рядом с именем композитора всегда упоминается его сын. «Пришёл Лядов со своим даровитым сыном, который потом у нас работал в Школе… Вообще семья Лядовых была утончённо даровитая, и чувствовалось, какие они были к тому же и хорошие люди»[4].

Анатолий Константинович был любящим и заботливым отцом двух сыновей: Михаила (1887–1942) и Владимира (1889–1942). Он сам в детские и отроческие годы был лишён родительского тепла и воспитания. Его мать умерла, когда будущему композитору было всего шесть лет, а отец, видный композитор, дирижёр русской оперы, захваченный атмосферой артистической богемы, вёл беспорядочный образ жизни, неделями не бывая дома.

Живо интересуясь самыми различными областями культуры – живописью, литературой, философией (преимущественно вопросами этики и эстетики), историей, Анатолий Константинович прививал сыновьям любовь к искусству. Оба мальчика имели прекрасные способности к живописи и с самого детства рисовали. Да и у самого композитора были способности к рисованию. Он рисовал цветными карандашами для своих детей, для выставки, устраиваемой ими дома на стене. Довольно многочисленные рисунки Лядова составили несколько альбомов, датированных 1903 г.

Кроме рисунков-шаржей, сопровождаемых соответствующими сатирическими словесными комментариями, отражавшими ненависть к обывательщине и мещанству, композитор высмеивал героев русского фольклора. Но юмор его был незлобивый – едва ли не про каждого из своих уродцев он мог сказать: «Ведь он такой милый».

В воспоминаниях Рериха речь идёт о старшем сыне композитора – Михаиле, на которого Рерих возлагал большие надежды: «Из него вышел бы большой художник»[5], «Сын его был бы большим художником»[6]. Такие предположения мог делать только тот, кто хорошо был знаком с личными качествами юноши, его способностями, устремлённостью, кто наблюдал его талант в развитии. Видимо, Михаил Лядов не один год посещал занятия в Рисовальной школе ИОПХ, и даже какое-то время там



работал. Конечно, тема эта требует отдельного исследования, которое, быть может, откроет ещё одну страницу в педагогической деятельности Рериха.

Именно благодаря Михаилу между Лядовым, который был человеком скрытным, особенно если речь касалась семьи, и Рерихом был установлен постоянный контакт и налажена творческая связь. «Жалею и распавшееся сотрудничество с Лядовым. Уже было готово либретто русского народного балета. Но вспыхнула война. Сын Лядова, бывший нашим связующим звеном, убит. Композитор был сражён горем»[7].

По-видимому, Николай Константинович так и не узнал истинной причины их несбывшихся планов. Воистину, «в военной буре всё смелось», и в начале войны из жизни «был унесён» сам композитор. Последние годы Анатолий Константинович страдал тяжёлой сердечной болезнью, требовавшей максимально бережной траты нервных и физических сил. Однако в течение короткого времени ему пришлось перенести ряд тяжёлых потрясений: внезапную кончину осенью 1913 г. любимой сестры В. К. Лядовой-Сариотти-Помазанской, в начале 1914-го – скоропостижную смерть одного из старинных друзей (В. Авдеева)… Плохо подействовала на Анатолия Кон-

А. К. Лядов в Полыновке
Последнее фото. 1914

Михаил Лядов. 1910-е

Михаил Лядов на этюдах. 1910-е

стантиновича и разлука со старшим сыном, призванным в январе 1914 г. на военную службу. Его немедленная мобилизация в самом начале Первой мировой войны стала последним ударом, ускорившим развязку.

Скончался А. К. Лядов 15(28) августа 1914 г. в усадьбе Полыновка, близ г. Боровичи Новгородской губернии, где более 40 лет композитор проводил летние месяцы, где родился Михаил. «Смерть его прошла мало замеченной, – писал критик В. Каратыгин в статье, посвященной памяти Лядова. – Август – самый глухой месяц в музыкальной жизни столицы. К тому же разразившаяся над Европой военная гроза отодвинула, по крайней мере в начале своём, все художественные интересы, все личные несчастия и единичные смерти на второй план. И вышло так, что уход из нашего мира замечательного русского мастера музыкального искусства был отмечен несколькими десятками на скорую руку набросанных газетных строк»[8].

О том, как сложилась судьба Михаила Анатольевича, известно из воспоминаний его жены О. И. Лядовой (Пригоровской), профессионального художника. С самого раннего возраста Михаил осознавал своё призвание и мечтал стать художником,

но встретил неуклонное сопротивление отца. Анатолий Константинович категорически запретил сыновьям даже мечтать о профессии художника, которая в те времена, так же как и профессия музыканта, считалась несерьёзной и не очень престижной. Желая им лучшей доли, Лядов настоял на юридическом образовании, которое давало продвижение по общественной лестнице, гарантировало официальный статус, связи, разные привилегии и доход.

М. А. Лядов. Портрет

М. А. Лядов. Сирень. 1942

Весной 1914-го Михаил окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, а уже в июле попал в действующую армию. После Первой мировой войны он воевал на фронтах Гражданской. Все эти годы он не расставался с альбомом для рисования.

В 1923 г. старший сын Лядова поступил в Петроградскую Академию художеств, но через год был отчислен, так как уже имел высшее образование и должен был трудиться. Работал он разнорабочим на заводе «Красный выборжец», хронометражистом и нормировщиком на заводах «Красный гвоздильщик» и «Свобода». Во время Великой Отечественной войны в составе отряда ПВО охранял завод.

Все годы М. А. Лядов не расставался с живописью, даже в блокадном Ленинграде, где он заработал дистрофию и попал в госпиталь. Акварель «Сирень» датирована 21 июня 1942 г. По-видимому, это последняя его работа, так как вскоре он погиб при эвакуации раненых и больных на Большую землю во время переправы на Ладожском озере.

Несмотря на все трудности, препятствия и испытания, предсказание Н. К. Рериха сбылось – Михаил Анатольевич Лядов стал «большим художником». Его работы хранятся в Государственном музее истории Санкт-Петербурга, в Музее истории Санкт-Петербургской консерватории, в Боровичском краеведческом музее, в Музее «Композиторы земли Новгородской», в Новгородском музыкальном училище им. С. М. Рахманинова. Художественные работы и архивные материалы семьи Лядовых были переданы в эти хранилища вдовой Михаила Анатольевича и младшей дочерью Владимира Анатольевича Н. В. Лядовой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. III (1942–1947). М.: МЦР, Мастер-Банк, 2002. С. 295.
2 Там же. С. 404.
3 *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. III (1942–1947). С. 295.
4 *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. II (1936–1941). М.: МЦР, Мастер-Банк, 2000. С. 110.
5 Там же.
6 *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. III (1942–1947). С. 295.
7 Там же. С. 404.
8 *Михайлов М.* А. К. Лядов. Очерк жизни и творчества. 2-е изд., доп. Л.: Музыка, 1985. С. 120.

Л. Х. НУРМУХАМЕДОВ
(кафедра гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, Санкт-Петербург)

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА А. И. ВВЕДЕНСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА УЧЕНИКА Н. К. РЕРИХА ХУДОЖНИКА А. А. ГРОМОВА)

В библиографии семьи Н. К. Рериха и его окружения неоднократно упоминается известный российский религиозный и общественный деятель первой половины XX в. Александр Иванович Введенский. В книге «Сто великих пророков и вероучителей»[1] в разделе «Русская православная церковь» (5 имен) митрополиту А. И. Введенскому посвящены страницы с 307 по 313, там же в разделе «Надконфессиональные вероучители» (7 имен) Елене Ивановне Рерих посвящены страницы с 338 по 341. В лекции «Рерих и Ленин» упоминается «митрополит Введенский, назвавший большевизм Евангелием, напечатанным атеистическим шрифтом»[2]. О диспуте Луначарского с отцом Введенским на тему «Есть ли Бог или нет» пишет родственница Е. И. Рерих Л. С. Митусова[3]. (В документах Музея-института семьи Рерихов упоминается также полный тезка митрополита философ Александр Иванович Введенский[4].)

В архиве ученика Н. К. Рериха художника Александра Александровича Громова и его супруги Наталии Ивановны[5] хранится письмо митрополита А. И. Введенского. Поскольку весь архив А. И. Введенского 29 декабря 1950 г. был «уничтожен через сожжение»[6], это письмо может представлять исторический интерес.

Митрополит А. И. Введенский был заметной фигурой в общественной жизни России в период с 1917 по 1945 г. **Александр Иванович Введенский** (1889–1946) – один из лидеров обновленческого движения[7] Православной Российской Церкви в 1922–1946 гг. Постоянный член обновленческого Священного Синода, ректор Московской богословской академии, с 10 октября 1941 г. Первоиерарх Московский и всех православных церквей в СССР.

А. И. Введенский

А. И. Введенский родился в 1889 г. в Витебске, его отец был директором гимназии. Александр в 1912 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1913 г. преподавал в Витебской женской гимназии и учился в консерватории. В 1914 г. экстерном сдал экзамены за полный курс Петербургской духовной академии. В июле 1914 г. рукоположен во пресвитера и назначен полковым священником. В период Гражданской войны, сдав экзамены экстерном в нескольких петро-

градских вузах, получил дипломы биолога, юриста, физика и математика (всего он имел восемь дипломов о высшем образовании). Проштудировал более 2000 фундаментальных работ на четырёх языках по разным отраслям знания[8].

А. И. Введенский. 1924

С марта 1917 г. А. И. Введенский – один из организаторов Союза демократического православного духовенства и мирян. Член Предпарламента как представитель демократического духовенства. В 1921 г. возведён в сан протоиерея.

12 мая 1922 г. в числе прочих лиц Введенский прибыл в Троицкое подворье, где тогда находился под домашним арестом патриарх Тихон и, обвинив его в безответственной политике, приведшей к конфронтации Церкви с государством, настоял на том, чтобы патриарх Тихон на время ареста отказался от своих полномочий. 18 мая 1922 г. патриарх Тихон поручил передачу синодальных дел именно этой группе клириков: протоиерею Александру Введенскому и священникам Е. Белкову и С. Калиновскому. Резолюция патриарха была выдана за его отречение.

В октябре 1922 г. А. И. Введенский возглавил одну из структур обновленчества – Союз общин Древле-Апостольской Церкви. В составленной им программе декларируется: «Мы стоим за очищение и упрощение богослужения и приближение его к народному пониманию, введение древнеапостольской простоты в богослужение и родного языка взамен обязательного языка славянского». В апреле-мае 1923 г. А. И. Введенский – активный участник Второго Всероссийского Поместного Священного Собора (первого обновленческого), на котором он подписал постановление о лишении сана патриарха Тихона.

А. И. Введенский 6 мая 1923 г. был хиротонисан во обновленческого епископа Крутицкого, викария Московской епархии. На момент хиротонии он состоял в браке (у обновленцев допускался женатый епископат). Впоследствии он женился еще раз[9].

Архимандрит Палладий (Шерстенников)[10] в 1929 г. писал: «Когда и как появились обновленцы. Несколько попов объединились и задумали постепенно подготовить в нашей Церкви реформацию, то есть переделать её на манер протестантов, которые пошли от немецкого еретика Лютера. Ввели в церковное исчисление новый стиль. Вдовым священникам разрешили вступать во второй брак. Епископам разрешили быть женатым»[11].

Первоиерарх А. И. Введенский

В начале 1924 г. А. И. Введенского возвели в сан митрополита Лондонского и всея Европы, в середине 1924 г. ему был присвоен титул митрополита-апологета и благовестника истины Христовой. Он был постоянным членом обновленческого Священного Синода. Каждый день проводил по четыре часа за роялем, а в 1927 г. заочно окончил Московскую консерваторию.

С 1924 г. митрополит А. И. Введенский был настоятелем храма Христа Спасителя[12] в Москве (до его закрытия в 1931 г.), а также профессором Московской обновленческой академии и Ленинградского богословского института, доктором богословия (с 1924 г.), доктором христианской философии (с 1933 г.), в 1932–1934 гг. – ректор Московской богословской академии[13].

Главным творческим подвигом А. И. Введенского в 1920-е годы были выступления на антирелигиозных диспутах. Они буквально затопили Россию. Москва и Ленинград, Сибирь и Кавказ, Украина и Средняя Азия – диспуты проходили всюду. А. И. Введенский был главным оппонентом везде, начиная со столиц, где он был оппонентом А. В. Луначарского, и кончая провинциальными городами, где его оппонентами были профессора-диаматчики и старые коммунисты. Обстановку на этих диспутах колоритно описывали Корней Чуковский, Ольга Форш, Варлам Шаламов[14]. В 1929 г. подобные диспуты были запрещены в связи с запретом «пропаганды религии»[15].

И. И. Берсенев[16], племянник Н. И. Громовой, писал: «В храм Христа Спасителя меня привела мать [А. И. Берсенева (Румова), сестра Н. И. Громовой]. Она хотела послушать диспут между митрополитом А. И. Введенским и наркомом просвещения А. В. Луначарским. Наши высшие партийно-государственные власти относились к Введенскому благосклонно. Как мне объяснили, он пытался модернизировать некоторые детали религиозных традиций, внося тем самым раскол в среде священнослужителей. Мать говорила, что её родители были знакомы с родителями Введенского по Иркутску. В ходе диспута мне кое-что было непонятно, но суть его я понял. Введенский говорил, что религия воспитывает в людях необходимые моральные качества – честность, справедливость, верность, трудолюбие, доброту и искореняет злобу, жестокость, вероломство, лживость, жадность и прочие пороки. Его оппонент нарком Луначарский доказывал, что все эти положительные качества можно достигнуть коммунистическим воспитанием. Жизнь показала, что прав был Введенский»[17].

В мемуарах Л. С. Митусовой читаем: «Однажды отец был на диспуте Луначарского с отцом Введенским, из новых иерархов, появившихся при Советской власти. От этого диспута у отца осталось впечатление, что Анатолий Васильевич более верующий человек, чем отец Введенский»[18]. В Примечаниях к книге «Л. С. Митусова: О про-

житом и судьбах близких» уточняется: диспут А. В. Луначарского с митрополитом Александром (Введенским) на тему «Есть ли Бог или нет?» состоялся в зале Первой государственной типографии на Петроградской стороне (ныне Печатный двор). Как вспоминал современник этого события академик Д. С. Лихачёв, «толпа верующих после диспута хотела побить именно митрополита, и отец по просьбе начальства спасал его через нашу квартиру, выведя его на другую улицу через наш чёрный ход»[19].

С апреля 1940 г. А. И. Введенский **–** заместитель Первоиерарха Московского и всех православных церквей в СССР (титул первоиерарха тогда имел его однофамилец митрополит Виталий Введенский).

С октября 1941 г. А. И. Введенский – Первоиерарх православных церквей в СССР.

В 1943 г. советской властью был взят курс на ликвидацию обновленчества.

МОСКВА, КРЕМЛЬ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

В дни, когда советские войска изгоняют фашистских захватчиков из священных пределов моей Отчизны, я, желая принять посильное участие во всенародном подвиге, внёс 4 марта в Московскую городскую контору Госбанка мой драгоценный архиерейский наперсный усыпанный изумрудами крест.

Побеждающей Красной Армии и Вам, великий предводитель армии и страны, слава и многие лета.

Первоиерарх Александр ВВЕДЕНСКИЙ

В ответе, опубликованном в газете «Известия» 21 апреля 1944 г., Сталин обращается к нему «Александр Иванович» без указания церковного звания:

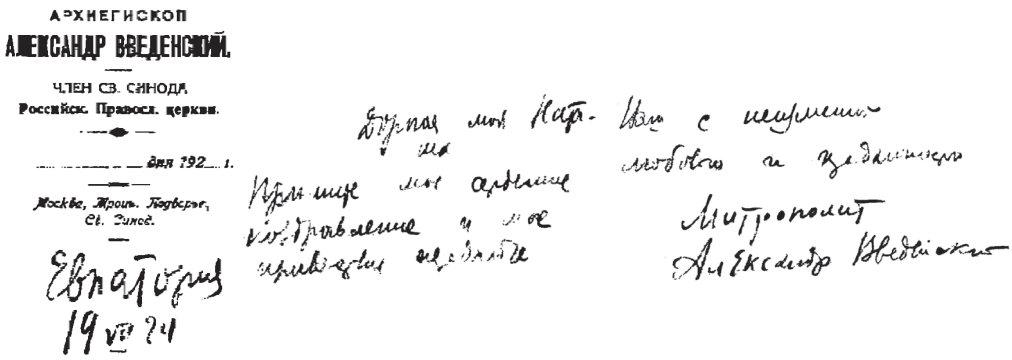
Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Александр Иванович, за Вашу заботу о Красной Армии. ***И. СТАЛИН***

Скончался А. И. Введенский от паралича 26 июля 1946 г. Свой мозг он завещал Институту мозга.

У гроба рядом с женами А. И. Введенского стояла Александра Михайловна Коллонтай – чёрное платье, орден Ленина на груди, в руках огромный букет роз. Похоронен А. И. Введенский на Калитниковском кладбище Москвы у алтарной стены церкви.

После его смерти обновленчество прекратило существование. По указанию Г. Г. Карпова[20] архив Введенского в 1950 г. был «уничтожен через сожжение»[21].

Родители Н. И. Громовой (Иван Никифорович и Елена Вениаминовна Румовы) и родители А. И. Введенского (Иван Андреевич Введенский и Зинаида Саввишна Нерус) были знакомы много лет[22]. Иван Никифорович Румов в 1883–1903 гг. был директором Иркутской гимназии[23], затем, до своей кончины в 1911 г., директором гимназии в Орше Витебской губернии. Отец А. И. Введенского был директором гимназии в Витебске, в которой учились Александр Введенский и брат Наталии Владимир Румов. Наталия Румова и Александр Введенский были знакомы с детства и поддерживали дружеские контакты многие годы, о чём свидетельствует письмо митрополита.


АРХИЕПИСКОП
АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ.
ЧЛЕН СВ. СИНОДА
Российск. Правосл. церкви.
Москва, Троиц. Подворье,
Св. Синод.
Евпатория
19 VII 24
Дорогая моя Ната- ша
Примите мое сердечное поздравление и моё приветствие передайте Вашему супругу. Дай Бог Вам полноты радости. Хотя приятеля не полагается венчать, но для Наташи, старого друга, можно сделать исключение.
В половине октября я буду в Ленинграде.
Пишу Вам на пляже, вот почему письмо выходит неряшливо. Я проехал Украину, теперь об'еду Крым, а потом в Сибирь – до Владивостока.
На юге – чудесно.
Дай же Бог, моя родная Наташа, Вам всего-всего хорошего!
Ваш с неизменной любовью и преданностью
Митрополит Александр Введенский

Фрагменты письма А. Введенского

АРХИЕПИСКОП
АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ
ЧЛЕН СВ. СИНОДА
Российск. Правосл. церкви
Москва, Троиц. Подворье,
Св. Синод.

Евпатория 19 VII 24
Дорогая моя Наташа.

Примите мое сердечное поздравление и моё приветствие передайте Вашему супругу. Дай Бог Вам полноты радости. Хотя приятеля не полагается венчать, но для Наташи, старого друга, можно сделать исключение.

В половине октября я буду в Ленинграде.

Пишу Вам на пляже, вот почему письмо выходит неряшливо. Я проехал Украину, теперь об'еду Крым, а потом в Сибирь – до Владивостока.

На юге – чудесно.

Дай же Бог, моя родная Наташа, Вам всего-всего хорошего!

Ваш с неизменной любовью и преданностью
Митрополит Александр Введенский

Письмо написано и отправлено А. И. Введенским 19 июля 1924 г., буквально сразу же после возведения его в сан митрополита. Написано карандашом на двух сторонах листа на фирменном бланке «Архиепископ Св. Синода» (бланки «Митрополит Св. Синода» ещё не были отпечатаны), но подписано уже «*Митрополит*».

Адрес на конверте написан также карандашом:

Почт. отд. Боровляны[24] *Витебской губ.*
До востребования
Наталии Ивановне Речинской (Румовой)

Наталья Румова (Речинская)
Студентка Казанского художественного училища (1911 г.);
сестра милосердия на фронте (1915 и 1917 гг.)

На конверте два штемпеля: «*ЕВПАТОРИЯ ТАВР. Г. 19 7 24*» и «*ДОПЛАТА 12 к.*», на оборотной стороне конверта штемпель: «*БОРОВЛЯНЫ ВИТЕБ. 23 7 24*».

Из текста письма следует, что А. Введенский, только что проехавший по церковным делам всю Украину и планирующий проехать «*Крым, а потом в Сибирь – до Владивостока*», уже знает о замужестве адресата. Письмо адресовано *Наталии Ивановне Речинской (Румовой)*, но в это время фамилия адресата уже была *Громова*.

Наталья Ивановна Румова (1892–1987) родилась в Иркутске. В юности училась в Казанском художественном училище в мастерской ученика И. Е. Репина художника Н. И. Фешина. В 1913 г. вышла замуж за военного хирурга Виктора Николаевича Речинского (погиб на фронте в 1916 г.). Во время Первой мировой войны Н. И. Речинская (Румова) была сестрой милосердия в военно-полевом госпитале, награждена серебряной медалью «За храбрость» (эта медаль № 580 633 экспонировалась автором в Музее-институте семьи Рерихов на юбилейной выставке «100 лет Первой мировой войны»).

А. А. Громов. 1924

Вторым мужем Натальи Ивановны стал художник рериховской школы **Александр Александрович Громов** (1886–1956).

Наталья Ивановна работала научным сотрудником Эрмитажа, с 1945 г. была главным хранителем Павловского Дворца-музея. За работы по восстановлению дворцовых пригородов Ленинграда в 1972 г. (в возрасте 80 лет!) удостоена Государственной премии[25].

И. И. Берсенев пишет: «Одно лето в Боровлянах провела сестра матери Наталья Ивановна Громова с дочкой

мужа Верочкой»[26]. Именно сюда и было в 1924 г. адресовано письмо митрополита. Переписка «*старых друзей*» была регулярной.

А. Введенский знал о замужестве *Наташи* и, видимо, стоял вопрос о венчании: «*Хотя приятеля не полагается венчать, но для Наташи, старого друга, можно сделать исключение. В половине октября я буду в Ленинграде».*

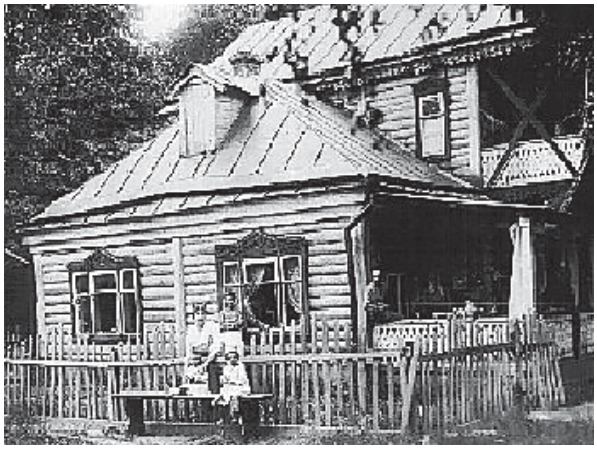
Александр Александрович, Вера и Наталья Ивановна Громовы. 1924

Состоялся ли обряд венчания, неизвестно. В этом же году митрополит А. Введенский стал настоятелем храма Христа Спасителя в Москве – главного христианского храма России, и занимал эту кафедру до разрушения храма в 1931 г.

Митрополит Палладий

Храм Христа Спасителя до 1931 г.

И. И. Берсенев



Хутор Боровляны, 1913 г. на скамье слева сидит Кира – мать автора

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Громов. Живопись и графика. Альбом / авт.-сост. В. Л. Мельников, М. А. Мельникова. СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2008. 128 с.
2. *Нурмухамедов Л. Х.* Воспоминания об ученике Н. К. Рериха и И. Я. Билибина художнике А. А. Громове // Рериховское наследие: труды конференции. Т. X. СПб., 2013. 456 с.
3. Введенский, Александр Иванович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Введенский, Александр Иванович (дата обращения: 03.08.2017).
4. Письмо митрополита А. И. Введенского от 19.07.1924 // Архив автора.
5. *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких. Ч. 1. URL: http://lomonosov.org/article/o_prozhitom_mitusova_1.htm (дата обращения: 17.05.2017).
6. *Сидоров В.* Рерих и Ленин. 2-е изд. Воронеж, 1995. URL: http://www.liveinternet.ru/users/5795906/rubric/6653116/ (дата обращения: 17.05.2017).
7. Рерих и Ленин. Научно-философское общество Живая Этика. URL: http://nfo-mir.com/video/videoprogramm/item/1231-lektsiya-rerikh-i-lenin (дата обращения: 13.10.2017).
8. *Рыжов К. В.* Сто великих пророков и вероучителей. Патриарх Сергий и митрополит Александр Введенский. URL: http://fisechko.ru/100vel/prorok/110.htm (дата обращения: 21.06.2017).
9. *Берсенев И. И.* Воспоминания и размышления. Владивосток: Издат. дом Владивостокъ, 2015. 400 с.
10. *Лихачёв Д. С.* Избранные работы: в 3 т. Т. 1. О себе. Л., 1987. С. 45–73.
11. *Луначарский А. В.* Диспут с митрополитом А. Введенским // Христианство или коммунизм. Л., 1926. С. 45–75.
12. *Мельников В. Л.* Филологи университета в материалах Музея-института семьи Рерихов. URL: http://grani.agni-age.net/articles4/philology.htm (дата обращения: 04.03.2017).
13. Обновленчество. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обновленчество (дата обращения: 24.05.2017).
14. *Палладий (Шерстенников*). Письмо священнику, собирающемуся перейти в обновленчество. 1929. URL: http://Christian-spirit.ru/v111/111–7.htm (дата обращения: 09.10.2017).

15. Румов Иван Никифорович. URL: http:// irkipedia/ru/content/rumov_ivan_nikiforovich (дата обращения: 27.09.2017).
16. *Краснов-Левитин*. Обновленческий митрополит Александр Введенский. URL: http://krotov.info/library/12_l/ev.levitin_24.htm (дата обращения: 07.08.2017).
17. Введенский Александр Иванович // Древо. URL: http://drevo-info.ru/articles/25199.html (дата обращения: 23.08.2017).
18. Храм Христа Спасителя // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 25.08.2017).
19. *Шерстенников Л. Н*. Штрихи. М.: ООО «Буки Веди», 2012. С. 430–439.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рыжов К. В.* Сто великих пророков и вероучителей. Патриарх Сергий и митрополит Александр Введенский. URL: http://fisechko.ru/100vel/prorok/110.htm (дата обращения: 21.06.2017).

[2] *Сидоров В. М.* Рерих и Ленин. 2-е изд. Воронеж, 1995. С. 5; Рерих и Ленин. Научно-философское общество Живая Этика. URL: http://nfo-mir.com/video/videoprogramm/item/1231-lektsiya-rerikh-i-lenin (дата обращения: 13.10.2017).

[3] *Митусова Л. С. О* прожитом и судьбах близких. Ч. 1. URL: http://lomonosov.org/article/o_prozhitom_mitusova_1.htm

[4] *Мельников В. Л.* Филологи университета в материалах Музея-института семьи Рерихов. URL: http://grani.agni-age.net/articles4/philology.htm (дата обращения: 04.03.2017).

[5] Александр Громов. Живопись и графика. Альбом / авт.-сост. В. Л. Мельников, М. А. Мельникова. СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2008. 128 с.; *Нурмухамедов Л. Х.* Воспоминания об ученике Н. К. Рериха и И. Я. Билибина художнике А. А. Громове // Рериховское наследие: труды конференции. Т. X. СПб., 2013. С. 290–293.

[6] Введенский Александр Иванович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Введенский, Александр Иванович (дата обращения: 03.08.2017).

[7] *Обновленчество* – движение в русском православии, возникшее в Петрограде 7 марта 1917 г. Декларировало цель «обновления Церкви»: демократизацию управления и модернизацию богослужения. Одним из организаторов, секретарём и ведущим идеологом движения во все последующие годы был Александр Введенский. В период наибольшего влияния – в 1922–1923 гг. – более половины российского епископата и приходов находились в подчинении обновленческих структур. С 1923 по 1935 г. существовал обновленческий Священный Синод. После самороспуска Синода в 1935 г. единоличное управление перешло к Виталию Введенскому (однофамильцу), а затем к Александру Введенскому. Осенью 1943 г. государство взяло курс на ликвидацию обновленческих структур. Смерть Александра Введенского в 1946 г. считается концом обновленчества.

[8] *Рыжов К. В.* Сто великих пророков и вероучителей.

[9] Там же.

[10] *Палладий* (Павел Шерстенников (1896–1976)) – в 1920-е годы архимандрит, настоятель монастырей в Казани. В 1930 г. хиротонисан во епископа, в 1938 г. возведён в сан архиепископа. В 1939 г. был арестован и отправлен в лагерь, освобождён в 1947 г. В 1953 г. стоял в почётном карауле у гроба Сталина. В 1968 г. возведён в сан митрополита. Автор более 60 лет дружит с его племянником – журналистом академиком Львом Шерстенниковым.

[11] *Палладий (Шерстенников*). Письмо священнику, собирающемуся перейти в обновленчество. 1929. URL: http://Christian-spirit.ru/v111/111–7.htm (дата обращения: 09.10.2017).

[12] Храм Христа Спасителя – кафедральный соборный кенотаф воинов Русской армии, погибших в войне с Наполеоном. Манифест о построении храма Александр I подписал 25 декабря 1812 г. Строили храм 71 год: начали строить на Воробьевых горах, за 27 лет разворовали 1 млн рублей. Николай I определил новое место храма недалеко от Кремля. Освятили храм в 1883 г. в присутствии Александра III. Высота храма с куполом и крестом составляла 103 м, храм был рассчитан на

10 000 человек. Настоятелем храма в 1924–1931 гг. был митрополит Александр Введенский.

В 1931 г. было принято решение о строительстве Дворца Советов: «Местом для строительства избрать площадь храма Христа в Москве со сносом самого храма и с необходимым расширением площади». Храм был взорван. От идеи строительства Дворца Советов окончательно отказались в 1956 г. В 1960 г. на месте собора появился открытый плавательный бассейн «Москва», просуществовавший до 1994 г.

Современный храм воссоздан в 1994–1997 гг. на новом месте, поскольку на месте, где он стоял до 1931 г., был сооружён бункер, связанный с Кремлём. Храм, заново отстроенный как условная внешняя копия своего исторического предшественника, имеет статус Патриаршего подворья. Настоятелем храма является Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

В мемуарах И. И. Берсенева читаем о храме Христа Спасителя в 1928 г.: «Это было изумительно красивое здание. Оно возвышалось над берегом Москва-реки недалеко от Кремля. Белокаменная громада собора была построена на народные пожертвования в память победы в Отечественной войне 1812 года. Его было отлично видно с Воробьевых гор, с Поклонной горы и из более отдалённых районов рядом с колокольней Ивана Великого. Наружные стены собора были облицованы мраморными плитами с барельефами, выполненными лучшими скульпторами страны. Внутренние стены расписаны выдающимися художниками. Акустика в зале собора была исключительно хорошая. В любой точке зала было отлично слышно всё, что говорили на паперти. В XIX веке и позже священнослужители не держали у губ микрофонов. В тридцатые годы было совершено грандиозное злодейство. Собор был взорван. Такая же участь постигла тысячи соборов, церквей и монастырей по всей стране. Это был разгул вандализма в худшем значении этого термина. Вандалы покорили прогнившую Римскую империю, но не разрушали античных храмов и дворцов. У нас же взрывали, переделывали в склады и для других целей церкви, соборы, мечети и прочие культовые сооружения, построенные на народные деньги. Всё это нанесло огромный моральный ущерб многим миллионам людей. Неудивительно, что у нас в стране всё, что плохо охраняется, да и охраняется, ломают, портят, жгут. Уничтожение храмов видели дедушки и прадедушки современных жителей. Они не воспитали у своих детей и внуков бережного отношения ко всему, что создано трудом прежних поколений, а соответственно, и современного…» (*Берсенев И. И.* Воспоминания и размышления. Владивосток: Издат. дом Владивостокъ, 2015. С. 46).

[13] Введенский Александр Иванович // Древо. URL: http://drevo-info.ru/articles/25199.html (дата обращения: 23.08.2017).

[14] *Краснов-Левитин*. Обновленческий митрополит Александр Введенский. URL: http://krotov.info/library/12_l/ev.levitin_24.htm (дата обращения: 07.08.2017).

[15] Введенский Александр Иванович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Введенский, Александр Иванович.

[16] *Берсенев Игорь Ипполитович* (1916–1994) – доктор геолого-минералогических наук, профессор, племянник Н. И. Громовой (Румовой). Участник Великой Отечественной войны. С 1959 г. – главный геолог Приморского края, с 1971 г. – начальник многих морских экспедиций. За боевые и трудовые заслуги награждён четырьмя орденами и одиннадцатью медалями. Постановлением Правительства России от 3 ноября 2011 г. № 908 подводному хребту в Японском море присвоено наименование «Хребет Берсенева».

[17] *Берсенев И. И.* Воспоминания и размышления.

[18] *Митусова Л. С. О* прожитом и судьбах близких.

[19] *Луначарский А. В.* Диспут с митрополитом А. Введенским // Христианство или коммунизм. Л., 1926. С. 45–75.

[20] *Карпов Георгий Григорьевич* (1898–1967) – генерал-майор НКГБ, в 1943–1960 гг. – председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР.

[21] Введенский Александр Иванович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Введенский, Александр Иванович; *Рыжов К. В.* Сто великих пророков и вероучителей; Введенский Александр Иванович // Древо. URL: http://drevo-info.ru/articles/25199.html.

[22] *Берсенев И. И.* Воспоминания и размышления.

[23] Румов Иван Никифорович. URL: http:// irkipedia/ru/content/rumov_ivan_nikiforovich (дата обращения: 27.09.2017).

[24] *Боровляны* – деревня в 10 км севернее Витебска. На почтовой станции в Боровлянах останавливался А. С. Пушкин. Имение Боровляны купил в 1860-х годах В. С. Покровский, директор Витебской гимназии, дед Н. И. Румовой. В начале XX в. в Боровлянах часто бывали Введенские. В 1910 г. на территории имения были построены хутора, до 1928 г. на хуторе Боровляны жила Анна Ивановна Берсенева (Румова) с семьёй.

[25] *Берсенев И. И.* Воспоминания и размышления. С. 19–20.

[26] Там же. С. 20–43.

А. П. СОБОЛЕВ
(Исследовательский фонд Рерихов,
Ассоциация искусствоведов, Санкт-Петербург)

БОРИС ГЕОРГИЕВ — СТРАНСТВУЮЩИЙ ПИЛИГРИМ, УЧЕНИК И СОТРУДНИК В ДУХЕ

Девятого апреля 1962 г. в Италии в Вечном городе Риме на 74-м году жизни скончался болгарский художник. Отпевание его состоялось в римской русской православной церкви. По ранее сделанному завещанию, похоронен он был во Флоренции в одной могиле со своей любимой сестрой.

Звали этого человека Борис Георгиев. Паломник и скиталец, эрудит и полиглот, знавший 12 языков. Его можно было назвать человеком мира.

За год до этого печального события в Риме в знаменитом Палаццо Барберини состоялась его последняя персональная выставка и, по словам критиков, она стала культурным событием для Вечного города. Перед этим за несколько лет до своей кончины он хотел устроить большую персональную выставку своих работ у себя на родине в Болгарии, но Национальная художественная галерея Софии ответила ему отказом, без объяснения причин…

После смерти на долгие годы имя его было забыто и в Италии, и в Болгарии, и только в конце 1980-х годов вспомнили об этом необычном человеке. В 1999 г. в Болгарии городской художественной галерее города Варна было присвоено его имя и перед входом в неё установлена мемориальная доска с портретом Бориса Георгиева. Вскоре была опубликована его переписка. А к 120-летию со дня рождения художника в Софии состоялась выставка его картин и была издана монография о художнике.

Чем же интересен этот необычный человек? Далее я приведу основные биографические сведения его жизни. При этом замечу, что некоторые данные его биографии расходятся у разных исследователей.

Б. Георгиев. Автопортрет. 1918

Родился Борис в городе Варна 1 ноября 1888 г. Он рос не один, в семье были ещё младший брат и две сестры. Георгиев рано начал рисовать. Он писал о своём детстве, что дядя однажды подарил ему карандаш и с этого времени мальчик рисовал им целыми днями, лёжа на полу. Другое запомнившееся впечатление детства – художественный альбом мастеров итальянского Возрождения – Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи, Фра Анджелико и др. Мальчик по несколько раз на дню рассматривал репродукции картин великих художников.

Начальное образование он получил в своём родном городе. В конце 1902 г. его семья переехала жить в Одессу, а на следующий год – в Санкт-Петербург.

Чтобы помогать своей семье, Борис Георгиев стал подрабатывать. И вот с этого момента начинаются расхождения в его биографии. Некоторые исследователи пишут, что в поисках заработка Борис обходил рестораны города и по договорённости с хозяевами писал портреты и вырезал силуэты гостей заведений, получая за это небольшие гонорары. Так он встретился с Николаем Константиновичем Рерихом, который принял посильное участие в его судьбе и помог поступить в Рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств. Пишут, что с 1903 по 1905 г. Георгиев учился в этой школе, а 1905 по 1909 г. – в Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге, которую окончил с золотой медалью.

Возможно, так и было. Но мне кажется, что в этом вопросе нужны дополнительные исследования здесь, в Санкт-Петербурге. И вот почему. Собирая материалы для книги «Святослав Рерих в Болгарии» в Софии, я получил копию неопубликованного письма Бориса Георгиева к Н. К. Рериху, которое позволяет иначе взглянуть на некоторые факты его биографии[1]. Мне хочется привести его полностью. Написано оно в Индии, в г. Симла, 9 сентября 1932 г.

«Глубокоуважаемый учитель,

Много лет тому назад, в [1]908-м году, когда юношеские искания верных путей, ведущих к изучению средств для выражения через искусство наши духовные стремления, привели меня из Болгарии в Петербург. Я тогда ещё почувствовал силу Вашего духа и был счастлив поступить в школу Общества поощрения искусств на Фонтанке, директором которой тогда Вы состояли.

Я поступил в класс дорогого и доброго Рылова, к которому я сохраню навсегда признательность за его чрезвычайно доброе отношение ко мне. К сожалению, мне не суждено было пробыть больше года в школе и придти в соприкосновение с Вами, так как заболел тифом и должен был уехать на родину обратно. Однако духовная связь моя с Россией никогда не прекращалась, ибо её великая душа для нас, болгар, всегда была вдохновительницей в развитии нашей культуры.

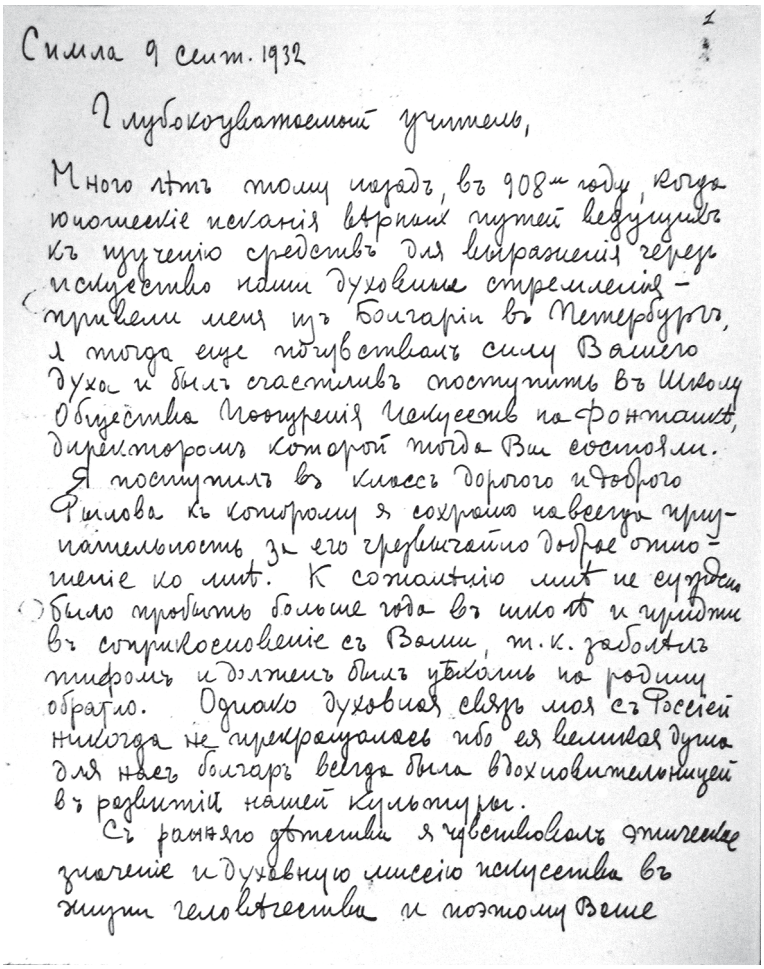
С раннего детства я чувствовал этическое значение и духовную миссию искусства в жизни человечества, и поэтому Ваше искусство имеет такой глубокий отзвук в моей душе.

Осуществив свою заветную мечту побывать в Индии, я был глубоко тронут и обрадовался, когда узнал что Вы и Ваша семья находитесь недалеко от Симлы.

С моими друзьями, принцессой Амрит Каур, rajcumari Amrit Kaur of Kapurthala, и её братом, гостем у которых в настоящее время я нахожусь в Симле, мы предпринимаем экскурсию через горы в Долину Кулу, и куда прибудем приблизит[ельно] около 25 или 26 числа этого месяца. Вы можете себе представить, как я был бы рад и признателен Вам, если бы Вы разрешили мне и моим друзьям зайти к Вам на короткое время, во время нашего путешествия. Я надеюсь, Вы не откажете бывшему ученику Вашей школы иметь радость повидать своего духовного учителя, и будете так добры ответить мне об этом.

Сердечный привет Вам и Вашей семье.

Художник Борис Георгиев».



Симла 9 сент. 1932

Глубокоуважаемый учитель,

Много лѣтъ тому назадъ, въ 908-мъ году, когда юношеские искания вѣрныхъ путей ведущихъ къ пученію средствъ для выраженія черезъ искусство наши духовныя стремленія – привели меня изъ Болгаріи въ Петербургъ, я тогда еще почувствовалъ силу Вашего духа и былъ счастливъ поступить въ Школу Общества Поощренія Искусствъ на фонтанкѣ, директоромъ которой тогда Вы состояли.

Я поступилъ въ классъ дорогого и добраго Филова къ которому я сохранилъ навсегда признательность за его чрезвычайно доброе отношеніе ко мнѣ. К сожалѣнію мнѣ не суждено было пробыть больше года въ школѣ и придти въ соприкосновеніе съ Вами, т.к. заболѣлъ тифомъ и долженъ былъ уѣхать на родину обратно. Однако духовная связь моя съ Россіей никогда не прекращалась ибо ея великая душа для насъ болгаръ всегда была вдохновительницей въ развитіи нашей культуры.

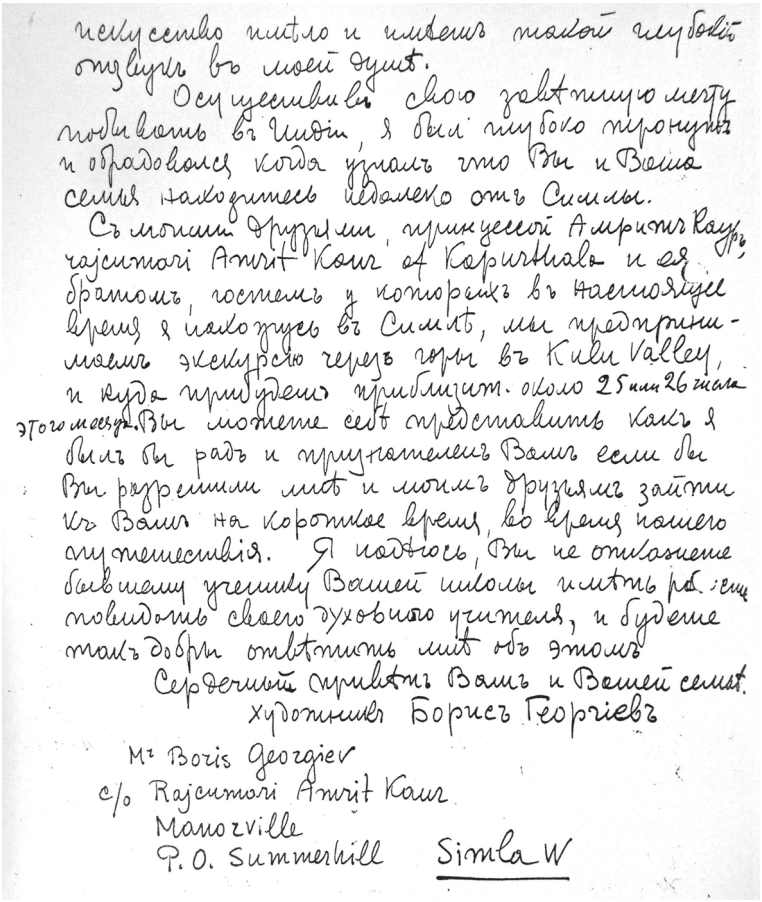
Съ раннихъ детскихъ лѣтъ я чувствовалъ этическое значеніе и духовную миссію искусства въ жизни человѣчества и поэтому Ваше

Б. Георгиев. Письмо к Н. К. Рериху. 9 сент. 1932 г. Лист 1

Из этого письма ясно, что ни время учёбы, ни продолжительность пребывания в школе Общества поощрения художеств не совпадают. Не буду вдаваться в подробности, оставлю это темой для будущего исследования и вернусь к биографии Бориса Георгиева.

Из Санкт-Петербурга он едет в Германию и учится живописи в Мюнхене. Здесь, кроме живописи, Борис осваивает искусство фотографии, которое вскоре ему пригодится в путешествиях по миру.

С 1911 по 1914 г. Георгиев путешествует по Европе вместе с младшей сестрой Катей. Путешествуют молодые люди на велосипедах, вероятно, подрабатывая по дороге. Они изучают памятники искусства Греции, Египта, Марокко. Посещают худо-



искусство имѣло и имѣетъ такой глубокій
отзвукъ въ моей душѣ.
Осуществивъ свою завѣтную мечту
побывать въ Индіи, я былъ глубоко тронутъ
и обрадовался когда узналъ что Вы и Ваша
семья находитесь недалеко отъ Симлы.
Съ моими друзьями, принцессой Амритъ Кауръ,
rajcumari Amrit Kaur of Kapurthala и ея
братомъ, гостемъ у которыхъ въ настоящее
время я нахожусь въ Симлѣ, мы предпринимаемъ
экскурсію черезъ горы въ Kulu Valley,
и куда прибудемъ приблизит. около 25 или 26 числа
этого месяца. Вы можете себѣ представить какъ я
былъ бы радъ и признателенъ Вамъ если бы
Вы разрешили мнѣ и моимъ друзьямъ зайти
къ Вамъ на короткое время, во время нашего
путешествія. Я надѣюсь, Вы не откажете
бывшему ученику Вашей школы имѣть рѣдкое
повидать своего духовного учителя, и будете
такъ добры отвѣтить мнѣ объ этомъ
Сердечный привѣтъ Вамъ и Вашей семьѣ.
Художникъ Борисъ Георгіевъ

Mr Boris Georgiev
c/o Rajcumari Amrit Kaur
Manorville
P. O. Summerhill Simla W

Б. Георгиев. Письмо к Н. К. Рериху. 9 сент. 1932 г. Лист 2

жественные галереи Финляндии, Швеции, Норвегии, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Франции, Испании, Италии и Великобритании. Заезжают они и на свою родину, в Болгарию.

Борис Георгиев писал: «Я решил, что мне предназначено быть в этой жизни паломником, пилигримом, который идёт по жизни без всякой практической цели, переходит с места на место со своими мечтами, радостями и печалями, который с точки зрения людей выглядит как эксцентричный авантюрист, но для которого наибольший комфорт составляли созерцание, прямая связь с природой и духовная дружба между народами»[2].

По окончании путешествий Борис вместе с Катей уезжают в Северные Альпы. Они останавливаются в небольшом селении Монте Лефре, где с помощью местных жителей строят себе небольшой дом из дерева и камня. Больше года они проводят

Б. Георгиев. Ave Natura! 1914

Б. Георгиев. Мировая скорбь/ 1914

вместе в этом уединённом уголке. Катя занимается поэзией и музыкой. Борис активно творит, воплощая задуманные идеи в жизнь. Исследователи считают, что между ними были более глубокие и близкие отношения, чем между братом и сестрой, но это так и осталось тайной двоих…

В это время появляются первые серьёзные работы Георгиева, вдохновлённые видами окружающей природы и наполненные глубоким философским смыслом. Например, он создаёт полотно под названием «Мировая скорбь», на котором изображает смертельно раненную стрелой молодую лань. Поводом для неё послужила реально увиденная картина в горах, где они жили. Возле своей хижины они услышали плач, напоминающий плач ребёнка, и когда подошли, то увидели умирающего оленя, плачущего человеческим голосом, из глаз животного текли слёзы… Интересно, что эта работа была создана в 1914 г., в канун Первой мировой войны, и воспринималась как символ миллионов погибших невинных жертв.

Вскоре молодые люди перебираются во Флоренцию. В 1917 г. Катя умирает от туберкулёза. Для Бориса это было огромным горем. Образ «Мировой скорби» – молодой лани совпал со смертельной болезнью сестры. Впоследствии художник не раз будет изображать её на своих полотнах.

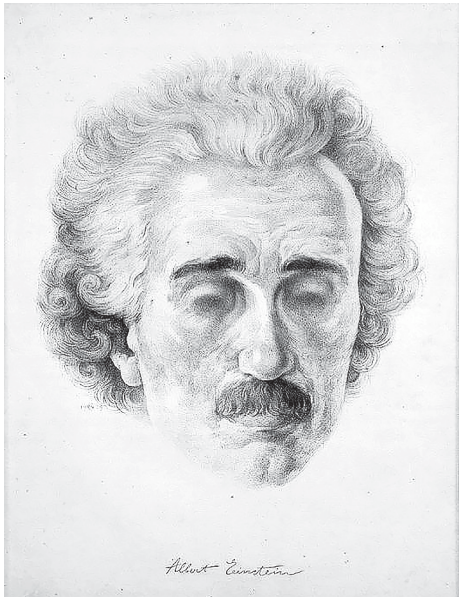
В 1920 г. он участвует в Римской национальной выставке. Посещает родителей в Советской России и после возвращается на родину, в Болгарию. Там он организует ряд своих выставок в разных городах, знакомится с представителями творческой интеллигенции, пишет целую серию их портретов. В Болгарии произошла встреча и с духовным лидером болгарского Всемирного Белого Братства Петром Дыновым[3]. При первой встрече Дынов сказал о Георгиеве: «Дух творит в этом человеке».

Возвратившись в Италию, Георгиев активно занимается творчеством, участвует в международных выставках. В 1927 г. Борис пишет портрет секретаря Ватикана кардинала Мерри дель Валя. Через десять лет, в 1937 г., за этот портрет Георгиев был награждён Командорским орденом Итальянской короны, и до сих пор он является единственным болгарином, удостоенным такой почести. Этот портрет в настоящее время хранится в Ватикане.

В декабре 1928 г. в Берлине Георгиев знакомится с Альбертом Эйнштейном[4]. Борис посещает его лабораторию и пишет портрет физика, который вскоре дарит ему. Альберт Эйнштейн помогает Георгиеву организовать персональную выставку в Берлине в июле 1929 г. В письме Георгиеву от 2 ноября 1929 г. Эйнштейн писал: «Ваше искусство заставило меня почувствовать себя в той области, где большая часть бед Земли и страданий души находит покой. После созерцания портрета, который Вы мне направили, я чувствую необходимость поблагодарить Вас от всего сердца. Мы, бедные тени переходной действительности, чувствуем ностальгию и недостижимую любовь друг к другу и к непостижимому миру»[5].

В начале 1930-х годов Георгиев собирается ехать в Индию. За несколько лет до этого, в 1926 г., он познакомился в Риме с индийским поэтом, лауреатом Нобелевской премии Рабиндранатом Тагором и нарисовал его портрет. Тагор писал художнику о портрете: «Глаза не видят, потому что ты – зеница ока, сердце не понимает, потому что ты – глубочайшая тайна», и пригласил его посетить Индию[6].

Б. Георгиев. Катя (Странник и его сестра). Вариант. 1918



Б. Георгиев. Портрет Альберта Эйнштейна. 1929

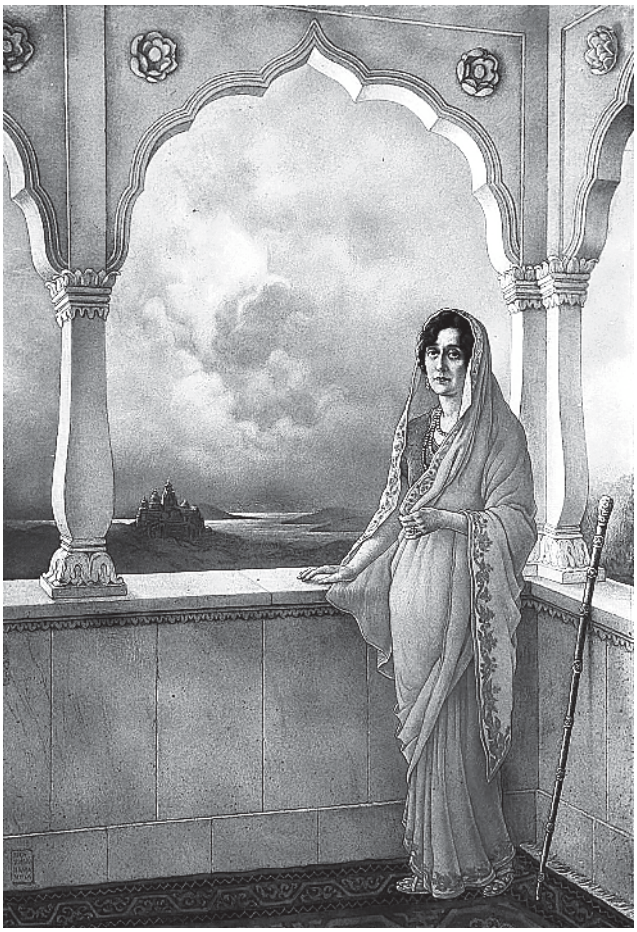
Б. Георгиев, путешествующий по Индии в автофургоне

Георгиев тщательно начал готовится к поездке – он решил ехать в Индию на автомобиле и для этой цели переоборудовал автомобиль «Форд-пикап» в дом на колёсах.

Приплыв в Индию на пароходе, он на своём автомобиле проехал почти всю эту страну. Ещё на корабле он познакомился с индийским духовным лидером Мохандасом Ганди[7]. И уже после встретился с целым рядом выдающихся людей этой страны: будущим премьер-министром Джавахарлалом Неру[8], основателем Индийского национального университета Пандитом Маданом Моханом Малавия[9], принцессами Нилуфар и Раджкумари Амрит Каур[10]. Он посетил Рабиндраната Тагора, побывал в гостях у Ганди. Написал портреты этих выдающихся людей. Встречался он и с известной уже тогда киноактрисой Девикой Рани[11] и её партнёром в кино Ашоком Кумаром[12].

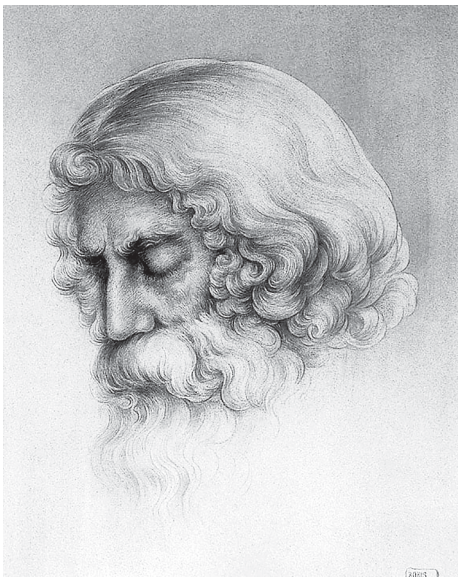
Теперь можно вернуться к помещённому выше письму Георгиева к Н. К. Рериху. Путешествуя по Индии и узнав, что в Гималаях со своей семьёй живёт его учитель Н. К. Рерих, он просит разрешение нанести ему визит, и, видимо, получает положи-

Амрит Каур-рани Манди. 1924

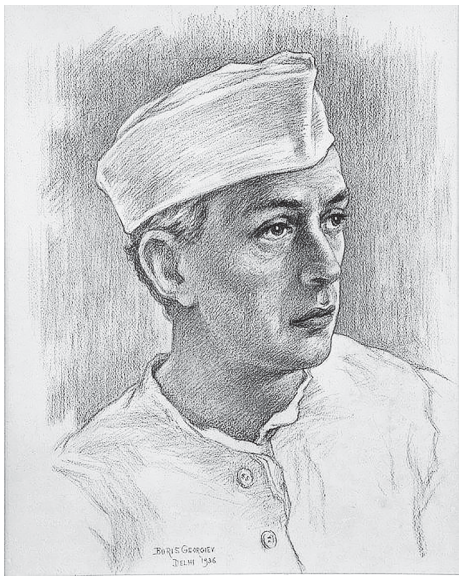


Б. Георгиев. Портрет Раджкумари Амрит Каур

тельный ответ. Рерихи тепло приняли гостей. Между двумя художниками возникли доверительные отношения и завязалась переписка. Рерих пишет Георгиеву 6 мая 1933 г.: «Родной мой сотрудник в Духе, спасибо за весточку из Дели. Вероятно, Вы уже в Италии и куёте новую ступень Ваших достижений. Все мы сердечно вспоминаем Ваш приезд и я знаю, что в душе Вашей живёт так много истинно творческого, хорошего, созидательного. <…> Главное же собирайте вокруг себя и просвещайте молодые сердца. Ведь они находятся в глубоком смятении и естественно не могут разобраться в чем истинное созидание. Посылаю для Вас и для друзей Ваших прилагаемые статьи. Они являются продолжением мыслей письма. <…> Вообще в жизни так много чудесного и так прекрасно улавливать пути Провидения и Благодати. Твёрдо идите по тем благословенным путям, на которые призвал Вас Ваш Дух. Помните, что мы всегда будем рады встретиться с Вами и шлём Вам наши лучшие приветы»[13].



Б. Георгиев. Портрет Рабиндраната Тагора. 1926



Б. Георгиев. Портрет Джавахарлала Неру. 1936

Творчество и взгляды Николая Рериха оказались близки Борису Георгиеву ещё со времён учебы в Санкт-Петербурге и оказали огромное влияние на молодого человека. Так, в 1923 г. он опубликовал в одном из болгарских журналов статью «Искусство и жизнь», посвящённую вышедшей книге Н. К. Рериха «Цветы Мории». В его строчках звучат мысли и чувства, так схожие с мыслями великого художника: «Искусство только тогда может быть великим и не бояться времени, когда оно вмещает высшие духовные проявления человека, его чувства и интеллект. Тогда истинное искусство отождествляется с религией, наукой и философией и поднимается до созерцания мировой первоосновы. В этом мистическом процессе заключена тайна искусства и идея высшей красоты»[14].

По возвращении в Болгарию он публикует свои впечатления в газетах, в том числе и о встрече с Рерихом, статья называлась «Через джунгли Индии к великому Рериху в Гималаи». Выступал он и с лекциями. Стал почётным советником от Болгарии по распространению идей Пакта и Знамени Мира. Для популяризации этих идей он выпустил календари со своими картинами с призывом защитить мир. Вёл обширную переписку.

Рерих часто вспоминал в письмах о Георгиеве. Известно, что Борис переписывался с председателем Латвийского общества Рериха Рихардом Рудзитисом. Приветствие Георгиева Конгрессу прибалтийских обществ Рериха, посвящённого 50-летию деятельности художника и учёного Н. К. Рериха, помещено в книге «Zelta gramata» [15], в которой собраны материалы этого конгресса.

Болгарские календари «Да будет мир!» на 1937 и 1938 годы с репродукциями картин Б. Георгиева

«Рим. Январь 1938.

Выражаю свою самую искреннюю духовную солидарность и радость по случаю чествования великого и неутомимого апостола истиной духовной культуры и красоты, которые сегодня как никогда необходимы миру, над которым надвинулись страшные тучи зла.

Уверен, что это чествование было символом единения благородных человеческих душ, которые, вдохновлённые подвигом и делом любимого Николая Константиновича, чувствуют необходимость сплотиться вокруг него во имя идеалов высшей человеческой духовной культуры.

Хотя и очень поздно, прошу принять и моё скромное, но самое искреннее соучастие в трудном деле строительства лучшего и более достойного будущего, прошу передать великому мастеру и апостолу красоты моё глубокое уважение и преданность его бывшего ученика.

Примите и Вы, многоуважаемый председатель, мой сердечный привет.

Борис Георгиев».

Во время Второй мировой войны Георгиев жил в Италии, участвовал в художественных выставках. После войны он познакомился с юной Вирджинией Джакометти, ставшей его приёмной дочерью, близким другом и наследницей.

С 1951 по 1955 г. Георгиев по приглашению болгарских эмигрантов из Комитета по оказанию помощи находился в Бразилии, устраивал там выставки, творил… В 1956 г. возвратился обратно в Италию и оставался там до конца своих дней.

В заключение хочу сказать, что впереди нас ждёт немало интересных открытий о жизни и деятельности этого замечательного художника. В уже упомянутой мною статье Георгиев писал: «Без великой души нет великого искусства, и прежде чем быть художником, нужно быть человеком»[16]. Эти слова с полной уверенностью можно отнести и к Борису Георгиеву.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Оригинал письма находится в архиве МЦР, Москва.
2 URL: http://parashutov.livejournal.com/115914.html (дата обращения: 24.09.2016).
3 *Дынов Пётр Костадинов* (1864–1944) – философ, основатель религиозно-философской доктрины.
4 *Эйнштейн Альберт* (1879–1955) – физик-теоретик, один из основателей современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике, общественный деятель-гуманист.
5 URL: http://parashutov.livejournal.com/115914.html (дата обращения: 24.09.2016).
6 Там же.
7 *Мохандáс Карамчáнд «Махáтма» Гáнди* (1869–1948) – индийский политический и общественный деятель, один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании.
8 *Джавахарлáл Нéру* (1889–1964) – индийский политический деятель, лидер левого крыла индийского национально-освободительного движения, первый премьер-министр Индии.
9 *Мадан Мохан Малавия* (1861–1946) – индийский общественный деятель. Неоднократно занимал пост президента Индийского национального конгресса. В 1916 г. основал Бенаресский индуистский университет, а в 1919–1938 гг. являлся вице-председателем этого университета.
10 *Амрит Каур* (1889–1964) – дочь одного из членов правящей семьи маленького княжества Капуртхала (Kapurthala) в Пенджабе, в 1923–1930 гг. была женой Джогиндер Сен Бахадура (Joginder Sen Bahadur), раджи соседнего княжества Манди. Это у них в 1928 г. Рерихи приобрели поместье «Холл Эстейт» в Наггаре. Вероятно, она и рассказала о Рерихах Борису Георгиеву, писавшему её портрет в Симле. Впоследствии Амрит Каур, убеждённая сторонница Ганди, стала известна как борец за права женщин и один из лидеров национально-освободительного движения в Индии. В правительстве Дж. Неру занимала пост министра здравоохранения, в 1950 г. была выбрана председателем Всемирной ассамблеи здравоохранения (главным органом ВОЗ), став первой женщиной на этом посту. – *Примеч. ред.*
11 *Девика Рани Чоудхури Рерих* (1908–1994) – индийская киноактриса, во втором браке жена Святослава Рериха.
12 *Ашок Кумар Гангули* (1911–2001) – индийский актёр, продюсер и режиссёр.
13 *Рерих Н. К.* Письмо Б. Георгиеву. 6 мая 1933 // Культура и время. 2005. № 2. С. 122–123.
14 *Георгиев Б.* Из статьи «Искусство и жизнь» // Там же. С. 122.
15 Zelta gramata. Riga, 1938. P. 49–50.
16 Ibid. P. 122.

С. А. СМИРНОВ
(Отдел реставрации Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург)

РЕСТАВРАЦИЯ БАСМЕННОГО ОКЛАДА ИКОНОСТАСА КАЗАНСКОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРМИ, ВЫПОЛНЕННОГО Н. К. РЕРИХОМ

Пермская государственная картинная галерея представила на международный выставочный проект «Рериховский век» иконостас Казанской церкви в Перми, написанный Н. К. Рерихом в 1907 г. Выставка проходила в Центральном выставочном зале «Манеж» Санкт-Петербурга с 16 апреля по 16 мая 2010 г. и была посвящена 75-летию подписания 15 апреля 1935 г. в Вашингтоне, в Белом доме, Пакта Рериха.

Так это уникальное произведение церковного искусства появилось в нашем городе. Благодаря этому стали возможны полная профессиональная реставрация и изучение иконостаса (ил. 1).

Ил. 1. Иконостас после реставрации. 2014

В конце 2011 г. специалисты смогли приступить к его реставрации. Процесс состоял из следующих этапов: извлечение икон из рам, демонтаж басменного оклада, его реставрация. Освобождённые от басмы иконы передавались реставратору живописи. По окончании всех работ следовала полная сборка. Первые этапы работ были поручены автору статьи как художнику-реставратору высшей категории. Опубликованные в литературе материалы изучения иконостаса Н. К. Рериха до сих пор были посвящены главным образом живописи и художественным образам. Исследований металлического убранства, насколько мне известно, не проводилось. Поэтому в процессе реставрационных работ басменное убранство изучалось и исследовалось.

Среди художественных произведений ***Николая Константиновича Рериха*** *иконостас Казанской церкви в Перми малоизвестен. Самым ранним перечнем произведе-*

Ил. 2. С. И. Вашков

*ний художника является список, составленный искусствоведом А. П. Ивановым в 1915 г. У этого биографа есть упоминание: «**иконостас для женского монастыря в Перми» под 1907 г.** и 13 эскизов для него, выполненных маслом. Как показали исследования Н. В. Скоморовской (2003) и К. И. Новосельского (2009), непосредственным заказчиком Пермского иконостаса был Иван Григорьевич Каменский (1857–1910), известный уральский хозяйственник, член Государственного Совета России. Иконостас церкви Казанской Божьей Матери Успенского женского монастыря в Перми был спроектирован московским художником **Сергеем Ивановичем Вашковым** (ил. 2). Иконы для него написаны маслом по дереву **Н. К. Рерихом**. В те годы С. И. Вашков был художественным руководителем фабрики Оловянишниковых, выполнявших работы по изготовлению церковной утвари. Ему принадлежит авторство оформления многих храмов России начала XX в., в том числе и иконостаса пермской церкви.*

Наша работа началась с самой трудной части иконостаса – створок царских врат (ил. 3). Каждая створка содержит по две иконы, вставленные в обвязку дверного по-

Ил. 3. Створки Царских врат до реставрации

лотна как филёнки. Две верхние створки сложной формы представляют Благовещение – архангел Михаил и Дева Мария, две нижние прямоугольные – четырёх евангелистов. Наибольшую сложность составил демонтаж верхних икон. Плотно пригнанные иконы глубоко прибиты крупными гвоздями к обвязочным брускам дверей. Шляпки утоплены ниже поверхности. Извлечь их, не повредив доску иконы, казалось невозможно. Проблема была решена перепиливанием гвоздей тонким ножовочным полотном для металла. Верхние иконы были прибиты 13 гвоздями. Их удалось перепилить, не повредив доски иконы. После демонтажа иконы остатки гвоздей были выбиты без проблем. Таким же способом извлекались все остальные иконы.

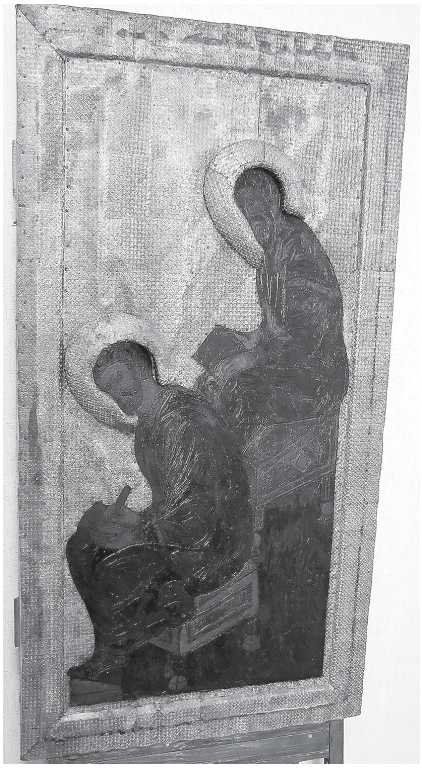
В процессе извлечения гвоздей мы обратили внимание на то, что гвозди, квадратные в сечении, забивались по-плотницки, с загибом. Таким образом, гвоздь не выходил насквозь с противоположной стороны, а, изогнувшись, ушёл в глубь рамы. По форме гвоздя, его ржавой поверхности на всю длину, технике забивания и отсутствию других отверстий можно утверждать, что иконы никогда не извлекались из рамы. Значит, они никогда не проходили полной реставрации.

Золотистый цвет басме придавала специальная химическая обработка. Поэтому её ошибочно называли «бронзовой басмой». Секрет старой химической обработки найти не представилось возможным, но современные реагенты, дающие красивый золотистый цвет, были найдены и применены. Достаточно трудоёмким оказался постепенный демонтаж басмы со всей поверхности иконы. Для этого специально был выкован ювелирный гвоздодёр с тонким заострённым носом. Он позволил аккуратно, не повредив басму, извлекать сотни гвоздиков, монтирующих басму. Каждая пластина была закреплена по периметру латунными гвоздиками диаметром 0,5 × 15 мм и внутри мелкими – диаметром 0,25 × 8 мм.

После полного демонтажа басмы по всей иконе мы обратили внимание, что полностью позеленели не только гвоздики, но и оборотная сторона басменных пластин. Это явление в дальнейшем наблюдалось на басме всех икон, что навело на мысль, что причиной зеленой коррозии металла является дерево, на котором смонтирован басменный оклад. Для выяснения причины был взят небольшой образец древесины. Анализ дерева выполнила научный сотрудник химической лаборатории Государственного Эрмитажа Мария Ивановна Колесова. Материалом икон является липа, что типично для севернорусских икон того времени. Крупнейший реставратор произведений из дерева, специалист музея истории религий Г. А. Преображенская сообщила, что для антисептической обработки и против коробления доски икон пропитывали деревянным маслом с камфарой. Камфара – это, скорее всего, антисептик. Деревянное масло – технический вариант оливкового масла. Различают три вида оливкового масла – оливковое (пищевое), прованское и деревянное. Два последних использовались раньше в светильниках и лампадах. Химически это смесь триглицеридов жирных кислот с высоким содержанием эфиров и олеиновой кислоты. Из всех растительных масел в оливковом самое высокое содержание олеиновой кислоты – до 81 %. Такая пропитка с кислыми радикалами есть причина образования зелёной коррозии басмы и гвоздиков. Вывод – после полной химической обработки пластин басмы необходимо противокоррозионное покрытие их внутренней стороны.

Неожиданное открытие. После демонтажа басмы с икон левой створки врат – архангел Михаил и два евангелиста – обе иконы были переданы реставратору живописи. Пластины басменного оклада прошли полную химическую и механическую реставрацию. С такой же программой приступил к обработке икон правой створки с иконами Дева Мария и два евангелиста. При удалении бессменного оклада с иконы у евангелистов на левом её поле была обнаружена надпись карандашом (ил. 4а):

1907 23 Сентября Петербург Спасский пер. Василий Ивановичъ Дупелевъ Екатерининский канн. 44/2 кв. 28



Ил. 4. Евангелисты до реставрации

Ил. 4а. Автограф гравёра Дупелева. Публикуется впервые

В адресном справочнике «Весь Петербург» за 1913 г., по данному адресу был найден гравёрный мастер В. И. Дупелев. Я нашёл этот дом (ил. 5, 6) на углу Спасского переулка и набережной канала Грибоедова (бывш. Екатерининского). Указанная квартира, вероятно и мастерская, находятся на втором этаже дворового флигеля. Полученные сведения ставят под сомнение существующие утверждения, что все работы по изготовлению иконостаса проводились в Москве. То, что оклад иконостаса изготовлялся фабрикой «т-во П. И. Оловянишникова и сыновья», не вызывает сомне-

ния. На запорном крючке дверец, на подзоре дверцы царских врат и северных и южных дьяконских дверей иконостаса есть круглые клейма фабрики (ил. 7). В то время фирма Оловянишниковых была поставщиком императорского двора. Ею отлиты колокола для Фёдоровского собора в Царском селе, а в Гостином дворе Петербурга ей принадлежали две торговые лавки. Сведений нет, но вполне возможно, что у фирмы в столице были мастерские. Обнаруженная надпись позволяет утверждать, что «*гравёрный мастер Василий Иванович Дупелев изготавливал басменный оклад в Петербурге и надевал его на икону в Петербурге*».

Ил. 5. Дом гравёра Дупелева

Ил. 6. Квартира Дупелева

Ил. 7. Клеймо фирмы Оловянишниковых

Пластины басменного оклада, снятые с икон, подвергались принятой современной химической обработке. Наружная и внутренняя поверхности обрабатывались средствами ПАВ (типа антижир). К сожалению, часто встречались участки, покрытые лаком с «бронзовой пудрой». Удалялись они с трудом, длительными компрессами. Все коррозионные образования успешно выведены погружением в водный раствор двунатриевой соли этилендиаминтетрауксусной кислоты. (В России эта комплексобразующая соль называется трилон-Б, во многих странах Европы – просто комплексон.) Прочно закреплённая на липовой доске басма вспучилась высокими волнами при поперечной усадке дерева. Очищенная, отмытая басма подвергалась рихтовке, специально изготовленными фторопластовыми молотками. Когда были закончены все этапы реставрации, пластины с обеих сторон покрывались противокоррозионным покрытием синтетическим микрокристаллическим воском Cosmoloid H80. Эта технология применена на всех пластинах икон. В процессе работ пришлось столкнуться с рядом трудностей по удалению многочисленных наслоений от предшествующих некачественных реставраций. Н. В. Скоморовская, между прочим, упомянула, что один и тот же реставратор расчищал живопись и басму иконостаса. Это две несовместимые профессии. Для успешной реставрации оклад и живопись всегда разделяют – у них разные несовместимые технологии реставрации. До сих пор басму, не снимая, припудривали «бронзовой краской», а живопись промывали и тонировали. Так на одной из икон краска зелёной позёмы «попала» на басму.

В то время, когда части басменного оклада икон подвергались описанным выше процессам, живопись заботливо обрабатывала художник-реставратор произведений живописи Ирина Гефдинг. Она, в частности, сказала: «Это было сюрпризом, что живописный слой наносился без грунта, прямо на доску. Рерих использовал фактуру дерева как средство художественной выразительности, это очень эффектно, когда изпод краски просвечивает фактура дерева, включённая в художественный замысел. Но красочный слой настолько тонкий, что нелегко было его реставрировать, важно было его сохранить».

Исследование басмы

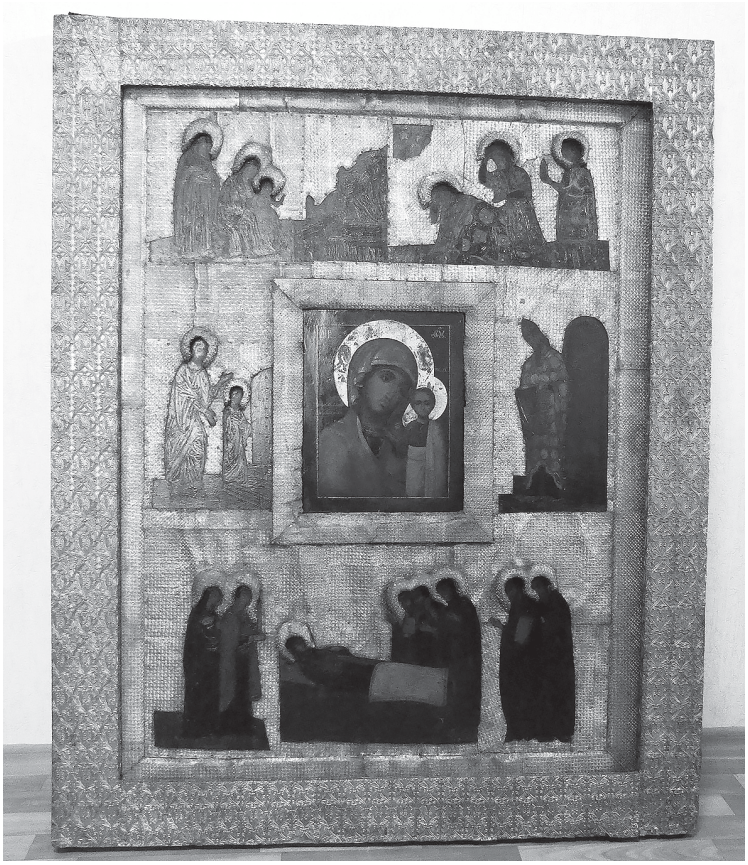
Приступая к демонтажу басменного оклада, обратили внимание, что края икон, закрытые рамой на 3 см, очень корродированы и окислены. На них много загрязнений и посторонних натеков. Скорее всего, оклад икон много раз промывался непрофессионально и, как мы увидим ниже, подкрашивался лаком с латунной пудрой (так называемой «бронзовой краской»). Общий золотистый цвет оклада позволил предположить, что раньше, возможно, оклад был золочёным. Это встречается на старинных окладах. Регулярная их чистка часто приводила к утрате позолоты, но под прикрытием рамы киота она сохранялась. Предположив такую вероятность у икон рериховского иконостаса, мы передали боковой фрагмент басмы для обследования в физическую лабораторию Государственного Эрмитажа. Рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) не подтвердил нашу гипотезу. Позолота в исследуемой части отсутствует. Анализ показал, что материалом басмы является латунь, содержащая 35 % цинка, остальное – медь. В отличие от чистых однокомпонентных металлов, латунь, как многокомпонентный сплав, после механической обработки, проката, чеканки и других производственных процессов становится твёрдой и жёсткой. У металлургов это явление называется *наклёп* или *нагартовка* (от нем. *Hart* – «твёрдый»). Продолжение механической обработки такого металла приводит к разрушению, растрескиванию. Всеми этими свойствами обладает латунь, особенно с содержанием цинка свыше 30 %. Чтобы вернуть латуни пластичность, применяют высокотемпературный отжиг. Для латуней необходим отжиг 300–400 °С По всей вероятности, при чеканке басмы этот температурный режим не всегда выдерживался. Так, мы видели много повреждений и растрескиваний на пластинах лузги иконы Спас Нерукотворный. Замечено немало прорывов-трещин по рисунку чеканки.

Орнамент басмы на поле всех икон представляет ряды мелких спиралей диаметром 5 мм. Благодаря тому, что чеканка орнамента для басмы на полях иконы выполнена не очень аккуратно, заметно читается технология её изготовления. Чекан с набором спиралей имел размер 2 × 3 дюйма (5 × 7 см). Таким чеканом (или штемпелем) набивались узоры на большом листе латуни, а затем ножницами вырезались пластины по форме, определённой изображением на иконе. Так, на иконе в клеймах жития вокруг вставленной иконы Богоматери очень мелкий набор пластин вокруг святых. В других крупных иконах, особенно у Спаса Нерукотворного или Предстоящих, набор выполнен очень крупными пластинами. После подгонки пластины прибивались латунными гвоздиками. По периметру большими, 15 мм, гвоздиками, а в середине – очень мелкими. Из-за того, что чеканка прямоугольным штемпелем выполнена не очень аккуратно, можно предположить, что эту большую и трудоёмкую работу выполняли подмастерья. Иную картину представляет басма на рамах икон, дверей. Это сложный красивый узор с акантовыми листьями с высоким рельефом. Понятно, что принцип набора рисунка тот же, но прочитать его мне долго не удавалось. Помогла также ошибка мастера, из-за которой рисунок сместился. Как видно на фото, это позволило вычислить основной элемент гравированного штемпеля. Но качественная, аккуратная чеканка позволила получить идеальный красивый узор. Он ровными

рядами заполнил плоскости рам икон, боковых дверей, створок царских врат, самих врат и их торцы. По качеству этого чеканного набора видно, что его выполнял мастер. Возможно, это был сам Василий Иванович Дупелев, оставивший свой автограф на поле иконы с евангелистами Матфеем и Марком на правой створке царских врат.

Судьба иконы Казанской Богоматери

Слева от царских врат (см. ил. 1) в иконостасе находилась икона с житийными клеймами и в среднике вставлена икона Казанской Богоматери. Если живопись клейм написана в технике всего иконостаса, в технике Рериха, а их басменное окружение выполнено в технике фирмы Оловянишникова, то центральная икона совершенно другого письма. Это обычная для рубежа XIX–XX вв. икона темперного письма с золочёным нимбом. Как выяснилось, икона не подлинная. Её подобрали вместо утраченной. Она слабо держится в окне, только за счёт современных гвоздей (ил. 8).



Ил. 8. Икона Казанская с праздниками после реставрации

Ил. 9. Вмятины от фомки

Возникают вопросы: где подлинная икона и почему в иконостас, выполненный в едином стиле, вставлена икона другого письма? На первый вопрос ответить удалось скоро, начав реставрацию. При демонтаже басмы обратили внимание на большие повреждения рамки вокруг средника для иконы (ил. 9). Порвана басма и разломаны деревянные подкладки под ними. На левой вертикальной рамке, и на басме, и на деревянной подкладке, две широкие вмятины. Эти следы не вызывают сомнения в том, что так икону извлекали фомкой (небольшой ломик, инструмент взломщика). Очевидно, что при усыхании дерева праздничной иконы вставленная икона оказалась сильно зажатой. Обычными способами её было не извлечь тем, кто пытался её украсть. А произошло это где-то в 1930-х годах, когда советская власть закрывала храмы. Быть может, икону таким образом пытались спасти? Это была старинная и очень почитаемая икона, точнее, местночтимая. В её честь был построен храм в 1908 г. В книге Н. В. Скоморовской есть ссылка, что в анкетном акте (1930-е) «по приемке имущества ликвидированной церкви Казанской Божьей Матери в Перми, сказано “здание храма каменное, сооружённое в 1908 году на месте деревянного храма, сооружённого в 1873 году и за ветхостью разобранного”». Она старше ещё как минимум на 35 лет, и тогда она уже была почитаемая или местночтимая! Именно во имя той старинной, чтимой иконы была построена церковь и создан этот уникальный иконостас. В нём на почётном месте была помещена та старинная икона Казанской Божьей Матери. По музейным законам, если нечем заполнить утрату, в пустое место помещают нейтральное полотно. Вставлять слабый аналог, искажающий дух всего иконостаса, неправильно.

Заключение

Проделана огромная работа по реставрации и изучению основной части иконостаса. Он уникален не только удивительной живописью, отличающейся от канона, но и своим гармоничным с ней басменным окладом. Если обычно оклады выполнялись для конкретных икон и часто закрывали всю икону, кроме ликов, то в пермском иконостасе он лишь обрамляет изображение святых. Его чеканное поле одно для всех икон, решено в едином ритме. Во всём иконостасе он представляет единое целое, не сверкая, но сияя золотистым светом. Мелкие спирали ровным ритмичным полем заполняют все иконы и нимбы, а крупные узоры на полях рамы делают их объёмными.

При реставрации основной части оклада, выполненной автором этих строк, удалены не только следы случайных вмешательств прошлого. Были укреплены многочисленные изломы полей басмы икон. Их реставрация очень усложнена наличием больших сквозных разрывов верхней и нижней частей обноски икон, а также рам.

Ил 10. Храм в Перми, для которого Рерихом и Вашковым был создан иконостас. 1907

Эти места укреплялись дублированием на тонкую латунную фольгу, подогнанную чеканкой по профилю. Намеренно не исправлялись вмятины от фомки на рамке средника. Во-первых, в результате взлома полностью смят чеканный орнамент. Во-вторых, они оставлены как память о событии и напоминание о том, что здесь была подлинная старинная икона, для которой Н К. Рерих писал иконостас. Из восполнения утрат следует отметить утраченный голгофный крест на нижней филёнке северных дьяконских дверей. Они были изготовлены из латуни и представляли точную копию сохранившегося креста на филёнке южных дверей.

Демонтаж басменного оклада позволил выполнить в полном виде реставрацию и живописи, и металлического убранства. На последнем были удалены коррозионные наслоения, возвращено парадное золотистое сияние, исправлено коробление, укреплены многочисленные изломы и трещины. Подняв басму, удалось увидеть автограф мастера, скрытый от глаз более ста лет. Находка автографа гравёрных дел мастера позволяет пересмотреть концепцию создания всего иконостаса. Есть все основания утверждать, что иконостас изготовлялся, и живопись, и чеканный оклад, в Санкт-Петербурге. В Москве при художественном руководстве С. И. Вашкова был составлен проект, а в Перми выполнялась окончательная сборка в храме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маточкин Е. П., Скоморовская Н. В*. Пермский иконостас Николая Рериха. Самара, 2003.
2. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. М., 2005.
3. Весь Петербург: Справочник. 1913 г.

IV. ИЗ ФОТОАЛЬБОМА КОНФЕРЕНЦИИ

Государственный Эрмитаж, Зал Совета. 7 октября 2016 года

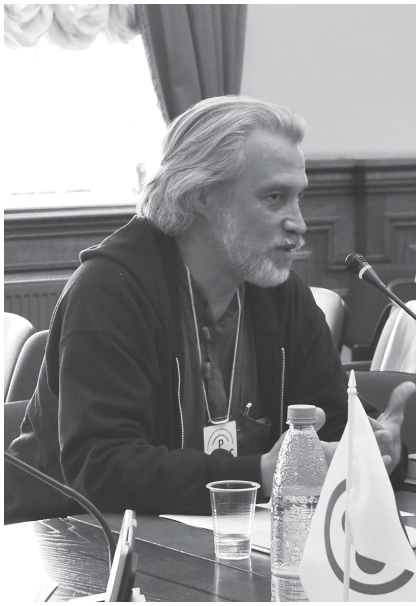
А. А. Бондаренко

А. А. Бондаренко и С. Д. Иванов

Приветствия в адрес конференции

Торжественное заседание «Девяностолетие северного маршрута Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха» в Зале Совета ГЭ

Лауреаты Международной премии имени Николая Рериха 2017 года
И. Х. Капелян, Л. Я. Боркин, Р. Б. Рыбаков



Д. Н. Попов

В. В. Надёжин и Н. А. Тоотс

Л. Я. Боркин, М. Г. Михайлова

Музыкальное приветствие от коллектива монгольского национального искусства «Нүүдэлчин» («Кочевники»)

Т. К. Мкртычев

Янжмаа Бирагийн

Вручение Международной премии имени Николая Рериха
Р. Б. Рыбакову (Р. Б. Рыбаков, А. Н. Воронко, С. Д. Иванов, А. А. Бондаренко)

Видео-приветствие от академика Шагдарына Биры

Т. С. Новикова, Е. И. Галицкая, М. В. Петриченков

Выступает Д. В. Делюкин

Н. А. Зальцман, О. Н. Чеглаков, А. М. Шустова (дарит головной убор), Е. А. Левинтова

В. В. Монастырский, И. А. Коротков (выступает), Ю. Ю. Будникова, Н. А. Зальцман

Санкт-Петербургский государственный университет. Петровский зал. 8 октября 2016 года

Участники конференции в Петровском зале СПбГУ

Выступает А. Х. Даудов

Выступает Ю. Ю. Будникова

А. А. Бондаренко, А. Х. Даудов ведут заседание

Выступает Д. Н. Попов

А. А. Савкина

Л. Б. Кудесова

В. Е. Чернявский

В. В. Монастырский

И. И. Савосина вручает дар

И. И. Савосина

Л. Х. Нурмухамедов

М. Ю. Миронова

Е. А. Сентякова

Б. С. Дугаров

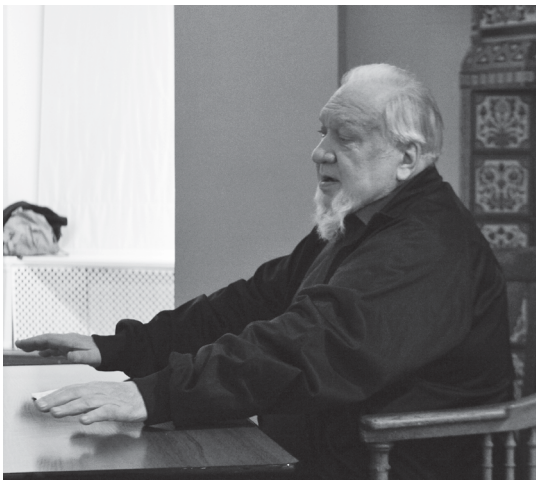
Линь Цзиньфэн

Ведут заседание Ю. Ю. Будникова и Д. В. Делюкин

М. В. Петриченков

Е. В. Фалёв

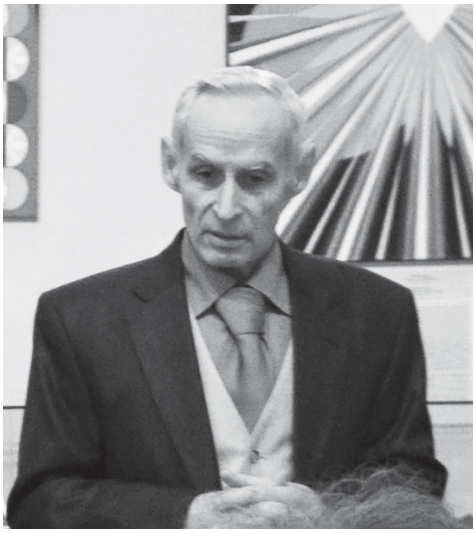
Е. М. Егорова



Р. Б. Рыбаков

Творческий вечер Р. Б. Рыбакова в Музее-институте семьи Рерихов

Музей-институт семьи Рерихов.
9 октября 2016 года



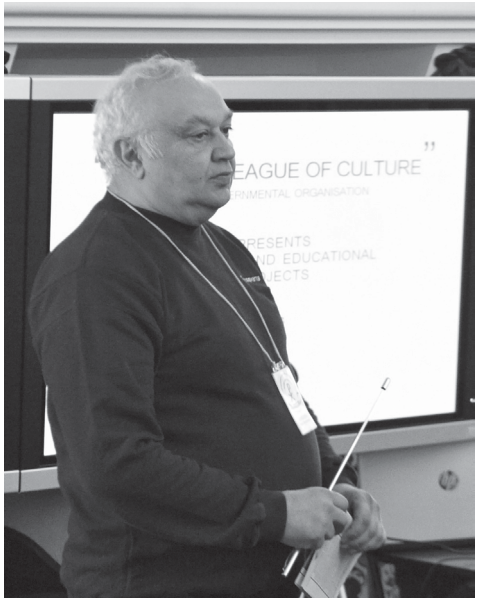
Приветствие О. Н. Чеглакова

Т. С. Новикова

Выступление И. А. Короткова

Выступление Н. И. Кулаковой

Выступление С. В. Ляшенко



А. М. Агабабян

Выступление Л. В. Бузиной

И. А. Жерносенко, А. П. Соболев, М. Н. Чеснокова

Т. С. Матехина

Н. А. Бикалова

А. П. Соболев

Е. И. Галицкая

Е. А. Левинтова

А. Б. Коренная

Заседание Общественной секции

В. Л. Мельников на заседании Общественной секции

Янжмаа Бирагийн

Артисты коллектива «Кочевники»

Презентация Дома-музея Н. К. Рериха в Монголии (Roerich Shambhala museum)

Концерт Музыкального коллектива «Кочевники»

Номер из концерта

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие *7*

Приветствия и речи *7–26*

А. А. Бондаренко *7, 10*

А. Нарвилене, И. Зелецкепе *9*

Я. Барагийн *10*

Ш. Бира *10*

Н. А. Тоотс *11*

Н. А. Зальцман *12*

Т. К. Мкртычев *12*

Д. Н. Попов *13*

О. Н. Чеглаков *13*

И. А. Коротков *15*

А. Н. Воронко *17*

И. Х. Капелян *18*

Л. Я. Боркин *19*

Р. Б. Рыбаков *21*

А. Х. Даудов *22*

В. В. Монастырский *23*

В. Л. Мельников *24*

В. В. Аристархов *25*

Организационный комитет *28*

Программный комитет конференции *30*

I. РЕРИХИ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. ПРЕДЫСТОРИЯ ВОПРОСА

В. Л. Мельников. Н. К. Рерих о своих первых азиатских впечатлениях *31*

И. И. Савосина. Афанасий Никитин. Путешествие с Запада на Восток и обратно. К вопросу о могиле русского купца *44*

М. Н. Чеснокова. Общественная деятельность сестёр Варвары и Александры Шнейдер *55*

Л. П. Рудакова. Географические экспедиции в документах архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) *62*

М. Ю. Миронова. Восток в творчестве Н. Рериха до 1924 года. Каким его видел и изображал художник до отъезда в Индию *73*

Н. И. Кулакова. История одной фотографии *77*

В. В. Вихров. К вопросу о поездке семьи Рерихов в Сортавалу в декабре 1916 года *86*

Е. С. Соболева. Монгольский этап экспедиций Бернгарда Эдуардовича Петри *92*

Ю. А. Горбачёв. «Второе открытие» рериховской Карелии и проблемы современного рериховедения *118*

II. 90-ЛЕТИЕ СЕВЕРНОГО МАРШРУТА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Н. К. РЕРИХА

Ю. Ю. Будникова. О целях и задачах Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха по дневникам Елены Ивановны Рерих 1925–1927 гг. *124*

В. Е. Чернявский. Контакты семьи Рерихов с советской интеллигенцией в Москве. Люди и судьбы *132*

Д. В. Делюкин. Рерихи в Москве: встречи, события, проблематика, выводы (к 90-летию посещения Советской России Центральноазиатской экспедицией Н. К. Рериха) *142*

А. М. Шустова. Монастырь Наропанчен в Монголии *157*

П. И. Крылов. Были ли Рерихи вегетарианцами *164*

А. П. Соболев. Посещение Рерихами Алтая. Вехи экспедиции *174*

М. Ю. Миронова, А. П. Пузиков. К вопросу о маршруте экспедиции Н. К. Рериха по Алтаю *178*

Е. В. Бакалдина. Предметы, связанные с пребыванием семьи Рерихов в Монголии (на материалах фондов Музея-института семьи Рерихов) *187*

П. И. Крылов. Рерихи и семья Неру-Ганди *209*

И. А. Жерносенко. Проект «Алтай – Гималаи»: подтверждение идеи Н. К. Рериха *246*

Янжмаа Бирагийн. Воспоминания об Учителе академика Шагдарын Биры *256*

Д. И. Мамыев. «Магниты ноосферного образования» через призму наследия Н. К. Рериха *259*

III. ФИЛОСОФИЯ, ИСКУССТВО, ПЕДАГОГИКА

Б. С. Дугаров. Рерихи: свет путеводный *264*

Е. А. Сентякова. Письма махатм: история создания и публикации *268*

Е. В. Фалёв. Целесообразная истина в буддизме и в Живой Этике *282*

М. Ю. Миронова. Элементы иконографии Падмасамбхавы на картинах Н. К. Рериха *291*

И. Ю. Александров. «Кармическая теория культуры» В. В. Налимова и идеи наследия семьи Рерихов *300*

М. В. Петриченков. Размышления о бессмертии *319*

Ж.-П. И. Маньешули, Л. Х. Нурмухамедов. Категория свободы как предмет философской рефлексии Бенедикта Спинозы *323*

Е. М. Егорова. О значении научного обоснования рериховского понимания Общины как единения в духе и сознании *326*

Т. В. Аверьянова. Об особенностях издания книги Учения Живой Этики «Община» *332*

Е. И. Галицкая. Учение живой этики в повести-сказке Н. Д. Спириной «В стране, где всё возможно» *336*

Л. Б. Кудесова. «В дымке веков» (сказки, сказания, легенды Н. К. Рериха и Новгородский край) *342*

А. А. Савкина. «Времён минувших небылицы». Выставка в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов *351*

Д. Н. Попов. Элементы сюрреализма в творчестве Николая Рериха *362*

М. А. Гуренович. Талантливый педагог Я. Ф. Ционглинский (к истории преподавательской деятельности в Рисовальной школе Императорского общества поощрения художеств) *375*

С. В. Ляшенко. Современники Н. К. Рериха: художник-баталист Н. С. Самокиш и художник-карикатурист Е. П. Щербов *381*

Т. С. Новикова. Рериховское наследие в провинции России: дом управляющего графа Орлова-Давыдова в селе Обуховка Старооскольского района Белгородской области *394*

Т. С. Матехина. Переписка А. В. Щекатихиной-Потоцкой и М. Н. Потоцкого с Митусовыми в 1924–1936 гг. *405*

Л. В. Бузина. Ещё один ученик Н. К. Рериха *416*

Л. Х. Нурмухамедов. Письмо митрополита А. И. Введенского (по материалам архива ученика Н. К. Рериха художника А. А. Громова) *422*

А. П. Соболев. Борис Георгиев – странствующий пилигрим, ученик и сотрудник в духе *433*

С. А. Смирнов. Реставрация басменного оклада иконостаса Казанской церкви в Перми, выполненного Н. К. Рерихом *445*

IV. ИЗ ФОТОАЛЬБОМА КОНФЕРЕНЦИИ

Государственный Эрмитаж, Зал Совета. 7 октября 2016 года *456*

Санкт-Петербургский государственный университет. Петровский зал. 8 октября 2016 года *462*

Музей-институт семьи Рерихов. 9 октября 2016 года *469*

Иллюстрированное научно-художественное издание
«Рериховское наследие»
Труды конференции
Том XVI

Цитаты из «Учения Живой Этики» (Агни-Йоги) даны по тексту, размещенному на сайте Общества Агни-Йоги (Нью-Йорк) в сети Интернет: http://agniyoga.org/ay_ru/ay_ru_downloads.html.

В оформлении издания использованы концовки из журнала «Искусство и художественная промышленность» (1898–1899).

Главный редактор А. А. Бондаренко
Ответственный редактор В. Л. Мельников
Научный редактор П. И. Крылов
Выпускающий редактор А. К. Мазаева-Каненга
Литературный редактор Ю. Ю. Будникова
Корректор Е. В. Величкина
Оригинал-макет Ю. Ю. Тауриной
Обложка художника Т. А. Обатниной

Подписано в печать 27.10.2017 года. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,75. Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано в типографии
«К–8», Санкт-Петербург
Измайловский пр., д. 18-д

9 785288 057908